

Сергей Мирошниченко

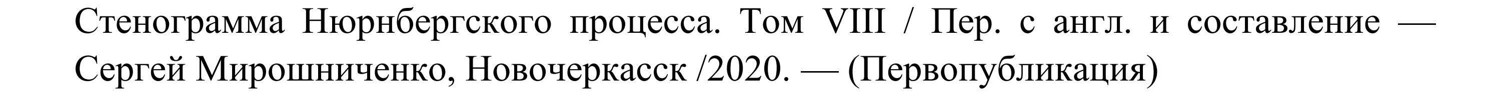
перевод, комментарии, примечания

Стенограмма Нюрнбергского процесса 8

Нюрнбергские стенограммы: полный текст

Милитера 2020

Москва — Новочеркасск

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2020. — (Первопубликация)

Том восьмой стенограммы включает в себя расшифровку судебных заседаний 8 - 23 марта 1946. В ходе этих заседаний состоялось представление доказательств защиты Геринга. Были допрошены свидетели Боденшац, Мильх, Кессельринг, Кёрнер, Бернд фон Браухич. Участники процесса провели допрос Геринга в качестве свидетеля. Защита Гесса приступила к представлению доказательств. Трибунал рассмотрел дополнительные ходатайства защиты о свидетелях и документах.

Содержание

День семьдесят седьмой

Пятница, 8 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель[1]: У меня есть три объявления.

Первое, для того, чтобы избежать излишнего перевода, защита покажет обвинению конкретные фрагменты во всех документах которые она предлагает использовать, для того, чтобы обвинение могло иметь возможность возражать не относящимся к делу фрагментам. В случае разногласий между обвинением и защитой по вопросу относимости любого конкретного фрагмента, трибунал будет решать о том какие фрагменты достаточно относятся к делу, чтобы их переводили. Необходимо переводить только цитируемые фрагменты, если обвинение не запросит перевод документа целиком.

Второе, трибунал получил ходатайство доктора Нельте, представителя подсудимого Кейтеля, с запросом о том, может ли подсудимый в целях поддержки своей памяти, делать письменные пометки во время дачи устных показаний. Трибунал разрешает использование письменных заметок подсудимым в таких обстоятельствах, если в ином случае трибунал не примет другое решение.

Третье, возникли случаи, когда одному подсудимому предоставили возможность подготовить опросные листы или получить письменные показания от свидетеля который будет вызван для дачи устных показаний в интересах другого подсудимого. Если свидетель даёт свои устные показания до того дела на котором должны приобщаться опросные листы или письменные показания, представитель в данном случае должен получить доказательства путём устного допроса вместо использования опросного листа или письменных показаний.

Это всё.

Я вызываю представителя подсудимого Геринга.

Нельте: Господин председатель, на вчерашнем заседании, вы заметили, что ходатайство номер 2, которое я представил в качестве дополнения, пока не обсуждали устно. К сожалению, я отсутствовал на вчерашнем вечернем заседании. Это вопрос последующего, формального дополнения к моим ходатайствам относительно Вестхофа[2] и Вилена[3]. Обоих свидетелей мне уже одобрили на

---

[1] Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

[2] Адольф Вестхоф (1899 – 1977) – генерал-майор Вермахта. В 1943-1944 начальник службы по делам военнопленных ОКВ.

[3] Макс Вилен (1883 - ?) – Оберштурмбаннфюрер СС. Начальник Гестапо и Крипо в Бреслау. Британским трибуналом осуждён к пожизненному заключению. Освобожден в 1952.

открытом заседании трибунала. Я снова указал эти имена только для того, чтобы закончить своё ходатайство.

В качестве дополнения я указал только государственного секретаря Штуккарта[4], свидетеля которого мне уже одобрили по решению трибунала. Поэтому, мне кажется, что мне не нужно обсуждать это дополнительное ходатайство, и что у обвинения нет возражений.

Председатель: Да, доктор Нельте, генерал Вестхоф и Вилен уже одобрены для вас, и нет необходимости в дальнейшем ходатайстве.

Нельте: Ваша честь, мне также одобрили государственного секретаря Штуккарта?

Председатель: Вестхоф и Вилен уже одобрены вам, и нет необходимости в дальнейшем ходатайстве. Боюсь мне трудно вспомнить имена. Думаю, вам одобрили Штуккарта.

Нельте: Да.

Председатель: Да, мне сказали, что это так.

Тома: Господин председатель, на вчерашнем вечернем заседании моё имя упоминалось в следующей связи: я заявил только письменные ходатайства, и я должен представить их устно. Я полагаю, что это относится к письменному ходатайству, поданному вместе с моим документом и списком свидетелей, в котором, в довольно длинном письменном ходатайстве, я просил о том, чтобы мне дали разрешение представить доказательства в отношении исторических документов, цитат из теологических и философских работ, которые считались важными во времена публичной власти Розенберга. Я прошу вашу честь проинформировать меня о том, стоит ли вопрос об этом ходатайстве.

Я хочу повторить: председатель вчера мне сказал о том, что я должен повторить своё письменное ходатайство устно. Поэтому я хочу спросить относится ли это к письменной просьбе, которую я вручил вместе со списком своих свидетелей и документов.

Председатель: Доктор Тома, насколько известно трибуналу, всё это будет разрешено в письменном распоряжении трибунала по вашему ходатайству. Сейчас, на самом деле, неудобно рассматривать эти вопросы посредством устных просьб, но всё, что было в вашем письменном ходатайстве будет разрешено письменным распоряжением трибунала. Конечно же, это будет в рамках распоряжения, которое я сделал этим утром, для того, чтобы гарантировать, что не будет ненужного перевода кроме абсолютно необходимого.

Штамер: Господин председатель и уважаемый суд, перед тем как я начну свою

---

[4] Вильгельм Штуккарт (1902 — 1953) — государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства науки, искусств и народного образования (3 июля 1934 года — 14 ноября 1934 года), государственный секретарь министерств внутренних дел Рейха и Пруссии (30 июня 1936 года — 30 апреля 1945 года), исполняющий обязанности рейхсминистра внутренних дел и рейхсминистра науки, воспитания и народного образования (3 мая — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), Американским трибуналом был приговорён к 3 годам лишения свободы

презентацию я прошу принять два дополнительных ходатайства. Мне известно о том, что дополнительные запросы подобные этому нужно заявлять в письменном виде. Но поскольку это предмет нескольких запросов, я хочу попросить вашего решения о том должен ли я заявить эти ходатайства сейчас или трибунал желает письменный документ.

Председатель: Вы можете приобщить вашу просьбу сейчас, устно, но мы бы предпочли иметь её в письменном виде как можно скорее.

Штамер: Первым я называю майора Буца, который находится в заключении в Нюрнберге в качестве свидетеля следующих фактов: рейхсмаршал Геринг летом 1944 постоянно возражал мерам о которых приказал Гитлер[5] против авиаторов принимавших участие в террористических атаках. Более того, ему известно, что ни Люфтваффе, ни Вермахт не отдавали никакого приказа соответствующего приказам Гитлера о лётчиках-террористах. Наконец, он может дать показания о следующем: в мае 1944 в Мюнхене офицер Люфтваффе защитил лётчика, который выбросился с парашютом от самосуда, который хотела учинить толпа. Гитлер, узнав об этом инциденте, потребовал от Геринга указать этого офицера и наказать его. Несмотря на постоянные запросы Гитлера, Геринг не назвал офицера, хотя и знал его, и таким образом защитил его. Это ходатайство о свидетеле Буце. Ещё одна дополнительная просьба по поводу следующего: на заседании 14 февраля 1946 советское обвинение заявило, что германское военное соединение, штаб 537-го инженерного батальона, осуществило массовые расстрелы польских военнопленных в лесах рядом с Катынью. В качестве ответственных лиц соединения были указаны полковник Аренс[6], лейтенант Рекс и оберлейтенант Годт. В качестве доказательства обвинение сослалось на официальное сообщение Чрезвычайной государственной комиссии Советского Союза которой было приказано расследовать факты известного дела Катыни. Я пока не получил документ. В результате публикации в прессе этой речи обвинения, объявились военнослужащие штаба группы армий «Центр», которому непосредственно подчинялся штаб 537 и который находился в 4-5 километрах от штаба 537.

В этой связи указываются следующие свидетели:

Полковник Аренс, в то время командир 537, позже начальник вооружений армии и командующий вспомогательной армией; лейтенант Рекс, вероятно взятый в плен в Сталинграде; лейтенант Годт, вероятно взятый в плен русскими около Кёнигсберга; генерал-майор войск связи Ойген Оберхойзер[7], вероятно взятый в плен

---

[5] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основательтоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии(1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[6] Фридрих Аренс (1898 - ?) – Полковник Вермахта. В 1941-1944 командир 537-го полка связи группы армий «Центр».

[7] Ойген Оберхойзер (1889 – 1957). Генерал-лейтенант войск связи, начальник связи главнокомандования Вермахта на Западе в октябре 1944-марте 1945 . В 1941 году – начальник связи группы армий «Центр».

американцами; лейтенант граф Берг – позже ординарец фельдмаршала фон Клюге[8] – пленный в британских руках в Канаде. Остальных военнослужащих частей, которых обвиняют тоже нужно назвать. Я вызываю этих свидетелей, чтобы подтвердить, что вывод, о виновности Геринга сделанный обвинением в вышеуказанном заявлении не обоснован обвинительным заключением.

Этим утром, я получил ещё одно сообщение касающееся этого же вопроса, что ведёт к следующей просьбе: профессор Навиль[9], профессор судебной медицины в университете Женевы, провёл тогда совместно с международной комиссией в Смоленске обследование тел. Он установил по состоянию сохранности трупов, по запискам обнаруженным в карманах их одежды и посредством других доказательств, что деяние должно было быть совершено в 1940 году.

Таковы мои просьбы.

Председатель: Если вы предъявите эти просьбы в письменном виде, трибунал их рассмотрит.

Штамер: И теперь я перехожу к…

Председатель: Минуточку, доктор Штамер, если вы хотите сообщить своё письменное ходатайство обвинению, оно сможет письменно заявить о своих возражениях. Вам нужно сделать это как можно быстрее. Предоставьте нам как ваше письменное заявление, так и ответ обвинения на него.

Штамер: Трибунал своим решением от 11 декабря 1945 распорядился о том, что защита вправе только на одну речь. Это произойдёт только после завершения заслушивания доказательств. Трибунал немного позже распорядился о том, что на данной стадии процесса допускаются пояснительные фразы в связи с представлением документов защиты. Я уже назвал свидетелей. Об их допуске уже принято решение за исключением сегодняшней просьбы, и с разрешения суда я скоро вызову свидетеля. Перед тем как сделать это, я хочу сделать следующие комментарии к документам, на которые я сошлюсь в ходе своей заключительной речи:

Обвинение постоянно вменяло подсудимому нарушение Версальского договора[10]. По мнению защиты, это обвинение не является обоснованным. Подробные заявления по данному вопросу относятся к заключительной речи защиты и поэтому будут рассмотрены в ней. Настоящая часть процесса относится только к представлению документов которые будут использованы в поддержку утверждения о том, что не Германия нарушала договор, а Германский Рейх больше

---

[8] Гюнтер фон Клюге (1882 — 1944) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). В 1942-1943 командующий группой армий «Центр». Вскоре после провала заговора против Гитлера покончил с собой.

[9] Франсуа Навиль (1883 - 1968) — швейцарский врач. Приват-доцент неврологии (1912), профессор кафедры судебной медицины (1928), а затем профессор и директор Института судебной медицины (1934) Женевского университета. Декан медицинского факультета (1948—1950). Президент Швейцарского общества неврологии (1930—1932). В 1943 в составе немецкой комиссии проводил исследование тел захороненных в Катынском лесу.

[10] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов

не был им связан. Я приобщаю Четырнадцать пунктов[11] американского президента Вильсона[12], которые являлись основой для договора, они общеизвестны и поэтому не требуют дальнейшего подтверждения в соответстви с параграфом 21 устава.

Версальский договор уже представлен трибуналу. Он был опубликован в «Reichsgesetzblatt[13]», 1919, страница 687. Из этого Версальского договора, статья 8 и часть V являются важными для интерпретации. Эти нормы постольку, поскольку они представляют здесь интерес, гласят следующее – я цитирую первые четыре абзаца статьи 8:

> «Члены Лиги[14] признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением.
>
> Совет, учитывая географическое положение и особые условия каждого государства, подготовляет планы этого ограничения в целях рассмотрения и вынесения решения различными Правительствами.
>
> Эти планы должны составить предмет нового рассмотрения, а, в случае надобности, пересмотра, по меньшей мере, каждые десять лет.
>
> После их принятия различными Правительствами, предел вооружений, установленный таким образом, не может быть превышаем без согласия Совета».
>
> Первый абзац части V гласит:
>
> «С целью сделать возможной подготовку общего ограничения вооружений всех наций, Германия обязуется строго соблюдать установленные ниже положения – военные, морские и воздушные».

Эти нормы означают, что не только Германия должна была разоружаться, но также, что и подписанты договора тоже были обязаны разоружиться. Однако, Германия первой приступила к разоружению. Германия полностью выполнила эту обязанность.

17 февраля 1927 маршал Фош[15] заявил: «Я могу заверить вас в том, что

---

[11] Четырнадцать пунктов Вильсона — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918 года. Включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций). Неохотно одобренная союзниками США, эта программа частично легла в основу Версальского мира.

[12] Вудро Вильсон (1856 — 1924) — 28-й президент США (1913—1921). Второй срок его президентства был отмечен вступлением США в Первую мировую войну (март 1917 года) и активными дипломатическими усилиями Вильсона по мирному урегулированию, выраженными в «Четырнадцати пунктах». Вильсон стал первым президентом США, посетившим с официальным визитом Европу (для участия в работе Парижской мирной конференции).

[13] «Правительственная газета» — газета правительства Германии издававшаяся с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

[14] Лига Наций — международная организация основанная в 1919 году. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

[15] Фердинанд Фош (1851— 1929) — французский военный деятель, военный теоретик. Французский военачальник

Германия действительно безоружна».

Таким образом, подписанты пакта должны были выполнить обязанность по разоружению. Так как они не разоружились, Германия больше не была связана пактом в соответствии с общими принципами права, и она была вправе отказаться от своих обязательств.

Такая интерпретация согласуется с точкой зрения которую выражали как французские так и английские государственные деятели. Таким образом, я хочу сослаться на речь Поль-Бонкура[16] 8 апреля 1927, в которой Бонкур заявил следующее – я цитирую из документальной книги 1, страница 28:

> «Правильно, что введение к части V Версальского договора касается ограничения вооружений возложенного на Германию в качестве предпосылки и в качестве залога всеобщего ограничения вооружений. Этим очень чётко проводится разница между ограничениями вооружений Германии и схожими ограничениями вооружений которые по ходу истории возлагались после завершения войн. На этот раз эти нормы – и в этом их суть – возложены не только на одного из подписантов договора, но они скорее являются долгом, с моральной и правовой ответственностью, для других подписантов, приступить к всеобщему ограничению вооружений».

Далее, я хочу сослаться на речь Дэвида Ллойд-Джорджа[17] от 7 ноября 1927, в которой он в частности описывает меморандум к проекту ноты от 16 июня 1919, как – и я цитирую из документальной книги 1, страница 26:

> «…документ, который мы вручили Германии как торжественную клятву со стороны Британии, Франции, Италии, Бельгии и 20 других наций следовать примеру Германии после её разоружения».

Версальский договор считался горькой несправедливостью не только немецким народом – было много голосов в зарубежных странах которые называли договор крайне несправедливым в отношении Германии. Я цитирую из «Предупреждений и пророчеств» Ротемира[18], документальная книга 1, страница 30:

> «Германия обоснованно считает, что её обманули в Версале. Под предлогом…»

времён Первой мировой войны, маршал Франции с 6 августа 1918 года. После начала Весеннего наступления, масштабной операции Германской империи с целью прорыва фронта, Фош был назначен Главнокомандующим союзными войсками.

[16] Жозеф Поль-Бонкур (1873 — 1972) — французский государственный и политический деятель периода Третьей республики. Дипломат. Министр труда и социального обеспечения Франции со 2 марта по 26 ноября 1911. Военный министр Франции с 3 июня по 18 декабря 1932. Премьер-министр Франции с 18 декабря 1932 по 31 января 1933. Министр иностранных дел Франции с 18 декабря 1932 по 30 января 1934. Министр национальной обороны и военный с 4 по 9 февраля 1934. Государственный министр, постоянный делегат в Женеве с 24 января по 4 июня 1936. Министр иностранных дел Франции с 13 марта по 10 апреля 1938.

[17] Дэвид Ллойд-Джордж (1863 — 1945) — британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916—1922).

[18] Гарольд Хэрмсфорт, лорд Ротемир (1868 – 1940) – крупный английский издатель. Основоположник популярной журналистики.

Джексон: [*Прерывая*] Я обращаю внимание трибунала на тот факт, что документы сейчас оглашаемые под протокол являются документами, которые как я понимаю, были исключены трибуналом как не относящиеся к делу при рассмотрении вопроса ранее. Это вопросы, имеющие дурную славу и не было секретом, что они не приобщались в качестве доказательств, но я думаю, что их оглашение под протокол является нарушением решения самого трибунала.
Председатель: Доктор Штамер, трибунал подозревает, что эти документы были исключены, и он послал за подлинным протоколом своих распоряжений. Но я должен сказать, что трибунал ожидает от защитников выполнения распоряжений без оглашения документов, которые распорядились не зачитывать.

[*В этот момент подсудимого Гесса вывели из зала суда*]

Штамер: Мне продолжать?
Председатель: Разумеется.
Штамер:

> «Под предлогом того, что это будет первым шагом к всемирному разоружению, Германию вынудили разоружиться. На самом деле, Великобританию также ввели в заблуждение. Она на самом деле продолжала разоружаться в течение 15 лет. Но с того дня как были подписаны различные мирные договоры Франция поощряла ряд малых государств к сильному перевооружению и в результате спустя 5 лет после Версаля, Германия была сжата гораздо более тесным обручем нежели чем за пять лет до мировой войны. Неизбежным было то, что германский режим, который отказался от Версаля, при первой возможности сильно вооружиться. Было очевидно, что его оружие, дипломатически, если и не в прямом смысле слова, должно быть направлено против версальских держав».

Таким же образом оспаривался Локарнский пакт[19], нарушение которого вменяется подсудимому, и что касается защиты то необоснованно.

Германия отказалась от этого пакта и была вправе сделать это, потому что Франция и Советская Россия подписали пакт военного сотрудничества[20], хотя Локарнский пакт предусматривал гарантию французской восточной границы. Этот поступок Франции, по мнению Германии, резко противоречил правовой ситуации созданной Локарнским пактом.

---

[19] Локарнские договоры 1925 года — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций.

[20] Франко-советский пакт о взаимопомощи — соглашение о военной помощи между Францией и СССР, заключённое 2 мая 1935 года. Договор знаменовал существенный сдвиг в советской политике от позиции противодействия Версальскому договору к более прозападной политике,

В речи уполномоченного фон Риббентропа в Лиге Наций от 19 марта 1936, это мнение было выражено следующими словами – я цитирую из документальной книги 1, страница 32:

Председатель: Доктор Штамер, у меня есть распоряжение трибунала от 26 февраля 1946 и параграф 4 этого распоряжения звучит следующим образом: «В следующих документах отказано как не относящихся к делу» и затем заголовок «Геринг» и четвёртый из документов это речь Поль-Бонкура 8 апреля 1927, и шестой это речь Ллойд-Джорджа от 7 ноября 1927, которую вы не читали, но которую вы включили свой судебный обзор. Я снова обращаю ваше внимание и внимание всех защитников на тот факт, что им не позволено читать какой-либо документ в котором было отказано трибуналом. Продолжайте.

Штамер: Данная цитатат следующая:

> «…однако, также чётко видно, что если мировая держава подобная Франции, руководствуясь своим суверенитетом, может решать в вопросе заключения военных альянсов таких больших пропорций не сомневаясь по вопросу существующих договоров, другая мировая держава подобная Германии по крайней мере имеет право обеспечивать защиту всей территории Рейха путём воссоздания внутри своих границ естветственных прав суверенной державы которые предоставлены всем народам».

Перед тем как перейти к вопросу агрессивной войны я намерен, с разрешения трибунала, вызвать первого свидетеля, генерала воздушных сил Боденшаца[21].

Председатель: Да, разумеется.

[*Свидетель Карл Боденшац занимает место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?

Боденшац: Карл Боденшац.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я говорю чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Можете сесть, если хотите.

Штамер: Генерал Боденшац, с какого времени вы знаете рейхсмаршала Геринга?

Боденшац: Рейхсмаршала Геринга я знаю с июня 1918 года.

Штамер: Какую должность он занимал, когда вы познакомились с ним?

---

[21] Карл-Генрих Боденшац (1890 — 1979) — немецкий офицер, генерал авиации во Вторую мировую войну, адъютант Германа Геринга.

Боденшац: Я познакомился с ним, когда он был командиром истребительной эскадрильи - «Рихтгофен». До этого я был адъютантом погибшего барона фон Рихтгофена[22].

Штамер: По окончании Первой мировой войны вас приняли в Рейхсвер?

Боденшац: По окончании Первой мировой войны меня приняли в Рейхсвер в качестве строевого офицера, и я оставался там с 1919 до апреля 1933.

Штамер: Когда, после завершения мировой войны вы возобновили свою связь с Герингом?

Боденшац: В ноябре 1918 я находился с Герингом в Ашшаффенбурге на демобилизации эскадрильи Рихтгофена и позже, весной 1919 я снова находился с ним несколько недель в Берлине. Там наши пути разошлись. Потом я впервые встретил Геринга на его первой свадьбе и мне кажется, что это был 1919 или 1920. Не помню точно. До 1929 между нами не было связи. В 1929 и до 1933, я встречал Германа Геринга несколько раз здесь в Нюрнберге, где я был командиром роты в 21-м пехотном полку. Мои встречи здесь в Нюрнберге были исключительно с целью поддержания старой дружбы.

Штамер: В 1939 году вы поступили на службу в военно-воздушные силы?

Боденшац: В 1933 году я явился к Герману Герингу в Берлин, когда он был рейхскомиссаром авиации, и начал работать у него в качестве военного адъютанта.

Штамер: Как долго вы находились в этой должности?

Боденшац: В качестве адъютанта я оставался до 1938 года. В 1938 году я стал начальником канцелярии министра.

Штамер: Какую должность вы занимали во время войны?

Боденшац: Во время войны я был офицером связи между главнокомандующим воздушными силами и главной ставкой.

Штамер: Вы находились обычно в главной ставке или где?

Боденшац: Я находился попеременно то в ставке фюрера, то в ставке главнокомандующего воздушными силами.

Штамер: Когда вы покинули этот пост?

Боденшац: Я покинул этот пост 20 июля 1944[23], потому что меня серьёзно ранило в тот день.

Штамер: Какова была причина вашего ранения?

Боденшац: Заговор против Гитлера.

Штамер: Вы присутствовали?

Боденшац: Да.

[22] Манфред фон Рихтгофен (1892 — 1918) — германский лётчик-истребитель, ставший лучшим асом Первой мировой войны с 80 сбитыми самолётами противника. Он широко известен по прозвищу Красный Барон

[23] Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных Вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года. Следствием неудачи заговора стали казнь большинства его участников и репрессии против других участников немецкого Сопротивления.

Штамер: Какими были ваши обязанности в ставке фюрера?

Боденшац: В ставке фюрера в мои обязанности входило информировать об особых событиях, особых вопросах, запросах и пожеланиях рейхсмаршала если он отсутствовал и передавать их. Я также должен был передавать запросы от ставки фюрера напрямую Герману Герингу. Затем я должен был информировать Германа Геринга заранее, то есть, не через официальные каналы, обо всём, что происходило в ставке фюрера постольку, поскольку это представляло для него интерес как для рейхсмаршала.

Штамер: Вы регулярно присутствовали на совещаниях?

Боденшац: Я был слушателем на этих совещаниях.

Штамер: Начиная, с какого времени рейхсмаршал Геринг утратил своё влияние на Гитлера?

Боденшац: По моему личному мнению и убеждению, Герман Геринг начал терять влияние на Гитлера весной 1943.

Штамер: В чём заключалась причина?

Боденшац: Она заключалась в начале крупномасштабных воздушных атак РАФ[24] на германские города и с этого момента существовали разногласия между Гитлером и Герингом, которые становились серьёзнее с течением времени. Хотя Геринг прилагал огромные усилия, он не смог восстановить своё влияние на фюрера в той же мере как раньше. Внешними признаками этой потери влияния были следующие:

Во-первых, фюрер очень сильно критиковал Геринга. Во-вторых, постоянные беседы между Адольфом Гитлером и Германом Герингом стали короче, менее частыми, и наконец, полностью прекратились. В-третьих, что касается важных совещаний, рейхсмаршала не вызывали. В-четвёртых, в течение последних месяцев и недель напряжённость между Адольфом Гитлером и Германом Герингом дошла до такой степени, что его, в конце концов, арестовали.

Штамер: Вам, что-нибудь известно об этом аресте? В чём заключалась причина?

Боденшац: У меня нет точной информации об этом. Я могу сказать только о том, что слышал. Тогда я находился в Бад Рейхенхалле в военном госпитале. Я просто слышал, что рейхсмаршал Геринг направил фюреру телеграмму и в этой телеграмме Геринг запрашивал, что поскольку у фюрера нет свободы действий, то может ли он действовать лично. Из-за этой телеграммы которую направили по радио в Берлин, состоялся арест. Я хочу подчеркнуть, что я только слышал об этом. У меня нет никаких доказательств этих заявлений.

Штамер: Кто произвёл арест?

Боденшац: Я не могу вам этого сказать, потому что я ничего не знаю. Однако я слышал, что арест произвела команда СС из Оберзальцберга.

Штамер: Фельдмаршал Геринг заранее имел какие-нибудь сведения об инцидентах

---

[24] Аббр. с англ. Royal Air Force – Королевские воздушные силы.

против евреев происходивших в ночь с 9 на 10 ноября 1938[25]?
Боденшац: Геринг заранее не имел никаких сведений об этих инцидентах. Я сделал вывод по его настроению – как он выражался со мной по поводу этих инцидентов. Он выражался следующим образом: когда он услышал об этих событиях, он был насторожён и осудил их. Несколько дней спустя он пошёл с доказательствами к фюреру и пожаловался на людей, которые подстрекали эти инциденты. Капитан Видеман[26], адъютант фюрера может сообщить подробнее об этом предмете под присягой.

Спустя несколько недель Герман Геринг созвал всех гауляйтеров в Берлин для того, чтобы чётко выразить своё отношение к инцидентам 9-го и 10-го. Он жёстко возражал этим актам индивидуального варварства. Он резко критиковал их как несправедливые, как экономически не разумные и вредящие нашему престижу за рубежом. Бывший гауляйтер, доктор Юбиррейтер[27], который принимал участие в этом совещании уже привёл конкретные подробности под присягой.
Штамер: Присутствовали ли вы на совещании, состоявшемся в начале августа 1939 года в Сенке Ниссен Куг, недалеко от Хузума?
Боденшац: Я лично участвовал в этом совещании.
Штамер: Кто там присутствовал?
Боденшац: Насколько я помню, Герман Геринг, господин Далерус[28] из Стокгольма, 6—8 англичан, видных деятелей английской экономики, имен которых я уже не помню, затем я и в качестве переводчика министериальрат, доктор Бекер.
Штамер: Можете ли что-либо сообщить о содержании этого совещания?
Боденшац: Я, конечно, точно не помню, что говорилось, но я могу сказать, что Герман Геринг сделал следующие заявления…
Председатель: Доктор Штамер, свидетель сказал, где проходило совещание?
Штамер: Да.
Председатель: Вы скажите нам, где оно проходило?
Штамер: [*Свидетелю*] Пожалуйста, повторите, где проходило совещание.
Боденшац: Совещание проходило в начале августа в Сенке Ниссен Куге рядом с Хузумом, Шлезвиг-Гольштейн.
Штамер: Пожалуйста, продолжайте. Вы собирались рассказать нам о теме этого совещания.

---

[25] Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин — еврейский погром (серия скоординированных атак) по всей нацистской Германии, части Австрии и в Судетской области 9—10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами. Полиция самоустранилась от препятствования этим событиям. В результате нападений многие улицы были покрыты осколками витрин принадлежавших евреям магазинов, зданий и синагог.
[26] Фриц Видеман (1891 — 1970) — немецкий офицер, адъютант Адольфа Гитлера в 1935-1939, впоследствии дипломат.
[27] Зигфрид Юбиррейтер (1908 – 1984) – австрийский нацистский политик. Гауляйтер Штирии в 1938 – 1945. С 1941 года начальник гражданской администрации Нижней Штирии (оккупированной части Югославии). В 1947 скрылся в Аргентине.
[28] Биргер Далерус (1891 - 1957) - шведский предприниматель, дипломат-любитель и друг Германа Геринга.

Боденшац: Я повторяю суть. Смысл того, что говорил Герман Геринг, примерно следующий: Англия и Германия находятся в чрезвычайно напряженных политических взаимоотношениях, ни в коем случае нельзя допустить еще большего обострения этих отношений или возникновения угрозы миру. Благосостояние и экономика наших стран могут процветать только при условии соблюдения мира. Германия и Европа очень заинтересованы в существовании Британской империи. Герман Геринг подчеркнул, что он готов приложить все усилия к тому, чтобы сохранить мир. Он просил британских деловых лидеров по возвращении в Англию оказать влияние на руководящие инстанции в этом направлении.

Штамер: Говорил ли вам рейхсмаршал Геринг о том, какой должна быть политика Рейха с его точки зрения? Когда и при каких условиях имели место такие разговоры?

Боденшац: Герман Геринг говорил со мной на эту тему часто в 1938 и в 1939 гг., особенно после Мюнхенского соглашения[29]. Эти разговоры обычно велись после доклада или иногда в его специальном поезде. Герман Геринг всегда придерживался той точки зрения, что политика Рейха должна осуществляться таким образом, чтобы по возможности не допускать войны. Герман Геринг подробно остановился на этой мысли в беседе, которую он имел с гауляйтерами летом 1938 года в Каринхалле. Доктор Юбиррейтер о котором я уже сказал, дал об этом показания под присягой.

Штамер: Фельдмаршал Геринг говорил с вами перед отъездом в Мюнхен в сентябре 1938?

Боденшац: Перед тем как поехать в Мюнхен, он сказал мне о том, что сделает всё возможное в его власти для мирного урегулирования. Он сказал: «Нельзя допустить войны». Для этого он оказывал на фюрера своё влияние и в ходе переговоров в Мюнхене он работал решительно ради сохранения мира. Когда он вышел из конференц-зала в Мюнхене, он неожиданно сказал: «Это означает мир».

Штамер: Он часто обсуждал с вами, по какой причине он был против войны в связи с чем?

Боденшац: Мы очень часто разговаривали об этих темах. Он всегда говорил мне:

> «В Первую мировую войну в качестве офицера пехоты и офицера авиации я постоянно находился на фронте. Я знаком с ужасами войны и поэтому моё отношение заключается в том, чтобы уберечь немецкий народ от этих ужасов. Моя амбиция заключается в мирном разрешении конфликтов».

В целом, его мнение заключалось в том, что война это всегда рискованное и ненадёжное дело. Даже если ты выигрываешь войну, преимущества вообще никак не сопоставимы с ущербом и принесёнными жертвами. Если ты проигрываешь

---

[29] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года иподписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

войну, тогда, в нашем положении, потеряно всё. Наше поколение уже испытало ужасы великой мировой войны и её горькие последствия. Немыслимо было думать, что это же самое поколение переживёт ещё одну войну.

Я хочу добавить, что Герман Геринг, согласно своим внутренним помыслам и характеру никогда не склонялся к войне. Не было ничего более далёкого от его мыслей, чем война.

Штамер: Геринг обсуждал с вами, что он желает, чтобы цели достигались путём перевооружения которое проводила Германия. Когда и по какому поводу?

Боденшац: Герман Геринг говорил со мной об этих вопросах в 1935 году, после провозглашения Wehrfreiheit[30]. Он описывал германское перевооружение, после безуспешных попыток добиться всеобщего ограничения вооружения, как стремление к равенству в вооружениях с другими странами, для того, чтобы сотрудничать с другими державами в мировой политике на равных правах.

Штамер: Беседы такого рода также проходили после 1935?

Боденшац: Да. Время от времени мы возобновляли такие беседы, и он говорил похожим образом.

Штамер: Вы узнавали у рейхсмаршала Геринга о предназначении четырёхлетнего плана?

Боденшац: Мне получилось поговорить об этом с Герингом в 1936 году, и это было после объявления о четырёхлетнем плане. Он объяснял мне его следующим образом: что в этом плане он видел средство обеспечения для Германии такого сырья которое она не могла импортировать в мирное время ввиду недостатка валюты, или импорт которого в непредвиденном случае мог быть прекращён.

Штамер: Когда и по какому поводу Геринг высказал вам своё мнение о русской кампании?

Боденшац: Ближе к концу 1941, после первых перемен в русской кампании, Герман Геринг говорил со мной о борьбе на Востоке. Он сказал мне:

> «Адольф Гитлер предвидел очень тяжёлую битву на Востоке, но он не рассчитывал на такой поворот. Перед началом кампании, я безуспешно пытался разубедить Адольфа Гитлера от его плана напасть на Россию. Я напоминал ему о том, что сам он в своей книге «Mein Kampf[31]», возражал войне на два фронта и кроме того, я отмечал, что основные силы германских Люфтваффе будут заняты на Востоке и Англия, чья авиационная промышленность была поражена, снова воспрянет и сможет восстановиться».

Председатель: Не будет ли удобно прерваться на 10 минут?

---

[30] Свобода защиты (нем.)

[31] «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал заметил, что свидетель пользуется записками, давая свои показания. Распоряжение, которое я объявил этим утром, ограничивается подсудимыми и не распространяется на свидетелей. Вместе с тем, трибунал разрешает применять такое же правило в отношении свидетелей. Однако, доказательства не следует зачитывать, распоряжение направлено на то, чтобы это содействовало воспоминаниям во время дачи показаний.

[*Обращаясь к доктору Штамеру*]

Председатель: Да, доктор Штамер.
Штамер: Вам известно обращались ли к рейхсмаршалу с просьбой о том, чтобы их родственников освободили из концентрационных лагерей или помогли им в их затруднениях с Гестапо?
Боденшац: Начальник штаба это тот человек, который может ответить на данный вопрос. Лично я только слышал о том, что об этом просили рейхсмаршала.
Штамер: Вы не занимались такими просьбами в военном отделе?
Боденшац: В военном отделе я должен был заниматься просьбами, которые касались Люфтваффе. А это были просто просьбы по поводу арестов немецких граждан которые говорили, что нет никаких причин для их ареста. Мы также получали сообщения по вопросу ареста, жестокостей и также в связи с арестами евреев. Просьбы такого рода поступали ко мне только от источников в Люфтваффе или от моего ближайшего окружения.
Штамер: Как рассматривались эти прошения?
Боденшац: Такие прошения всегда рассматривались следующим образом: большая часть прошений, представлялась рейхсмаршалу через штаб. Те прошения, которые поступали от Люфтваффе представлялись через мой отдел, и прошения которые поступали от родственников или друзей рейхсмаршала они вручали сами. В таких случаях рейхсмаршал не отказывал в помощи. В отдельных случаях он лично просил решения фюрера.

Во всех случаях, с которыми я имел дело, можно было оказать помощь.
Штамер: Много евреев обращались к Герингу с просьбами о помощи?
Боденшац: Да, евреи и в частности евреи со смешанной кровью обращались к рейхсмаршалу Герингу.
Штамер: Как рассматривали эти прошения?
Боденшац: Рейхсмаршал не отказывал в помощи, и он дал указания оказывать помощь всюду, где возможно.
Штамер: Каким в целом было отношение Геринга к человеческому обществу?
Боденшац: Социальная позиция Германа Геринга была следующей: все его чувства,

мысли и действия были подчинены социальным интересам, он был благодетелем всех нуждающихся, например, для больных людей, раненых, родственников тех кого убили в войне и военнопленных. Забота о рабочем классе была для него особенно важной. Этому есть пример: введение компенсаций для шахтёров. Каждый шахтёр который отработал 25 лет должен был получать 20000 марок. Это один из самых важных его трудов.

Штамер: Было ли вам известно об условиях в концентрационных лагерях?

Боденшац: Об условиях в концентрационных лагерях я ничего не знал.

Штамер: О концентрационных лагерях говорили в ставке фюрера во время обсуждений с фюрером или по другим поводам?

Боденшац: В ставке фюрера я никогда не слышал о том, чтобы фюрер говорил о концентрационных лагерях. Он никогда не обсуждал их в нашем кругу.

Штамер: Там обсуждался вопрос уничтожения евреев?

Боденшац: Нет, не обсуждался, во всяком случае ни в его обсуждениях со мной.

Штамер: Даже при обсуждениях военной обстановки?

Боденшац: Нет, я не помню, чтобы он, когда-нибудь обсуждал уничтожение евреев в моём присутствии во время обсуждений военной обстановки.

Штамер: Кто-нибудь ещё, что-то говорил об этом?

Боденшац: Нет.

Штамер: Даже Гиммлер[32]?

Боденшац: Он никогда не обсуждал тему с Гиммлером. Только со времени пребывания в тюрьме я слышал о том, что Гиммлер отвечал людям которые говорили с ним на эту тему: «То, что вы слышите это неправда, это не так». Лично я не обсуждал этот вопрос с Гиммлером.

Штамер: Вам известно, сколько было концентрационных лагерей?

Боденшац: Каждый знал о том, что лагеря существовали, но я не знал о том сколько их. Только после войны я узнал названия Маутхаузен[33] и Бухенвальд[34]. Я знаю только о лагере Дахау[35], потому что я выходец из Баварии.

Штамер: Вы также ничего не слышали о творившихся там зверствах?

Боденшац: Нет, об этих зверствах я ничего не слышал. Самый первый раз я услышал об этом в прошлом году, когда я докладывал рейхсмаршалу, если быть

---

[32] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

[33] Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

[34] Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

[35] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

точным, это было в середине марта 1945, когда я явился для доклада об убытии в отпуск по болезни. Рейхсмаршал сказал мне во время обеда о том, что погибло очень много евреев, и мы дорого за это заплатим. Это был первый раз, когда я услышал о преступлениях против евреев.

Штамер: У меня больше нет вопросов. Я могу передать свидетеля другим защитникам и обвинению.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать какие-нибудь вопросы свидетелю?

Латернзер: У мееня есть несколько вопросов данному свидетелю.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель в качестве офицера связи главнокомандующего Люфтваффе в ставке фюрера, вы принимали участие, как вы уже говорили, в обсуждениях военной обстановки. Вы также принимали участие в обсуждениях военной обстановки, когда фронтовые командиры докладывали Гитлеру?

Боденшац: Лично я не принимал участия в таких обсуждениях. Однако, на двух дискуссиях я находился в приёмной, однажды, когда фельдмаршал фон Клейст[36] находился на совещании, и второй раз, когда руководитель крымской армии прибыл для доклада после эвакуации Крыма. Как я говорил, меня не было на совещаниях, но я слышал, из приёмной, что были какие-то разногласия во мнениях между Гитлером и соответствующим командующим, так как они повышали голос. Это всё, что я могу сказать.

Латернзер: Вы слышали достаточно, чтобы понять суть дискуссии?

Боденшац: Нет, я не мог понять ни сути ни направления дискуссий.

Латернзер: В таком случае у меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников хочет задать вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Обвинение желает задать какие-нибудь вопросы?

Джексон: С позволения трибунала.

[*Обращаясь к свидетелю*] В настоящее время вы являетесь военнопленным Соединённых Штатов?

Боденшац: Я прошу прощения. Вы могли бы повторить вопрос. Я не понял.

Джексон: В настоящее время вы являетесь военнопленным Соединённых Штатов?

Боденшац: В настоящее время я военнопленный Соединённых Штатов.

Джексон: Вы неоднократно подвергались допросу представителями Соединённых Штатов?

Боденшац: Да, я неоднократно допрашивался представителями Соединённых

[36] Эвальд фон Клейст (1881 — 1954) — немецкий военачальник (с 1943 года фельдмаршал). Во время вторжения в СССР командовал танковой армией на южном направлении. Умер в советском плену.

Штатов.

Джексон: Вы также несколько раз консультировались с доктором Штамером, который только что допрашивал вас?

Боденшац: Да, я имел несколько бесед с доктором Штамером, который только что задавал мне вопросы.

Джексон: Эти вопросы были вам поставлены некоторое время тому назад, и вы приготовили ответы в письменном виде?

Боденшац: Эти вопросы были сообщены мне ранее, и я мог к ним подготовиться.

Джексон: По поводу концентрационных лагерей и деятельности вашего отдела при освобождении людей – как я понимаю, в ведомство Геринга поступало много ходатайств об освобождении из концентрационных лагерей?

Боденшац: Ранее я сказал о том, что просьбы об освобождении из концентрационных лагерей не поступали в мой отдел, а в штаб. Я получал только просьбы и жалобы, в которых люди просили помощи, потому что их арестовали, среди них были евреи, которых должны были арестовать.

Джексон: И эти ходатайства поступавшие вам, были многочисленными?

Боденшац: Моим сектором являлись только Люфтваффе. Наверное, было 10-20 таких ходатайств.

Джексон: И эти ходатайства поступали от людей, которым угрожало лишение свободы или же они были лишены свободы, или и то и другое?

Боденшац: Отчасти от людей, которым угрожал арест и отчасти от людей, которых уже арестовали.

Джексон: И, как я вас понял, вы вмешивались, чтобы им помочь.

Боденшац: Согласно указаниям рейхсмаршала, я помогал во всех случаях о которых мне сообщали.

Джексон: И вам известны какие-либо другие случаи, поступавшие в штаб в которых помощь заключённым не оказывали?

Боденшац: Я ничего об этом не знаю. Я только слышал от доктора Грицбаха[37], начальника штаба, что просьбы которые поступали, разрешались гуманным образом.

Джексон: Итак, те лица которым вы помогали, были невиновны в преступлениях или вы помогали тем кто был виновен в преступлениях?

Боденшац: Я помогал невиновным.

Джексон: Таким образом, вам было известно, что невиновных людей сажают в концентрационные лагеря?

Боденшац: Пожалуйста, повторите вопрос.

Джексон: Вам было известно, что невиновных людей сажают в концентрационные лагеря?

---

[37] Эрих Грицбах (1896 – 1968) – немецкий государственный деятель. Оберфюрер СС. Начальник канцелярии министра-президента Пруссии в 1936-1945.

Боденшац: Не сажают в концентрационные лагеря, а готовят к этому.
Джексон: Я подумал, вы сказали, что вмешивались по вопросам арестованных.
Боденшац: Да, их не забирали в концентрационные лагеря. Я приведу вам практический пример. Мой товарищ из эскадрильи Рихтгофена, еврей по имени Лютер, был арестован Гестапо, то есть, его не забрали в концентрационный лагерь, а сначала просто арестовало Гестапо. Его адвокат связался со мной. Я сообщил рейхсмаршалу об этом деле, и рейхсмаршал указал мне добиться освобождения этого человека из временного ареста в Гестапо Гамбурга. Он не был в концентрационном лагере. Насколько мне известно, этот случай был в 1943.
Джексон: Что ему вменяли при аресте?
Боденшац: Его арестовали за то, что он был еврей и ему сказали о том, что он совершил правонарушение против достоинства тем, что был с арийской женщиной в отеле.
Джексон: И вы сделали какие-нибудь запросы о том правдиво ли было это обвинение?
Боденшац: Я не делал таких запросов, потому что мне было не сложно добиться его освобождения. Когда я позвонил, его освободили и впоследствии он оставался под защитой Германа Геринга.
Джексон: Кому вы звонили по поводу его освобождения?
Боденшац: Начальнику управления Гестапо Гамбурга. Я не знаю его имя. Я не звонил лично, а это сделал мой помощник, министериальрат, доктор Бёттгер.
Джексон: Таким образом, Гестапо освобождало людей по просьбе Германа Геринга?
Боденшац: Не от ведомства Германа Геринга, а рейхсмаршал дал указания о том, что это нужно сделать, и это было сделано.
Джексон: Я думал, вы сказали о том, что позвонил ваш помощник. Геринг лично звонил в Гестапо?
Боденшац: Нет, он лично не звонил, не так.
Джексон: Таким образом, хотя этот человек мог быть виновен, если они принадлежали к Люфтваффе его освобождали по слову рейхсмаршала?
Боденшац: Он не был военнослужащим Люфтваффе, он был гражданским лицом. Ранее он был одним из наших товарищей по эскадрильи Рихтгофена. Он не находился в Вермахте во время войны.
Джексон: Но ваши инструкции заключались в том, что нужно было освобождать всех людей которые были евреями или которые были в Люфтваффе? Такими были ваши инструкции от Геринга?
Боденшац: Рейхсмаршал снова и снова говорил мне, что в таких делах я должен действовать гуманно, и так я и делал в каждом случае.
Джексон: Как вы узнавали, что арестованы евреи в отношении которых нет обвинений?

Боденшац: В одном случае, в случае двух семей Баллин[38] в Мюнхене, было две пожилых пары супругов, старше 70 лет. Эти две пары арестовали, и меня об этом проинформировали. Я рассказал об этом рейхсмаршалу, и он сказал мне о том, что эти две пары нужно вывезти за границу. Это был вопрос двух пар Баллин, которые в 1923[39], когда Германа Геринга серьезно ранили перед Фельдхернхалле, и он побежал к дому, приняли его и оказали ему помощь. Две этих семьи должны были арестовать.
Джексон: За что?
Боденшац: Их должны были арестовать, потому что был общий приказ о том, что евреев нужно забирать в сборные лагеря.
Джексон: И вы знали об этом приказе?
Боденшац: Я не знал о приказе. Только из-за этих примеров доходивших до меня мне стало ясно, что производится эвакуация. Я никогда лично не читал приказ и никогда о нём не слышал, потому что я не имел к нему никакого отношения.
Джексон: До вас доходили сведения о том, что евреев бросали в концентрационные лагеря просто из-за того, что они были евреями?
Боденшац: В данном случае я не говорил о концентрационных лагерях, а о том, что было приказано доставлять людей в сборные лагеря.
Джексон: Не концентрационные лагеря, а специальные лагеря? Куда они попадали из них?
Боденшац: Этого я не знаю.
Джексон: И где находился этот специальный лагерь о котором вы говорите?
Боденшац: Я не знаю, куда их должны были забрать. Мне сказали, что их должны забрать.
Джексон: Однако ни вы, ни Геринг не имели никакого подозрения о том, что если их заберут в концентрационные лагеря им будет причинён какой-либо врёд, не так ли?
Боденшац: Я ничего не знал о том, что происходило в концентрационных лагерях.
Джексон: Итак, вы говорите, что не слышали о концентрационных лагерях и, что целью спасения этих людей от попадания в них не являлось их избавление от плохого обращения?
Боденшац: Я должен повторить, что я освобождал людей из под предварительного ареста Гестапо, что не являлось концентрационным лагерем.
Джексон: Куда бы их забрало Гестапо, если не в концентрационные лагеря?
Боденшац: С какой целью Гестапо провело эти аресты мне неизвестно.
Джексон: Но вы вмешались для того, чтобы спасти их от Гестапо, так и не узнав

---

[38] Имеются в виду семьи братьев Роберта и Мартина Баллинов – мюнхенских мебельщиков еврейского происхождения. В 1923 Роберт Баллин предоставил раненому Герингу убежище в своём доме.
[39] «Пивной путч» (известен также как путч Гитлера и Людендорфа) — неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене.

есть ли у Гестапо причина для их ареста?
Боденшац: Если кого-то арестовало Гестапо, значит против него, что-то имелось.
Джексон: Но вы это не выясняли, не так ли?
Боденшац: Я уже сказал, что было общеизвестно, что этих людей забирали в сборные лагеря, а не концентрационные лагеря. Это было известно – много немцев знали о том, что их забирали. Они знали, что людей забирали в трудовые лагеря и в этих трудовых лагерях им должны были дать работу.
Джексон: Принудительный труд?
Боденшац: Это была обычная работа. Например, я знаю, что в Лодзе люди работали в текстильной промышленности.
Джексон: И где их должны были держать, пока они работали?
Боденшац: Не могу сказать, я не знаю.
Джексон: Они находились в лагере, не так ли?
Боденшац: Я не могу обо всём этом говорить, я не знаю.
Джексон: Вы не знали об этом?
Боденшац: Не имею понятия.
Джексон: В чём разница между трудовым лагерем и концентрационным лагерем? Вы сделали такое разграничение.
Боденшац: Трудовой лагерь это лагерь, в котором размещены люди без плохого обращения по отношению к ним.
Джексон: А в концентрационном лагере обращались плохо? Такие ваши показания?
Боденшац: Да. Я могу только сказать, что сейчас я обнаружил это через прессу и в результате лишения свободы. Тогда я этого не знал. Я узнал об этом из газет. Я был некоторое время военнопленным в Англии и прочёл об этом в английских газетах.
Джексон: Вы говорили о сборных лагерях, о том, что много людей знали о том, что их забирали в сборные лагеря для вывоза. Куда их забирали?
Боденшац: Я не знаю, куда они уезжали оттуда.
Джексон: Вы, когда-нибудь выясняли?
Боденшац: Никогда не выяснял.
Джексон: Вы были адъютантом человека номер 2 в Германии, не так ли?
Боденшац: Да.
Джексон: И вы никогда не стремились спросить его про концентрационные лагеря?
Боденщац: Нет, я не говорил с ним на эту тему.
Джексон: Единственной инструкцией было то, чтобы вы освобождали любого кого могли.
Боденшац: Там где было прошение или жалоба, я проверял дело и в таких случаях я содействовал.
Джексон: Вы знали о том, что Герман Геринг являлся близким соратником Гиммлера, не так ли?
Боденшац: Я не знал, что он был соратником Гиммлера, потому что, он никогда не

работал с ним напрямую. Гиммлер часто приходил для дискуссий с Германом Герингом, но это были беседы за закрытыми дверями.

Джексон: А вам известно, что он был не только другом, но и помогал Кальтенбруннеру на его посту, когда Кальтенбруннера назначили на должность, не так ли?

Боденшац: Нет, я это не знаю.

Джексон: Вы это не знаете?

Боденшац: Я не знал о том, что рейхсмаршал Геринг рекомендовал Кальтенбруннера на должность. Моя деятельность ограничивалась военным сектором. Я был военным адъютантом рейхсмаршала. Я не имел никакого отношения к этим вопросам.

Джексон: Вы имели какое-нибудь отношение к процедуре создания арийца из полуевреев?

Боденшац: По вопросу смешанной крови, запросы касавшиеся Люфтваффе поступали ко мне, и фактически, офицеры, в соответствии с правилами, должны были увольняться если имели смешанную кровь. Во многих случаях рейхсмаршал давал указания о том, чтобы таких офицеров не увольняли.

Джексон: Что делалось для этого?

Боденшац: В таких случаях начальника управления личного состава инструктировали не увольнять таких офицеров.

Джексон: И в каких-то случаях существовал некого рода приказ, не так ли, о том, чтобы были истинные арийцы, несмотря на еврейское отцовство?

Боденшац: Сейчас я не помню о таких случаях.

Джексон: Вы говорили о прошениях, о помощи Герингу поступавших из широких масс народа, и прошениях поступавших в его штаб. Правильно?

Боденшац: Да.

Джексон: И кто был главой этого штаба?

Боденшац: Главой штаба являлся начальник штаба, доктор Грицбах.

Джексон: Сколько у него было помощников?

Боденшац: Было три отдела, отдел прессы с доктором Гернером, и личный секретариат – было три отдела.

Джексон: С кем они говорили об этих вопросах, вы знаете?

Боденшац: Эти господа, как и я сам, доносили эти вопросы рейхсмаршалу.

Джексон: Значит, он был полностью информирован о том, что вы делали и о том, что делали они?

Боденшац: Пожалуйста, повторите вопрос.

Джексон: Рейхсмаршал был полностью информирован об этих ходатайствах к вам и в другие отделы?

Боденшац: Его информировал я.

Джексон: И, как я понимаю, насколько вам известно он никогда не упускал

возможность оказать своё содействие чьему-либо ходатайству, которое ему представили?

Боденшац: В отношении просьб адресованных в моё ведомство или лично мне, он никогда не отказывал в содействии и действительно оказывал помощь.

Джексон: И никогда не выяснял о виновности или невиновности человека, которому помогал?

Боденшац: Они были невиновными, это чётко устанавливали.

Джексон: Итак, вы присутствовали 20-го июля при взрыве бомбы, я так понял ваши показания адвокату?

Боденшац: 20 июля я присутствовал на собрании и стоял рядом с бомбой.

Джексон: Где был в тот день Герман Геринг?

Боденшац: Герман Геринг находился в своей ставке в 70 километрах от ставки фюрера.

Джексон: Всего в 70 километрах, это правильно? И в какое время вас проинструктировали представлять его на совещании?

Боденшац: Меня не инструктировали представлять его на этом совещании. Я принимал участие в совещании, как и остальные, в качестве слушателя. У меня не было никаких приказов представлять Геринга, представлять его в ставке фюрера. Я просто находился в ставке фюрера для того, чтобы информировать его о том как идут дела.

Джексон: Вы представляли его, чтобы слушать, но не говорить, правильно?

Боденшац: Я мало говорил за эти годы. Я был просто слушателем и должен был информировать его о том, что происходит на совещании, о том, что его интересует в как рейхсмаршала.

Джексон: Насколько заранее вас проинструктировали присутствовать на этом совещании?

Боденшац: На встрече? 20 июля? 19 июля у меня было особое поручение, принять участие в лагере Мюнстера в смотре итальянской дивизии. 20 июля в полдень, я прилетел в ставку фюрера, вручил Гитлеру военную сводку и Гитлер сказал мне: «Приходите, обсудим обстановку». Я не хотел идти, но я пошёл с ним, и спустя 15 минут состоялось покушение.

Джексон: Кто направил это сообщение? Чьё сообщение вы доставили?

Боденшац: Тогда рейхсмаршал Геринг поручил мне присутствовать на смотре итальянской дивизии в лагере Мюнстера и рассказать фельдмаршалу Грациани[40] о том, что состав этой дивизии должен быть использован для укомплектования зенитных орудий. После выражения фельдмаршалом Грациани своего несогласия с этим, я был обязан полететь в ставку фюрера. Предполагалось, что я должен поехать

[40] Родольфо Грациани (1882 — 1955) — итальянский военный и государственный деятель, маршал Италии (1936 год); занимал ряд государственных должностей в колониальных владениях Италии, участник Североафриканской кампании, в 1943—1945 годах — военный министр Итальянской социальной республики. Итальянским трибуналом был приговорён к 19 годам лишения свободы. Вышел на свободу через 4 месяца.

на специальном поезде Муссолини[41], который находился в Мюнстере и в ночь с 19 на 20…

Джексон: Свидетель, отвечайте на вопрос. Пожалуйста, просто ответьте на вопрос, и вы сильно сэкономите время. Чьи сообщения вы доставили фюреру?

Боденшац: Я доставил сообщение о том, что Грациани не расположен передавать этих солдат из итальянской дивизии.

Джексон: И перед тем как вы направились в ставку фюрера, вы связались с Герингом, не так ли?

Боденшац: Перед отбытием, когда я полетел в лагерь Мюнстера – это было несколькими днями ранее – я поговорил с ним и, когда я вернулся, перед докладом фюреру, я позвонил Герману Герингу в ставку и довёл до него такое же сообщение.

Джексон: И он проинструктировал вас поехать в ставку фюрера и сообщить фюреру?

Боденшац: Эту поездку из лагеря Мюнстера я совершил по собственной инициативе, потому что Адольфу Гитлеру было важно знать об этом раньше Муссолини, прибытие которого в ставку фюрера ожидалось в 3 часа вечера 20 июля…

Джексон: Как я вас понял, Геринг хотел мирного исхода переговоров в Мюнхене?

Боденшац: Он несколько раз мне так говорил.

Джексон: И он был очень рад исходу, которого тогда добились?

Боденшац: Он был очень рад. Я это уже подчеркнул, когда я сказал, что, когда он вышел из конференц-зала, он неожиданно сказал: «Это означает мир».

Джексон: И, когда вы говорите, что Геринг хотел мира с Польшей, он хотел такого же мира, не так ли?

Боденшац: По поводу Польшу я с ним не говорил.

Джексон: Он кого-то направил или убедил Гитлера взять кого-то в Мюнхен для того, чтобы помешать Риббентропу?

Боденшац: Всё, что мне лично известно об этом: здесь в заключении, капитан Видеман рассказал мне о том, что Герман Геринг выразил пожелание о том, чтобы взяли фон Нейрата, и Видеман рассказал мне, что Гитлер разрешил это.

Джексон: Итак, вас допрашивали Соединённые Штаты об этой теме до того как Видеман оказался здесь, не так ли?

Боденшац: До того?

Джексон: До того как сюда доставили Видемана.

Боденшац: Меня не допрашивали об этой теме – Мюнхенском соглашении и фон Нейрате.

---

[41] Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

Джексон: Вас допрашивали 6 ноября 1945, и вы не говорили о том, что Геринг использовал очень резкие слова в адрес Риббентропа и попросил Гитлера взять с собой Нейрата в Мюнхен для того, чтобы иметь представителя? Вы не говорили этого дознавателям Соединённых Штатов?

Боденшац: Я сейчас это не помню. Если это записано, то должно быть это так.

Джексон: Эта встреча на которой – ох, кстати, после Мюнхена вы знали, что Геринг дал честное слово чехам о том, что не будет дальнейшей агрессии против них, не так ли?

Боденшац: Пожалуйста, повторите вопрос.

Джексон: Вам известно, что после Мюнхена, когда Геринг был доволен итогом, он дал честное слово о том, что не будет дальнейшей агрессии против чехов. Вам это известно?

Боденшац: Нет, я этого не знаю.

Джексон: Это совещание, которое прошло в Лондоне, я имею в виду то, на котором присутствовали англичане…

Боденшац: В Хузуме, да.

Джексон: Кто присутствовал со стороны Швеции?

Боденшац: Швед, присутствовавший на этом совещании, был господин Далерус.

Джексон: Кто были присутствовавшие там англичане?

Боденшац: Там было 6—8 английских экономических экспертов, фамилии их мне неизвестны.

Джексон: Между прочим, Вы не указали точно дату этого совещания: когда это было?

Боденшац: Точно я не могу сказать. Это было в начале августа.

Джексон: Не 7 августа?

Боденшац: Точно я не могу сказать.

Джексон: Скажите, господин Далерус там был?

Боденшац: Вы спрашиваете, присутствовал ли Далерус? На сто процентов я не могу сказать, что он там присутствовал. Я знаю только, что, когда я говорил об этом с моим адвокатом, он сказал мне, что Далерус там присутствовал. Но присутствовал ли он там действительно, я не могу утверждать. Я предполагаю это, так как адвокат доктор Штамер сказал мне, что Далерус там присутствовал. На этом основывались мои показания, когда я ранее сказал, что Герман Геринг и Далерус присутствовали на этом совещании.

Джексон: Там обсуждался вопрос о польско-германских отношениях?

Боденшац: Речь шла не об отношениях с Польшей, а об отношениях между Англией и Германией. Об отношениях с Польшей там не говорили.

Джексон: И Геринг хотел, чтобы английские господа убедились, что Англия не нападёт на Германию?

Боденшац: Он так не говорил. Он сказал, как я уже говорил, что английские господа

должны, по возвращению домой, работать в том же направлении, что и он – ради мира, и оказать своё влияние в важных кругах.

Джексон: Итак, речь об этом не шла в связи с польскими переговорами, которые тогда велись?

Боденшац: В связи с польскими переговорами? Я не помню, чтобы говорилось о польских переговорах.

Джексон: Вы находились вместе с Германом Герингом, когда началась польская война?

Боденшац: Когда началась польская война я находился в Берлине.

Джексон: Вы находились на должности в подчинении у Германа Геринга?

Боденшац: Да, я находился в подчинении Германа Геринга.

Джексон: Когда вы впервые начали готовиться к передвижению ваших войск в направлении Польши?

Боденшац: Об этом я не могу дать точных сведений. Это было делом генерального штаба. Я знаю только то, что в период до начала войны начальник генерального штаба несколько раз посещал главнокомандующего воздушными силами Германа Геринга, и о том, что обсуждались такие вопросы. Лично, я, не был информирован о том какие силы должны были использовать в польской кампании.

Джексон: Вы присутствовали на совещании, во время которого Геринг информировал собравшихся, что сразу же после Мюнхенской конференции он получил приказание увеличить военно-воздушные силы в пять раз?

Боденшац: Я не могу припомнить, чтобы я присутствовал на таком совещании.

Джексон: Знаете ли Вы, что после Мюнхена военно-воздушные силы были действительно сильно увеличены?

Боденшац: Нет, этого я не знаю. Воздушные силы формировались в соответствии с планом. В связи с этим я могу точно сказать о том, что германские воздушные силы к началу польской кампании, в вопросе руководства, планирования или материалов не отвечали этой задаче.

Председатель: Господин судья Джексон, не хотите ли вы сейчас прерваться, или же продолжите до конца?

Джексон: Сейчас подходящее время. Я уверен, что мы не закончим до обеденного перерыва.

Председатель: Вы хотите прерваться?

Джексон: Да, сэр.

Председатель: Очень хорошо.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Завтра не будет открытого заседания.

Руденко: Я хочу сказать несколько слов в связи с заявлением защитника Штамера. Говоря о документе, относящемся к немецким зверствам в Катыни, защитник Штамер заявил о том, что у него нет документа. Я не хочу говорить о характере этого документа. Я хочу сообщить трибуналу, что 13 февраля, этот документ, как экземпляр СССР-54 – 30 его копий, все на немецком языке – был передан в документальную комнату для целей защиты. Мы не думаем, что должны были представлять документы каждому защитнику по отдельности. Мы считали, что если документ передан в документальную комнату, защита разберётся с ним. Это всё, что я хотел сказать по данному вопросу.

Латернзер: Должно быть, есть недопонимание о номере этого документа. В открытом заседании русский обвинитель представил его как экземпляр СССР-64. СССР-64 не роздан. Я его не получил, и по запросу в информационный центр защиты, по двум запросам, я не смог его получить.

Председатель: Что же, мы рассмотрим данный вопрос.

[*Свидетель Боденшац занял место свидетеля*]

Джексон: Как я вас понял, до весны 1943 Герман Геринг был человеком с большим влиянием в руководящих кругах Рейха?

Боденшац: До 1943 года – то есть до 1943 – Герман Геринг всегда имел доступ к фюреру, и его влияние было важным.

Джексон: Фактически, он был самым важным в Германии помимо самого фюрера, не так ли?

Боденшац: Внутри Рейха у него было большое влияние, очень большое влияние.

Джексон: Воздушная мощь являлась его особой задачей и его особой гордостью, не так ли?

Боденшац: Как старый лётчик он очень гордился возможностью создать и возглавить воздушные силы.

Джексон: У него было самое большое доверие к воздушной мощи в качестве оружия, нежели у большинства других людей своего времени, не так ли?

Боденшац: Во всяком случае, он был убеждён в том, что его воздушные силы были очень хорошими. Но я должен повторить уже сказанное, о том, что в начале войны, в 1939, воздушные силы не достигли такого уровня. Я повторяю, что тогда воздушные силы, в части командования, подготовки и снабжения были не готовы к войне.

Джексон: Но с тех пор как вы пришли к Герману Герингу вы быстро создали воздушные силы, не так ли?

Боденшац: Строительство воздушных сил шло относительно быстро.

Джексон: И когда вы впервые пошли с Германом Герингом – я забыл, какой год вы назвали.

Боденшац: Я пришёл к Герману Герингу в апреле 1933. Тогда не существовало главнокомандующего воздушными силами, а только рейхскомиссариат авиации. Но уже тогда началось строительство воздушных сил, первоначальное строительство. Однако, только после 1935, когда было объявлено о свободе от ограничения вооружений оно ускорилось.

Джексон: И строительство воздушных сил шло в направлении бомбардировщиков, не так ли?

Боденшац: Это не были в основном бомбардировщики, было сочетание, истребители и бомбардировщики.

Джексон: Геринг также был ответственным за четырёхлетний план?

Боденшац: Фюрер поручил ему проводить четырёхлетний план.

Джексон: Он также занимал несколько других должностей, не так ли?

Боденшац: Герман Геринг, кроме главнокомандующего Люфтваффе был ответственным за четырёхлетний план. До этого, в начале захвата власти, он был министром внутренних дел и министром-президентом Пруссии, президентом Рейхстага и Reichsforstmeister[42].

Джексон: Я заметил, что вы используете, также, как вы использовали при допросах Соединёнными Штатами, выражение «захват власти». Это было общее выражение используемое в вашей группе, для описания прихода к власти Адольфа Гитлера?

Боденшац: В таком смысле его нельзя использовать. Тогда оно было абсолютно законным, потому что национал-социалистическая партия являлась сильнейшей партией, и сильнейшая партия выдвигала рейхсканцлера, и сильнейшая партия имела сильнейшее влияние. Нельзя интерпретировать это как то, что она узурпировала власть, а как то, что она имела самое влиятельное и видное положение среди других партий, то есть, полностью законными средствами выборов.

Джексон: Вы хотите заменить слово «захват»?

Боденшац: Я вынужден. Это всего лишь выражение которое было в ходу у прессы того времени.

Джексон: Геринг шёл вместе с Гитлером без явного разрыва до 1945, не так ли?

---

[42] «Главный лесничий Рейха» (нем.)

Боденшац: До 1945 не было открытого разрыва. Как я уже сказал арест был только в самом конце.

Джексон: Но арест являлся первым открытым разрывом который случился между ними, не так ли?

Боденшац: Да, первым крупным разрывом между ними который был, видим на публике. Но с 1943 года, как я уже сказал уже существовала растущая напряжённость в их отношениях.

Джексон: Когда состоялся арест, его произвели СС, не так ли?

Боденшац: Я только слышал об этом. Говорилось о том, что в Оберзальцберг прибыл отряд СС который арестовал Германа Геринга в его маленьком доме и содержал его там под арестом. Что касается этого, наверное, свидетель который придёт позже, полковник Браухич[43], который присутствовал при аресте и который сам был арестован, сможет представить подробности.

Джексон: Вас СС не арестовали?

Боденшац: Тогда…после 20 июля 1944, когда я был тяжело ранен, я находился в госпитале. Я был недалеко от Берхтесгадена, в Бад Рейхенхалле, на излечении.

Джексон: Когда бы ни проходили совещания, на которых вы присутствовали, не было так заведено, что по завершению обращения Гитлера к группе, чтобы Геринг как высокопоставленный человек, заверял фюрера от своего имени и имени своих товарищей в поддержке его планов?

Боденшац: Конечно, я не присутствовал на всех совещаниях. Я принимал участие как слушатель. На этих дискуссиях, или, скажем так, совещаниях, в которых я принимал участие, время от времени рейхсмаршал в конце делал ремарку и заверял в том, что воля фюрера будет выполнена. Но сейчас я не помню, на каком конкретно совещании.

Джексон: И вы не вспоминаете ни одного совещания, когда он этого не делал?

Боденшац: Да. Это не всегда делалось, напротив, как правило, он этого не делал. В Рейхстаге Герман Геринг всегда произносил заключительную речь, после завершения заседания, выражая своё доверие Адольфу Гитлеру.

Джексон: И он не делал этого на каждой встрече офицеров, на которой присутствовал фюрер?

Боденшац: Можно попросить повторить вопрос? Я не совсем его понял. Я прошу меня извинить, но я хочу заметить, что из-за моей травмы я потерял 60 процентов слуха, и поэтому я прошу вас извинить меня, если я прошу повторять. Пожалуйста, повторите вопрос.

Джексон: Всё нормально, сэр. Вам известно какое-либо совещание между Гитлером и высшим командованием на котором бы Геринг в конце, как старший офицер, не давал заверений в планах Гитлера?

Боденшац: Некоторые из совещаний на которых я присутствовал завершались

---

[43] Бернд фон Браухич (1911 – 1974) – полковник Люфтваффе. В 1941 – 1945 адъютант Г. Геринга.

заявлением подобного характера. Однако, было много совещаний – фактически, большинство совещаний – когда в конце ничего не говорили. Когда фюрер заканчивал свою речь, встреча заканчивалась.
Джексон: В 1943, когда Геринг начал терять влияние на Гитлера, это было очень неприятное время для Геринга, не так ли?
Боденшац: Герман Геринг переживал из-за этого. Он часто говорил мне о том, что он сильно из-за этого переживает.
Джексон: Из-за того, что фюрер потерял к нему доверие?
Боденшац: Что это было?
Джексон: Он переживал из-за того, что фюрер утратил к нему доверие? Из-за этого он переживал?
Боденшац: Отчасти это могло быть причиной, однако были разногласия вокруг Люфтваффе.
Джексон: Итак, весной 1943 и вам и ему было понятно, что война для Германии проиграна, не так ли?
Боденшац: Я не могу так сказать. Рейхсмаршал в 1943 не говорил мне о том, что война проиграна, а о том, что существуют большие трудности, что они станут очень опасными, но о том, что война явно проиграна – я не могу вспомнить, чтобы рейхсмаршал весной 1943 говорил мне нечто подобное.
Джексон: Рейхсмаршал дал своё заверение немецкому народу, не так ли, о том, что его не будут бомбить как Варшаву, Роттердам и другие города?
Боденшац: Насколько я знаю, он не давал заверения такими словами. До войны, когда наши воздушные силы росли – я имею в виду начало войны, когда проявились большие успехи в Польше и Франции, он сказал немецкому народу о том, что воздушные силы сделают свою работу и всё возможное, чтобы избавить страну от крупных воздушных налётов. Тогда это было оправданно. Тогда нельзя было ясно предвидеть, что потом дела пойдут по-другому.
Джексон: Затем он заверил немецкий народ, не так ли, в том, что Люфтваффе способны не допустить вражеские бомбардировщики до Германии?
Боденшац: Я не помню, чтобы он давал официальную гарантию немецкому народу в форме распоряжения или крупной речи. В то время, когда это было сказано германские воздушные силы, после успеха в Польше и Франции находились на своём пике. Я не знаю о каком-либо официальном заявлении, доведённом до немецкого народа.
Джексон: Во всяком случае, весной 1943 стало понятно, что любое такое заверение, будь оно дано будет заблуждением?
Боденшац: В 1943 условия полностью изменились, из-за того, что британские и американские воздушные силы вышли на сцену в таких больших и превосходящих количествах.
Джексон: И также правдой является то, что воздушная оборона Германии оказалась

полностью неадекватной, чтобы справиться с ситуацией, разве это не факт?

Боденшац: Воздушная оборона Германии была очень трудной, так как оборона в целом не зависела только от лётных экипажей, но это также была и радиотехническая война и в этой радиотехнической войне, нужно откровенно признать, противник был значительно лучше, чем мы. Таким образом, это была не только воздушная война, но и радиовойна.

Джексон: В 1943 стало понятно, что Германии не справиться с ней, не так ли?

Боденшац: В 1943 это не было ясно на сто процентов. Были колебания, высшие и низшие точки. Предпринимались усилия по увеличению силы истребителей за счёт бомбардировщиков. На сто процентов не было очевидно, что воздушным силам противника нельзя противостоять. Это стало очевидно только после середины 1944.

Джексон: Фюрер утратил доверие к Герингу, так как нарастали бомбардировки немецких городов, не так ли?

Боденшац: Да, именно с момента начала крупномасштабных налётов британскими воздушными силами на немецкие города, в частности, когда состоялся первый крупный британский налёт на Кёльн. С этого момента между ними стало заметно расхождение во мнениях, поначалу не столь серьёзное.

Джексон: И Гитлер обвинял Геринга, не так ли, в своём заблуждении в вопросе силы воздушной обороны Германии?

Боденшац: Я не знаю, чтобы фюрер, когда-либо обвинял рейхсмаршала в каком-нибудь нарушении в данном вопросе. Дискуссии между Адольфом Гитлером и рейхсмаршалом несмотря на все трения, всегда были умеренными. Критика стала неистовой лишь позднее, в 1944 и начале 1945. Но я не присутствовал, потому что я не был в строю с 20 июля 1944.

Джексон: Я задал вам вопрос. Я не намерен утверждать, что фюрер обвинял его в умышленном введении в заблуждение, но он был введён в заблуждение или он неправильно понимал мощь воздушной обороны Германии. Этого в целом не понимали в вашем окружении?

Боденшац: Не может быть речи о введении в заблуждение. Отчёты которые предоставляли фюреру воздушные силы всегда были правильными. О слабости воздушных сил также сообщали фюреру.

Джексон: Что за меры, которые вы назвали огромными предпринимал Геринг для восстановления своего влияния на фюрера?

Боденшац: Рейхсмаршал, всякий раз когда проходили совещания через меня просил участия. Рейхсмаршал приезжал чаще, чем обычно в ставку фюрера и он также говорил мне: «Я попытаюсь сделать всё, чтобы вернуть настоящий контакт с фюрером». Он говорил это мне лично.

Джексон: И он был особо осторожным после весны 1944, чтобы не сделать ничего, что потревожит фюрера?

Боденшац: Я больше ничего не могу сказать о 1945 году, потому что я уже не был

на службе. У меня больше не было контакта.

Джексон: Итак, эта бомбардировка немецких городов в 1944 стала очень проблемной с точки зрения критики немецким народом правительства, не так ли?

Боденшац: Немецкий народ ужасно страдал от этих бомбардировок, и я могу сказать только одно – Адольф Гитлер страдал больше всех. Когда сообщали о ночной бомбардировке немецкого города, он и рейхсмаршал сильно переживали, из-за неописуемого ужаса этой бомбардировки, всякий кто пережил это, никогда этого не забудет пока жив.

Джексон: И Гитлера и рейхсмаршала сильно раздражало то, что нужно объяснять немецкому народу почему это происходит, не так ли?

Боденшац: Это не нужно было объяснять, потому что немецкий народ это чувствовал. Не давалось никаких объяснений. Говорилось только о том, что для устранения этой угрозы будут предприняты всё необходимые меры.

Джексон: И тогда и вы и рейхсмаршал знали о том, что никаких мер предпринять нельзя?

Боденшац: Нет, нет, нет. Я уже подчёркивал, что это была радиотехническая война, и были моменты, когда в обороне мы могли противостоять противнику постоянно выявляя, новые средства, чтобы поражать его.

Джексон: Когда вы объявляли немецкому народу, что будут предприняты все средства, у вас в распоряжении не было средств, для того, чтобы предотвратить бомбардировку немецких городов?

Боденшац: О, да, именно так.

Джексон: Что это было и почему их не использовали?

Боденшац: Например, были следующие средства: наиболее важные районы оборонялись зенитными орудиями. Затем были радиотехнические средства, глушители сигналов, которые могли позволить и отчасти позволяли глушить радио на вражеских самолётах.

Джексон: Стремление удовлетворить немецкий народ в условиях бомбардировок сильно волновало рейхсмаршала, не так ли?

Боденшац: Рейхсмаршал сильно стремился, чтобы население информировали.

Джексон: И следить за тем, чтобы населание было удовлетворено?

Боденшац: Легко сказать «удовлетворено». Он просто мог заверять немецкий народ в том, что он сделает всё, что находится в его власти, чтобы справиться с этими налётами.

Джексон: Итак, вы видели рейхсмаршала и Гитлера, когда поступали доклады о бомбардировке Варшавы и Роттердама и Ковентри?

Боденшац: Я не помню, был ли я, когда поступали донесения.

Джексон: Вы никогда не видели никаких реакций с их стороны на эти бомбардировки, так?

Боденшац: Я знаю только то, что Варшава была крепостью, которую удерживала

польская армия очень большой силы, обеспеченная превосходной артиллерией, что форты были заполнены личным составом и что два или три раза Адольф Гитлер объявлял о том, что гражданские должны быть эвакуированы из города. В этом было отказано. Эвакуировались только иностранные посольства, в то время как вошёл офицер с флагом перемирия. Польская армия, находясь в городе упорно обороняла его в плотном кольце фортов. Внешние форты были сильно заполнены личным составом, а из внутреннего города тяжёлая артиллерия обстреливала пригороды. Следовательно, крепость Варшава была атакована, и в том числе Люфтваффе, но только после отказа в ультиматуме Гитлера.

Джексон: Ковентри был укреплённым городом?

Боденшац: Ковентри не был крепостью. Однако, Ковентри был городом, в котором размещалась ключевая промышленность вражеских воздушных сил, в котором производили авиационные двигатели, городом, насколько мне известно, в котором было расположено много фабрик и в котором собиралось много запасных частей. В любом случае Люфтваффе тогда получили приказы бомбить только промышленные цели. Если пострадал и город, то это понятно, учитывая тогдашние средства навигации.

Джексон: Вы были допрошены в ноябре 1945 года полковником Уильямсом?

Боденшац: Да, он меня допрашивал, так точно.

Джексон: И тогда он спросил вас о некоторых спровоцированных инцидентах на германо-польской границе в августе 1939 года?

Боденшац: Да, он меня спрашивал об этом.

Джексон: Не сообщите ли вы трибуналу об этих фиктивных инцидентах.

Боденшац: Ничего определенного в этом отношении я сказать не могу. Полковник Уильямс спрашивал известно ли мне об инциденте с радиовещательной станцией в Гляйвице. Я сказал ему о том, что ничего об этом не знаю. Дело обстояло так, что события на польской границе очень походили на те, которые происходили в свое время на чешской границе. Из этого можно было сделать вывод, что, возможно, эти инциденты были спровоцированы. Однако это было лишь моим субъективным мнением.

Джексон: Не сказали ли вы полковнику Уильямсу на допросе 6 ноября 1945 г. следующее: «Я лично чувствовал и думал в то время, что все эти инциденты провоцировались нами, то есть я хочу сказать, что они провоцировались Германией. Как я сказал, у меня не было никаких реальных доказательств этого, но у меня всегда было такое чувство». Разве вы это не говорили?

Боденшац: Да, я это говорил, так точно.

Джексон: И вы беседовали с теми людьми которые дали вам повод для этого ощущения. Правильно?

Боденшац: Сейчас я это не так хорошо помню. Я знаю только то, что сообщения в прессе вызвали у меня подозрение.

Джексон: Вам был задан вопрос, и вы дали такой ответ:

«Вопрос: Но вы придерживаетесь мнения, что все инциденты, о которых сообщала пресса, провоцировались специально для того, чтобы служить предлогом для вторжения»?

И разве вы не дали такой ответ:

«Ответ: У меня сложилось такое впечатление; я это не могу доказать, но точно знаю, что эти инциденты были подстроены нами».

Разве вы не давали такого ответа.

Боденшац: Протокол говорит об этом. Поскольку это значится в протоколе, то, следовательно, я это сказал, но сейчас не могу вспомнить, как именно я говорил.

Джексон: Однако вы это не отрицаете данный факт?

Боденшац: У меня было такое ощущение, но оно было чисто субъективным.

Джексон: Однако это было ваше мнение?

Боденшац: Да.

Джексон: Не спрашивали ли вас относительно желания фюрера воевать с Польшей и не дали ли вы следующий ответ:

«Господа, мне очень трудно ответить на этот вопрос, но я могу под присягой заявить, что фюрер действительно желал войны с Польшей. Я могу доказать на основании тех замечаний, которые делали его приближенные, что он действительно хотел войны с Польшей. Я присутствовал в то время, когда Гитлер сообщил Гендерсону[44] свои требования в отношении Данцига[45], и я пришел к заключению на основании всех совещаний, которые были у фюрера с послом, что фюрер фактически не хочет, чтобы поляки приняли эти условия».

Вы давали такие показания полковнику Уильямсу?

Боденшац: Я могу ответить на это следующее:

Я не был на этом совещании. Если я так сказал, то я неправильно выразился. Меня не было на совещании фюрера с Гендерсоном. Я находился в то время в приемной, как и все другие адъютанты, и в приемной было слышно, как одни группы говорили одно, а другие — другое. Из этих разговоров я понял, что условия, которые Гендерсон вечером получил для поляков и срок для ответов, полдень следующего дня был настолько коротким, что из этого можно было сделать вывод о какой-то преднамеренности.

Джексон: Что же, такое впечатление сложилось у вас в приёмной и из разговоров с людьми которые находились той ночью с Гитлером?

Боденшац: Там были адъютанты, начальник прессы Рейха и господа которые ожидали в приёмной не принимая участия в совещании.

---

[44] Невил Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939.

[45] Вольный город Данциг — город-государство (вольный город), образованный 10 января 1920 года согласно 11-му разделу 3-й части Версальского договора 1919 года. На его территории находились собственно город Данциг и свыше 200 более мелких населённых пунктов бывшей Германской империи.

Джексон: Я задам вам, чтобы было совсем ясно, ещё один вопрос про ваш допрос о данном предмете. Разве вам при допросе не задавали такого вопроса:

> «Таким образом, данное вами сегодня показание можно резюмировать следующим образом: вы знали в 1938 году за несколько месяцев до того, как Германия напала на Польшу, что Гитлер намеревался напасть на Польшу и вести против нее агрессивную войну». Это правильно?
>
> И вы дали следующий ответ:
>
> «Я могу с уверенностью сказать лишь то, что с той ночи, когда он сказал Гендерсону, что он хочет Данциг и коридор[46], я был совершенно уверен, что Гитлер намеревается вести агрессивную войну».
>
> Вам задавали такой вопрос, и вы дали такой ответ?

Боденшац: Если этот ответ записан в протоколе, очевидно, я так и сказал.

Джексон: А если этого не было записано в протоколе, вы бы дали те же показания? Ведь это действительно было так?

Боденшац: Чтобы быть совершенно точным, я сказал бы так: из требований Адольфа Гитлера, переданных Гендерсону, и, в частности, из короткого срока, который был дан Гендерсону для ответа, я заключил, что имелись какие-то определенные намерения. Так я сейчас хочу это сформулировать.

Джексон: Я попрошу, чтобы вам показали документ номер L-79, экземпляр Соединённых Штатов, номер USA-27. Вы видели раньше этот документ?

Боденшац: Этот документ был предъявлен мне в копии полковником Уильямсом, и я ему сказал, что не помню, присутствовал ли я на этом совещании. Но если в протоколе значится моя фамилия, то я, очевидно, на совещании присутствовал.

Джексон: Но ваша фамилия значится в документе, не так ли?

Боденшац: Да, если она написана, очевидно, я присутствовал. Я не могу вспомнить содержания этого совещания. Я сказал тогда полковнику Уильямсу, что, очевидно, там говорилось об этом, так как полковник Шмундт[47], почерк которого я хорошо знаю, — человек, который очень аккуратно вёл протоколы.

Джексон: Это его почерк?

Боденшац: Да, как я вижу, это его почерк.

Джексон: И это подпись полковника Шмундта?

Боденшац: Да, это подписано полковником Шмундтом – подполковником

---

[46] Польский коридор (Поморское воеводство и Данцигский коридор) — в период между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.), наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Территория Польского коридора была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору. «Коридор» обеспечивал доступ к Балтийскому морю из Польской Померании вдоль нижнего течения реки Висла. На этой территории была создана новая административно-территориальная единица — Поморское воеводство

[47] Рудольф Шмундт (1896 — 1944) — генерал пехоты Вермахта, участник Первой и Второй мировых войн. Главный адъютант А. Гитлера в 1938-1944. Умер от ран после покушения на Гитлера 20 июля 1944.

Шмундтом. Исправление вписаны не его почерком.
Джексон: Но основная часть документа это его рукописный почерк?
Боденшац: Да, это его почерк. Я его знаю, да.
Джексон: И когда вас об этом спросил полковник Уильямс, вы прочитали и сказали: «Я думаю, что все, что здесь изложено, правильно. Это именно те мысли, которые фюрер обычно высказывал нам в тесному кругу». Вы делали такое заявление?
Боденшац: Да, я так сказал.
Джексон: Далее вы сказали: «Я не помню, было ли это сказано в тот же день, однако мысли, записанные в протоколе, являются мыслями, высказанными Адольфом Гитлером». Сказали ли вы так полковнику Уильямсу?
Боденшац: Да, я это сказал полковнику Уильямсу.
Джексон: Это, всё, что мне было нужно, сэр.

Вам сейчас покажут документ PS-798, USA-29, представленный в качестве доказательства.
Боденшац: Насколько я знаю, это выступление фюрера также мне было предъявлено в копии полковником Уильямсом.
Джексон: Именно так оно и было. Вы сказали тогда, что вы не помните, присутствовали ли вы, но мысли, выраженные в документе…
Боденшац: Что мысли, которые там выражены, были высказаны.
Джексон: Очень хорошо. Это все в отношении этого документа.
Боденшац: Да, но я должен сказать еще кое-что, я пытался об этом поговорить с полковником Уильямсом, но, к сожалению, этого не удалось осуществить. Я вероятно присутствовал на этом совещании.
Джексон: Хорошо, мы согласимся с тем, что вы сказали здесь, и избавим вас от необходимости искать полковника Уильямса. Вам покажут документ PS-3474, USA-580. Это ваш почерк?
Боденшац: Да, это мой почерк.
Джексон: Документ подписан вами?
Боденшац: Так точно.
Джексон: Это заметки о совещании от 2 декабря 1936 г., не так ли?
Боденшац: Так точно.
Джексон: Вы готовили эту записку по своим материалам, правильно?
Боденшац: Я не знаю кому вручил её.
Джексон: Что же, здесь сказано, что это заметки о совещании, правильно?
Боденшац: Да, это записка по материалам.
Джексон: На этом совещании присутствовал Геринг, правильно?
Боденшац: Да. Он должен был им руководить. Здесь сказано: «Присутствуют: генерал-полковник Геринг».
Джексон: Фактически, записка говорит о том, что он руководил совещанием, не так ли?

Боденшац: Так точно.

Джексон: На этом совещании также присутствовали Мильх[48], Кессельринг[49] и все другие лица, имена которых перечислены в начале документа?

Боденшац: Да.

Джексон: И вы тогда записали, что сказал Геринг. Между прочим, все эти люди были связаны с вооруженными силами Германии, не так ли?

Боденшац: Это были представители воздушных сил, руководящие люди в то время. Генерал Мильх занимался тогда вооружением; генерал-лейтенант Кессельринг, мне кажется, был начальником штаба; все они были офицерами занимавшими руководящие посты.

Джексон: Вы говорите все связанные с воздушными силами. И эта встреча состоялась 2 декабря 1936. Мы правильно говорим?

Боденшац: Да.

Джексон: Открывая совещание, Геринг сказал: «Вся мировая пресса взволнована высадкой 5000 немецких добровольцев в Испании. Великобритания официально протестует и занимается вопросом совместно с Францией». Действительно ли это так происходило?

Боденшац: Так точно.

Джексон: Геринг тогда сказал: «Общее положение является весьма серьезным», и что он берет на себя всю ответственность, не так ли?

Боденшац: Так точно, общая ситуация была весьма серьезной. Англия сильно вооружалась, и мы должны были быть в состоянии полной боевой готовности.

Джексон: Затем он сказал: «Было бы желательным сохранить мир до 1941 года. Однако мы не можем знать, будем ли мы вовлечены в какой-либо конфликт до этого времени. Мы уже находимся в состоянии войны, хотя пока еще ни одного выстрела не сделано». Говорил ли он это?

Боденшац: Да, это сказано в протоколе.

Джексон: Сказал ли он также, что «начиная с 1 января 1937 г. все фабрики и заводы, производящие продукцию для авиации, будут работать так, как будто бы была объявлена мобилизация»?

Боденшац: Так точно, это записано в протоколе.

Джексон: Итак, вы свидетельствовали о том, что Геринг заранее не имел никаких сведений об акции против евреев в ночь с 9 на 10 ноября 1938.

Боденшац: Я понял это из-за того, что на следующий день он пришёл ко мне и был очень встревожен.

---

[48] Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году.

[49] Альберт Кессельринг (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал Люфтваффе. С 1941 командующий германскими войсками на Юго-Западе Европы. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Приговор был заменён на лишение свободы и он был досрочно освобождён в 1952.

Джексон: Он был проинформирован о них на следующий день?
Боденшац: На следующий день это было в прессе, в газетах.
Джексон: Вы сказали, что он жаловался на людей, которые спровоцировали это?
Боденшац: Об этом мне рассказал капитан Видеман, который находился со мной в заключении. Он рассказал мне о том, что несколько дней спустя Герман Геринг пришёл к фюреру с доказательствами и пожаловался на то, что произошло.
Джексон: На кого он жаловался?
Боденшац: Он мне этого не рассказывал. Видеман рассказал мне, что Геринг жаловался на Гейдриха[50] и Геббельса[51].
Джексон: Я не понял ответ.
Боденшац: Видеман сказал мне, я не узнал это лично от Германа Геринга, а Видеман сказал мне о том, что он жаловался на зачинщиков, и что зачинщиками были Гейдрих и Геббельс.
Джексон: И Гейдрих и Геббельс были чиновниками при режиме Гитлера, не так ли?
Боденшац: Доктор Геббельс был рейхсминистром пропаганды, а Гейдрих начальником Гестапо.
Джексон: Значит, сразу же после этих погромов Геринг знал и жаловался Гитлеру на то, что они были инициированы чиновниками нацистского режима?
Боденшац: Я не знаю подробностей о том, что он говорил там. Капитан Видеман знает об этом и может дать показания.
Джексон: Геринг тогда находился в зените влияния, и на фюрера и на страну, не так ли?
Боденшац: Тогда у него было самое большое влияние.
Джексон: И я понял вас, что он сразу же созвал встречу с гауляйтерами?
Боденшац: Встреча с гауляйтерами была спустя несколько недель. Я услышал о ней от бывшего гауляйтера Штирии, доктора Юббирейтера, который находился со мной в заключении. Этот гауляйтер Юбиррейтер принимал участие во встрече.
Джексон: Сколько он ждал, прежде чем созвали встречу?
Боденшац: Доктор Юбиррейтер сказал мне, что это было несколько недель спустя.
Джексон: Что же, вам известно о проведении им встречи 12 ноября 1938 в его кабинете в рейхсминистерстве авиации?
Боденшац: Я этого не помню.
Джексон: И вы помните, что у него на совещании присутствовали Гейдрих, Геббельс и многие другие? Это та встреча, о которой вы говорите?

---

[50] Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.
[51] Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года. Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин в апреле 1945.

Боденшац: В таком случае нужно спросить доктора Юбиррейтера который был на встрече. Он сказал мне о том, что доктор Геббельс присутствовал вместе с гауляйтерами.

Джексон: И у Геринга была привычка вести протоколы встреч которые он проводил?

Боденшац: У Германа Геринга всегда были стенографисты, и стенографисты вели записи этих встреч.

Джексон: И вы хотите, чтобы мы поняли, что Геринг был шокирован и оскорблён тем, что случилось с евреями в ночь с 9 на 10 ноября 1938?

Боденшац: Он не был согласен с этим, потому что, как я уже отмечал, он сказал, что это было большой ошибкой, это было экономически неразумно, и это вредило нашему престижу за рубежом. Доктор Юбиррейтер сказал мне о том, что Геринг так говорил с гауляйтерами.

Джексон: Вам было известно, что 12 ноября, 2 дня спустя после этих погромов, Геринг издал приказ, возлагавший на всех евреев штраф в миллиард рейхсмарок, конфисковал их страховки и принял новое распоряжение об их исключении из экономической жизни? Вам это известно?

Боденшац: Я слышал об этом, но лично я не имел никакого отношения к этой идее и к распоряжению, я был просто военным адъютантом.

Джексон: Эти распоряжения были приняты спустя 2 дня после погрома, на который как вы говорите, он жаловался, это так?

Боденшац: Я не знаю об этой связи.

Джексон: На этом всё.

Гриффит-Джонс: Господа судьи, разрешите мне выяснить только один вопрос.

Вы ссылались на совещание, которое происходило в Шлезвиг-Гольштейне в июле или августе 1939 года, где Геринг встретился с группой англичан, и вы называли этих англичан, когда впервые о них упомянули, членами правительства. Когда же вы упомянули о них второй раз, то мне кажется, что вы отозвались о них как о специалистах в области экономики?

Боденшац: Насколько мне известно, в настоящее время, это были руководящие деятели английской экономики, а не члены правительства.

Гриффит-Джонс: Я вам обязан. Будет ли верным сказать, что они были ведущими промышленными и деловыми представителями не имевшими никакой связи с правительством?

Боденшац: Я не знаю, в какой мере эти господа имели влияние. Во всяком случае Герман Геринг в конце попросил, чтобы эти господа оказали влияние на власти Англии в интересах мира.

Гриффит-Джонс: Вы полагаете, что это совещание между Герингом и этими господами было устроено Далерусом?

Боденшац: Далерус, очевидно, устроил это совещание. Однако впервые я узнал об

этом из беседы с защитником доктором Штамером, который говорил со мной об этом. Доктор Штамер сказал мне, что ему известно, что именно господин Далерус пригласил этих господ в Германию. Только на основании этого сообщения я предполагаю, что господин Далерус пригласил этих господ приехать.

Гриффит-Джонс: Известно ли вам, что цель господина Далеруса заключалась в том, чтобы устроить встречу руководящих деятелей Германии и Англии, во время которой они поняли бы точку зрения каждого из них?

Боденшац: Господин Далерус позже, по окончании этого совещания, еще раз был в Берлине. Я тогда видел его, и после беседы с ним у меня сложилось впечатление, что для него было очень важно, чтобы между Германией и Англией был сохранен мир, и что он хочет установить с помощью рейхсмаршала Геринга связь с компетентнымы английскими кругами.

Гриффит-Джонс: Последний вопрос. Известно ли вам, что во время переговоров о предстоящей встрече и на самой встрече Далерус излагал Герингу точку зрения англичан и пытался обратить его внимание на то, что англичане теряют терпение в вопросе агрессивной политики, которой следует германское правительство?

Боденшац: Об этих планах, о которых вы сейчас говорили, я не могу вспомнить. Я не могу вспомнить, что они были предметом моей беседы с господином Далерусом.

Председатель: Какие-то другие вопросы?

Гриффит-Джонс: Нет.

Штамер: У меня есть всего один вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] В протоколе от 2 сентября 1936, который вам уже показывали и который есть у вас, есть один абзац, который не читали полностью. По моему мнению, он является очень важным для интепретации и смысла этой встречи.

Здесь говорится:

«Общая обстановка очень серьёзная. Россия хочет войны. Англия сильно перевооружается. Следовательно, приказ такой: с сегодняшнего дня, высшая степень готовности, без учёта финансовых соображений. Генерал-полковник принимает всю ответственность».

Был этот приказ: «Высшая степень готовности с сегодняшнего дня» издан, лишь потому, что Россия, как здесь говорилось, хотела войны, а Англия сильно перевооружалась? Это было мотивом?

Боденшац: Что вы имеете в виду?

Штамер: Тяжёлая общая обстановка являлась мотивом приказа: «Высшая степень готовности с сегодняшнего дня»?

Боденшац: В любом случае не существовало намерения нападать, а только обороняться.

Штамер: Если говорится: «Генерал-полковник принимает всю ответственность», можно ли это понимать как ссылку на слова «без учёта финансовых сложностей»,

если допустить буквальное толкование?
Боденшац: Это относится к финансовым трудностям, потому что рейхсмаршал часто имел разногласия с рейхсминистром финансов, потому что Люфтваффе немного превысили свой бюджет.
Штамер: Благодарю, у меня больше нет вопросов.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Штамер: В качестве следующего свидетеля я хочу вызвать генерал-фельдмаршала Мильха.

[*Свидетель Мильх занимает место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?
Мильх: Эрхард Мильх.
Председатель: Повторяйте за мной следующую присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил клятву на немецком языке*]

Председатель: Если хотите, можете сесть.
Штамер: Свидетель, вы принимали участие в Первой мировой войне?
Мильх: Так точно.
Штамер: Какую должность вы занимали?
Мильх: Вначале был офицером артиллерии, в конце — капитаном авиации.
Штамер: Когда вы по окончании Первой мировой войны были уволены с военной службы?
Мильх: Весной 1920 года.
Штамер: Чем вы занимались по окончании службы?
Мильх: Я пошел в гражданскую авиацию.
Штамер: Когда вы снова вступили в вооруженные силы?
Мильх: В 1933 году.
Штамер: Сразу же в военно-воздушные силы?
Мильх: Так точно.
Штамер: Какую должность вы занимали к началу Второй мировой войны?
Мильх: Я был генералом и генерал-инспектором военно-воздушных сил.
Штамер: Когда началось создание Люфтваффе?
Мильх: В 1935 году.

Штамер: В каком объеме?
Мильх: Создавались оборонительные военно-воздушные силы.
Штамер: Вы можете сообщить нам подробности этого?
Мильх: В 1933 Германия вышла из Лиги Наций и соответственно из Конференции по разоружению[52]. Гитлер пытался обсуждать с отдельными нациями вопрос о том следует ли продолжать разоружение. Эти попытки по разоружению не удались, и Германия начала перевооружаться. Было спорным, одобрят ли это остальные нации. Соответственно Германия учитывала, что императивом является наличие военной мощи также и в воздухе, и чтобы добиться этого, воздушные силы должны были представлять собой воздушную мощь которой было бы достаточно для обороны Германии. Это видно из того, что принципиально предусматривались истребители и зенитная артиллерия.

Похожим образом, для обороны выстраивалась организация германских воздушных сил. Тогда она включала четыре «воздушных округа», которые можно представить как своего рода крест над Германией. Был северо-восточный сектор, юго-восточный, северо-западный и юго-западный. Более того мощь воздушных сил, в том виде как они были организованы, не планировалась для агрессивной войны или крупномасштабной войны. Кроме истребителей, также были бомбардировщики, но мы всегда называли эти бомбардировочные соединения чрезвычайными воздушными силами, то есть, их функция заключалась в предотвращении по возможности, вступления в войну против Германии её соседей.
Штамер: Каковы были отношения между немецкими военно-воздушными силами и воздушными силами других стран, начиная с 1935 года?
Мильх: В первые годы после 1935 года Германия, собственно говоря, еще не имела авиации, в подлинном смысле этого слова. Это были первые соединения и первые крупные училища, которые были тогда созданы. Была создана в эти годы также и авиационная промышленность. Ранее, до того, как началось вооружение, промышленность была весьма незначительной. Я случайно узнал, что число рабочих во всей немецкой авиационной промышленности к моменту прихода национал-социалистов к власти составляло от 3000 до 3300 человек: конструкторов, предпринимателей, техников и рабочих.

Первый контакт с заграницей в области авиации имел место в 1937 году, а именно вследствие того, что в январе 1937 года английская комиссия под руководством вице-маршала авиации Кортни[53] и трех других высших офицеров (Кортни был начальником разведывательной службы английской авиации) прибыла в Германию. Я сам сопровождал эту комиссию во время ее пребывания в Германии.

---

[52] Международная конференция по сокращению и ограничению вооружений, созванная по решению Совета Лиги Наций; начала работу после длительного подготовительного периода 2 февраля 1932 в Женеве при участии 63 государств.
[53] Кристофер Кортни (1890 – 1976) – главный маршал авиации Великобритании. В 1935-1937 заместитель начальника штаба ВВС, начальник оперативного управления и разведки авиации.

Мы выполняли все желания этих господ в отношении того, что члены комиссии хотели видеть. Тогда существовали лишь первые соединения.

В особенности мы показывали учебные части, в которых впервые испытывали новые модели. Далее я показал им промышленность, военные училища и все то, что еще хотели видеть эти господа. В конце совещания английский вице-маршал авиации предложил организовать взаимный обмен планами новых формирований между Англией и Германией. Я запросил на это согласие моего главнокомандующего и получил его. Тогда мы предоставили Англии план формирований немецкой авиации на 1937, 1938 и, мне кажется, на 1939 год и, с другой стороны, получили от Англии также соответствующий цифровой материал. При этом существовала договоренность, что в будущем, а также в том случае, если будут иметь место какие-либо изменения в планах или созданы какие-либо новые соединения, надлежит обмениваться данными. Посещение этой комиссии проходило в товарищеском духе, что послужило основой для контакта в будущем.

В мае того же 1937 года я с несколькими господами, в качестве представителя моего главнокомандующего, был приглашен в Бельгию для знакомства с ее авиацией. Затем в июле...

Штамер: Как проходило посещение в Бельгии, можете ли вы дать более подробные сведения по этому вопросу?

Мильх: Нас приняли очень дружественно. Я познакомился с военным министром, министром иностранных дел, премьер-министром и его величеством королем Бельгии, не говоря уже об офицерах авиации, которые, безусловно, в первую очередь были представлены мне. Имел место дружественный обмен мнениями, причем бельгийцы заверили меня в их личных дружественных чувствах по отношению к Германии.

Штамер: В этом случае также происходил обмен сведениями?

Мильх: Нет, не в этой форме. Мы позже, в Германии, показали также бельгийцам все, что мы имели, когда командующий бельгийской авиацией генерал Дювье нанес нам ответный визит.

Затем имел место большой международный съезд в июле 1937 года в Цюрихе, авиационный съезд, который происходил каждые пять лет. На этом съезде мы показали наши новейшие модели истребителей, бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков, а также наши новые моторы, которые только что были выпущены, и все, что представляло собой интерес с международной точки зрения. Там были больше делегации экспертов со стороны Франции, Италии, Чехословакии, Бельгии. В связи с экспонирующимися нами образцами, туда прибыла английская комиссия, которая не участвовала сама в конкурсах. Мы показали дружески нашу материальную часть французам, англичанам и другим нациям. Например, там был представлен «Messerschmitt[54]-109» — истребитель,

[54] Мессершмитт АГ — самолётостроительная фирма Германии (в 1938—1945 годах) и ФРГ (в 1956—1968 годах). Вела

который с некоторыми усовершенствованиями использовался до конца войны; затем новейшие бомбардировщики типа «Dornier [55]»; новая Штука[56] от «Junkers[57]», а также новые моторы «Daimler-Benz [58]» — 600 и 601 и «Junkers»…

Председатель: Доктор Штамер, я не думаю, что это большое количество деталей представляет хотя бы какой- нибудь интерес для трибунала.

Штамер: Свидетель, итак — никаких деталей. Говорите очень коротко.

Мильх: Так точно. Затем в октябре 1937 года французское правительство пригласило нас во Францию для осмотра французской авиации. Рассказывали, что посещение прошло в особенно дружественной обстановке. Вскоре после этого, примерно через неделю, по приглашению англичан мы также посетили Англию в ответ на визит вице-маршала авиации Кортни. И в этом случае нам были показаны заводы, соединения, а также авиационные училища и, кроме того, при осмотре промышленности — пущенная тогда в ход «скрытая промышленность», то есть промышленность которая в мирное время производит мирную продукцию, а во время войны переходит на производство самолётов и авиационных двигателей. Затем имел место обмен визитами со Швецией. Пожалуй, на этом я могу закончить.

Штамер: Участвовали ли вы 23 мая 1939 г. на совещании у фюрера?

Мильх: Да.

Штамер: Как оно проходило?

Мильх: Да, утром в тот день я неожиданно получил приказ явиться туда, так как рейхсмаршал не мог присутствовать на этом совещании.

Штамер: Припоминаете ли вы детали этого совещания?

Мильх: Фюрер делал большой доклад перед тремя главнокомандующими: сухопутных сил, авиации, флота и начальниками их штабов. Там присутствовало также несколько других лиц. На этом совещании Гитлер заявил, что он намерен тем или иным образом разрешить вопрос в отношении в Восточную Пруссию. В этой связи он остановился на возможности возникновения конфликтов на Западе. В данном случае речь шла лишь о выступлении, а не об обмене мнениями или о совещании.

начало от фирмы «Мессершмитт-флюгцойгбау» (нем. Messerschmitt-Flugzeugbau Gesellschaft), основанной в 1923 году Вилли Мессершмиттом. Создавала истребители и бомбардировщики для военно-воздушных сил нацистской Германии.

[55] Дорнье — немецкая авиастроительная компания, основанная изначально в 1914 году под Клаудиуса Дорнье и превратившаяся в отдельное предприятие в 1922. Компания занималась строительством летающих лодок, в дальнейшем — и бомбардировщиков для Люфтваффе. Прекратила деятельность в 2002 г.

[56] Юнкерс Ю-87 «Штука» (нем. Stuka = Sturzkampfflugzeug — пикирующий бомбардировщик) — одномоторный двухместный (пилот и задний стрелок) пикирующий бомбардировщик и штурмовик времён Второй мировой войны.

[57] Юнкерс — авиастроительная компания Германии, основанная Хуго Юнкерсом в Дессау как фирма Junkers&Co производившая газоотопительные котлы, охладители и вентиляторное оборудование. К авиастроению компания приступила после начала Первой мировой войны. К началу Второй мировой войны компания являлась крупнейшей в Германии и осуществляла разработку и строительство многих конструкций, внёсших существенный вклад в историю мировой авиации. Прекратила деятельность в 1969 в результате поглощения концерном Мессершмитт-Бёльков-Блом.

[58] Даймлер-Бенц АГ — ныне несуществующая немецкая автомобилестроительная компания, выпускавшая собственные автомобили и двигатели внутреннего сгорания. Основана 28 июня 1926 года в результате слияния двух старейших немецких фирм — Benz & Cie. и Daimler Motoren Gesellschaft.

Штамер: Говорилось ли еще что-нибудь на этом совещании или, точнее, говорил ли он еще что-нибудь на этом совещании?
Мильх: Да. Это были вопросы относительно того, будет ли Запад — он, очевидно, в первую очередь имел в виду Францию — реагировать на это спокойно или предпримет меры.
Штамер: Говорилось ли о возможности нападения на Польшу, или, насколько я припоминаю, речь шла только о решении вопроса о коридоре?
Мильх: Действительно, во всяком случае я понял фюрера так, что он при всех обстоятельствах хотел разрешить вопрос о коридоре. Вначале предполагалось вести переговоры, но, если бы они не привели к цели, было предусмотрено, по-видимому, разрешение вопроса военным путем.
Штамер: Этот вопрос после доклада обсуждался?
Мильх: Нет. Было лишь дано категорическое указание в отношении того, что этот вопрос не должен был обсуждаться даже между участниками этого совещания. Мне было, например, запрещено говорить что-нибудь об этом рейхсмаршалу, который не присутствовал на совещании. Гитлер заявил, что он сам сообщит ему об этом. Я помню, что тогда же был издан известный приказ который уже упоминался, и который как приказ фюрера № 1 должен был быть вывешен во всех наших ведомствах говоря о том, что никто не должен говорить никому ничего, что ему не нужно знать, что ничего нельзя говорить раньше чем нужно, и, что нужно говорить ровно столько сколько должен знать другой человек.
Штамер: Значит, вы не проинформировали рейхсмаршала об этом совещании?
Мильх: Нет, мне было запрещено это делать.
Штамер: Когда он узнал об этом?
Мильх: Я не знаю.
Штамер: Какова была позиция Геринга в отношении войны?
Мильх: У меня всегда было впечатление еще со времени захвата Рейнской области[59], что он опасался, что политика Гитлера приведет к войне. По моему мнению, он был против войны.
Штамер: Когда вы в первый раз узнали, что Гитлер планирует войну с Россией?
Мильх: Насколько я помню, это было весной 1941 года. Могу я снова себя поправить? Я хочу взглянуть в свой блокнот. 13 января рейхсмаршал сказал мне о том, что Гитлер ожидает нападения России на Германию, затем некоторое время я больше ничего не слышал и рейхсмаршал тоже не говорил о том, какое у него мнение насчёт этого. В любом случае, недели и месяцы, я ничего не слышал об этом. Однако, верно, что тогда я редко бывал в Берлине и вообще не был в ставке, а в инспекционных поездках и т.д. Когда я вернулся, я не помню, когда это было,

[59] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

может быть в марте или апреле – один из моих подчинённых докладывал мне по вопросу обмундирования, и он задал мне вопрос нужно ли предусматривать зимнее обмундирование на случай войны с Россией. Меня очень удивил этот вопрос. Меня ранее не информировали. Я смог сказать ему только о том, что если предвидится война с Россией то нам нужно обмундирование на несколько зим, и я сказал ему о том какое обмундирование я бы предложил.

Штамер: Вы говорили второй раз с фельдмаршалом Герингом об этой войне?

Мильх: Да.

Штамер: Когда это было?

Мильх: 22 мая, в одной из своих поездок, я снова связался с главнокомандующим впервые спустя долгое время. Это было в Федельштайне, где тогда находился Геринг. Там я обсуждал с ним этот вопрос и я сказал ему о том, что, по моему мнению, для него будет величайшей исторической задачей предотвратить эту войну, поскольку она могла закончиться уничтожением Германии. Я напомнил ему о том, что мы не должны добровольно обременять себя войной на два фронта, и т.д. Рейхсмаршал сказал мне о том, что он уже приводил все эти аргументы, однако было совершенно невозможно отговорить Гитлера от войны. Моё предложение попытаться поговорить с Гитлером ещё раз рейхсмаршал назвал совершенно безнаджёным. Нам нужно было подавать в отставку, с этим ничего нельзя было поделать. Из этих слов было совершенно ясно, что он был против войны, и что, он ни при каких обстоятельствах не хочет этой войны, но при этом у него не было никакой возможности отговорить Гитлера от этого замысла.

Штамер: Из того, что он сказал, показалось, что он говорил Гитлеру о своих сомнениях?

Мильх: Да, мне было совершенно ясно, что он также беседовал по вопросу войны на два фронта, и он рассказывал мне о том, что он излагал Гитлеру эти аргументы, но мне он говорил, что это было безнадёжно. Я хочу сказать кое-что ещё о 23 мая. После этой дискуссии и ввиду того факта, что германские воздушные силы вряд ли имели резервы доступных бомб, я предложил о необходимости производства бомб. Ранее Гитлер считал это ненужным и излишним в настоящее время. Стоял вопрос нехватки железа. После этого совещания, находясь под впечатлением от затруднений которые могут возникнуть, я отметил, что бомбардировочный флот воздушных сил не готов к действиям. Моё предложение было снова отклонено Гитлером после 23 мая. Он должен был дать мне знать, будут ли нам нужны бомбы. Когда мы отметили, что производство бомб занимает несколько недель, даже месяцы, он заявил о том, что позже у нас будет достаточно времени для этого. Из этого я сделал вывод, и как вам известно, мне не разрешалось это ни с кем обсуждать, что слова Гитлера 23 мая не были настолько серьёзными как прозвучали для меня.

Штамер: Когда состоялся этот последний разговор по вопросу отказа от

производства бомб?

Мильх: Это было где-то – я однажды говорил об этом, после мая, когда обстановка была известной. Но позже, в последней части лета, я снова довёл это до его сведения. И снова был отказ. Приказ о производстве бомб был отдан Гитлером только 12 октября 1939, хотя мы раньше указывали на дефицит. Я отчётливо помню как Гитлер сказал: «Мои попытки заключить мир с Западом после кампании с Польшей не удались. Война продолжается. Теперь мы можем и должны производить бомбы».

Штамер: Говорил ли Гитлер когда-либо вам, что его серьезным намерением является жить в мире с Западом?

Мильх: Да. Я уже раньше очень коротко остановился на визитах в различные страны. После посещения Франции я два часа беседовал с Гитлером в Оберзальцберге и сделал доклад о своей поездке. После моей поездки в Англию, примерно через 2 недели, я также сделал Гитлеру многочасовой доклад. Он был очень заинтересован этим докладом, и после второго доклада, то есть после посещения Англии, он заявил: «Я буду так или иначе проводить свою политику, но вы можете быть уверены в том, что я всегда буду опираться на Англию. Я намерен всегда идти вместе с Англией». Эта беседа имела место 2 ноября.

Штамер: Какого года?

Мильх: 1937 год, 2 ноября.

Штамер: Вы говорили о двух беседах?

Мильх: Да. Первая представляла собой отчет о посещении Франции, вторая — отчет о посещении Англии. Гитлеру, который вообще не знал заграницы, было очень интересно узнать от военного человека что-либо об Англии, как меня приняли, о стране, вооружении и т. д.

Штамер: Каково было отношение рейхсмаршала Геринга к Гиммлеру?

Мильх: Не всегда это было ясно для меня. У меня было впечатление, что со стороны Гиммлера всегда имело место соперничество. Отношения между ними, однако, были весьма корректными, и со стороны они казались весьма предупредительными. Каковы они были в действительности, я сказать не могу.

Штамер: В мае 1942, была переписка между вами и обергруппенфюрером Вольфом[60]?

Мильх: Так точно.

Штамер: В частности, про медицинские эксперименты на заключённых лагеря Дахау. Вы могли бы рассказать нам, что-нибудь о них?

Мильх: По данному вопросу меня допрашивали, здесь в Нюрнберге, и то о чём я уже не помнил, напомнили двумя письмами – письмом от Вольфа, который был адъютантом Гиммлера, и ещё одним письмом от Гиммлера мне и ответом который я

---

[60] Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Главный адъютант Г. Гиммлера в 1935-1945.

дал на него, представленными мне. Они касались экспериментов с барокамерами и охлаждением. Эти письма были адресованы мне лишь потому, что Гиммлер не знал официальных каналов Люфтваффе. Письма доставлялись в управление медицинской инспекции, которая мне не подчинялась. Управление медицинской инспекции также написало ответ и представило его мне. Я немного изменил ответ, и его отправили по почте. Я не читал отчет, направленный в связи с этим Гиммлером. Он также представил фильм. Я не смотрел фильм. Медицинский инспектор, которого я спросил к чему всё это, рассказал мне о том, что на наших молодых врачах которые вызвались добровольцами проводились эксперименты с барокамерами. Таким же образом, в вопросе охлаждения не стояло вопроса интереса воздушных сил. Мы оба согласились в том, что мы никак не хотим быть связаны с этим вопросом. Я спросил его о том, для чего проводились эти эксперименты. Он сказал мне, что преступники подвергались этим экспериментам. Я спросил его, каким образом. Он сказал, что таким же самым образом, как и наши доктора, проводившие на себе эти эксперименты. Затем мы написали ему письмо, которое было весьма вежливым – таким людям нельзя писать по-другому, однако полностью отвергающее эксперименты. Мы не хотели иметь к ним никакого отношения. В письме Гиммлера меня просили сделать доклад рейхсмаршалу по данному вопросу.

У меня сложилось впечатление, что путём этих опытов СС хотели показать себя важными в глазах Гитлера. Так сказал мне начальник медицинского управления. Во время длинного отчёта по самым разным вопросам я коротко упомянул этот вопрос рейхсмаршалу, потому что мне нужно было ожидать, что однажды к нему обратиться Гиммлер, и наверное ничего не будет известно об этом вопросе. Рейхсмаршал спросил меня, когда я рассказал ему об этих экспериментах: «Что это значит?». Я ответил ему также как мне сказал медицинский инспектор. Я сказал ему о том, что мы не хотим иметь к ним никакого отношения и мы отказались от этого. Он высказал точно такое же мнение, но я должен был быть очень аккуратным, чтобы не спровоцировать СД или неправильно с ней обойтись. О чём были эксперименты, я не знаю, как и не знаю, что делали с людьми, я не знаю этого даже сейчас.

Штамер: А рейхсмаршал знает?

Мильх: Разумеется, нет.

Штамер: Доктор Рашер[61] вскоре ушёл от вас, для того, чтобы вступить в СС?

Мильх: Не могу сказать. Я не знаю доктора Рашера, и не имел никакого отношения к вопросу перевода. Рашер не подчинялся мне больше, нежели начальнику медицинского управления или кадровому управлению.

Штамер: Известно ли вам, отдавал ли рейхсмаршал Геринг приказы подчинённым войскам, говорящие о том, что саботажные войска нужно уничтожать, или о том,

[61] Зигмунд Рашер (1909 — 1945) — немецкий медик, сотрудник Аненербе, врач в концентрационном лагере Дахау, гауптштурмфюрер СС. Казнён по приказу Г. Гиммлера.

чтобы захваченных лётчиков-террористов нужно было передавать СД без судебного разбирательства?

Мильх: Нет, я ничего об этом не знал.

Штамер: Вы, когда-нибудь слышали, что-нибудь об этом?

Мильх: Нет.

Штамер: Каким было отношение рейхсмаршала к захваченным лётчикам в целом?

Мильх: Иногда мне доводилось говорить с рейхсмаршалом об этом.

Джексон: Я хочу заявить возражение. Я думаю, мы весьма либеральны. Я думаю, мы очень либеральны допуская всякие подобные заявления, но мне не кажется, что это подпадает в разряд подходящих показаний. Данный свидетель заметил, что не имеет никаких сведений о предмете, он не знает о приказах которые приобщены в качестве доказательств, и он считает возможным говорить об отношении рейхсмаршала. У меня нет возражения, чтобы он сказал, что-нибудь о каких-нибудь фактах из которых трибунал будет проинформирован об отношении рейхсмаршала, но я думаю, что одному свидетелю говорить о мыслях другого человека не имея каких-либо фактов, это выходит за рамки того, что мы здесь можем допускать в качестве доказательства. Это не помогает решить проблему, и я покорно возражаю вопросу и ответу как не имеющим достоверной и относительной доказательственной ценности по какому-либо вопросу, стоящему перед трибуналом.

Председатель: Доктор Штамер, я думаю, вы должны ограничивать себя любыми фактами и наблюдениями о подсудимом Геринге. Так как свидетель только, что сказал, что он никогда не слышал ни о каких акциях против лётчиков-террористов, я не понимаю, как он может дать показания об отношении подсудимого Геринга к этому.

Штамер: Господин председатель, я хочу сформулировать свой вопрос следующим образом: «Рейхсмаршал Геринг обсуждал со свидетелем то, как следует обращаться со сбитыми вражескими лётчиками?

Мильх: Нет.

Штамер: Как я полагаю, это факт, не так ли?

Мильх: Со мной это не обсуждалось.

Штамер: У меня есть ещё один вопрос. Он говорил с вами о том факте, что он возражал всякой жестокости в обращении с противником?

Мильх: Об этом я и хотел сказать. Он говорил мне об этом, вспоминая Первую мировую войну.

Штамер: И, что же он говорил?

Мильх: Что как только их сбивают, они наши товарищи, в этом был смысл.

Штамер: У меня больше нет вопросов к свидетелю. Я передаю его в распоряжение защиты или обвинения.

Председатель: Кто-либо из вас хочет задать свидетелю вопросы?

Латернзер: Свидетель, как вам известно, обвинение сгруппировало определённый

круг людей включающий высокопоставленных военных руководителей для того, чтобы объявить этот круг преступным. Вероятно, вам известен этот круг?

Мильх: Да.

Латернзер: Такая группировка равнозначна должностям в германских вооружённых силах?

Мильх: Я не понял вопрос.

Латернзер: Когда-либо существовала группировка должностей в рамках германских вооружённых силах подобная той, которая сейчас создана для формирования такой группы?

Мильх: Да. Мне кажется, что с тех пор как существует армия, существуют высокопоставленные руководители которые находятся в группе со своим главнокомандующим.

Латернзер: Обладатели этих должностей занимались проработкой технических военных проблем по приказам Гитлера, или же они вели работу над темами по собственной инициативе, представляя их Гитлеру для исполнения?

Мильх: Нет. Военное руководство действовало только в соответствии с приказами своих начальников, то есть генералы воздушных сил по приказам главнокомандующего воздушными силами, который получал свои приказы от главнокомандующего Вермахтом – это был Гитлер, и до него Гинденбург[62].

Латернзер: Вам известно о том собиралась ли, когда-нибудь эта предполагаемая группа генерального штаба и ОКВ[63], в том виде как её объединили?

Мильх: Перед нападением на Польшу были созваны только те командиры армии и флота, которые должны были участвовать в боевых действиях. Таким же образом, те кто должен был участвовать в боях на Западе весной 1940 были созваны Гитлером. Тоже самое происходило, насколько мне известно, перед нападением на Россию.

Латернзер: Вам доводилось присутствовать на таких совещаниях.

Мильх: Да, на некоторых.

Латернзер: Вы могли бы описать ход какого-нибудь такого совещания? В частности я придаю значение точки зрения на то, имело ли возможность на этих совещаниях высшее военное руководство вносить контрпредложения?

Мильх: Я помню совещание с Гитлером которое состоялось в Оберзальцберге перед польской кампанией. Это было 22 августа. Присутствовали главнокомандующий вооружёнными силами и командующие армиями. Гитлер стоял перед большим столом, а генералы сидели на стульях друг за другом. Он произнёс речь приводившую причины, политическую обстановку, как он обычно делал и свой

---

[62] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Президент Германии (1925—1934).

[63] ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

замысел. В ходе этого совещания, какой-либо ответ или дискуссия со стороны генералов были невозможными. Проводилось ли другое совещание по поводу деталей, я не знаю. Я знаю только об этой речи Гитлера. Затем, перед нападением на Россию, было по-другому. Мы сидели вокруг очень большого стола, и соответствующие командиры групп армий и армий должны были продемонстрировать на карте свои замыслы и методы исполнения полученных приказов, в то время как Гитлер в целом соглашался, или, наверное, в некоторых случаях, говорил о том, что он бы предпочёл усилить там и ослабить здесь, однако, его возражения, были незначительными.

Латернзер: Это означает, что совещания больше походили на инструктаж?

Мильх: Именно так, инструктаж.

Латернзер: Вы можете сказать, кто-либо из группы «генеральный штаб» или так называемой группы «генеральный штаб и ОКВ», когда-либо вносил предложения отступавшие от действовавшего международного права?

Мильх: Об этом я не знаю.

Латернзер: Вам известно, часто ли члены этой предполагаемой группы встречались с политиками или высокопоставленными членами партии?

Мильх: По моему мнению, нет. Я имею в виду, конечно, в отношении большинства этих господ. Само собой разумеется, что главнокомандующие вооружённых сил или начальник ОКВ чаще проводили совещания с политиками. Но командиры среднего звена из групп армий, флотов или армий не имели такой возможности.

Латернзер: Члены этой, так называемой группы, относившиеся к армии, флоту или воздушным силам, организовывали между собой дискуссии?

Мильх: Если им поручали сотрудничество в общей задаче, например, если главнокомандующий армией или группой армий работал с морским главнокомандующим, то естественно такие дискуссии были. Но само собой отношения с соседним главнокомандующим не были тесными, а с ещё более отдалённым соседом их вообще не было.

Латернзер: Это означает, что такие дискуссии проводились только в отношении исполнения общей задачи?

Мильх: Да, с этой целью.

Латернзер: Внутри воздушных сил, это правда, что этот круг людей включал тех офицеров которые занимали должности начальника штаба воздушных сил или командира воздушных сил или воздушного флота в течение определённого периода? У меня есть список генералов воздушных сил которые принадлежали к этой группе, и я хочу спросить вас, в отношении некоторых из них, о звании и должности этих генералов на момент начала войны. Какое было звание у генерала Кортена[64] в

[64] Гюнтер Кортен (1898 — 1944) — один из высших командиров Люфтваффе, начальник Генерального штаба люфтваффе (1943—1944), генерал-полковник авиации (22 июля 1944 посмертно). Убит в результате покушения на Гитлера 20 июля 1944.

начале войны?

Мильх: Мне кажется или полковник или подполковник, но я не совсем уверен.

Латернзер: Вам известно, какую должность он занимал?

Мильх: Мне кажется, он был начальником штаба воздушного флота Мюнхена.

Латернзер: Затем, с августа по октябрь 1944, генерал Крейпе[65] являлся начальником штаба воздушных сил. Кем был этот офицер, когда началась война?

Мильх: Предполагаю, что майором или подполковником.

Латернзер: Да. Вам известно, какую должность он занимал?

Мильх: Нет, на тот момент, я не могу точно сказать. Может быть, он был начальником штаба авиакорпуса.

Латернзер: Да. И какое звание он имел, будучи начальником штаба авиакорпуса?

Мильх: От майора до полковника, такой порядок.

Латернзер: Генерал Коллер[66] также короткое время являлся начальником штаба воздушных сил. Кем был этот офицер к началу войны?

Мильх: Мне кажется подполковником.

Латернзер: Далее у меня осталось несколько имен. Вам известны звание и должность Десслоха[67] к началу войны?

Мильх: Точно не помню, наверное, генерал-майор или полковник. Точно не помню.

Латернзер: А генерал Флюгбейль[68]?

Мильх: Тоже самое.

Латернзер: Генерал Зейдель[69]?

Мильх: Зейдель, как мне кажется, уже был генерал-майором к началу войны.

Латернзер: И какую должность он имел в то время?

Мильх: Он был генерал-квартирмейстером в генеральном штабе.

Латернзер: Какое звание соответствовало этой должности в сравнении с командиром, главнокомандующим, командиром дивизии…?

Мильх: Командир корпуса это почти тоже самое, что и генерал-квартирмейстер.

Латернзер: Да. У меня есть ещё несколько вопросов по поводу самих воздушных сил и высшего военного руководства. Из ваших показаний следует сделать вывод, что в 1939 воздушные силы были, не полностью подготовлены к войне. Что касается этого пункта, вы можете назвать причины неготовности воздушных сил к войне?

Мильх: В течение нескольких лет между 1935 и 1939, я уже приводил цифры промышленности, для любого солдата любой страны было бы невозможно создать

---

[65] Вернер Крейпе (1904 – 1967) – немецкий генерал авиации. В июле – ноябре 1944 начальник генерального штаба Лютфваффе.

[66] Карл Коллер (1898 — 1951) — немецкий генерал авиации и начальник Генерального штаба ВВС нацистской Германии во Второй мировой войне в 1944-1945.

[67] Отто Десслох (1889 — 1977) — генерал-полковник Люфтваффе (1944). В 1943-1945 командовал рядом воздушных флотов.

[68] Курт Флюгбейль (1890 – 1955) – немецкий генерал авиации. В 1940-1945 командовал рядом воздушных флотов. Советским судом был приговорён к 25 годам лишения свободы. Освобождён в 1951 по состоянию здоровья.

[69] Ганс-Георг фон Зейдель (1891 – 1955) – немецкий генерал авиации. В 1938-1944 генерал-квартирмейстер Люфтваффе.

воздушные силы равные задачам с которыми мы столкнулись в 1939. Это невозможно. Невозможно создать части, создать училища и обеспечить их соответствующим преподавательским составом, невозможно разработать самолёты которые нужны, и затем осуществлять их массовое производство. Невозможно за такой короткий период подготовить или выпустить достаточно квалифицированные лётные экипажи удовлетворяющие высоким техническим стандартам которых требуют современные самолёты. Точно также, невозможно за такое короткое время подготовить наземный персонал, который технически пригоден и направить его в распоряжение воздушных сил, а также авиационную промышленность. В тоже время, также…

Председатель: Он сказал, что это невозможно. Не нужно вдаваться в детали по данному предмету.

Латернзер: У меня есть всего несколько уточняющих вопросов.

[*Обращаясь к свидетелю*] Воздушные силы ожидали сопротивления при вторжении в Австрию?

Мильх: Нет. Мы точно знали, что сопротивления не будет. Мы не брали с собой никакого оружия.

Латернзер: Каким был приём там?

Мильх: Настолько дружественным, как будто это наша страна.

Латернзер: Вас, как фельдмаршала, заранее проинформировали о том, что Соединённым Штатам должна быть объявлена война?

Мильх: Нет.

Латернзер: На данном процессе есть серьезные обвинения против германских солдат и их руководителей в связи с совершёнными жестокостями. Каждый солдат не был достаточно проинформирован и проинструктирован о нормах международного права?

Мильх: Да. Каждый солдат имел расчётную книжку. На первой странице расчётной книжки были написаны десять заповедей солдата. Они включали все эти вопросы.

Латернзер: Вы можете привести примеры пунктов этой памятки?

Мильх: Да. Например, что ни один солдат – ни один пленный не должен расстреливаться, о том, что не допускался грабёж. Кстати, у меня с собой эта расчётная книжка. Обращение с военнопленными, Красный крест, неприкосновенность гражданского населения, отношения солдата, если он стал военнопленным и в заключение угроза наказания за правонарушения.

Латернзер: Если становилось известно, что солдаты совершали правонарушения или беспорядки против гражданского населения, соответствующие командиры, насколько вам известно, вмешивались с необходимой строгостью?

Мильх: Я знаю некоторые случаи, я знал о некоторых случаях, в которых так было дело, даже применялась смертная казнь.

Латернзер: Таким образом, командиры всегда, в любых обстоятельствах

стремились поддерживать дисциплину в войсках?

Мильх: Да. Я могу привести заметный пример. Генерал воздушных сил завладел ювелирными украшениями принадлежащими иностранке. Он был приговорён к смерти и казнён. Я думаю, это было в 1943 или 1944.

Латернзер: Свидетель, в частности в критические дни 1939, вы находились в тесном контакте с подсудимым Герингом. Вы, когда-либо слышали от него о крупномасштабном плане ведения обширной войны?

Мильх: Нет.

Латернзер: По вашему мнению, остальное высшее военное руководство слышало или должно было слышать об этом?

Мильх: Нет. Все меры предпринимаемые Гитлером, начиная с оккупации Рейнланда, происходили очень внезапно, как правило после подготовки за несколько часов. Это относилось к Австрии, это также относилось к Чехословакии и Праге. Единственный раз, когда нам рассказывали заранее, было дело Польши, которое я уже упоминал, когда было совещание 23 мая.

Латернзер: Во всех других случаях, это было довольно неожиданно для высшего военного руководства?

Мильх: Да, абсолютно неожиданно.

Латернзер: Остался ещё один вопрос. Существовала ли возможность уйти в отставку для высшего военного руководства во время войны?

Мильх: Об этом говорилось много раз. Я сам это испытал, нельзя было передавать чью-то отставку. Говорилось, что если есть у кого-то есть причина уйти, он должен проинформировать своих начальников. В авторитарном государстве, подчиняясь гражданин не имеет права уходить в отставку по собственной инициативе, будь он солдат или гражданский.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Трибунал отложен до утра понедельника.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 11 марта 1946*]

День семьдесят восьмой

Понедельник, 11 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Латернзер, вы закончили допрос?
Латернзер: У меня есть всего несколько вопросов к свидетелю.

[*Свидетель Мильх вернулся на место свидетеля*]

Латернзер: Свидетель, я хочу снова обратиться, очень кратко, к степени неготовности Люфтваффе к войне в 1939. Пока мы рассматриваем этот предмет, я хочу спросить было ли обеспечено взаимодействие Люфтваффе с ОКВ, армией и флотом в 1939?
Мильх: По моему мнению, Люфтваффе не были готовы к крупной войне в 1939. Не существовало никаких соглашений о взаимодействии с родами войск вооружённых сил. Во всяком случае, мне о таких соглашениях ничего известно не было.
Латернзер: Если бы такие соглашения с другими родами войск вооружённых сил существовали, вы бы о них знали?
Мильх: Думаю так, поскольку тогда я бы участвовал в таких вопросах.
Латернзер: В чём заключалась координация между самыми важными управлениями Люфтваффе?
Мильх: С 1937 она была весьма расплывчатой. Генеральный штаб, техническое управление и кадровое управление находились в составе, они более или менее работали сами по себе.
Латернзер: Свидетель, вы только, что сказали о генеральном штабе. Что вы понимаете на немецком языке как «генеральный штаб Люфтваффе»?
Мильх: Генеральный штаб означает на немецком языке помощников руководства, другими словами, младших офицеров которые получили специализированную подготовку и которые действуют в качестве помощников войсковых командиров, от командиров дивизий и выше.
Латернзер: Из кого состоял генеральный штаб Люфтваффе?
Мильх: Он состоял из офицеров в административных отделах генерального штаба, из начальника генерального штаба Люфтваффе и ниже также офицеров которые были командированы в качестве офицеров штабов в дивизии и корпуса на поле боя, и в воздушные флота.
Латернзер: Какие временные рамки устанавливались для формирования новых

частей Люфтваффе?

Мильх: О формировании крупных частей ещё не приказывали, хотя о них говорили задолго до начала войны. Планировалось создать крупные воздушные силы позднее, но насколько я помню, намеченные планы предусматривали завершение за 6-8 лет.

Латернзер: В каком году планы должны были быть завершены?

Мильх: Думаю в 1944-1946.

Председатель: Есть не только техническая неисправность, у нас одновременно идут две передачи, но и свидетель и защитник говорят слишком быстро.

Мильх: В 1939 уже существовала организация по дневным и ночным истребителям?

Мильх: Нет, не существовала.

Латернзер: Организация для ведения бомбовой войны?

Мильх: Не в том размере который нужен для агрессивной войны.

Латернзер: Какой прогресс наблюдался в строительстве аэродромов?

Мильх: Аэродромы строили с взлётной полосой до 1000 метров, но это подходило только для истребителей, но не загруженных тяжёлых бомбардировщиков.

Латернзер: В каком положении находилась служба связи Люфтваффе?

Мильх: Оперативная сеть, то есть, кабельная сеть для операций, тогда не существовала, пришлось импровизировать и строить её во время войны.

Латернзер: Каким было положение корпуса воздушного наблюдения?

Мильх: Он также не был организован. Обращаясь к вопросу бомбардировщиков, самое большее, что я могу добавить это то, что изначально, в ранние годы, было организовано производство четырёхмоторных бомбардировщиков пригодных к ночному использованию. Несмотря на техническое совершенство, от этих бомбардировщиков отказались, мне кажется в 1937. Тогда считали, что больших расходов из-за таких тяжёлых бомбардировщиков нужно было избегать, поскольку тогда никто не думал о войне. Это было время, когда фельдмаршал Кессельринг был начальником генерального штаба и вопрос ставили на решение рейхсмаршалу, который согласился на остановку этих тяжёлых бомбардировщиков.

Латернзер: Когда это было?

Мильх: Минуточку, я взгляну. 29 апреля 1937 рейхсмаршал, действуя в соответствии с рекомендациями начальника генерального штаба, прекратил производство этих дальних бомбардировщиков. Таким образом, в 1939, не существовало никаких ночных бомбардировщиков, которые могли бы сравниться с английскими машинами типа «Ланкастер», и т.д.

Латернзер: Как обстояло дело с экипажами Люфтваффе?

Мильх: У нас было почти достаточно резерва личного состава для сравнительно небольших Люфтваффе того времени. Недостаток резерва личного состава являлся крупнейшей преградой в строительстве Люфтваффе. Весь вопрос временных рамок, и тому подобного зависел от подготовки личного состава. Вопрос личного состава регулировал темп. Можно было быстрее строить самолёты, но невозможно было

ускорить подготовку лётчиков. И как я говорил в пятницу, это являлось основным соображением в вопросе временных рамок. Пилоты и технический персонал бесполезны без подготовки. Гораздо хуже иметь полуобученный личный состав, чем вообще не иметь личного состава.

Председатель: Доктор Латернзер, я не хочу прерывать ваш перекрёстный допрос, но мы заседаем здесь уже 20 минут, и всё, что я понял, это то, что Люфтваффе не были готовы к войне в 1939. Мне кажется в этом слишком много деталей.

Латернзер: У меня есть всего один вопрос по теме. Имелись ли какие-нибудь резервы алюминия, магния и резины, и существовали какие-либо средства для производства этих материалов?

Мильх: В недостаточных количествах.

Латернзер: А теперь последний вопрос. Свидетель, в ходе ваших показаний в пятницу вы назвали «главный приказ № 1». Вы также привели содержание данного приказа. В этой связи я хочу спросить, строго ли соблюдался данный приказ?

Мильх: Да, очень строго.

Латернзер: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из других защитнико хочет задать свидетелю какие-либо вопросы?

Флекснер: Я прошу разрешения задать свидетелю несколько вопросов.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы помните, когда Гитлер потребовал строить устойчивые к бомбардировкам фабрики в пещерах или бетонных убежищах?

Мильх: Насколько я помню, это было, когда британцы начали тяжёлые налёты в 1943.

Флекснер: Вы помните совещание в Оберзальцберге в начале апреля 1944, и то, что вы говорили Гитлеру о трудностях в строительной промышленности, и приказ Гитлера в связи с этим?

Мильх: Да. По этому поводу Гитлер приказал о строительстве очень крепких строений. Мне кажется, он потребовал шесть бомбоустойчивых фабрик, каждая по 600000 квадратных метров пространства. Позже, Шпеер который с апреля отсутствовал по болезни, заявил возражения этим приказам. Он считал, эту строительную работу слишком масштабной, и, что её уже поздно проводить. Позже он получил разрешение на то, чтобы работы по всем фабрикам которые к июню 1944 не находились на достаточном проценте готовности, то есть, которые не могли начать работу в начале 1945, были прекращены.

Флекснер: Меня больше всего интересует вопрос рабочей силы. На дискуссии в Оберзальцберге фюрер выделил необходимую рабочую силу для строительства требуемых им фабрик?

Мильх: Да. Думаю, я правильно помню, что в ответ на возражение, заявленное одним из присутствовавших господ, он сказал о том, что он сам проследит за тем,

чтобы рабочую силу предоставили.

Флекснер: Свидетель, вы сказали, что господин возражал этим стройкам. Что случилось потом? Шпеер не присутствовал на встрече?

Мильх: Нет, он тогда болел.

Флекснер: Вы можете кратко сказать нам, что происходило?

Мильх: Во время болезни Шпеера, из других ведомств к фюреру приходили просьбы о том, чтобы Шпеера отстранили от строительной работы. Сложности возникли ввиду того, что, хотя в теории Шпеер оставался ответственным за строительство на практике эту работу у него полностью забрали из его рук. Он уже не мог ничего сказать по поводу строительства, поскольку было решено о том, чтобы строительное управление организации Тодта[70] получало приказы напрямую от Гитлера. Таким образом, Шпеера больше и больше исключали из этой сферы деятельности. Тогда много говорили о крупномасштабном строительстве, но на самом деле очень мало работы было проделано.

Флекснер: Гитлер отдал письменный приказ господину Доршу[71], и он показал его Шпееру? Вам, что-нибудь об этом известно?

Мильх: Насколько я помню, такой письменный приказ был отдан, и его также направили Шпееру. У меня смутные воспоминания о том, что Шпеер однажды показывал мне такой приказ.

Флекснер: Последний вопрос по этой теме. В результате Дорш, который имел прямое поручение фюрера, принял ответственность за эти постройки и необходимую рабочую силу?

Мильх: Да.

Флекснер: Свидетель, вы являлись членом центральной плановой комисии. Можете ли вы рассказать мне была ли центральная плановая комисиия уполномочена принимать решения по использованию немецкой рабочей силы и о её распределении?

Мильх: Нет.

Флекснер: Центральная плановая комиссия, когда-нибудь принимала подобные решения?

Мильх: Центральная плановая комиссия создавалась только для распределения сырья, но на неё возложили определённый контроль за перевозками. Однако, вопрос перевозок был самостоятельным в отношении распределения сырья. Такого нельзя сказать в распределения рабочей силы. Если центральная плановая комиссия пыталась получить какое-то влияние в отношении распределения рабочих, то это связано с тем, что он была ответственной за вооружения, и таким образом могла лучше всего судить о потребностях. Но и здесь возникали значительные трудности,

---

[70] Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего Рейха. Организация названа А. Гитлером по имени возглавившего её Фрица Тодта с 18 июля 1938 года.

[71] Франц Дорш (1899 – 1986) – немецкий инженер. Главный инженер организации Тодта в 1938-1945.

и эта сфера работы центральной плановой комиссии прекратила существование.

Флекснер: Значит, никакого решения никогда не принималось? У нас имеются протоколы которые показывают, что центральная плановая комиссия иногда обсуждала трудовые проблемы.

Мильх: Да, очень часто, так как ведомства вооружений, которые были представлены в центральной плановой комиссии серьёзно занимались проблемами рабочей силы, но эти обсуждения в основном касались поставок продовольствия и рабочих пайков.

Флекснер: И последний вопрос по теме. Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы каким-либо образом смотрел на центральную плановую комиссию, как на полномочного, то есть, как окончательного арбитра в общем плане использования рабочей силы?

Мильх: Нет, он не мог так делать, так как он сам по себе представлял такой орган.

Флекснер: В 1943 или 1944 существовали какие-нибудь резервы немецких рабочих, и просил ли Шпеер об использовании немецкой рабочей силы вместо иностранных рабочих?

Мильх: Да, снова и снова Шпеер вносил серьёзные предложения о том, что пока доступна хотя бы какая-то немецкая рабочая сила, даже мобилизуемая с трудом, она должна быть доставлена и направлена на работу. Этот резерв состоял в основном из женской рабочей силы, женщин из профессиональных кружков и социальных клубов, которые в военное время не делали ничего кроме домашней работы.

Флекснер: Свидетель, вы уже рассказали нам о том, что подсудимый Шпеер болел в 1944. Вы можете рассказать нам приблизительно, когда он заболел и когда выздоровел?

Мильх: Он заболел в феврале, и я думаю это длилось до июня.

Флекснер: Спасибо. Вам, что-нибудь известно об использовании этой долгой болезни для того, чтобы сильно подорвать его влияние и власть? Вы можете мне сказать, кто был больше всего в этом заинтересован?

Мильх: Его влияние подорвали вышеуказанные строительные проекты. Мне трудно назвать имя тех людей, которые надеялись занять его место.

Флекснер: С этим стало лучше или хуже после 20 июля?

Мильх: В действительности, с течением времени становилось хуже. Положение Шпеера становилось ещё хуже, так как в целом взгляды сильно расходились с официальным мнением Шпеера.

Флекснер: Спасибо. Итак, могу я напомнить вам кое-что ещё? В феврале 1945, по приказу Гитлера подсудимому Шпееру было поручено распределение машин и вы, если я правильно информирован, были назначены им в качестве его представителя. Вы можете сказать мне, какой тогда была обстановка с транспортом, и в какой мере выпуск вооружений зависел от транспортной обстановки?

Мильх: В те дни транспортная обстановка была настолько плачевной из-за

американских дневных налётов, что транспортная система уже не могла перевозить даже товары первой необходимости и вооружения. Наша великая кузница, Рурский район, была особо поражена, также как и транспортная система для перевозки продуктов из Рура к обрабатывающей промышленности в центральной Германии, Берлина и Саксонии. Если бы не были предоставлены чрезвычайные полномочия и не предприняты срочные меры, тотальный коллапс, просто в виду транспортных трудностей, стал бы вопросом часов. Такой тогда была обстановка.

Флекснер: Шпеер, в его положении, мог расчитывать на преференции для вооружений при распределении доступного транспорта? Что он делал?

Мильх: Нет. Шпеер, также как я, совершенно чётко видел, что весь вопрос вооружения не может повлиять на обстановку на том этапе. Следовательно, действуя по собственной инциативе, он предоставил приоритет перевозке продовольствия для населения. Самой срочной работой был вывоз продовольствия с немецкой территории которой угрожал противник.

Флекснер: Эти меры предпринимались только для того, чтобы обеспечить текущее продовольственное снабжение, или это были меры на длительный срок.

Мильх: Планировалось вывезти всё доступное и пригодное к перевозке продовольствие в безопасное место.

Флекснер: Свидетель, машины тогда являлись особо трудной проблемой. Количество грузовиков и количество топлива для них было сокращено при выделении транспорта промышленности вооружений, какие приказы по поводу грузовиков отдал Шпеер в середине февраля? Вам известно?

Мильх: Я знаю о том, что грузовиков промышленности вооружений поставляли настолько мало, что нельзя было выполнить даже значимые заказы. Приходилось искать любые виды альтернативного транспорта, такие как трамваи, большое количество повозок и другие транспортные средства. Но, насколько позволяют мои сведения, Шпеер использовал транспортные средства для пользы немецкого народа для того, чтобы поддерживать нечто вроде организации снабжения продовольствием.

Флекснер: Топливо тогда являлось серьёзным узким местом, не так ли?

Мильх: Фактически, это было самое серьёзное узкое место из всех.

Флекснер: Свидетель, вам довелось знать о том, что после февраля 1945 Шпеер предоставил приоритет ремонтной работе на азотных фабриках производящих удобрения для сельского хозяйства, что означало то, что ремонт топливных заводов занимал второе место?

Мильх: Да я знаю, потому что Шпеер много обсуждал со мной чрезвычайные меры которые необходимо предпринять перед неминуемым и неизбежным крахом. Он считал, что главней всего было то, чтобы делать всё возможное для того, чтобы помочь немецкому народу пережить тяжёлое время после краха. Эти первые меры касались поставок продовольствия, спасения продовольствия и распределения

транспорта.

Во-вторых, он стремился, избежать уничтожения германских фабрик находящихся в нашей власти, что прямо противоречило приказу Гитлера о тактике «выженной земли».

В-третьих, он обсуждал переход от военного к мирному производству на тех фабриках которые могли остаться. Прежде всего он думал о сельскохозяйственном машиностроении и запасных частях, и исходил из предположения о том, что если разместить заказы, они будут выполнены несмотря на переворот, например, даже если какие-то немецкие фабрики перейдут в руки противника, или когда бои закончаться, то государственные контракты автоматически отменятся.

Флекснер: Свидетель, сейчас мы затронули целую серию вопросов, и я крайне вам благодарен. Однако, я должен, задать вам ещё один вопрос. Вы могли бы привести ещё какие-нибудь подробности о предотвращении разрушения?

Председатель: Доктор Флекснер, вы объясните мне как эти показания о которых вы спрашиваете, относятся к делу и к какому обвинению они относятся?

Флекснер: Господин председатель, подсудимому Шпееру вменяется соучастие в заговоре и общем плане для ведения агрессивной войны до 7 мая 1945. Если я сейчас смогу подтвердить, что его деятельность по крайней мере за некоторое время до этой даты была несовместимой с таким общим планом, тогда эта часть показаний будет относится к вопросу о том является ли обоснованным обвинение.

Председатель: Все доказательства которые вы представляли последние 15 минут относились к 1943 и 1944, относились к совещаниям в связи со строительством фабрик для производства бомбардировщиков и тому факту, что, насколько я понял, факту о том, что Шпеер стремился и пытался прокормить немецкий народ нежели строить фабрики вооружений. Как это относится к делу, у меня нет ни малейшего соображения.

Флекснер: Первый пункт относится к документу PS-1584, который обвинение представило как инкриминирующий моего клиента. Документ говорит о том, что на совещании в Оберзальцберге, было приказано о строительстве неких фабрик, и о том, что 100 000 венгерских евреев использовали на этом строительстве. Целью допроса свидетеля было установить, что подсудимый Шпеер не может быть ответственным за это строительство, поскольку Гитлер отдал прямой приказ кому-то ещё, и этим устраняется конкретный пункт, который обвинение приводит в обоснование своей позиции. Такой была цель первого вопроса. Цель второго вопроса, по поводу избежания разрушения и обеспечения сельскохозяйственного производства и обеспечения продовольствием немецкого народа, связана с обвинением в участии в заговоре в целях исполнения общего плана, в то время как вся деятельность, только, что подтверждённая свидетелем, должна была служить совершенно иной цели и имела прямо противоположный эффект в отношении

общего плана о котором утверждает обвинение. Это не служило военным усилиям, а наоборот мирной экономике.

Председатель: В отношении Шпеера нет обвинения в том, что он пытался прокормить немецкий народ во время войны. Обвинение не вменяет ему это.

Флекснер: Господин председатель, я никогда не говорил о том, что обвинение вменило ему такой пункт. Должно быть, была ошибка в передаче.

[*Обращаясь к свидетелю*] Самый последний вопрос, свидетель. Вы можете рассказать нам о том, в какой мере Шпеер информировал фюрера о результатах тяжёлых налётов на Гамбург и другие города?

Мильх: Он представлял фюреру самую полную информацию и постоянно обращал его внимание на сложности.

Флекснер: Спасибо.

Серватиус: Свидетель, центральная плановая комиссия занималась проблемами рабочей силы?

Мильх: Да.

Серватиус: Устанавливая запросы в рабочей силе?

Мильх: Они устанавливались производствами и сообщались через трудовые биржи. Мы также представляли цифры о нехватке рабочей силы в промышленности вооружений.

Серватиус: Могу я вас прервать? Что делали вы, устанавливая потребности в рабочей силе? И в чём заключалась цель их установления?

Мильх: Они показывали нехватку рабочей силы вызванную постоянным призывом рабочих на военную службу.

Серватиус: Это не делалось для того, чтобы получить больше рабочих?

Мильх: Запросы на рабочих поступали от фабрик. Мы поддерживали фабрики в их переговорах с Заукелем, говоря ему о том, что в такой-то и такой-то промышленности просят рабочих. Мы также говорили ему о том, что их цифры были слишком большими согласно нашим расчётам.

Серватиус: Эти цифры представляли собой общую сумму необходимых рабочих?

Мильх: Нет. Это была общая цифра согласно статистике предоставленной трудовыми биржами Заукеля.

Серватиус: Кто устанавливал требования, Заукель или просители рабочей силы?

Мильх: Фабрики.

Серватиус: В чём заключалась задача центральной плановой комиссии в связи с проблемой рабочей силы?

Мильх: Центральная плановая комиссия занималась распределением сырья. Она также следила за тем, чтобы сырье было доступно…

Серватиус: Мой вопрос касается рабочих, а не сырья.

Мильх: Пожалуйста, подождите, пока я не закончу то, что хочу сказать. Тогда вы поймете о чём идет речь. Сырье нужно было производить и его производство

требовало рабочих. Например, в горнодобывающей промышленности и на алюминиевых фабриках…

Серватиус: Свидетель, можно вас прервать? Понятно, что рабочие нужны для производства, но я хочу знать о том, кто запрашивал рабочую силу, и кто окончательно решал о количестве требуемых рабочих?

Мильх: Фабрики составляли запрос и Заукель решал о цифрах. Он передавал в их распоряжение столько рабочих сколько мог достать, но количество всегда было ниже запрашиваемых цифр.

Серватиус: В связи с этим он имел свободу воли или выполнял решения фюрера?

Мильх: Насколько мне известно, фюрер очень часто вмешивался, и Заукеля часто вызывали на совещания с Гитлером.

Серватиус: В ставке фюрера проходили дискуссии по всем важным программам, в особенности тем которые касались рабочей силы?

Мильх: Нет, нет, не по всем программам, но между прочим эти вопросы обсуждались. Однако, дискуссии с фюрером о проблемах рабочей силы по большей части были очень короткими. Он не хотел обсуждать обширные сферы этого вопроса.

Серватиус: Какое отношение имел к этому четырёхлетний план?

Мильх: Четырёхлётний план, насколько мне известно, также касался этих проблем. Но я склонен думать, что в этом отношении он служил в качестве вспомогательной организации для Гитлера, который не хотел подробно обсуждать подробности.

Серватиус: Вам известно, что согласно распоряжениям, Заукель должен был подчиняться четырёхлетнему плану, то есть Герингу и о том, что он получал от него приказы?

Мильх: Я точно не знаю, как обстояло дело.

Серватиус: Ещё один вопрос. Как рабочие, иностранные рабочие себя вели? Они старались и тяжёло работали?

Мильх: Большинство были превосходными рабочими.

Серватиус: Откуда вам это известно?

Мильх: В первые годы эти рабочие были рады получить работу и еду. Мы хорошо с ними обращались, насколько я могу судить, и их пайки были больше чем у немецкого населения. Они получали дополнительные пайки в том же размере как и немецкие рабочие за тяжёлую и очень тяжёлую физическую работу, также за переработку. Французские и русские рабочие работали исключительно хорошо. Между тем я слышал жалобы на голландских рабочих.

Серватиус: Вы знакомы с правилами Заукеля по поводу социального обеспечения иностранных рабочих?

Мильх: Я помню, что однажды Заукель говорил нам об этом в штаб-квартире центральной плановой комиссии.

Серватиус: Он выражал гуманное или жестокое отношение?

Мильх: Его намерения были полностью гуманными. Гитлер поставил перед Заукелем очень сложную задачу. Насколько мне известно, он сам был рабочим и как моряк очень тяжело работал в своё время, соответственно он был хорошо расположен к рабочим.

Серватиус: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Яррейс: Свидетель, вы участвовали в манёврах Вермахта в 1937?

Мильх: Кажется в Мекленбурге.

Яррейс: Да, это так. Вы помните каких-нибудь иностранных офицеров присутствовавших в качестве гостей?

Мильх: Да. Я знаю о том, что присутствовала британская военная миссия и генерал, который позже был назначен губернатором Гибралтара.

Яррейс: Генерал Айронсайд[72]?

Мильх: Да, Айронсайд. Я лично с ним беседовал и также приветствовал некоторых господ из его штаба. Также были итальянские офицеры и офицеры из многих других стран, сейчас я не могу точно назвать страны, я забыл.

Яррейс: Случайно не было французской военной миссии?

Мильх: Думаю, что так, но не могу сказать точно. Я уже не помню. Но я говорил с генералом Айронсайдом.

Яррейс: Свидетель, известно ли вам, что тогда этим иностранным офицерам показывали новейшее германское вооружение?

Мильх: Да.

Яррейс: Оборудование показывали в действии?

Мильх: Всё показывали в действии, за исключением нового самолёта который пока не использовали, но даже его показали.

Яррейс: Вам известно, разрешали ли мы, то есть, Германия, иностранным державам инспектировать наши противовоздушные средства?

Мильх: Да, по многим поводам. Господин Фрэйзер приезжал на встречи со мной из Англии, совместно с лордом Тренчардом[73]. Господина Фрэйзера заинтересовали противовоздушные средства и ему тотчас показали последние разработки.

Яррейс: Пожалуйста, когда это было?

Мильх: Думаю, это было в 1937 или 1938, но я попытаюсь найти дату. [*Смотрит в записи*]. Это было 1 июля 1937.

Яррейс: Вы помните кого-нибудь ещё из Англии, кто приезжал позже?

Мильх: Впоследствии были визиты между нашими службами и британскими. Лично я, организуя их, не принимал в них участия.

Яррейс: Спасибо. Ещё один вопрос. Вы помните конфликт возникший вокруг реоккупации Рейнланда?

---

[72] Эдмунд Айронсайд (1880 — 1959) — британский военачальник, фельдмаршал. В 1939-1940. Начальник генерального штаба Великобритании и главнокомандующий войсками в метрополии.

[73] Хью Тренчард (1873 — 1956) — британский военачальник, Маршал Королевских ВВС (1 января 1927).. Имел славу «Отца Британских ВВС».

Мильх: Да.

Яррейс: Вам также известно, какую большу тревогу она вызвала?

Мильх: Да.

Яррейс: Люфтваффе также принимали участие в реоккупации Рейнланда, чтобы быть точным, левого берега Рейна?

Мильх: Сейчас я не могу ответить на этот вопрос. Реоккупация Рейнланда была настолько внезапной, что застала мне врасплох в отпуске. Когда я вернулся, оккупация шла полным ходом. Я знаю, что был занят Дюссельдорф и, что Люфтваффе принимали участие. Лично я поехал туда несколькими днями позже.

Яррейс: Но это было на правом берегу Рейна?

Мильх: Это правый берег.

Яррейс: Значит вам ничего неизвестно о левом берегу Рейна?

Мильх: Нет, я ничего не могу сейчас об этом сказать. Я не думаю, что там был аэродром, в любом случае я точно не помню.

Яррейс: Вы говорите, что реоккупация Рейнланда была очень внезапной. Но Люфтваффе ничего не готовили заранее для этого события?

Мильх: Решение было принято, когда я находился в отпуске и естественно использовалось всё, что мы имели, но у нас было немного.

Яррейс: Понятно, но давайте выясним. Впервые Люфтваффе сказали быть готовыми, когда вы были в отпуске?

Мильх: Да, именно так, иначе бы я не пошёл в отпуск.

Яррейс: Какой была самая ранняя дата, когда Люфтваффе подняли по тревоге перед реоккупацией?

Мильх: Это могло быть за 14, 15 или 16 дней. Это максимум.

Яррейс: Свидетель, в пятницу, вы заявили о роли Люфтваффе в военных операциях по завершении политики аншлюса в марте 1938. Когда началась подготовка?

Мильх: Подготовка началась не ранее чем за 48 часов. Это я знаю точно.

Яррейс: И, когда вы впервые узнали о том, что нужно провести военные приготовления для решения данной проблемы?

Мильх: Приблизительно за 36 часов до вступления в Австрию.

Яррейс: Спасибо.

Кауффман: Свидетель, я прав полагая, что вы никогда не были в состоянии отдавать приказы, то есть, никогда не имели никакого официального отношения ни к Гестапо ни к концентрационным лагерям?

Мильх: Нет, я никогда не имел к ним отношения.

Кауффман: Когда вы впервые услышали о создании этих лагерей?

Мильх: Из общих объявлений в 1933 о том, что созданы концентрационные лагеря, или скорее концентрационный лагерь.

Кауффман: Вы, в последовавшие годы, получили более подробную информацию об учреждениях такого рода?

Мильх: До конца войны я слышал только о Дахау и Ораниенбурге[74]. Я ничего не знал ни о каких других концентрационных лагерях. По просьбе моей и компании высокопоставленных офицеров Люфтваффе, я инспектировал Дахау в 1935. Я не видел никаких других концентрационных лагерей, и ничего не знал о том, что там происходит.

Кауффман: В ходе вашей инспекции, какое впечатление сложилось у вас от самого учреждения, обращения с заключёнными и т.д.

Мильх: Тогда было столько разговоров об этих лагерях, также и в Германии, в наших офицерских кругах, что я решил, что лучше судить о них самому. Гиммлер сразу же дал согласие на мою просьбу. Мне кажется, тогда Дахау был единственным концентрационным лагерем. Там я обнаружил очень смешанный контингент заключённых. Одна группа включала тяжких преступников, рецидивистов, другие группы включали рецидивистов, которые совершали не преступления, а административные правонарушения. Была ещё одна группа людей которые участвовали в путче Рёма[75]. Я узнал одного человека. Он был высокопоставленным руководителем СА, а теперь был заключённым. Лагерь построенный в военных чертах, был чистым и хорошо организованным. У них была своя скотобойня и собственная кондитерская. Мы настояли на том, чтобы нас обслужили пищей для заключённых. Еда была хорошей и один из руководителей лагеря объяснил, что они очень хорошо кормят заключённых так как они работают на тяжёлой работе. Все заключённые к которым мы подходили объясняли причины лишения свободы. Например, один мужчина рассказал нам, что 20 раз изготавлял подделки, другой сказал, что он совершал грабежи и другие правонарушения 18 раз. Там было много подобных причин. Я, конечно, не могу сказать всё ли нам показали.

Кауффман: Вы только, что сказали о том, что этот вопрос обсуждался в военных кругах, среди офицеров. Позже, когда вы вернулись, вы делились с кем-нибудь о своих впечатлениях о Дахау.

Мильх: Я мало кому говорил о них, только если мои самые близкие товарищи поднимали тему. Как я сказал ранее, я не ездил один, со мной было несколько других господ, и, не сомневаюсь, они тоже должны были обсуждать эту тему в небольших кругах.

Кауффман: В концентрационных лагерях совершались неслыханные акты жестокости. Вам доводилось слышать о них и если так, то когда вы впервые о них услышали?

Мильх: Это впервые стало мне известно в первый день плена, когда

---

[74] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

[75] «Ночь длинных ножей» (нем. Nacht der langen Messer; Путч Рёма — нем. Röhm-Putsch) — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

интернированных из вспомогательного лагеря поблизости привели в место где содержали меня. Я впервые это понял. Остальное я узнал в плену из различных документов которые мне показывали.

Кауффман: Значит, вам было совершенно неизвестно, что в Германии и на оккупированных территориях существовало более чем 200 концентрационных лагерей.

Мильх: Мне это было совершенно неизвестно. Я уже называл два лагеря о существовании которых мне было известно.

Кауффман: Вам можно предъявить, что невозможно было не знать об этих фактах. Вы можете пояснить нам, было ли вам возможно получить более полную информацию о существовавших условиях?

Мильх: Из-за того, что люди, которые знали об этих условиях не говорили о них, и предположительно не могли говорить о них. Я понял это из документа в обвинительном заключении против генерального штаба, в котором Гиммлер, также ошибочно рассматриваемый как один из высокопоставленных военных руководителей, отдал приказ такого характера. Этот документ касается какого-то совещания или других высокопоставленных полицейских руководителей подчинённых Гиммлеру, как мне кажется в 1943.

Кауффман: Я правильно говорю о том, что любая попытка раскрыть условия преобладавшие в концентрационных лагерях была невозможной не подвергая риску жизнь?

Мильх: В первую очередь большое количество концентрационных лагерей было неизвестно каждому, как было неизвестно и мне. Во-вторых, никто не знал, что происходит. Эти знания видимо ограничивались узким кругом людей, хранившим тайну. Далее, СД больше всех боялось население, не только низшие классы. Если кто-то пытался получить доступ к этим тайнам, он ставил под угрозу свою жизнь. И снова, откуда немцы могли знать об этих вещах, поскольку они никогда не видели и не слышали о них? В немецкой прессе о них ничего не говорилось, по радио не было никаких объявлений, а те кто слушали зарубежные передачи подвергались строжайшим наказаниям, в целом означавшим смерть. Ты никогда не мог быть один. Ты мог рассчитывать на то, что если ты сам нарушишь закон, другие могут услышать и донести на тебя. Я знаю о том, что в Германии большое количество людей были осуждены к смертной казни за прослушивание зарубежных передач.

Кауффман: До вас доходили сведения о том, что на восточных территориях производят массовые депортации евреев? Когда вы впервые об этом услышали?

Мильх: Не могу сказать точную дату. Однажды, так или иначе, я уже не помню как, до меня дошла информация о том, что евреев расселяют в специальных городах-гетто на Востоке. Думаю это должен был быть 1944, но я не могу сказать, что это точная дата.

Кауффман: Вы сказали о гетто. Вам известно о том, что массовые депортации, в

свою очередь являлись предварительным шагом к уничтожению?
Мильх: Нет, нам никогда не рассказывали.
Кауффман: Могу я далее спросить, есть ли у вас какие-либо соображения о существовании лагеря уничтожения Аушвиц[76]?
Мильх: Нет. Я впервые услышал это название гораздо позже. Я прочёл об этом в прессе после пленения.
Кауффман: На востоке применялись так называемый айнзацкоманды, проводившие масштабные уничтожения, в том числе евреев. Вам известно о том, что эти айнзацкоманды были созданы Адольфом Гитлером?
Мильх: Нет. Впервые об айнзацкомандах я услышал в тюрьме Нюрнберга.
Кауффман: Вам известно о том, что в юго-восточных областях Рейха была запущена кампания по уничтожению еврейских граждан, которая согласно заявлению соответствующего руководителя по имени Эйхман[77], привела к смерти от 4 до 5 миллионов евреев?
Мильх: Нет, я ничего об этом не знаю. Я впервые слышу имя Эйхман.
Кауффман: Я правильно говорю, что в Германии, при режиме абсолютного фюрера, любая оппозиция верховному приказу наиболее вероятно означала смерть.
Мильх: Так было в сотнях случаев.
Кауффман: Я также прав сказав, что угроза была одинаково смертельной даже если приказу противоречили исходя из юридических и моральных доводов?
Мильх: Мне кажется, в таком случае нужно было быть готовым к наказанию не только себе, но и своей семье.
Кауффман: Спасибо. У меня больше нет вопросов.
Симерс: Свидетель, у меня есть короткий вопрос к вам. В субботу или пятницу вы сказали нам о том, что в 1937 у вас были дискуссии с английской миссией. Эту миссию возглавлял вице-маршал авиации Кортни. Я хочу узнать у вас, было ли согласовано в ходе этой беседы, что компетентные немецкие и британские власти должны обмениваться информацией по вопросу разработки планов в отношении воздушных сил?
Мильх: Ваше соображение верное.
Симерс: Как разработали это соглашение?
Мильх: Соглашение разработали в письменном виде.
Симерс: Британские и германские воздушные силы имели организационные планы

---

[76] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Биркенау: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау) — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

[77] Адольф Эйхман (1906 — 1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Заведовал отделом Гестапо IV B 4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». Оберштурмбаннфюрер СС. После войны скрылся от суда в Южной Америке. Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был судим, приговорён к высшей мере наказания и казнён

на каждый год?

Мильх: Нет. Планы охватывали несколько лет.

Симерс: Сколько лет охватывал план 1937?

Мильх: Не могу сказать по памяти. Тогда возможно охватывал 2 или 3 года.

Симерс: Это должно было быть с 1938 по 1940?

Мильх: Возможно 1937, 1938, 1939, 1940. Не могу точно сказать. Я забыл.

Симерс: У плана было техническое наименование? Он назывался «организационный план» или по-другому?

Мильх: Уже не помню. Мы говорили о нём как о планируемом организационном плане.

Симерс: С английской стороны, существовали планы охватывавшие чёткий период – скажем 3 года?

Мильх: Мне кажется, периоды охватывали такое же время. Система более-менее была одинаковой.

Симерс: Благодарю.

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос? Господин судья Джексон, извиняюсь, что вызвал вас. Наверное, сейчас удобно прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Джексон: Свидетель, в настоящий момент вы являетесь военнопленным Соединённых Штатов?

Мильх: Нет, я не являюсь военнопленным Соединённых Штатов. Я был английским военнопленным, и поскольку я нахожусь здесь, меня назвали задержанным. Я не знаю, что это значит. В любом случае, неправильно применять это к военнопленному офицеру взятому в плен в бою до завершения боевых действий.

Джексон: Вам разрешили беседовать с защитником во время процесса и…

Мильх: Да, я имел возможность беседовать с рядом защитников, но не со всеми. Я полагаю, что другие защитники не захотели.

Джексон: Итак, вы сэкономите много времени, если ответите на мои вопросы как можно короче и по возможности «да» или «нет». После консультации с защитниками вам разрешили подготовить, хранить и принести в суд записи?

Мильх: Записи, которые я имею с собой, были составлены мною самим до того, как я говорил с защитниками.

Джексон: После консультации с защитой вы не делали никаких записей?

Мильх: Я сделал записи относительно одной беседы с защитником. В этих записях был упомянут срок, который был мне назван защитником и которого я не мог бы назвать по памяти.

Джексон: Вы занимали очень высокий пост в германских военно-воздушных силах?

Мильх: Я был генерал-инспектором.
Джексон: И часто на совещаниях представляли Геринга?
Мильх: Я очень редко представлял Геринга.
Джексон: Вы отрицаете, что вы часто посещали совещания от имени Геринга?
Мильх: Нет, этого я не отрицаю, я лишь заявляю, что на части этих совещаний я присутствовал по занимаемой мной должности, а не как представитель Геринга. Посещать совещания от имени Геринга мне приходилось редко, поскольку в большинстве случаев он присутствовал лично.
Джексон: Вы принимали очень активное участие в строительстве военно-воздушных сил, не так ли?
Мильх: Так точно.
Джексон: И в 1941 году вы были награждены за это гитлеровским режимом, не так ли?
Мильх: В 1941 году — нет. Мне кажется, что вы, господин судья Джексон, имеете в виду 1940 год.
Джексон: 1940 год. Возможно, я ошибся.
Мильх: Вы имеете в виду производство меня в фельдмаршалы?
Джексон: Когда вы были произведены в фельдмаршалы?
Мильх: 19 июля 1940 г.
Джексон: Не получали ли вы каких-нибудь подарков от гитлеровского режима в знак признания ваших заслуг?
Мильх: В 1942 году ко дню моего пятидесятилетия я получил награду.
Джексон: И эта награда была сделана в денежной форме?
Мильх: Это было денежное вознаграждение. На эти деньги я смог купить себе имение.
Джексон: Сколько оно составляло?
Мильх: Это вознаграждение составляло 250 тысяч марок.
Джексон: Итак, вы пришли сюда показать, насколько я понял ваше показание, что режим, составной частью которого вы были, вверг Германию в войну, к которой она совершенно не была подготовлена. Правильно я вас понял?
Мильх: Это правильно в следующем отношении. В 1939 году Германия вступила в войну, к которой ее военно-воздушные силы не были достаточно подготовлены.
Джексон: Глава воздушных сил, когда-нибудь, как-нибудь предупреждал об этом факте немецкий народ?
Мильх: Я не могу это сказать. Мне кажется, что он не мог этого сделать.
Джексон: Вы не знаете о том, что он, когда-нибудь так делал, не так ли?
Мильх: Я не могу вспомнить о том, что он делал такое предупреждение народу публично. Я полагаю, что предупреждение было высказано своему вышестоящему офицеру?
Джексон: И какой офицер находился выше его?

Мильх: Это был бы фюрер, Адольф Гитлер.
Джексон: Да, фюрер.
Мильх: Будучи солдатом, рейхсмаршал не мог обращаться к публике.
Джексон: Итак, вы можете указать о том, что в какое-либо время на каком-либо совещании высшего командования, или любой другой встрече созванной фюрером, рейхсмаршал Геринг в присутствии кого-либо из этих людей, поднимал вопрос о том, что Германия не готова к войне?
Мильх: Я не помню такое совещание, потому что такие совещания проводились только между двумя заинтересованными лицами. Рейхсмаршал никогда сильно не возражал фюреру на публике, или перед крупной группой его офицеров, потому что Гитлер не потерпел бы такой оппозиции.
Джексон: Известно ли вам о каком-либо случае, когда кто-нибудь из этих обвиняемых, сидящих сейчас на скамье подсудимых, публично высказывался против войны?
Мильх: Я не могу вспомнить, чтобы эти высказывания делались публично, но мне кажется, что для всех сидящих на скамье подсудимых война являлась большой неожиданностью.
Джексон: Вы хотели бы верить в это?
Мильх: Да, я верю в это.
Джексон: Ах, вы верите. А сколько времени потребовалось для германских вооруженных сил, чтобы захватить Польшу?
Мильх: Кажется, 18 дней.
Джексон: 18 дней. Сколько времени у вас заняло изгнание Англии с континента, включая трагедию Дюнкерка?
Мильх: Мне кажется шесть недель.
Джексон: Сколько времени требовалось вам для занятия Голландии и Бельгии?
Мильх: Несколько дней.
Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Францию и взять Париж?
Мильх: Всего около двух месяцев.
Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Данию и захватить Норвегию?
Мильх: Также немного времени. Данию совсем за короткое время, так как Дания быстро сложила оружие, что касается Норвегии, то тоже несколько недель.
Джексон: И вы, давая эти показания, хотите уверить трибунал, что все эти операции были неожиданными для офицеров военно-воздушных сил. Вы сказали, что каждая из них была неожиданностью для вас?
Мильх: Я сказал, что большой неожиданностью было начало войны. Вначале речь шла ведь только о Польше. Другие операции последовали много позже, и мы имели больше времени для подготовки к ним.

Джексон: Что же, относительно Польши, вы не отрицаете, что Германия была хорошо подготовлена к войне с Польшей или отрицаете?

Мильх: Мощь Германии в сравнении с Польшей была достаточной. Говоря в своих показаниях о готовности к войне я имел в виду степень готовности к вступлению в мировую войну. К этому Германия в 1939 готова не была.

Джексон: Но она была готова к кампании которую она начала, не так ли?

Мильх: Я бы так не сказал. Я бы сказал, что, конечно, она имела вооружения, таким же образом как всякая другая нация имеет вооруженные силы. Наши вооружённые силы были приведены в готовность против Польши и к нашему удивлению, оказались достаточно мощными, чтобы сокрушить Польшу за короткое время.

Джексон: Вы оспариваете или отрицаете, что относительно других держав европейского континента, Германия была лучше всех подготовлена к войне к первому сентября 1939?

Мильх: Мне кажется, что учитывая всё, британские воздушные силы тогда были сильнее чем немецкие.

Джексон: Я спросил вас по поводу континентальных держав. Вы оспариваете, что Германия была гораздо лучше готова к войне чем любой другой непосредственный сосед?

Мильх: Я убеждён в том, что Франция и Польша соответственно по силе, были также хорошо подготовлены к войне, как и Германия. У них было преимущество по времени на перевооружение, в то время как Германия смогла начать вооружаться за 5 лет до начала войны.

Джексон: Когда вы впервые встретили Германа Геринга?

Мильх: Кажется, в 1928 году.

Джексон: Кем он тогда был? Какой пост он тогда занимал?

Мильх: Он был тогда депутатом Рейхстага.

Джексон: А, что делали вы? Чем вы тогда занимались?

Мильх: Я был тогда руководителем германской авиационной компании «Lufthansa[78]».

Джексон: Беседовали ли вы с Германом Герингом в то время относительно того, что должно быть сделано с военно-воздушными силами, если нацистская партия придет к власти?

Мильх: В то время еще нет.

Джексон: Когда вы впервые обсуждали этот вопрос с Герингом?

Мильх: По этому вопросу Геринг говорил со мной в 1932 году, когда планировалось войти в правительство. Уже тогда верили в то, что национал-социалисты вместе с другими партиями образуют правительство. Однажды Геринг

[78] Deutsche Lufthansa AG более известная как Lufthansa — флагманский авиаперевозчик Германии, крупнейший авиаконцерн Европы, включающий в себя и такие крупные авиакомпании, как Swiss International Airlines и Austrian Airlines. Основано в 1926.

сказал мне, что если бы у власти находилось правительство, в которое войдут национал-социалисты, то для Германии открылась бы возможность стать вновь обороноспособной.

Джексон: После этого вы стали членом нацистской партии, не так ли?

Мильх: Я вступил в партию после 1933 года, но, став снова офицером, я тем самым перестал быть в партии.

Джексон: Чтобы вступить в партию, вы ждали того момента, когда нацисты придут к власти?

Мильх: Да, так точно.

Джексон: Припомните ли вы беседу с Герингом 28 января 1933 г.?

Мильх: Да.

Джексон: Где она состоялась?

Мильх: У меня дома.

Джексон: Он вас вызвал?

Мильх: Тем вечером в моём доме были гости, и он внезапно прибыл, потому что хотел со мной срочно поговорить.

Джексон: Расскажите трибуналу о содержании этой беседы.

Мильх: Геринг мне рассказал, что вместе с другими имевшими вес партиями подписано соглашение о сформировании коалиционного правительства с участием национал-социалистов и что рейхспрезидент фон Гинденбург согласен с назначением Гитлера рейхсканцлером.

Он меня спросил, готов ли я принять участие в создании министерства авиации? Я ему тогда предложил вместо себя двух других лиц, так как я не хотел покидать «Lufthansa». Геринг отклонил мое предложение и настаивал на моем сотрудничестве.

Джексон: И вы согласились?

Мильх: Я просил разрешения подумать над этим вопросом. Кроме того, я сказал Герингу, что мое согласие будет зависеть от того, станет ли настаивать на моем сотрудничестве Гитлер.

Джексон: Что же сделал Гитлер?

Мильх: Я принял это предложение 30 числа после того, как Гитлер заявил мне, что ему необходимы мои технические знания и навыки в области авиации.

Джексон: Значит, в тот день, когда нацистская партия пришла к власти, вы приняли на себя задачу строительства нацистских военно-воздушных сил, не так ли?

Мильх: Нет, не военно-воздушных сил. Речь шла тогда лишь о том, чтобы привести в порядок и учесть имевшиеся тогда административные учреждения по линии воздушного сообщения. Тогда имелись одна или две гражданских авиакомпании, существовали авиационные заводы, были школы гражданских летчиков, метеорологическая служба и различные исследовательские учреждения. Этим я обрисовал состояние дел авиации, но не военно-воздушных сил.

Джексон: То есть вы взяли на себя задачу сделать так, чтобы авиация Германии господствовала в воздухе?

Мильх: Нет, этого нельзя сказать.

Джексон: Скажите нам, что вы делали, какова была ваша цель, когда вы приняли на себя эту задачу?

Мильх: Расширить германское воздушное сообщение и все, к нему относящееся, — это была первая задача.

Джексон: Вы посетили Францию и Англию и по приезде явились с докладом лично к Гитлеру, не так ли?

Мильх: Да, так точно.

Джексон: Когда вы вернулись из Англии, вы предостерегли Гитлера относительно деятельности Риббентропа?

Мильх: Да.

Джексон: Что вы сказали Гитлеру о деятельности Риббентропа в Англии?

Мильх: Я сказал, что в Англии у меня сложилось впечатление, что господин Риббентроп не является «persona grata[79]».

Джексон: Не говорили ли вы на предыдущих допросах, что вы заявили Гитлеру, что, если он в скором времени не избавится от Риббентропа, у него будут неприятности с Англией? Такой была суть того, что вы сказали Гитлеру?

Мильх: Точно не могу вспомнить этих слов.

Джексон: Но разве не таков был смысл ваших показаний?

Мильх: Мне казалось, что в Англию следовало послать другого человека, который должен был бы обеспечить политику сотрудничества с Англией, что было желанием Гитлера, о котором он часто говорил.

Джексон: Перед тем как поговорить с Гитлером об этом, вы обсуждали это с Герингом, не так ли?

Мильх: С кем?

Джексон: Геринг.

Мильх: О поездке? Или о чём?

Джексон: О Риббентропе.

Мильх: Нет, я не обсуждал это с рейхсмаршалом.

Джексон: Затем пришло время, когда нескольких инженеров направили в Россию, не так ли, для инспекции авиастроительства, фабрик, заводов и подобного рода вещей?

Мильх: Да, правильно.

Джексон: Это была группа инженеров и вы имели некоторое отношение к их отправке, не так ли?

Мильх: Нет, я не имел никакого отношения к этой группе. Тогда технические исследования не находились под моим контролем.

---

[79] «Желательным человеком» (лат.)

Джексон: Кому они подчинялись?
Мильх: В подчинении генерала Удета[80], который в свою очередь подчинялся рейхсмаршалу.
Джексон: И, когда они вернулись, вы узнали, что они сообщили о том, что Россия имела больший потенциал для строительства авиадвигателей нежели шесть немецких фабрик, не так ли?
Мильх: Да, правильно.
Джексон: Какой приказ отдал Геринг по поводу доступности этой информации даже для фюрера?
Мильх: Геринг тогда не поверил информации. Я знаю об этом со слов генерала Удета.
Джексон: Это не факт, что вы ранее заявили дознавателям, что Геринг назвал этих экспертов пораженцами, запретил им повторять эту информацию кому-либо, и угрожал им концентрационным лагерем если они повторят эту информацию? Вы так говорили или нет?
Мильх: В такой форме я никогда это не говорил.
Джексон: Что же, воспользуйтесь собственными словами и расскажите нам о том, что говорил Геринг по этому поводу.
Мильх: Значительно позже, когда возник вопрос цифр американских вооружений, рейхсмаршал сказал мне: «Итак, вы тоже стали пораженцем и поверили в эти большие цифры». Я сказал ему о том, что я на самом деле верю в эти цифры, но это не имело никакого отношения к русскому вопросу.
Джексон: Русские цифры, когда-нибудь сообщали Гитлеру, Рейхстагу или каким-либо образом доводили обществу немецкому народа?
Мильх: Русские цифры? Этого я не могу сказать. Я не имел к ним никакого отношения. Американские цифры, несомненно, представляли Гитлеру, но Гитлер им не поверил.
Джексон: Вы свидетельствовали в пятницу, как мне кажется, что вы знали о том, что начало войны с Россией означает уничтожение Германии. Я напоминаю вам об этом, и это правильно, не так ли?
Мильх: Не разрушением – поражением. Я думаю, я сказал разрушением или поражением.
Джексон: Вы пошли к рейхсмаршалу Герингу с протестом против вступления в русскую войну, правильно?
Мильх: Да.
Джексон: И Геринг согласился с вами в том, что она закончится поражением Германии?
Мильх: Нет, он не согласился. Он должен был быть крайне осторожным в своих

[80] Эрнст Удет (1896 — 1941) — немецкий военный лётчик, один из руководителей люфтваффе, генерал-полковник авиации. Генерал-инспектор Люфтваффе в 1939-1941. Покончил жизнь самоубийством.

заявлениях о несогласии в отношениях с Гитлером. Я высказал ему причину трудностей Германии, и он кивнул. Его слова создали во мне впечатление о том, что он уже представил такие же аргументы Гитлеру, и он не смог добиться успеха.

Джексон: Другими словами, он согласился с вами в том, что она закончится поражением Германии, но не хотел говорить об этом Гитлеру, правильно?

Мильх: Нет, я бы не сказал так широко. Когда я сказал о том, что это означало поражение Германии, я высказал вывод дошедший до меня. Он просто согласился с тем, что этой войны нужно было избежать любой ценой и что она окажется неудачной для Германии. Так он выразился, он не использовал слово «поражение» в связи с этим.

Джексон: Вы так сказали?

Мильх: Я заметил, что открывать второй фронт против такого сильного противника означает поражение Германии.

Джексон: И он не согласился с вами в этом? Он рассматривал с вами вопрос?

Мильх: Нет, он не спорил с этим, он высказался против того, чтобы предпринимать, что-то другое, так как он считал невозможным это сделать, мы думали об одном и том же, и это бы только создало у Гитлера впечатление о том, что мы в Люфтваффе были пораженцами.

Джексон: И дальше вы не предприняли никакой попытки довести информацию, на основании которой вы могли думать, что Германия потерпит поражение, если она вступит в войну с Россией, до Гитлера или какого-нибудь другого офицера высшего командования?

Мильх: Это было невозможно для меня. Я не мог действовать вопреки приказу своего вышестоящего офицера.

Джексон: Рейхсмаршала?

Мильх: Да, рейхсмаршала.

Джексон: И, насколько вам известно, после его беседы с вами, он никогда не предоставлял Гитлеру информацию о том, что, по вашему мнению, война закончится катастрофой?

Мильх: У меня сложилось впечатление о том, что он ранее обсуждал вопрос с Гитлером, но безуспешно, потому что с Гитлером это было невозможно.

Джексон: Что же, но вы были за рубежом для Гитлера и докладывали ему, и видимо, он доверял вам, и я спрашиваю вас, докладывал ли, когда-нибудь Герман Геринг Гитлеру о том, что вы, по вашим сведениям, ощущаете, что будет катастрофой вступать в эту войну?

Мильх: Я совершал поездки не по приказу Гитлера. Они совершались в ответ на приглашения от иностранных правительств к Люфтваффе и по приказу рейхсмаршала. Лишь потому, что я был осведомлён о важности этих поездок, и потому, что я случайно услышал политические заявления – несмотря на мою неохоту в то время, поскольку они не касались меня как солдата, я подумал, что

должен доложить Гитлеру.
Джексон: Геринг распорядился сделать это?
Мильх: Пойти к Гитлеру? Да, Геринг рассказал Гитлеру об этом и Гитлер приказал мне явиться с докладом. Я не говорил самому себе: «Пойду как я на встречу с Гитлером», а получил приказ об этом от самого Гитлера.
Джексон: И он не посылал вас к Гитлеру, пока не узнал, что вы собираетесь сделать доклад?
Мильх: Нет, лично он…
Джексон: Значит, он знал?
Мильх: Лично он не был осведомлён о теме. У него не было времени принять меня.
Джексон: У Геринга не было времени принять вас?
Мильх: Нет. Тогда у Геринга было много дел и он не хотел слушать об этом.
Джексон: Значит, он оставил это на Гитлера, который был не занят. Правда?
Мильх: Гитлер этим заинтересовался.
Джексон: Думаю, вы говорили в своих допросах о том, что Геринг не был очень усердным. Это так?
Мильх: Я бы не хотел отвечать на этот вопрос.
Джексон: Очень хорошо, я не настаиваю. Это нелюбезный вопрос для начала. Когда вы узнали, что Германия собирается начать войну, которую вы как посвященный в этот вопрос офицер считали бедствием, подали ли вы в отставку?
Мильх: Оставку? Откуда?
Джексон: Уйти в отставку с должности офицера или предпринять любые другие шаги в качестве протеста?
Мильх: Нет, это было совершенно невозможно. Существовал приказ о том, что это невозможно.
Джексон: И кто отдал такой приказ?
Мильх: Сам Гитлер.
Джексон: Итак, вы сказали, что испытали это на себе.
Мильх: Не только в собственном случае. Приказ применялся повсеместно.
Джексон: В пятницу вы сказали о том, что вы испытали на себе то, что нельзя было уйти в отставку.
Мильх: Нет, нельзя было уйти в отставку.
Джексон: Вы когда-нибудь пробовали?
Мильх: Я часто просил о своём увольнении в мирное время. Однако, мою отставку не принимали, по той причине, что у меня не было такого права, и я должен был просить о ней своих вышестоящих начальников. Во время войны я никогда не просил об отставке, потому что будучи солдатом в военное время, я не мог просить о ней.
Джексон: У вас не было никакой беседы с Герингом, об уходе на пенсию, во время которой он не только запретил вам уходить с должности, но и сказал, чтобы вы не

пытались притвориться больным?

Мильх: Да. Не было никакой возможности указать эту причину, если только не был действительно болен. Увольняясь с высокой должности было принято ссылаться на плохое здоровье. Теперь это было невозможно.

Джексон: И в этой беседе он предложил единственный способ уйти, не так ли?

Мильх: Нет, он не предлагал уйти, это предложил я.

Джексон: Что он предложил? Какая у вас была беседа о самоубийстве? Геринг говорил вам о том, что для вас единственным способом уйти является самоубийство?

Мильх: Это был бы единственный способ уйти.

Джексон: Что же, вам это сказал Геринг?

Мильх: Нет, я это сказал, не он.

Джексон: И он не согласился с вами, я так понимаю.

Мильх: Нет. Его не интересовало моё мнение.

Джексон: Итак, у вас с собой есть инструкции, которые как вы говорите, были напечатаны для сведения любого солдата, о международном праве и нормах. У вас они с собой этим утром?

Мильх: Они у меня с собой, правила находятся в моей служебной книжке, как у каждого солдата.

Джексон: Вы немного рассказали нам про них, но я хочу, чтобы вы высказались и привели нам точный текст этих инструкций или правил, который, как вы говорите отражает международное право в вашем понимании.

Мильх: Вы хотите, чтобы я их прочёл? Цитата…

Джексон: Не слишком быстро...

Мильх: Нет.

> «Десять заповедей поведения немецкого солдата на войне.
>
> 1. Немецкий солдат воюет по-рыцарски за победу своего народа. Понятия немецкого солдата касательно чести и достоинства не допускают проявления зверства и ненужных разрушений.
>
> 2. Боец обязан носить обмундирование, ношение иного одеяния допускается при условии использования различаемых (издалека) отличительных знаков. Ведение боевых действий в гражданской одежде без использования отличительных знаков запрещается.
>
> 3. Запрещается убивать противника, который сдается в плен, данное правило также распространяется на сдающихся в плен партизан или шпионов. Последние получат справедливое наказание в судебном порядке.
>
> 4. Запрещаются издевательства и оскорбления военнопленных. Оружие, документы, записки и чертежи подлежат изъятию. Предметы остального имущества, принадлежащего военнопленным,

неприкосновенны.

5. Запрещаются пули дум-дум[81]. Не допускается переделка пуль в пули дум-дум.

6. Красный крест является неприкосновенным. К раненому противнику необходимо относится гуманным образом. Запрещается воспрепятствование деятельности санитарного персонала и полевых священников.

7. Гражданское население неприкосновенно. Солдату запрещается заниматься грабежом или бездумно разрушать. Исторические памятники, а также сооружения, служащие отправлению богослужений, здания, которые используются для культурных, научных и иных общественно-полезных целей, подлежат особой защите и уважению. Указания о выполнении работ и услуг натурой должны происходить на возмездной основе и принадлежат представителям руководящего состава.

8. Запрещается приступ (переход или перелет) нейтральной территории. Запрещается обстрел, а также ведение боевых действий на нейтральной территории.

9. Немецкий солдат, попавший в плен и находящийся на допросе, должен сообщить данные касательно своего имени и звания. Ни при каких обстоятельствах он не должен сообщать информацию относительно своей принадлежности к той или иной воинской части, а также данные, связанные с военными, политическими или экономическими отношениями, присущими немецкой стороне. Запрещается передача этих данных даже в том случае, если таковые будут истребоваться путем обещаний или угроз.

10. Нарушение настоящих наставлений, допускаемое при исполнении служебных обязанностей, карается наказанием. Донесению подлежат факты и сведения, свидетельствующие о нарушениях, которые допускаются со стороны противника в части соблюдения правил, закрепленных в пунктах 1-8 данных наставлений. Репрессалии[82] допускаются исключительно в случае наличия распоряжения, отданного вышестоящим руководством».

Джексон: Итак, как я вас понял, военное право соответствовало международному праву, которое принято для регулирования поведения войск на поле боя?

---

[81] Экспансивные, они же — разворачивающиеся пули, или пули «дум-дум» — пули, конструкция которых предусматривает существенное увеличение диаметра при попадании в мягкие ткани с целью повышения поражающей способности и/или уменьшения глубины проникновения. Название дум-дум, происходит от английской фабрики производившей пули которая была расположена недалеко от индийского города Дум-дум.

[82] Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

Мильх: Да.

Джексон: И вы понимали, и в германской армии в целом понимали, что таким является международное право, не так ли?

Мильх: Каждый солдат не мог не знать, что это были немецкие правила, потому что они были напечатаны на первой странице расчётной книжки, изданной для каждого офицера и которую он должен был носить с собой. Обычный солдат, конечно же, не знал о том, что они представляли международное право.

Джексон: Высшие командиры, такие как вы, знали, не так ли?

Мильх: Да.

Джексон: Они представляли ваше понимание и интерпретацию ваших обязанностей и обязательства как достойных мужчин в бою?

Мильх: Да.

Джексон: Итак, вы участвовали в деятельности Германа Геринга по сбору сокровищ искусства во Франции и на других оккупированных территориях?

Мильх: Нет.

Джексон: Принимали ли вы участие в вывозе в Германию гражданского населения оккупированных территорий для принудительного труда?

Мильх: Нет.

Джексон: Но вы знали, что это делалось?

Мильх: Я не знал, что рабочие увозились насильственно. Нам было сообщено, что они приезжали добровольно. В случае Франции, я знаю, что до определённого времени французы хотели приезжать, но после этого времени они уже не хотели приезжать, и само французское правительство издало директивы по этому вопросу.

Джексон: Помимо этого, вы не ничего не знали о недобровольном или принудительном труде в Германии? Такие ваши показания?

Мильх: Нет. Я знал только…

Джексон: Расскажите нам, что вы об этом знали и как были связаны с этим.

Мильх: Я знал о том, что многие из них были удовлетворены, но с течением времени и ухудшением немецкой военной обстановки, среди этих рабочих стало возникать несогласие, хотя согласно информации, которая доходила до моих ушей, это касалось только небольшой группы. Я бы в целом добавил, мы приписывали это плохое чувство тому факту, что пища для этих людей не совсем, такая как они хотят, соответственно, разные организации во главе со Шпеером прилагали усилия, чтобы улучшить их жизненные условия.

Джексон: Вы пока не ответили на мой вопрос. Вам известно о том, что принудительную рабочую силу привозили из оккупированных территорий и принуждали работать в немецкой промышленности. Вам это известно? Отвечайте «да» или «нет».

Мильх: Я знал только о том, что в конце французов принуждало своё же французское правительство.

Джексон: Знаете ли вы, что военнопленных принуждали работать в авиационной промышленности и даже в орудийных расчетах? Вы знали об этом?
Мильх: Я слышал об этом.
Джексон: И вы слышали об этом от ваших друзей-офицеров, не так ли?
Мильх: От кого я это слышал, я не помню сейчас. Мне кажется, существовала группа которая, как я думаю, называлась «добровольцы». Насколько мне известно, их вербовали на добровольной основе из числа военнопленных.
Джексон: И вы узнали о – даже если и не участвовали в этом о плане сбора сокровищ искусств в оккупированных странах?
Мильх: Нет. Я ничего не знал о существовании такого плана. Я впервые услышал о нём здесь в Нюрнберге от нескольких свидетелей.
Джексон: Сейчас я хочу задать вам несколько вопросов по поводу некоторых документов, я ссылаюсь на документ номер PS-343, экземпляр USA-463, я прошу, чтобы этот экземпляр показали вам.

[*Документ PS-343 был передан свидетелю*]

Мильх: Эти письма были подписаны мною, и они также написаны на моём бланке. Этот проект должны были составить в управлении санитарной инспекции. Как я сказал несколько дней назад, я уже не помню содержание. Я хочу только сказать, что ответы составлялись таким образом, чтобы например не привести, воздушные силы, к затруднениям с господином Гиммлером. Я никогда не читал заявлений доктора Рашера и доктора Ромберга[83]. Их оглашали санитарной инспекции. В связи с этим я действовал, так сказать, в качестве посыльного между СС и нашим управлением санитарной инспекции.
Джексон: Когда вы свидетельствовали на своём допросе, вы не помнили эти письма, но в пятницу вы свидетельствовали о том, что вы вносили некоторые изменения в одно из них перед отправкой. Вы хотите рассказать нам о том, что это были за поправки?
Мильх: Да, некоторые из этих писем представили мне в ходе моего допроса, и тогда я впервые вспомнил о них. Изменения которые я внёс были просто вопросом учтивости, в виду крайней восприимчивости господина Гиммлера. Я не думаю, что в этих двух письмах есть правки, мне кажется, что они были в другом письме.
Джексон: Вот это другое письмо, в котором была правка, номер 1607?
Мильх: Кажется, да.
Джексон: Итак, в своём опросе, вашем допросе, вы привели причину о том, почему их представили вам на подпись вместо подписи начальниками отделов. Вы помните

[83] Ганс-Вольфганг Ромберг (1911 — 1981) — Сотрудник Института экспериментальной авиации Люфтваффе. Один из обвиняемых на Нюрнбергском процессе над врачами. Был признан невиновным.

эту причину?

Мильх: Да. У меня сложилось впечателение, что медицинский инспектор не захотел направлять свой отказ Гиммлеру потому, что побоялся, при этом Гиммлер написал мне, потому что он всегда писал либо рейхсмаршалу либо мне, так как он был не знаком с организацией Люфтваффе в этой конкретной сфере, так как медицинский инспектор мне не подчинялся.

Джексон: Что же, из вашего допроса я понял, что вы указали, что причина почему эти письма представили вам на подпись заключается в том, что ваше ведомство боялось Гиммлера и не хотело нести ответственность за письмо к нему, правильно?

Мильх: Не моё ведомство, я думаю, санитарная инспекция не захотела оказаться в неудобном положении в отношении Гиммлера.

Джексон: И, я думаю, вы также сказали, что сотрудники этого управления боялись СС.

Мильх: Так я и выразился.

Джексон: Они участвовали в какой-нибудь незаконной деятельности или антигосударственной деятельности?

Мильх: Я не понял.

Джексон: Те люди, которые боялись…

Мильх: Кто? Управление санитарной инспекции? Нет.

Джексон: Они были ответственными сотрудниками выполнявшими свои обязанности, насколько вам известно, это так?

Мильх: Да, господин судья, но нужно думать о тех вещах которые происходили во время войны.

Джексон: Это именно то о чём я хочу, чтобы вы подумали и рассказали. Почему эти люди которые выполняли свои обязанности в правительственном ведомстве, боялись Гиммлера или боялись СС? Объясните нам ситуацию.

Мильх: Не боялись СС как таковых, а тайную полицию. Никому из нас не было просто. Все мы были убеждены в том, что за нами постоянно следят, независимо от того насколько высоким было звание. Наверное, не было ни одного человека на которого не хранилось бы досье, и многих людей подвергали суду из-за этих материалов. Дальнейшие затруднения затронули бы не только этих людей или других людей или лично меня, они бы включали каждого, вплоть до рейхсмаршала, которого бы они коснулись.

Джексон: Вы имеете в виду, что от рейхсмаршала до самого тишайшего гражданина существовал страх Генриха Гиммлера и его организации?

Мильх: Что же, степень страха могла отличаться. Наверное, он не был таким большим на высших и низших позициях. Но дело было гораздо сложнее на средних ступенях, поскольку было понятно, что средние ступени критиковали всё, что происходит и эта критика не допускалась властями наверху.

Джексон: Как я понял из ваших показаний, репутация Гестапо была хорошо

известна в Германии.

Мильх: В особенности в последние годы. Я не могу сказать насколько было обоснованным такое чувство, но, во всяком случае, такое ощущение было.

Джексон: Итак, я думаю, вы также свидетельствовали о том, что какие-то высшие военные власти подавали в отставку. Я обращаю ваше внимание на ваши показания о фон Фриче[84] и Беке[85]. Они подали в отставку, не так ли?

Мильх: Нет, они не подавали в отставку. Их отстранили.

Джексон: Их вышвырнули, это так?

Мильх: Да. Им сказали, что они больше не нужны.

Джексон: Я понял, что вы свидетельствовали в своём допросе о том, что даже генералы не смели высказать мнение после ухода этих двух.

Мильх: Нет, я никогда так не говорил. Я не помню, что я говорил. Я был бы благодарен если бы мог увидеть протокол.

Джексон: Что же, у меня он есть. Я спрашиваю вас задавали вам такие вопросы и давали ли вы такие ответы:

> «Вопрос: По вашим сведениям из дискуссий в армейских кругах среди людей из воздушных сил и генерального штаба которых вы знали, вы могли составить мнение об их отношении к началу войны? Они разделяли ваш взгляд?»
>
> Протокол показывает ваш ответ:
>
> «Все офицеры единодушно со мной соглашались. Все высшие офицеры соглашались со мной. За долгое время, в 1937, я разговаривал с фельдмаршалом фон Бломбергом[86] об угрозе войны из-за неосторожной политики наших государственных деятелей. Тогда мы опасались, что Англия и Франция не допустят такую политику в дальней перспективе. 1 ноября 1937 у меня была долгая беседа с фон Бломбергом на эту тему, и у него было такое же мнение».

Мильх: Да, я помню.

Джексон: Это правда? Затем вам задали такой вопрос:

> «Это правда, что после ухода со своих должностей генерала Фрича и генерала Бека армейские должности стали подчиняться политическим фигурам?».

Мильх: Нет, они всегда подчинялись. Армия всегда менялась в этом отношении. Глава государства одновременно являлся верховным главнокомандующим.

Джексон: Когда вас допрашивали, вы отвечали так:

---

[84] Вернер фон Фрич (1880 — 1939), генерал-полковник Вермахта. Главнокомандующий сухопутными войсками в 1935-1938. Убит в бою под Варшавой.

[85] Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Расстрелян после провала заговора против Гитлера.

[86] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933—1938 годах министр обороны (с 1935 — военного министерства) Германии.

«Да, из-за того, что Гитлер лично принял верховное главнокомандование армией, флотом и воздушными силами. Эту должность ранее занимал фон Бломберг. Бломберг мог сопротивляться Гитлеру и он делал это весьма часто, и Гитлер уважал его и выслушивал его советы. Бломберг был единственным старым солдатом который был достаточно умён, чтобы согласовывать военные и политические вопросы. Это сопротивление…»

Мильх: Да, таким было моё убеждение.

Джексон: [*Продолжая*]:

«…это сопротивление не могли оказывать люди окружавшие Гитлера позднее. Они были слишком слабы для этого. Наверное, поэтому он их выбрал».

Это правда?

Мильх: Это моё мнение.

Джексон: [*Продолжая*]:

«Вопрос: Чувствовали ли те генералы, с которыми вы сотрудничали еще до 1939 года, что путь, избранный Гитлером, по всей вероятности, приведет к войне?

Ответ: Те, которые способны были понимать международную политическую обстановку, — да, но они должны были быть очень осторожны, поскольку они не могли высказать своих мнений вслух. Они не смели делать этого».

Это правильно?

Мильх: Да, это правильно.

Джексон: Чего же так боялись генералы, командовавшие армиями, что они даже не высказывали вслух своих мнений?

Мильх: Они не могли об этом докладывать Гитлеру.

Джексон: Кого же они опасались? Ведь генералов было много, а Гитлер только один. Кто же должен был выполнять приказы, направленные против них?

Мильх: Это было невозможно. Гитлер был настолько силен, что все контраргументы других или отклонялись или вообще не выслушивались.

Джексон: А у Гитлера были СС, не так ли, и Гиммлер и Кальтенбруннер?

Мильх: Да, у него они тоже были. Кроме того у него был весь Вермахт, который дал ему присягу верности.

Джексон: Думаю, вы сказали на допросе о том, что после 5 марта 1943, Гитлер уже не был нормальным. Вы делали такое заявление?

Мильх: Я сказал о том, что, по моему мнению, Гитлер в последние годы не был тем Гитлером раннего периода с 1933 до начала войны и о том, что после французской кампании он стал меняться. Я сформировал это мнение, которое было чисто личным, потому что то, что он делал, потом было диаметрально противоположным

тому, чему он учил раньше, и я не мог считать это нормальным.

Джексон: И вы хотите, чтобы мы поняли, что Геринг продолжал быть вторым человеком Рейха и принимать приказы от ненормального человека в этот период. Такая ваша версия?

Мильх: Ненормальность не была такой, что можно было сказать: «Этот человек невменяемый» - или – «этот человек сумасшедший». До такой степени это не доходило. Часто получалось, что ненормальности были такими, что они скрывались от общества и ближайших соратников. Мне кажется, врач лучше смог бы сообщить информацию об этом вопросе. Я разговаривал с медиками в своё время.

Джексон: И, по их мнению, он был ненормальным?

Мильх: То, что существует возможность ненормальности признавалось врачом которого я знал лично.

Джексон: Уважаемым в Германии врачом?

Мильх: Нет, он был не очень известен. Он никогда никому не говорил. Это было бы глупо делать.

Джексон: Если бы он так сделал, он бы оказался в концентрационном лагере, правильно?

Мильх: Или хуже.

Джексон: И если бы вы выразили своё мнение о том, что он ненормальный, вас бы наверное тоже посадили туда же, не так ли?

Мильх: Меня бы сразу же расстреляли.

Джексон: Значит, вы никогда не осмелились рассказать своему начальнику, Герингу, ваше мнение о Гитлере?

Мильх: Лишь однажды у меня была возможность высказать свои взгляды на войну Гитлеру. Это был единственный раз.

Джексон: Вы информировали Геринга о своём мнении?

Мильх: Я разговаривал с Герингом. То о чём я сейчас говорил было о моей беседе с Гитлером.

Джексон: Что же, вы не имеете в виду, думаю, вы меня неправильно поняли, вы не имеете в виду, что вы проинформировали Гитлера о том, что считаете его ненормальным, я уверен, вы не это имели в виду.

Мильх: Нет, такого я не говорил и Герингу.

Джексон: Так я и сказал. Вы знали, не так ли, о том, что Геринг который был вашим непосредственным начальником, издавал антиеврейские указы от имени правительства Рейха?

Мильх: Нет, я это не знал. Насколько я знаю, они исходили от другого ведомства, от…

Джексон: Вы не знали о том, что указы которые исключали евреев и полуевреев с занимаемых должностей издавались Герингом?

Мильх: Нет, я этого не знал. Насколько мне известно, эти указания исходили от

министерства внутренних дел, которое также являлось бы надлежащим ведомством, чтобы заниматься этими вопросами.

Джексон: Как факт, вы не проходили определённую процедуру, чтобы избежать влияния этих указов?

Мильх: Нет. Я знаю, что вы имеете в виду. Этот вопрос выяснили очень давно.

Джексон: Как давно его выяснили?

Мильх: Насколько мне известно в 1933.

Джексон: 1933, сразу после прихода нацистов к власти?

Мильх: Да.

Джексон: И тогда Геринг сделал вас, у нас не должно быть недопонимания с этим, Геринг сделал вас тем, что вы называете полноценным арийцем, это так?

Мильх: Я не думаю, что он это сделал, я и был таким.

Джексон: Что же, он это установил, скажем так?

Мильх: Он помог мне выяснить этот вопрос, который не был ясен.

Джексон: То есть муж вашей матери был евреем?

Мильх: Так не говорилось.

Джексон: Вы должны были продемонстрировать, что никто из ваших предков не был евреем, это верно?

Мильх: Да, каждый должен был сделать это.

Джексон: И в вашем случае это включало вашего отца, вашего предполагаемого отца, правильно?

Мильх: Да.

Джексон: И вы, разумеется, с самого начала были информированы об отношении нацистской партии к евреям, не так ли?

Мильх: Нет, я не был информирован. Каждый должен был представлять документы, и нельзя было найти свидетельство по одному из моих дедушек.

Джексон: И вас никогда не требовали делать это во время Веймарской республики?

Мильх: Нет, такой вопрос тогда не стоял.

Джексон: И вы знали о том, что этот вопрос подняла нацистская партия, членом которой вы стали в 1933, другими словами в то время, когда это происходило. Правильно?

Мильх: Я обратился с заявлением о вступлении раньше, до того как подняли этот вопрос.

Джексон: Когда вы подали заявление о вступлении?

Мильх: Не знаю точно, думаю в марте или апреле.

Джексон: И вы должны были выяснить этот вопрос, перед тем как стать членом, в этом был смысл?

Мильх: Это уже выяснили. Я не могу точно сказать когда.

Джексон: В 1933 вам стало известно о концентрационном лагере, самом первом?

Мильх: Да, мне кажется, в 1933 было публичное объявление о нём.

Джексон: И позже, как я вас понял, вы слышали так много слухов о концентрационных лагерях, что подумали, что это надо изучить, что вы должны поехать туда и посмотреть?
Мильх: Да.
Джексон: Когда эти слухи стали настолько устойчивыми, что вы решили сами изучить вопрос?
Мильх: Должно быть это был конец 1934 и весна 1935, потому что, если я правильно помню, я находился в Дахау весной 1935.
Джексон: И эти слухи ходили всё время до краха Германии, не так ли?
Мильх: Те слухи, которые заставили меня попросить посетить Дахау в действительности вращались только в кругу высших офицеров, которые передали их мне. У меня было мало контактов с другими кругами. Я не могу сказать в какой мере они обсуждались в целом.
Джексон: Что же, среди высших офицеров с которыми вы служили, ходил слух о том, что концентрационные лагеря являются местом совершения жестокостей уже в 1935. Я так понял то, что вы сказали, я прав?
Мильх: Нет, не совсем. Я сказал…
Джексон: Что же, теперь расскажите нам, что вы хотели изучить.
Мильх: Я никак не мог проводить расследование, все, что я мог это самому посмотреть, для того, чтобы развеять многочисленные слухи, правда ли то, что туда посадили много людей, которые не должны были быть там, невиновных людей которых посадили только по политическим мотивам. Тогда было много разговоров о так называемых реакционерах отправленных туда. Некоторые офицеры были этим очень озабочены, и я сказал им, что я поеду и лично посмотрю, чтобы попытаться иметь личный взгляд.
Джексон: Вам не нужно было ехать в Дахау, чтобы это узнать, не так ли? Вы могли бы спросить Геринга, вы об этом не знали?
Мильх: Поехать куда?
Джексон: Вы когда-нибудь спрашивали Геринга о том кем были люди, которых туда отправили?
Мильх: Нет. Я не говорил об этом с Герингом.
Джексон: Вы не знали о том, что Геринг публично заявил о том, что туда должны отправлять политических противников режима, что они созданы для этого, вы это знали?
Мильх: Я не могу сказать, что когда-нибудь слышал о том, что это действительно говорилось, но то, что меня тогда это смутило, и я хотел лично понять.
Джексон: И вы не нашли никого кроме уголовников?
Мильх: Все, кого мне показали, были людьми которые совершали преступления или даже серьёзные правонарушения. Единственными политическими заключёнными которых я увидел, были те кто принимал участие в путче Рёма. Были

ли другие, я не могу сказать, потому что не могу поклясться, что я видел весь лагерь. Но мы видели всё, что просили показать. Мы говорили: «Покажите нам вот это» и сопровождавший вёл нас туда.

Джексон: От чьего имени вы попали на осмотр концентрационного лагеря?

Мильх: Гиммлера.

Джексон: Кто просил у Гиммлера о возможности поездки?

Мильх: Я не понимаю.

Джексон: Геринг знал о том, что вы собираетесь в поездку?

Мильх: Я так не думаю. Я не проводил специальную поездку. У меня были некоторые дела в южной Германии в военном качестве, и я выделил одно утро для этой цели.

Джексон: В концентрационном лагере находились люди имевшие отношение к путчу Рёма, как вы это называете?

Мильх: Да.

Джексон: Сколько было таких связанных с ним?

Мильх: Не могу сказать точно. Насколько я сейчас помню, я скажу, что всего я видел около 400-500 человек.

Джексон: 400-500 человек и скольких убили?

Мильх: Что же, я не могу быть уверен в цифре, там легко могло быть 700. Я оцениваю приблизительно такую цифру.

Джексон: Сколько людей убили во время путча Рёма?

Мильх: Я могу привести цифру которую Гитлер публично назвал в Рейхстаге, я не могу сказать по памяти. Может быть, правильно если я скажу, что цифра была в районе 100-200.

Джексон: Итак, почему вы так беспокоились о концентрационных лагерях? Вы имели за них какую-нибудь официальную ответственность?

Мильх: Нет, у меня не было никакой ответственности, но о них было столько разговоров, что я решил лично разобраться. Я знал о том, сколько вопросов мне будут задавать и я не смог бы ответить на них, поэтому я сказал, что я поеду туда и посмотрю лично.

Джексон: Итак, Германия имела обычные тюрьмы для уголовных преступников, не так ли?

Мильх: Конечно.

Джексон: И этих тюрем на протяжении многих лет было достаточно для контроля за уголовной популяцией, не так ли?

Мильх: Я не знаю в чём заключались их цель.

Джексон: И концентрационный лагерь был чем-то новым, что возникло после 1933?

Мильх: Да. Правда, что я никогда не слышал ни о чём подобном в Германии раньше.

Джексон: Вы видели каких-нибудь евреев в концентрационном лагере, во время

инспекции?

Мильх: Да, там была одна хижина, в которой содержались евреи, но все они были приговорены к серьезным приговорам за экономические злоупотребления и преступления, такие как подделка документов и тому подобное. Мы прошли через неё, и каждый говорил нам, даже без предварительных вопросов, о том каков его приговор и какова причина и никто из них не сказал нам, что находился там по политическим причинам. Единственными политическими заключёнными там были люди СА.

Джексон: Вы не нашли ни одного заключённого который бы заявил, что невиновен?

Мильх: Нет, каждый с кем мы говорили ссылался на своё дело.

Джексон: Кто сопровождал вас в этой поездке?

Мильх: Насколько я помню, генерал Вебер[87], который тогда был начальником генерального штаба. Мне кажется генерал Удет и несколько других господ. Но сейчас я не вспомню, кем они были.

Джексон: А кто показывал вам концентрационный лагерь? Кто водил вас?

Мильх: Я не помню имя. Это был один из сотрудников СД. Я полагаю это был лично комендант лагеря, но я не знаю его имени.

Джексон: Кто руководил концентрационным лагерем? Какая организация была за него ответственной?

Мильх: Не могу сказать, но я полагаю, что это было одно из ведомств Гиммлера.

Джексон: Вы сказали о том, что вступление в Рейнланд было для вас большой неожиданностью.

Мильх: Да.

Джексон: Где вы находились на отпуске, когда это случилось?

Мильх: Я был в зимнем отпуске в горах, за границей.

Джексон: В Норвегии?

Мильх: Нет, нет.

Джексон: В какой стране?

Мильх: Я был в Альпах, мне кажется в южном Тироле, который тогда находился в Италии.

Джексон: Вы не слышали о встрече протокол которой имеется в качестве доказательства GB-160 (документ номер EC-405), по поводу заседания совета обороны Рейха от 26 июня 1935, почти за девять месяцев до оккупации Рейнланда?

Мильх: Я не могу сказать был ли там я. Я уже не помню.

Джексон: Согласно доказательству, присутствовало 24 военнослужащих Вермахта и пять военнослужащих Люфтваффе, а также 24 государственных и партийных чиновника. Вы были одним из тех кто присутствовал на совещании во время которого проходила дискуссия?

---

[87] Вальтер Вефер (1887 – 1936) – генерал-лейтенант Люфтваффе. Начальник генерального штаба Люфтваффе в 1935-1936.

Мильх: Могу я спросить о дате?
Джексон: 26 июня 1935.
Мильх: Я не помню. Не знаю.
Джексон: Вы, когда-нибудь узнавали об этом совещании?
Мильх: Сейчас я действительно не помню. Что предположительно говорилось на этой встрече?
Джексон: О том, что подготовку к оккупации Рейнланда нужно держать в тайне, и должен быть разработан план по вторжению в Рейнланд. Вы никогда не слышали об этой встрече?
Мильх: Я не помню. Я не думаю, что был там.
Джексон: С позволения уважаемого суда, подошло обычное время перерыва. Я намерен затронуть другой предмет включающий несколько документов. Наверное сейчас удобно прерваться.
Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Джексон: Я хочу задать вам несколько вопросов, относительно вашей деятельности и ваших задач в центральной плановой комисии. Вы были членом этой комиссии, не так ли?
Мильх: Да.
Джексон: В течение какого времени?
Мильх: С самого начала, мне кажется, это было в 1941 или 1942 году и до конца.
Джексон: Членами этой комиссии, помимо вас, были подсудимый Шпеер?
Мильх: Да.
Джексон: И Функ?
Мильх: Да, но только позднее.
Джексон: Когда он стал членом центральной плановой комиссии?
Мильх: Тогда, когда большинство гражданской промышленности перешло в министерство вооружения Шпеера.
Джексон: Был ли Кёрнер[88] членом комиссии?
Мильх: Да.
Джексон: Кто был доктор Заур[89]?

---

[88] Пауль Кёрнер (1893 — 1957) — государственный деятель, государственный секретарь правительства Пруссии (11 апреля 1933 года — 1945) и постоянный заместитель уполномоченного по 4-летнему плану Германа Геринга (22 октября 1936 года — 1945), обергруппенфюрер СС (30 января 1942 года). Американским военным трибуналом был осуждён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.
[89] Карл-Отто Заур (1902 — 1966) — государственный секретарь рейхсминистерства военной промышленности в период нацизма.

Мильх: Он был чиновником министерства Шпеера, однако он не принадлежал к центральной плановой комиссии.
Джексон: Но он вел несколько протоколов, не так ли?
Мильх: Нет, я не думаю, что он их вёл.
Джексон: Заукель часто присутствовал на заседаниях комиссии, не так ли?
Мильх: Часто — нет, но время от времени — да.
Джексон: Каковы были функции центральной плановой комиссии?
Мильх: Распределение сырьевых ресурсов между отдельными потребителями, как-то: вооруженными силами (сухопутной армией, военно-воздушными и военно-морскими силами), а также различными гражданскими секторами, как, например, рудниками, промышленными и частными стройками и т. д.
Джексон: А также вопросами рабочей силы, не так ли?
Мильх: Простите, рабочих мы не распределяли.
Джексон: Комиссия не имела никакого отношения к рабочей силе?
Мильх: Нет, мы могли давать предложения по этому вопросу, но распределение не входило в наши функции.
Джексон: Этим вы имеете в виду, не распределение между разными отраслями промышленности которые состязались за получение рабочей силы?
Мильх: Этим моментом больше занимались вооружения нежели центральная плановая комиссия.
Джексон: Знаете ли вы о том, что Шпеер передал властям США все свои личные документы и записи, включая и протоколы заседаний центральной плановой комиссии?
Мильх: Я услышал об этом сейчас.
Джексон: Я прошу передать свидетелю протоколы заседаний центральной плановой комиссии, документ США R-124 приобщённый в качестве доказательства как французский экземпляр номер RF-30, чтобы он ознакомился с ними по подлиннику. Я задам вам несколько вопросов в связи с ним.
Мильх: Да.

[*Документ R-124 передали свидетелю*]

Джексон: Посмотрите на страницу 1059, строка 22.
Это протокол №21 от 30 октября 1942 г. центральной плановой комиссии в рейхсминистерстве вооружений и боеприпасов. Из протокола явствует, что вы присутствовали на этом заседании. Вы это припоминаете?
Мильх: Из этой фразы это еще не следует, но я думаю, что это было так. Да, я вижу, что в протоколе мое имя часто упоминается.
Джексон: Итак, я обращаю ваше внимание – страница 1059, строка 22 – следующая запись и я спрашиваю, освежит ли это ваши воспоминания о функциях этой

комиссии:

> «Шпеер: вопрос прогульщиков это ещё одна тема требующая рассмотрения. Лей установил, что количество людей на больничном снизилось до одной-четвертой или одной-пятой там где есть фабричные врачи и они осматривают рабочих. СС и полиция могут пойти дальше в этой работе и направлять тех кто известен как прогульщики на предприятия при концентрационных лагерях. Другого выбора нет. Пусть это случится несколько раз и новости разлетятся вокруг».

Вы не занимались обсуждением обстановки с рабочей силой на этом совещании и это не освежило ваши воспоминания по поводу рассмотрения вопроса рабочей силы?

Мильх: Я в целом помню, что обсуждался вопрос прогульщиков. Это, скорее был вопрос прогульщиков, рабочих, людей, которые нормально не работали в мирное время, и в результате мобилизации рабочей силы, были вынуждены работать во время войны. Среди этих людей, которые не входили в ряды рабочих, я повторяю, было сколько-то прогульщиков которые подрывали хороший настрой рабочих. Об этих людях мы думали.

Джексон: Их должны были направлять в концентрационные лагеря, как вам известно?

Мильх: Да, мне так говорили. Но не было принято никакого решения. Более того, не нашим вопросом было отправлять, кого бы то ни было в концентрационный лагерь.

Джексон: Что же, разве не было сказано о том, что нет возражений тому, чтобы ими занялись СС? Вы знали о том, что СС руководят концентрационными лагерями, не так ли?

Мильх: Да, конечно.

Джексон: Следовательно, вы знали о том, что передача их СС и их направление в концентрационные лагеря являлась средством принуждения их к производству большего количества товаров, не так ли?

Мильх: Да, конечно, этих людей нужно было принудить делать это. Это были немцы которые отказались выполнять свой долг перед страной.

Джексон: Это относилось только к немцам.

Мильх: Насколько мне известно, это применялось только к немцам. Под прогульщиками – их ещё называли сезонные рабочие – имели в виду только тех людей которые ходили с места на место, которые практически каждую неделю меняли свою работу и на которых доносили нам представили наших рабочих. Наши рабочие жаловались на то, что эти люди обеспечивали себе всевозможные привилегии по питанию, и т.д., при том, что ничего не делали, о том, что они всегда быстро уходили с работы и, что каждое предприятие с радостью избавлялось от них.

Джексон: Избавлялось от них, направляя их в концентрационные лагеря

подчинённые СС?

Мильх: Их нужно было проучить, и нам говорили о том, что если бы у этих людей их дополнительные, не основные пайки зависели от производительности труда, как было в концентрационных лагерях, то они быстро научились бы.

Однако, я помню, что предлагалось установить срок такого ограничения на 2 или 3 месяца, после которых их бы возвращали обратно, и если бы они выучили урок им бы снова предоставили полную свободу.

Джексон: Имела ли центральная плановая комиссия какое-нибудь отношение к использованию в качестве рабочей силы военнопленных?

Мильх: По моему мнению, нет.

Джексон: Что же, я прошу показать вам протокол заседания центральной плановой комиссии от 2 ноября 1942 г. (страница 1042, строка 24) приводится ваше выступление. Английский перевод на странице 27.

Я прошу освежить ваши воспоминания прочитав этот абзац:

> «Мильх: Я думаю, что сельское хозяйство должно получить свою норму рабочей силы. Если бы мы были в состоянии передать для использования в сельском хозяйстве на 100 тысяч человек больше, то и количество относительно сытых людей было бы у нас больше на 100 тысяч человек. Однако же человеческий материал, который мы сейчас получаем, в частности военнопленные, находятся не в достаточно хорошем для работы состоянии».

Вы выступали с таким заявлением?

Мильх: Я в деталях не помню, но предполагаю, что да. Я не знаю, видел ли я этот протокол, но я знаю, что мы занимались вопросом о том, чтобы сельское хозяйство, по возможности, получало рабочих, потому что продовольственная проблема стояла очень остро и фермы могли прокормить себя сверх того, что получало по пайкам гражданское население. Это предложение направить этих людей на землю вполне соответствовало моим взглядам, но эти были всего лишь предложения центральной плановой комиссии. Я знаю, что Заукель присутствовал на этой встрече. Мы также сделали предложения представителям вооружений о том как можно решить их проблемы.

Джексон: И вы подготовили рекомендации для рейхсмаршала, не так ли?

Мильх: Я не помню, чтобы это делал, я не знаю.

Джексон: Вы это никогда не делали?

Мильх: Я не знаю, я не помню.

Джексон: Значит, вы знали о пожеланиях рейхсмаршала в связи с использованием военнопленных, не так ли?

Мильх: Я знал о том, что военнопленные тоже работали. В особенности на земле многим военнопленным давали работу.

Джексон: Присутствовали ли вы на совещании с фюрером и министром Шпеером?

Мильх: К какому времени вы это относите?
Джексон: К 5 марта 1944 г.
Мильх: 4 марта?
Джексон: 5 марта 1944.
Мильх: 5 марта 1944 г.? Да, я присутствовал на этом совещании у фюрера. Там речь шла о создании штаба по строительству истребителей, то есть объединении усилий всей промышленности вооружения для того, чтобы добиться повышения производства истребителей.
Джексон: Я прошу, чтобы вам сейчас показали записи Шпеера относительно этого совещания у фюрера, на котором присутствовали также генерал фон Боденшац и полковник фон Белов[90]. Не так ли?

Английский перевод на странице 35, немецкий на странице 139.Я прошу Вас обратить внимание на следующий абзац:

> «Я сообщаю фюреру о желании рейхсмаршала относительно дальнейшего использования труда военнопленных путем передачи шталагов в ведение СС, за исключением англичан и американцев. Фюрер согласился с этим предложением и попросил фон Белова принять соответствующие меры».

Я спрашиваю вас, каким образом СС могла повысить производительность труда военнопленных? Какие меры она, по-вашему, должна была предпринять?

Отвечайте на мой вопрос. Какие меры, по-вашему, должны были предпринять в СС для того, чтобы повысить производительность труда военнопленных?
Мильх: Я сейчас уже не помню этого. Во всяком случае, в то время нам не было так широко известно о методах действия СС, как это известно сегодня.
Джексон: Это было в марте 1944 года.
Мильх: Да.
Джексон: Значит, вы ничего не знали о тех методах, которыми СС могла бы повысить производительность труда военнопленных? Вы хотите, чтобы ваш ответ был зафиксирован именно так?
Мильх: Нет, я не хотел бы так оставлять это. Я как раз обдумываю этот пункт. Я думаю, что речь шла о том, следует ли использовать военнопленных в качестве рабочей силы или нет. Речь не шла о том, чтобы использовать этих военнопленных каким-то образом при СС, военнопленные были переданы для использования их в качестве рабочей силы. Я так это понимаю.
Джексон: Вы имеете в виду передав их в распоряжение СС?

Хорошо, перейдем к 33-му совещанию центральной плановой комиссии от 16 февраля 1943 г., где в числе прочих присутствовали вы, Шпеер и Заукель. Английский перевод на странице 28, немецкий, страницы 2276-2307. Если

---

[90] Николаус фон Белов (1907 — 1983) — офицер Люфтваффе, полковник, адъютант Адольфа Гитлера.

суммировать происходившее на этом совещании, то можно сказать, что там имело место серьезное обсуждение вопроса о рабочей силе. Вначале был сделан доклад Шрейбером и Тиммом[91], а затем происходило общее обсуждение положения с рабочей силой, и я обращаю ваше внимание на ваше предложение на странице 2298 вверху.

Мильх: Да, я только, что это прочёл.

Джексон: Оно следующее:

> «Мильх: Мы выдвинули требование о том, чтобы известный процент людей, занятых в зенитной артиллерии, состоял из русских. В общей сложности будет использовано 50 тысяч. 30 тысяч их уже используется в качестве орудийной прислуги. Забавно, что русские должны действовать в качестве орудийной прислуги…».

Что было «забавного» в том, что русские военнопленные должны были работать в качестве орудийной прислуги?

Мильх: «Мы выдвинули требование» — «мы» — это не относится к плановой комиссии, эти требования выставил Гитлер.

Джексон: Так «мы» — это Гитлер?

Мильх: Да, германское правительство. Я считаю, что своеобразным было то, что военнопленных заставляли стрелять по самолетам их союзников. Мы были недовольны, так как мы должны были снимать их с работы. Мы были против их использования в зенитной артиллерии.

Джексон: Вы сказали: «Забавно, что русские должны действовать в качестве орудийной прислуги».

Что в этом было забавного?

Мильх: «Забавно» — это значит своеобразно, удивительно. Но я не могу сказать, было ли сказано это слово, Я не видел протокола.

Джексон: Я обращаю внимание на конец вашего выступления.

> «Остальные 20 тысяч человек еще не получены. Вчера я получил письмо от главного командования сухопутных сил, в котором говорится, что они не в состоянии выделить ни одного человека. Они сами испытывают недостаток. Это мероприятие, таким образом, не окажется для нас успешным».

К чему относится «для нас», если не к вашим потребностям в области промышленности?

Мильх: Я думаю, что этот протокол был неправильно составлен, таким образом обсуждения никогда не велись. Я не могу принять протокол в таком виде. Чтобы прояснить данный вопрос, я могу сказать, что речь шла о том, чтобы взять из промышленности вооружения часть людей и использовать их в противовоздушной обороне. Мы, занимавшиеся вооружением, не хотели отдавать этих людей и

---

[91] Макс Тимм (1898 – 1964) – немецкий чиновник. В 1933-1945 сотрудник министерства труда Германии.

возражали против их перевода из промышленности вооружения в зенитную артиллерию. Вот в чём заключался смысл, и ОКХ[92] заявляло, что у них недостаточно людей.

Джексон: Я понял, что смысл заключался в том, что вы просили неких рабочих для промышленности вооружений и, что высшее командование армии отказалось дать вам этих людей, сказав о том, что они уже используются на сборке орудий и на другой работе. Итак, в этом заключается смысл.

Мильх: Нет, не совсем.

Джексон: Так расскажите мне в чём заключался смысл.

Мильх: Насколько я помню, промышленность вооружений должна была высвободить 50000 русских военнопленных для противовоздушной обороны воздушных сил, и промышленность вооружений не могла пожертвовать этими людьми.

Председатель: Боюсь, мы должны прерваться из-за технических проблем.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Господин судья Джексон, вам будет уместно знать, что мы собираемся заседать сегодня до 4:30.

Джексон: Надеюсь закончить раньше.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я прошу обратить внимание на следующее ваше высказывание на странице 2297, английский перевод страница 28:

> «Мильх: Конечно, имеется фронт и на Востоке. Этот фронт будет держаться некоторое время. Единственное, что остается русским, если мы эвакуируем какую-либо область, так это — население. Вопрос заключается в следующем, не лучше ли было для нас, как правило, вначале эвакуировать население в тыл на 100 км от линии фронта. Таким образом, все гражданское население будет переводиться в тыл на 100 км от фронта».

Вы нашли это?

Мильх: Да, я это нашел.

Джексон: Сегодня утром, насколько я вас понял, вы заявили, что правило, включенное в солдатскую памятку, гласило, что нельзя действовать во вред гражданскому населению?

Мильх: Из последнего абзаца, согласно которому людей больше не должны были использовать для рытья окопов, кажется, что этих людей ранее использовали на этой работе. Я не знаю, о каких именно людях идет речь, но во всяком случае их уже использовали в качестве рабочей силы.

[92] ОКХ от нем. OKH (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год. Находилось в Вюнсдорфе под Цоссеном.

Джексон: И вы знали это? Вы знали, что их использовали для подобного рода работы?

Мильх: Я сегодня этого не помню, но во всяком случае в протоколе написано, что это имело место, если этот протокол верен.

Джексон: И вы знали, что гражданское население принуждали рыть окопы для ваших войск?

Мильх: Сегодня я не помню этого, но согласно протоколу тогда было сказано именно так.

Джексон: Теперь я прошу обратить внимание на протокол 11-го совещания центральной плановой комиссии, которое состоялось 22 июля 1942 г. Немецкий, страница 3062, английский перевод, 38.

В первую очередь я обращаю ваше внимание на то, что среди присутствующих на совещании были Шпеер, вы, Кёрнер. Скажите, представлял ли Кёрнер там рейхсмаршала?

Мильх: Да, он был представителем по вопросам четырехлетнего плана.

Джексон: Таким образом, на всех совещаниях бюро Кёрнер представлял рейхсмаршала. Не правда ли?

Мильх: Да, он был представителем рейхсмаршала по вопросам четырехлетнего плана.

Джексон: Заукель там также присутствовал и присутствовали представители чугунолитейной ассоциации, угольной ассоциации и министерства по производству вооружения и боеприпасов?

Мильх: Да.

Джексон: Имели место серьезные дискуссии по вопросу о проблемах рабочей силы и запросах этих отраслей промышленности. На странице 3062 имеется следующая запись, на которую я обращаю внимание:

> «Генерал-фельдмаршал Мильх примет меры к тому, чтобы ускорить поступление для промышленности русских военнопленных из лагерей».

Я спрашиваю вас, какие меры вы должны были предпринять для того, чтобы ускорить поступление для промышленности русских военнопленных из лагерей?

Мильх: Так как я был солдатом, я взял на себя обязанность довести этот вопрос до сведения ОКВ, которому были подчинены военнопленные.

Джексон: Таким образом, вы лично не занимались военнопленными, но вы принимали меры к получению их от ОКВ. Не правда ли?

Мильх: Правительство предоставило в наше распоряжение этих военнопленных в качестве рабочей силы. Перевозки длились очень долго. Так как надо было договариваться по этому вопросу с ОКВ, меня попросили об этом, и я обязался просить ОКВ о том, чтобы оно ускорило темпы перевозки военнопленных.

Джексон: Теперь перейдем к совещанию № 36, которое состоялось 22 апреля 1943 г. Английский перевод, страница 13, немецкий, 2125. Я вновь обращаю ваше внимание на тот факт, что Шпеер, вы, Заукель и Кёрнер были в числе присутствовавших. Там вы вновь обсуждали вопрос о рабочей силе? Не так ли?

Мильх: Да.

Джексон: И Кёрнер доложил следующее:

> «1 апреля нам недоставало в сельском хозяйстве примерно 600 тысяч рабочих. Было запланировано восполнить этот недостаток путем получения рабочей силы с Востока, главным образом женщин. Эта рабочая сила должна быть доставлена до того, как другие рабочие будут сняты с сельскохозяйственных работ. Сейчас наступает как раз такой период, когда мы можем затребовать много людей, так как наступает время, когда должны производиться самые тяжелые полевые работы, требующие много рабочих», и далее в том же духе, однако я не могу занимать времени оглашением остальной части выступлений.

Я обращаю ваше внимание на страницу 2128, где записано ваше выступление на этом совещании. Вы сказали следующее:

> «Если сделать так, как предлагаю я, с чем также согласен Тимм, то не будет нанесено никакого ущерба. Это должно быть сделано во что бы то ни стало. Больше того, я считаю, что мы должны снабдить рабочей силой угольную промышленность. Большую часть рабочей силы, которую мы получим с Востока, составляют, конечно, женщины. Но женщины с Востока вполне привычны к сельскохозяйственным работам и особенно к той работе, которая должна быть сделана в течение ближайших недель, как, например, прополка, посадка корнеплодов и т. д. Женщины вполне пригодны для этого. Следует только иметь в виду одно: мы должны вначале обеспечить сельское хозяйство этими женщинами и только затем забрать рабочих мужчин. Было бы неправильным забрать сначала мужчин и оставить, таким образом, фермеров без рабочей силы на период от четырех до шести недель. Если женщины прибудут спустя такой промежуток времени, то это будет слишком поздно».

Я спрашиваю вас, сколько женщин было вывезено для сельскохозяйственных работ в результате этого совещания?

Мильх: На этом совещании высказывались лишь предложения с нашей стороны о том, как можно добиться равновесия в распределении рабочей силы между промышленностью и сельским хозяйством, чтобы дать ему достаточно рабочей силы. Без рабочей силы в горной промышленности нельзя было дальше вести войну. Необходимо было достать рабочую силу, и для этого было сделано предложение,

каким образом можно произвести обмен рабочей силы. Нужно было заменить мужчин, занятых в сельском хозяйстве, женщинами, которые, конечно, не могли работать в шахтах.

Джексон: Кому вы сделали эти предложения? Вы говорите, что это были не решения, а только предложения?

Мильх: Да, это было предложением министру труда или властям по распределению рабочей силы. Я вижу здесь имя Тимма. Это был один из ответственных чиновников в министерстве.

Джексон: И Заукелю?

Мильх: Я не помню, был ли там Заукель. Я вижу лишь имя Тимма.

Джексон: Из протоколов совещания явствует, что он там присутствовал. Но независимо от того, присутствовал он или нет, вы направляли ваши предложения Заукелю в отношении потребностей в рабочей силе, не правда ли? И поручали ему обеспечивать рабочую силу? Не так ли?

Мильх: Да, мы испытывали необходимость получить рабочих для работы в шахтах. Новых рабочих мы не могли достать, следовательно, можно было лишь произвести замену.

Джексон: Я понимаю вас. Вы сбережете нам много времени, если будете отвечать только на вопросы.

Я обращаю внимание на совещание № 54 центральной плановой комиссии, которое состоялось 1 марта 1944 г. Английский перевод страница 1, немецкая страница 1762. На этом совещании, я вам напоминаю, в числе присутствующих были Заукель, Мильх, Шрейбер и Кёрнер. Оно происходило в министерстве воздушного флота, и вы обсуждали на нем желательность изъятия из Франции юношей с тем, чтобы они не были в состоянии действовать в качестве партизан в случае вторжения союзников во Францию.

Вспоминаете ли вы это совещание?

Мильх: Деталей я не помню. Я уже на других допросах, как в Нюрнберге, так и в Англии говорил, что совершенно невозможно вспомнить все эти события в точности, так как их было чрезвычайно много, в особенности, потому как моя память сильно пострадала от тяжёлых ударов по голове полученных в момент моего пленения.

Джексон: Вам поможет, если вы обратитесь к странице 1799 и прочтете следующую запись, имеющуюся после фамилии «Мильх».

> «Мильх: В случае, если высадка десанта произойдет во Франции и окажется до известной степени успешной, мы столкнемся с такой волной партизанского движения, с какой мы никогда не встречались ни на Балканах, ни на Востоке, и это произойдет лишь потому, что мы сделали это возможным, обращаясь с ними не так, как это было нужно. Четыре полные возрастные группы выросли во Франции —

мужчины в возрасте от 18 до 23 лет, то есть в том возрасте, когда молодежь, движимая чувством патриотизма либо подстрекаемая другими, готова пойти на все, чтобы найти выход своему чувству ненависти. И, конечно, вполне естественно, что они ненавидят нас. Эти люди должны были бы быть призваны по возрастным группам и отправлены в Германию, так как они представляют собой величайшую опасность, которая угрожает нам в случае высадки.

Я твердо убежден, как уже заявлял несколько раз, в том, что, если начнется вторжение, то акты саботажа на всех железных дорогах, промышленных предприятиях и базах снабжения будут повседневным явлением. Однако тогда мы не будем располагать нашими войсками для поддержания порядка внутри страны, так как они должны будут сражаться на фронте, имея в своем тылу очень опасного врага, нарушающего линии коммуникаций, и т. д. Если же были бы приняты достаточно суровые меры, то в критический момент в нашем тылу было бы все спокойно, как в могиле. Я неоднократно подчеркивал необходимость всего этого, но я боюсь, что ничего еще не делается в этом направлении. Когда же мы будем вынуждены прибегнуть к расстрелам, то будет уж слишком поздно. Тогда мы уже не будем более располагать людьми для того, чтобы дать отпор партизанам».

Далее вы заявили, что, по вашему мнению, «армия должна проводить операции, необходимые для изъятия подобных лиц». Скажите, теперь вы припоминаете?

Мильх: Да, это, приблизительно верно, но я не могу сказать использовал ли я именно такие слова. В борьбе не на жизнь, а на смерть нашей страны мы должны были быть уверены в том, что тайная армия на ударит ножом в спину, что к несчастью случилось потом.

Джексон: И вы предложили уничтожить население за линией фронта, так как оно могло создать угрозу для ваших операций во время вторжения?

Мильх: Нет, эти люди должны были своевременно, как было обещано французским правительством, быть посланы на работу в Германию. Это было моим мнением. Было необходимо, чтобы эти люди прибыли на работу в Германию в соответствии с теми обещаниями, которые дало в своем договоре французское правительство, вместо того чтобы эти люди становились маками[93] и потом занимались саботажем, а в качестве контрмер против саботажа был необходим расстрел.

Джексон: Однако вы не ограничивались применением принудительного труда только по отношению к вашим противникам. Вы также применяли его по

[93] Маки — часть движения Сопротивления во Франции нацистским оккупационным войскам и коллаборационистским формированиям во время Второй мировой войны, представлявшая собой по преимуществу вооружённые группы партизан-макизаров, действовавших в сельской местности.

отношению к своим собственным союзникам. Не так ли? Я обращаю внимание на страницу 1814. Разве вы не сказали следующее во время обсуждения?

> «Мильх: Разве не были бы «Ш-фабрики»- то есть защищённые фабрики, защищены еще лучше, если бы мы взяли под свой контроль вопросы продовольственного снабжения в Италии, а затем заявили бы итальянцам: «Вас будут кормить только в том случае, если вы будете работать на этих фабриках или поедете в Германию».

Мильх: Это было после отпадения от нас части Италии, и речь шла об итальянских солдатах, которые выступили против Муссолини. Многие из этих людей находились за линией фронта, не хотели работать и организовывали акты саботажа против германских вооруженных сил. Поэтому было внесено предложение о том, чтобы этим людям было сказано: «Вы можете получать свое питание, но вы должны будете работать там, где будет нужно, будь то железные рудники в Италии или в Германии».

Джексон: Мне кажется, что во время вашего прямого допроса или в начале перекрестного допроса вы сказали, что вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы с оккупированных территорий. Что вы об этом ничего не знали? Вы все еще это утверждаете?

Мильх: Я не совсем понял. То есть о принудительном труде?

Джексон: Да, о принудительном труде.

Мильх: Да.

Джексон: И вам об этом ничего не было известно?

Мильх: Речь шла о военнопленных итальянцах, которые находились в нашем распоряжении, использовании их на работе согласно договоренности с признаваемым нами итальянским правительством. Муссолини совершенно определенно предоставил их для этой цели в наше распоряжение.

Джексон: Простите, что прерываю, не будем сейчас тратить времени на Муссолини. Я спрашиваю вас, продолжаете ли вы еще настаивать на сделанном вами ранее заявлении, о котором я напомнил вам, а именно, что вам ничего не было известно о насильственном вывозе рабочей силы из оккупированных стран в Германию? Вы дали такое показание? Так или нет?

Мильх: Поскольку речь идет о свободных людях и свободных рабочих постольку я еще утверждаю, что это было так. По-моему, здесь речь идет о тех людях, которые были предоставлены в наше распоряжение, и, господин судья, что касалось нас, когда это говорилось существовало итальянское правительство, хотя этот факт и забыт сегодня, но тогда оно существовало.

Джексон: Я прошу обратить ваше внимание на страницу 1827 протокола совещания, на котором вы присутствовали и где имело место обсуждение, в отношении которого вы только что ответили утвердительно. Я прошу вас обратить внимание на строчку, которая идет после фамилии Заукеля. Там говорится, что Заукель доложил

о том, что «из 5 миллионов иностранных рабочих, вывезенных в Германию, менее 200 тысяч прибыли добровольно».

Мильх: Я об этом абсолютно ничего не помню.

Джексон: Вы этого совершенно не припоминаете? Ну хорошо.

Мильх: Я вообще это не вспоминаю.

Джексон: Тогда мы перейдем к 23-му совещанию центральной плановой комиссии, которое состоялось 3 ноября 1942 года. Это английский перевод, страница 27. Немецкий текст на странице 1024, из протокола явствует, что вы присутствовали на этом совещании и принимали участие в дискуссиях. Я обращаю ваше внимание на страницу 1024, строка 10 стенографической записи этого совещания.

> «Шпеер: Ну, хорошо. Что касается промышленности, то мы могли бы разыграть перед французами нашу готовность отдать им сталеваров и прокатчиков, находящихся в плену, если только они сообщат нам имена.
>
> Роланд[94]: Мы организовали наше управление в Париже. Мне кажется, что вы имеете в виду то, что французы должны сообщить имена сталеваров, которые находятся в плену в Германии?
>
> Мильх: Я просто сказал бы: вы получаете два человека в обмен на одного из таких лиц.
>
> Шпеер: Французские фирмы совершенно точно знают о том, какие военнопленные были сталеварами. В неофициальном порядке вы должны создать впечатление, что они будут освобождены. Они сообщат нам имена, а затем мы получим их в свое распоряжение. Попытайтесь.
>
> Роланд: Это — идея».

Итак, в своем выступлении вы заявили, что хотите обменять два человека на одного? Не так ли?

Мильх: Да. Это означало двух людей какой-либо другой профессии в обмен на одного. В каких условиях мы находились, вы можете понять из…

Джексон: И ваша цель заключалась только в этом?

Мильх: Единственная цель заключалась в том, чтобы получить именно таких людей и взамен дать других.

Джексон: Перейдем к 53-му совещанию центральной плановой комиссии, которое состоялось 16 февраля 1944 г. Английский перевод, страница 26, и немецкий со страницы 1851 и далее. Вы найдете себя в числе присутствовавших на этом совещании, которое состоялось в рейхсминистерстве авиации. Я обращаю ваше внимание на следующую запись на странице 1863, после фамилии Мильх:

> «Военная промышленность в большей степени использует

---

[94] Вальтер Роланд (1898 – 1981) – немецкий промышленник. В 1940-1945 возглавлял крупные промышленные концерны.

иностранных рабочих. По последним данным, они составляют 40 процентов. Последние пополнения, поступившие от генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, состоят главным образом из иностранных рабочих. Мы потеряли очень много немецкого персонала, который был призван в армию. В особенности авиационная промышленность, являющаяся молодой отраслью промышленности, использует большое число молодежи, которая должна быть призвана в армию. Это будет крайне затруднительно, если принять во внимание, что нельзя трогать тех, кто работает в экспериментальных центрах. В массовом производстве приобретают решающее значение иностранные рабочие. Они составляют свыше 95 процентов общего числа рабочих. В производстве нашего лучшего нового мотора занято 88 процентов русских военнопленных и только 12 процентов немецких рабочих и работниц. На заводах, выпускающих самолеты Ю-52 (используемые только в качестве транспортных самолетов), выпуск которых за один месяц составляет 50 — 60 машин, работают лишь 6 — 8 процентов немецких рабочих; остальные — украинские женщины, производительность труда которых ниже, чем производительность труда квалифицированных рабочих».

Помните ли вы это?

Мильх: Да, я очень точно помню это.

Джексон: И на странице 1873 записано, что вы сделали следующее предложение:

«Мильх: Список лиц, отлынивающих от работы, должен быть передан в руки Гиммлера, который заставит их работать как следует. Это весьма важно для общего воспитания людей, а также окажет устрашающее действие на таких рабочих, которые также были бы не прочь увильнуть от работы».

Мильх: Здесь речь идет о тех рабочих, которые отлынивали от работы.

Джексон: Среди иностранных рабочих? Не правда ли?

Мильх: Нет, это были англичане, которые отлынивали от работы.

Джексон: Я думаю, что англичане являются иностранцами в Германии. Не так ли? Я не знаю, что вы имеете в виду, утверждая, что они не были иностранцами. Они были англичанами.

Мильх: Англичане никогда не работали на нас. Поэтому они не могли быть англичанами.

Джексон: А кем они были? Вы говорите, что все они были немцами.

Мильх: Под прогульщиками мы понимали тех людей которых принудили работать во время войны, немцев которые обыкновенно не являлись постоянными рабочими, а стали принудительно работать во время войны.

Джексон: Мы сейчас с этим разберемся. Я хочу спросить вас, каким путем Гиммлер мог заставить работать этих лиц? Как поступал Гиммлер, какими возможностями он располагал? Почему вы предложили Гиммлера для этой цели?

Мильх: Потому, что на одном совещании Гиммлер делал доклад о дополнительном питании. Рабочие получали нормальное основное питание, равное нормам для остального населения, и, сверх того, они получали значительное добавочное питание, которое для рабочих сверхтяжелого труда было в несколько раз больше основного питания. Это дополнительное питание выдавалось специальными продовольственными учреждениями, независимо от того, как и где работал человек. Гиммлеру поступило предложение выдавать дополнительное питание только тогда и только в такой норме, которую люди заслуживают своей работой. Так как у Гиммлера были многие из концентрационных лагерей, то это было возможно. Однако эту систему нельзя было ввести для свободных рабочих, поэтому было предложено людей, саботировавших работу, воспитывать тем, что давать полагающиеся в соответствии с их работой дополнительные пайки только в том случае, если они выполняли эту работу.

Джексон: Вам известна разница между трудовыми лагерями и концентрационными лагерями, не так ли?

Мильх: Да, конечно.

Джексон: И те люди, которые выполняли работу в этой промышленности, в основном содержались в трудовых лагерях, не так ли, в которых их пайки контролировались без рук Гиммлера?

Мильх: Нет, немецких рабочих не держали в трудовых лагерях, а они жили дома, и поэтому получали свои дополнительные пайки от местных продовольственных отделов. Я хочу снова подчеркнуть, что сами немецкие рабочие просили о таких мерах – фабричные мастера, которые приходили в ярость от того, что те люди которые ничего не делают, которые бросили свою страну во время бедствия, получают больше пайков чем обычные гражданские лица.

Джексон: Вы всё также говорите, что вы рассказывали про немцев и никогда про иностранных рабочих. Давайте выясним.

Мильх: Под прогульщиками я понимал немецких рабочих, по моему мнению, только они обсуждались.

Джексон: Я прошу обратить ваше внимание на страницу 1913: Это ваш вклад в это дело:

> «Мильх: Таким образом совершенно невозможно использовать до остатка иностранца пока мы не заставили его выполнять сдельную работу и невозможно предпринимать меры против иностранцев которые не выполняют свою норму».
>
> Вы нашли эту запись?

Мильх: Да.

Джексон: И затем вы пожаловались:

«Если мастер поднимает руку на военнопленного и хлопает его по ушам, то сразу поднимается ужасный шум, человека сажают в тюрьму и тому подобное. В Германии есть много чиновников которые считают своим долгом следить за правами человека вместо того, чтобы следить за военным производством. Я тоже выступаю за права человека, но если француз говорит: «Ваших ребят повесят и первому отрубят голову управляющему и тогда шеф говорит: «Я проучу его за это», тогда он отвечает за это. Никто не становится на сторону управляющего, все на стороне «бедняги» который это сказал».

Вы говорили это на совещании?

Мильх: Очень может быть.

Джексон: И что вы предложили?

Мильх: Я помню случаи в которых иностранные рабочие угрожали и даже нападали на немецких мастеров, и когда им приходилось защищаться от них. Я не считал это правильным.

Джексон: Надеюсь, вы нашли то место, где вы предлагаете свой метод для борьбы с этим явлением? В следующей строчке вы говорите:

«Я сказал своим инженерам: я буду сам вас наказывать, если вы не будете бить таких людей. Чем больше вы сделаете в этом направлении, тем больше я буду вас хвалить. Я позабочусь о том, чтобы с вами ничего не случилось. Однако это еще не дошло до всех. Я не могу лично, говорить со всеми руководителями предприятий, но я хотел бы посмотреть на того, кто помешал бы мне в этом, потому что я могу разделаться с каждым, кто мне помешает».

Вы нашли это место?

Мильх: Я не помню хорошо отдельных слов, но я стоял тогда на точке зрения, что было совершенно невозможно, когда пленный или иностранный рабочий смел говорить своему немецкому мастеру: «Мы перережем тебе глотку», а мастер…

Джексон: Хорошо, неужели вы хотите этим сказать, что если военнопленный пытался или угрожал перерезать горло немецкому мастеру, то немецкие чиновники защищали бы его от предпринимателя? Неужели вы это имеете в виду?

[*Ответа не последовало*]

Джексон: Ну, хорошо. Я продолжаю:

«Если руководитель небольшого предприятия, — я все еще цитирую ваше выступление, — будет поступать таким образом, то его поместят в концентрационный лагерь...»

Вы нашли это место?

Мильх: Да, вижу.

Джексон:

«...И, с другой стороны, он рискует лишиться военнопленных».

Я все еще продолжаю цитировать ваши слова, и я хотел бы, чтобы вы нашли эту запись.

«В одном случае два русских офицера пытались взлететь на самолете, но потерпели аварию. Я приказал немедленно повесить обоих этих людей. Вчера они были повешены или расстреляны. Я предоставил это СС. Я хотел, чтобы они оба были повешены на том же заводе для того, чтобы это видели другие».

Вы нашли это?

Мильх: Да, я нашел это место и хочу сказать, что никогда в жизни не приказывал повесить кого-либо. Я считаю совершенно невозможным, чтобы я так сказал. Я не имел никакого отношения к этому вопросу. Мне также неизвестен ни один пример, когда двое русских офицеров пытались сбежать на самолёте.

Джексон: Не хотите ли вы еще что-нибудь сказать в отношении этой записи?

Мильх: Нет, я ничего больше не имею сказать. Мне ничего неизвестно по этому делу, и я не верю, что я сказал это.

Джексон: У меня больше нет вопросов на данной стадии.

Робертс: Вы сказали, отвечая на вопросы защиты, что начиная с 1935 года военно-воздушные силы Германии строились в оборонительных целях. Вы помните это?

Мильх: Да. Это было в 1935 году.

Робертс: Утверждаете ли вы, что военно-воздушные силы продолжали оставаться средством обороны до декабря 1939 года?

Мильх: Да.

Робертс: Я хочу, чтобы вы выслушали три выдержки из документальных доказательств. Это выдержки из речей, произнесенных Вашим начальником, подсудимым Герингом. Я цитирую из стенографической записи от 8 января, вечер, на странице 2306. В мае 1935 года Геринг сказал:

«Я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, когда пробьет час, обрушатся на врага подобно карающей деснице возмездия. Противник должен считать себя побежденным еще до того, как он начнет сражаться».

Скажите, звучит ли это так, как если бы речь шла о военно-воздушных силах, носящих оборонительный характер?

Мильх: Нет, это не звучит так, но необходимо отделять слова от деяний.

Робертс: Я перейду к деяниям через одну минуту.

[*Смех в зале*]

Председатель: Если снова будет смех, суд будет освобожден.

Робертс: 8 июня 1938 г. Геринг, обращаясь к группе авиапромышленников, заявил:

> «Война с Чехословакией неминуема. Германские военно-воздушные силы уже превосходят английские. Если Германия выиграет войну, она станет сильнейшей державой мира и будет господствовать на мировом рынке; Германия будет богатой нацией. Для этой цели нужно пойти на риск».

Скажите, звучит ли это так, как если бы германские военно-воздушные силы существовали в интересах обороны? Звучит ли это так?

Мильх: Нет, это звучит, конечно, не так. Но я кое-что скажу по этому поводу, когда вы закончите.

Робертс: Пожалуйста, в интересах экономии времени ограничивайтесь только краткими ответами на мои вопросы. Я хотел бы огласить еще выдержку из речи Геринга от 14 октября 1938 г., то есть менее чем месяц спустя после Мюнхенского пакта:

> «Гитлер поручил мне создать гигантскую программу вооружения, перед которой померкнут все предыдущие достижения. Я приказал с наибольшей скоростью произвести строительство военно-воздушных сил и увеличить их в пять раз против существующих».

Походит ли это на речь, в которой говорилось бы об оборонительных задачах воздушного флота?

Мильх: Для создания этого воздушного флота потребовались бы многие годы.

Робертс: Я предложу вам, что ваши показания по данному пункту полностью неправильные. Теперь я хочу перейти своему второму пункту. Вы присутствовали на совещании главнокомандующих в канцелярии 23 мая 1939 г.?

Мильх: Какая дата, пожалуйста?

Робертс: Я хочу, чтобы вам показали документ, которым является L-79. Вы видели его в пятницу. Я думаю.

Мильх: 23 мая, не так ли.

Робертс: Да, правильно. Я хотел бы вам напомнить, кто там присутствовал. Там присутствовали: Гитлер, Геринг, Рёдер, фон Браухич[95], Кейтель, вы, Гальдер[96], генерал Боденшац, Варлимонт[97] – Варлимонт был заместителем Йодля?

Мильх: Я не могу сказать, от кого он там был.

Робертс: Очень хорошо – и другие, я не буду называть имена. Итак, свидетель, это было руководство германскими вооружёнными силами?

---

[95] Вальтер фон Браухич (1881 — 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер в госпитале для военнопленных.

[96] Франц Гальдер (1884 — 1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск Вермахта в 1938—1942 годах.

[97] Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.

Мильх: Могу я сказать, насколько я помню, фельдмаршал Геринг не присутствовал. Я не могу вспомнить.
Робертс: Он записан как присутствовавший. Вы думаете, что его там нет?
Мильх: Да. Я не могу вспомнить, но по моим воспоминаниям меня направили туда в последний момент, чтобы представлять его.
Робертс: Что же, значит кроме Геринга, если его там не было, по большей части это было руководство германскими силами, это так?
Мильх: Да. Это был главнокомандующий армией и главнокомандующий флотом и ОКВ, да.
Робертс: По своим сведениям, вы бы описали их как людей чести?
Мильх: Да.
Робертс: Одним из качеств человека чести является держать своё слово?
Мильх: Да.
Робертс: Вы знали, конечно, что Германия дала слово уважать нейтралитет Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Не так ли?
Мильх: Я полагаю, — да; я не знаком с отдельными соглашениями, но я предполагаю, что это было так.
Робертс: Не было ли вам известно, что менее чем за месяц до этого совещания, а именно 28 апреля в Рейхстаге Гитлер заверил, что он будет уважать нейтралитет целого ряда европейских стран, включая три страны, которые я упомянул? Разве вам не был известен этот общеизвестный исторический факт?
Мильх: Я предполагаю, что так было.
Робертс: Мы видели фильм, как вам известно, в суде, по такому случаю подсудимый Геринг председательствовал в Рейхстаге, когда давали гарантию.
Мильх: Я не видел фильм. Я не знаком с фильмом.
Робертс: Да. Это немецкая хроника. Помните ли вы, что на том совещании Гитлер произнес следующие слова, которые хорошо известны трибуналу:

> «Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть оккупированы вооруженными силами. Не следует обращать внимания на обязательства об уважении нейтралитета… Следует направить все усилия на то, чтобы в самом начале нанести противнику сокрушающий или окончательный, решающий удар. Вопросы о том, что справедливо и что несправедливо, или вопросы о договорах не имеют никакого отношения к делу».

Вы помните, что были произнесены эти слова?
Мильх: Я плохо помню, каким образом это говорилось, но я знаю только, что речь шла о Данциге и польском коридоре и что в связи с этим Гитлер разъяснял, какие осложнения могут создаться и что поэтому следует предпринять, по его мнению, но что именно он говорил, детали я уже не помню.
Робертс: Скажите, протестовал ли кто-либо из этих людей против нарушения

Германией принятых ею на себя обязательств?

Мильх: На этом совещании ни у кого из присутствовавших не было возможности вообще что-либо сказать, так как Гитлер стоял за столом и произносил речь и после этой речи он удалился. Никакое собеседование не имело тогда места, оно не было допущено Гитлером.

Робертс: Вы скажите, что для честного человека невозможно защитить свою честь, свидетель?

Мильх: Я не помню, чтобы действительные слова Гитлера были здесь показаны.

Робертс: Не сообщите ли вы трибуналу, каково ваше мнение обо всем этом?

Мильх: У меня на том совещании тогда не создалось впечатления, что Гитлер сказал что-либо такое, что противоречило бы тем обязательствам, которые на себя взяла Германия. Во всяком случае, я не помню этого.

Робертс: Будете ли вы утверждать, что протокол совещания неправильный?

Мильх: Нет, я этого не могу сказать. Я могу сказать, что я не помню отдельных слов. Я не могу сказать, является ли протокол абсолютно правильным. Насколько я знаю, этот протокол был составлен позднее одним из присутствовавших на совещании адъютантов.

Робертс: Во всяком случае, мы знаем, что ровно через 12 месяцев после этого Германия поступила именно таким образом и нарушила свое обязательство по отношению к Нидерландам и Люксембургу и обрекла на нищету и смерть миллионы людей. Вы знаете теперь об этом? Не так ли?

Мильх: Да, я знаю. Во всяком случае, будучи солдатами, мы никакого отношения к политическим вопросам не имели и об этом нас не спрашивали.

Робертс: Вы называете честным…

Дикс: Я не выступаю от имени подсудимого Шахта, а от имени всей защиты. Я прошу трибунал о том, чтобы свидетеля опрашивали о фактах, а не о его мнении о моральных стандартах.

Председатель: Его спрашивают о фактах.

Робертс: Вы сейчас сказали, что теперь знаете, что 12 месяцев спустя Германия нарушила нейтралитет Бельгии, Голландии и Люксембурга, не так ли?

Мильх: Но мы не знали какими были причины этого и какие другие обязательства этих стран могли вступить в силу. Не солдатское дело судить об этом.

Робертс: Разве не является делом солдата возражать, если его просят нарушить слово своей страны?

Мильх: Я полностью с вами согласен, если солдат нарушает слово данное им в своей области и там где он называется солдатом. Что касается вопросов вне его области, о которых он не может судить и о которых он ничего не знает, его нельзя делать ответственным за это.

Робертс: Вы можете говорить только о своих сведениях. Утверждаете ли вы, что не знали о том, что ваша страна дала слово уважать нейтралитет этих трех малых

стран?

Мильх: Да, я это читал в речи, произнесенной в Рейхстаге. Однако я не знаю как другая сторона отреагировала на это обещание. Об этом я не знал и запросто могло быть, что другая сторона вообще не хотела этой гарантии или обещания, или охраны. Не солдату судить об этом, только политическим властям это известно.

Робертс: Что же, наверное нам придется спрашивать солдат из высшего командования которые находятся на скамье подсудимых, когда они будут давать показания. А сейчас я спрашиваю вас: было ли в Германии общеизвестно то, что Гитлер давал гарантии и принимал на себя обязательства по отношению ко всем этим малым странам?

Мильх: Гитлер предлагал и обещал многое. Он предлагал ограничение вооружений для всех стран, он предлагал не использовать бомбардировщики, но в этих случаях его предложения не приняли. Таким образом, только политические власти могли знать, что они могут и должны требовать от своих солдат. Единственная обязанность солдата подчинение.

Робертс: Отвечайте на мой вопрос, пожалуйста. То, что вы сказали, это не ответ на заданный мною вопрос, сейчас нам известны эти факты из документов, из ваших собственных немецких документов. Я хочу сейчас только узнать о вашей осведомленности и о вашем понятии чести. Не думаете ли вы, что в высшей степени бесчестно давать обязательство 28 апреля и 23 мая принимать тайное решение о том, чтобы нарушить это обязательство?

Мильх: Да, вы правы только в том случае, если положение не изменилось за этот промежуток времени, а об этом-то я и не мог судить.

Робертс: У вас должен был быть собственный кодекс чести, даже находясь на службе. Вы знаете, конечно, что нейтралитет Норвегии был все-таки нарушен?

Мильх: Да, по нашим сведениям и по нашему мнению его нарушили дважды.

Робертс: Вам известно, что 12 и 13 марта 1940 Йодль записал в дневнике: «Фюрер всё ещё ищёт предлога», чтобы представить миру для вторжения в Норвегию? Вам это известно?

Мильх: Мне не знаком этот дневник и эта запись.

Робертс: Вы принимали активное участие во вторжении в Норвегию, не так ли?

Мильх: Через несколько дней после начала вторжения я командовал там короткое время воздушными силами.

Робертс: Вы фактически осуществляли командование в Норвегии?

Мильх: Да.

Яррейс: Думаю нужно прояснить момент, который касается неправильного понимания переводчика. Я только, что услышал о том, что дневниковую запись подсудимого Йодля ошибочно повторно перевели на немецкий язык. Немецкий текст говорит: «nach einer Begrundung» то есть «обоснование». Мне кажется слово

«обоснование» есть в английском переводе. Нельзя переводить его как «Ausrede[98]», что будет «pretexte[99]» по-французски и что является совершенно другим.

Робертс: Каким бы ни был перевод, свидетель, вы согласны с тем, что по записи в дневнике, фюрер искал это, была это причина или оправдание?

Сейчас я хочу задать вам ещё один вопрос по данной стороне дела.

Вы знаете, что Белград был подвергнут бомбардировке, насколько я помню, в апреле 1941 года?

Мильх: Я узнал это из сводки германских вооруженных сил в свое время.

Робертс: Без всякого объявления войны и без всякого предупреждения гражданского населения. Вы знали об этом?

Мильх: Этого я не знал.

Робертс: Не обсуждали ли вы этот вопрос с Герингом?

Мильх: О нападении на Белград? Нет, этого я не помню.

Робертс: Разве даже он не высказал сожаления по поводу бомбардировки крупной столицы, гражданское население которой не было предупреждено об этом хотя бы за час?

Мильх: Мне это неизвестно, и я не помню такого разговора.

Робертс: Это — убийство, не так ли?

[*Ответа не последовало*]

Робертс: Вы предпочли бы не отвечать на этот мой вопрос?

Мильх: На этот вопрос я вам не могу ответить «да» или «нет», так как я не знаю подробностей об этих налетах. Я не знаю, была ли объявлена война. Я не знаю, предупреждалось ли население, и я не знаю, являлся ли Белград крепостью, я не знаю, какие объекты были атакованы. Я знаю о таком количестве воздушных налетов, в отношении которых можно было бы поставить этот вопрос таким же образом.

Робертс: Я не задал бы вам вопроса по этому поводу, если бы мы не имели относящегося к этому документа. Это — приказ Гитлера о том, что Белград следует неожиданно разрушить путем налетов бомбардировщиков волнами без предъявления какого-либо ультиматума, без каких-либо дипломатических демаршей или переговоров.

Мильх: Я хотел бы сказать, что узнал об этом документе впервые сегодня, из ваших слов.

Робертс: Сейчас я хочу предъявить вам инцидент в отношении шталага авиации III[100] в Сагане. Вам известно о чём я говорю.

---

[98] «Предлог» (нем.)
[99] «Предлог» (фр.)
[100] Шталаг авиации III – лагерь ВВС Германии для военнопленных западных держав.

Мильх: Да, я знаю об этом.

Робертс: Знаете ли вы, что 24 и 25 марта 1944 г. около 80 офицеров военно-воздушных сил Британии и доминионов и несколько других, совершили побег из этого лагеря?

Мильх: Я узнал об этом событии в английском лагере дознания, в котором я был, там об этом деле был вывешен плакат.

Робертс: Сейчас мы к этому перейдем. Знаете ли вы, что из этих 80 беженцев 50 человек были расстреляны?

Мильх: Да.

Робертс: В разных частях Германии и оккупированных стран от Данцига до Саарбрюкена, вы слышали об этом?

Мильх: Я слышал о том, что 50 застрелили, но не знал где.

Робертс: Вы слышали о том, что весьма странно, трупы так и не увидели, но урны с прахом были доставлены в лагерь, вы слышали об этом?

Мильх: Я услышал об этом в лагере в котором меня держали из речи господина Антони Идена[101] в Палате общин.

Робертс: Вы слышали о том, что хотя ваше правительство сообщило о том, что их застрелили при оказании сопротивления или попытке бегства, никого из них не ранили, а всех расстреляли.

Мильх: Сначал я услышал только об официальном отчете в Германии, о том, что этих офицеров застрелили при попытке оказать сопротивление или попытке побега. Мы не поверили в эту версию, и было много дискуссий об этом при отсутствии точных сведений. Мы опасались того, что этих людей могли убить.

Робертс: Вы опасались, что совершено убийство. Это было похоже на убийство, не так ли?

Мильх: У нас сложилось такое впечатление, так как различные подробности этого не складывались вместе.

Робертс: Довольно ясно, что если это было убийство, то приказ о совершении этого убийства должен был исходить от высших инстанций. Не так ли?

Мильх: Да, безусловно. Об этом я узнал более детально от начальника отдела военнопленных — генерала Вестхофа, когда я вместе с ним был в плену в Англии.

Робертс: Я хочу спросить вас об организации, ведавшей военнопленными. Являлась ли эта организация одним из отделов ОКВ?

Мильх: Я полагаю, да.

Робертс: Которая называлась КГВ, Kriegsgefangenenwesen.

Мильх: Я ничего не могу сказать об этой организации, потому что я не знаю. Я знал только о том, что существовал начальник Kriegsgefangenenwesen в ОКВ.

---

[101] А́нтони И́ден (1897 — 1977) — британский государственный деятель, член консервативной партии Великобритании. В 1935—1938 (кабинет Болдуина), в 1940—1945 (военное правительство Черчилля) и в 1951—1955 министр иностранных дел, в 1951—1955 заместитель премьер-министра, в 1955—1957 64-й премьер-министр Великобритании.

Робертс: Не был ли начальником Kriegsgefangenenwesen генерал-майор фон Граveниц[102]?

Мильх: Да, фон Гравениц.

Робертс: Это был лагерь воздушных сил? Шталаг авиации III был лагерем воздушных сил?

Мильх: Да. Так он назывался, но я понимаю, что все пленные подчинялись ОКВ. Так я думал. Однако, я не могу сказать это точно, потому что я не много знаю об этой организации.

Робертс: Дирекция по надзору за лагерями воздушных сил, или даже инспекция, называлась инспекцией № 17?

Мильх: Существовала инспекция, которая согласно названию должна была заниматься надзором. Что она должна была делать и какими были её задачи, я не могу сказать. Была ли она только для опросов, я не знаю.

Робертс: Главой был генерал-майор Грош[103]?

Мильх: Я не могу сказать, возможно. Мне знакомо имя, но я не знаю, занимал ли он этот пост.

Робертс: Вторым в руководстве был полковник Вельде?

Мильх: Мне неизвестно.

Робертс: Вы были вторым номером в воздушных силах и министерстве авиации в марте 1944, не так ли?

Мильх: Тогда было несколько вторых номеров. Я занимал должность одинаковую с начальником генерального штаба, начальником управления кадров и начальником техники вооружений, которые не зависели от меня. Что касается старшинства, я являлся вторым офицером воздушных сил.

Робертс: 25 марта, в субботу утром в Берлине было совещание по поводу побега?

Мильх: Я не помню.

Робертс: Геринг не говорил вам об этом совещании?

Мильх: Я не помню.

Робертс: Геринг никогда не говорил вам о том, что между Гитлером, Гиммлером, ним и Кейтелем, утром в субботу было совещание?

Мильх: Нет. Я ничего об этом не знаю. Я не помню.

Робертс: На котором был отдан приказ об убийстве этих захваченных военнопленных?

Мильх: Я не могу вспомнить. Согласно тому, что я слышал позднее, обстоятельства были совершенно другими. У меня были сведения от ранее названного генерала Вестхофа и также от генерала Боденшаца.

Робертс: Мы собираемся увидеть генерала Вестхофа в качестве свидетеля. Он

---

[102] Ганс фон Гравениц (1894 – 1963) – генерал-лейтенант Вермахта. В 1938-1943 начальник управления по вопросам военнопленных ОКВ.

[103] Вальтер Грош (1891 – 1972) – генерал-лейтенант Люфтваффе. В мае 1943 – июне 1944 начальник инспекции по делам военнопленных Люфтваффе.

сделал заявление об этом вопросе говорящее…

Мильх: Прошу прощенияю Я вас не слышу. Немецкий не проходит чётко. Я могу вас слышать, но не немецкую передачу.

Робертс: Генерал Вестхоф…

Мильх: Да.

Робертс: …сделал заявление…

Мильх: Да.

Робертс: …и мы собираемся увидеть его в качестве свидетеля.

Мильх: Да.

Робертс: Наверное, я не буду предъявлять вам его заявление, потому что он собирается дать показания. Наверное, так будет честнее с точки зрения защиты. Но вы предлагаете, что акция против этих офицеров, если их убили, используя ваши слова, сбежавших из лагеря воздушных сил, что акцию могли провести в отсутствие сведений Геринга?

Мильх: Я считаю это вполне возможным в виду большой путаницы, которая была в высших кругах в то время.

Робертс: Большой путаницы в марте 1944?

Мильх: Повсюду была ужасная путаница.

Робертс: Это совершенно ясно…

Мильх: Гитлер вмешивался во все вопросы и лично отдавал приказы через головы начальников Вермахта.

Робертс: Но вы вообще никогда не обсуждали вопрос с Герингом?

Мильх: Нет. Я не могу вспомнить, чтобы говорил с Герингом об этом вопросе.

Робертс: Не думаете ли вы, что этот случай покрывает позором вооруженные силы Германии?

Мильх: Да, это большой позор.

Робертс: И при этом Геринг с вами никогда об этом не разговаривал? Вы, когда-нибудь разговаривали с Кейтелем?

Мильх: Не могу сказать. В течении этого времени я вряд ли видел Геринга.

Робертс: Вы, когда-нибудь говорили об этом с Кейтелем?

Мильх: Нет, никогда. Я видел Кейтеля ещё реже чем Геринга.

Робертс: В министерстве авиации был генерал Фостер или Ферстер[104]?

Мильх: Да, был.

Робертс: Генерал Ферстер?

Мильх: Да.

Робертс: Он был начальником оперативного отдела?

Мильх: Нет. Он был начальников главного управления Люфтваффе. Он должен был заниматься укомплектованием личным составом, и он работал с соответствующим

[104] Гельмут Фёрстер (1889 – 1965) – генерал-лейтенант Люфтваффе. В 1942-1945 руководитель аппарата рейхсминистерства авиации.

ведомством, с генеральным штабом, а также с рейхсмаршалом. В ходе войны он также был ответственным за гражданскую авиацию, в этом качестве работал совместно со мной, но во время войны это была небольшая работа…

Робертс: Я собирался спросить вас, он, когда-нибудь говорил об этом расстреле с вами?

Мильх: Меня спрашивали об этом раньше, но как я ни старался я не смог вспомнить. Возможно, что в ходе беседы он рассказывал мне о том, что офицеров застрелили, но делал ли он так, и каким образом, при каких обстоятельствах, я не могу вспомнить. Я не получал от него официальный доклад, я даже не имел права просить об этом.

Робертс: Если Ферстер рассказывал вам, он, когда-нибудь докладывал Герингу?

Мильх: Я не могу вспомнить беседу с Ферстером об этом, я не думаю, что говорил с ним. Он не давал мне доклад, который я бы должен был передать Герингу. Такой доклад должен был быть направлен Герингу напрямую, через совершенно другие каналы и гораздо быстрее.

Робертс: Вы предпринимали какие-либо шаги с целью предотвращения расстрела?

Мильх: Когда я впервые услышал о том, что случилось, мне не было ясно, что именно случилось. Но даже если бы это было ясно, из того, что Вестхоф рассказал мне, к сожалению было слишком поздно.

Робертс: Почему слишком поздно?

Мильх: Потому что Вестхоф был первым офицером который должен был знать об этом. Когда ему доложили, ему сказали о том, что приказ уже исполнен. Я могу сказать, что генерал Вестхоф сделал такое заявление и подтвердит его.

Робертс: Очень хорошо, как вы говорите, вы никогда не ходили к Герингу с этим вопросом.

Мильх: Я ничего о нём не знал.

Робертс: Сейчас я хочу далее рассмотреть три вещи. В связи с рабочей силой в промышленности вооружений, господин судья Джексон задавал вам вопросы. Использовалась рабочая сила из концентрационных лагерей?

Мильх: Да.

Робертс: Не взглянете ли вы на документ номер PS-1584. Это стенограмма 1357[105], 12 декабря, вечер.

Это телетайп от Геринга Гиммлеру от 14 февраля 1944? Здесь есть два разных кодовых номера, затем, рейхсфюреру СС – это был Гиммлер, рейхсминистр Гиммлер. Кто на самом деле послал телетайп? Он подписан Герингом, но он не касается вопросов рабочей силы, не так ли?

Мильх: Я не могу сказать от кого он исходил.

Робертс: Это был вопрос которым вы занимались, не так ли, предоставление

[105] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II/ Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 491.

рабочей силы авиационному вооружению?

Мильх: Лишь поскольку я должен был заниматься авиационным вооружением, я направлял запросы о рабочей силе в соответствующие ведомства. Но данная телеграмма не поступала из моего ведомства.

Робертс: Если она не поступила из вашего ведомства, из какого ведомства она поступила?

Мильх: Она касается разных вопросов, первым стоит вопрос ещё одной эскадрильи.

Робертс: Пожалуйста, отвечайте на вопрос, какое ведомство его подготовило?

Мильх: Не могу сказать навскидку.

Робертс: Очень хорошо.

Мильх: Я не знаю.

Робертс: Второе предложение: «В тоже время я прошу о том, чтобы значительное количество заключённых концентрационных лагерей предоставили в моё распоряжение для авиационных вооружений, так как подобная рабочая сила зарекомендовала себя крайне полезной». Вы часто использовали рабочую силу из концентрационных лагерей, не так ли?

Мильх: Позднее, да. Могу я спросить, этот телетайп датирован 15-м числом, какого месяца?

Робертс: Да, я сказал вам свидетель, 14 февраля 1944. Это вверху.

Мильх: Да, я не смог здесь прочесть.

Робертс: Нет, я полностью понимаю. И Гиммлер ответил, предоставив вам 90000 заключённых концентрационных лагерей? Я ссылаюсь на документ PS-1584, номер 3 от 9 марта 1944. Это «глубокоуважаемому рейхсмаршалу» от Генриха Гиммлера. Здесь говорится: «В настоящее время приблизительно 36000 заключённых используется в воздушных силах. Предлагается довести эту цифру до 90000».

Затем он указывает в последнем абзаце: «Перевод авиастроения под землю потребует ещё 100000 заключённых».

Итак, свидетель это были заключённые концентрационных лагерей?

Мильх: Да, я вижу это в письме.

Робертс: Вы говорили, что полностью не ведали об условиях в концентрационных лагерях?

Мильх: Нет, я ничего о них не знал.

Робертс: Вы не видели фильмы снятые, когда лагеря были захвачены?

Мильх: Нет.

Робертс: Страшный контраст – минуточку – страшный контраст между пухлыми и откормленными охранниками и гражданскими и скелетами заключённых?

Мильх: Я не видел фильм, но я видел фотографии, когда я был в Англии.

Робертс: Вы умышленно закрывали глаза на то, что происходило в Германии?

Мильх: Нет, нам было невозможно это понять.

Робертс: Вы, на своём посту, не могли знать, что происходит?

Мильх: Это было абсолютно невозможно.

Робертс: Я хотел бы вкратце остановиться на вопросах, которые затронул господин судья Джексон. Но он не оглашал письма. Это — вопрос об экспериментах, которые проводились в интересах исследовательской работы военно-воздушных сил. Я постараюсь возможно реже обращаться к самим документам, я буду лишь ссылаться на них.

Знаете ли вы, что 15 мая 1941 доктор Рашер написал письмо Гиммлеру? Это документ PS-1602, страница 1848 стенограммы[106].

Мильх: Я его не знал. Думаю, я говорил это во время допроса.

Робертс: Он производил очень опасные эксперименты, подвергаться которым никто добровольно не соглашался; обезьяны для этой цели не были пригодны, и он просил предоставить ему человеческие существа в качестве объектов для производства этих опытов. Гиммлер сразу же ответил, что он будет рад предоставить человеческие существа для производства опытов над ними. Это было в 1941 году. Было ли вам об этом что-нибудь известно?

Мильх: Об этом мне ничего не известно.

Робертс: Итак, Рашер был…

Мильх: Я, лично не знал Рашера.

Робертс: Он был врачом в штате воздушных сил.

Председатель: Но, господин Робертс, это же не письмо свидетелю?

Робертс: Милорд, я к этому веду. Следующее письмо это письмо подписанное свидетелем. Это было вступление. Наверное, мне лучше перейти к письму которое он подписал. Весьма обязан.

Сейчас я хочу предъявить вам документ номер PS-343, и я также хочу предъявить вам, если офицер ответственный за документы будет любезен, я хочу предъявить вам документ номер PS-607.

Председатель: Господин Робертс, его уже перекрёстно допрашивали об этом письме, не так ли?

Робертс: Я не думаю, что письмо оглашали или тщательно рассматривали. Мне кажется, так думает ваша светлость.

Председатель: Ему предъявили письмо. Я не знаю, действительно ли его зачитывали.

Робертс: Я полностью следую за судом. Я знаю, что вопрос затронули. Я считаю, что письмо, наверное, нужно огласить, но может быть, я ошибаюсь.

Председатель: Мне сказали, что его не оглашали, но ему предъявили два письма.

Робертс: Согласен. Если ваша светлость будет любезен вынести меня всего несколько минут, наверное, я смогу рассмотреть темы которые должен рассмотреть.

Письмо от 20 мая 1942 г., адресованное Вольфи, то есть

---

[106] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III/ Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 201.

обергруппенфюреру Вольфу, это письмо написано вами. Не так ли?

Мильх: Да. Я подписал это письмо, которое, как я говорил этим утром представило мне управление медицинской инспекции и из которого видно, что мы хотели отстранится от этого дела, как можно вежливее.

Робертс: Смысл письма, если я позвою его подытожить, сводится к тому, что вы сказали: «На вашу телеграмму от 12 мая наша санитарная инспекция…».

Председатель: Господин Робертс, если я правильно помню, когда эти письма предъявили свидетелю, он сказал, что не читал их, что он подписал их не читая.

Робертс: Что же, милорд, наверное, мне лучше оставить этот вопрос, если ваша светлость думает, что я слишком часто топчусь на месте.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы хотите, чтобы трибунал поверил в то, что вы подписали эти два письма Вольфу, который был связным, не так ли, между – кем был Вольф?

Мильх: Вольф не был связным, он был адъютантом Гиммлера. Он послал нам телеграмму, по-видимому, в санитарную инспекцию, но санитарный инспектор по какой-то причине ответил ему через меня. Я не знаю, по какой причине он не ответил сам: я уже говорил во время допроса, что я подписал эти письма, но что они не были продиктованы в моем бюро и что они были написаны на моем бланке как ответ санитарной инспекции, как делалось обычно. Я не имел ничего общего ни с опытами высотных полетов, ни с какими-либо опытами СС вообще, ни с санитарной инспекцией.

Робертс: Знали ли вы о том, что в этих барокамерах производились опыты над живыми людьми, над человеческими существами, которые доставлялись в Дахау?

Мильх: Над кем производились эти опыты, следует из письма, которое представила мне санитарная инспекция. В воздушных силах мы проводили много экспериментов с нашими медицинскими офицерами которые вызывались добровольцами, и так как мы делали это со своими же людьми, мы считали это собственным делом. Следовательно, мы, не хотели никаких экспериментов от лица СС, мы не были в них заинтересованы. Мы долгое время экспериментировали на своих людях. Нам не нужны были СС, которые вмешивались в дело их не касавшееся, и мы никогда не могли понять зачем СС связались с этим делом.

Робертс: Разве Гиммлер не послал вам письмо – ссылка на стенограмму – 1852[107], в ноябре 1942 года, это документ PS-1617 в котором он писал: «Дорогой Мильх… произведены эксперименты как с высоким давлением, так и с холодной водой…», и что он, Гиммлер, предоставлял асоциальных лиц и преступников из концентрационных лагерей для этих опытов?

Помните ли вы это письмо?

Мильх: Это письмо мне показывали. Но я его не помню. Я не знаю, почему

[107] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III/ Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 203-204.

Гиммлер вообще писал мне. Из моего бюро письма без моего просмотра передавались непосредственно соответствующим отделам санитарной инспекции, и оттуда шел ответ через мое бюро. Я не мог создать себе определенную точку зрения на эту переписку, так как я не знал, о чем идет речь, и не могу судить о том, что там происходило с точки зрения медицины.

Робертс: Если вы говорите, что вы ничего не знали даже о тех письмах, которые вы сами подписывали, то едва ли есть смысл дальше задавать вам вопросы.

Сейчас я хочу рассмотреть последний пункт.

Мильх: За день я должен был подписывать несколько сотен писем, я не мог знать о подробностях каждого. В данном конкретном случае, это являлось специализированным вопросом, и я просто подписал его для того, чтобы освободить санитарного инспектора от ответственности, который по причине указанной утром, не хотел подписывать его лично.

Робертс: Очень хорошо, я заканчиваю с этим пунктом.

А теперь, последний пункт. В пятницу вы сказали о том, что немецкого генерала казнили за расхищение драгоценностей. Где было совершено это хищение?

Мильх: Я не могу сказать. Кажется, я припоминаю, что это было в Белграде. Генерала звали генерал Вафер, это я помню.

Робертс: Эти драгоценности были похищены из Белграда?

Мильх: Не могу сказать. Я знаю только то, что сказал в пятницу.

Робертс: Значит, немецкие власти считали смертную казнь подходящей для воровства, видимо это правильно.

Мильх: Я не расслышал вопрос.

Робертс: Что же, это скорее был комментарий. Я задам вам следующий вопрос. Какова была стоимость похищенных драгоценностей?

Мильх: Я могу сказать, что я не знаю о том как их украли, или что украли, или насколько ценными они были, но только то, что его приговорили к смерти.

Робертс: Геринг, когда-нибудь говорил с вами о своей коллекции искусства которую он собрал в оккупированных странах?

Мильх: Я ничего об этом не знаю.

Робертс: Могу я прочесть вам фрагмент доказательства, стенограмма 2317[108], и это приказ Геринга подписанный 5 ноября 1940.

> «Геринг начальнику военной администрации в Париже и айнзацштабу Розенберга:
>
> Распределить предметы искусства доставленные в Лувр в следующем порядке:
>
> Первое, те предметы искусства…»

Председатель: Господин Робертс, он никогда не видел этот документ, и он говорит,

[108] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III/ Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 87.

что ничего о нём не знает.

Робертс: С позволения вашей светлости, если вы не считаете, что я должен предъявлять ему…

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы говорите, что Геринг никогда не обсуждал с вами свою коллекцию искусства?

Мильх: Нет.

Робертс: Вы не знали о том, что ценные предметы искусства, согласно инвентаризации более 21000 предметов, вывезли из западных оккупированных стран?

Мильх: Нет, мне это неизвестно.

Робертс: Что должен был сделать генерал который похитил драгоценности, вероятно из Белграда, сделать с ними? Отдать их фюреру, или отдать их Герингу?

Мильх: Я прошу освободить меня от ответа на этот вопрос.

Руденко: Скажите, вы узнали о планировании Гитлером войны против Советского Союза в январе 1941 года?

Мильх: Как я сказал в пятницу, в январе я услышал от рейхсмаршала Геринга, что Гитлер сообщил ему о том, что он якобы ожидает нападения России. Затем несколько месяцев я ничего больше не слышал по этому вопросу, пока я совершенно случайно от своего подчиненного не узнал, что предстоит война с Россией и что поэтому приняты меры по обмундированию войск.

Руденко: А вы знакомы с «планом Барбаросса[109]»?

Мильх: Это название я слышал и видел этот план во время совещания с отдельными командующими войсковых групп и армий, которое имело место у фюрера за день или за два до вторжения в Россию.

Руденко: Когда, примерно, — за один день или за два дня до нападения на Россию?

Мильх: Я могу вам точно сообщить эту дату.

Руденко: Пожалуйста.

Мильх: Это было 14 июня. Значит, это, примерно, за восемь дней до нападения, которое состоялось 22 июня.

Руденко: А до этого вы не видели и не слышали о «плане Барбаросса»?

Мильх: Название «Барбаросса» слышал, возможно, еще до этого совещания.

Руденко: Когда?

Мильх: Этого я не могу точно сказать, так как январь, февраль, март и апрель я провел за пределами Германии и вернулся лишь в мае. Я был в Африке, Греции, Югославии, и на Западе.

Руденко: Меня интересует период, когда вы были у себя в военно-воздушных силах. Декабрь, январь вы находились в Германии?

---

[109] Операция «Барбаросса» (Директива № 21. План «Барбаросса»; нем. Weisung Nr. 21. Fall Barbarossa, в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Барбаросса) — разработанный в 1940—1941 гг. план нападения Германии на СССР и одноимённая военная операция, осуществлявшаяся в соответствии с этим планом на начальной стадии Великой Отечественной войны.

Мильх: В декабре 1940 года?
Руденко: И?
Мильх: Но только частично в декабре, а частично я находился во Франции и Италии.
Руденко: В январе 1941 года вы находились в Германии?
Мильх: Тогда я все время был на Западе и, насколько я помню, ни одного дня не был в Германии.
Руденко: Вы сказали, что в январе 1941 года имели беседу с Герингом по вопросам плана войны против СССР?
Мильх: Да, я…
Руденко: Стало быть, в январе?
Мильх: Да, 13 января. Но я уже не помню, говорил ли я об этом с Герингом во Франции или это происходило путем телефонного разговора, или же я день или два был в Германии. Этого я не могу сказать, я не записал себе этого.
Руденко: Извините, по телефону обсуждался вопрос о нападении на Россию?
Мильх: Нет, тогда речь шла не о нападении на Россию, а, наоборот, о нападении России на Германию, и мы…
Руденко: Вопрос о нападении России на Германию тоже выяснялся по телефону?
Мильх: Я вообще не давал никаких пояснений, я сказал только, что я не знаю. Были ли мне переданы сведения по спецсвязи, которую нельзя прослушать, или же об этом Геринг сказал мне во Франции, или же я в этот день находился в Германии, я не помню.
Руденко: А когда вы обсуждали вопрос с Герингом и Геринг сказал, что он не желает войны?
Мильх: Это было 22 мая.
Руденко: Какого года, 1941?
Мильх: Да, 1941 года.
Руденко: Где этот вопрос обсуждался?
Мильх: Это было вблизи Нюрнберга, в Фельденштайне.
Руденко: Вы только с Герингом обсуждали этот вопрос или кто-либо присутствовал при этом?
Мильх: Только с Герингом.
Руденко: И вы утверждаете, что Геринг не желал воевать с Россией?
Мильх: Таково было мое впечатление.
Руденко: А почему Геринг не желал воевать с Россией? Со страной, которая нападает на Германию? Ведь это оборонительная война?
Мильх: Геринг отрицательно относился к такой войне, потому что как и все мы он…
Руденко: К оборонительной войне?
Мильх: Он лично отрицательно относился ко всякого рода войнам.

Руденко: Странно. Может быть, вы точнее изложите, почему Геринг не желал войны с Россией?
Мильх: Так как война на два фронта, да к тому же еще с Россией, для Германии, как я считал, принесет поражение, и я думал, что не только я, но и многие другие солдаты и начальники понимали это.
Руденко: Вы лично тоже были противником войны с Россией?
Мильх: Да, безусловно, я был явным противником войны с Россией.
Руденко: Но ваши объяснения по меньшей мере неубедительны. С одной стороны, вы утверждаете, что речь шла о нападении России на Германию, а с другой стороны, что Геринг и другие высшие офицеры не желали воевать с Россией.
Мильх: Разрешите мне пояснить. 13 января Геринг сообщил мне, что Гитлер придерживается той точки зрения, что Россия хочет выступить против Германии. Это было не мнение Геринга и не мое мнение, я думаю, это было мнение Гитлера, которое он выразил как свое.
Руденко: Насколько я помню, ни Геринг, ни вы не верили этому мнению Гитлера?
Мильх: Я могу говорить только о себе лично. Я открыто говорил о том, что я не верил, что Россия собирается выступить против нас. Что думал Геринг по этому поводу, я не могу сказать, он мне об этом не говорил. 22 мая, когда я говорил по этому вопросу с Герингом и настоятельно просил его, чтобы он сделал все, чтобы избежать войны с Россией, Геринг сказал мне, что он сам представлял Гитлеру эти аргументы, но что переубедить Гитлера было невозможно, что его решение было непоколебимо и нет такой силы в мире, которая бы могла изменить его.
Руденко: И следующее положение, которое я заключил из вашего показания, что Геринг, говоря о том, чтобы не воевать с Россией, имел в виду, что идет война с Англией? Чтобы избежать войны на два фронта?
Мильх: С чисто военной точки зрения — безусловно. Но я думаю, что если бы тогда эта война не возникла, то и позднее она не возникла бы.
Руденко: И вы серьезно допускаете, что можно говорить о превентивной войне столь долго и в то же время разрабатывать «план Барбаросса» и последующие к нему инструкции с привлечением союзников для нападения на Россию? Вы серьезно утверждаете о таком превентивном характере войны?
Мильх: Я не понял смысл вопроса.
Руденко: Вы думаете, что можно было знать о том, что Советский Союз собирается напасть на Германию, и в то же время разрабатывать агрессивный план против Советского Союза, уже в декабре 1940, как видно из официальных документов?
Мильх: Я могу это понимать только таким образом, что если Гитлер верил в то, что Россия собирается напасть на Германию, то он сказал, что он должен методом превентивной войны предупредить нападение России. Однако это не имеет никакого отношения к мнению о котором меня здесь спросили. Для меня не существовало обязательных предпосылок к тому, что Россия нападет на нас. Я, конечно, не имел

достаточных сведений, но я лично не думал, что Россия сделает это, исходя из интересов России, которые я пытался проанализировать.

Руденко: Понимаю. Я хочу задать вам несколько вопросов в отношении военнопленных. Использование военнопленных, в особенности из Советского Союза на работе в авиационной промышленности уже упоминалось здесь.

Мильх: Да.

Руденко: Какое у вас отношение к использованию военнопленных на работе против собственной страны? Что вы об этом думаете?

Мильх: Конечно, это не самая приятная вещь, но насколько я знаю, так делали с нашими военнопленными во всех других странах.

Руденко: Сейчас я говорю о Германии. Вы говорите, что это неприятная вещь. Наверное, это ещё мягко сказано?

Мильх: Это зависит от того, что делали другие. Все законы войны основаны на взаимности, если есть хотя бы какая-то взаимность.

Руденко: Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Каким было отношение германского главнокомандования к такого рода использованию? Вы считаете, что нормы международного права нарушались?

Мильх: Этот спорный вопрос до сих пор мне не ясен. Я знаю только о том, что были отданы приказы их использовать и использовать этих мужчин, а также женшин, в борьбе за наше существование.

Руденко: Вы считаете это законным приказом?

Мильх: Я не могу судить об этом, это зависит от условий, и как я сказал, от взаимности.

Латернзер: Господин председатель, я прошу, чтобы вопрос и ответ были исключены из протокола. Свидетеля спросили о юридическом мнении, и он не должен его высказывать, поскольку вопрос недопустим, ответ также должен быть исключён.

Председатель: Генерал Руденко?

Руденко: Я хочу сказать, что я не понял, что свидетель не знал о том является ли это нарушением международного права. У меня есть полная уверенность в том, что свидетель компетентен отвечать на данный вопрос, так как в начале своего выступления и в пятницу, он говорил о десяти солдатских правилах, которые как он сказал нельзя было нарушать, так как они основывались на международном праве. Поэтому я думаю, что свидетель компетентен отвечать на вопрос об использовании военнопленных Люфтваффе против собственной страны. Если трибунал считает вопрос недопустимым, я его отзову.

Председатель: Вопрос можно сформулировать по-другому, как то, не являлось ли нарушением правил изложение в солдатской расчётной книжке. Однако, что касается международного права, это является вопросом по которому должен решить трибунал, и в связи с этим, конечно же, нам не нужны показания свидетелей.

Руденко: Да. У меня есть ещё два вопроса к свидетелю.
Председатель: Мы хотели закрыться в 30 минут пятого. Если вы намерены задать другие вопросы, наверное нам лучше закончить, или же вы закончили?
Руденко: Лучше объявить перерыв, потому что у меня могут быть несколько вопросов к свидетелю.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 12 марта 1946*]

День семьдесят девятый

Вторник, 12 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Генерал Руденко, вы завершили свой допрос?
Руденко: Да.
Председатель: Французское обвинение желает задать какие-либо вопросы?
Доктор Штамер, вы будете дальше допрашивать?
Штамер: Нет, сэр.
Председатель: Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Штамер: Я вызываю следующего свидетеля, полковника Люфтваффе, Бернда фон Браухича.

[*Свидетель фон Браухич занимает место свидетеля*]

Председатель: Как ваше имя?
Браухич: Бернд фон Браухич.
Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду, не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком*]

Председатель: Можете сесть, если хотите.
Штамер: Свидетель, какую должность вы занимали в штабе главнокомандующего Люфтваффе?
Браухич: Я был первым военным адъютантом главнокомандующего Люфтваффе. Я занимал должность адъютанта. Моя работа заключалась в подготовке ежедневного распорядка по приказу главнокомандующего и утверждению графика дежурств адъютантов. О военной обстановке полагалось докладывать ежедневно, военные донесения и сообщения только в той мере в какой о них не сообщали сами ведомства. У меня не было командных полномочий.
Штамер: Во время работы вы узнали о том, что 25 марта 1944 из лагеря пленных в

Сагане, шталага авиации III, сбежали 75 офицеров английских воздушных сил?

Браухич: Я узнал об этом как об особом событии, так как тогда сообщили о том, что сбежал ряд офицеров воздушных сил.

Штамер: Вы можете предоставить нам сведения о судьбе этих офицеров после побега?

Браухич: Судьба этих офицеров мне неизвестна.

Штамер: Вам, когда-нибудь сообщали о том, что 50 этих офицеров якобы застрелили при попытке бегства?

Браухич: Гораздо позднее я услышал о том, что предположительно ряд этих офицеров был застрелен.

Штамер: Вы можете рассказать нам, при каких обстоятельствах случились эти расстрелы?

Браухич: Я ничего об этом не знаю.

Штамер: Рейхсмаршал Геринг приказывал о расстреле или принимал в этих мероприятиях какое-либо участие?

Браухич: Я ничего не знаю о том, что рейхсмаршал принимал участие или отдавал приказ по данному делу.

Штамер: Вам известно об отношении Гитлера по вопросу обращения с так называемыми лётчикам-террористами которых сбивали?

Браухич: Весной 1944 внезапно возросло количество жертв воздушных налётов в результате обстрелов из пулемётов. Эти атаки производились на гражданских лиц работавших в полях, против второстепенных железных дорог и станций не имевших никакого военного значения, против пешеходов и велосипедистов на территории родины. Должно быть это было причиной по которой Гитлер отдавал не только оборонительные приказы, но также и приказы против самих лётчиков. Насколько мне известно, Гитлер поощрял самые решительные меры. Предполагалось использовать самосуд.

Штамер: Каким было отношение рейхсмаршала Люфтваффе к данному приказу?

Браухич: Главнокомандующий и начальник генерального штаба выразили своё мнение о том, что следует обратить на эти атаки, которые были направлены исключительно против гражданских лиц самое серьёзное внимание. Вместе с тем, в отношении таких лётчиков не должно было применяться никаких особых мер. С предложением о том, чтобы тех, кто выбросился с парашютом должны были линчевать и не предоставлять им защиты, нельзя было согласиться. В виду инструкций Гитлера Люфтваффе были вынуждены заниматься этим вопросом. Они стремились предовтратить то, чтобы эти замыслы Гитлера, с которыми они не соглашались были воплощены на практике. Решено было делать вид, что такие меры проводятся, в то время как на самом деле они не проводились.

Затем мне поставили задачу которая находилась за рамками моей компетенции, о согласовании с высшим командованием вооружённых сил

определения «лётчики-террористы». Все те случаи, которые составляли нарушения международного права и уголовные деяния являлись предметом обсуждений и переписки. Эти определения должны были предотвратить линчевание. Длительная переписка также показывает стремление ведомств, спустить дело на тормозах. В конце июня 1944 был определён термин «лётчик-террорист». Шталаги проинструктировали сообщать обо всех случаях нарушений, но не предпринимать никаких действий. Таким образом, мы избежали отдачи приказа такого характера которого хотел Гитлер.

Штамер: Следовательно, по вашему мнению, можем ли мы говорить о том, что меры, о которых приказал Гитлер не проводились Люфтваффе?

Браухич: Да. Можно сказать, что меры о которых приказал Гитлер не проводились. Как подтверждали командующие воздушных флотов их военнослужащие не получали никаких приказов о расстреле вражеских лётчиков или их передаче СД.

Штамер: Вам, что-нибудь известно о получении Люфтваффе директив о расстреле заложников?

Браухич: Я не знаю о директивах или приказе по поводу заложников.

Штамер: Ещё один вопрос. Вы можете предоставить нам какие-нибудь сведения об обращении с пятью вражескими лётчиками которые в марте 1945 выбросились над Шорфейде и были захвачены?

Браухич: В марте 1945, американский четырёхмоторный бомбардировщик был сбит после атаки на Шорфейде. Часть экипажа спаслась, выбросившись с парашютом. Некоторые получили травмы и были направлены в госпиталь. Наблюдатель, американский капитан резерва, который в гражданской жизни был режиссером фильмов в Голливуде, на следующий день был лично допрошен рейхсмаршалом о его миссии и о том как его сбили.

Штамер: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочеть задать свидетелю вопросы?

Латернзер: У меня несколько вопросов к свидетелю.

[*Обращаясь к свидетелю*] Какую должность вы занимали к началу войны?

Браухич: К началу войны я находился в военной академии и только, что покинул свою эскадрилью.

Латернзер: Можно ли сказать, что начало войны вызвало радость у профессиональных солдат? Каким тогда было настроение?

Браухич: Нет, нельзя сказать, что начало войны приветствовали с энтузиазмом. Скорее мы встретили данный факт с тяжкими переживаниями. Будучи молодыми солдатами, мы видели своей задачей подготовку и воспитание наших мужчин к обороне страны.

Латернзер: Какие должности вы занимали во время войны? Вы, когда-нибудь находились в штабе воздушного флота?

Браухич: Я никогда не был в штабе воздушного флота, за исключением короткого

времени, когда я служил командиром группы, я был адъютантом главнокомандующего Люфтваффе.

Латернзер: В качестве главного адъютанта, как вы уже сказали, при главнокомандующем Люфтваффе, у вас было много информации о происходившем в Люфтваффе?

Браухич: Что касалось материалов, да.

Латернзер: Итак, согласно вашей информации изнутри, начальники воздушных флотов имели какое-либо влияние на политические решения или ведение войны?

Браухич: По моим сведениям начальники воздушных флотов не имели никакого влияния на политические решения. Их работа заключалась в техническом исполнении полученных приказов и приказы о ведении воздушной войны всё больше и больше отдавались лично Гитлером.

Латернзер: У меня остался один вопрос: существовала ли какая-нибудь координация между родами войск Вермахта? Имела ли эта координация чисто официальный характер или она шла дальше?

Браухич: Существовала координация между руководством на фронте, на высшем уровне на неё влиял сам фюрер.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из защитников хочет задать вопросы? Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Джексон: Я прошу, чтобы свидетелю показали документ PS-1156 из документов Соединённых Штатов.

[*Документ PS-1156 представлен свидетелю*]

Джексон: Вы узнаёте этот документ, свидетель?

Браухич: Нет, я не узнаю документ.

Джексон: Я обращаю ваше внимание на дату, 20 марта 1941 года, и обращаю ваше внимание на тот факт, что это должен быть доклад рейхсмаршалу Герингу на заседании 19 марта 1941 года.

Браухич: Находясь на службе, я присутствовал только на тех военных совещаниях, которые не проходили в ставке фюрера, или не были частными дискуссиями. Я не видел этот документ и не знаю фактов.

Джексон: Позвольте обратить ваше внимание на пункт 2, который относится к вам, как я понимаю, и который гласит:

> «Директива разработанная Wi[110] относительно мер по разрушению которые должны проводиться Люфтваффе по плану Барбаросса, согласована рейхсмаршалом. Одна копия была вручена капитану фон Браухичу для передачи в генеральный штаб Люфтваффе».

[110] Аббр. с нем. Wehrwirtschaftsamt – управление военной экономики OKB.

Я спрашиваю, известны ли вам эти факты.

Браухич: Я не могу вспомнить эти факты, как и не могу предоставить вам сведения о содержании указанного письма.

Джексон: Вы знакомы с планом Барбаросса, не так ли?

Браухич: Я не слышал о плане Барбаросса до начала 1941. Я не присутствовал на совещаниях.

Джексон: Но вы знали о том, что некие меры по уничтожению запланированы в связи с ним со стороны Люфтваффе, не так ли?

Браухич: Я знаю только о первых задачах поставленных Люфтваффе и вспоминаю о том, что были приказаны атаки на аэродромы.

Джексон: Этим не предусматривались атаки на города, в частности Санкт-Петербург?

Браухич: По моим сведениям и воспоминаниям, тогда, когда было написано письмо, ничего не говорилось об этих целях, а только об атаках на аэродромы, которые являлись основными целями Люфтваффе.

Джексон: Я прошу, чтобы свидетелю показали документ номер PS-735, экземпляр GB-151.

[*Документ PS-735 представлен свидетелю*]

Джексон: Он приобщен в качестве доказательства и выглядит совершенно секретным документом из которого сделали только три копии, это верно?

Браухич: Могу я прочесть письмо, прежде чем отвечу на вопрос?

Джексон: В первую очередь, я обращаю ваше внимание на подпись в конце письма, и спрашиваю, узнаёте ли вы её?

Браухич: Подпись Варлимонта.

Джексон: Кем был Варлимонт?

Браухич: Варлимонт был заместителем начальника оперативного штаба вооружённых сил.

Джексон: И вы хорошо его знали, и он хорошо вас знал, это так?

Браухич: Я знал его в лицо и по этому случаю я впервые с ним разговаривал.

Джексон: По поводу этой встречи записанной в протоколе, это тот случай, когда вы впервые встретили и разговаривали с Варлимонтом?

Браухич: Когда я впервые встретился с ним официально, да.

Джексон: Это было 6 июня 1944, когда проводилась встреча?

Браухич: Согласно письму, да.

Джексон: Итак, я обращаю ваше внимание на абзац номер 1 протокола этого совещания, из которого видно, что обергруппенфюрер Кальтенбруннер открыл эту встречу сообщением о том, что совещание по вопросу лётчиков прошло незадолго до этого с рейхсмаршалом, рейхсминистром иностранных дел и рейхсфюрером СС.

Так оно открылось, не так ли?

Браухич: Я ничего не знаю о протоколе этого совещания и даже о том было ли оно на самом деле.

Джексон: Кто тогда был рейхсмаршалом?

Браухич: Я помню этот факт, потому что 6 июня началось вторжение и в ночь с 5-го на 6-е, я лично звонил рейхсмаршалу Герингу в 2 часа и информировал его о том, что началось вторжение. Утром он отбыл из Фельденштайна в Клессхайм для того, чтобы вечером присутствовать на совещании об обстановке.

Джексон: И, как говорится, эта встреча состоялась в Клессхайме вечером 6 июня, не так ли?

Браухич: Ранее я говорил о том, что ничего не знаю о встрече и о теме дискуссии.

Джексон: Да, я понимаю, вы не присутствовали. Геринг был рейхсмаршалом, правильно?

Браухич: Да.

Джексон: Риббентроп был тогда министром иностранных дел, не так ли?

Браухич: Да.

Джексон: А кто был рейхсфюрером СС?

Браухич: Гиммлер.

Джексон: Итак, результатом этой встречи на которой министр иностранных дел – посмотрите на следующее предложение: «…министр иностранных дел пожелал включить любой тип террористической атаки на местное гражданское население…». На этом совещании, на котором вы присутствовали, это было согласовано, ни в этом заключается смысл первого абзаца?

Браухич: В первую очередь, меня не было на этой встрече, во-вторых, я ничего не знаю об этой теме, как показывают доказательства.

Джексон: Что же, вас не было на встрече с Кальтенбруннером, которую созвал Кальтенбруннер.

Браухич: Меня не было на встрече с Кальтенбруннером о которой здесь говорят.

Джексон: Несмотря на подпись Варлимонта на этом протоколе, которая говорит, что вы были?

Браухич: Несмотря на подпись. Могу я сначала прочесть весь документ, перед тем как дам точный ответ?

Джексон: Прочитайте последнее предложение. Свидетель, может быть, я ввожу вас в заблуждение. Здесь не сказано, что вы присутствовали, а говорится о том, что вы предоставили им информацию. Я прошу вас посмотреть на последний абзац и сказать правда это или нет?

Браухич: Последний абзац этого документа, выше подписи, может относиться только к совещанию, которое, если я правильно помню, состоялось поздним вечером 6 июня в ставке генерала Варлимонта, о чём я уже говорил в своём предыдущем заявлении.

Джексон: Думаю я запутался в двух встречах и в том, что протокол вас показывал. Имело место такое совещание, которое описывает Варлимонт, но это не тоже самое совещание на котором был Кальтенбруннер, правильно?
Браухич: Да, правильно. Я знаю только об этом совещании поздним вечером 6 июня между Варлимонтом и мною.
Джексон: И на это совещание он ссылается в последнем абзаце?
Браухич: Нет, вечернее совещание не имеет никакого отношения к первому абзацу который я прочёл, и не имеет с ним никакой связи.
Джексон: Третий абзац не имеет никакой связи с первой встречей, вы так говорите?
Браухич: Абзац номер 3 не имеет никакой связи с абзацем номер 1. Я ничего не знаю об абзаце номер 1. Ранее я сказал о том, что мне дали задачу посовещаться с ОКВ по вопросу определения деяний которые следовало считать нарушениями международного права как преступных деяний.
Джексон: Давайте спросим ещё раз для того, чтобы у нас не было никакого недопонимания. Совещание, указанное в абзаце номер 3 протокола Варлимонта это совещание между ним и вами поздним вечером не имеющее никакого отношения к совещанию с Кальтенбруннером, которое прошло ранее в этот же день.
Браухич: Да.
Джексон: Итак, какой была обстановка в начале 1944 с бомбардировкой немецких городов?
Браухич: Обстановка была такой - интенсивность воздушных налётов возросла и в начале 1944 они были очень тяжёлыми.
Джексон: Это сильно беспокоило рейхсмаршала, не так ли?
Браухич: Конечно, это было очень неприятно для Люфтваффе, потому что их оборонительная сила была слишком слабой, чтобы отбивать эти атаки.
Джексон: И в какой-то мере, они были позором и рейхсмаршала винили за воздушные атаки, не так ли?
Браухич: Конечно, само собой.
Джексон: И рейхсмаршал находился в затруднительном положении, пообещав немецкому народу ещё в 1939 то, что его защитят от воздушных атак на немецкие города. Вы понимали этот факт, не так ли?
Браухич: Я понимал, что это должно быть так, но я также знаю о том, что условия в 1939, которые привели к такому заявлению, полностью отличались от условий 1944, когда весь мир был против нас.
Джексон: Однако, фактически немецкие города бомбили, и немецкий народ смотрел на рейхсмаршала который защитит его, разве это не факт?
Браухич: Ясно, что немецкий народ ожидал от Люфтваффе использования всех доступных средств для ограждения от этих атак.
Джексон: Итак, какими были отношения между Герингом и Гитлером в это время?
Браухич: Могу я попросить повторить вопрос? Я не понял его достаточно понятно.

Джексон: Какими были отношения между Герингом и Гитлером в это время? Изменялось ли отношение по мере нарастания бомбардировок немецких городов?

Браухич: Отношения между рейхсмаршалом и фюрером несомненно были хуже чем были раньше. Случилось ли это из-за условий в воздушной войне, мне неизвестно.

Джексон: Вы были близки рейхсмаршалу в течение этого периода, весь период войны, не так ли?

Браухич: Я не знаю, что вы имеете в виду под близкими отношениями между главнокомандующим и его адъютантом.

Джексон: Что же, вы были особенно дружны, он сильно вам доверял, и вы его ценили, не так ли?

Браухич: Я могу это подтвердить, но, к сожалению весьма редко рейхсмаршал раскрывал свои реальные мотивы.

Джексон: Вы находились с ним 20 апреля 1945, когда он направил телеграмму, предлагавшую о принятии им правительства Германии и был арестован, и приговорён к смерти?

Браухич: Да, я присутствовал при этом.

Джексон: И СС захватили вас и рейхсмаршала, и других людей и обыскали ваши дома, захватили все ваши документы, и взяли вас в плен, не так ли?

Браухич: Правильно, что 23 апреля в 19 часов нас окружили. Рейхсмаршала отвели в его комнату и с этого момента его хорошо охраняли, позже нас разделили и посадили в одиночное заключение. Наконец нас отделили от него вместе с войсками СС дислоцированными в Бергхофе.

Джексон: Это происходило в Берхтесгадене?

Браухич: Это происходило в Берхтесгадене.

Джексон: Думаю, вы говорили нам, что вас всех собирались расстрелять СС в момент захвата и предполагалось, что вы одобрите это своей же подписью. Это верно?

Браухич: Нет, не совсем.

Я знаю о том, что был приказ о том, что рейхсмаршал и его семья и его окружение должны быть расстреляны в Берлине во время капитуляции.

Вторая вещь о которой вы говорили, относится к другому, а именно, к тому, что нас принудили добровольно явиться к СС. Должен сказать, справедливости ради, что этот фюрер СС предпочёл бы, что нас там тогда не было, чтобы не исполнять этот приказ. Затем нас отделили от главнокомандуюшего.

Джексон: Каковы ваши сведения о деятельности СС? Чем являлись СС и как они относились тогда к Вермахту? Каким было их отношение к Люфтваффе? Расскажите нам об СС.

Браухич: Я могу сказать только то, что СС это сложный термин, что СД, Гестапо и

Ваффен-СС[111] были совершенно отдельными структурами, и что Гестапо являлось репрессивным инструментом, который сильно ограничивал личную свободу.

Джексон: Также как Ваффен-СС, разве это не факт?

Браухич: Ваффен-СС были военной силой. Лично у меня не было ни трудностей, ни трений с ними.

Джексон: А, что насчёт самих СС? Свидетель, я уверен, вам известна ситуации с СС, и вы производите на меня впечатление человека, который скрытно хочет рассказать то, что вам известно об этой ситуации, и я хочу, чтобы вы нам немного рассказали, о том каким было влияние СС в этой ситуации.

Браухич: Раньше я уже отмечал, что как чисто военный адъютант я могу предоставить вам сведения только про Люфтваффе, но я ничего не могу сказать про общие вещи в которых у меня нет экспертных сведений, а просто личное мнение.

Джексон: Что же, разве СС не являлись предметом разговоров между вашими офицерами, разве каждый не знал о том, что СС были организацией подобной Гестапо, которая была репрессивной и жестокой?

Браухич: В Люфтваффе было столько своих проблем из-за нараставшей воздушной мощи противника, что у нас не было времени занимать себя чем-то другим.

Джексон: Но вы знали, не так ли, о кампании против евреев Германии и евреев оккупированных стран?

Браухич: Я не знал о кампании против евреев, как её представили здесь и в прессе.

Джексон: Что же, я не хочу допрашивать вас о том, что было в прессе, но вы хотите, чтобы трибунал понял, что у вас не было никаких сведений о кампании против евреев в Германии?

Браухич: Я знал лишь о том, что некоторых евреев забрали в гетто. Однако, у меня не было никаких сведений о жестокостях против евреев о которых сейчас написано в прессе.

Джексон: Ваш отец был фельдмаршалом, не так ли?

Браухич: Да.

Джексон: В какой период он был фельдмаршалом?

Браухич: Звание фельдмаршала он носит с 1940 до настоящего времени.

Джексон: Его никогда не лишали этого звания, не так ли?

Браухич: Его никогда не лишали этого звания.

Джексон: Затем наступил момент, как вам известно, когда ваш отец разошелся во мнениях с Гитлером о военных программах?

Браухич: Я знаю о том, что у отца были большие трудности с Гитлером по поводу политических и военных вопросов, и о том, что это привело к его отставке в декабре 1941.

Джексон: Вы не говорили дознавателю, который допрашивал вас от имени

---

[111] Войска СС иначе ваффен-СС — военные формирования СС. Вначале назывались «резервными войсками СС». Название «ваффен-СС» (войска СС) было впервые использовано зимой 1939/40 года.

Соединенных Штатов о том, что он был отстранён от командования в 1941?

Браухич: Да.

Джексон: И, что вы понимали в качестве причины его отставки?

Вы указали следующие причины, о том, что ни по военным, ни по политическим соображениям он не виделся с глазу на глаз с Гитлером и не мог приходить к нему, и поскольку он не мог добиться того, чтобы его мнение возобладало, он пожелал выразить своё несогласие отставкой и что это в особенности было связано с религиозными вопросами.

Браухич: Да.

Джексон: Это правда, не так ли?

Браухич: Это верно и я это утверждаю.

Джексон: Надеюсь, вы этим гордитесь.

> Вас, также спросили:
>
> «С 1941 до конца войны, вам известно чем он занимался?»
>
> И вы ответили:
>
> «Что же, он второй раз женился, у него был небольшой дом в маленьком городке в Силезии, Бекенхайме и он занимался изучением семейной истории, также лесничеством, экономикой и охотой, но не принимал участия…»

Браухич: Только вопросами военной истории и сельским хозяйством.

Джексон: Прошу прощения. Я не понял.

Браухич: Его интересовали только экономические вопросы и охота, но не военные вопросы.

Джексон: Не военные, да.

> «…но он не принимал никакого участия в кровавых политических стремлениях».
>
> Вы так сказали, не так ли?

Браухич: Могу я попросить услышать вопрос ещё раз.

Джексон: Вот ваш полный ответ. Вы меня оборвали. Вот ваш ответ дознавателю:

> «Что же, он второй раз женился, у него был небольшой дом в маленьком городке в Силезии, Бекенхайме и он занимался изучением семейной истории, также лесничеством, экономикой и охотой, но он не принимал никакого участия в кровавых политических стремлениях».
>
> И за исключением экономики, вы настаиваете на таком ответе, не так ли?

Браухич: Я никогда не говорил, что он, когда-нибудь участвовал в кровавых делах. Здесь должна быть ошибка. Я никогда не видел протокола. Я его не подписывал.

Джексон: Я недостаточно ясно выразился. Вы сказали, что он не участвовал в каких-либо кровавых политических событиях. Вот как вы сказали.

Браухич: Он не участвовал, но я ничего не говорил про кровавые события.

Джексон: Вы не использовали такой термин в ходе допроса?
Браухич: Нет, я не могу вспомнить, чтобы говорил это. Я не подписывал протокол и не видел его снова после допроса.
Джексон: И вы говорите, что не использовали такие слова 26 февраля 1946 с капитаном Горасом Ганом[112], дознавателем?
Браухич: Я говорю, что не использовал слов: «Принимал участие в кровавых событиях», и т.д., потому что это выражение чуждо для меня. Я также не знаю в связи, с чем это предполагалось.
Джексон: Что же, вам ничего неизвестно в чём он принимал участие, не так ли?
Браухич: Нет. Мой отец ушёл в отставку.
Джексон: Абсолютно из этого нацистского окружения. Он прекратил ассоциировать себя с ним и ушёл в отставку в маленькую деревню, вместо того, чтобы продолжать быть с той программой, с которой он не соглашался, не так ли? Разве это не факт?
Браухич: Да.
Пелькман: Мне кажется, что у меня уже нет формального права опросить данного свидетеля после перекрёстного допроса судьей Джексоном, но я был бы благодарен если бы мне разрешили сделать это, поскольку судья Джексон опрашивал свидетеля об СС.
Председатель: Заявление свидетеля об СС заключается в том, что он ничего о них не знал. Это даёт повод для вашего перекрёстного допроса?
Пелькман: Его спросили, охраняли ли его в Оберзальцберге СС которым приказали расстрелять его и Геринга. Я хочу выяснить, были это СС или СД.
Председатель: Очень хорошо.
Пелькман: Следовательно, я спрашиваю свидетеля. Вам известно, были те люди о которых вы говорили членами СС или СД? Свидетель, вы знаете разницу?
Браухич: У меня есть общая мысль о разнице. Мне кажется, что войска охранявшие нас были СС, но при этом Sicherheitsdienst (СД) отдало приказ.
Пелькман: Спасибо.
Председатель: Кто-нибудь из представителей обвинения желает провести перекрёстный допрос?

Доктор Штамер, вы хотите допросить повторно?

Штамер: У меня есть только два коротких вопроса.

Полковник фон Браухич, вы можете нам рассказать, что-нибудь об отношениях рейхсмаршала с Гиммлером?

Браухич: Насколько мне известно, и я могу дать сведения, внешние отношения Гиммлера и Геринга выражались в высшей осмотрительности, но при этом не было никакого личного контакта между ними.
Штамер: Могли бы вы рассказать нам, имел ли немецкий народ до последнего

---

[112] Горас Ган (1915 – 2003) – американский актер и юрист. Во время Второй мировой войны служил в разведке и был дознавателем на Нюрнбергском процессе.

момента доверие к рейхсмаршалу Герингу и выражал его по особым поводам? Вы можете указать на конкретные примеры?

Браухич: Могу указать два случая.

Первый был в конце 1944 или начале 1945, не могу назвать точную дату, в общественном бомбоубежище. У рейхсмаршала не было ни охраны ни сопровождения, и он общался с людьми и они приветствовали его старым возгласом: «Выше нос Герман!»

Ещё один пример, это поездка из Берлина в Берхтесгаден в ночь с 20 на 21 апреля. Утром или ближе к полудню 21-го, рейхсмаршал прибыл в город в гау Судеты, где он ненадолго остановился на завтрак в гостинице. Вскоре рыночную площадь заполнила толпа за его автографом, причём так, что мы не могли пройти к машине через толпу. И здесь его приветствовали старым возгласом: «Герман».

Штамер: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Штамер: В качестве следующего свидетеля, я вызываю государственного секретаря Пауля Кёрнера.

[*Свидетель Кёрнер занял место свидетеля*]

Председатель: Ваше имя Пауль Кёрнер?

Кёрнер: Да.

Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь господом, всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду, и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу на немецком*]

Председатель: Можете сесть, если хотите.

Штамер: Свидетель, какой официальный пост вы занимали перед капитуляцией?

Кёрнер: Я был государственным секретарём в прусском государственном министерстве.

Штамер: В этом качестве вы являлись одним из близких сотрудников рейхсмаршала?

Кёрнер: Да.

Штамер: Когда вы впервые встретили рейхсмаршала?

Кёрнер: В 1926.

Штамер: Когда вас выбрали для работы с ним?

Кёрнер: В конце 1931.

Штамер: В каком качестве?

Кёрнер: Я стал его секретарём.

Штамер: Когда вас приняли на гражданскую службу?

Кёрнер: В апреле 1933. Извиняюсь, предыдущей датой был 1931.

Председатель: Переводчик сказал, что предыдущей датой был 1931, какого числа в 1931?

Штамер: В 1931 он впервые оказался связан с Герингом и стал его личным секретарём. В 1933 он поступил на гражданскую службу.

Какой пост вам предоставили?

Кёрнер: Я стал государственным секретарём в прусском государственном министерстве.

Штамер: Что вам известно об учреждении тайной государственной полиции, Гестапо?

Кёрнер: В первые месяцы после захвата власти тайная государственная полиция преобразовалась из управления политической полиции Ia. В целом, управление политической полиции сохранилось, оно было просто реорганизовано под названием тайная государственная полиция.

Штамер: Каким был охват её деятельности?

Кёрнер: Её основной задачей была слежка за врагами государства.

Штамер: У вас есть какие-нибудь сведения о создании концентрационных лагерей?

Кёрнер: Я знаю о том, что тогда были созданы концентрационные лагеря.

Штамер: Какой цели они служили?

Кёрнер: Они предназначались для получения врагов государства.

Штамер: Что вы имеете в виду под «получать»?

Кёрнер: Элементы враждебные государству, в основном коммунисты, должны были находиться в этих лагерях.

Штамер: И, что должны были там с ними делать?

Кёрнер: Их помещали в превентивное заключение, и, насколько я помню, их также должны были перевоспитывать для того, чтобы их можно было включить в человеческое общество.

Штамер: Вам, что-нибудь известно про обращение которое ждало заключённых?

Кёрнер: Насколько я знаю, обращение всегда было хорошим.

Штамер: Вы, что-нибудь слышали о самовольных концентрационных лагерях?

Кёрнер: Да, в 1933, в разных местах были созданы самовольные концентрационные лагеря.

Штамер: Кем?

Кёрнер: Я помню, что один был создан в Бреслау группенфюрером СА Хайнесом[113], и один в Штеттине. Были ли другие, я не знаю.

Штамер: В Штеттине?

Кёрнер: Думаю, это был Карпфенштайн[114], но не могу сказать точно.

---

[113] Эдмунд Хайнес (1897 — 1934) — немецкий политик, один из высших руководителей СА, обергруппенфюрер СА (1933). Расстрелян в результате подавления путча Рёма.

[114] Вильгельм Карпфенштайн (1903 – 1968) – нацистский политик. Гаулятер Померании в 1931-1934.

Штамер: И, что стало с этими лагерями?
Кёрнер: Когда рейхсмаршал услышал о них, он сразу же распустил их, потому что они были созданы без его разрешения.
Штамер: Каким было отношение рейхсмаршала, когда он слышал о жалобах?
Кёрнер: Он сразу же их разбирал.
Штамер: Вам известен какой-либо случай, когда оно предпринял особо строгие меры?
Кёрнер: Да, я помню случай Тельмана[115].
Штамер: Что произошло?
Кёрнер: До сведений рейхсмаршала дошло, что с Тельманом не обращаются как того желал рейхсмаршал. Он немедленно рассмотрел вопрос и к нему доставили Тельмана.
Штамер: Кем был Тельман?
Кёрнер: Тельман был одним из руководителей коммунистической партии и коммунистическим членом Рейхстага.
Штамер: Как рейхсмаршал разговаривал с Тельманом?
Кёрнер: Его доставили к нему в кабинет и попросили рассказать о том почему он пожаловался.
Штамер: А затем?
Кёрнер: Поначалу Тельман был весьма скрытным, потому что боялся ловушки. Когда рейхсмаршал заговорил с ним по-человечески, он понял, что может говорить свободно. Он рассказал рейхсмаршалу о том, что по нескольким поводам с ним не обращались подобающим образом. Рейхсмаршал пообещал ему немедленно принять меры и дать необходимые указания. Он также попросил Тельмана незамедлительно уведомить его если это случиться снова. Кроме того он приказал о том, что любые жалобы Тельмана следует направлять ему.
Штамер: Вам известно как долго рейхсмаршал был ответственным за Гестапо в концентрационных лагерях?
Кёрнер: До весны 1934, мне кажется, это был март или апрель.
Штамер: К кому они перешли?
Кёрнер: По приказу фюрера, они перешли в комптенцию рейхсфюрера Гиммлера.
Штамер: Что вам известно о событиях в связи с мятежом Рёма 30 июня 1934?
Кёрнер: О том, что планируется восстание Рёма, я услышал, когда находился с рейхсмаршалом в Эссене, где мы были на свадьбе гауляйтера Тербовена[116]. В ходе свадебных торжеств прибыл Гиммлер и сделал доклад фюреру. Позднее фюрер отозвал рейхсмаршала в сторону и сказал ему о том, что он верит в замыслы Рёма.
Штамер: Вам известно, что он ему сказал?

---

[115] Эрнст Тельман (1886 — 1944) — лидер немецких коммунистов. Депутат Рейхстага в 1925—1933 годах. Один из главных политических оппонентов Гитлера. Расстрелян по приказу Гитлера.
[116] Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 – 1945. Покончил жизнь самоубийством.

Кёрнер: Могу только сказать, что то, что Гиммлер рассказал фюреру также рассказали Герингу.

Штамер: Вам известны дальнейшие подробности?

Кёрнер: Нет, я не знаю никаких дальнейших подробностей, я думаю этого достаточно.

Штамер: Какие инструкции получил Геринг?

Кёрнер: Фюрер проинструктировал Геринга сразу же после свадебных торжеств возвращаться в Берлин и фюрер поехал в южную Германию, чтобы лично изучить сообщения.

Штамер: Когда была эта свадьба?

Кёрнер: Насколько я помню, это было за 2 дня до путча Рёма.

Штамер: Вам известно, находился после путча Рёма, рейхсмаршал с Гитлером?

Кёрнер: Нет. Рейхсмаршал находился в Берлине. Мы вернулись в Берлин тем же вечером.

Штамер: А через день после путча Рёма 30 июня, то есть 1 июля?

Кёрнер: Рейхсмаршал находился в Берлине.

Штамер: Вам известно была ли между ним и Гитлером беседа?

Кёрнер: Да. Я помню, что рейхсмаршал поехал в рейхсканцелярию для доклада фюреру о каких-то вещах. В частности рейхсмаршал услышал о том, что в связи с этим могли быть невинные жертвы или даже убитые. Поэтому, он хотел попросить фюрера полностью прекратить эту акцию.

Штамер: Это было сделано?

Кёрнер: Да, это было сделано.

Штамер: После доклада рейхсмаршала, фюрер лично отдал приказ о том, чтобы не проводилось никаких самовольных акций, чтобы акцию закончили, и если какое-либо виновное лицо будет найдено, то его передавали обычным судам, которые бы решали о том возбуждать в отношении этих людей дела или нет.

Штамер: Вам известно имел ли какое-нибудь отношение рейхсмаршал к акции против евреев в ночь с 9 ноября 1938?

Кёрнер: Рейхсмаршал, определённо не имел к ним никакого отношения и не имел ни малейшей догадки о ней.

Штамер: Откуда вам это известно?

Кёрнер: Потому что я находился с рейхсмаршалом 9 ноября в Мюнхене, он всегда бывал там в этот день. В тот же вечер мы поехали в Берлин. Знай рейхсмаршал, что-нибудь об этом, он бы точно сказал мне или находившимся вместе с ним. Он не имел никакой догадки.

Штамер: Когда он узнал об этом?

Кёрнер: Вскоре по прибытию в Берлин или на станции Ангальтер в Берлине.

Штамер: От кого?

Кёрнер: От адъютанта.

Штамер: И как он воспринял новости?

Кёрнер: Он был в ярости, когда получил доклад, потому что он резко возражал акции.

Штамер: И, что он сделал в связи с этим?

Кёрнер: Он сразу же связался с фюрером, попросив о том, чтобы акцию остановили.

Штамер: Каким были ваши задачи в рамках организации четырёхлетнего плана?

Кёрнер: Я был начальником ведомства четырёхлетнего плана.

Штамер: В чём заключались ваши задачи?

Кёрнер: Управление и надзор за данным ведомством.

Штамер: Как возник четырёхлетний план? Когда и как, он начал работать?

Кёрнер: Официально о чётырехлетнем плане объявили в октябре 1936, но его возникновение восходит к продовольственному кризису 1935. Осенью 1935 рейхсмаршал получил приказ фюрера…

Председатель: Свидетель, постарайтесь не торопиться. Очень трудно понять перевод.

Кёрнер: Да, сэр.

Осенью 1935, рейхсмаршал получил приказ фюрера об обеспечении немецкого народа продовольствием, так как продовольственная обстановка была серьёзной из-за плохих урожаев 1934 и 1935. Тогда у нас не хватало по крайней мере 2 миллиона тонн пшеницы и нескольких сотен тысяч тонн жира, которые нужно было так или иначе достать.

Рейхсмаршал удовлетворительно разрешил проблему и это привело фюрера к тому, чтобы запросить у него предложения о том как сделать немецкую экономику устойчивой к кризисам. Эти предложения были разработаны в первой половине 1936 и к середине лета представлены фюреру.

Эти предложения зародили у фюрера идею четырёхлетнего плана, о котором он объявил на Дне партии 1936. 18 октября 1936 фюрер принял распоряжение назначавшее рейхсмаршала делегатом четырёхлетнего плана.

Штамер: Какими были цели четырёхлетнего плана?

Кёрнер: Как я уже сказал, сделать немецкую экономику устойчивой к кризисам. Основной задачей являлось увеличение немецкого экспорта и покрытие любого дефицита насколько возможно путём увеличения производства, в частности в сельскохозяйственной сфере.

Штамер: Четырёхлетний план также служил перевооружению?

Кёрнер: Конечно же, он также косвенно служил восстановлению германского Вермахта.

Штамер: Четырёхлетний план также предусматривался для распределения рабочей силы?

Кёрнер: Да. Четырёхлетний план предусматривал назначение генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Бывший председатель трудового

управления Рейха, председатель Зируп[117], был назначен генеральным уполномоченным.
Штамер: Когда его назначили?
Кёрнер: Это было в начале четырёхлетнего плана, осенью 1936.
Штамер: Какими конкретно были его задачи?
Кёрнер: Он должен был регулировать распределение рабочей силы и таким образом положить конец беспорядку на рынке труда.
Штамер: Сколько Зируп оставался на этой должности?
Кёрнер: Зируп ушёл весной 1942 по причине здоровья.
Штамер: Кто стал его преемником?
Кёрнер: Его преемником был гауляйтер Заукель.
Штамер: Кто назначил Заукеля?
Кёрнер: Заукеля назначил фюрер.
Штамер: И в чём заключалась его задача?
Кёрнер: Его главной задачей в качестве генерального уполномоченного по распределению рабочей силы было регулировании труда.
Штамер: В чьём подчинении он работал?
Кёрнер: Формально он находился в подчинении делегата четырёхлетнего плана, но получал свои инструкции напрямую от фюрера.
Штамер: В чём заключалось ваше участие?
Кёрнер: Весной 1942 я утратил какое-либо влияние на распределение рабочей силы, поскольку Заукель получал свои указания напрямую от фюрера и соответственно их исполнял.
Штамер: У вас больше не было никаких дел с Заукелем?
Кёрнер: Нет, насколько я помню, больше не было никаких дел, потому что он получал указания от фюрера.
Штамер: Кто распределял рабочую силу?
Кёрнер: Рабочу силу распределяли биржы труда подчинявшиеся Заукелю.
Штамер: Какими были отношения между рейхсмаршалом и Гиммлером?
Кёрнер: Они не были очень сердечными. Часто были трения и взаимного недоверия не было.
Председатель: Какие-либо другие защитники хотят задать вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Обвинение хочет задать какие-либо вопросы?
Джексон: В своих показаниях вы немного ссылались на беседу между Герингом и Тельманом.

[117] Фридрих Зируп (1881-1945) — немецкий юрист, политик, бывший министр труда. В 1938-1942 государственный секретарь министерства труда.

Кёрнер: Да.
Джексон: Вы расскажите нам, когда это было?
Кёрнер: Это должно было быть лето 1933.
Джексон: Лето 1933? Это было до или после пожара Рейхстага?
Кёрнер: Это было после пожара Рейхстага.
Джексон: И Тельман обвинялся на процессе о пожаре Рейхстага, и суд его оправдал, не так ли?
Кёрнер: Я не очень хорошо это помню.
Джексон: Вы это вообще помните? Вы помните, что его обвиняли?
Кёрнер: Я уже не помню, обвинялся ли он. Может быть и так.
Джексон: Вам известно, где он умер?
Кёрнер: Нет, я не знаю.
Джексон: Вам известно, что его интернировали в Бухенвальде после пожара Рейхстага, и он оставался там до смерти в 1944? Вы знали об этом?
Кёрнер: Да, я помню, говорилось о том, что он стал жертвой воздушной атаки.
Джексон: И где он был, когда попал под эту воздушную атаку?
Кёрнер: Где был Тельман? Я не совсем понял вопрос.
Джексон: Где он был, когда стал жертвой воздушной атаки?
Кёрнер: Насколько я слышал, говорилось о том, что он находился в концентрационном лагере Бухенвальд.
Джексон: И как долго он там находился?
Кёрнер: Этого я не знаю, у меня нет сведений об этом.
Джексон: Вы присутствовали при беседе между Тельманом и Герингом?
Кёрнер: Да.
Джексон: На, что он жаловался в концентрационном лагере?
Кёрнер: На обращение во время допросов.
Джексон: Это была его единственная жалоба?
Кёрнер: Да, насколько я помню. Рейхсмаршал спрашивал его хорошее ли у него питание и нормально ли с ним обращаются. Всё это обсуждалось.
Джексон: И Тельман не находил ничего плохого в концентрационном лагере кроме обращения во время допроса.
Кёрнер: Да, насколько я помню, это была его основная жалоба.
Джексон: Нацисты считали коммунистов врагами страны?
Кёрнер: Да.
Джексон: Значит, концентрационные лагеря были построены для того, чтобы принять, в том числе коммунистов, не так ли?
Кёрнер: Да.
Джексон: И евреев?
Кёрнер: Да, постольку, поскольку они были известны как враги государства.
Джексон: Евреев тоже считали врагами государства?

Кёрнер: В целом, нет, только, когда они признавались таковыми.

Джексон: Признавались таковыми. Что? Как евреи?

Кёрнер: Нет, если еврей признавался в качестве врага государства, с ним обращались как с врагом государства.

Джексон: Каким был тест на то является ли он врагом государства?

Кёрнер: Что же, его отношение, его активное участие в действиях враждебных государству.

Джексон: Такое как что? Какие действия?

Кёрнер: Не могу дать подробности. Я не был начальником Гестапо, и поэтому не знаю подробностей.

Джексон: Вы не были секретарём Геринга, когда он был начальником Гестапо?

Кёрнер: В апреле 1933 я стал государственным секретарём прусского государственного министерства.

Джексон: И вы занимались вопросом концентрационных лагерей подчинённых тайной полиции как таковой?

Кёрнер: Нет, я не имел к этому никакого отношения.

Джексон: Кто руководил ей при Геринге?

Кёрнер: Тогда, министериальдиректор Дильс[118].

Джексон: Вы знали о том, что создавая тайную государственную полицию, Геринг использовал эсэсовцев для пополнения Гестапо?

Кёрнер: Я уже это не помню.

Джексон: Вы были членом СС, не так ли?

Кёрнер: Да.

Джексон: Какой была ваша должность в СС?

Кёрнер: Я никогда не имел никакой должности в СС и не принадлежал к формированию СС. Я был простым членом СС.

Джексон: Вы были обергруппенфюрером?

Кёрнер: Да, я был обергруппенфюрером СС.

Джексон: Итак, что касается самовольных концентрационных лагерей, вас спрашивали о том, кто их создал, и я не думаю, что вы ответили. Вы расскажите нам о том, кто создал эти концентрационные лагеря?

Кёрнер: Я помню два лагеря. В первом случае, я точно знаю, что это был группенфюрер Хайнес в Бреслау.

Джексон: Группенфюрер чего?

Кёрнер: Группенфюрер СА Хайнес в Бреслау.

Джексон: Кем был другой?

Кёрнер: Не могу сказать точно, мне кажется это был Карпфенштайн.

Джексон: Кем он был?

---

[118] Рудольф Дильс (1900 — 1957) — первый руководитель Гестапо, тайной государственной полиции Третьего Рейха, с момента создания в 1933 до апреля 1934 года. Оберфюрер СС.

Кёрнер: Карпфенштайн был гауляйтером Штеттина.
Джексон: И гауляйтер это партийный чиновник?
Кёрнер: Да, он был партийным чиновником.
Джексон: И концентрационные лагеря были задуманы для того, чтобы заниматься не только врагами государства, но и врагами партии, не так ли?
Кёрнер: Да.
Джексон: Премьер-министр Пруссии являлся главой тайной государственной полиции?
Кёрнер: Да.
Джексон: И в его отсутствие государственный секретарь государственного министерства должен был действовать в качестве начальника тайной государственной полиции?
Кёрнер: Нет, это был Дильс.
Джексон: Разве не существовало какого бы то ни было закона о ней? Вы не знали о том, что существовал закон, согласно которому была создана тайная государственная полиция, раздел 1, параграф 2?
Кёрнер: Я уже не помню этот закон. Я уже не знаю подробности.
Джексон: Вам известен закон от 30 ноября 1933? Вы не знаете о законе, согласно которому вы действовали?
Кёрнер: Сейчас я не помню закон. Мне надо его снова увидеть.
Джексон: Итак, что было не так с этими концентрационными лагерями, что их пришлось закрыть?
Кёрнер: Эти самовольные концентрационные лагеря были созданы без разрешения тогдашнего прусского министра-президента и по этой причине сразу же запрещены.
Джексон: Это единственная причина, то, что их создали без разрешения?
Кёрнер: Кажется так, да.
Джексон: И он их немедленно закрыл?
Кёрнер: Закрыл, да.
Джексон: Геринг не потерпел того, чтобы концентрационные лагеря не находились под его контролем и фюрер вернул их ему, правильно?
Кёрнер: Да.
Джексон: Итак, с того времени как вам поступали жалобы на обращение с людьми в концентрационных лагерях, всё это время вы находились вместе с Герингом, не так ли?
Кёрнер: Да, часто были жалобы.
Джексон: О чём были эти жалобы?
Кёрнер: О разных вещах.
Джексон: Расскажите трибуналу о тех жалобах, которыми занимались вы.
Кёрнер: Что же, в основном от родственников людей которых забрали в концентрационные лагеря, об освобождении которых просили, или жалобы на то,

что этих людей забрали в концентрационные лагеря необоснованно.

Джексон: То есть, о том, что они были невиновны, невиновны ни в каком правонарушении?

Кёрнер: Так утверждали родственники.

Джексон: Вы имели какое-нибудь отношение к их освобождению из концентрационных лагерей?

Кёрнер: Рейхсмаршал приказал о том, чтобы на все жалобы отвечали. Каждый случай должен был сразу же разбираться.

Джексон: И вы устанавливали, что многие эти люди были невиновны или же устанавливали, что они виновны?

Кёрнер: Если устанавливали, что кого-то ошибочно забрали в концентрационный лагерь его немедленно освобождали.

Джексон: И кому сообщалось, о том, что его признали невиновным, и он должен быть освобождён из концентрационного лагеря?

Кёрнер: Это сообщалось тайной государственной полиции.

Джексон: Кому в тайной государственной полиции?

Кёрнер: Я не могу назвать человека который занимался этими вопросами. Начальником, насколько я помню, сначала был Гейдрих и затем Кальтенбруннер или Мюллер[119].

Джексон: Геринг был в хороших отношениях со всеми ними, не так ли?

Кёрнер: Да.

Джексон: Хорошо знаком со всеми этими людьми?

Кёрнер: Конечно.

Джексон: Итак, когда вы говорите, что Геринг добивался освобождения людей из концентрационных лагерей, вы говорите только об одном-двух случаях или он добился освобождения многих людей?

Кёрнер: С течением лет, было, естественно, несколько случаев.

Джексон: Что вы имеете в виду под «несколько»?

Кёрнер: Что же, я не могу сейчас назвать цифру, но было много освобождений.

Джексон: Вы устанавливали в ходе расследований, что люди были виновны?

Кёрнер: Если их нельзя было осовободить, они были в чём-то виновны.

Джексон: Кто это решал?

Кёрнер: Насколько мне известно, это решали главные люди из тайной государственной полиции.

Джексон: Что же, что вы делали в целях их освобождения? Вы уведомляли тайную государственную полицию о том, что вы не согласны с их выводом о том, что человек виновен, или Геринг просто приказывал освободить человека или просил о

[119] Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

его освобождении?

Кёрнер: Нет, им называли точную причину, почему человека должны освободить.

Джексон: Вам известен, какой-либо пример того, что Геринг просил об освобождении человека из концентрационного лагеря и в этом отказали?

Кёрнер: Не могу сейчас сказать. Надо об этом подумать.

Джексон: Вы сегодня ничего не можете вспомнить, не так ли, о том, что слово Геринга об освобождении не было удовлетворено?

Кёрнер: Сейчас я не могу вспомнить конкретный случай.

Джексон: Сколько людей посадили в концентрационные лагеря в результате восстания Рёма?

Кёрнер: Это я тоже не могу сказать.

Джексон: Скольких убили в результате него?

Кёрнер: Не могу сказать по памяти. Насколько мне известно, тогда были опубликованы цифры.

Джексон: Что же, могли убить сотню из-за этого?

Кёрнер: Я бы не хотел связывать себя цифрой, потому что я могу ошибаться.

Джексон: Что же, это было очень большое количество людей, не так ли?

Кёрнер: Нет, я уверен, что было небольшое количество.

Джексон: Назовите цифру.

Кёрнер: Цифру опубликовали в то время. Это можно проверить.

Джексон: Что же, почему рейхсмаршал хотел, чтобы Гитлер прекратил наказывать людей которые участвовали в восстании Рёма?

Кёрнер: Я не совсем понял вопрос.

Джексон: Из ваших показаний, я понял, что рейхсмаршал поехал к Гитлеру и хотел, чтобы эта кампания против людей которые участвовали в мятеже Рёма была остановлена. И я хочу знать о том, почему он хотел остановить её?

Кёрнер: Для того, чтобы предотвратить вовлечение в неё невиноных людей. Нужно было ловить только тех, кто был действительно виновен и наказывать соответственно. Было ясно, что кто-то или другие могут ухватиться за эту возможность в целях личной мести или избавления от своих врагов, и для того, чтобы предотвратить это, акцию нужно было немедленно прекратить и только обычные суды должны были заниматься ею.

Джексон: Кто был ответственным за отбор людей которых должны были расстрелять или, иначе говоря, убить в результате мятежа Рёма?

Кёрнер: Лично фюрер.

Джексон: И рейхсмаршал имел достаточное влияние для того, что прекратить это пожаловавшись на это?

Кёрнер: Тогда, да, рейхсмаршал определенно имел достаточное влияние.

Джексон: В связи с четырёхлетним планом, вы сказали, что его функцией являлось регулировать путаницу на рынке труда?

Кёрнер: Да.
Джексон: Итак, вы представляли рейхсмаршала на многих встречах, не так ли?
Кёрнер: Да.
Джексон: И, разве одной из ваших функций не являлось получение военнопленных для работы в промышленности вооружений и других отраслях, которым требовалась рабочая сила?
Кёрнер: Нет.
Джексон: Вы никогда не имели к этому никакого отношения?
Кёрнер: Нет. Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы конечно же запрашивал военнопленных для работы.
Джексон: Вы присутствовали на многих встречах, когда это обсуждалось, не так ли?
Кёрнер: Я не могу это вспомнить.
Джексон: Вы сообщали рейхсмаршалу о том, что происходило на этих встречах?
Кёрнер: Когда обсуждались вопросы общего характера, готовился доклада и представлялся рейхсмаршалу.
Джексон: Вы являлись членом центральной плановой комиссии, не так ли?
Кёрнер: Да.
Джексон: И вы представляли рейхсмаршала в этой комиссии?
Кёрнер: Нет. Я не представлял там рейхсмаршала. Существовала комиссия из трёх человек – министр Шпеер, фельдмаршал Мильх и я. Центральная плановая комиссия была создана в 1942.
Джексон: Кто вас назначил?
Кёрнер: Мы трое были назначены в центральную плановую комиссию.
Джексон: Кто вас назначил?
Кёрнер: Насколько я помню, Геринг.
Джексон: И вы докладывали ему, не так ли и это происходило время от времени?
Кёрнер: Центральная плановая комиссия просто была ведомством для распределения сырья. Обычно мы собирались каждые 3 месяца для того, чтобы установить квоты на следующий квартал. Ранее, управление четырёхлетнего плана во взаимодействии с министром экономики руководили распределением, с весны 1942, центральная плановая комиссия занималась этим в интересах вооружений.
Джексон: Итак, вы хотите, чтобы мы поняли, что центральная плановая комиссия встречалась только каждые 3 месяца?
Кёрнер: Да, приблизительно. В очень редких случаях созывались другие встречи, в особенности если требовали решения срочные проблемы. Например, я помню, случай, когда говорилось о том, что сельское хозяйство не получает достаточно азота и о том, что если квота на азот будет слишком маленькой, пострадает сельское хозяйство. В виду этого государственный секретарь Бакке[120] попросил созвать

[120] Герберт Бакке (1896 — 1947) государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства продовольствия и сельского хозяйства (октябрь 1933 года — 1 апреля 1944 года), рейхсминистр

встречу, и она состоялась в ведомстве центральной плановой комиссии.

Джексон: Вы давали показания о том, что Заукель не сообщал центральной плановой комиссии, на той встрече на которой вы присутствовали, о том, что из всех рабочих прибывших в Германию только 200000 прибыли добровольно, из миллионов прибывших только 200000 прибыли добровольно?

Кёрнер: Не могу это вспомнить.

Джексон: Вы говорите, что центральная плановая комиссия никогда не обсуждала вопросы рабочей силы?

Кёрнер: В центральную плановую комиссию только доводились запросы о рабочей силе и владельцы квот которым предназначалось сырье также требовали необходимую рабочую силу. Приводились очень грубые цифры и затем они передавались генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы.

Джексон: Что насчёт военнопленных?

Кёрнер: Этим центральная плановая комиссия вообще не занималась, так как давали очень грубые цифры. Например, если какая-то отрасль промышленности нуждалась в стольких-то тысячах рабочих, она их запрашивала.

Джексон: Что насчёт рабочей силы концентрационных лагерей?

Кёрнер: Распределение рабочей силы проводилось через трудовые биржи. Центральная плановая комиссия не имела к этому никакого отношения.

Джексон: Вы знакомы с письмом от 9 марта 1944, говорящим о том, что 36000 заключенных концентрационных лагерей используются сейчас и ожидается увеличить их до 90000?

Кёрнер: Я не знаю об этих запросах.

Джексон: Вам известно об использовании русских военнопленных для укоплектования зенитных орудий?

Кёрнер: Нет.

Джексон: После закрытия Герингом самовольных концентрационных лагерей, вы знали о том, что количество концентрационных лагерей в Германии резко выросло?

Кёрнер: Я об этом не знаю. То, что происходило после их передачи Гиммлеру находится за рамками моих сведений. Может быть, что было создано много концентрационных лагерей.

Джексон: Откуда вы узнали об отношениях Геринга с Гиммлером? Он вам рассказывал?

Кёрнер: Геринг однажды рассказывал о них, и я сделал вывод о том, что они не были хорошими.

Джексон: Вам известно о назначении Кальтенбруннера главой австрийского государственной полиции после аншлюса?

Кёрнер: Нет.

продовольствия и сельского хозяйства (23 мая 1942 года — 23 мая 1945 года (и. о. — 23 мая 1942 года — 1 апреля 1944 года), обергруппенфюрер СС (9 ноября 1942 года). Покончил жизнь самоубийством находясь под арестом.

Джексон: Вам известно кто добился назначения Кальтенбруннера?
Кёрнер: Нет, понятия не имею.
Джексон: Итак, вы говорите, что Геринг и вы находились в Мюнхене в ночь или ночи антиеврейских мятежей в Германии?
Кёрнер: Да.
Джексон: Геббельс тоже находился там?
Кёрнер: Нет.
Джексон: Продолжайте, вы хотите сказать, что-нибудь ещё?
Кёрнер: 9 ноября мы ехали из Мюнхена в Берлин, поэтому Геббельс там не мог быть.
Джексон: Почему он не мог там быть?
Кёрнер: Потому что рейхсмаршал, вместе со своим окружением, поехал в своём поезде в Берлин.
Джексон: Я имею в виду, вы знали о том, что Геббельс находился в Мюнхене до этих бунтов?
Кёрнер: Да, я услышал об этом потом, о том, что Геббельс находился в Мюнхене. Все национал-социалистические лидеры находились в Мюнхене, потому что 9 ноября было днём, когда они все собирались.
Джексон: И Геббельс в ту ночь выступал в Мюнхене по еврейскому вопросу, не так ли?
Кёрнер: Этого я не знаю. Я не помню речь.
Джексон: Геринг находился там, чтобы присутствовать на встрече национал-социалистических лидеров, не так ли?
Кёрнер: Да, 9 ноября всё руководство национал-социалистической партии встречалось в Мюнхене. Это был юбилей.
Джексон: И Геринг регулярно присутствовал?
Кёрнер: Конечно.
Джексон: И вы?
Кёрнер: И я тоже.
Джексон: Итак, Гесс присутствовал?
Кёрнер: Как я сказал, все национал-социалистические лидеры всегда присутствовали если была возможность. Ни у кого не получалось не присутствовать кроме как по болезни или из-за официальных обязанностей.
Джексон: Какие из подсудимых на скамье присутствовали на встречах? Конечно же, Риббентроп?
Кёрнер: Разумеется Риббентроп.
Джексон: Кейтель?
Кёрнер: Полагаю так.
Джексон: Кальтенбруннер?
Кёрнер: Я никогда не видел Кальтенбруннера, потому что Кальтенбруннер занял

публичный пост только в последние годы, и в эти годы встречи не были такими регулярными как раньше.

Джексон: Конечно же, там был Розенберг?

Кёрнер: Конечно, как я уже сказал.

Джексон: И Франк и Фрик?

Кёрнер: Разумеется.

Джексон: И Штрайхер?

Кёрнер: Не в последние годы, я так не думаю, но ранее он присутствовал.

Джексон: Когда это было, в последние годы?

Кёрнер: Насколько мне известно, Штрайхер не присутствовал в последние годы, но я точно не знаю.

Джексон: Он присутствовал в ноябре 1938, когда возникли антиеврейские восстания, не так ли?

Кёрнер: Кажется так, потому что тогда Штрайхер ещё был в Нюрнберге.

Джексон: Он был весьма активным, не так ли?

Кёрнер: Я не совсем правильно понял вопрос.

Джексон: Он был очень активным в антиеврейских вопросах, не так ли?

Кёрнер: Да, это общеизвестно.

Джексон: И он видел Функа на этих встречах?

Кёрнер: Мне кажется, что Функ часто присутствовал на этих встречах.

Джексон: В чём заключалась тема, рассматриваемая на этой встрече 9 ноября, ночь антиеврейских восстаний?

Кёрнер: Я не знаю ни о каких дискуссиях, так как всегда существовала установленная программа, и я не знаю ничего другого, и рейхсмаршал не мог знать.

Джексон: Кем был адъютант, который проинформировал его следующим утром о том, что случилось ночью?

Кёрнер: Не могу сказать точно, так как адъютанты постоянно менялись. Я знаю только, что прибыл адъютант и доложил.

Джексон: О чём он рассказал?

Кёрнер: Он сообщил о том, что ночью возникли антиеврейские бунты и они продолжаются, что разбиты окна магазинов, товары выброшены на улицу. Геринг пришёл в ярость от этого.

Джексон: Что привело его в ярость?

Кёрнер: Бунты.

Джексон: Вы имеете в виду, что он занял сторону евреев?

Кёрнер: Из-за акции в целом.

Джексон: Вы имеете в виду, что он занял сторону евреев?

Кёрнер: Геринг всегда выражал другое отношение к еврейскому вопросу.

Джексон: Просто скажите, в чём оно заключалось. Можете рассказать подбробно. Расскажите нам о его отношении.

Кёрнер: Он всегда выражал умеренное отношение к евреям.
Джексон: Такое как наложение на них штрафа в миллиард рейхсмарок сразу после пожара, сразу после беспорядков? Вам известно, что он сделал это, не так ли?
Кёрнер: Да, этого потребовал фюрер.
Джексон: Как вам известно, фюрер мёртв, не так ли? Вам известен этот факт?
Кёрнер: Да, я знаю, что он мёртв.
Джексон: В целом понятно, не так ли, между всеми вами, что фюрер мёртв?
Кёрнер: Да.
Джексон: Значит, фюрер приказал рейхсмаршалу наложить штраф в миллиард рейхсмарок? Кто приказал о конфискации страховок евреев несколько дней спустя после нападения?
Кёрнер: Этого я не знаю. Я уже не помню подробности.
Джексон: Вы не помните, что это был приказ Геринга?
Кёрнер: Сейчас я не могу это вспомнить.
Джексон: Почему Геринг поехал к Гитлеру, чтобы прекратить это? Почему он не поехал к главе полиции, который должен предотвращать преступление?
Кёрнер: Естественно он поехал к высшему начальнику для того, чтобы можно было отдать полномочный приказ о немедленном прекращении этих бунтов.
Джексон: У него были какие-нибудь соображения о том кто их начал?
Кёрнер: Ходил слух, что Геббельс спровоцировал эти бунты.
Джексон: Он знал о том, что СС и Гестапо также принимали участие?
Кёрнер: Я не знаю. Насколько мне известно, СС не участвовали.
Джексон: А Гестапо?
Кёрнер: Нет, об этом я тоже не знаю.
Джексон: Значит, он пошёл к Гитлеру, чтобы пожаловаться на то, что Геббельс их спровоцировал, это так?
Кёрнер: Да, правильно.
Джексон: Значит, не следующее утро он знал о том, что эти бунты против евреев были спровоцированы членами правительства?
Кёрнер: Да.
Джексон: Вас допрашивал в Оберзальцберге, в центре дознания, 4 октября прошлого года, доктор Кемпнер из нашего штата, не так ли?
Кёрнер: Да.
Джексон: И в начале своего допроса вы заявили о том, что вы не дадите никаких показаний против вашего бывшего начальника, рейхсмаршала Геринга, и что вы относитесь с Герингу как последнему крупному человеку Возрождения[121], последнему великому образцу человека эпохи Возрождения, что он дал вам самую большую работу в вашей жизни и было бы нечестным и предательством давать

[121] Возрождение, или Ренессанс — имеющая мировое значение эпоха в истории культуры Европы, пришедшая на смену Средним векам и предшествующая Просвещению и Новому времени.

против него какие-либо показания, так вы сказали?

Кёрнер: Да, более или менее это то, что я сказал.

Джексон: И ваш ответ всё ещё такой же?

Кёрнер: Да.

Джексон: Больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь другой из обвинения желает допросить данного свидетеля?

Руденко: Свидетель, наверное, вы помните, совещание глав германского руководства на оккупированных территориях, которое состоялось 6 августа 1942 под председательством подсудимого Геринга.

Кёрнер: Я не могу сразу вспомнить совещание которое проводилось.

Руденко: Наверное, вы можете вспомнить, что после этого совещания от 6 августа вы разослали протокол всем министрам. Приложение к этим протоколам показывает сколько продовольствия и другого сырья должно было быть доставлено в Германию из оккупированных территорий.

Кёрнер: Я не помню навскидку.

Руденко: Я вручаю вам документ, подписанный вами, который представляет доказательства о данном совещании.

Кёрнер: Да, я прочёл его.

Руденко: Вы помните, что вы рассылали этот документ, не так ли?

Кёрнер: Да.

Руденко: Документ показывает, что были установлены определённые цифры о том сколько продовольствия должно быть направлено в Германию: 1200000 тонн из Франции, Бельгии, Нидерландов и Норвегии. Из России 3000000 тонн пшеницы должны были направить в Германию, и т.д. Вы не считаете такие поставки ограблением оккупированных территорий?

Кёрнер: Само собой разумеется, что оккупированные территории должны были вносить свой вклад в снабжение продовольствием. В отношении оккупированных территорий устанавливались квоты которые они могли удовлетворить, или если они не могли это сделать, то они соответственно просили изменений.

Руденко: Вы говорили, что-то о «выжимании», я думаю?

Кёрнер: Нет, я никогда не говорил о выжимании. Я сказал, что само собой разумелось, что оккупированные территории должны были вносить вклад в снабжение продовольствием всеми имевшимися у них средствами.

Руденко: Этим оккупированные территории должны были вносить вклад?

Кёрнер: Да.

Руденко: Эти оккупированные территории просили Германию придти и править ими?

Кёрнер: Я не совсем понял вопрос.

Руденко: Я так и думал. Теперь я хочу задать вам другой вопрос в связи с этим. Вы

не понимали, что это был грабёж, но вы не вспоминаете, что сам Геринг…

Кёрнер: Нет, это не могло быть грабёжом.

Руденко: Сам Геринг на этом совещании сказал в своём выступлении, что он намерен систематически грабить оккупированные территории, вы не помните его выражение «систематически грабить»?

Кёрнер: Нет, мне не знакомо это выражение.

Руденко: Нет, вы не помните. Наверное, вы можете вспомнить, что на этой же встрече, обращаясь к руководителям оккупированных территорий, он сказал им:

> «Вы посланы сюда не для работы во благо народа за который ответственны, но вы посланы сюда, чтобы выжать из этой страны всё возможное». Вы помните эти слова подсудимого Геринга?»

Кёрнер: Нет, я не могу вспомнить эти слова.

Руденко: Вы не можете вспомнить.

Кёрнер: Нет.

Руденко: А вы не вспоминаете долгую переписку между Герингом и Розенбергом, в которой Розенберг настаивал на том, чтобы все функции относящиеся к экономической эксплуатации оккупированных территорий Советского Союза забрали у военно-экономических ведомств и передали министерству под руководством Розенберга?

Кёрнер: Нет, я не вспоминаю это письмо.

Руденко: Вы не знаете. А в связи с этим вы не помните, что эта переписка не привела к окончательному решению вопроса?

Кёрнер: Я ничего не знаю об этой переписке.

Руденко: Вы ничего не знаете, не так ли? В 1944, вы не помните, что…

Штамер: Я хочу заметить, что перевод очень неполный и малопонятный. Мы сами полностью не понимаем вопросы.

Руденко: Я считаю, что не моя вина, если свидетель не понимает все мои вопросы.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы не вспоминаете, что в 1944, после того как Красная армия изгнала германские войска из Украины, Геринг пожелал отложить вопрос экономической эксплуатации Украины, написав Розенбергу о том, что его следует отложить до более подходящего времени и Геринг упомянул второй захват Украины и других советских территорий?

Кёрнер: Предполагается, что это случилось в 1944?

Руденко: В 1944.

Кёрнер: Нет, я это не помню.

Руденко: Не буду с этим спорить.

[*Обращаясь к председателю*] Господин председатель, очевидно, вы хотите прерваться. У меня есть ещё несколько вопросов, но я полагаю, что будет удобнее начать после перерыва.

Председатель: Да.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Сегодня трибунал будет отложен в 4:30.
Руденко: Свидетель, я намерен вручить вам документ который является письмом адресованным вам постоянным делегатом рейхсминистра оккупированных восточных территорий. Это документ номер СССР-174. Я хочу, чтобы вы прочли его, и сказали видели ли вы это письмо раньше. Вы увидите, что этот документ начинается словами «уважаемый государственный секретарь и дорогой товарищ по партии Кёрнер».

Это письмо касается унификации экономического руководства.
Кёрнер: Я поставил на нём пометку. Я точно его получил.
Руденко: Вы его получили, это совершенно очевидно. Как ясно из этого сообщения, стоял вопрос специальной встречи под вашим руководством.
Кёрнер: Да.
Руденко: Следовательно я могу сделать вывод, что вы были очень близким сотрудником подсудимого Геринга в вопросе так называемой унификации экономического руководства?
Кёрнер: Да, об этом говорилось на совещании.
Руденко: Последний вопрос. Вы подтверждаете, что подсудимый Геринг в качестве делегата четырёхлетнего плана, являлся одновременно главой гражданских и военных германских организаций занимавшихся экономической эксплуатацией всех оккупированных территорий, и что вы являлись его ближайшим сотрудником в связи с этими экономическими мерами?
Кёрнер: Указанное в документе совещание так и не состоялось. Унификация экономического руководства была проблемой которая возникла, но которая никогда не стала фактом. Следовательно, указанное совещание было излишним.
Руденко: Проблема не была решена, в виду непреодолимых обстоятельств. Она зависела от наступления Красной армии и союзных армий. Я прав?
Кёрнер: Я не понял вопрос достаточно ясно, чтобы на него ответить.
Руденко: Вы говорите, что вопрос не был решен. Я спрашиваю вас, это не факт, что проблема не была решена ввиду обстоятельств независящих от вас? Вам помешали Красная и союзные армии?

Кёрнер: Мне кажется, когда это письмо было направлено, нельзя было ощутить никакого подобного влияния. Вопрос сложной экономической организации на оккупированных территориях, фактически, не мог материализоваться, потому что ему мешали другие обстоятельства.

Руденко: Я не намерен обсуждать с вами эти причины, но вы не ответили на мой последний вопрос. Я спросил: вы подтверждаете, что Геринг, в качестве делегата четырёхлетнего плана, являлся главой гражданской и военной германских организаций занимавшихся экономической эксплуатацией всех оккупированных территорий, и что вы являлись его ближайшим сотрудником?

Кёрнер: Что касается эксплуатации оккупированных стран, нельзя рассматривать её таким образом. Четырехлетний план имел возможность оказывать влияние в экономических вопросах на оккупированных территориях, но делал это только при крайней необходимости. В целом он не занимался такими проблемами. Власти которые занимались экономическими вопросами на оккупированных территориях были военными командирами или главами гражданской администрации. На Востоке был экономический штаб Восток и министерство Розенберга. Только если стоял вопрос между военными и экономическими властями или между германскими ведомствами, в котором был спор или несогласие, туда втягивали четырёхлетний план. Рейхсмаршал в таких случаях мог принимать специальные решения, но это было в очень, очень редких случаях, например, в случае совещания о котором говорилось сегодня, по поводу помощи оккупированных стран в снабжении продовольствием Европы. У нас было право, поскольку на оккупированных территориях не только Востока, но и Запада мы применяли новые разработки в сфере сельского хозяйства. Могу заметить, что на Западе…

Руденко: О каком праве вы говорите?

Кёрнер: Я говорю о праве которым Германии приходилось делиться в сельскохозяйственном производстве этих стран, потому что мы применяли там много новых разработок. Я хочу отметить, что на Востоке, районы которые были полностью разрушены, в которых не было семян, машин и с огромной сложностью…

Руденко: Кто дал такое право немцам?

Кёрнер: Право? Естественно, что, когда мы оккупируем и отстраиваем страну, мы вправе делить доходы. Мы должны были заниматься всей Европой, и мы знали какие волнения и проблемы мы встретим в оккупированных странах.

Руденко: Я спрашиваю вас, откуда у немцев такое право?

Кёрнер: Я не юрист, поэтому не могу ответить на ваш вопрос.

Руденко: Но вы говорили о немецких правах.

Кёрнер: Я говорю только о естественном праве на то, что если мы отстроили страну, мы должны делить результаты работы по развитию.

Руденко: После вашего опустошения этих районов?

Кёрнер: Германия не разрушала эти районы, в особенности в сельскохозяйственном отношении. Фактически, мы вводили большие новшества. Я помню, на Западе, некоторые районы Франции были полностью опустошенными и наши организации проводили там восстановительную работу. Таким образом, мы восстанавливали необработанную землю которую нашли во Франции посредством немецкой организации которая восстанавливала целые районы на территории Рейха и репатриировала туда французских людей, предоставляя им снова возможность работать в качестве крестьян и делиться сельскохозяйственным производством страны. На Востоке мы обнаружили территории сельское хозяйство которых было сильно разрушено из-за войны. Все машины исчезли. Все трактора забрали русские, и все сельскохозяйственные орудия были вывезены или уничтожены. Там мы начали с самого элементарного и примитивного способа восстановления сельского хозяйства.

То, что за годы нашей оккупации мы смогли восстановить сельское хозяйство, надо благодарить немецкую инициативу и немецкую технику.

Руденко: Немецкая инициатива также включала, вместе с восстановлением сельскохозяйственных мероприятий и средств, обширную сеть концентрационных лагерей, которые вы создали в оккупированных странах? Это также входило в немецкую инициативу?

Кёрнер: Я не имел никакого отношения к этой проблеме и ничего не могу сказать.

Руденко: Но я задаю вам этот вопрос.

Кёрнер: И поэтому я не понимаю, что вы имеете в виду.

Руденко: Вы были недостаточно информированы в вопросе концентрационных лагерей, но кажется вы весьма хорошо информированы, или кажется, что информированы, о восстановительной работе в сфере сельского хозяйства?

Кёрнер: Естественно, я много знаю о восстановлении сельскохозяйственных районов.

Руденко: Но вы ничего не знаете о концентрационных лагерях?

Кёрнер: Я не занимался этими вопросами.

Руденко: Вы ничего не знали о том факте, что миллионы были уничтожены немецкими оккупационными властями?

Кёрнер: Нет, я ничего об этом не знаю.

Руденко: Вы действительно ничего не знаете об этом?

Кёрнер: Я только сейчас это узнал.

Руденко: Только сейчас?

Кёрнер: Да.

Руденко: У меня больше нет вопросов.

Бём: Свидетель, вам известно, что Хайнес являлся начальником полиции Бреслау?

Председатель: В конце допроса доктором Штамером я спросил у защитников желают ли они задать какие-либо вопросы, и они сказали, что не желают задавать

вопросы. Следовательно, сейчас не ваша очередь задавать вопросы.

Бём: Господин председатель. В допросе господином судьей Джексоном возник пункт о котором я раньше не знал и который требует комментария. Это касается начальника полиции Хайнеса. Можно я задам два или три вопроса свидетелю, чтобы прояснить этот вопрос?

Председатель: Очень хорошо. Надеемся это не займет слишком много времени.

Бём: Я буду краток, господин председатель. Спасибо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вам известно, что Хайнес был начальником полиции в Бреслау?

Кёрнер: Да.

Бём: Далее, вам известно, что в этом качестве он был ответственным за тюрьмы в Бреслау?

Кёрнер: Конечно, начальник полиции ответственный за тюрьмы.

Бём: Известно ли вам, что ко времени создания лагеря, полицейские тюрьмы Бреслау были переполнены?

Кёрнер: Этого я не знаю. Я назвал случай с Хайнесом как один из лагерей созданных без разрешения министра-президента или министра внутренних дел.

Бём: Значит, вам также известно, что Хайнес мог создать этот лагерь просто ввиду того, что был начальником полиции?

Кёрнер: Да, может быть.

Бём: Спасибо.

Председатель: Доктор Штамер, у вас есть вопросы?

Штамер: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Штамер: С разрешения трибунала я вызываю в качестве следующего свидетеля, фельдмаршала Кессельринга.

[*Свидетель Кессельринг занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё имя?

Кессельринг: Альберт Кессельринг.

Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я говорю чистую правду, и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Можете сесть, если хотите.

Штамер: Свидетель, с какого времени вы служите в Люфтваффе?

Кессельринг: С 1 октября 1933.

Штамер: Какое звание вы имели до перевода в Люфтваффе?

Кессельринг: До этого времени я был полковником и командиром артиллерии в Дрездене. Затем я ушел в отставку в звании командира эскадрильи.

Штамер: Вы помогали строить Люфтваффе?

Кессельринг: В течение первых трех лет я был начальником административного управления, впоследствии начальником генерального штаба и затем служил в группенкоммандо.

Штамер: Люфтваффе строились для оборонительных или агрессивных задач?

Кессельринг: Германские Люфтваффе являлись чисто оборонительным оружием. Однако, я должен добавить комментарий о том, что одиночный самолёт также как и в целом воздушные силы по самому своему характеру являются агрессивным оружием. Даже в наземном сражении, простая оборона без сопровождения наступательного движения рассматривается как не ведущая к какому-либо ощутимому результату или успеху. Это ещё сильнее применимо к воздушной войне. Воздушные силы занимают широкий спектр, как в обороне, так и в нападении. Это сознавал рейхсмаршал и его генералы.

Очевидно, что, когда строились воздушные силы, производились только лёгкие машины или первые типы поступали в части. Таким образом, до 1936-1937 у нас были только лёгкие самолёты, истребители, Штуки, разведывательные самолёты и немного «старых саней» как мы их называли, таких как Ю-52, До-11 и Д-13 – всё устаревшие типы бомбардировщиков.

Можно иметь взгляд о том, что оборону можно успешно вести с такими лёгкими самолётами. С другой стороны, я хочу отметить конец мировой войны, когда германские оборонительные воздушные силы были сокрушены наступательными воздушными силами противника.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал думает, что свидетель слишком сильно вдается в подробности.

Кессельринг: Я продолжу. До 1937-1938 не существовало наступательных воздушных сил, в особенности не было бомбардировщиков и бомбардировщики которые строились позднее не имели ни дальности, ни грузоподъемности необходимых для того, чтобы быть наступательным вооружением. Не было четырёхмоторных бомбардировщиков.

Штамер: Вы играли какую-нибудь роль в атаке на Варшаву?

Кессельринг: В качестве начальника первого воздушного флота, я возглавлял эту атаку.

Штамер: Военная обстановка в то время оправдывала эту атаку и как она проводилась?

Кессельринг: На Варшаву было произведено несколько атак. На немецкий взгляд, Варшава являлась крепостью и более того, имела сильную воздушную оборону. Таким образом, положения Гаагской конвенции о сухопутной войне[122], которые по

[122] Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны – международно-правовое соглашение определяющее

аналогии применяются к воздушной войне, были соблюдены.

Что касается первой фазы атаки на Варшаву, согласно оперативному принципу преобладавшему в Люфтваффе следовало атаковать вражеские воздушные силы и авиационные заводы, находящиеся в непосредственной близости от аэродромов. Эти атаки, по моему мнению, были полностью оправданы и они соответствовали правилам.

Вторая фаза касается борьбы с оперативным передвижением поляков. Я могу добавить, что Варшава является перекрёстком северной и центральной Польши. Когда наши дальние разведчики сообщили, это подтвердилось в последней фазе, что железнодорожные станции забиты материальной частью и о том, что нарастающие подкрепления движутся к Варшаве, было приказано о воздушной атаке, и она была проведена.

В основном она была направлена против железнодорожных станций и путей, и мостов на Висле. Для проведения этих атак, я выделил Штуки и штурмовики, потому что точность этих машин давала гарантию того, что основные военные цели будут поражены.

Третьей фазой был обстрел Варшавы. Я считаю обстрел армейской акцией в которой, по запросу армии, небольшие подразделения Люфтваффе использовались против военных объектов. Я сам находился над Варшавой и после практически каждой воздушной атаки я консультировался с армейскими командирами об исполнении. По своему собственному опыту и донесениям, я могу утверждать, что делалось всё по-человечески возможное, чтобы поражать только военные цели и щадить гражданские цели.

Штамер: Вы можете решительно подтвердить, что эти атаки осуществлялись в рамках военной необходимости?

Кессельринг: Абсолютно.

Штамер: Вы играли какую-нибудь роль в атаке на Роттердам?

Кессельринг: В качестве командующего вторым воздушным флотом которым меня назначили, я возглавлял атаки на Голландию, Бельгию и Францию и также в моём подчинении находился воздушно-десантный корпус. Воздушно-десантный корпус находился под командованием генерала Штудента[123], который попросил поддержать своих парашютистов бомбовой атакой. Генерал Штудент имел такие обширные сведения о наземной обстановке, что только он должен считаться ответственным за подготовку и проведение атаки. Четвёртому воздушному корпусу было приказано оказать воздушную поддержку и была использована одна группа, самое маленькое подразделение необходимое для данной цели. Атака проводилась исключительно в соответствии с тактическими требованиями и техническими возможностями.

поведение воюющих сторон при ведении войны на суше. Принята в Гааге 18 октября 1907 г.

[123] Курт Штудент (1890 — 1978) — генерал-полковник в Люфтваффе (вермахт), участник Первой и Второй мировых войн. Пилот-ас времен Первой мировой войны. Основатель и первый командующий германских Парашютно-десантных войск. Британским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Приказы генерала Штудента дошли до моего командования очень рано. Таким образом, можно было неторопливо в соответствии с планом провести всю подготовку. По настоянию рейхсмаршала подразделение проинформировали о возможных изменениях внутри Роттердама и о подходе танковых дивизий. Задача, поставленная генералом Штудентом была ясной в отношении степени, центральных и ключевых точек и оккупации. Для опытных войск было несложно усвоить задачу. Была установлена радиосвязь между командованием генерала Штудента, моим штабом и другими штабами, включая главнокомандующего Люфтваффе. Любой перерыв в этой связи мог быть только очень коротким, так как радиоприказы передавались мной или рейхсмаршалом. В то время техника позволяла поддерживать контакт посредством радиосвязи между тактической наземной станцией и подразделением в воздухе через его наземную станцию. Обычные в то время для наземной связи флаги, огни, и кодовые обозначения на фронте размещались на фронте согласно плану. Они функционировали без заминки. В соответствии со своей подготовкой и своими приказами подразделение направило разведывательный самолёт который держал их в курсе обстановки и задачи. Кроме этого, по приказу рейхсмаршала, с ними был офицер генерального штаба приданный к моему воздушному флоту у которого была такая же задача.

Штамер: Был отдан приказ о том, что обстановка и задача должны…

Кессельринг: Лично у меня никогда не было никакого сомнения в том, что атаку нужно проводить, я был только не совсем уверен в том нужно ли её повторять. И это было вопросом который относился к сигналам. Судя по моим сведениям о генерале Штуденте, я особо это подчёркиваю, его техники ведения атаки и его чётко выраженным запросам, я должен был ожидать проведения атаки.

Атака проводилась согласно плану и графику. Донесение о том, что цель аккуратно разбомбили поступило очень быстро вместе с донесением о том, что не требуется дальнейшей атаки. В течение трех дней борьбы в Голландии главнокомандующий Люфтваффе был хорошо информирован. В частности, на третий день, то есть, день о котором я говорю, рейхсмаршал, рейхсмаршал в своей откровенной манере больше чем обычно вмешался в руководство воздушным флотом и, по моему мнению, делал всё возможное, что можно было сделать на этой высокой должности. Я не помню никакого сообщения о том, что бомбовая атака не была обусловлена тактической обстановкой.

Штамер: Говорится о том, что бомбы были сброшены, когда уже начались переговоры о капитуляции.

Кессельринг: Как я сказал, командование не получило никакого сообщения об этом, также как и соединение действовавшее над Роттердамом не приняло сообщения с земли. Наверное, возникла некоторая путаница у командования в самом Роттердаме о которой мне ничего неизвестно. Я также не знал о договорённостях между генералом Штудентом и командиром голландских войск в

Роттердаме. Позже я хотел поговорить об этом с генералом Штудентом, но это было невозможно, потому как он получил тяжёлое ранение головы. Если, вопреки моему твёрдому убеждению, атака уже не была обсуловлена обстановкой, то это весьма печально. Будучи солдатом на протяжении 42 лет, будучи артиллеристом, лётчиком, офицером генерального штаба и многие годы руководителем, я хочу дать понять, что данный случай является одним из тех непредвиденных совпадений войны, которые, к сожалению, случаются на военной службе всех стран чаще, чем можно подумать, только миру это неизвестно.

Штамер: Как вы объясните большие пожары, которые начались в Роттердаме?

Кессельринг: Когда, я получил донесение от подразделения, я был приятно удивлён, узнав, что воздействие бомбардировки ограничилось расчётным районом, но эта война показала, что самые большие разрушения причиняют не сами бомбы, а распространение пожаров. К сожалению, бомба попала в маргариновую или какую-то другую фабрику Роттердама, что привело к утечке масла и распространению пожара. Так как после атаки уже вступила в силу капитуляция, то было возможно предотвратить распространение огня прибытием пожарных служб и войск.

Штамер: Какими были военные последствия этой атаки?

Кессельринг: Непосредственным следствием этой атаки была капитуляция войск Роттердама. Генерал Веннингер[124], который тогда был воздушным атташе и который позже был придан моему воздушному флоту, говорил мне, что вследствие этой атаки капитулировала вся голландская армия.

Штамер: Вы возглавляли атаку на Ковентри в ноябре 1940?

Кессельринг: В качестве начальника второго воздушного флота, я без сомнения принимал участие в этой атаке. Я не могу сейчас сказать участвовал ли третий воздушный флот, но я участвовал.

Штамер: Какой была цель атаки?

Кессельринг: Согласно перечню целей который вёл архивный отдел главнокомандующего Люфтваффе, Ковентри был английским центром вооружений, он был известен как «маленький Эссен». Этот перечень был тщательно составлен экспертами, инженерами и офицерами и содержал карты, таблицы, фотографии, описание целей, ключевые точки, и т.д. Лично я, также как и мои люди, был полностью знаком с этими подробностями. Кроме того, у меня был вышеуказанный генерал Веннингер и несколько инженеров при главнокомандующем Люфтваффе читавшие лекции войскам о целях, для того, чтобы познакомить их с характером целей, их уязвимостью и воздействием воздушной атаки.

Подготовка к атаке велась наиболее осознанно. Я очень часто присутствовал и рейхсмаршал лично периодически инспектировал их. Вопрос Ковентри был чрезвычайно простым, так как в те ночи преобладали благоприятные погодные условия то можно было достигнуть Ковентри без радионавигации.

[124] Ральф Веннингер (1890 – 1945) – немецкий генерал авиации. В 1939-1940 офицер штаба 2-го воздушного флота.

Распределение целей в Ковентри также было очень простым, таким образом, бомбы можно было сбрасывать без помощи подсветки, и трудно было не попасть в цель. Но бомбы подчиняются такому же закону как и снаряды, другими словами, в сухопутной и воздушной войне рассеивание охватывает широкий радиус. В случае воздушных сил это ещё более характерно тем, что если используются крупные соединения, то можно указывать в качестве цели не отдельную цель, а только целевой район в общем, который естественно не совпадает с самой целью. По приказу главнокомандующего Люфтваффе и по собственной инициативе пилота-разведчика, все попадания и атаки были проверены на следующий день воздушными фотографами. Наземная видимость была хорошей, но как я уже сказал в случае Роттердама, разрушение цели было вызвано не столько бомбами, сколько распространением огня.

Я не знаю, нужно ли ещё, что-нибудь добавлять. Гаагская конвенция о сухопутной войне не устанавливает требований для воздушной войны. Для того, чтобы избежать произвольного выбора целей, верховное командование должно было изучить вопрос и принять общие директивы основанные на преамбуле Гаагской конвенции, литературе опубликованной в то время, и наконец, особых условиях преобладавших в самих Люфтваффе. Воздушному флоту или соединению были назначены только те цели которые считались допустимыми с точки зрения международного права. Это не исключало пересмотра и изменения целей в индивидуальных случаях, что обсуждалось с главнокомандующим Люфтваффе, и мы взяли ответственность…

Председатель: Вы говорите слишком быстро.

Кессельринг: В ходе личных визитов и остальными средствами мы внушали нашим частям необходимость изучать подготовку, сбрасывание бомб, прицеливание, метеорологические условия настолько аккуратно, чтобы можно было добиться высшей степени аккуратности и избежать печальных выходов за периметр целей. Случай Ковентри был особо удачным, так как он представлял собой важную военную цель, и никто не смог бы сказать об этом как об атаке направленной против гражданского населения.

Штамер: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников желает задать вопросы?

Латернзер: Свидетель, с какого времени вы являлись командиром группы армий?

Кессельринг: Я стал командиром группы армий с сентября 1943, в качестве командира германскими войсками при верховном командовании, я уже служил в качестве наблюдателя в вопросах тактики и стратегии.

Латернзер: Группа армий которой вы руководили находилась в Италии?

Кессельринг: Группа армий находилась в Средиземноморье.

Латернзер: Вам известен состав группы генерального штаба и высшего командования представленный обвинением?

Кессельринг: Да.

Латернзер: Сначала у меня есть предварительный вопрос. Что, строго говоря, понималось под германским генеральным штабом отдельных родов войск Вермахта?

Кессельринг: Генеральный штаб отдельных родов войск Вермахта включает всех тех офицеров которые оказывали содействие главнокомандующим и разделяют с ними ответственность.

Латернзер: Будьте любезны сказать о том, как эта группа была организована и составлена, например в Люфтваффе?

Кессельринг: Генеральный штаб Люфтваффе являлся аналогом генерального штаба армии и эти организации были одинаковыми как две иголки. Генеральный штаб состоял из центрального управления, именуемого в Люфтваффе оперативным штабом, под руководством начальника генерального штаба, оперативных отделов, организационных групп, начальников отделов Люфтваффе, управления снабжения и т.д. Различные командования, от воздушных флотов до дивизий, наземный персонал и воздушные округа имели приданных к ним офицеров генерального штаба в целях содействия в командовании. Начальник генерального штаба уже не нёс дополнительной ответственности, как было заведено раньше, поскольку это было несовместимо с фюрер-принципом. Эти начальники генеральных штабов и начальник центрального управления генерального штаба осуществляли своё влияние на военную и идеологическую подготовку всех офицеров генерального штаба Вермахта не посягая на ответственность отдельного военного командира.

Латернзер: Если я подытожу ваш ответ, как то, что генеральный штаб Люфтваффе означал начальника генерального штаба и полковых штабных офицеров, то буду ли я прав в описании генерального штаба Люфтваффе?

Кессельринг: Так точно.

Латернзер: Вы считаете термин «генеральный штаб» в том виде как он используется на данном процессе соответствующим военному использованию?

Кессельринг: Как я уже сказал, генеральный штаб состоял из офицеров помогавших командованию, что не включало командиров и главнокомандующих. Согласно немецким взглядам они не относились к этой категории, потому что не все командиры и главнокомандующие имели такое же образование и подготовку как офицеры генерального штаба. Главнокомандующие были отдельными людьми. С ними обращались коллективно только в связи с их генеральским званием, бюджетом и довольствием.

Латернзер: Вы считаете, что ошибочно применять термин «генеральный штаб» к высокопоставленным командирам?

Кессельринг: Согласно немецкой концепции это будет неправильным употреблением.

Латернзер: Когда-нибудь в истории Вермахта высшие военные командиры входили

в данную группу как это сделано здесь?

Кессельринг: В Германии такое отнесение не отмечалось и по различным причинам было недопустимым. Также и главнокомандующие не формировали коллективный орган для того, чтобы действовать как нечто вроде военного совета или схожего собрания с чёткими задачами. Они даже по-отдельности или коллективно, не являлись членами совета обороны Рейха, а являлись только ad hoc[125] командирами на фронте или на командной должности. Образование из главнокомандующих коллективного органа для какой-то специальной задачи, по моему мнению, было совершенно невозможным, по той простой причине, что они находились в подчинении главнокомандующих армией, Люфтваффе или флотом или в ведении высшего командования вооруженных сил. Более того, некоторые на 100 процентов находились в подчинении германского верховного главнокомандования, другие на 100 процентов в подчинении Оси. Некоторые находились в двойном подчинении у разных командований, некоторые были независимыми главнокомандующими, остальные были главнокомандующими армиями подчиннёнными группам армий.

Латернзер: Вы говорите слишком быстро. Главнокомандующие должны были разрабатывать только военные проблемы, поставленные перед ними или они сами разрабатывали планы и представляли Гитлера на рассмотрение?

Кессельринг: Главнокомандующие являлись чисто военными руководителями, ответственными только за поставленную им задачу. В рамках данной задачи они могли вносить предложения или улучшения, и т. д, в ОКВ или ОКХ, но их деятельность в смысле сотрудничества ограничивалась такими предложениями.

Латернзер: Вы только, что сказали об улучшениях и изменениях. Это означало, что от главнокомандующих ожидали внесения изменений в план только с военно-технической точки зрения, или же внесения предложений в отношении того нужно или нет осуществлять данный план?

Кессельринг: В целом, это означало предложения об улучшениях только с военно-технической точки зрения. В вопросах небольшого значения они имели слово в отношении политики. Однако, если вышестоящий орган принял решение, остальные хранили молчание.

Латернзер: Мы обратимся к этому позже. Группа «генерального штаба» в том виде как представлена здесь, когда-нибудь коллективно встречалась?

Кессельринг: Нет.

Латернзер: Кто-нибудь из членов данной группы, когда-нибудь предлагал отступать от норм международного права?

Кессельринг: Я так не думаю, скорее наоборот.

Латернзер: Была ли частой перетасовка на должностях, которые составляют

---

[125] Ad hoc — латинская фраза, означающая «специально для этого», «по особому случаю». Как правило, фраза обозначает способ решения специфической проблемы или задачи, который невозможно приспособить для решения других задач и который не вписывается в общую стратегию решений, составляет некоторое исключение.

данную группу, или они занимали должности длительный период?

Кессельринг: В течение последних лет главнокомандующие и командиры довольно часто перетасовывались.

Латернзер: Что вам известно о совещаниях Гитлера с высокопоставленным военным руководством?

Кессельринг: Было два типа совещаний. Первый, важное выступление перед кампанией перед высшим руководством принимавшим в ней участие. Целью выступления было в общем проинформировать руководство об обстановке и ввести их в курс дела. Ввиду убедительной риторики фюрера нам был затруднительно выразить хотя бы какую-то позицию по вопросу, в частности, так как мы не знали всех подробностей. На таких совещаниях не было дискуссий, они не допускались. Иногда были военно-тактические консультации и каждый руководитель имел возможность высказать и подчеркнуть свои взгляды и просьбы. Как я уже сказал, у нас не было слова по политическим вопросам. Как известно, мы сталкивались со свершившимся фактом, который, мы солдаты, должны были принять.

Латернзер: Вы присутствовали на совещании, которое проводил Гитлер 22 августа 1939, то есть, незадолго до начала польской кампании?

Кессельринг: Да.

Латернзер: В конце совещания до вас не довели информацию о том, что с Советским Союзом заключили договор?

Кессельринг: В конце, после выступления, всех нас снова собрали и проинформировали о том, что только, что получено сообщение о том, что Россия будет придерживаться нейтралитета.

Латернзер: Какое впечатление произвело это сообщение на вас и других военных руководителей?

Кессельринг: Это было огромным облегчением для меня и для других. В противном случае мы не могли исключать возможности распространения войны на Восток. После того, как Россия собралась остаться в стороне, по крайней мере Люфтваффе, я говорю как армейский командир, имели превосходство которое гарантировало быстрый и решительный успех, и помимо этого, по моему мнению, предотвращалось распространение войны.

Латернзер: В любом случае, сообщение было для вас большим облегчением?

Кессельринг: Да, очень большим.

Латернзер: Свидетель, вы можете рассказать мне о том собирались ли, когда-нибудь члены группы генерального штаба и ОКВ и имели дискуссии с политическим и партийным руководством?

Кессельринг: Говоря за себя, я действовал как в Средиземноморье так и на Западе. В Средиземноморье мне приходилось работать с гауляйтерами Райнером[126] и

---

[126] Фридрих Райнер (1903 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору югославского суда.

Хофером[127], а затем на Западе с…

Латернзер: Мой вопрос не об этом. Я хотел знать, собиралось ли, когда-нибудь высшее военное руководство вместе с ведущими политиками для обсуждения каких-либо политических планов.

Кессельринг: Нет, нет. Я могу точно сказать, что такого не было. Мы, будучи солдатами не занимались политикой. Политические решения принимались политиками, и мы должны были их исполнять.

Латернзер: Среди военного руководства, в результате многих лет опыта в Вермахте, который исходил из принципа давать солдату неполитическое воспитание, такое отношение было привычным, не так ли?

Кессельринг: Такая политика возникла в германской армии с 18-го века.

Латернзер: Вам известно, имело ли высшее военное руководство какой-либо контакт с пятой колонной?

Кессельринг: Военное руководство не имело никакого отношения к пятой колонне. Это был не наш уровень.

Латернзер: Каким было ваше впечатление о совещании которое провёл Гитлер с высшим военным руководством перед началом восточной кампании? Обстановку представили вам как такую при которой избежать войны было нельзя?

Кессельринг: У меня сложилось ясное впечатление о том, что целью обращения к руководству было убедить его в необходимости войны как превентивной войны, и что императивом было нанести удар до формирования и мобилизации русских вооружённых сил ставших угрозой для Германии.

Латернзер: Могли бы вы назвать причины для такого впечатления?

Кессельринг: Как я уже сказал, цель выступления заключалась в том, чтобы представить нам убедительную картину общей обстановки, о военной обстановке и графике, и оно убедило нас. В связи с русской кампанией я хочу сказать, что до последнего дня августа у меня не было сомнения…

Председатель: Свидетель, вы можете говорить медленнее и брать во внимание переводчиков.

Латернзер: Пожалуйста, повторите последний ответ.

Кессельринг: У меня было меньше всего причин сомневаться в словах Гитлера, потому что до последнего момента, я как главнокомандующий вторым воздушным флотом, участвовал в операциях против Англии и не имел ни времени, ни средств сформировать обоснованное суждение о русской обстановке. Я вынужден был ограничиться…

Латернзер: Данный процесс показал, что главнокомандующим вменяют ответственность за то, что происходило на войне. Я хочу, чтобы вы описали ежедневный распорядок главнокомандующего группой армий, армии или

[127] Франц Хофер (1902 – 1975) – нацистский политик. Гауляйтер Тироля-Форальберга в 1932-1945. Осуждён немецким судом к 3 годам трудового лагеря.

воздушного флота.

Кессельринг: Ежедневный распорядок зависел, конечно же, от личности конкретного руководителя. Если говорить о себе…

Латернзер: Свидетель, я прошу вас быть кратким.

Председатель: Свидетель. Доктор Латернзер, разумеется это является кумулятивным к тому, о чём свидетель уже говорил, и похоже очень длинным. По поводу описания дня командира, этот свидетель уже сказал о том, что командир не имел никакого отношения к политике и никакого отношения к штабу. Зачем затруднять нас тем из чего состоял день командира?

Латернзер: Господин председатель, я придаю особое значение данному вопросу по следующим причинам, в виду размаха деятельности главнокомандующих, в особенности на фронте, не всякий отчёт мог поступить к нему, потому что даже донесениями из его собственного сектора должны были заниматься соответствующие офицеры. Таким образом, к нему поступали только те донесения которые имели особое значение и решающий характер и которые непосредственно относились к боевым действиям.

Председатель: Вот так это и представьте, вместо того, чтобы свидетель описывал весь день.

Латернзер: Очень хорошо, я так это и сделаю.

Свидетель, в виду охвата вашей деятельности в качестве главнокомандующего до вас доходило каждое донесение, или только те, которые после изучения соответствующими офицерами, считались настолько важными, что должны были быть представлены главнокомандующему?

Кессельринг: В особенности, когда шли бои, все донесения не могли доходить до главнокомандующего. В моём конкретном случае, это было возможно ещё меньше, так как я проводил на фронте 50 – 70 процентов своего времени. Штабы армий, воздушных флотов и морских подразделений должны нести ответственность в рамках своей компетенции.

Латернзер: Многочисленные дела главнокомандующего позволяли, чтобы все донесения о нарушениях международного права, даже небольшого характера должны были поступать к нему?

Кессельринг: Так должно было быть. Однако, я сомневаюсь, что по вышеуказанным причинам такое было возможно в каждом случае.

Латернзер: Следовательно, в этом вопросе главнокомандующий должен был полагаться на своих сотрудников, не так ли?

Кессельринг: Да, 100 процентов.

Латернзер: Вы были главнокомандующим воздушным флотом на Восточном фронте с июня по ноябрь 1941?

Кессельринг: Да.

Латернзер: Вы, что-нибудь слышали об уничтожении евреев на Востоке?

Кессельринг: Нет.
Латернзер: Вы, что-нибудь слышали об айнзацгруппах СС?
Кессельринг: Ничего. Я даже не знал о таком названии этих подразделений.
Латернзер: Вам, что-нибудь известно о печальном приказе о том, чтобы русских комиссаров расстреливали после пленения?
Кессельринг: Я услышал об этом приказе в конце войны. Воздушный флот, не участвуя в наземных боях, не имел никакого отношения к этому вопросу. Думаю, я могу спокойно сказать, что Люфтваффе вообще ничего про него не знали. Хотя у меня часто бывали дела с фельдмаршалом фон Боком[128], с командующими армиями и танковыми частями, никто из этих господ никогда не рассказывал мне о таком приказе.
Латернзер: Вам известен приказ о коммандос?
Кессельринг: Да.
Латернзер: И что вы думаете по поводу этого приказа?
Кессельринг: Я рассматривал такой приказ, полученный мной в качестве главнокомандующего в Средиземноморье, где я занимал двойную должность, не связывающим меня, а в качестве рамочного приказа который оставлял мои руки свободными в его применении. По этому вопросу, у меня такой взгляд, что решение о том является ли акция коммандос нарушением международного права или была тактически оправданной, оставалось за мной. Взгляд ещё больше разделявшийся группой армий, взгляд которой направлял я, заключался в том, что с личным составом в форме который послали с чёткой оперативной задачей следовало обращаться в соответствии с нормами Гаагской конвенции о сухопутной войне.
Латернзер: Приказ о коммандос соответственно не мог применяться в рамках вашего командования?
Кессельринг: В одном случае, он, конечно, был применён.
Латернзер: О каком случае вы говорите?
Кессельринг: Я имею в виду генерала Достлера[129].
Латернзер: Случай генерала Достлера уже упоминался на данном процессе. Вам известно о том, когда бы возбуждено это дело.
Кессельринг: В качестве свидетеля находящегося под присягой я заявил, что не смог вспомнить это дело. Думаю, есть две причины, почему меня о нём не проинформировали. В-первую очередь после беседы со своим начальником который поговорил об этом с другим командиром, оказалось, что никто из нас ничего не знает. Во-вторых, ввиду гигантских операций Южного фронта, я ещё больше

---

[128] Федор фон Бок (1880 — 1945) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Командующий группы армий «Центр» во время вторжения в СССР. Командовал наступлением на Москву осенью 1941 года. Убит в ходе воздушного налёта.
[129] Антон Достлер (1891 — 1945) — немецкий офицер, Генерал пехоты во время Второй мировой войны. В первом военном трибунале союзников после войны Достлер был признан виновным в военных преступлениях и приговорен к смерти через расстрел.

отсутствовал в своей ставке.
Латернзер: Если бы вас позвали выносить решение по делу Достлера, как бы вы его решили?
Кессельринг: Я не сильно знаком с делом. Я знаю о нём только по слухам.
Джексон: Я не думаю, что мы можем рассматривать дело Достлера или, что данный свидетель должен делать свои выводы, постольку, поскольку дело Достлера было рассмотрено компетентным судом и этот вопрос снят. У меня нет возражения каким-либо фактам информирующим трибунал, но его вывод о виновности своего же офицера вряд ли поможет.
Председатель: В частности он сказал о том, что не может вспомнить.
Латернзер: Я отзываю вопрос.
Свидетель, вы можете назвать другие случаи, в которых приказ о коммандос не применялся в вашем районе?
Кессельринг: Небольшие высадки в тылу у Комаццио на юге от Венеции, также воздушно-десантные высадки у Альбенды в районе Генуи и небольшие бои в районе Лаго-ди-Ортона. Я убеждён в том, что войска разделяли эту точку зрения и действовали соответственно.
Латернзер: Вы были главнокомандующим воздушным флотом на Востоке. Что вы можете сказать об обращении с русским гражданским населением во время кампании?
Кессельринг: Я находился в России до конца ноября и могу сказать только то, что население и войска находились в лучших отношениях, и о том, что полевые кухни везде использовались в интересах бедных и детей, также о том, что моральность русских женщин, которая как известно, является высокой, заметно уважалась немецкими солдатами. Я знаю о том, что мои доктора, в ночные дежурства, часто консультировали русское население. Я помню это, потому что доктора говорили мне о стойкости с которой они переносили боль. Война настолько быстро дошла до равнин под Смоленском, что весь район представлял собой мирную картину, крестьяне были на работе, паслись довольно большие стада скота и когда я посетил этот район я обнаружил, что небольшие жилища целы.
Латернзер: Вы слышали о каких-нибудь эксцессах совершённых немецкими солдатами на Востоке? Всякий раз, когда вам сообщали о случаях нарушений международного права, вы предпринимали все меры имевшиеся в вашем распоряжении?
Кессельринг: По крайней мере, я пытался это делать, хотя бы ради сохранения репутации германского Вермахта, а также в интересах взаимодействия Вермахта с нашими итальянскими союзниками. Следовательно, я считал, что уместно жёстко разбираться с любым немецким солдатом, который совершал правонарушение. Так как я сознавал тот факт, что война это жестокое дело и чем дольше она идёт тем ожесточённее становится, в частности если руководство и подчинённые уже не

могут справиться со своими задачами, я обращался к превентивным мерам. Превентивным нормам, которые я уверен, видели во многих местах союзные войска при продвижении по Италии, мои различные объявления о применённых наказаниях которые общеизвестны, являются лучшим доказательством того, что я сказал.

В качестве превентивной меры я приказывал о том, чтобы целые города, или если это было невозможно, их центры освобождались от военных и административных учреждений и солдат, и баррикадировались. Кроме того, насколько позволяли меры противовоздушной обороны, солдаты размещались и проживали в ограниченных районах. Я также приказывал распределять отдельных солдат, которые обычно являлись причиной такой проблемы, например солдат уходивших и приходивших из отпуска, совместно, а невоенным машинам формировать конвои. В контрольных целях у меня были заграждения возведённые военной полицией, полевой полицией, жандармами с приданными к ними передвежными судами и летучими отрядами.

Скупка итальянских товаров, которая отчасти являлась причиной проблемы, запрещалась путём создания магазинов, во взаимодействии с итальянским правительством, вдоль маршрутов возвращения, и там солдаты могли купить, что-то для дома. Это было введено под угрозой наказаний. Немецким правонарушителям о которых сообщали мне итальянцы, я предъявлял обвинения и судил. Всякий раз, когда местные операции мешали моему личном вмешательству, как например в случае Сиены, я уведомлял Вермахт о том, что я бы хотел рассмотрения дела в военно-полевом суде позже. В других случаях, когда обстановка была критической, я применял чрезвычайный закон и выносил смертные приговоры за грабежи, ограбления, убийство и т.д. Однако, смертная казань редко оказывала устрашающий эффект. Я предпринимал действия против офицеров, которые естетственно пытаясь покрывать своих людей, показывали слишком большую снисходительность.

Как я понимаю, здесь доступны все материалы, поэтому подробности можно увидеть в рукописных пометках на донесениях направленных военной полицией.

Латернзер: Свидетель, вам известно о каких-либо нарушениях международного права другой стороной?

Кессельринг: В ходе многочисленных визитов на фронт, я, конечно сталкивался с большим количеством…

Руденко: Я протестую против этого вопроса. По моему мнению, свидетель не тот человек который может делать заявление по поводу нарушения противниками Германии международного права. Я считаю, что этот вопрос следует опустить.

Латернзер: Могу я пояснить? Меня интересует ответ на данный вопрос, потому что я хочу перейти от этого вопроса к другому вопросу свидетелю о том, стал ли он менее снисходительно относится к нарушениям международного права

собственными людьми после того как узнал, что противоположная сторона нарушает международное право. Вот почему я стремлюсь к тому, чтобы на этот вопрос ответили.

Председатель: Трибунал хочет конкретно знать, в чём заключается ваш вопрос и почему он является уместным.

Латернзер: Точная формулировка вопроса является следующей:

Я спросил свидетеля: «Известно ли вам также о каких-либо нарушениях международного права с другой стороны?»

Согласно его ответу я хотел задать свидетелю следующий вопрос, о том, не наказывал ли он ввиду таких нарушений международного права другой стороной или более снисходительно относился к нарушениям международного права своими людьми.

Из ответа на следующий вопрос я хотел установить отношение свидетеля как члена группы, и вот почему я считаю ответ на первый вопрос важным.

Председатель: Трибунал хочет заслушать, что скажет об этом представитель Соединённых Штатов.

Джексон: С позволения уважаемого суда, мне кажется, является хорошо установленным принципом международного права то, что нарушение одной стороны не оправдывает и не разрешает нарушения с другой стороны. Конечно же, существует доктрина репрессалий, но она явно здесь неприменима, какую бы основу для них здесь не показывали.

Во-вторых, даже если рассмотрение предмета уместно, я думаю, что будет неправильно вдаваться в него таким образом. Задан широкий вопрос: «Вы слышали о нарушениях международного права?». Даже если это уместный предмет, требуется хотя бы какая-нибудь конкретика. Широкий вывод по обвинению, нарушению международного права, вряд ли будет достаточным для информирования трибунала в отношении оснований исходя из которых мог действовать данный свидетель.

Если бы был какой-то конкретный пример, с достоверной информацией которая дошла до его сведения, то могло бы быть некое основание, но, разумеется вопрос заданный представителем не предоставляет такого основания.

Мне кажется, здесь мы далеко отходим от обвинений, и это выходит за рамки чего-либо, что связано с настоящим делом. Я не знаю, какие конкретные жестокости или нарушения международного права должен оправдывать такой метод. Должны были быть совершены жестокости, исходя из которых предлагается оправдать жестокости совершённые кем-то другим. Кто их совершал, почему их совершали, является предметом который мы могли бы рассмотреть если бы собирались вдаваться в данный вопрос. Мне кажется, что изучение этого совершенно не к месту, а даже если и не так, если есть какой-то способ в рамках этой темы, то неправильно представлять его таким способом.

Штамер: Данный вопрос, имеющий фундаментальное значение, некоторое время

тому назад обсуждался в трибунале. Это было когда я ходатайствовал за разрешением предоставить «Белые книги[130]» содержащие доклады о жестокостях. Я думаю это было во время заседания 25 февраля.

Тогда профессор Экснер выразил своё отношение к данному вопросу и трибунал тогда разрешил мне представить эти «Белые книги» с условием о том, что мне нужно будет заявить о том, что я намерен представить из этих книг.

Уже по этому поводу обращалось внимание на важность вопроса, о том совершались ли жестокости с другой стороны, потому что именно этот момент может способствовать более справедливому и возможно более снисходительному суждению о немецком поведении. Мотив деяния всегда имел решающее значение в приговорах, и здесь будет занята точка зрения о том, что про деяние с немецкой стороны будут судить по-другому если другая сторона не демонстрировала достаточно корректное поведение.

Кроме того, является важным вопросом, могли ли быть предпринимаемые меры репрессалиями. В силу этих соображений я придерживаюсь того, что этот важный вопрос должен быть допущен.

Председатель: Трибунал прервётся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал изучил вопросы которые предложил задать доктор Латернзер свидетелю, а также возражения генерала Руденко и господина судьи Джексона, и принял решение о том, что вопросы недопустимы.

Латернзер: Господин председатель, я полагаю, что я вправе задать следующий вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, вы вообще не наказывали или разбирали более снисходительно нарушения международного права собственных людей, когда о нарушениях этого права другой стороной сообщали вам?

Председатель: Мне кажется, что это является одним вопросом вместо двух заданных ранее.

Латернзер: Господин председатель, данный вопрос не задумывался как заставляющий свидетеля приводить примеры нарушений международного права другой стороной. Из ответа, я лишь хотел установить фундаментальное отношение свидетеля, а именно, рассматривал ли он, как главнокомандующий, более серьёзно нарушения международного права собственными людьми, даже если ему сообщали о нарушениях другой стороны. Я отзываю вопрос.

Председатель: Трибунал не видит никакого возражения тому, чтобы вы спросили свидетеля о том стремился ли он избегать нарушений международного права, если вы хотите задать ему этот вопрос то не будет никакого возражения этому вопросу.

[130] «Белая книга» - сборники документов издавашиеся МИД Германии в 1939-1945.

Вопрос который вы предложили по сути идентичен вопросам которые вы задали раньше.
Латернзер: Свидетель, в ходе процесса предъявлены тяжкие обвинения из-за жестокостей совершённых немецкими солдатами. Не был ли каждый солдат достаточно просвещён и проинструктирован о нормах международного права?
Кессельринг: Я отвечаю на данный вопрос утвердительно. Многие беседы проведённые мною и командирами подчинёнными мне, всегда включали подобные предупреждения и указания.
Латернзер: Вы, как командующий группой армий, щадили насколько возможно сокровища искусства и церкви?
Кессельринг: Я считал само собой разумеющимся при исполнении своих обязанностей щадить культурные и образовательные центры и церкви, и я отдавал соответствующие приказы, и сам действовал соответственно во всех своих операциях и тактических мероприятиях.
Латернзер: Что вам известно об обращении с военнопленными которые попали в немецкие руки?
Кессельринг: С военнопленными обращались в соответствии с международным правом. Всякий раз, когда инспекции о которых я приказал, раскрывали любую халатность, я исправлял дело и жаловался ответственному коменданту.
Латернзер: У меня осталось три вопроса. Вас, как фельдмаршала, информировали о том, что Италия вступает в войну?
Кессельринг: Нет, меня об этом не информировали. Насколько я знаю, вступление Италии в войну было настолько спонтанным, что даже политическое руководство было удивлено.
Латернзер: А вас информировали о том, что Америке будет объявлена война?
Кессельринг: Нет. Я ничего не могу сказать по данному вопросу.
Латернзер: И последний вопрос. Каким было положение с возможностью отставки военного руководства во время войны?
Кессельринг: Отставка из Вермахта по собственной воле, или по прошению за разрешением на отставку из Вермахта не допускалось. В 1944 был приказ запрещавший это под угрозой тяжких наказаний. Верховный главнокомандующий Вермахта оставлял за собой исключительное право осуществлять замены в личном составе на руководящих должностях.
Латернзер: Об этом существовал письменный приказ?
Кессельринг: Да, думаю так.
Яррейс: Свидетель, как вы уже говорили, главнокомандующие в военных вопросах, имели право и возможность представлять свои требования и взгляды Гитлеру, верховному главнокомандующему Вермахтом. Я правильно это понял?
Кессельринг: Да.
Яррейс: У вас лично были разногласия с Гитлером?

Кессельринг: Значительные разногласия в оперативных и тактических вопросах.
Яррейс: Это приводило к реальной стычке?
Кессельринг: «Стычка» это сильно сказано, скорее разногласие во мнениях двух сторон.
Яррейс: Мы можем сказать споры? Они были частыми?
Кессельринг: Да.
Яррейс: После всего того, что мы здесь слышали, Адольф Гитлер, должен был быть довольно сложной личностью?
Кессельринг: Это нужно признать. С другой стороны, я находил его, не знаю почему, понимавшим в большинстве вопросов которые я перед ним ставил.
Яррейс: Вы лично разрешали эти разногласия с Гитлером?
Кессельринг: В критических случаях генерал-полковник Йодль призывал меня если у него не получалось донести смысл.
Яррейс: Если вы не могли донести смысл?
Кессельринг: Нет, если Йодль не мог донести смысл.
Яррейс: Если Йодль не мог донести смысл, вызывали вас?
Кессельринг: Да.
Яррейс: Мнение Йодля тоже отличалось от мнения Гитлера?
Кессельринг: По разным поводам, когда я присутствовал при докладе, я замечал очень чёткие разногласия между двумя господами, и что Йодль, который выступал от нашего имени в ОКВ, энергично продвигал свою точку зрения и отстаивал её до конца.
Яррейс: Что вы имеете в виду, он был вашим представилем? Чьим представителем?
Кессельринг: Мои театры военных действий, как говорили в Вермахте, были так называемыми театрами военных действий ОКВ, а Восток был театром военных действий армии. Восток был театром военных действий армии, в то время как остальные являлись театрами военных действий ОКВ.
Яррейс: ОКВ не имело слова в отношении театров военных действий армии на Востоке?
Кессельринг: Нет.
Яррейс: А армия не имели слова по поводу театров военных действий ОКВ?
Кессельринг: Нет.
Яррейс: Я думаю, не каждый может понять такую разницу.
Кессельринг: Этот вопрос не ко мне, потому что я сам не мог это понять.
Яррейс: Значит, вы находились на театре военных действий ОКВ?
Кессельринг: Да.
Яррейс: Что означало ОКВ в связи с этим?
Кессельринг: Верховное главнокомандование вооруженными силами.
Яррейс: Да, это мне известно.
Кессельринг: Это означало, что главнокомандующие находились в

непосредственном подчинении Адольфа Гитлера, а ставка в подчинении оперативного штаба Йодля.

Яррейс: На предыдущем допросе вы говорили о приказах от ОКВ, не так ли?

Кессельринг: Да.

Яррейс: Кого в ОКВ? Кто отдавал приказы?

Кессельринг: Приказы фундаментального характера отдавались только одним человеком, и это был Адольф Гитлер. Все остальные были исполнителями. Это не мешало исполнителям иметь собственные взгляды или разделять взгляды групп армий находившихся в их подчинении. Они энергично представляли эти взгляды Адольфу Гитлеру.

Яррейс: То, что вы сейчас говорите, меня удивляет, поскольку озвучивалось мнение о том, что Йодль, которого вы называете представителем главнокомандующих, являлся инструментом Адольфа Гитлера.

Кессельринг: Я думаю, одно не исключает другое. Я не могу представить шестилетний брак двух партнеров без взаимных попыток понять друг друга. С другой стороны, я очень хорошо могу представить, что в даже в счастливейшем браке случаются серьёзные ссоры.

Яррейс: Но в обычном браке муж не обязательно должен быть инструментом.

Кессельринг: Здесь ситуация немного другая. Как и у всех сравнений, такое сравнение с браком не отражает абсолютно всё. Кроме того, в армии существует принцип безоговорочного подчинения.

Яррейс: Да, но то, что вы нам сказали, о положении Йодля как представителя главнокомандующих, звучит как если бы Йодль действовал в качестве посредника, не так ли?

Кессельринг: Йодль выразительно представлял наши интересы и таким образом действовал в качестве посредника.

Яррейс: Он также выдвигал свои мнения противоречащие мнению Адольфа Гитлера, когда Адольф Гитлер, в припадке своей знаменитой ярости, отдавал приказ?

Кессельринг: Я могу сказать только то, что в связи со своими немногочисленными визитами в ставку, я видел пунцовое лицо генерал-полковника Йодля, если можно так сказать, и то, как он выражал свои взгляды на грани того, что допустимо для военного человека.

Председатель: Трибунал откладывается.

[*Трибунал отложен до 10 часов 13 марта 1946*]

День восьмидесятый

Среда, 13 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Трибунал распорядился в отношении дальнейшего разбирательства против организаций и о ходатайствах их членов. Я не предлагаю оглашать это распоряжение, но распоряжение будет размещено на информационной доске защитников и будет доведено до них и до обвинения.

Доктор Яррейс, вы закончили свой допрос?

Яррейс: Да.

Председатель: Очень хорошо. Кто-нибудь другой из защитников хочет допросить свидетеля?

[*Свидетель Кессельринг вернулся на место свидетеля*]

Кауффман: Свидетель, у вас есть воспоминания о том, когда подсудимый Кальтенбруннер впервые появился на публике?

Кессельринг: Я не знаю о том, чтобы Кальтенбруннер стал особо заметным на публике. Я впервые услышал имя Кальтенбруннера, когда он оказался преемником адмирала Канариса[131].

Кауффман: Вы вспоминаете назначение его начальником главного управления безопасности Рейха в январе 1943?

Кессельринг: Я мог об этом слышать, но у меня нет об этом точных воспоминаний.

Кауффман: Кальтенбруннер заявлял в апреле 1945 о том, что он пытался спасти Австрию от дальнейших актов войны. Вы можете это вспомнить?

Кессельринг: Я лишь слышал о том, что Кальтенбруннер был одним из тех лиц, которые работали ради независимой Австрии, но у меня нет точных, чётких сведений о ситуации.

Кауффман: Более того, Кальтенбруннер заявлял, что он, на основе договорённости с Красным крестом в Женеве, организовал возвращение гражданских заключённых на свою родину через линию огня. Он доводил запрос до вашего ведомства, не до вас лично, о том, чтобы был создан разрыв в боевых порядках, чтобы позволить этим гражданским заключённым вернуться домой. Вы это помните?

---

[131] Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

Кессельринг: Вполне возможно, что такой запрос действительно поступил. Он не поступил ко мне лично, потому что я находился далеко от своего ведомства.

Кауффман: Свидетель, вы вспоминаете, когда в Германии были созданы первые концентрационные лагеря?

Кессельринг: Да. Это было в 1933. Я помню три концентрационных лагеря, но я не знаю точно, когда их создали: Ораниенбург, который я часто проезжал и пролетал, Дахау, который страстно обсуждали в газетах; Веймар-Нора, Веймар, концентрационный лагерь которые я часто пролетал в связи с официальными поездками. Я не помню никакие другие концентрационные лагеря, но, наверное, я могу добавить, что, само собой разумеется, я держался в стороне от слухов, которые особо изобилуют в периоды кризисов, для того, чтобы заниматься собственными обязанностями которые были особо сложными.

Кауффман: По поводу заключённых концентрационных лагерей, у вас есть какое-то чёткое понимание о том, кого сажали в концентрационные лагеря?

Кессельринг: У меня было понимание, не знаю откуда оно у меня возникло, которое казалось мне правдоподобным, а именно, что национал-социалистическая революция должна достигнуть своих целей без жертв, и что политические оппоненты должны быть арестованы до тех пор пока основание нового государства не получило достаточной опоры, при их возвращении в общественную жизнь. Такими были мои сведения о ситуации, из чего я делаю вывод, для того, чтобы ответить на ваш вопрос, о том, что эти люди должны, по большей части, были быть людьми которые находились в оппозиции национал-социалистической идеологии.

Кауффман: Вы, когда-нибудь думали о том, каким было обращение в этих концентрационных лагерях? Какой была ваша концепция по обращению с заключёнными в лагерях? Наверное, была разница в том, что вы думали в ранние или поздние годы?

Кессельринг: Я ничего не знал о методах обращения в этих лагерях. В ранние годы, когда я ещё работал в Германии, были слухи о том, что обращение было нормальным. В последние годы я был за рубежом, то есть, на театрах военных действий вне Германии, и я был настолько далеко, что вообще ничего не знал об этих инцидентах и не запрашивал о них никакой информации.

Кауффман: Следовательно, правильно полагать, что о том, что касалось жестокостей которые действительно происходили, у вас нет сведений?

Кессельринг: Нет, я не имел никаких сведений, даже в марте 1945, когда я стал верховным главнокомандующим на Западе. Даже происшествия в концентрационных лагерях были мне совершенно неизвестны. Это я приписываю двум причинам: первая, личное отношение которое я выразил ранее, о том, что я занимался только собственным делом, которое было само по себе обширным, и второе, что внутри государства возникло полицейское государство, которое было герметично закупорено и закрыто от остального мира.

Кауффман: У вас есть какие-либо сведения о том, что в офицерских кругах было больше сведений, чем вы описали?

Кессельринг: Я находился в самом тесном контакте со своими офицерами и мне не кажется, что было много офицеров которые знали об этих вещах больше меня. Конечно же я не могу сказать об отдельных людях.

Кауффман: Вы знали о том, что Гитлер решил физически уничтожить еврейский народ?

Кессельринг: Это было мне абсолютно неизвестно.

Кауффман: У вас не было частых возможностей обсуждать с Гитлером идеологические вопросы?

Кессельринг: Каждый раз, находясь в ставке, в ходе официальной части беседы обсуждались только военные и похожие вопросы касавшиеся моего театра военных действий. Когда меня приглашали за стол, тогда обычно обсуждались исторические вопросы и вопросы общего интереса, но острые политические проблемы или идеологические вопросы никогда не обсуждались. Лично я не могу вспомнить ни один пример, когда Гитлер влиял на меня, или на других генералов, в отношении того, чтобы объявить себя активными национал-социалистами.

Кауффман: Вы верили в личность Гитлера в том смысле, что Гитлер решился вести немецкий народ к лучшей Германии с соблюдением личной свободы и уважением человеческого достоинства? Какова ваша концепция об этом?

Председатель: Как относится к делу вера свидетеля в подобно рода вещь? Какое отношение это имеет к делу подсудимого Кальтенбруннера? Трибунал считает подобного рода вопрос тратой времени трибунала.

Кауффман: Это верно, что в абсолютистском государстве фюрера которое существовало в Германии была невозможной никакая оппозиция человека вышестоящему приказу?

Кессельринг: В такой форме я не буду это отрицать. Разумеется, можно было противопоставлять собственные взгляды другим взглядам. Но если собственные взгляды признавались неправильными по решению, становилось необходимым полное подчинение, и его исполнение обеспечивалось при определённых обстоятельствах применением уголовного права. Сопротивление этому приказу, или приказу, было, согласно нашим сведениям о личности и отношении Адольфа Гитлера, вне обсуждений и не могло дать никаких результатов.

Кауффман: Не должен ли был человек пытавшийся сопротивляться отданному приказу учитывать не рискует ли он своей жизнью?

Кессельринг: В последние годы такое было совершенно точно.

Кауффман: Вы, когда-нибудь задумывались о том, что в войне нельзя победить, и если да, то когда?

Кессельринг: В 1943 нужно было учитывать, что нельзя будет добиться победоносного мира. Я категорически подчёркиваю, что можно было учитывать

возможность, наблюдая за определёнными организационными или оперативными мерами, что ситуацию ещё можно изменить.

Кауффман: Вы, когда-нибудь обсуждали этот вопрос с кем то важным, сомнения, которые были у вас о продолжении войны?

Кессельринг: В разное время, когда я обсуждал собственный военный сектор, я ссылался на определённые трудности которые могли повлиять на исход войны в целом, однако, в качестве представителя одного сектора, я считал себя не вправе судить обо всей военной обстановке, поскольку я не мог, со своей ограниченной точки зрения, судить об обстановке по поводу производства и организации резервов рабочей силы. И, как я уже сказал, я отказывался, как новичок, делать какие-либо заявления об обстановке, которые при определённых обстоятельства можно было бы считать имевшими подпись фельдмаршала Кессельринга.

Председатель: Будьте любезны объяснить трибуналу, какое отношение имеют последние два или три вопроса к делу Кальтенбруннера?

Кауффман: Тоже самое относится к Кальтенбруннеру, что он не мог, как он сказал, сопротивляться приказу. Это бы означало смерть.

Председатель: Вы спросили свидетеля о том думал ли он во время войны о том сколько продлится война. Какое отношение это имеет к Кальтенбруннеру?

Кауффман: Обвинение вменяет нескольким подсудимым продолжение борьбы несмотря на тот факт, что они знали о её безнадёжности, и затягивании войны. Эту проблему я хочу прояснить последним вопросом.

Председатель: Я не думаю, что это предъявлено конкретно Кальтенбруннеру. Если это ваш последний вопрос, то можете его задать.

Кауффман: Свидетель, если я правильно вас понял, вы пытаетесь объяснить, что ведущим мотивом вашего продолжения борьбы был ваш долг перед страной?

Кессельринг: Само собой. У меня были и другие мотивы. Одним из них было то, что отказывали в возможности политического завершения войны, по крайней мере официально, но я в это верил, и я убеждён в этом и сегодня, что подтверждается тем фактом, что я лично, вместе с обергруппенфюрером Вольфом проводил в Швейцарии переговоры с американцами, для того, чтобы подготовить почву для политической дискуссии с этой целью.

Кауффман: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Другие защитники?

Пелькман: Свидетель, доктор Кауффман спросил вас, имел ли офицерский корпус сведения об условиях и создании концентрационных лагерей. Вам известно, что внутри вооружённых сил имелись так называемые национал-социалистические курсы?

Кессельринг: Да, я знаю об этом.

Пелькман: Могу я спросить вас, известно ли вам, что во время одних из национал-социалистических курсов вооружённых сил, которые проводились с 15 по 23 января

1937, и я ссылаюсь на документ номер PS-1992(а) по поводу концентрационных лагерей, Гиммлер, лидер СС, в присутствии собравшихся офицеров, произнёс речь более менее о следующем:

> «Естественно, мы делаем разницу между заключёнными которые могуть находиться здесь несколько месяцев в воспитательных целях, и тем кто будет находиться здесь длительное время».
>
> Я пропускаю два предложения и перехожу к тому, что считаю важным:
>
> «Приказ начинает с того, чтобы эти люди жили в чистых барраках. Фактически, этого можем добиться только мы, немцы, так как вряд ли есть любая другая нация которая бы действовала также гуманно как и мы. Бельё меняется часто. Людей инструктируют мыться два раза в день, и рекомендуется использовать зубные щётки, вещь, которая неизвестна большинству из них».

Вам известно, чтобы вооружённым силам давались указания подобного рода, которые, как нам сегодня известно, не соответствуют условиям, которые были на самом деле?

Кессельринг: Как я уже сказал, мы вообще не занимались такими вопросами, и эта лекция Гиммлера мне неизвестна.

Пелькман: Неизвестна. Спасибо.

Председатель: Другие защитники хотят задать вопросы? Тогда обвинение может провести перекрёстный допрос.

Джексон: Вы сознаете, давая ваши показания, что вследствие привлечения к ответственности верховного командования и генерального штаба в том составе, в каком это определено в обвинительном заключении, вы обвиняетесь как член этой группы?

Кессельринг: Я понимаю.

Джексон: И что вы фактически даете показания как один из подсудимых.

Кессельринг: Я понимаю это.

Джексон: Вы говорили о создании в Германии полицейского государства национал-социалистической партией, и я хочу спросить вас, не является ли фактом то, что полицейское государство опиралось в очень большой степени на два учреждения: во-первых, — на государственную тайную полицию и, во-вторых, — на концентрационные лагеря?

Кессельринг: Опора на полицию для меня является вполне понятным фактом, С моей точки зрения, концентрационные лагеря являются, в конце концов, средством для достижения цели.

Джексон: И оба эти учреждения — тайная полиция и концентрационные лагеря — были учреждены Германом Герингом?

Кессельринг: Гестапо было организовано Германом Герингом. Сформировал ли его Гиммлер…

Джексон: Оставьте ваши лекции для вашего защитника. Отвечайте лишь на мои вопросы. Были ли концентрационные лагеря также созданы Германом Герингом?

Кессельринг: Я этого не знаю.

Джексон: Вы не знаете этого? Одобряли ли вы полицейское государство?

Кессельринг: То, что в государстве было создано государство, я считал ненормальным с учётом немецких концепций, т. к. в силу этого некоторые вещи оставались скрытыми от общественности.

Джексон: Можете ли вы указать на что-либо, что вы лично сделали публично для того, чтобы предотвратить эти ненормальные условия, которые создавались в Германии?

Кессельринг: Я не помню ничего, кроме того, что я в разговорах с моими начальниками, может быть, когда-нибудь говорил по этому поводу. Но я прямо подчеркиваю, что в целом я ограничивался собственной сферой и собственными задачами.

Джексон: Вы хотите заставить трибунал поверить тому, что вы никогда не знали о том, что государством велась кампания по преследованию евреев в Германии? Вы хотите, чтобы мы ваше показание поняли таким образом?

Кессельринг: О преследовании евреев как таковом я ничего не знал.

Джексон: Является ли фактом, что офицеры-евреи были исключены из вашей армии и также из вашего командования?

Кессельринг: Евреев-офицеров не было.

Джексон: Не являлось ли фактом, что некоторые офицеры вашей армии, некоторые офицеры военно-воздушных сил предпринимали шаги для того, чтобы доказать, что они арийцы, и таким образом избежать того, чтобы подпасть под действие декретов Геринга? Вы знали об этом?

Кессельринг: Об этом я знал по слухам.

Джексон: И для того чтобы считаться чистыми арийцами в тех случаях, когда их отцы подозревались в еврейском происхождении, они старались доказать, что их законный отец не являлся их настоящим отцом?

Кессельринг: Да, это так. Естественно были и другие случаи.

Джексон: Да. Могло быть, что мать подозревали в еврейских потомках?

Кессельринг: Что в исключительных случаях на отдельные факты закрывали глаза.

Джексон: Да. Вам, что-нибудь известно о еврейских мятежах, антиеврейских мятежах 9-го и 10-го ноября 1938 в Германии?

Кессельринг: Вы говорите о «зеркальной акции»? Я не уверен про какой день вы говорите.

Джексон: Я говорю о мятежах в которы сжигались синагоги, которые разозлили Геринга. Вы не слышали об этом в 1938?

Кессельринг: Нет, я ничего об этом не слышал.

Джексон: Где вы находились в 1938?

Кессельринг: В 1938 я находился в Дрездене.
Джексон: В ноябре?
Кессельринг: В ноябре я находился в Берлине в качестве начальника воздушных сил.
Джексон: В Берлине. И вы никогда не слышали об антиеврейских мятежах 9-го и 10-го ноября 1938?
Кессельринг: Я слышал только о так называемой «зеркальной» или «стеклянной кампании».
Джексон: В чём она заключалась? Вы меня запутали. Я не ничего не знаю об этом названии.
Кессельринг: Разбивались окна магазинов и более того, это приняло довольно большой размах в Берлине.
Джексон: Значит, вы слышали об антиеврейских мятежах?
Кессельринг: Об этих, да.
Джексон: И вы слышали о том, что Герман Геринг издал указ о конфискации страховок предназначенных в виде компенсаций для тех евреев которые владели магазинами? Вы слышали об акции Геринга в таком отношении?
Кессельринг: Я не совсем понял. Могу я попросить повторить?
Джексон: Вы слышали о распоряжении изданном Германом Герингом несколькими днями спустя, 12 ноября, если быть точным, о конфискации страховок жертв налётов и наложении на еврейское сообщество штрафа в размере миллиард рейхсмарок?
Кессельринг: Возможно, что тогда я об этом слышал, но сейчас у меня нет точных воспоминаний.
Джексон: Но вы слышали об этом. Вы не считали эти вещи преследованием?
Кессельринг: Естественно я должен считать эту «стеклянную кампанию» в качестве эксцесса против евреев.
Джексон: Вы сказали, как я понял, основываясь на вашем опыте с Гитлером, что офицерам допускалось иметь с ним разногласия до тех пор, пока они подчинялись его приказам. Вы хотите, чтобы это так понимали?
Кессельринг: Я должен извиниться, но я не совсем понял последнюю часть предложения.
Джексон: Я понял из ваших показаний этим утром, что вы ощущали полную свободу не соглашаться с Гитлером и делать ему предложения и предоставлять ему информацию, но, что после того как он продумал и отдал приказ, оставалось подчиняться. То есть…
Кессельринг: Да.
Джексон: То есть, офицер всегда имел возможность пойти к Гитлеру и предоставить ему техническую информацию, такую как состояние готовности своего рода войск?

Кессельринг: В целом, нет. Для этой цели соответствующие главнокомандующие родами вооружённых сил были такими людьми.

Джексон: Значит единственным каналом через который информация о состоянии воздушных сил поступала к Гитлеру был Герман Геринг, это так?

Кессельринг: Герман Геринг, и время от времени, государственный секретарь Мильх, заместитель рейхсмаршала.

Джексон: Если Гитлер собирался вступить в войну, к которой воздушный флот не был подготовлен согласно вашей информации о существовавшем положении, то было ли возможным для офицеров военно-воздушных сил сообщить Гитлеру об этом факте?

Кессельринг: Мы питали абсолютное доверие к нашему рейхсмаршалу и знали, что он является единственным лицом, которое оказывало некоторое влияние на Адольфа Гитлера. Таким образом, мы знали, поскольку мы также знали о его мирном отношении, что мы в полной безопасности, и мы полагались на это.

Джексон: Затем настало время, когда вы отправились на Восток в качестве командующего, не так ли? Вы отправились в Польшу и затем в Советскую Россию, не так ли?

Кессельринг: Да, в Польшу и Россию, так точно.

Джексон: Считали ли офицеры, участвовавшие в польской и русской кампаниях, что правила Гаагской конвенции не должны были применяться в отношении Советской России?

Кессельринг: Это не было мне известно.

Джексон: Вы показали, что военно-воздушные силы были только оборонительным оружием. Это ваши показания?

Кессельринг: Так точно.

Джексон: Какова же была военная сила Германии в начале польской кампании в различных типах самолетов?

Кессельринг: Поскольку я не принадлежал к генеральному штабу, я могу дать только приблизительные сведения. Я не могу отвечать перед историей за них. У нас было около 3000 боевых самолетов. Насколько я могу вспомнить, всего было около 30—40 групп бомбардировщиков, такое же количество истребителей и 10 групп пикирующих бомбардировщиков, истребители…

Джексон: Назовите количество самолетов в каждой группе.

Кессельринг: Всего 30 самолетов, из которых к концу дня примерно оставалось семь, шесть или пять. Продолжая, я должен сказать, что было около 10—12 групп пикирующих бомбардировщиков, включая сюда штурмовики и истребители-бомбардировщики. Кроме того, в это число входят самолеты-разведчики и самолеты морской авиации.

Джексон: Таким образом, соотношение бомбардировщиков к истребителям было приблизительно два к одному, не так ли?

Кессельринг: Пропорция бомбардировщиков к истребителям была приблизительно один к одному или одной целой, двум десятым. Я сказал 30-40 и около 30 групп истребителей. Если я включаю двухмоторные истребители, тогда цифра будет один к одному.

Кессельринг: Таким образом, получается в итоге около 3000 самолетов?

Кессельринг: Я могу назвать эту цифру, так как, в течение месяцев спокойных воспоминаний, я прикидывал эти подсчеты. Но мое утверждение не является исторической истиной.

Джексон: Считаете ли вы бомбардировщики оборонительным или наступательным оружием?

Кессельринг: Бомбардировщики, так же как и истребители и пикирующие бомбардировщики, являются оборонительным оружием и в то же время наступательным оружием. Вчера я говорил о том, что, независимо от того, является ли авиация оборонительной или наступательной, общие ее задачи должны разрешаться наступательными действиями. Авиация, которая располагает только лёгкими самолетами, обречена на уничтожение, так как она не может подавить авиационной промышленности противника, поражать его районы авиационного развертывания и движение войск на различных участках обширного театра военных действий.

Джексон: Другими словами, Люфтваффе служили как оборонительное оружие при обороне и как оружие наступательное при наступлении. Это правильно?

Кессельринг: Я не понял последнюю половину предложения.

Джексон: Люфтваффе служили как оборонительное оружие при обороне и как оружие наступательное при наступлении. Это правильно?

Кессельринг: Можно и так выразиться. Но я бы сказал иначе. Я уже говорил, что авиация по существу является наступательным оружием, независимо от того, применяется, ли она в обороне или наступлении.

Джексон: Думаю, вы улучшили мою фразу. Итак, в Нидерландах, в Польше…

Кессельринг: Могу я кое-что сказать об этом?

Джексон: Да, да.

Кессельринг: А именно: вчера я в самом конце сказал, что значимыми в наступательной воздушной войне являются дальние четырёхмоторные тяжёлые бомбардировщики и у Германии таких не было.

Джексон: Как же получилось, что у Германии их не было?

Кессельринг: Во-первых, находясь в состоянии угрозы, мы ограничивались только абсолютно необходимыми оборонительными воздушными силами.

Во-вторых, мы пытались следуя своим характеристикам, добиваться как можно более точной бомбардировки, другими словами, путём пикирования, используя минимум военного сырья, и я думаю здесь о Ю-88 как о типичном образце этого.

Джексон: Вы были допрошены 28 июня 1945 г. следователем Соединенных Штатов в управлении разведки бомбардировочной авиации дальнего действия? Вы припоминаете это?

Кессельринг: Да, конечно.

Джексон: Что же, это так?

Кессельринг: Меня часто допрашивали.

Джексон: Я спрашиваю вас: 28 июня 1945 г., вы сказали офицеру управления разведки бомбардировочной авиации дальнего действия Соединенных Штатов, который вас допрашивал следующее:

> «Все было сделано для того, чтобы сделать германские военно-воздушные силы в отношении личного летного состава, боевых качеств самолетов, зенитной артиллерии, авиационной разведки и т. д. наиболее грозными в мире. Это усилие привело к тому факту, что в начале войны или, самое позднее, в 1940 году мы имели исключительно высококачественный флот, истребители, бомбардировщики, пикирующие бомбардировщики, хотя общая картина не была однородной».
>
> Вы дали такое показание?

Кессельринг: Этого мнения я придерживаюсь и по сегодняшний день. В отношении материальной части перехватчиков, пикирующих бомбардировщиков и истребителей мы действительно находились в преимущественном положении по отношению к другим государствам.

Джексон: Теперь о неспособности иметь ряд четырёхмоторных бомбардировщиков, это было из-за ваших мирных намерений, или было из-за ошибки в суждении о том какими будут потребности войны?

Кессельринг: На это я должен сказать следующее: это было бы безумием со стороны руководства воздушными силами учитывать производство законченных воздушных сил за 3-4 года. Это было в 1940, как самое ранне, что существовала возможность строительства эффективных воздушных сил, которые бы соответствовали всем требованиям. На мой взгляд, по этой причине, это было чудесным организационным достижением добиться такой эффективности при существовавших ограничениях.

Джексон: Я понял, что вы приводите в качестве одной из характеристик ваших неагрессивных намерений тот факт, что вы не имели адекватного количества четырёхмоторных бомбардировщиков к началу войны. Я вас неправильно понял?

Кессельринг: Это отрезок общей истории. Мощь воздушных сил была в сравнении с небольшиими государствами достаточной, однако, разумеется не в сравнении с мощными оппонентами которые была полностью оснащены авиацией.

У меня в памяти есть пример. В жаркой дискуссии с рейхсмаршалом, перед началом русской кампании, я просил усиления истребителями и

пикирующими бомбардировщиками. По определённым причинам в этом было отказано. Определёнными причинами были, во-первых, недостаток материалов, и во-вторых, что я также понял из беседы, то, что рейхсмаршал был не согласен с этой кампанией.

Джексон: Вы давали показания бомбардировочной следственной комиссии Соединнённых Штатов о том, что планировали строить дальние тяжёлые бомбардировщики, и я цитирую ваши слова:

> «Мы разработали Хе-111 и Ю-88 и они действительно участвовали в боях в качестве дальних тяжёлых бомбардировщиков. Ю-88 применялся во французской кампании и против Англии.
>
> Вопрос: Ю-88 не является дальним бомбардировщиком?»
>
> Ваш ответ:
>
> «Тогда он считался дальним бомбардировщиком, но, к сожалению у нас было плохое мнение о четырёхмоторных самолётах, и ошибочная уверенность, которая оказалась ошибкой в последующие годы».
>
> Это правда?

Кессельринг: Могу я сказать следующее: это являлось концепцией служебного управления, решения по всем этим вопросам принимались в высшем служебном управлении.

Джексон: Высшее служебное управление совершило ошибку в использовании четырёхмоторных бомбардировщиков?

Кессельринг: Что же, глядя на ситуацию ретроспективно, должен сказать, что отсутствие четырёхмоторных бомбардировщиков оказалось крайне неприятным.

Джексон: И высшей властью в авиационной промышленности был Герман Геринг. Он являлся главой общего плана авиационного производства, не так ли?

Кессельринг: Да, это верно, но это не исключает тот факт, что ошибочные концепции об отдельных мерах по ведению войны или организационных мерах могут временно существовать.

Джексон: Вы участвовали в польской кампании, как вы сказали?

Кессельринг: Да.

Джексон: Является ли фактом, что германские военно-воздушные силы внесли решающий вклад в эту кампанию, что сказалось в количестве времени, которое потребовалось для того, чтобы победить Польшу?

Кессельринг: С точки зрения офицера авиации, я должен, безусловно, подтвердить это мнение. Но офицеры сухопутных войск не полностью разделяли это мнение.

Джексон: Хорошо, сейчас вы высказываете ваше мнение. В этой кампании вы развили технику нападений истребителей, легких бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков на колонны войск, находившиеся на марше и тем содействовали успеху в этом наступлении?

Кессельринг: Я должен признать это. Основы техники ближних бомбардировок

были впервые заложены в Польше.
Джексон: Сейчас я обращаюсь к французской кампании. Во время французской кампании вы были в военно-воздушных силах, не так ли?
Кессельринг: Да.
Джексон: И военно-воздушные силы внесли решающий вклад в успех этой кампании, не так ли?
Кессельринг: С точки зрения офицера авиации, я также должен подтвердить правильность этого мнения.
Джексон: И вы показали, не так ли, что Дюнкерк[132] не был бы такой катастрофой, если бы там не действовал военно-воздушный флот, — это правильно, не так ли?
Кессельринг: Да, с моей точки зрения, это было так. Имелись бы еще большие результаты, если бы нашим операциям не мешали бы плохие метеорологические условия.
Джексон: То есть, что катастрофа для англичан была бы еще большей, если бы не плохие метеорологические условия? Ваш воздушный флот мог бы лучше действовать в Дюнкерке, чем это имело место, с вашей точки зрения?
Кессельринг: Примерно два дня мы были обречены на бездействие.
Джексон: Вы были одним из главных защитников плана вторжения в Англию, не так ли?
Кессельринг: Я лично считаю, что война могла быть наверняка доведена до конца только в том случае, если бы имело место вторжение.
Джексон: И у вас были достаточные военно-воздушные силы после того, как вы захватили Польшу, Голландию, Францию и Бельгию, для того чтобы вы все еще выступали в защиту плана вторжения в Англию, не так ли?
Кессельринг: Я хотел бы по этому поводу сделать следующее заявление.
Джексон: Прежде всего вы должны ответить, правда ли это?
Председатель: Свидетель, поймите пожалуйста, что вы сначала должны отвечать на вопрос, а затем давать пояснение. Каждый вопрос или почти каждый вопрос, предполагает утвердительный или отрицательный ответ, и будьте любезны сначала давать ответ, а затем ваше пояснение.
Джексон: Не выступали ли вы в защиту вторжения в Англию, и не был ли воздушный флот готов вторгнуться в Англию?
Кессельринг: Авиация была, при известных условиях, готова выполнить эту задачу, если учесть имевшееся тогда соотношение сил.
Джексон: И вы усиленно рекомендовали рейхсмаршалу, чтобы это вторжение имело место немедленно после Дюнкерка, не так ли?
Кессельринг: Да, этой точки зрения я придерживаюсь и теперь.

---

[132] Битва за Дюнкерк — сражение Второй мировой войны между войсками Союзников и Германии, произошедшее 26 мая — 4 июня 1940 года во время Французской кампании Вермахта. В результате поражения английские войска были вынуждены эвакуироваться из Франции.

Джексон: И приготовления военно-воздушных сил для этого вторжения были уже закончены, и вторжение было отменено только потому, что оснащение морскими транспортными средствами было недостаточным?
Кессельринг: Да, так точно. Я должен добавить к тому, что я уже сказал, что должна была наступить определенная передышка между французским и английским походами для того, чтобы восстановить материальную часть авиации.
Джексон: Вы также сказали о том, что Гитлер приказал бомбардировать не только военные объекты, включая промышленные предприятия, но также и политические объекты. Это правильно?
Кессельринг: Начиная с определенного периода, — да.
Джексон: То есть для того, чтобы парализовать правительство врага? Это вы имели в виду, говоря о политическом объекте, не так ли?
Кессельринг: Нет, этого я не имел в виду, когда говорил о политических целях. Я иначе ответил на вопрос. Этот приказ начал действовать начиная лишь с более позднего момента.
Джексон: Вы присутствовали при произнесении Гитлером речи в августе 1939 года?
Кессельринг: Так точно.
Джексон: В то время вас информировали о том, что нападение на Польшу начнется немедленно или очень скоро?
Кессельринг: Во время совещания не было еще принято окончательного решения о начале польской кампании. Велись еще переговоры, и мы надеялись, что они могут еще привести к благоприятным результатам.
Джексон: Вам было приказано 15 августа привести в готовность военно-воздушный флот для нападения на Польшу?
Кессельринг: Этого приказа я не знаю в деталях, но то, что мы уже за несколько месяцев до этого в общем оборонительном смысле осуществляли подготовку авиации и авиационных баз, мысленно готовились к войне, — это я должен подтвердить.
Джексон: Вы ожидали, что Польша нападет на Германию с воздуха? Вы это хотите сказать?
Кессельринг: Во всяком случае, с этой возможностью мы также считались. Общая политическая обстановка была слишком неясной для того, чтобы принять решение по этому вопросу.
Джексон: Вы сказали, что вы никогда не участвовали в совещаниях с руководителями партии, не обсуждали с ними политические вопросы и вообще не вступали в какой-либо контакт с политиками. Вы так сказали?
Кессельринг: В основном — да.
Джексон: Не был ли ваш непосредственный начальник политиком № 2 в Германии? Разве вы об этом не знали?
Кессельринг: Я это знал, но я должен категорически заявить, что эти беседы,

которые я вел с рейхсмаршалом, на 99 процентов носили военный и организационный характер.
Джексон: Но вам было известно, что он во все времена был одним из руководителей нацистской политики?
Кессельринг: Да.
Джексон: Вы показали, что вам был известен приказ о расстреле советских комиссаров?
Кессельринг: Так точно.
Джексон: И что вы не одобряли его и что вы не проводили его в жизнь?
Кессельринг: В таком духе я вчера не высказывался.
Джексон: Каков же был ваш ответ?
Кессельринг: Я сказал следующее: «Так как авиация не относилась к наземным войскам, она не участвовала в этом деле, я не помню официального сообщения об этом приказе».
Джексон: Кто приводил в исполнение этот приказ? Кто должен был приводить его в исполнение?
Кессельринг: Я только до ноября 1941 года был в России и поэтому не могу дать показаний по этому поводу.
Джексон: Слышали ли вы когда-нибудь об СС?
Кессельринг: Да, безусловно.
Джексон: Не является ли фактом, что выполнение этого приказа было поручено СС?
Кессельринг: Об этом я ничего не знал.
Джексон: Как вы думаете, для чего существовали СС?
Кессельринг: Насколько я знаю, в тех случаях, когда СС участвовали в проведении военных операций, они являлись частью сухопутных сил, а именно — гвардией сухопутных сил.
Джексон: СС должны были охранять армию или еще кого-либо?
Кессельринг: Нет, я имею в виду, что дивизии СС по численному составу и материальной части значительно превосходили дивизии сухопутных сил.
Джексон: Кто был начальником СС?
Кессельринг: Гиммлер был начальником СС. В тех случаях, когда эти дивизии находились в составе армий, они в тактическом отношении подчинялись командованию группы армий, армии, корпуса и т. д.
Джексон: А при исполнении особых заданий они подчинялись Гиммлеру, — это правильно?
Кессельринг: Так точно. Очень чёткое разграничение.
Джексон: Вчера вы дали показания о том, что не считали приказ Гитлера о коммандос обязывающим вас, и о том, что вы не исполняли этот приказ, правильно?
Кессельринг: На средиземноморском театре военных действий, да.

Джексон: Это было из-за того, что приказ оставял вопрос на ваше усмотрение, или потому что вы взяли усмотрение в свои руки?

Кессельринг: Я оставил эти соображения за собой, в первую очередь по идеологическим соображениям и во-вторых в Средиземноморье у меня было, как я вчера сказал, двойственное командование, и немецкие приказы не могли применяться в общей администрации без изменений.

Джексон: Что же, степень в которой исполнялся подобный приказ зависела от характера и отваги офицера, который его получил, не так ли?

Кессельринг: Я хочу выразиться немного по-другому. Эти приказы можно было интерпретировать различными способами, например приказ о коммандос, постольку поскольку, разумеется, главнокомандующий мог рассматривать операцию и как специальную задачу и как тактическое мероприятие которое являлось оправаданным с военной точки зрения.

Джексон: Тогда вы были командующим в Италии, не так ли, во время приказа о коммандос?

Кессельринг: С разницей, что я не имел полных полномочий до сентября 1943.

Джексон: Я прошу, чтобы вам показали документ номер PS-498 приобщенный в качестве доказательства как USA-501.

Я обращаю ваше внимание на абзац номер 6 этого приказа который гласит следующее:

> «Я возлагаю ответственность по закону военного времени, за неисполнение данного приказа на всех командиров и офицеров которые либо пренебрегли своей обязанностью проинструктировать войска об этом приказе или действовали вопреки данному приказу в случае необходимости его применения».

Вы видите этот абзац приказа?

Кессельринг: Да, я прочёл его.

Джексон: Итак, вы, когда-либо сообщали о том, что не исполняли данный приказ или вы обманывали своих вышестоящих офицеров в вопросе его исполнения?

Кессельринг: В одном особом случае, этим вопросом особо решительно занялись в ставке. Это касалось акции коммандос «Пескара», в которой Адольф Гитлер приказал расстрелять нескольких людей за то, что мы, мои войска и я, хотели пощадить их. Я думаю здесь особенно влияние Йодля, в качестве посредника, было решающим, а именно, о том, чтобы эту тему сняли и впоследствии эти люди остались в живых, в госпиталях и лагерях военнопленных.

Однако я бы не стал называть это обманом, тем словом которое использовали вы, так как я хочу подчеркнуть, что в своем военном секторе, я считал подобные акции в качестве руководящих приказов и этот приказ о коммандос разумеется, допускался в нескольих интерпретациях.

Джексон: Другими словами, степень, в которой исполнялись эти приказы, зависела

от заинтересованных командиров, правильно, так что Гитлер не мог полагаться на то, что этот приказ будет исполняться столь же категорично как он исполнялся его командирами? Таким было состояние германской армии?

Кессельринг: Нет, не таким, но обстановку можно объяснить следующим образом, если с одной стороны, армия сообщала о такой операции вышестоящему начальнику как об операции коммандос в смысле этого приказа, тогда следовало предпринимать необходимые меры. Однако, это зависело от того как об этом докладывали заинтересованные части, и я уже вчера подробно объяснил, что постепенно возникла единая концепция о том, что люди в форме, которые выполняли тактические задачи, не являлись коммандос в смысле данного приказа.

Джексон: Сегодня вы дали показания и другой свидетель дал показания, о том, что если существовало сопротивление приказу Адольфа Гитлера это означало смерть. Вы также дали показания о том, что абсолютный приказ о казни коммандос, под угрозой наказания в случае невыполнения, оставлял вам усмотрение выполнять его или нет, и я хочу, чтобы вы окончательно сказали трибуналу, что является фактом, и тогда мы оставим эту тему.

Кессельринг: Я должен повторить то, что уже сказал, а именно, что итальянский театр военных действий нельзя сравнивать с другими театрами военных действий. Посредством взаимодействия Гитлера и Муссолини всегда имелось обязывающие отношение, следовательно, приказы изданные ОКВ нельзя было просто применять на итальянском театре военных действий.

Джексон: Значит, насколько вам известно, они применялись повсюду за исключением итальянского театра?

Кессельринг: Я не могу этого сказать. Я постоянно объяснял, что ограничивал себя исключительно собственным оперативным участком, который был значительным.

Джексон: Вы дали показания, как я вас понял, что вы наказывали ваших солдат за грабежи в Италии.

Кессельринг: Как только я слышал о таких случаях, я наказывал их, и решительно приказывал командирам армии и командирам воздушных сил делать тоже самое.

Джексон: Итак, наказание за какой-либо грабёж было очень мягким, не так ли?

Кессельринг: Я доходил до того, что расстреливал виновников на месте, и что таким образом я исправлял возникший беспорядок.

Джексон: Значит, немецкий генерал, рассматривая немецкого солдата, считает расстрел правильным наказанием за грабеж?

Кессельринг: Это весьма далекоидущие заключения которые я не могу признать. По этой теме я могу сделать следующие замечания: Если армия – как было тогда дело с 14-й армией, оказывается в беспорядке, в интересах репутации армии и ради населения являются оправданными самые серьёзные меры, для того, чтобы добиться порядка среди мирного населения. У меня были жаркие дискуссии в ставке, конкретно об этом.

Кроме этого, у меня было мнение, что все наказания являются бесполезными, и следовательно, некоторое время я считал наказания чисто воспитальным средством, но не наказанием по сути. Соответственно, некоторое время, наказания были довольно мягкими.

Джексон: Вы дали показания о том, что предпринимали решительные шаги для защиты культурных сокровищ Италии.

Кессельринг: Постольку поскольку я знал о культурных сокровищах, да.

Джексон: Какие шаги вы предпринимали и против кого вы их предпринимали?

Кессельринг: В основном это были превентивные меры: первое, исключая культурные места из мест боевых действий, второе, освобождением этих мест если они подвергались воздушным налётам противника, и третье, во взаимодействии с генералом Вольфом и вывозя культурные сокровища в безопасные места. Я говорю о сокровищах искусства Кассино и Флоренции.

Джексон: Вам известно, что культурные сокровища были вывезены например из Монте-Кассино и увезены в Берлин?

Кессельринг: Гораздо позже, в Мондорфе, я услышал об этом. Всё, что я смог вспомнить это, то, что их передали Ватикану в Риме.

Джексон: Ах. Вам известно, что сокровища искусства из Монте-Кассино были вывезены и доставлены Герингу? Вы об этом, когда-нибудь слышали?

Кессельринг: Я однажды, что-то слышал о какой-то статуе святого, но я не могу предоставить вам подробности.

Джексон: И то, что Геринг получил такую вещь из Монте-Кассино, не являлось нарушением ваших приказов?

Кессельринг: Дивизия «Герман Геринг» дислоцировалась в данном секторе. Она была под командованием бывшего адъютанта Германа Геринга, и ясно, что существовала некоторая связь, но я не могу сказать в какой мере.

Джексон: У меня есть ещё несколько вопросов по поводу ваших допросов.

Председатель: Наверное, лучше прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Джексон: Уважаемый суд, я думаю, что мы сэкономим задвоение, наверное сэкономим время, если я позову сэра Дэвида Максвелл-Файфа, который подготовился к тем темам к которым готовился я. Я думаю он лучше проведёт допрос.

Председатель: Как угодно, господин судья Джексон.

Максвелл-Файф: Свидетель, вам сообщили, почему доктор Штамер хотел, чтобы вы дали показания? Говорил ли вам доктор Штамер, по каким вопросам вы должны были дать показания?

Кессельринг: Отдельные пункты мне были сообщены без того, чтобы все вопросы

были мне ясно истолкованы.

Максвелл-Файф: Я хочу зачитать вам одну фразу с тем, чтобы вы имели ее в виду. Эта фраза из заявления доктора Штамера:

> «Когда Роттердам в мае 1940 года стал районом боевых действий, тогда использование бомбардировщиков стало военной необходимостью, поскольку окруженные парашютные войска, которые не имели поддержки артиллерии, настойчиво просили о помощи бомбардировщиков».

Вы помните этот случай? Я хочу, чтобы вы имели его в виду.

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Вы помните, что вас спрашивали об этом случае во время допроса 28 января в управлении стратегической разведки авиации дальнего действия Соединенных Штатов? Вы помните это?

Кессельринг: Так точно.

Максвелл-Файф: Ответили ли вы на вопрос, что вы можете сказать о Роттердаме следующее:

> «Ответ: Во-первых, Роттердам оборонялся в тех частях его, которые впоследствии подверглись нападению. Во-вторых, в этом случае можно было заметить, что нужно было, проявить решительность. Это одно нападение немедленно принесло мир Голландии. О нем просил Модель[133], и оно было одобрено ОКВ. Лишь очень маленькая часть центра Роттердама подверглась нападению».

Вы помните, что вы сказали это?

Кессельринг: Я сказал приблизительно так и вчера повторил эти слова.

Максвелл-Файф: Я прежде всего хочу рассмотреть стратегическую сторону вопроса. Тактической стороны я коснусь позднее. Вашей стратегической целью и подлинной задачей было проявить решительность и обеспечить немедленный мир — это правильно?

Кессельринг: Такая широкая задача не была поставлена передо мной. Генерал Веннингер сообщил мне, что в результате этого нападения Голландия согласилась на полную капитуляцию.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы вспомнили ваши собственные слова. Это было одобрено ОКВ, нужно было проявить решительность. Разве вашей целью в этом нападении не было обеспечить себе стратегическое преимущество, терроризировав жителей Роттердама?

Кессельринг: Это я должен отрицать с совершенно чистой совестью. Даже в Мондорфе я не говорил, что я должен занять твердую позицию, а я только сказал,

---

[133] Вальтер Модель (1891 — 1945) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал. В октябре 1939 – ноябре 1940 начальник штаба 16-й армии во время французской кампании. Покончил жизнь самоубийством находясь в окружении войсками союзников.

что поддержка, которая была затребована генералом Штудентом, должна была быть оказана. У меня была только одна задача, а именно задача артиллерийской поддержки войск Штудента.

Максвелл-Файф: Что вы хотели сказать словами: «Нужно было занять твердую позицию, проявить решительность», — если вы не хотели сказать, что народ Голландии путем террора должен был быть принужден к миру?

Кессельринг: Разрешите мне повторить еще раз, что и понятие «твердой позиции» противоречит моему стилю выражать свои мысли. Я не могу вспомнить этих слов в протоколе, да он и не был мне зачитан.

Максвелл-Файф: Как вы думаете, что же вы сказали вместо слова «твердая позиция», если вы не употребили их?

Кессельринг: Я сказал, что самые решительные меры ведут к быстрейшему достижению успеха.

Максвелл-Файф: Именно так я ставлю перед вами этот вопрос, свидетель, — «самые решительные меры»…

Кессельринг: Но только для достижения тактических успехов. Разрешите мне еще раз подчеркнуть, что я солдат, а не политик, и я не действовал как политик. В тот момент я действовал соответственно требованиям генерала Штудента.

Максвелл-Файф: До того как я перейду к тактическим вопросам, я прошу Вас ответить, приходилось ли вам вообще работать с подсудимым Редером? Вообще, вы должны были работать с Рёдером?

Кессельринг: Адмиралом Рёдером? Да, но лишь в вопросах большого масштаба, в той мере, в какой это затрагивало морские вопросы.

Максвелл-Файф: Я хочу только, чтобы вы выслушали изложение тех взглядов, которые высказывали подсудимый Рёдер, и сказали бы трибуналу, согласны ли вы с ними. Этот документ, предъявляемый Великобританией под № GB-224, экземпляр С-157, изложенный в стенограмме суда на странице 2735[134]. А сейчас, будьте любезны, слушайте внимательно.

> «Желательно основывать все принимаемые военные меры на соответствующем международном праве. Однако те меры, которые считаются необходимыми с военной точки зрения, если они обеспечивают решающий успех, должны приниматься даже в тех случаях, когда они не предусмотрены международным правом».
>
> Вы согласны с этим?

Кессельринг: Я не могу сказать, чтобы я был полностью согласен. Что касается Роттердама, условия были прямо противоположными.

Максвелл-Файф: Хорошо, на минуту обратимся к словам подсудимого Рёдера. Вы согласны с ними?

---

[134] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV/ Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 277-278.

Кессельринг: Нет.

Латернзер: У меня имеется возражение. Я возражаю предыдущему и настоящему вопросу, потому что они не относятся к делу, и во-вторых, потому что они не относятся к фактам, а к мнениям. Свидетель здесь должен давать показания о фактах.

Максвелл-Файф: Милорд, свидетель здесь, и как я аккуратно заметил, рассматривается вопрос военной необходимости.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал считает, что вопрос в той форме в которой вы его задали может вызвать возражения, представлением взглядов подсудимого Рёдера.

Максвелл-Файф: Конечно, я повинуюсь трибуналу, но данный свидетель вызван для того, чтобы сказать о том в чём заключалась военная необходимость. Я спросил о том, согласен он или нет с точкой зрения одного из своих коллег на то, что является военной необходимостью. Если у трибунал есть какие-либо сомнения, я его опущу. Но вопрос военной необходимости является тем который трибунал должен рассмотреть со всех сторон, и я покорно не буду оставлять это положение, которое пройдёт через все вопросы которые я задам по другими темам.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я перехожу к тактическому положению в Роттердаме. Вы расскажите трибуналу о том какие офицеры участвовали в этом? Был генерал-лейтенант Шмидт[135] и с ним генерал-майор Штудент, которые были ответственными за войска атаковавшие Роттердам. Вы это помните?

Кессельринг: Только генерала Штудента. Генерал Шмидт мне не знаком.

Максвелл-Файф: Что же, показания данные об этом деле говорят о том, что переговоры, условия капитуляции, были действительно написаны генерал-лейтенантом Шмидтом на сыроварне рядом с Роттердамом. Я полагаю он должен был быть начальником генерала Штудента, не так ли?

Кессельринг: Генерал Штудент являлся старшим немецким офицером в секторе Роттердама и ответственным командиром. Генерал Шмидт мне не знаком.

Максвелл-Файф: Значит, генерал Шмидт был младше генерала Штудента, не так ли?

Кессельринг: Может его специально позвали, но я его не знаю.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы подумали о времени. Вам известно, в каком часу началась бомбардировка Роттердама?

Кессельринг: Насколько я знаю, после полудня, около 14 часов.

Максвелл-Файф: Я намеревался назвать вам время — 13.30.

Кессельринг: Очень возможно.

Максвелл-Файф: Известно ли вам, что переговоры о капитуляции начались с 10.30 утра?

---

[135] Рудольф Шмидт (1886 — 1957) — немецкий военный деятель, генерал-полковник. В феврале 1940 – июне 1941 командир 39-го танкового корпуса. Советским судом осуждён к 25 годам лишения свободы. Освобожден в 1955.

Кессельринг: Нет, как я уже сказал вчера, об этом я ничего не знаю.

Максвелл-Файф: Известно ли вам, что в 12.15 голландский офицер капитан Беккер направился к германской линии, где встретил генерала Шмидта и генерала Штудента и что генерал Шмидт письменно изложил условия предложенной капитуляции в 12.35?

Кессельринг: Нет. Мне это неизвестно.

Максвелл-Файф: Вам никогда об этом не говорили?

Кессельринг: Нет, никогда ничего не сообщали, по крайней мере, я не помню этого.

Максвелл-Файф: Видите ли, свидетель, это произошло за 35 минут до начала бомбардировки…

Кессельринг: Самое существенное для нас могло быть то, если бы генерал Штудент отказался от этой атаки. Но она все-таки произошла. Приказа об отмене не поступило ни ко мне, ни в соединение.

Максвелл-Файф: Я хочу только, чтобы вы вспомнили о некоторых фактах, и затем я задам вам ряд вопросов. Для ответа на условия, которые обсуждались в 12.35. Ответ должен был поступить до 16.20. После того как капитан Беккер уехал в 13.22, увозя с собой условия капитуляции, в 13.25 германскими наземными войсками под командованием генерала Штудента были выпущены две красные ракеты. Вы когда-нибудь слышали об этом?

Кессельринг: Об этих фактах я тоже ничего не слышал. Двух красных ракет было бы недостаточно для этой цели.

Максвелл-Файф: Правильно. Но в дополнение к этому ваши наземные войска имели великолепную радиосвязь с вашими самолетами, — не так ли? Вы ответите на мой вопрос?

Кессельринг: Вчера я уже заявил...

Максвелл-Файф: Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

Кессельринг: Да и нет. Насколько я знаю, непосредственной связи между наземной базой и самолетами не было. Как я уже показал вчера, связь между командным пунктом и авиационным соединением осуществлялась через наземную базу.

Максвелл-Файф: Если нужно было бы передать сообщение воздушному флоту и прекратить бомбардировку, это легко могло быть сделано по радио, не пуская этих двух красных ракет?

Кессельринг: По моему мнению, да.

Максвелл-Файф: Итак, я заявляю вам, что все видели приближавшиеся бомбардировщики. Вы знаете это? Генерал Штудент видел приближавшиеся бомбардировщики. Вы знаете это, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Если бы этот налет имел какое-либо тактическое значение в деле оказания помощи вашим войскам, он мог бы быть отменен, — не так ли?

Кессельринг: Я не понял последнего предложения.

Максвелл-Файф: Если бы цель этого нападения была только тактической, то есть оказание помощи в наступлении на Роттердам, оно могло легко быть отменено распоряжением генерала Штудента по радио самолетам, — не так ли?

Кессельринг: Да. Если бы было известно тактическое положение или если бы о нем было сообщено авиационному соединению, то не могло быть никакого сомнения.

Максвелл-Файф: Но если при честных переговорах противнику передали условия капитуляции, срок которых должен был истечь через три часа, солдат просто обязан отменить наступление, — не так ли?

Кессельринг: Если бы не были достигнуты другие соглашения, — да.

Максвелл-Файф: Но если он может приостановить наступление, то ведь это легче всего на свете сделать. Я хочу, чтобы вы совершенно ясно поняли мою мысль: цель налета на Роттердам, говоря вашими собственными словами, состояла в том, чтобы продемонстрировать решительность и терроризировать голландцев с тем, чтобы вынудить их к капитуляции?

Кессельринг: Разрешите мне еще раз повторить то, что я уже сказал. Этот налет произошел по чисто тактическим соображениям, и я категорически отрицаю всякие политические мотивы.

Максвелл-Файф: Знаете ли вы, что генерал Штудент после этого извинялся за этот налет — вам известно это? И извинялся перед голландским командующим за этот налет?

Кессельринг: Я этого не знаю. Как я вчера объяснил, генерал Штудент был тяжело ранен в голову и я не мог с ним даже говорить.

Максвелл-Файф: Я не намереваюсь занимать больше времени этим вопросом. Надеюсь я озвучил свою мысль совершенно ясно. Я хочу задать вам один вопрос по другому пункту о котором вы вчера говорили в связи с бомбардировкой. Вы сказали, что налет на Варшаву 1 сентября 1939 г. имел место потому, что вы считали Варшаву вооруженной крепостью, имеющей противовоздушную оборону, — это правильно?

Кессельринг: Да, конечно.

Максвелл-Файф: Но вам известно, что в то же самое время, в 5 часов утра в пятницу 1 сентября, германские воздушные силы совершали нападение на Августов, Новый Двор, Остров Мазовецкий, Тчев, Пук, Замбров, Радомско, Торн, Кутно, Тунель, Краков, Гродно, Трзебинц и Гдыню, которые находились в несколько ином положении. Ответьте на мой вопрос: германские воздушные силы напали на эти города?

Кессельринг: Вместе с моими товарищами, да. Не города, я повторяю, не города.

Максвелл-Файф: Все эти атаки имели место 1 сентября в 5 часов утра, — не так ли?

Кессельринг: Налеты произошли утром, но атака была произведена не на города, как вы сказали, а на военные объекты: аэродромы, штабы и транспортные

сооружения. Как я вчера объяснил, со стороны ОКВ были даны подробные распоряжения о том, что должны производиться атаки только на военные объекты.

Максвелл-Файф: Вы утверждаете, что все эти города, названия которых я только что зачитал, являлись военными объектами?

Кессельринг: Насколько мне известно, — да.

Максвелл-Файф: У вас не было времени послать хотя бы один самолет-разведчик в Польшу перед тем, как имело место это нападение, — не так ли?

Кессельринг: Это верно. С другой стороны, от агентов было получено достаточное количество сведений о положении, и, кроме того, весь этот план был составлен по оперативным соображениям руководства военно-воздушных сил.

Максвелл-Файф: Весь план был разработан в апреле 1939 года под кодовым названием «Белый план», — не так ли?

Кессельринг: В тот момент я еще ничего не знал о том, что я получу назначение и что будет война.

Максвелл-Файф: Разве вы не знали, свидетель, после того, как вы получили назначение, что «Белый план» был разработан в апреле 1939 года? Вам никогда об этом не говорили?

Кессельринг: Нет, не говорили, но, с другой стороны, я как солдат могу сказать следующее: общий план, который был разработан в апреле, претерпел очень много изменений до сентября, и в последний момент были предприняты самые решающие изменения.

Максвелл-Файф: Еще один момент, который я хочу вам напомнить. Помните ли вы, что немецкое радио передало последнюю ноту Польше в 9 часов вечера — вечер перед началом войны — 31 августа. Вы помните об этом?

Кессельринг: Я думаю, что да.

Максвелл-Файф: Это было за восемь часов до начала вашего нападения, и вам известно, не так ли, что подсудимый Геринг перед этим в течение целой недели находился в штабе и занимался этим вопросом?

Кессельринг: Я могу представить, что это было именно так. Если…

Максвелл-Файф: Я заявляю вам, что это общее нападение на польские города опять-таки входило в тщательно запланированную схему, целью которой было сломить национальное сопротивление вашему наступлению.

Кессельринг: Могу я сказать следующее по этому предмету? Если мои заявления как фельдмаршала и свидетеля под присягой считаются настолько незначительными, как вы их считаете, господин обвинитель, тогда мои дальнейшие заявления не имеют никакого смысла. Я повторяю, что речь шла не об атаках на города, а об атаках на военные объекты, Вы мне должны, в конце концов, верить как старому солдату.

Максвелл-Файф: Трибунал сам даст оценку вашим показаниям. Я не намереваюсь заниматься обсуждением этого. Я хочу только спросить вас еще по одному-двум

пунктам для того, чтобы выяснить вашу точку зрения по поводу того, что вы считаете военной необходимостью. Вы помните приказы о партизанах в Италии, изданные в то время, когда вы были там командующим, — приказы, касавшиеся партизан?

Кессельринг: Конечно.

Максвелл-Файф: Я хочу изложить это совершенно точно, если я ошибусь, — укажите мне. Я понимаю положение следующим образом: подсудимый Кейтель издал общий приказ, касавшийся партизан, 16 декабря 1942 г. Копия этого приказа была найдена в вашем штабе или в вашем бывшем штабе, и, насколько вы помните, он был вам представлен впоследствии, но вы не уверены, когда точно это было. Это правильно? Вы не совсем уверены в дате?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы попытались вспомнить, потому что у вас было время подумать об этом: думаете ли вы, что приказ Кейтеля от декабря 1942 года поступил к вам до того, как вы издали ваш собственный приказ от 17 июня 1944 г.? Может быть, вы хотите посмотреть на ваш собственный приказ?

Кессельринг: Он мне был однажды зачитан. В ноябре, а затем в декабре и январе я просил о том, чтобы меня еще раз выслушали по поводу этого приказа, так как я имел сомнения по поводу его издания, расчета рассылки, то есть адресатов и по поводу времени.

Максвелл-Файф: Я сейчас передам вам эти приказы, так как вам следует посмотреть на них для того, чтобы освежить их в своей памяти. Сначала обратимся к приказу Кейтеля от 16 декабря 1942 г.

[*Документ передали свидетелю*]

Максвелл-Файф: Я надеюсь, что я передал вам тот самый документ? Я зачитаю его очень медленно.

> «Поэтому фюрер приказал следующее.
>
> 1.Враг использует в партизанской войне обученных фанатиков — коммунистов, которые не останавливаются перед совершением любых жестокостей. Это более, чем когда- либо, является вопросом жизни и смерти. Эта борьба не имеет ничего общего с рыцарскими правилами и принципами Женевской конвенции[136]. Если борьба против партизан на Востоке так же, как и на Балканах, не будет вестись самыми жестокими средствами, то мы скоро придем к такому положению, что имеющихся у нас войск будет недостаточно для осуществления

[136] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

контроля над этой территорией.

Поэтому использование всех средств без всякого ограничения, даже против женщин и детей, поскольку эти средства обеспечивают нам успех, не только оправдывается, но даже является долгом войск. Всякое снисхождение по отношению к партизанам является преступлением против германского народа».

Вы помните этот приказ?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: И вы, в свою очередь, издали приказ 17 июня 1944 г., когда вы были командующим в Италии? Вы помните это? Я вам покажу его сейчас, если я смогу получить экземпляр этого документа на немецком языке из этой папки. Я оглашу снова краткую выдержку из этого приказа для того, чтобы трибунал вспомнил об этом, но, пожалуйста, свидетель, ссылайтесь на любые другие выдержки, так как я не хочу дать одностороннее освещение этого приказа.

«1. За короткий период времени в связи с действиями партизан положение на итальянском театре военных деиствий, в особенности в центральной Италии, ухудшилось до такой степени, что представляет серьезную угрозу для войск, их коммуникаций, а также для военной промышленности и экономического потенциала. Борьба против партизан должна проводиться всеми доступными нам средствами и с крайней жестокостью. Я буду защищать любого командира, который перейдет границы нашей обычной сдержанности, применяя самые жестокие методы в отношении партизан. В этом отношении оправдывает себя старый принцип: лучше ошибиться в выборе методов, выполняя приказ, чем уклониться от его выполнения или не суметь выполнить его».

Вы помните это, свидетель?

Кессельринг: Да, я помню об этом приказе.

Максвелл-Файф: И вы помните, что через три дня, я говорю это для того, чтобы не было ошибки в отношении того, что именно вы имели в виду, вы издали следующий приказ, опять «совершенно секретный», который гласит:

«Долгом всех войск и полиции под моим командованием является принятие самых суровых мер. За всякий акт насилия, совершенный партизанами, они должны быть немедленно наказаны. В представленных докладах должны быть изложены в деталях принятые контрмеры. Всюду, где есть данные о наличии большого количества партизанских групп, должно быть арестовано соразмерное количество мужского населения данного района, и в случае акта насилия, совершенного партизанами, эти люди будут расстреляны».

Сейчас я хочу привести только два примера, свидетель, доказывающие, что

этот приказ выполнялся. Вы помните, когда один из ваших офицеров, полковник фон Габленц[137], был захвачен партизанами? Вы помните это?

Кессельринг: Генерал фон Габленц?

Максвелл-Файф: Мне кажется, он был в то время полковником; это было 26 июня, как раз после издания вашего приказа. Вы помните, как полковник фон Габленц был захвачен в плен?

Кессельринг: Нет.

Максвелл-Файф: Он был полковником военно-технической службы; не очень видный офицер, но все-таки полковник.

Кессельринг: Да, я помню.

Максвелл-Файф: Сейчас посмотрите на эти два документа. Это выдержка из ежедневного доклада командующего об обстановке в юго-западной части Италии, датированного 26 июня.

> «Положение с партизанами. К северу от Ареццо бандитами был похищен полковник фон Габленц. Все мужское население деревень, расположенных вдоль этой дороги, было взято под стражу».

Далее было объявлено, что все эти заложники будут расстреляны, если взятый в плен полковник не будет освобожден в течение 48 часов. Вы вспоминаете это?

Кессельринг: Не в деталях, но в общем…

Максвелл-Файф: Нет, нет, помните ли вы об этом случае?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Посмотрите на следующий абзац. Это донесение о следующих двух днях от 28 июня; второй абзац гласит:

«В качестве репрессалии за взятие в плен полковника барона фон Габленца до настоящего времени было взято под стражу 560 человек, в том числе 250 мужчин». Вы именно так понимаете значение выражения: «Шаги, которые необходимо принять в связи с партизанской войной», — а именно то, что 410 женщин и детей должны были быть взяты под стражу?

Кессельринг: В этом не было необходимости, но разрешите мне в этой связи перейти...

Максвелл-Файф: Разрешите привести вам еще один пример. Вы помните Чивителлу? Вы помните, что там сделали ваши войска?

Кессельринг: В настоящий момент не помню.

Максвелл-Файф: Разрешите мне вам напомнить, что было сделано с этой деревней. Это случилось 18 июня, через день после издания вашего приказа.

> «Два немецких солдата были убиты, а третий был ранен в сражении с партизанами в деревне Чивителло. Боясь репрессий, жители этой

[137] Эккард фон Габленц (1891 — 1978) — генерал-лейтенант Вермахта, командир нескольких дивизий в годы Второй мировой войны.

деревни ушли из нее, но когда немцы узнали об этом, они отложили карательные действия. 29 июня, — я напоминаю вам, свидетель, что это было через девять дней после вашего указания, ужесточающего ваш приказ, — когда местные жители вернулись в деревню и почувствовали себя вновь в безопасности, немцы провели тщательно организованные репрессалии, прочесав окрестности. Мирных жителей часто расстреливали на месте. В течение этого дня было убито 212 мужчин, женщин и детей в ближайших окрестностях этой деревни. Некоторые из убитых женщин были найдены совершенно нагими. Во время расследования был составлен полный именной список убитых, в него не были включены несколько имен людей, чьи тела не могли быть опознаны. Возраст убитых — от 1 года до 84 лет. Приблизительно сто домов было сожжено. Некоторые жертвы были сожжены живыми в своих домах».

Это отчет комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений по поводу этого случая, который непосредственно явился результатом ваших действий. Итак, свидетель, вы действительно думаете, что военной необходимостью является убийство детей в возрасте 1 года и стариков в возрасте 84 лет?

Кессельринг: Нет.

Максвелл-Файф: Сейчас я хочу затронуть вопрос, который вы уже затрагивали, — это вопрос о положении дивизии «Герман Геринг». Вы упомянули об одном лице, которое я имею в виду, но разрешите мне, для того чтобы это было ясно трибуналу, выяснить, кто были ваши офицеры в то время?

Скажите, генерал Витингофф, извините это был фон Фитингоф[138] - командовал 10-й армией?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: В 1944 году?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Он находился непосредственно под вашим командованием?

Кессельринг: Да, он был подчинен мне непосредственно.

Максвелл-Файф: В таком случае, я позволю себе считать, что он был генералом, занимавшим весьма высокий и ответственный пост? Я не знаю его ранга, полный генерал или…

Кессельринг: Полный генерал.

Максвелл-Файф: Под его командованием находился 76-й корпус под командованием генерала Херра[139]? Это правильно?

---

[138] Генрих фон Фитингхоф (1887 — 1952) — немецкий военный деятель. Генерал-полковник (1 сентября 1943).

[139] Трауготт Херр (1890 — 1976) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал танковых войск,

Кессельринг: Это верно.

Максвелл-Файф: И в подчинении генерала Херра находилась дивизия «Герман Геринг», которой командовал генерал Шмальц[140], — это правильно?

Кессельринг: Да, генерал Шмальц был ее командиром, но ранее я называл другое имя.

Максвелл-Файф: Я полагаю, в то время там был генерал Шмальц. Итак, дивизия «Герман Геринг» участвовала в большом количестве этих — я назову их — инцидентов. Я называю инцидентами не такие случаи, который я описал, говоря о Чивителле. Я напоминаю вам об одном или двух таких случаях. Помните ли вы, что в Стиа с 13 по 18 апреля было убито 137 гражданских лиц, в том числе 45 женщин и детей, Вы помните этот инцидент? События в Чивителло — это было 29 июня. И помните ли вы Вучини 7 и 9 июля? Вы помните инцидент в Вучини?

Кессельринг: Возможно, но сначала я должен тщательно ознакомиться с подробностями.

Максвелл-Файф: Может быть, вы вспомните об этом. Я ставлю перед вами этот вопрос в общем плане потому, что это общая линия поведения. Имело место много таких инцидентов, в которых участвовала дивизия «Герман Геринг». Вы помните об этом?

Кессельринг: Подобных случаев было очень много с той и с другой стороны, так что я должен в каждом отдельном случае точно изучить дело.

Максвелл-Файф: Что же, об этом я хочу попросить вас подумать. Это верно, что дивизия «Герман Геринг» подчинялась только генералу Херру и генералу фон Фитингофу в тактическом смысле, и доносила каждый день в Берлин рейхсмаршалу Герингу о том, что она делала?

Кессельринг: Дивизия «Герман Геринг» находилась в подчинении главнокомандования и армии в тактическом смысле, но я должен полагать, что в этих вопросах, подчинения главнокомандованию и армии фактически не было. Существовали ли какие-либо вопросы помимо этого, я не знаю.

Максвелл-Файф: Я сформулирую слова более точно, и вы сможете понять, откуда у меня эти слова:

> «Первая воздушно-десантная дивизия и дивизия «Герман Геринг» находились в подчинении армейских командиров в отношении тактических вопросов, по всем другим вопросам, с другой стороны, находясь в непосредственном подчинении рейхсмаршала, которому они должны были направлять ежедневные донесения. Им не разрешалось получать приказы от армейских командиров в вопросах уголовных разбирательств и докладывать о результатах таких

[140] Вильгельм Шмальц (1901 — 1983) — немецкий офицер, участник Второй мировой войны, генерал-лейтенант. С апреля 1944 командир дивизии «Герман Геринг». По обвинению в военных преступлениях был оправдан американским трибуналом.

разбирательств. Таким образом, они вели войну против повстанцев согласно принципам которые в некотором роде отступали от принципов армии».

Это правильное заявление?

Кессельринг: Концепция верная, но вопрос заключается в том, что слово «тактика», конечно же, можно понимать где-то в более широком или узком смысле.

Максвелл-Файф: Какое слово?

Кессельринг: Тактика. Тактическое подчинение можно понимать как в широком так и в узком смысле.

Максвелл-Файф: Свидетель, вот почему я прочёл вам полностью, потому что совершенно ясно, в чём заключается смысл заявления человека, которое я зачитал, не так ли? Он говорит о том, что им не разрешали получать приказы от армейских командиров по вопросу уголовных разбирательств или доносить о результатах, и о том, что они вели войну с повстанцами согласно принципам которые отступали от принципов генерала фон Фитингофа, не так ли?

Кессельринг: Сейчас я впервые услышал об этом, но если другой офицер так сказал, то я должен полагать, что это правильно.

Максвелл-Файф: Что же, вы уверены в том, что это первый раз, когда вы слышите об этом? Очень трудно вспоминать каждый инцидент. Пожалуйста, не думайте, что я хочу оскорбить, но я хочу, чтобы вы попытались вспомнить. Генерал Херр много раз жаловался вам на такое аномальное положение которое имела дивизия «Герман Геринг», и вы никогда не давали никакого официального ответа на донесения генерала Херра?

Кессельринг: Разумеется, от генерала Херра не было многочисленных донесений. Могли быть устные консультации…

Максвелл-Файф: На вашем командном пункте?

Кессельринг: Да. И могу я снова добавить, что такие определения об отношении явно существовали в группе армий. В связи с данным случаем, я должен сказать, что я не знаю о том подпадало ли это под название «тактика» или относилось к другой функции.

Максвелл-Файф: Что же, я не довел до вас мысль достаточно ясно. Я говорю о том, что, если вы не согласны с «многочисленными», вы принимаете «какие-то», в случае, того, что генерал Херр по каким-то поводам сообщал вам, что у него были трудности из-за этого аномального положения дивизии «Герман Геринг»?

Кессельринг: Я могу это полагать.

Максвелл-Файф: Вашим начальником штаба был тогда генерал Рёттигер[141], не так ли?

Кессельринг: Да.

[141] Ганс Рёттигер (1896 — 1960) — германский военный деятель, генерал танковых войск Вермахта, генерал-лейтенант Бундесвера.

Максвелл-Файф: С 10 июня и после, всё это время, генерал Рёттигер не говорил с вами о положении дивизии «Герман Геринг» находившейся под особым покровительством рейхсмаршала Геринга в Берлине?

Кессельринг: Да. Мы много обсуждали эту тему.

Максвелл-Файф: Что же, что касается конкретного инцидента, в котором участвовала дивизия «Герман Геринг», он получали свои приказы от подсудимого Геринга, который сидит на скамье подсудимых, не так ли, по вопросу о том как нужно обращаться с партизанами?

Кессельринг: Я не могу этого сказать. Эти каналы шли мимо меня.

Максвелл-Файф: Да, они шли мимо вас. Они шли мимо генерал Херра, они шли мимо Фитингофа, они шли минуя вас, и шли напрямую в Берлин. Это правильно, не так ли?

Кессельринг: Да, разумеется. Существовал специальный канал для СС и дивизии «Герман Геринг».

Максвелл-Файф: Да. Вы понимаете, что в настоящий момент трибунал рассматривает дело подсудимого Геринга, поэтому я и задаю вам эти вопросы.

Теперь, один или два коротких пункта. Вы помните, что доктор Латернзер задавал вам один или два вопроса о высшем командовании и генеральном штабе.

Вы помните о том, что доктор Латернзер задавал вам несколько вопросов?

Кессельринг: Да, я осведомлён об этом.

Максвелл-Файф: Что же, я хотел полностью выяснить одну часть. Вы должны сознавать, свидетель, что корпус который назван в данном деле не имел никакого отношения к штабному корпусу германской армии. Думаю, вы сами дали это понять вчера.

Кессельринг: С чем вы сказали?

Максвелл-Файф: Со штабным корпусом. И в армии, и в воздушных силах у вас имелся корпус офицеров которые прошли военную академию и являлись штабными офицерами всех званий, я полагаю, вплоть до капитана, не так ли?

Кессельринг: Вопрос мне не совсем ясен.

Максвелл-Файф: Извините. И в армии и в Люфтваффе у вас имелся корпус штабных офицеров которые были в военной академии и соответственно являлись штабными офицерами. И, как я думаю, они имели право доносить напрямую начальнику штаба, если хотели? Разве нет? Это правильно или неправильно?

Кессельринг: Это неправильно, за исключением, как я вчера сказал, того что касалось подготовки. Что касалось общего отношения, генеральный штаб имел право влиять на офицеров генерального штаба напрямую, но иным образом, нет.

Максвелл-Файф: Что же, этот корпус шёл вплоть до капитана или лейтенанта, не так ли?

Кессельринг: Нет, капитана.

Максвелл-Файф: Я так и думал. Я могу сказать вам, что нас вообще не интересует

этот корпус. Обвинение вообще не интересует этот корпус.

Что касается лиц, названных в обвинительном заключении, то вы знаете, что там названо девять постов главнокомандующих, или штабных постов, и затем Oberbefehlshaber[142], которые командовали на определенных территориях или некоторыми флотами военно-воздушных сил. Я полагаю, вы знакомились с обвинительным заключением, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Я стараюсь изложить это коротко для того, чтобы не отнимать время у трибунала. Я хочу, чтобы вы высказали свое мнение по следующему вопросу: являются ли эти поименованные лица, возглавлявшие ОКВ, ОКЛ[143], ОКХ и ОКМ[144], и их заместители, а также Oberbefehlshaber лица, причастные к политике и к планированию войн?

Кессельринг: Главнокомандующие видами вооруженных сил были, само собой разумеется, совещательным органом при главе государства во всех военно-политических вопросах. Командующие группами армий и т. д. не имели никакого влияния.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы рассмотрели здесь два примера. До нападения на Польшу, 22 августа имело место совещание, о котором ранее здесь упоминалось. Присутствовали ли на нем те высшие офицеры, о которых я упоминал, т. е. главнокомандующие видами вооруженных сил, а также Oberbefehlshaber?

Кессельринг: Оно включало командующих на этом театре военных действий.

Максвелл-Файф: Да, в то время Польша должна была стать театром военных действий. Поэтому главной задачей в это время явилось рассмотрение вопроса о польской кампании, — не так ли? Главной задачей этого совещания было, по-видимому, рассмотрение вопроса о польской кампании при учете возможной кампании против западных держав, если они вступят в войну?

Кессельринг: Об этом я не могу дать сведений. В целом мы обсуждали только польские вопросы…

Максвелл-Файф: Трибунал уже слышал об этом совещании так часто, что я не намереваюсь вас снова спрашивать о нем. Я хочу только, чтобы вы назвали тех, которые там присутствовали.

Разрешите напомнить вам о другом совещании. 9 июня 1941 г. имело место совещание, где обсуждался план нападения на Советский Союз — «план Барбаросса». Вы помните об этом? Берхтесгаден?

Кессельринг: Я не знаю о совещании 9 июня. Но на одном совещании я присутствовал.

---

[142] «Главнокомандующие» (нем.)

[143] ОКЛ (нем. Oberkommando der Luftwaffe, нем. OKL) — Верховное командование люфтваффе, верховный орган управления ВВС Германии до и во время Второй мировой войны.

[144] ОКМ (нем. Oberkommando der Marine; нем. OKM) — верховное командование кригсмарине, высший орган управления ВМФ Германии до и во время Второй мировой войны.

Максвелл-Файф: Вы присутствовали там, и опять-таки до начала русской кампании. Люди, которые присутствовали на этом совещании, являлись лицами, занимавшими самые высокие военные посты, и Oberbefehlshaber, — не так ли?

Кессельринг: Да, это верно.

Максвелл-Файф: Включая командующих на оккупированных территориях, как, например, генерал фон Фалькенхорст[145], главнокомандующий армией в Норвегии в это время? Он присутствовал там?

Кессельринг: Генерал фон Фалькенхорст?

Максвелл-Файф: Да.

Кессельринг: Не могу вам сказать, вполне возможно, но я не помню этого.

Максвелл-Файф: Там присутствовали: генерал Штумпф[146], командовавший 5-м воздушным флотом, и, поскольку я не знаю их рангов, я позволю себе называть их по фамилии — Рундштедт[147], Рейхенау[148], Штюльпнагель[149], Шуберт, Клейст[150] и, конечно, Бок, Клюге, Гудериан[151], Гальдер, Кессельринг?

Кессельринг: Последние были там определенно. О Штумпфе и Фалькенхорсте я не могу ничего сказать.

Максвелл-Файф: Таким образом, перед началом кампании обычно командующие, занимавшие эти высокие посты, встречались с фюрером, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу, чтобы вы помогли мне в небольшом пункте. Вы помните как вчера говорили доктору Латернзеру о том, что члены этой предполагаемой группы слишком сильно занимались вопросами стратегии, чтобы иметь какое-нибудь отношение к пятой колонне? Вы помните, что говорили такие слова?

Кессельринг: Да.

Максвелл-Файф: Я не знаю, знаете ли вы, но за пределами Германии имя

---

[145] Николаус фон Фалькенхорст (1885 — 1968) — германский военачальник времен Первой и Второй мировых войн. Именно он осуществлял операцию «Везерюбунг», в результате которой были завоеваны Дания и Норвегия. Командующий армией «Норвегия» в 1940-1944. Был приговорён к смертной казни британско-норвежским судом в 1946. Позднее наказание было смягчено до 20 лет лишения свободы. В 1953 вышел на свободу.

[146] Ганс Юрген Штумпф (1889 — 1968) — деятель Люфтваффе, генерал-полковник (19 июля 1940 года). Начальник генерального штаба Люфтваффе в 1937 – 1939.

[147] Герд фон Рундштедт (1875 — 1953) — немецкий генерал-фельдмаршал времён Второй мировой войны. Командовал крупными соединениями в европейских кампаниях. В начальной фазе операции «Барбаросса» командовал группой армий «Юг».

[148] Вальтер фон Рейхенау (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940). Во время Второй мировой войны командовал 6-й армией вермахта. Один из немногих высших военачальников Вермахта, активно поддерживавших нацизм.

[149] Карл-Генрих фон Штюльпнагель (1886 — 1944) — немецкий военный деятель, генерал пехоты (1939 год). Участник военных преступлений. Участник антитигитлеровского заговора 20 июля 1944 года. Повешен 30 августа 1944 года.

[150] Эвальд фон Клейст (1881 — 1954) — немецкий военачальник (с 1943 года фельдмаршал). Во время вторжения в СССР командовал танковой армией на южном направлении. Умер в советском плену.

[151] Гейнц Гудериан (1888 — 1954) — генерал-полковник германской армии (1940), генерал-инспектор бронетанковых войск (1943), начальник Генерального штаба сухопутных войск (1945).

Квислинга[152] стало обычным словом для синонима пятой колонны. Вам это известно? Вы говорили о том, что Квислинг означал пятую колонну. Вы не слышали об этом?

Кессельринг: Нет, я это не знаю.

Максвелл-Файф: Вам известно кем был Квислинг?

Кессельринг: Да, так точно.

Максвелл-Файф: Что же, я хочу, чтобы вы послушали, потому что это касается вашей службы. Подсудимый Розенберг в январе 1940 писал фюреру следующее:

> «Полагая, что его» - то есть Квислинга – «заявления будут представлять особый интерес для рейхсмаршала Геринга, по авиционно-стратегическим причинам, министерство иностранных дел направило Квислинга к государственному секретарю Кёрнеру».

Он вообще приходил к вам по авиационно-стратегическим причинам?

Кессельринг: Нет, мне это неизвестно.

Максвелл-Файф: Итак, вам известно, что подсудимый Рёдер представил Квислинга Гитлеру в декабре 1939? Вам это известно?

Кессельринг: Нет, мне это неизвестно.

Максвелл-Файф: Вы согласны с тем, что глава германских воздушных сил и глава германского флота являлись важными членами данной группы главнокомандующих, не так ли?

Кессельринг: Верховными главнокомандующими, да.

Максвелл-Файф: Если они занимались типичным членами пятой колонны, наверное, члены группы имели больше отношения к пятой колонне, чем знали вы.

Кессельринг: Вчера я говорил только с точки зрения верховных главнокомандующих на фронте, и наши задачи касались разной сферы.

Максвелл-Файф: Милорд, думаю, я закончил, наверное ваша светлость позволит мне недолго продолжить после перерыва, чтобы понять есть ли кое-какой небольшой пункт.

Милорд, есть ещё одна вещь. Думаю, мы должны предъявить документы на которые я ссылался, потому что защита может захотеть их рассмотреть.

Председатель: Да, если их ещё не приобщили.

Максвелл-Файф: Думаю, некоторые приказы не приобщались. Я прочитал часть из них под протокол, и я приобщу их.

Председатель: Они должны быть приобщены и отмечены.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

---

[152] Видкун Квислинг (1887 — 1945) — норвежский политический и государственный деятель, офицер, дипломат, национал-социалист, глава норвежского правительства после оккупации Норвегии германскими войсками в период Второй мировой войны. Казнён по приговору норвежского суда.

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Обратите внимание на факты, имевшие место после сообщения о заговоре в Риме 23 марта 1944 г. Вы помните, то о чём я думаю, имеется в виду покушение с применением бомбы в Риме? Помните? Тогда вашим начальника штаба был генерал Вестфаль[153], и он сообщил о заговоре непосредственно генералу Буттлеру? Наверное вы поможете мне с произношением?
Кессельринг: Винтер.
Максвелл-Файф: Какой генерал?
Кессельринг: Генерал Винтер[154].
Максвелл-Файф: Разве он не докладывал генералу Буттлеру, произносится Б-у-т-т-л-е-р?
Кессельринг: Фон Буттлар[155].
Максвелл-Файф: Генерал фон Буттлар?
Кессельринг: Это был его предшественник.
Максвелл-Файф: Генерал фон Буттлар информировал вашего начальника штаба о том, что он обязан доложить об этом фюреру, — не так ли?
Кессельринг: Да.
Максвелл-Файф: И он связался с подсудимым Йодлем, и подсудимый Йодль и подсудимый Кейтель доложили об этом фюреру?
Кессельринг: Вполне вероятно.
Максвелл-Файф: Фюрер отдал приказ о том, чтобы, или 20 или 10, вы не вполне уверены в этом, но склонны думать, чтобы 20 итальянцев было убито?
Кессельринг: Мне кажется это было донесение Вестфаля, которое я должен считать верным.
Максвелл-Файф: Свидетель, вы можете вспомнить, их было 20 или 10?
Кессельринг: Я полагаю 10, я не знаю точное количество.
Максвелл-Файф: Вы не знаете точное количество?
Кессельринг: Я полагаю, что 10.
Максвелл-Файф: Мы сейчас примем 10.

Ответственным в Риме был генерал фон Макензен[156], не так ли?
Кессельринг: Генерал Макензен был главнокомандующим 14-й армией и ему

---

[153] Зигфрид Вестфаль (1902-1982) — немецкий военный деятель; генерал кавалерии. В 1943-1945 руководил штабами под командованием Кессельринга.
[154] Август Винтер (1897 – 1979) – генерал-майор Вермахта. В марте – апреле 1945 и.о. заместителя начальника оперативного штаба ОКВ.
[155] Хорст фон Буттлар-Брандфельс (1900 – 1990) – генерал-майор Вермахта. В 1942-1945 сотрудник оперативного штаба ОКВ.
[156] Эберхард фон Макензен (1889 — 1969) — немецкий военачальник. Генерал кавалерии. В 1943-1944 командующий 14-й армией в Италии. Британским трибуналом был приговорён к смертной казни. Наказание было заменено на лишение свободы. Освобожден в 1952.

подчинялся командир Рима.

Максвелл-Файф: И человеком, используя ваши слова, который советовал ему по данному вопросу, был человек по имени Капплер[157], не так ли?

Кессельринг: Капплер, из полиции безопасности.

Максвелл-Файф: Кем он был? Обергруппенфюрером или кем-то вроде?

Кессельринг: Оберштурмбаннфюрером.

Максвелл-Файф: Вы помните, после каких-то комментариев в «Osservatore Romano[158]» вы провели расследование под руководством вашего офицера разведки которого звали Цоллинг[159], не так ли?

Кессельринг: Да, верно.

Максвелл-Файф: И вы также получили об этом отчет от Каплера лично, — не так ли?

Кессельринг: Каплер мне по телефону кратко сообщил, что в его распоряжении имеется соответствующее количество осужденных.

Максвелл-Файф: Не говорил ли вам Каплер о том, что он казнил 382 человека?

Кессельринг: Это должно было быть выполнено 14-й армией, и я лишь узнал о результате без каких-либо пояснений и не разговаривал по этому поводу непосредственно с Каплером.

Максвелл-Файф: Вы в этом уверены?

Кессельринг: Я подчеркиваю еще раз: я имел с Каплером краткий телефонный разговор после того, как прибыл на свой командный пункт, и мне было сообщено то, о чем я уже здесь сказал. Больше не помню никаких разговоров. Я помню только, что, встретившись с ним через восемь или десять дней, я сказал ему, что я ему до некоторой степени благодарен за то, что этот крайне неприятный вопрос удалось разрешить без нарушения правовых и моральных норм.

Максвелл-Файф: Посмотрим, за что вы, собственно, должны были быть благодарны. Вы были допрошены об этом 8 января. Вы помните о заданном вам следующем вопросе: «Не говорил ли вам Цоллинг, что все те люди, которые были казнены, прежде обвинялись в каких-то преступлениях, наказуемых смертной казнью». Вы ответили на это: «Да, я об этом уже говорил, он так и сказал. Даже Каплер рассказал мне об этом».

Кессельринг: Да, это правильно.

Максвелл-Файф: Таким образом, вам, по вашим словам, объяснили, что было взято, предположим, 382 человека, которые были виновны в других преступлениях, и казнили их в качестве репрессалии за заговор, заключающийся в подготовке

---

[157] Герберт Каплер (1907 — 1978) — оберштурмбаннфюрер СС, командир полиции безопасности и СД в Риме. Итальянским судом был приговорён к пожизненному заключению. Отбывал срок с 1947 по 1977.

[158] «Римский обозреватель» — ежедневная газета, издающаяся в Ватикане с 1861. Не является официальным органом и имеет собственную издательскую политику, однако освещает деятельность Святого Престола.

[159] Эрнст Цоллинг (1903 - ?) – полковник Вермахта. В 1943-1944 сотрудник оперативного отдела верховного главнокомандования Вермахта на Юго-Западе.

взрыва бомбы. Не так ли?

Кессельринг: Да, это правильно, если учесть, что эти люди уже предварительно были приговорены к смертной казни.

Максвелл-Файф: Как вам уже указывалось, в этом отчете Каплера говорится, что из 382 человек 176 совершили действия, которые должны были наказываться смертью, но дела 22 из них были отнесены к числу «прекращенных» дел, о чем имелась соответствующая пометка, 17 были приговорены к разным срокам трудовых работ, 4 были действительно приговорены к смерти, 4 были арестованы возле места совершения преступления. В целом это составляет 223 человека.

Не говорил ли вам Каплер: «Впоследствии число жертв возросло до 325 человек, а затем я решил добавить еще 57 евреев». Приводил ли вам Каплер эти цифры?

Кессельринг: Нет.

Максвелл-Файф: Но вы согласитесь с тем, свидетель, что большое число этих лиц было казнено в результате приказа о казни 10 итальянцев или, может быть, 20 итальянцев за каждого убитого немца?

Кессельринг: Это я признаю, но с учетом, как я уже говорил, того, что речь здесь идет о людях, ранее осужденных.

Максвелл-Файф: Но ведь для вас не составляло разницы, осуждались ли они за участие в подготовке взрыва бомбы или за какие-либо другие преступления?

Кессельринг: Ситуация была следующей: начались ожесточенные бои на Южном фронте на рубежах у реки Гарильяно. В это время были брошены бомбы в полицейскую роту, причем это было сделано римскими кругами, с которыми до сего времени обращались неслыханно мягко. Волнение среди немцев было таким, что как я, так и подчиненные мне командиры, в том числе советник посольства Мёльгаузен[160], должны были сделать все для того, чтобы заглушить это волнение. Это — с одной стороны, а с другой — нужно было сделать что- либо такое, что я счел бы наиболее целесообразным для избежания в дальнейшем подобных случаев, а именно, нужно было заклеймить публично это покушение, показать, что германской армии не может быть нанесен какой-либо ущерб без последствий. Именно это было для меня важно. А участвовал ли в этом «X» или «Y», для меня было второстепенным вопросом. Первостепенным же был только вопрос об успокоении общественного мнения, как римского, так и немецкого, причем в самый кратчайший срок.

Максвелл-Файф: Вы прежде занимали иную позицию, что население следует терроризировать для того, чтобы оно не повторяло и не предпринимало актов, направленных против германской армии?

Кессельринг: Я такого выражения не употреблял. Я должен повторить, что я находился, если можно так сказать, прямо-таки в идеальных дружественных

[160] Фридрих Мёльгаузен (1913 – 1988) – немецкий дипломат. Генеральный консул Германии в Риме в 1943-1944.

отношениях с итальянцами, поэтому я и был послан в Италию, и у меня были все основания завоевывать симпатии, а не сеять вражду. Я вмешивался в это дело, и притом вмешивался так решительно, потому, что надо было уничтожить в кратчайший срок эту бациллу чумы.

Максвелл-Файф: Я сегодня утром задал несколько вопросов по поводу вашей «дружбы» с итальянцами и не собираюсь возвращаться к этому. Я лишь хочу, чтобы аы мне помогли разобраться еще в одном вопросе. 2 ноября 1943 г. вы были генералом, командующим в Италии, то есть после того, как вы стали...

Кессельринг: Можно мне еще добавить по первому пункту?

Максвелл-Файф: Переходите к заданному мною вопросу. Я хочу, чтобы Вы сказали, были ли вы генералом, командующим в Италии 2 ноября 1943 г. Вы были им?

Кессельринг: С ноября, со 2 ноября 1943 г.

Максвелл-Файф: Вы помните, что вы послали телеграмму в ОКВ по поводу того, что три британских «коммандос» были захвачены в плен около Пескары и что они должны были быть подвергнуты «специальному обращению»? Это «специальное обращение» означает убийство, оно означает, что они были убиты СС?

Кессельринг: Нет, извините...

Максвелл-Файф: Что вы имеете в виду под «специальным обращением»?

Кессельринг: Эти люди из Пескары, как я уже сказал сегодня, которые были ранены, попали в лазарет, а те, которые не были ранены, насколько я помню, были отосланы в лагерь для военнопленных.

Максвелл-Файф: Там было еще девять человек, которые были отправлены в госпиталь, а трое, на основании вашей телеграммы, были подвергнуты «специальному обращению». Я хотел вас спросить относительно тех, которые были отправлены в госпиталь. Что вы делали с людьми, которые охватывались приказом о «коммандос» и попадали в госпиталь?

Кессельринг: Как я уже сказал, с ними обращались по общим правилам, установленным Гаагской конвенцией.

Максвелл-Файф: Я не собираюсь спорить с вами о том, были ли приказы о «коммандос» изданы в соответствии с Гаагской конвенцией. Нам известно, что приказ о «коммандос» существовал и что по этому приказу расстреливались люди, которые были захвачены как «коммандос». Я спрашиваю вас о том, что делали с людьми из состава «коммандос», которые имели несчастье получить ранение?

Кессельринг: На основании текста этого приказа они должны были быть расстреляны. Я уже сказал, что в данном случае этот приказ, как я предполагаю, ввиду вмешательства генерал-полковника Иодля был выполнен обычным образом.

Максвелл-Файф: Мы слышали здесь показания о том, что в Вильно СС имели обыкновение убивать в госпиталях новорожденных еврейских младенцев немедленно после их появления на свет. Можете ли вы нам ручаться за то, что

«коммандос», которые были ранены и находились в госпитале, не умерщвлялись сразу после их поступления в госпиталь?

Кессельринг: Я утверждаю, что я ничего не знал о подобной экзекуции и не потерпел бы её.

Председатель: Обвинение хочет провести дальнейший перекрёстный допрос? Тогда, доктор Штамер вы хотите провести повторный допрос?

Штамер: Британское обвинение только, что представило новые факты которые не демонстрировали до настоящего времени, в особенности о расстреле заложников, которые проводились в Италии дивизией «Герман Геринг» в связи с борьбой с партизанами и в связи с которым вероятно говорится об ответственности подсудимого Геринга. В данной связи представлены новые документы. Сейчас я не в состоянии ответить на данные факты и эти серьёзные обвинения, и задать свидетелю уместные вопросы.

После внимательного изучения материала, я смогу представить соответствующие ходатайства и попрошу о возможности сделать заявление, о том нужны ли мне дополнительные свидетели и повторный вызов свидетеля Кессельринга.

Я, конечно же, ограничу себя предъявлением только совершенно необходимых запросов о доказательствах в рамках только, что предъявленных обвинений для того, чтобы предотвратить ненужное затягивание процесса.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал думает, что вы должны повторно допросить свидетеля сейчас и, что если вы желаете впоследствии ходатайствовать о повторном вызове свидетеля то вы должны показать для этого очень веские основания. Вы можете заявить письменные ходатайства о повторном вызове свидетеля на следующей стадии, но я замечаю вам, что перекрёстный допрос данного свидетеля не относился исключительно к делу подсудимого Геринга. Он является членом генерального штаба и как отмечалось в начале первой части перекрёстного допроса, как таковой он является одним из обвиняемых лиц, и доказательства, следовательно, могут относится к Герингу или могут относится к генеральному штабу. Это вам ясно?

Штамер: Да, понятно, но я естественно могу задавать свидетелю вопросы, только если я владею фактами. Сегодня я не нахожусь в таком положении, потому что документы на которые ссылались, совершенно мне неизвестны, и, насколько мне известно, обвинение намеревается предоставить нам этот материал.

Председатель: Документы предъявили свидетелю, и как я сказал, трибунал рассмотрит любое ходатайство которое вы заявите в дальнейшем о повторном вызове свидетеля, но вы можете продолжить ваш повторный допрос и закончить со свидетелем.

Штамер: Сейчас у меня больше нет вопрос к свидетелю.

Председатель: Очень хорошо. Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Латернзер: Господин председатель, этим утром я заметил, что свидетеля дважды назвали подсудимым, один раз член обвинения и теперь в вашем заявлении. Прежде всего, свидетели являются сюда в качестве свидетелей, и более того не отдельных членов группы, а скорее самой обвиняемой группы, поэтому не будет правильным называть свидетеля подсудимым.
Председатель: Доктор Латернзер, возможно не точно называть его обвиняемым, но он является членом генерального штаба. Скорее я думаю, что сэр Дэвид Максвелл-Файф дал понять, что он имел в виду только члена группы, которую обвинительное заключение просит у трибунала объявить преступной. В этом заключается смысл, и я лишь заметил доктору Штамеру, что вопросы которые были заданы не обязательно относятся к подсудимому Герингу, а могут относиться и относятся только к делу генерального штаба.
Латернзер: Господин председатель, я полностью понимаю положение отдельных генералов. Я лишь хотел не допустить называть вызываемых генералов подсудимыми, которыми они не являются. Для этого я хотел получить доказательства.
Председатель: Очень хорошо.
Штамер: С разрешения высокого трибунала, я хочу вызвать для дачи показаний бывшего рейхсмаршала, подсудимого Германа Геринга.

[*Подсудимый Геринг занимает место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовёте своё имя?
Геринг: Герман Геринг.
Председатель: Повторяйте за мной следующую присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я говорю чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторяет клятву на немецком языке*]

Председатель: Если желаете, можете сесть.
Штамер: Когда и где вы родились?
Геринг: Я родился 12 января 1893, в Розенхайме, Бавария
Штамер: Расскажите трибуналу о периоде в своей жизни до начала мировой войны, но пожалуйста, вкратце.
Геринг: Обычное образование, сначала домашний учитель; затем кадетский корпус, после офицерская служба. Несколько моментов были особенно важны для моего

дальнейшего развития: мой отец занимал должность первого губернатора Юго-Западной Африки[161]; его связи того времени, в особенности с двумя британскими государственными деятелями, Сесилом Родсом[162] и старшим Чемберленом[163]; затем сильная приверженность отца к Бисмарку[164]; опыт моей юности, половина которой прошла в Австрии, уже тогда я почувствовал привязанность к ней, и к ее родственному народу. В начале Первой мировой войны я был лейтенантом в пехотном полку.

Штамер: В каком звании вы участвовали в Первой мировой войне?

Геринг: Как я уже сказал, сначала я был лейтенантом в пехотном полку в ходе так называемых пограничных сражений[165]. С октября 1914 я служил наблюдателем на самолёте. В июне 1915 я стал пилотом, сначала разведывательного самолета, затем на короткое время бомбардировщика и осенью 1915, я стал летчиком-истребителем. Я был серьезно ранен в воздушном бою. После выздоровления я стал командиром истребительной эскадрильи, и после гибели Рихтгофена я стал командиром знаменитой «эскадрильи Рихтгофена»

Штамер: Какие награды вы получили?

Геринг: Сначала Железный крест второго класса, потом Железный крест первого класса, затем Церенгенский лев с мечами, орден Карла Фридриха, Гогенцоллерн с мечами третьего класса и наконец орден «Pour le Merite»[166], который являлся наивысшей возможной наградой.

Штамер: Расскажите трибуналу, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Гитлером.

Геринг: Прежде всего, я хотел бы обратить внимание на следующее. После краха в Первой мировой войне я должен был демобилизовать свою эскадрилью. Я отказался от предложения поступить в Рейхсвер, потому что с самого начала я был противником республики, которая пришла к власти в результате революции[167]; такая служба противоречила бы моим убеждениям. Вскоре я отправился заграницу, чтобы найти себе занятие. Но через несколько лет решил вернуться обратно в свою страну.

---

[161] Германская Юго-Западная Африка — германский протекторат в Африке, существовавший на территории современной Намибии.

[162] Сесиль Родс (1853 — 1902) — южноафриканский политик и предприниматель, деятель британского империализма, организатор английской колониальной экспансии в Южной Африке. В 1890—1896 гг. возглавлял Капскую колонию.

[163] Джозеф Чемберлен (1836 — 1914) — британский фабрикант, один из самых успешных и влиятельных политиков викторианской Англии. Единственный член кабинета министров, не имевший университетского образования. Вдохновитель англо-бурской войны 1899—1902 годов. Отец Остина и Невилла Чемберленов.

[164] Отто фон Бисмарк (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути и прозванный «железным канцлером».

[165] Приграничное сражение (7 августа 1914 — 25 августа 1914) — одно из крупнейших сражений Первой мировой войны, в котором с обеих сторон участвовало около 3 000 000 человек. Завершилось победой германской армии, которая в ожесточённых встречных боях смогла нанести ряд ощутимых поражений войскам Антанты.

[166] «За заслуги» (фр.)

[167] Ноябрьская революция — революция в ноябре 1918 в Германской империи, причиной которой явился кризис кайзеровского режима, вызванный с одной стороны поражением в Первой мировой войне, с другой — вызванными войной социальной напряженностью и расстройством экономической жизни. Революция привела к установлению в Германии режима парламентской демократии, известного под названием Веймарская республика.

Поначалу, я проводил немало времени в охотничьем домике в горах, там же обучался. Я искал способ принять участие в решении проблем моей страны. При этом я не мог и не хотел служить в качестве офицера по причинам указанным выше. Чтобы заложить фундамент для дальнейшей деятельности, я поступил в университет Мюнхена для того, чтобы изучать историю и политологию. Я поселился по соседству с Мюнхеном и купил там дом для своей жены. Однажды, в воскресный день октября или ноября 1922, когда страны Антанты[168] в очередной раз потребовали выдать наших военных руководителей, я пошел на демонстрацию протеста лишь в качестве зрителя, не участвуя, как-либо в её организации. Выступало множество ораторов от разных партий. Под конец позвали Гитлера. Я уже слышал про него и теперь хотел послушать лично, что он скажет. Он отказался выступать, и чистой случайностью было то, что я находился рядом, когда он озвучил причины своего отказа. Он не хотел нарушать единодушие демонстрации; не считал возможным, как он это выразил, присоединяться к марионеткам, буржуазным пиратам. Он считал, что организация протестов бессмысленна, до тех пор, пока они не имеют достаточной поддержки. На меня это произвело глубокое впечатление, я был такого же мнения.

Я выяснил и узнал, что вечером следующего понедельника, смогу услышать речь Гитлера, так как он проводит митинги вечером каждого понедельника. Я пошел туда и там Гитлер говорил о событиях на демонстрации, про Версаль, Версальский договор, отказ от Версаля.

Он говорил, о том, что такие пустые протесты, как воскресный вообще не имеют смысла – нужно переходить от них к повестке дня – о том, что протест является успешным, только если поддержан силой придающей ему весомость. До тех пор пока Германия не стала сильнее, такого рода вещи не имели смысла.

Такое убеждение было сказано слово в слово так, как если бы шло из моей души. Через несколько дней я пошел в штаб НСДАП. В то время я ничего не знал о программе партии, и ничего, кроме того, что это небольшая партия. Я изучал и другие партии. Когда проходили выборы в Национальное собрание[169], по совершенно неполитическим причинам, я голосовал демократически. Затем, когда я понял, за кого проголосовал, я некоторое время избегал политики. Теперь, наконец, я увидел человека, у которого была ясная и чёткая цель. Сперва я хотел поговорить с ним, и понять могу ли я как-нибудь помочь ему. Он сразу принял меня, и после того

---

[168] Антанта (фр. entente — согласие) — военно-политический блок России, Великобритании и Франции, создан в качестве противовеса «Тройственному союзу» (A-Entente — Германии, Австро-Венгрии и Италии); сложился в основном в 1904—1907 годах и завершил размежевание великих держав накануне Первой мировой войны. Термин возник в 1904 году первоначально для обозначения англо-французского союза, причём употреблялось выражение l'Entente cordiale («сердечное согласие») в память кратковременного англо-французского союза в 1840-х годах, носившего то же название.

[169] Веймарское учредительное собрание или Германское национальное собрание 1919 года — парламент в Германии, принявший новую конституцию и учредивший в стране так называемую Веймарскую республику. В период действия Германского национального собрания 1919 года представительство земель осуществлял комитет государств

как я представился, он заявил, что то, что мы должны были встретиться это необычайный поворот судьбы. Мы сразу стали говорить с ним о вещах близких нашим сердцам – о поражении отечества, и о том, что мы не можем смириться с ним.

Главной темой беседы снова был Версаль. Я сказал ему, что я и всё чем я владею в его полном распоряжении для этого, по моему мнению, самого значимого и решающего вопроса борьбы против Версальского договора.

Второй момент, который тогда меня сильно впечатлил и который я очень глубоко прочувствовал и действительно считал основным условием, заключался в том факте, что он долго объяснял мне, что невозможно в преобладавших тогда условиях сотрудничать только с элементами, которые считали себя национальными – будь то, так называемые политические, так называемые националистические партии или те, кто также называли себя национальными, или существовавшие тогда клубы, боевые организации, фрайкор[170], и. т. д. – только с этими людьми невозможно было начать восстановление с целью создания сильной национальной воли немецкого народа, до тех пор, пока массы немецких трудящихся противостояли данной идее. Можно было снова построить Германию, если бы получилось призвать массы немецких трудящихся. Эта идея могла получить поддержку, только при условии осознания широкими массами необходимости освободиться от невыносимых оков Версальского договора и такое было достижимо только путем сочетания националистической концепции и социальных задач.

В связи с этим, он впервые разъяснил мне прекрасную и глубоко обоснованную концепцию национал-социализма; единство двух концепций, национализма с одной стороны и социализма с другой, которые должны были убедить истинных сторонников национализма, в том, что социализм это тоже национализм. Если можно так выразиться мир буржуазии и мир марксистского социализма. Мы должны были снова прояснить эти концепции и с помощью союза двух идей, создали новое средство для реализации этих новых замыслов.

Затем мы перешли к практической стороне вопроса, относительно которого он в первую очередь, просил меня поддержать его. Внутри партии, настолько небольшой какой она была, он отобрал тех людей, которые являлись убежденными сторонниками и кто был готов в любой момент полностью и бесповоротно посвятить себя целям распространения идеи.

Он сказал, о том, чтобы я был в курсе того насколько повсюду были сильны марксизм и коммунизм в то время, и что он мог быть услышанным на митингах только противопоставив физической силе мешавшей митингам, другую физическую силу защищавшую митинг; для этих целей он создал СА. Руководители тогда были слишком молоды, и он уже долго хотел найти руководителя, который

---

[170] Фрайкор (нем. Freikorps — свободный корпус, добровольческий корпус) — наименование целого ряда полувоенных патриотических формирований, существовавших в Германии и Австрии в XVIII—XX вв.

каким-либо образом отличился в ходе недавней войны для того, чтобы обладать необходимым авторитетом. Он всегда пытался найти летчика или подводника, награжденных «Pour le Merite» и теперь с моим приходом, считал особой удачей, что я, последний командир «эскадрильи Рихтгофена», представил себя к его услугам.

Я сказал, что мне не очень приятно занять сразу же руководящую должность в партии, так как это могло выглядеть, будто я пришел только ради должности. Наконец мы решили, что месяц или два, я буду оставаться в тени и приму руководство только после этого, но при этом я постараюсь немедленно использовать свое влияние. Я согласился с этим и таким образом, я стал соратником Адольфа Гитлера.

Штамер: И когда это было?

Геринг: В конце октября или в начале ноября 1922 г.

Штамер: Конец октября?

Геринг: Или в конце октября или в начале ноября 1922.

Штамер: И затем вы официально вступили в партию?

Геринг: Да, это была эта же дата. Через несколько дней я вступил.

Штамер: Какие задачи ставил перед вами Гитлер, скажем, до ноября 1923 г.

Геринг: Задачи вытекали из моей должности, которая в то время именовалась, как «Командир СА». Поначалу важным было превратить СА в стабильную организацию, дисциплинировать её и сделать из них надежное подразделение которое должно было выполнить приказы мои или Адольфа Гитлера. До этого она являлась чем-то вроде очень активного клуба, в котором при этом отсутствовала необходимая организация и дисциплина.

С самого начала я стремился привлекать в СА таких членов партии, кто был молод и достаточно идеалистичен, чтобы тратить свое свободное время и всю энергию на эти цели. Тогда все было непросто для этих молодцов. Нас было мало, а противников гораздо больше. Уже в те дни они сталкивались с существенными неприятностями и вынуждены были страдать от разного рода вещей.

Во-вторых, я пытался искать пополнение среди рабочих, так как я знал, что в особенности среди рабочих я должен привлечь много членов СА.

В то же время, мы естественно видели, что партийные митинги, которые в основном ограничивались Мюнхеном, Верхней Баварией, и Франконией, проводились удовлетворительно и неприятности предотвращались. В большинстве случае мы добивались успеха. Но иногда мы сталкивались с сильными группами наших противников. Как одна, так и другая сторона имели оружие, оставшееся после войны, иногда возникали критические ситуации, и в некоторых случаях нам приходилось отправлять отряды СА в качестве подкрепления для местных организаций.

В течение 1923 контраст между Баварией и Рейхом стал ещё сильнее.

Можно было видеть, что баварское правительство, хотело пойти другим путём нежели правительство Рейха. На правительство Рейха сильно влиял марксизм, в то время как баварское правительство было свободно от него, оно было буржуазным.

Затем, внезапно баварское правительство было полностью преобразовано, когда генерал-губернатор – мне кажется он так назывался – или, что то вроде того, был назначен в Баварию. Это был фон Кар[171], которому подчинялось баварское правительство и которому баварское правительство делегировало все свои полномочия. Вскоре после этого возник конфликт в Рейхсвере. 7-я дивизия Рейхсвера, расквартированная в Баварии, была освобождена от своей присяги Рейху, которую она давала на конституции Рейха – я уже не помню его имени – то есть фон Кару. Это вызвало конфликт между генералами фон Сектом[172] и Лоссов[173]. То же самое произошло с баварской полицией.

Баварское правительство в то же время пользовалось доверием со стороны так называемых национальных ассоциаций, которые частично были организованы в военных или полувоенных чертах и также владели оружием. В целом это было направлено против Берлина и как мы выражались против «Ноябрьской республики». В этом мы соглашались.

В воскресенье, перед 9 ноября, в Мюнхене был большой парад. Все баварское правительство находилось там. Маршировали Рейхсвер, полиция и патриотические ассоциации, а также мы. Внезапно, мы обнаружили, что на трибуне стоит не фон Кар, а баварский крон-принц Руппрехт[174]. Нас это сильно озадачило. У нас появились подозрения, что Бавария, хочет пойти по пути который возможно приведёт к значительному распаду и Бавария может выйти из состава Рейха. Не было ничего более далекого от наших планов чем это. Мы хотели сильного Рейха, единого Рейха, и мы хотели видеть его свободным от определенных партий, а также от нынешнего руководства.

Мы разуверились в так называемом «марше на Берлин». Когда это стало совершенно точным и господин фон Кар созвал знаменитый митинг в Burgerbraukeller[175] настало время сорвать эти планы, и предпринять конкретные шаги в направлении плана «Великой Германии». Таким образом, события 9 ноября 1923 материализовались за очень короткое время. Что касается лично меня, я был готов – и никогда не делал из этого секрета – принять участие в любой революции против так называемой «Ноябрьской республики» независимо от того, какой повод

---

[171] Густав фон Кар (1862 — 1934) — немецкий политический деятель. Монархист. В 1923-1924 генеральный комиссар Баварии. Убит в ходе подавления мятёжа Рёма.

[172] Йоханнес фон Сект (1866 — 1936) — немецкий генерал-полковник, участник Первой мировой войны, командующий сухопутными войсками Рейхсвера. В 1920-1926 начальник командования сухопутными войсками.

[173] Отто фон Лоссов (1868 — 1938) — немецкий офицер, генерал-лейтенант. В 1923-1924 командующий 7-м военным округом.

[174] Рупрехт Виттельсбах (1869 — 1955) — кронпринц Баварии, баварский генерал-фельдмаршал (23 июля 1915 года), прусский генерал-фельдмаршал (1 августа 1916 года).

[175] Бюргербройкеллер — огромный пивной зал на 1830 человек в Мюнхене, располагавшийся на Розенхаймерштрассе, 15. Пивной зал был открыт в 1885 году.

для этого возникнет и кем будет инициирован за исключением действий левых, и для этих задач я всегда готов был предоставить свои услуги.

Затем я был тяжело ранен на Фельдхернхалле[176] – эти события хорошо известны – на этом инциденте завершилась моя первая глава.

Штамер: Когда, после этих событий, вы снова оказались рядом с Гитлером?

Геринг: Сначала я находился в госпитале в Австрии. А здесь в Баварском народном суде был процесс по делу 9-го ноября.

Штамер: Кому предъявили обвинения?

Геринг: Гитлер был главным обвиняемым и естественно все остальные, кто присутствовали и были задержаны. Несколько дней я находился в в тяжелом состоянии Верхней Баварии, затем был перевезен к границе, арестован, после чего баварская полиция перевела меня в другое место. Тогда я спрашивал Гитлера, должен ли я появиться на процессе. Он решительно попросил меня не делать этого, и это было правильно. Таким образом, разбирательство не смогло бы проходить в закрытом режиме, так как я заявил о том, что если это будет сделано, я, со своей стороны сделаю публичные заявления по поводу этого процесса.

Затем после своего выздоровления, я провел около года в Италии; затем где-то еще за рубежом. В 1926 или 1927 году была объявлена всеобщая амнистия для всех людей которые участвовали в разных незаконных – если можно так сказать – действиях которые тогда случились, не только для нас, но также для леваков, и крестьян, и я смог вернуться в Германию.

Я снова встретил Гитлера в 1927, на довольно коротком совещании в Берлине, на котором он присутствовал. Тогда я активно не участвовал в работе партии, скорее я даже старался держаться более независимо. Затем на протяжении месяцев, я снова никак не соприкасался с Гитлером. Незадолго до майских выборов в Рейхстаг в 1928, Гитлер вызвал меня и сказал, что хотел поставить меня одним из первых кандидатов в Рейхстаг от национал-социалистической партии и спросил меня хочу ли я, и моим ответом было: «Да», а также может ли моя активность в партии в большей степени…

Штамер: Один вопрос. Между тем вы вступили в СА?

Геринг: Нет, тогда я больше не имел к СА никакого отношения. Между тем произошли новые назначения, и новый руководитель СА, фон Пфеффер[177], естественно держался за свое место и не хотел видеть моего тесного контакта с СА.

Штамер: Значит после 1923, у вас не было места или должности в СА?

Геринг: После 1923 моя активная работа в СА прекратилась. Лишь после захвата власти, позднее, когда были созданы так называемые почетные должности, я получил почетную должность, высшее звание в СА. Но возвращаясь в 1928, я был

---

[176] Фельдхернхалле («Зал баварских полководцев») — лоджия в южной части площади Одеонсплац в мюнхенском районе Максфорштадт.

[177] Франц Пфеффер фон Заломон (1888 — 1968), руководитель Штурмовых отрядов (СА) (1 ноября 1926 года — 29 августа 1930 года), обергруппенфюрер СА.

избран в Рейхстаг и с этого времени я стал ездить по стране, в качестве представителя партии.

СА, не помню в каком году, были реформированы и перестали ограничиваться одной Баварией, распространившись на весь Рейх.

Штамер: Были ли они запрещены после 1923?

Геринг: После 1923, они были некоторое время запрещены.

Штамер: Когда этот запрет был снят?

Геринг: Не могу сказать точно, когда именно, во всяком случае, это произошло до момента моего возвращения в Германию. В любом случае, они распространились на всю Германию, и это было крайне необходимо. Партии того времени, крупнейшие из них, все имели так называемые боевые отряды. Наиболее активным, я помню, был «Красный фронт»[178], объединение боевых отрядов коммунистов, наших крупнейших противников, с которыми у нас постоянно происходили схватки, и которые часто пытались сорвать наши митинги. Кроме того существовала «Reichsbanner»[179], организация социал-демократов, демократической партии. Был еще «Stahlhelm [180]»; националистическая организация правых. И затем были наши СА, которые нужно указать в этой связи.

Я должен подчеркнуть, что тогда СА несли тяжелые потери. Большинство членов СА были выходцами из широких масс: мелкими служащими, рабочими, людьми которые участвовали по идеологическим причинам, предоставляя свои услуги по ночам и вечерам, не получавшие никакой оплаты, и делавшие это только исходя из своей веры в отечество. Они часто получали тяжелые ранения, многих застрелили в ходе столкновений. Они преследовались правительством. Они не могли быть чиновниками, чиновник не мог вступить в СА. Им приходилось терпеть ужасное давление. Я бы хотел подчеркнуть, что у меня было огромное уважение и расположение к этим людям, членам СА, которые не решились, как здесь представляют, делать нечто жестокое, но которые, скорее являлись людьми, которые добровольно подвергали себя наиболее сложным испытаниям и ограничениям, из-за своего идеализма и целей и отказывались от многих вещей ради своих идеалов.

Штамер: Какое место вы занимали в партии в течение 1928 до захвата власти.

Геринг: У меня не было никакой партийной должности. Я никогда не был политическим руководителем в партии, наверное, это странно, ни в рейхсляйтунге ни где-то ещё. Прежде всего, как я сказал, я являлся членом Рейхстага и соответственно членом партийной фракции в Рейхстаге. В то же время я являлся партийным оратором, я ездил из города в город и пытался сделать все, что мог,

---

[178] Союз красных фронтовиков или Рот Фронт (Rote Front) — немецкая коммунистическая политическая и боевая организация в 1924—1933 годах.

[179] Рейхсбаннер — государственный чёрно-красно-золотой стяг, нем. Bund deutscher Kriegsteilnehmer und Republikaner — Союз германских участников войны и республиканцев) — межпартийная, но фактически руководимая СДПГ демократическая политическая и боевая организация, существовавшая в Германии в 1924—1933 годах.

[180] «Стальной шлем, союз фронтовиков» — немецкая правоконсервативно-монархическая политическая и боевая организация в 1918—1933 гг.

чтобы расширить партию, усилить её, привлечь и убедить новых членов, и особенно привлечь на нашу сторону сторонников коммунистов и марксистов, чтобы создать широкую базу в народе и иметь не только правые круги, которые сами по себе являлись националистическими.

С середины 1932, после того как мы окунулись в бесчисленные выборы, в кампаниях которых я должен был участвовать, произнося речи, например, по три за вечер, а часто и всю ночь; я как член партии, или лучше сказать, потому что партия имела сильнейшее представительство в Рейхстаге, был избран президентом Рейхстага и соответственно должен был принять общеполитическую задачу.

Незадолго до этого, в конце 1931, когда я увидел, что партия увеличилась в чрезвычайной мере и набрала поддержку, фюрер сказал мне о том, что он очень сильно хотел бы иметь прямого представителя, независимого от партийной должности, который мог вести политические переговоры. Этот человек не должен был быть связан с конкретной партийной должностью. Он спросил у меня, не приму ли я эту функцию, в особенности в связи с тем, что я всё равно проживал в столице Рейха.

Я принял это поручение – это была не должность, а скорее поручение общего характера. В нескольких фразах он объяснил мне, что я свободен в ведении переговоров со всеми партиями от коммунистов до крайне правых, в целях, скажем так, проведения особой акции в Рейхстаге или других подходящих политических шагов. Естественно, в связи с этим мне также была поставлена задача распространения и внедрения наших идеалов во всех кругах. К этим кругам относились, как уже отмечалось, промышленные и интеллектуальные группы. В связи с тем, что я имел связи и доступ ко всем этим кругам, было вполне естественно, что фюрер считал меня в особенности подходящим для такой задачи, так как он мог абсолютно рассчитывать на меня в этом, и знал, что я использую все свои силы для продвижения наших идей. Когда я стал президентом Рейхстага, моя задача сильно упростилась, так как теперь я был, так сказать, правомочен и даже обязан участвовать в политических событиях. Например, если правительство уходило в отставку перед Рейхстагом, или уходило в случае вынесения вотума недоверия, моя обязанность как президента Рейхстага заключалась в том, чтобы после переговоров с партиями предложить рейхспрезиденту, то, какие, по моему мнению, существовали возможности для нового коалиционного правительства. Таким образом, рейхспрезидент всегда должен был принимать меня в таком качестве по этим вопросам. Поэтому я мог создать довольно тесную связь между рейхспрезидентом и мною. Но в связи с этим я хочу подчеркнуть, что такая связь существовала и ранее; этому причиной было, конечно то, что фельдмаршал фон Гинденбург, знал меня со времен Первой мировой войны, и если я просил он всегда меня принимал.

Штамер: Какую роль вы сыграли в назначении Гитлера рейхсканцлером?

Геринг: Сначала я должен объяснить, что когда я говорил о том, что я не имел никакой должности в партии, никакой политической должности, несмотря на это моё положение, естественно становилась сильнее и сильнее, особенно с конца 1931, когда я все плотнее и плотнее стал работать с фюрером, и конечно считался его специальным представителем, но только на основе обычного и естественного авторитета, сильно возросшего после захвата власти.

Что касается моего участия в назначении Гитлера: давая объяснения трибуналу, сначала я должен кратко описать сложившуюся тогда ситуацию. Баланс между парламентскими партиями был поколеблен уже в конце 1931 или начале 1932. В Германии дела шли плохо, и нельзя было добиться устойчивого парламентского большинства, уже вступил в силу указ о чрезвычайных мерах, частично исключив действие конституции. Я вспоминаю кабинет Брюнинга[181], который в значительной мере вынужден был работать при указе о чрезвычайных мерах и который в то время также был сильно озабочен статьей 48 конституции Рейха. Затем появился кабинет фон Папена, который также не смог создать для себя парламентскую основу, на более длительной и устойчивой платформе. Тогда господин фон Папен попытался реализовать такую возможность, и с целью создания парламентской платформы, попросил национал-социалистов, сильнейшую партию того времени, создать такую основу совместно с другими партиями. Были разговоры – имя фон Папена предложили президенту в качестве кандидата в рейхсканцлеры – при том, что Гитлера должен был стать вице-канцлером в этом кабинете. Я помню, что тогда сказал господину фон Папену, о том, что Гитлер, может быть кем угодно, но только не вице. Если он должен будет что-то сделать, он естественно должен играть главную роль, и было бы недопустимым и немыслимым, чтобы фюрер занимал второстепенную позицию. Тогда бы нам пришлось играть роль правительства, но возможно совсем не в соответствии с нашими взглядами, и Гитлер, как представитель сильнейшей партии нес бы ответственность за такие вещи. Мы категорически отвергли это. Я бы не хотел развивать эту тему, так как господин фон Папен вместе со мной находится на скамье подсудимых. Он знает, что мы всегда его лично уважали, но тогда, я сказал ему, что после такого жеста ведущего в никуда, мы не только не станем поддерживать его, но также будем решительно противостоять его правительству в Рейхстаге, также как мы будем бороться с любым следующим правительством, которое не собиралось предоставить нам ведущее влияние в канцелярии.

Затем возник, я не помню через сколько месяцев, нахождения Папена в должности, между нами произошел известный конфликт, им в качестве рейхсканцлера и мной как президента Рейхстага, в котором моё намерение заключалось в том, чтобы добиться падения его правительства, и я знал, о том, что,

---

[181] Генрих Брюнинг (1885 - 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики (1930-1932).

должно быть прошение о «недоверии» от коммунистов в котором участвовали практически все. При любых обстоятельствах нужно было проголосовать за «недоверие», чтобы показать рейхспрезиденту, что никакое правительство не сможет править без сколько-нибудь сильных резервов. Я видел «красную папку» и знал, что указ о роспуске был в ней, но хотел сначала провести голосование. Тридцать два голоса были за фон Папена и почти пятьсот против. Правительство фон Папена было отправлено в отставку.

До этого момента все партии поучаствовали в формировании кабинетов, за исключением совсем мелких партий. Все кто только мог, побывали на глазах у народа. Ближе к концу, рейхсминистр обороны фон Шлейхер[182], политическая фигура стоявшая за кулисами, стал играть все возраставшую роль. Следовательно, теперь существовало только две возможности: либо нужно принять в расчёт подлинную пропорцию власти и лидер сильнейшей партии, как это в целом заведено, придёт на собрания и будет наделён властью, либо начнет действовать человек стоящий за кулисами. Именно так и случилось. Господин фон Шлейхер принял должность канцлера, и это является важным, одновременно с должностью рейхсминистра обороны. Не только нам, но и другим партиям было ясно, что господин Шлейхер имеет ещё меньше симпатизирующих, чем господин фон Папен, и не сможет получить большинство, поэтому целью фон Шлейхера было установление военной диктатуры. Затем у меня были дискуссии с господином фон Шлейхером, и я говорил ему, что даже сейчас возможно создание парламентского большинства. В результате совещаний я добился объединения немецких националистов, национал-социалистов, Центра[183], Немецкой народной партии[184] и небольших групп поддержки в большинство. Мне было ясно, что такое большинство может быть только временным, потому что слишком велики были сталкивающиеся интересы. Но для меня было безразлично, каким путем я приведу партию к власти – путем переговоров хорошо, назначением рейхспрезидента, еще лучше.

Эти переговоры были прекращены господином фон Шлейхером, так как он понимал, что в таком случае он не сможет остаться канцлером. Затем снова были чрезвычайные законы и указ о чрезвычайных полномочиях. В результате этого парламент более или менее был отстранен от принятия решений ещё до нашего захвата власти.

---

[182] Курт фон Шлейхер (1882 — 1934) — рейхсканцлер Германии с декабря 1932 по январь 1933 года, предшественник Гитлера на этом посту и, таким образом, последний глава правительства Веймарской республики. В 20-е годы начальник ряда ведомств в Рейхсвере. Убит в ходе подавления путча Рёма.

[183] Партия Центра, Партия католического Центра — политическая партия в Германии, одна из самых влиятельных в период Германской империи и Веймарской республики. Выражала интересы католической части населения страны. Существовала в 1870-1933. Распущена нацистами.

[184] Немецкая народная партия — политическая партия в Германии периода Веймарской республики, созданная на основе правого крыла Национал-либеральной партии Германии. ННП была основана в ранний период существования Веймарской республики.

Я немедленно бросил вызов господину фон Шлейхеру, причем более решительный, чем его предшественнику господину фон Папену. Между тем состоялись президентские выборы, а после них выборы в Рейхстаг, на которых, после роспуска кабинета фон Папена, мы потеряли несколько мест. Наше представительство уменьшилось с 232 до 196 мест. Затем в январе прошли следующие выборы, показавшие чрезвычайный рост симпатий к нашей партии, и подтвердившие, что небольшой кризис преодолен и, что наша партия стала еще сильнее, чем была до того.

В воскресенье, 22 января 1933, 30-е число было понедельником, я находился в Дрездене на крупном политическом митинге, когда утром меня срочно вызвал в Берлин фюрер. Я прибыл тем же вечером, и он рассказал мне то, о чём я уже знал, о том, что рейхспрезидент всё больше недоволен фон Шлейхером, и не считает возможным продолжать политические дела подобным образом без особого успеха, рейхспрезидент самостоятельно пришел к выводу о необходимости возложить хотя бы какую-то ответственность на сильнейшую партию. До этого момента у пожилого человека, очень грамотно создавали ошибочное представление о фюрере, и он имел предубеждение, наверное, его оскорбляло слово социализм, так как он понимал его по-другому.

Гитлер кратко пояснил мне, что вечером того же дня я должен был переговорить с сыном фельдмаршала в доме господина фон Риббентропа. Мне кажется, господин фон Папен должен был быть там, а также, я не уверен в этом Мейсснер[185], который являлся государственным секретарем рейхспрезидента. Сын фельдмаршала хотел выяснять от имени отца, какие возможности есть для назначения Гитлера канцлером и передачи ответственности партии. В довольно долгой беседе, я заявил сыну, о том, что он должен сказать своему отцу, что так или иначе, фон Шлейхер приведёт к катастрофе. Я объяснил новые основные условия формирования нового правительства, и теперь я услышал о готовности фельдмаршала доверить Гитлеру канцлерство, соответственно рассматривая партию в качестве главной основы будущего правительства большинства, если Адольф Гитлер также способен привлечь немецких националистов и «Stahlhelm» – так как он хотел видеть чёткую национальную основу. «Stahlhelm» не являлся парламентской партией, но имел много сторонников. Немецкие националисты Гугенберга[186] были парламентской партией.

Больше в тот вечер не было дискуссии. Я сказал сыну фон Гинденбурга, что он может определённо сказать своему отцу, о том, что я, несомненно, буду

---

[185] Отто Мейснер (1880 — 1953) — влиятельный государственный чиновник в Германии эпохи Веймарской республики и Третьего Рейха. В Веймарской республике входил в ближайшее окружение рейхспрезидентов Фридриха Эберта и Пауля фон Гинденбурга (1919—1934), в Третьем Рейхе руководил президентской канцелярией фюрера (1934—1945).

[186] Альфред Гугенберг (1865 — 1951) — влиятельный немецкий предприниматель и политик. Министр первого кабинета Адольфа Гитлера в 1933 году.

добиваться этого, и фюрер дал мне указание, провести на следующей неделе переговоры с этими партиями с одной стороны, и с рейхспрезидентом с другой. И там и там имелись сложности. Я выяснил, что наше согласие…
Председатель: Я считаю нам необходимо прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Штамер: Вы рассматривали вопрос о вашем участии в назначении Гитлера рейхсканцлером. Вы продолжите?
Геринг: Я подошел к последнему решающему периоду. Переговоры осложнились. Фельдмаршал, рейхспрезидент фон Гинденбург, который до этого знал фюрера лично только по двум беседам, и который ещё не преодолел недоверия к нему – недоверия, которое внушалось и подпитывалось многие годы посредством разных влияний, просто потому, что он не знал его, требовал тогда определенных жёстких ограничений, при которых, мы, сильнейшая и лидирующая партия, которая готова была взять ответственность за нацию, являлась бы сравнительно ограниченной относительно нашей силы и слабо представленной в правительстве.

Не следует забывать, что тогда Германия находилась в низшей точке нисходящей тенденции. Было 8 миллионов безработных, любые программы проваливались, доверия к партиям больше не было, был очень сильный рост со стороны революционных леваков и политическая нестабильность. Поэтому были необходимы, такие меры, которых люди ждали от нас, если бы мы находились в правительстве и которые мы должны были отстаивать. Таким образом, было тяжким бременем брать на себя такую ответственность в таких жёстких политических условиях.

Первое условие: рейхспрезидент хотел, в любых обстоятельствах, чтобы господин фон Папен стал в кабинете вице-канцлером. Кроме симпатии к своей личности господин фон Папен, ничего не мог нам дать, потому что за ним не было никакой партии. Но помимо этого рейхспрезидент потребовал, чтобы господин фон Папен присутствовал на представлении докладов, которые фюрер, после назначения рейхсканцлером должен был делать для рейхспрезидента. Однако от этого быстро отказались, и это сделал сам рейхспрезидент.

Во-вторых: рейхспрезидент пожелал, чтобы министерство иностранных дел было независимым от всех партий и должно было находиться в руках господина фон Нейрата. Господин фон Нейрат, также не мог дать нам никаких политических ресурсов, кроме своих знаний и способностей.

В-третьих: должность министра-президента Пруссии, вторая по важности после рейхсканцлера, являвшаяся наиболее важной в Германии после мировой войны, должна была быть отдана человеку господина фон Папена. До мировой войны, как известно, должности рейхсканцлера и министра-президента Пруссии по

этим причинам были объединены в одном лице.

В-четвертых: рейхспрезидент потребовал, чтобы должность рейхсминистра обороны находилась в руках независимого человека, солдата, и он лично выбрал его без нашего участия, а именно генерала фон Бломберга, который в тот момент находился на Конференции по разоружению в Женеве. Господин фон Бломберг тогда был неизвестен ни мне, ни фюреру.

При том, что существенные и определенно самые важные посты в кабинете таким образом уже были заняты людьми, на выбор которых мы не имели никакого влияния, в течении недели были выдвинуты дальнейшие требования. Потребовали, чтобы министерство финансов находилось в руках графа Шверина фон Крозига[187], и вновь человека без поддержки политической партии. Министерство транспорта должно было находиться в подчинении господина фон Эльца[188], к которому относилось тоже самое. Лидер «Stahlhelm», Зельдте[189], должен был быть включён в состав правительства. Безусловно «Stahlhelm» был крупным и широким движением, но не политическим, и он был представлен в Рейхстаге одним депутатом.

Оставалась, в качестве действительно политической партии - Немецкая национальная партия[190], с 36 местами – так сказать, наш парламентский союзник. И здесь тоже, у неё были, огромные запросы, несоответствующие размеру партии.

В конце концов, нам, как сильнейшей партии того времени, имевшей 232 места, насколько я помню, дали следующее: конечно должность рейхсканцлера, затем доктор Фрик в качестве министра внутренних дел и третьим в рейхскабинете, я, в качестве рейхскомиссара авиации, очень небольшое учреждение в составе управления авиации министерства транспорта, даже не управление. Но мне все же удалось, без предварительных условий стать прусским министром внутренних дел, и соответственно политическим министром крупнейшего немецкого государства, так как Пруссия, в конце концов, была местом, где началось восхождение к внутренней власти.

Это было чрезвычайно трудным делом. До последнего момента формированию кабинета грозила неудача ввиду двух причин. Фюрер выдвинул безусловное требование, о том, что вскоре после назначения нового кабинета должны пройти новые выборы в Рейхстаг, правильно полагая, что партия

---

[187] Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. После самоубийства Адольфа Гитлера совместно с гросс-адмиралом Карлом Дёницем сформировал т. н. «Фленсбургское правительство», где занимал должности главного министра (премьер-министра) и министра иностранных дел вплоть до его роспуска 23 мая 1945 года. Американским трибуналом был приговорён к 10 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

[188] Петер фон Эльц-Рюбенах (1875 — 1943) — немецкий государственный деятель. Министр транспорта и связи Германии в 1932-1937.

[189] Франц Зельдте (1882 — 1947), государственный и политический деятель Германии, один из руководителей организации «Стальной шлем», рейхсминистр труда (июнь 1932 — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СА (1933), прусский государственный советник. Умер находясь под арестом.

[190] Германская национальная народная партия – националистическая и консервативная немецкая политическая партия, основанная в 1918. Члены партии входили в состав первого правительства А. Гитлера. Распущена в 1933.

значительно усилится в их результате и сможет сама по себе создать большинство, и таким образом сформировать правительственную платформу с помощью парламентских средств.

Гугенберг лидер Немецкой национальной партии, абсолютно возражал этому, зная, что после выборов его партия более или менее исчезнет. Даже за пять минут до заседания кабинета существовала опасность, того, что оно распадётся. Было чистой случайностью, то, что как раз в этот момент рейхспрезидент распорядился привести к присяге новых министров, и так был сформирован кабинет.

Второй угроза исходила от Шлейхера, который, через доверенное лицо в воскресенье сделал предложение фюреру и мне, он хотел подчеркнуть, что рейхспрезидент это не настолько надежный фактор по отношении к новому правительству, и оно сможет лучше работать если он, при том, что днем ранее его уволили, присоединится к нам в вопросе формирования правительства уже не на парламентарной основе, а скорее на основе нового альянса, коалиции Рейхсвера и НСДАП.

Фюрер отказался, сознавая, что это невозможно, и такие намерения являются бесчестными.

Когда господин фон Бломберг, утром в понедельник прибыл на железнодорожную станцию из Женевы, ему поступило два приказа, один от господина фон Хаммерштейна[191], начальника армейского командования и его вышестоящего офицера о немедленном прибытии к нему, другой приказ поступил от Гинденбурга, его главнокомандующего о немедленном прибытии к нему. Это была, известная немногим, попытка путча Шлейхера и Хаммерштейна с помощью гарнизона Потсдама.

В воскресный вечер я указал на это рейхспрезиденту фон Гинденбургу, и по этой причине, за два часа до заседания правительства, фон Бломберг был назначен военным министром или в то время рейхсминистром обороны, с целью предотвратить волнения в Рейхсвере.

В 11 часов утра 30-го кабинет было сформирован, и Гитлер был назначен рейхсканцлером.

Штамер: По вашему мнению, партия пришла к власти законным способом?

Геринг: Конечно же, партия пришла к власти совершенно законным способом, потому что партия была призвана рейхспрезидентом согласно конституции, и с учетом действовавших принципов, партию должны были призвать гораздо раньше. Партия набрала силу и пришла к власти путем обыкновенных выборов и с соблюдением закона.

Штамер: Какие меры вы предприняли для укрепления вашей власти после

[191] Курт фон Хаммерштейн-Экворд (1878 — 1943) — немецкий генерал-полковник, который некоторое время занимал пост главнокомандующего Рейхсвера. Был известен как убежденный противник Гитлера и нацистского режима.

назначения Гитлера?

Геринг: Само собой разумеется, что раз уж мы пришли к власти, мы решили сохранить власть при любых обстоятельствах. Нам не нужна была власть и правительственные полномочия только ради них самих, власть и правительственные полномочия нужны были нам для того, чтобы сделать Германию свободной и великой. Мы не могли дать места случайности, выборам, парламентскому большинству, но мы хотели реализовать нашу задачу, ради которой нас призвали.

Для того, чтобы консолидировать эту власть было необходимо преобразовать политические взаимоотношения во власти. Это было сделано таким образом, что вскоре после захвата правительственной власти в Рейхе и Пруссии, в других государствах стали формироваться более или менее национал-социалистические правительства.

Во-вторых, нужно было теперь заменить так называемых политических чиновников, которых согласно конституции Рейха можно было отозвать в любой момент или уволить, что было обычным делом, на людей из сильнейшей партии.

Что касается законности, то есть, мнения о том, что мы пришли к власти законно, я хочу подчеркнуть в особенности два соображения.

Первое: с 1925 по 1932 в Германии прошло не меньше чем 30 выборных кампаний в Рейхстаг, ландтаги[192], а также на пост президента. Тот факт, что 37 партий выдвинули кандидатов на одних выборах в Рейхстаг, сам по себе показывает ясную картину того, как получалось, что одна сильная коалиция формировала так называемое правительственное большинство, а другая сильная группа формировала оппозицию, и обе имели совершенно противоположные взгляды. Представьте себе оппозицию, сформированную например, в целом коммунистами и национал-социалистами, и такой факт, что одна маленькая партия, имеющая всего восемь представителей, теперь являлась решающим фактором, и в двух чтениях закона, особенно решающего закона, каждый закон должен был пройти три чтения, голосовала против правительства и обеспечивала себе существенные политические и материальные преимущества, чтобы протолкнуть закон для правительства в третьем, окончательном чтении.

Второй момент, который я бы хотел отметить, относительно законности нашего прихода к власти, заключается в следующем:

Если бы демократическая избирательная система Англии или Соединённых Штатов Америки существовала в Германии, тогда бы Немецкая национал-социалистическая рабочая партия, уже в конце 1931, законно получила бы в Рейхстаге все места без исключения. Так, во всех избирательных округах Германии в то время, в начале 1932 и позднее, я снова это подчёркиваю, НСДАП являлась сильнейшей партией, то есть, взяв избирательную систему как она есть в Великобритании или Соединённых Штатах, все эти небольшие партии не смогли бы

[192] В Германии органы законодательной власти регионов.

получить ни одного места, и в Рейхе остались бы только национал-социалисты, и это произошло совершенно законным способом согласно демократическим принципам этих двух великих демократий.

В целях дальнейшего захвата власти политические учреждения заполнялись новыми должностными лицами, также как в других землях, когда сменялась власть одной партии на власть другой. Кроме министров были, прежде всего, это были, возьмём Пруссию в качестве примера, административные руководители провинций, руководители районов, полицейские уполномоченные, главы округов. В дополнение была некая дальнейшая градация, мне кажется вплоть до министериальдиректоров, тех, кто считался политическими чиновниками. Районные прокуроры рассматривались в качестве политических чиновников. В целом это иллюстрирует систему должностей, которые переназначались в случае смены власти и ранее являлись предметом торга партий имевших большинство. У нас это не заходило так далеко как в других странах вплоть до замены почтальона. Это была смена должностных лиц, но только на наиболее важных постах.

Несмотря на это мы поначалу сделали очень мало в этом направлении. Прежде всего, я попросил господина фон Папена уступить мне пост прусского министра-президента, так как он, не имея за собой партии, не смог бы хорошо провести эту перестановку, но скорее я, то есть, один из нас должен был провести её. Мы сразу же это согласовали. Впоследствии, я заместил национал-социалистами, в относительно небольшом количестве основные прусские учреждения. В то же время я великодушно разрешил социал-демократам многие недели занимать свои должности. Я заместил несколько провинциальных должностей ведущими католическими личностями, которые были более близки к партии Центра, чем к нам. Но медленно, постепенно, по прошествии времени эти должности в той мере в какой они являлись ключевыми административными местами, конечно же, замещались национал-социалистами, вряд ли могло быть иначе в ходе перестановок, поскольку эти должности соответствовали политическим округам. Вплоть до самого конца, главы районов были частично национал-социалистами, а частично обычными чиновниками. Такое же положение было в ландратах. В случае полицейских уполномоченных, я бы хотел донести до трибунала информацию, о том, что полицейские уполномоченные поначалу не имели ничего общего с Гестапо. Полицейский уполномоченный в крупных городах выполнял те же функции что и ландрат в деревне, по крайней мере, частично. На эти должности полицейских уполномоченных всегда назначали людей из крупнейших партий, вплоть до захвата власти. Таким образом, на этих должностях я находил социал-демократов, которые не могли, при самых лучших побуждениях остаться, так как они всегда были нашими оппонентами до этого. Это бы было абсурдом. Я замещал эти должности полицейских уполномоченных частично национал-социалистами, но частично и людьми, не имевшими отношения к партии. Я помню, что на наиболее важную

должность полицейского уполномоченного во всем Германском Рейхе, в Берлине, я назначил адмирала фон Леветцофа[193], отставника, который не являлся членом партии. На некоторые должности я ставил бывших руководителей СА.

С целью консолидации власти, которая казалась важной не только для меня, но и для всех нас, потому что этим закладывался фундамент нашей будущей работы, всё большее влияние стало оказываться на рейхскабинет. Новые национал-социалисты получали должности в качестве министров. Создавались новые министерства. Дополнительно принималось множество новых основных законов.

Было совершенно ясно, каждому кто был знаком с условиями Германии, как за рубежом, так и особенно в Германии, что мы хотим покончить с коммунистической партией настолько быстро настолько возможно. Абсолютно необходимым следствием этого было то, что она должна была быть запрещена. Мы были убеждены в том, что если бы коммунистическая партия, которая была сильнейшей после нас смогла придти к власти, она бы точно не взяла ни одного национал-социалиста в правительство и вообще бы их не потерпела. Мы были осведомлены о том, что нас могут устранить совершенно другим способом.

Следующим моментом в консолидации власти должно было стать в некоторой мере устранение Рейхстага как парламента, по крайней мере, на период реорганизации, так как его влияние тогда сильно возросло. Однако, это произошло ввиду того факта, что после новых выборов у нас было абсолютное большинство в Рейхстаге. В некоторых случаях мы предлагали бывшим партиям самороспуститься, так как они больше не имели никакого значения, те партии, которые отказывались самороспускаться, были распущены нами. Я говорю о коммунистической и социал-демократической[194] партиях. Кроме того, мы стремились, наконец выполнить давнюю, давнюю жажду немецкого народа, и теперь прорисовывалась не только структура Рейха, наконец-то возник единый Германский Рейх. Этой задаче служила ясно выраженная идея Рейха и власти Рейха над бесчисленными государствами и провинциями. Если раньше, до Первой мировой войны для пламенного немецкого патриота было трудно встать рядом с кучкой мелких принцев, это было еще хуже с теми, кто занял их место, так как в результате вместо одной небольшой воли появилось множество разных связанных с партиями чиновников.

В Рейхе большинство полагалось на одну вещь, в Пруссии на другую, в Баварии, тоже на другую; и в Гессене, на нечто совсем иное. При такой ситуации

---

[193] Магнус фон Леветцов (1871 – 1939) – немецкий контр-адмирал. Полицай-президент Берлина в 1933-1935.

[194] Социал-демократическая партия Германии (СДПГ; нем. Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD) — одна из двух крупнейших партий Германии, основана 23 мая 1863 Фердинандом Лассалем как Общегерманский рабочий союз. В 1875 году ОГРС объединился с созданной в 1869 году Социал-демократической рабочей партией Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля. В 1878—1890 и 1933—1945 гг. действовала нелегально. Своё современное название получила в 1890 году, после отмены германского Исключительного закона против социалистов.

невозможно было возродить суверенитет Рейха, и сделать его снова великим.

Поэтому исходя из наших принципов, я предложил фюреру распустить парламенты государств. В Пруссии я начал с ликвидации государственных парламентов, которые я считал совершенно излишними, по той простой причине, что принцип «доминион Рейха, а не государственная власть» уже был в действии. Я не видел никаких причин, почему должно существовать столько органов власти, вместе с их ненужными трениями и спорами, подрывавшими конструктивную работу. При том, что, и я, и фюрер, прежде всего хотели видеть Рейх единым, мы всегда поддерживали идею того, что внутри немецких государств и провинций культурная жизнь должна оставаться многообразной и следовать местным традициям; то есть, все старинные центры культуры, как известно, сформированные вокруг Мюнхена, Дрездена, Веймара, и так далее, должны были продолжать существовать и получать поддержку.

Для дальнейшей консолидации власти создавались законы, которые, прежде всего, были призваны ликвидировать все дальнейшие препятствия на пути прогресса, то есть, на основе параграфа 48, закон отбрасывал так называемые свободы. Концепция этих свобод весьма спорный вопрос. Был принят закон «О защите народа и государства», закон который был чрезвычайно необходим. В прошлом было запрещено многое из того, что могло поощрять патриотическую деятельность, в то время как разрешалось бестактное унижение немецкого народа, его истории, символов и предметов, которые, прежде всего являлись святыми для патриота и их никак не защищали.

Само собой, что в связи с возникшей в то время концепцией «конформизма», было сделано много ненужных и крайних вещей, так как после захвата власти движение развивалось по революционному пути, хотя и не такому пути который мы знали в истории до тех пор, такому как Французская революция[195], или великая большевистская революция[196] то есть, не по пути крупных столкновений и жестоких перемен, революционных трибуналов, которые казнили людей сотнями тысяч, но при этом с сильной революционной целью в направлении единства государства и партии, и национал-социализмом, в качестве основы для руководства и идеологии.

Этот «конформизм», который я назвал, проявлялся в деталях, но как я уже сказал, в случае такой резкой политической трансформации люди часто переступали черту там и здесь. Лично я не считал необходимым, чтобы все организации стали теперь национал-социалистическими или чтобы, если я высказался слишком резко,

[195] Великая французская революция — крупнейшая трансформация социальной и политической системы Франции, приведшая к уничтожению в стране Старого порядка и абсолютной монархии, и провозглашению Первой французской республики.

[196] Октябрьская революция (полное официальное название в СССР — Великая Октябрьская социалистическая революция, иные названия: «октябрьский переворот», «Октябрьское восстание», «большевистский переворот») — одно из крупнейших политических событий XX века, произошедшее в России в октябре (по новому стилю — в ноябре) 1917 года и повлиявшее на дальнейший ход всемирной истории.

каждый клуб или похожая организация абсолютно должны были иметь председателем национал-социалиста. Но в решающих политических вопросах, принципиальных вопросах, наши идеи и идеология должны были признаваться всё больше и больше, так как это являлось основным условием для восстановления, создания и укрепления Рейха.

Дополнительное усиление, которое случилось лишь после смерти рейхспрезидента фон Гинденбурга в 1934, выразилось в утверждении должностей главы государства и рейхсканцлера в одном лице. В связи с этим хочу добавить, что по этому случаю я имел долгую беседу с фюрером. С самого начала мы обсуждали возможность того, должен ли Гитлер стать главой государства, и должен ли я принять канцлерство. С учетом темперамента фюрера и его настроя было немыслимо, чтобы фюрер, сидя на троне над политическими облаками, так сказать, должен был выступать только в качестве главы государства. Он был настоящим политическим лидером и поэтому лидером правительства. Идея посадить на место главы государства другого человека как марионетку нами не рассматривалась, как бесполезная в той ситуации.

Тогда фюрер сказал мне, что самым простым решением будет использовать пример Соединенных Штатов Америки, в которых глава государства в то же время является главой правительства. Таким образом, взяв за образец Соединённые Штаты, мы соединили должности главы государства и главы правительства, и он назвал себя «фюрер немецкого народа и рейхсканцлер Германского Рейха»

Само собой разумеется, что он автоматически становился главнокомандующим германскими вооруженными силами, в соответствии с конституцией, а также в соответствии с предыдущей конституцией, также как это происходит и в других странах.

Таким было положение, грубо выражаясь, помимо ряда других нововведений о которых наверное придётся рассказать позже в моих показаниях таких как, создание полицейских сил, основного элемента консолидации власти и тому подобном.

В заключение я хочу сказать: 1) правильно, что я, и я могу говорить только о себе, делал все от меня зависящее в рамках своей личной власти для усиления национал-социалистического движения, для его роста и непрерывно работал над тем, чтобы привести его к власти при любых обстоятельствах и в качестве единственно возможной власти; 2) я делал все для того, обеспечить для фюрера место рейхсканцлера, которое по праву должно было принадлежать ему; 3) оглядываясь назад, мне кажется, что я ничего не упустил для консолидации нашей власти, в такой мере, чтобы она не уступила ни шанса политической игре или жестоким действиям, но скорее в ходе дальнейшего восстановления стала единственным фактором власти, который возглавит Рейх и приведёт его, как мы

надеялись, к величайшему развитию.

Штамер: Какие должности вы занимали после захвата власти?

Геринг: Сначала, как и раньше я был президентом Рейхстага, и я сохранил этот пост до самого конца. В рейхскабинете я сначала получил пост рейхсминистра и рейхскомиссара авиации, но не воздушных сил. В скобках я хочу сказать, что мне сразу стала ясной необходимость того, что мы должны создать воздушные силы.

В Пруссии я получил должность прусского министра внутренних дел, затем 20 апреля 1933, также дополнительно должность министра-президента Пруссии.

Рейхскомиссариат авиации стал до этого, мне кажется уже в марте 1933, рейхсминистерством авиации.

Затем было несколько не столь важных должностей, председатель государственного совета и тому подобные.

Однако важными в это время, были две должности – министра-президента Пруссии с одной стороны и министра авиации с другой. Должность прусского министра внутренних я передал рейхсминистру внутренних дел в начале 1934, так как, это являлось частью консолидации власти и прежде всего, для необходимого уточнения правительственных полномочий Рейха, для чего следовало объединить прусские министерства с такими же рейхсминистерствами. Только таким способом рейхсминистерства могли получать практические сведения о ежедневной политической работе, а также о работе подразделений. Лишь при таком объединении это было возможно.

Штамер: Входили ли в ваши полномочия как прусского министра внутренних дел создание Гестапо и концентрационных лагерей, которые так часто упоминаются здесь? Когда и для каких целей они были созданы?

Геринг: Я уже отмечал, что для консолидации власти первейшей предпосылкой должно было стать создание новых черт того инструмента, который во все времена и у всех народов всегда является внутриполитическим инструментом власти, а именно полиции. Не существовало полиции Рейха, только провинциальная полиция. Наиболее важной являлась прусская полиция. Она уже была заполнена нашими предшественниками, бывшими партиями, своими людьми, согласно своему политическому отношению. Я говорил о замещении постов полицейских уполномоченных и тех, кто являлся начальниками главных полицейских управлений внутри прусского министерства внутренних дел. Таким образом, получилось, что наши оппоненты, наши самые ожесточённые оппоненты, которые до тех пор всегда применяли против нас решительные полицейские меры, оставались в региональных отделениях.

Ранее прошло небольшое сокращение, до того как я приступил к работе, в то время когда социал-демократическое правительство Брауна[197]-Зеверинга[198] было

[197] Отто Браун (1872 — 1955) — немецкий политик, социал-демократ, премьер-министр Пруссии с 1920 по 1932 годы.

заменено на правительство господина фон Папена. После этого наши ожесточённые оппоненты были удалены из полиции. Вместе с тем наиболее важные должности все еще находились в руках явных политических противников. Я не мог рассчитывать на то, что те, кто еще вчера с особой жестокостью использовал против нас полицию, выразят такую же верность новому государству.

До нашего времени в Пруссии также существовала политическая полиция. Это было полицейское управление Ia, в задачи которого входило наблюдение и борьба против национал-социалистов и отчасти против коммунистов.

Теперь, я просто мог назначить новых людей в эту политическую полицию и позволить им продолжать свою работу в старых чертах. Но ситуация изменилась из-за нашего захвата власти, так как в то время, как я уже отмечал, коммунистическая партия была чрезвычайно сильна. У нее было около 6 миллионов избирателей и в лице организации «Красный фронт», она имела заготовленный инструмент революционной власти. Для коммунистической партии было совершенно очевидно, что чем дольше мы будем у власти, тем слабее будут её позиции.

Оглядываясь назад, в то время политической напряжённости действительно существовала угроза и в атмосфере конфликта, со стороны коммунистов могли произойти революционные акты, в частности, даже после нашего захвата власти политические убийства и политическая стрельба в национал-социалистов и полицейских со стороны этой партии не прекратились, но даже временами усиливались. Информация, которую я получал, была такой, что я должен был крайне опасаться внезапного удара с этого направления. Поэтому, в том виде, в каком существовало это управление, я не мог предотвратить эту опасность. Мне требовалась надёжная политическая полиция не только в центральном аппарате, но и в её подразделениях. Поэтому, требовалось усилить данный инструмент.

Для того, чтобы с самого начала сделать понятным, что назначение этой полиции это обеспечение государственной безопасности, я назвал её секретной государственной полицией, и под данным названием создал сеть отделений данной полиции. Я в большом количестве привлек к работе политических чиновников, которые имели опыт, и поначалу взял немного людей из партийных кругов, потому что я должен был придавать значение наличию профессиональных способностей.

Также я хотел, чтобы эта полиция, в первую очередь, занималась исключительно вопросами защиты государства от врагов. В качестве руководителя, которого я подобрал для данной работы, был бывший работник полиции, но не человек партии. Он, Дильс, уже работал в ней как оберрегинрунгсрат, а позже как министериальрат, и также большинство главных руководителей Гестапо были

---

[198] Карл Зеверинг (1875 —1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Пруссии в 1919-1926 и 1930-1932.

чиновниками, которые не были в партии. Позднее партийный элемент проявлялся в полиции все больше и больше. Их задачей было, прежде всего, обеспечить настолько быстро, как только возможно все меры предосторожности против действий слева.

Я знаю, как подтвердилось впоследствии, что штаб-квартира коммунистов в Берлине, дом Либкнехта[199] была хорошо укреплена и хранила очень много оружия, тогда же мы выявили серьезные связи между русским торговым представительством и немецкой коммунистической партией. Даже если бы я арестовал, как я и сделал, тысячи коммунистических функционеров одним махом с самого начала устранив непосредственную угрозу, угроза как таковая никак не устранялась. Было необходимо вскрыть систему тайных связей и держать её под постоянным наблюдением. Это являлось главной задачей для руководства полиции. Социал-демократическая партия, казалась мне не столь опасной, особенно с учетом тех людей, которые в ней состояли. Но, конечно же, они все равно являлись абсолютными противниками нашего нового государства. Часть её функционеров была радикальной, другая часть менее радикальной. Более радикальных я также помещал под наблюдение, в то время как большое количество бывших социал-демократических министров, главы прусских провинций и высокопоставленные чиновники, как я уже сказал, были спокойно отправлены в отставку и получали свои пенсии, и против них ничего не предпринималось. Конечно, были и другие функционеры социал-демократической партии, за которыми мы должны были внимательно следить. Таким образом, тайная государственная полиция была создана мною прежде всего в Пруссии, потому что тогда я не имел никакого отношения к другим государствам. Организация остальной полиции не имеет здесь большого значения.

Штамер: Концентрационные лагеря?

Геринг: Когда необходимость, прежде всего потребовала создания порядка и удаления наиболее опасных элементов беспорядка направленных против нас, я решил сразу арестовать коммунистических функционеров и лидеров. Следовательно, у меня был список для этих целей, и мне было ясно, что если я арестую наиболее опасных и наиболее важных функционеров, все равно останется несколько тысяч вовлеченных в эту деятельность, так как было необходимо арестовать не только партийных функционеров, но и тех, кто состоял в «Красном фронте», так как коммунисты также имели аффилированные организации. Эти аресты были продиктованы государственной безопасностью и государственной необходимостью. Это был вопрос устранения опасности. Существовала

[199] Здание центрального комитета Коммунистической партии Германии в Берлине расположенное на пересечении Александрплатц и Роза Люксембург-платц. Построено в 1912 как здание фабрики. В 1926 было приобретено КПГ. В настоящее время центральный офис партии «Левая». Был назван в честь Карла Либкнехта (1871 — 1919) — деятель германского и международного рабочего и социалистического движения, один из основателей (1918) коммунистической партии Германии. Убит во время ареста властями Веймарской республики.

единственная возможность, превентивное заключение, то есть, независимо от того можно было доказать или нет предательскую или враждебную государству деятельность, независимо от того можно было ожидать от них такие акты или нет, такой акт должен был быть предотвращён и возможность устранена посредством превентивного заключения. В этом не было ничего нового и это не было национал-социалистическим изобретением. Ранее такие меры превентивного заключения применялись отчасти в отношении коммунистов, и в основном против нас, национал-социалистов. Тюрьмы не подходили для такой задачи, а также я хотел с самого начала подчеркнуть, что это был политический акт защиты государства. Следовательно, я сказал, чтобы таких людей, прежде всего, собирали в лагерях, тогда предлагались один или два лагеря, потому что я не мог сказать им, на какое время необходим арест этих людей, как и не мог сказать, какое число прибудет с учетом раскрытия коммунистического движения. Когда мы заняли дом Карла Либкнехта мы обнаружили там много оружия, материалов и приготовлений к гражданской войне, такое, как я сказал, что мало кто мог сказать насколько это движение велико. Я уже отмечал, так как это очевидно, что в виду такого великого противостояния как то которое существовало между крайними крыльями этих политических противников, и в виду озлобленности оппозиции приводившей к продолжавшимся схваткам на улице, взаимной напряжённости, и. т. д., вызванной политической борьбой, ситуация предположительно была не очень приятной для заключенных. По этой причине я распорядился о том, чтобы охрана, как можно больше состояла из полицейских сил, и только там где их не хватало, следовало призывать вспомогательные силы. Я выразил свое мнение касательно вопроса концентрационных лагерей, и я должен указать, что такое название было придумано не нами, но впервые возникло в зарубежной прессе, а затем вошло в обиход. Когда впервые возникло такое название это скорее вопрос исторического характера. В конце 1933, в книге, которая впервые появилась в Англии по просьбе английского издателя, которую обвинение уже представляло в качестве доказательства, я предельно открыто выразил свои взгляды на предмет, это был конец 1933. Я снова отмечаю, что книга предназначалась для зарубежных государств, для англоязычных стран. Тогда я открыто заявил следующее: конечно, поначалу происходили эксцессы; конечно там и здесь страдали невиновные; конечно, здесь и там происходили избиения, совершались акты жестокости, но в сравнении со всем тем, что происходило в прошлом и величием событий, эта немецкая революция была свободна от крови и была самой дисциплинированной из всех революций известных истории.

Штамер: Вы осуществляли надзор за обращением с заключенными?

Геринг: Естественно я принимал инструкции о том, чтобы такие вещи не происходили. Они случались и как я уже сказал, случались повсюду в большей или меньшей степени. Я всегда замечал, что такое не должно происходить, потому что

для меня всегда было важным склонить этих людей на нашу сторону, перевоспитав их.

Штамер: Что вы предпринимали, относительно случаев посягательств, о которых вам было известно?

Геринг: Я проявил личный интерес к концентрационным лагерям весной 1934 г. Тогда в Пруссии было два или три лагеря.

Свидетель Кёрнер уже указывал на дело Тельмана. Я бы хотел кратко о нем рассказать, потому что это было значимое дело, так как Тельман был лидером коммунистической партии. Я сейчас не скажу, кто первым намекнул мне на то, что Тельмана избивают.

Я лично вызвал его к себе в кабинет, без информирования высших инстанций и очень подробно расспросил его. Он сказал мне, что его действительно били, особенно в начале допросов. Соответственно, как уже говорил свидетель бывший здесь, я сказал Тельману, что сожалею об этом. В то же время я сказал ему: «Дорогой Тельман, если бы вы пришли к власти, меня бы вероятно не били, а просто бы отрубили мне голову». Он согласился с этим. Тогда я сказал ему, чтобы в будущем он чувствовал свободу в том, чтобы сообщать мне, если вещи такого рода будут происходить с ним или с другими. Я не мог постоянно быть там, но у меня не было желания, чтобы в отношении него совершали жестокости.

На примере данного дела, которое не было для меня малозначительным, я хочу подчеркнуть, что позднее жена Тельмана обращалась ко мне за помощью, и я немедленно ответил на её письмо.

Тогда же я также, это я могу подтвердить доказательствами, финансово помогал семьям заключенных так долго, сколько это было необходимо.

Пользуясь возможностью я хочу высказаться о самовольных концентрационных лагерях, о которых здесь упоминалось, назначением которых было оправдание насилия. Сначала я ничего о них не знал, но потом я обнаружил один такой лагерь рядом со Штеттином. Он был создан Карпфенштейном, в то время гауляйтером[200] Померании. Я сразу же добился закрытия этого лагеря, мой защитник вспомнит, что он независимо от меня, получил сведения об этом в ходе процесса от заключённого которого я вообще не знаю, и там у меня были виновные люди, совершившие там акты жестокости, представшие перед судом и обвинённые государственным обвинителем, что также можно подтвердить. Карпфенштейна исключили из партии.

Второй лагерь такого рода был обнаружен в Бреслау, который создал Хайнес. Я не помню сейчас, что там случилось. В любом случае, я не давал согласия на создание лагеря. Этот лагерь я также закрыл и немедленно от него избавился. Хайнес был одним из ближайших соратников Рёма, о котором я скажу позже.

---

[200] Гауляйтер — высшая партийная должность национал-социалистической немецкой рабочей партии областного уровня.

Насколько я помню – не могу назвать точное место, кроме того, что оно находилось рядом с Берлином, существовал ещё один самовольный лагерь, тайно созданный Эрнстом[201], руководителем СА в Берлине, которого я всегда подозревал в актах жестокости. Он также был закрыт. Эрнст принадлежал к числу зловещих фигур, которые были уничтожены в ходе путча Рёма. Возможно опросить лиц которые тогда были заключенными в этих лагерях, в 1933 и начале 1934, о том соответствовало ли, что-либо из происходившего тогда, тому, что происходило позднее.

Штамер: После консолидации власти, вы когда-либо освобождали заключенных в большом количестве, и когда это было?

Геринг: На рождество 1933 я отдал приказы об освобождении по незначительным делам, то есть менее опасным делам и тем делам, в которых сложилось впечатление, что люди уже отстранились от ситуации, таких было около 5000 человек. Я повторил это ещё раз в ноябре 1934 для 2000 заключенных. Я снова отмечаю, что это касалось только Пруссии. В это время, насколько я помню – не могу сказать точно, но один лагерь распустили – или, по крайней мере, временно закрыли. И это происходило тогда, когда никто не предполагал, что это, когда-нибудь будет предметом расследования международного трибунала.

Штамер: Как долго вы являлись ответственным за Гестапо и концентрационные лагеря, до какой даты?

Геринг: На самом деле, я был ответственным до начала 1934, то есть в начале 1934, Дильс являлся главой и делал для меня частые доклады о работе Гестапо и концентрационных лагерях. Между тем, вне Пруссии, проводилась перегруппировка полиции в связи с передачей ответственности за полицию во всех провинциях Германии, за исключением Пруссии, в руки Гиммлера. Вероятно последовав моему примеру, он учредил там секретную государственную полицию, так как полиция в это время оставалась вопросом государств. Полиция была в Баварии, Вюртемберге, Бадене, Гессене, Саксонии, и. т. д.

Он становился руководителем всех этих полицейских сил и конечно теперь стремился получить руководство над полицией Пруссии. Тогда я был очень доволен работой Дильса, и со своей точки зрения я не видел причины что-либо менять.

Как мне кажется, эти усилия, начались уже поздним летом 1933. Вскоре после передачи мною прусского министерства внутренних дел рейхсминистерству внутренних дел весной 1934, когда я уже не был ведомственным министром, я полагаю, Гиммлер, наверное, решительно призывал фюрера, передать ему ответственность также за полицию Пруссии. Тогда я прямо не возразил этому. Это было неприятным для меня, я хотел самостоятельно руководить своей полицией. Однако, когда, фюрер попросил меня сделать это, сказав, что так будет правильно и

[201] Карл Эрнст (1904 — 1934) — немецкий политик, деятель НСДАП и группенфюрер СА. Убит в ходе подавления путча Рёма.

своевременно, и что против врагов государства надо бороться едиными методами во всём Рейхе, я действительно передал полицию Гиммлеру, который назначил ответственным Гейдриха. Но формально я продолжал контролировать её, потому что не существовало полиции Рейха.

Остальную полицию, государственную полицию, то есть военизированную полицию, я ему не передавал, потому что, как я объясню позднее, мне пришлось в большой степени организовать эту полицию в военных чертах, для того, чтобы приспособить её к будущей программе организации перевооружения. По этой причине я не мог и не хотел передавать ему военизированную полицию, потому что она готовилась исключительно для военных целей, мной, по моей инициативе, и под мою ответственность и не имела ничего общего с настоящей полицией. Она была передана мною в состав вооруженных сил в 1935.

В 1936 г. был принят закон о полиции Рейха, и соответственно была создана должность главы германской полиции. В силу этого закона, полиция в правовом и формальном смысле подчинялась рейхсфюреру СС[202] или, как его называли главе германской полиции.

Штамер: Вы ранее упомянули путч Рёма. Кем был Рём, и почему такое событие как путч связано с ним?

Геринг: Рём был руководителем СА, начальником штаба СА.

Председатель: Я считаю, что нам лучше прерваться. Уже 5 часов.

[*Судебное разбирательсто отложено до 10 часов 14 марта 1946*]

---

[202] СС (нем. SS, сокр. от нем. Schutzstaffel — «отряд охраны», в 1933—1945 гг. — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

День восемьдесят первый

Четверг, 14 марта 1946

Утреннее заседание

Штамер: Вы принимали участие в изложении партийной программы?
Геринг: Нет. Партийная программа была составлена и объявлена, когда я услышал о движении и выразил желание вступить в него.
Штамер: Каким было ваше отношение к пунктам партийной программы?
Геринг: В целом положительным. Само собой разумеется, что вряд ли есть какой-либо политически думающий человек, который признаёт и соглашается с каждым пунктом программы политической партии.
Штамер: В дополнение к общеизвестным пунктам партийной программы, существовали цели, остававшиеся в секрете?
Геринг: Нет.
Штамер: Считалось ли возможным достижение этих целей любыми средствами, даже незаконными средствами?
Геринг: Конечно, они должны были быть достигнуты любыми средствами. Вероятно понятие «незаконные» следует прояснить. Если я поставил целью революцию, то она является незаконной для существующего порядка. Если я оказался успешен, тогда революция становится фактом и соответственно легальной и законной. До 1923 и событий 9 ноября, я и все мы, имели воззрение, что мы будем стараться достигнуть своей цели, если необходимо, революционным путем. После того, как эта попытка потерпела неудачу, фюрер, после возвращения из крепости, решил, что в будущем мы должны использовать методы политической борьбы, также как и остальные партии, и фюрер запретил любые незаконные действия для того, чтобы избежать любого препятствия в деятельности партии.
Штамер: Когда и с какими целями были созданы СС?
Геринг: СС были созданы, когда я находился за рубежом; думаю, это был 1926 или 1927. Их целью, насколько я помню, было, создание, прежде всего, внутри движения, специально подобранного отряда для охраны персоны фюрера. Поначалу они были очень малочисленными.
Штамер: Вы когда-нибудь принадлежали к СС?
Геринг: Я никогда не принадлежал к СС, никак, никогда, ни активно, ни пассивно.
Штамер: Следовательно, утверждение о том, что вы являлись генералом СС неправильно?

Геринг: Да, абсолютно неправильное.
Штамер: Что вы понимали под термином «высшая раса»?
Геринг: Для себя я ничего под этим не понимал. Ни в одной из моих речей, ни в работах вы не найдете этот термин. На мой взгляд, если вы господин вам не нужно это подчёркивать.
Штамер: Что вы понимали под теорией «жизненного пространства»?
Геринг: Это очень спорная теория. Я могу понять такой термин в отношении держав, которые совместно, я ссылаюсь только на четыре подписавших державы объявивших три четверти мира своими, объясняющими это по-другому. Но для нас, где 144 человека живут на 1 квадратном километре, слова «жизненное пространство» означали необходимое соотношение между населением и его питанием, его увеличением и его уровнем жизни.
Штамер: Выражение, которое всегда упоминается «захват власти»
Геринг: Я хочу назвать «захват власти» техническим термином. Можно было использовать другой термин, но это действительно достаточно ясно отражает тот факт, что так сказать, мы захватили власть.
Штамер: В чём заключается ваше отношение к фюрер-принципу?
Геринг: Я поддерживал этот принцип и сейчас положительно и сознательно его поддерживаю. Нельзя допускать ошибку, забывая о том, что политическая структура в разных странах имеет разное происхождение, разное развитие. То, что очень хорошо подходит для одной страны, может совсем не получиться в другой. Германия, в течение долгих веков монархии всегда имела фюрер-принцип. Демократия возникла в Германии, тогда, когда Германии было очень плохо, и мы достигли дна. Вчера я объяснял общую нехватку единства в Германии, ряд партий, продолжавшиеся беспокойства вызванные выборами. Возникло полное искажение теорий власти и ответственности и наоборот. Власть находилась у масс, а ответственность у лидера. По моему мнению, для Германии, особенно в момент низшего падения, когда всем силам было необходимо сплотиться в правильном направлении, фюрер-принцип, то есть, власть сверху вниз и ответственность снизу вверх, был единственной возможностью. Естественно я сознавал тот факт, что принцип, который звучит, таким образом, может повлечь крайности. Я хочу отметить некоторые параллели. Место католической церкви зиждется, как и ранее, на чистом иерархическом принципе. И я думаю, о России можно сказать, что без фюрер-принципа, она бы не смогла выдержать тяжкие испытания минувшей войны.
Штамер: По поводу мер укрепления вашей власти, описанных вами вчера, они имели место при полном согласии рейхспрезидента фон Гинденбурга?
Геринг: Пока рейхспрезидент был жив, и, следовательно активен, они естественно осуществлялись в согласии с ним. Поскольку его одобрение являлось конституционной необходимостью, согласно параграфу 48, это одобрение давалось.
Штамер: Национал-социалистическое правительство признавалось зарубежными

державами?

Геринг: Наше правительство признавалось с первого дня существования и оставалось признанным до самого конца, то есть за исключением некоторых государств с которыми были разорваны дипломатические отношения.

Штамер: Дипломатические представители зарубежных государств посещали партийные съезды в Нюрнберге?

Геринг: Дипломатические представители приглашались на партийные съезды, эти величайшие события и величайшие демонстрации силы движения, и все они присутствовали, если и не в полном составе каждый год. Но один я помню очень хорошо.

Штамер: До какого года?

Геринг: До последнего партийного съезда, 1938.

Штамер: В какой мере после захвата власти производились конфискации имущества политических противников?

Геринг: Были приняты законы вводящие конфискацию имущества лиц враждебных государству, то есть, имущества партий которые мы объявили враждебными государству. Партийное имущество коммунистической партии и её отделений, и имущество социал-демократической партии было частично конфисковано, но я хочу подчеркнуть, не конфисковалось личное имущество членов партий или даже лидеров этих партий. Напротив, ряд ведущих социал-демократов, которые были министрами или гражданскими служащими продолжали полностью получать свои пенсии. Их даже потом повышали.

Штамер: Как вы объясните действия против профессиональных союзов? Как вы объясните действия против ассоциаций свободных рабочих?

Геринг: Прежде всего, профессиональные союзы: профессиональные союзы в Германии по большей части были, или самые важные из них, близко связаны с социал-демократической партией, а также в нарастающей степени, ввиду влияния и деятельности коммунистов, с коммунистической партии. Фактически, если и не формально они являлись органами, на самом деле очень активными органами этих партий, и здесь я не говорю об основной массе членов профессиональных союзов, но о руководстве этими профессиональными союзами. Дополнительно существовал небольшой христианский профессиональный союз, орган партии Центра.

Эти профессиональные союзы, из-за их руководства и тесной связи этого руководства с теми партиями, которые мы считали своими противниками, соглашались с нашими противниками до такой степени, что они никак не вписывались в наше новое государство. Соответственно организация профессиональных союзов была распущена, и для рабочих был создан Германский трудовой фронт[203]. По моему мнению, это не привело к уничтожению свободы

[203] «Германский трудовой фронт» (нем. Deutsche Arbeitsfront), DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

немецкого рабочего, напротив, я убежден, что мы были теми, кто дал немецким рабочим настоящую свободу, так как она, прежде всего состояла в гарантии его права на труд, и особо подчеркивала его положение в государстве.

Мы, конечно, избавились от двух вещей, которые вероятно являются характерными для свободы, которые я не понимаю: забастовок с одной стороны и локаутов[204] с другой. Эти вещи нельзя было совместить ни с правом на труд, ни с долгом каждого гражданина следовать цели величия нации. Эти два беспокойных элемента, которые также способствовали росту безработицы, мы устранили и заменили огромной трудовой программой.

Создание рабочих мест было другим существенным пунктом нашей социальной программы, и также использовалось остальными хотя и под другим названием.

Я не предлагаю разбирать эту социальную программу. Однако это было впервые, когда рабочий имел право на отпуск, оплачиваемый отпуск, это я попутно добавляю. Для рабочих была создана крупная оздоровительная система. Огромные суммы вкладывалис в новые жилищные проекты для рабочих. Общий уровень жизни рабочих вырос. До той поры их использовали и эксплуатировали. У него вряд ли было какое-нибудь собственное имущество из-за времен безработицы, он был вынужден всё продавать или закладывать. Таким образом, не вдаваясь в детали, в качестве итога я хочу сказать, что мы не порабощали свободных рабочих, но скорее мы освободили рабочих от нищеты и безработицы.

Штамер: Вчера вы говорили о мятеже Рёма. Кем был Рём и в чём заключался этот мятеж?

Геринг: Рём, с 1931, был начальником штаба СА, то есть, он был ответственным за СА перед фюрером, который сам являлся высшим руководителем СА, и он руководил ими от имени фюрера.

Главное разногласие между Рёмом и нами заключалось в том, что Рём как и его предшественник Пфеффер, хотел идти сильным революционным путем, в то время как фюрер, как я уже говорил, приказал работать легально, от чего можно было ожидать окончательной победы.

После захвата власти Рём желал, при любых обстоятельствах занять должность рейхсминистра обороны. Фюрер наотрез отказал ему в этом, он не желал того, чтобы вооруженные силы каким-либо образом были связаны с политикой, или привносить политическое влияние в вооруженные силы.

Контраст между вооруженными силами и группой Рёма, я намеренно не говорю о контрасте между вооруженными силами и СА, которого не было, но только с этой руководящей группой, которая сама называла себя руководством СА и

[204] Локаут (англ. lock out, букв. — запирать дверь перед кем-либо/запереть дверь и не впускать) — временная остановка работы (или существенное сокращение объёмов производства) предприятия работодателем с прекращением выплаты зарплаты, с целью оказания давления на работников (аналог забастовки, но со стороны работодателя, а не работников).

на самом деле была им, заключался в том, что Рём хотел устранить большое количество генералов и высших офицеров, которые всё это время состояли в Рейхсвере, так как, на его взгляд, эти офицеры не являлись гарантией для нового государства, потому что, как он выражался, их позвонок был сломан за эти годы и на них нельзя было положиться, как на активных элементов нового национал-социалистического государства.

Фюрер, а также я, имели прямо противоположную точку зрения на это.

Во-вторых, цели людей Рёма, как я хочу их назвать, были совершенно другими, революционными, и они противостояли тому, что они называли реакцией. Они определённо хотели следовать более левацкому отношению. Они резко выступали против церкви и очень сильно против евреев. В целом, я имею в виду клику из этих лиц, желавших действовать революционным образом. То, что Рём выдвинул своих людей на ведущие позиции в СА и устранил достойные элементы, и ввел в заблуждение достойных членов СА, это хорошо известный факт.

Если тогда и происходили недоразумения, они происходили из-за этих людей, прежде всего из-за берлинского руководителя СА Эрнста, во-вторых руководителя в Бреслау, Хайнеса, мюнхенского и штеттинского руководителей, и т. д. За несколько недель до путча Рёма низовой руководитель СА сообщил мне, что он слышал о подготовке акции против фюрера и его корпуса, с целью, как они выражались заменить Третий Рейх, как можно быстрее окончательным Четвертым Рейхом.

Меня самого предупредили и упросили разместить снаружи дома не только охрану из полицейского полка, но также поставить почетный караул СА. Я согласился, и позднее я услышал от командира этого подразделения, что задачей почетного караула было арестовать меня в нужный момент.

Я очень хорошо знал Рёма. Его доставили ко мне. Я открыто сказал ему обо всем, что услышал. Я напомнил ему о нашей совместной борьбе и попросил его безоговорочно верить в фюрера. Я выдвигал ему те же самые аргументы, которые только, что упоминал, но он заверил меня, что он естественно ничего не имеет против фюрера. Вскоре я получил свежие новости, о том, что у него есть связи с кругами сильно настроенными против нас. Например, такими, как группа бывшего рейхсканцлера Шлейхера. Была также группа вокруг Грегора Штрассера[205], бывшего члена Рейхстага и организационного руководителя партии, которого исключили из партии. Были группы, примыкавшие к бывшим профессиональным союзам и склонявшиеся к левым. Я считал своим долгом посоветоваться с фюрером по данному вопросу. Я был поражен, тем, что он сказал о том, что ему также известны эти сведения, и он считает их серьезной угрозой. Однако, он сказал, что пока следует подождать развития событий и внимательно следить за ними.

---

[205] Грегор Штрассер (1892 – 1934) руководящий деятель НСДАП до прихода партии к власти. Депутат Рейхстага в 1924 – 1932 гг. Убит в ходе «Ночи длинных ножей» в 1934.

Дальнейшие события происходили, так как их описал свидетель Кёрнер, следовательно, я могу их пропустить. Мне отдали приказ немедленно выступить против уличённых членов группы Рёма в северной Германии. Было решено задержать некоторых из них. В течение дня фюрер отдал приказ казнить руководителя СА Померании, Эрнста и двух или трех других. Он лично направился в Баварию, где состоялась последняя встреча многих из группы Рёма и лично арестовал Рёма и этих людей в Висзее.

Тогда это дело представляло реальную угрозу, так как, некоторые отряды СА, используя фальшивые пароли, вооружились и стали созваниваться. В одном месте произошел очень короткий бой, в котором застрелили двух руководителей СА. Я делегировал полиции, которая в Пруссии уже подчинялась Гиммлеру и Гейдриху, провести аресты. Только штаб-квартиру Рёма, которого там не было, я занял с подразделением подчинённой мне военизированной полиции. Когда мы обыскивали штаб-квартиру руководителя СА Эрнста в Берлине, в подвалах мы нашли больше автоматов, чем было у всей прусской полиции.

После того, как фюрер в силу событий с которыми он столкнулся в Висзее, приказал о том кого следует расстрелять с учетом требований чрезвычайного положения, был отдан приказ о казне Эрнста, Хайдербека[206], и некоторых других соратников Рёма. Приказа расстреливать других арестованных людей не было. Во время ареста бывшего рейхсканцлера Шлейхера, произошло убийство его и его жены. Было проведено расследование этого события и было установлено, что когда Шлейхера арестовывали, согласно показаниям двух свидетелей, он достал пистолет, возможно, чтобы покончить с собой, соответственно двое человек достали свое оружие и госпожа Шлейхер бросилась на одного из них, заставив его выстрелить из револьвера. Мы глубоко сожалели об этом событии.

Вечером я услышал о том, что застрелили других людей, даже тех, кто не имел к путчу Рёма никакого отношения. Фюрер прибыл в Берлин этим же вечером. После того как я узнал об этом позднее этим вечером или ночью, я явился к нему в полдень на следующий день и попросил его немедленно распорядиться, чтобы последующие казни были запрещены им, фюрером, хотя оставалось двое людей глубоко вовлеченных в заговор, которых фюрер приказал казнить. Этих людей оставили в живых. Я попросил его сделать это, потому что я беспокоился о том, что дело выйдет из под контроля, что уже фактически случилось в некоторой степени, и я сказал фюреру, что при таких обстоятельствах не должно быть дальнейшего кровопролития.

Этот приказ, фюрер отдал в моем присутствии и его довели до всех ведомств. Затем о действиях было объявлено в Рейхстаге и они были одобрены Рейхстагом и рейхспрезидентом, как соответствующие чрезвычайному положению.

---

[206] Ганс-Адам фон Хайдебрек (1889 — 1934) — группенфюрер СА (1933), убит во время «ночи длинных ножей».

Было высказано сожаление, как и во всех подобных инцидентах, о том что был ряд грубых ошибок.

Количество жертв было сильно преувеличено. Насколько я сейчас помню, было 72 или 76 человек, большинство из которых были казнены в южной Германии.

Штамер: Вам известно о развитии отношения партии и государства к церкви с течением времени?

Геринг: Разумеется. Но в качестве последнего замечания о путче Рёма, я хочу подчеркнуть, что я принимаю полную ответственность за действия, предпринятые против Эрнста, Хайдербека, и нескольких других по приказу фюрера, который я исполнил или передал, даже сегодня, я придерживаюсь мнения, что я действовал совершенно правильно, согласно долгу. Это было одобрено рейхспрезидентом, но мне не требовалось дополнительных одобрений, чтобы убедить меня в том, что этим я предотвратил серьёзную угрозу государству.

Что касается, отношения к церкви, отношение фюрера было великодушным, поначалу абсолютно великодушным. Я не хочу сказать, что оно было положительным, в том смысле, чтобы он сам хорошо относился или являлся убежденным приверженцем какой-либо конфессии, но оно было великодушным и положительным в том смысле, что он сознавал необходимость церкви. Хотя он сам был католиком, но при этом хотел, чтобы протестантская церковь, занимала более серьезное положение в Германии, так как Германия была на две трети протестантской.

Однако протестантская церковь, была поделена на провинциальные церкви, и существовали небольшие различия в догме, которые воспринимались догматиками очень серьезно. По этой причине, они однажды в прошлом уже вели войну друг с другом на протяжении 30 лет, однако эти различия не являлись существенными для нас. Существовали реформисты, униаты и настоящие лютеранцы, лично я не являюсь экспертом в данном вопросе.

Конституционно, в качестве прусского министра-президента, я в некотором смысле должен был быть уверен в высшем духовенстве прусской церкви, но я не слишком сильно занимался этими вопросами.

Фюрер желал достичь объединения протестантской евангелической церкви, назначив епископа Рейха, чтобы существовало высшее протестантское духовенство, так же как и высшее католическое духовенство. Для начала, он оставил выбор за евангелическими церквями, но они не смогли договориться. Наконец они предложили одну кандидатуру, именно ту которая никак не подходила для нас. И тогда, епископом Рейха стал человек имевший доверие фюрера, большее, чем остальные провинциальные епископы.

С католической церковью фюрер приказал господину фон Папену заключить конкордат[207]. Незадолго до заключения господином фон Папеном

[207] Конкордат 1933 года — договор (конкордат), заключённый 20 июля 1933 года между нацистской Германией и

соглашения, я лично посетил папу. У меня было множество связей с высшими католическими священнослужителями, так как моя мать была католичкой, а я сам протестант, и таким образом я мог видеть оба лагеря.

Конечно же, в одном вопросе, фюрер и все мы и я тоже, отстаивали необходимость устранения политики из церкви настолько далеко, насколько возможно. Я не считал правильным, скажу честно, что в один день священник смиренно озабочен духовным обслуживанием своей паствы и затем на следующий день произносит более или менее воинственную речь в парламенте.

Мы планировали разделение, то есть, чтобы священнослужители должны были сконцентрироваться на своей собственной сфере и воздерживались от участия в политических вопросах. Ввиду того факта, что у нас в Германии политические партии имели сильные церковные наклонности, возникла значительная путаница. Это является объяснением того факта, что из-за этой политической оппозиции которая поначалу играла свою роль в политической сфере в парламенте, и в выборных кампаниях, среди некоторых наших людей возник антагонизм в отношении церкви. Нельзя забывать, что такие выборные диспуты и речи, часто проходили перед избирателями между политическими представителями нашей партии и священнослужителями, представлявшими те политические партии, которые были более близки к церкви.

В виду этой ситуации и определенной враждебности, понятно, что более резкая фракция, если можно так выразиться в этой связи, не забыла эти утверждения и теперь, со своей стороны, снова вела борьбу на ложном уровне. Однако отношение фюрера заключалось в том, что церквям нужно дать шанс развиваться и существовать. В движении и партии, которые постепенно более или менее впитывали в себя большую часть немецкой нации, и которые теперь в своём политическом аспекте также впитывали политически активных людей Германии, совершенно естественным было то, что не все члены придерживались одинакового мнения несмотря на фюрер-принцип. Способы, методы, отношение может быть разным и в таких крупных движениях, даже если они настолько авторитарно возглавлялись, отдельные группы все еще видели в церкви, если не политическую опасность, то, по крайней мере, нежелательное учреждение, и прежде всего здесь я должен отметить, двух персонажей: Гиммлера с одной стороны и Бормана, в частности более радикального в последнее время чем Гиммлер с другой стороны.

Мотивы Гиммлера были менее политическими, а более путано мистическими. Цели Бормана были более четкими. Также было ясно, что из большой группы гауляйтеров, тот или другой был сильнее заинтересован в борьбе против церкви. Таким образом, было некоторое количество гау где все, что касалось церкви было в полном порядке, а в других велась борьба против церкви.

Мне часто приходилось лично вмешиваться в такие ситуации. Прежде

Святым Престолом и определявший статус Римско-католической церкви в Германии.

всего, для того, чтобы продемонстрировать свое отношение и создать порядок, я призвал в прусский государственный совет людей которым я особо доверял из числа высшего протестантского и высшего католического духовенства.

Сам я не тот, кого вы можете назвать гонителем церкви, но и тогда и сейчас я ходил, и всегда считал себя принадлежащем к церкви и всегда соблюдал положения, которые чтит церковь: брак, крещение, погребение, и. т. д., проводились в моем доме церковью.

Соответственно моё стремление должно было показывать слабовольным людям, которые в пылу этой борьбы мнений не знали, что им делать, что, если второй человек в государстве ходит в церковь, венчается в церкви, крестит своего ребенка, и т. д., тогда, они спокойно могут делать то же самое. Из ряда приходивших писем я смог понять, о том, что я поступаю правильно.

Но по мере того как шло время, в других сферах, также как и в этой, положение становилось более критическим. В течение ранних лет войны, я ещё раз говорил об этом с фюрером и сказал ему, что сейчас главной заботой является, чтобы каждый немец исполнял свой долг и, чтобы каждый солдат, при необходимости храбро шёл на смерть. Если бы в связи с этим его религиозная вера помогала и поддерживала его, относился он к той или иной конфессии, это могло быть только преимуществом и любое волнение в связи с этим могло бы повлиять на внутреннюю силу солдата. Фюрер абсолютно согласился с этим. В воздушных силах я намеренно не имел капелланов, потому что считал, что каждый военнослужащий воздушных сил, должен обращаться к тому священнику, которому доверяет больше всего.

Об этом постоянно говорили солдатам и офицерам на построениях. Но самой церкви я говорил о том, что было бы лучше если бы у нас было четкое отделение. Мужчина должен молиться в церкви, а не маршировать в ней, в бараках мужчина должен маршировать, но не молиться. По этой причине, с самого начала, я оберегал воздушные силы от любых религиозных волнений, обеспечивая полную свободу совести для всех.

Обстановка быстро становилась ещё критичней и я не могу действительно привести причины этого, особенно в последние 2 или 3 года войны. Может быть, это имело отношение к тому, что на некоторых оккупированных территориях, особенно на польской территории, а также чешской территории, духовенство являлось сильным представителем национального чувства и это снова приводило к столкновениям на политическом уровне, которые тогда естественно велись в религиозных сферах. Я не знаю, было ли это одной из причин, но я считаю это вероятным. В целом, я хочу сказать, что фюрер не был настроен против церкви. Однажды он сказал мне, что есть такие вещи, которые даже фюрер не в силах изменить в одиночку, если они остаются нерешенными и нуждаются в реформах, и он верил, что после хорошего обдумывания стоит преобразовать церковь. Он сказал,

что не считает себя предназначенным быть реформатором церкви и не желал бы, чтобы кто-либо из его соратников тоже получил такие лавры.

Штамер: Итак, по ходу лет, большое число духовенства, как из Германии, и в особенности из оккупированных территорий, вы сами отметили Польшу и Чехословакию, забрали в концентрационные лагеря. Вам об этом, что-нибудь известно?

Геринг: Я знал, что поначалу в Германии ряд священников забрали в концентрационные лагеря. Дело Нимеллёра[208] является общеизвестным. Я бы не хотел вдаваться в его детали, потому что они хорошо известны. Ряд других священников отправили в концентрационные лагеря, но только в последние годы войны, когда борьба стала критической, так как они произносили политические речи со своих кафедр и критиковали действия государства и партии, исходя из степени критики, в такие дела вмешивалась полиция.

По одному случаю я говорил Гиммлеру о том, что не думал, что было мудрым арестовывать священников. До тех пор пока они говорили в церкви, они должны были говорить, что хотят, но если они делали политические заявления вне церквей, тогда он должен был предпринимать против них меры, так же как и в отношении других людей, которые произносили речи враждебные по отношению к государству. Нескольких священников, которые зашли слишком далеко в своей критике не арестовали. Что касается арестов священников на оккупированных территориях, я слышал об этом, и как я уже сказал, это происходило не столько потому, что они были священниками, а потому что в то же время они были националистами, я понимаю это с их точки зрения, и соответственно вовлекались во враждебные оккупационным силам действия.

Штамер: Мне кажется, партийная программа включала два пункта по поводу еврейского вопроса. В чём заключалось ваше основное отношение к данному вопросу?

Геринг: Вопрос, который так серьезно поставлен в обвинительном заключении, заставляет меня в любом случае, сделать определенные заявления.

После краха Германии в 1918 еврейство стало очень могущественным во всех сферах жизни Германии, особенно в политической, общей интеллектуальной и культурной и наиболее характерным в экономической сфере. Мужчины возвращались с фронта, не имея цели в жизни и обнаруживали большое количество евреев, которые приехали во время войны из Польши и Востока, занявших позиции, в частности экономические позиции. Известно, что под влиянием войны и дел связанных с ней, демобилизацией, которая открывала огромные возможности для предпринимательства, инфляцией, дефляцией, огромные сдвиги и перемены

[208] Мартин Нимёллер (1892 — 1984) — немецкий протестантский богослов, пастор протестантской евангелической церкви, один из самых известных в Германии противников нацизма, президент Всемирного совета церквей. С 1938 по 1945 находился в тюрьмах и концентрационных лагерях Германии.

происходили среди имущих классов.

Было много евреев, которые не желали выражать необходимую умеренность и, которые всё больше и больше выделялись в общественной жизни, таким образом, что они действительно вызывали определённые сравнения в виду их количества и контролируемых ими позиций на контрасте с немецким народом. Дополнительным фактом было то, что именно те партии, которых избегали национально-ориентированные люди, также имели еврейское руководство выходящее за рамки общего числа евреев.

Это относилось не только к Германии, но также и к Австрии, которую мы всегда рассматривали частью Германии. Там все социал-демократическое руководство, находилось почти исключительно в еврейских руках. Они играли значительную роль в политике, в частности левофланговых партиях, и они также были весьма заметными в прессе всех политических направлений.

Тогда, в результате этого возникла постоянная непрерывная атака на все национальное, национальные концепции и национальные идеалы. Я обращаю внимание на все журналы и статьи, которые вываливали в грязи святые для нас вещи. Я также обращаю внимание на извращения, распространенные тогда в сфере искусства, существовали пьесы вываливающие в грязи борьбу на фронте и развенчивающие идеалы храброго солдата. Я бы мог представить огромную кучу таких статей, книг, пьес и тому подобного, но это бы слишком далеко увело нас в сторону, и я на самом не деле не слишком хорошо информирован в данном предмете. Ввиду всего этого, возникло оборонительное движение, которое никоим образом не было создано национал-социализмом, а существовало раньше, которое уже было сильным в ходе войны и которое стало еще сильней после войны, когда влияние евреев оказало такое воздействие.

Более того, в культурной и интеллектуальной сфере происходило много вещей, которые не подобали чувствам немцев. Существовал сильный раскол. Дополнительно, существовал факт, что в экономических вопросах, если посмотреть на промышленность запада, там существовало исключительное преобладание еврейства, которое, на самом деле, состояло из элементов которым наиболее резко противостояли старые, укоренившиеся еврейские семейства.

Когда движение разрабатывало свою программу, что сделали несколько простых людей, насколько я знаю, даже Адольф Гитлер не принимал участия в подготовке проекта программы, по крайней мере, пока он не был лидером, программа включала тот пункт, который играл заметную роль в качестве оборонительного пункта в широких рядах немецкого народа. Незадолго до этого в Мюнхене была советская республика[209] с убийствами заложников, и снова большинство лидеров были евреями. Таким образом, понятно, что программа,

[209] Баварская советская республика — кратковременное государственное образование, провозглашённое советом рабочих и солдатских депутатов 6 апреля 1919 в Мюнхене. Просуществовало до 3 мая 1919 года.

разработанная простыми людьми в Мюнхене, воспользовалась этим в качестве оборонительного пункта. Приходили новости из советской республики Венгрии[210] – также включавшей в основном евреев. Все это производило сильное впечатление. Когда программа стала известна, партия, которая была чрезвычайно мала в то время, сперва не воспринималась серьезно и высмеивалась. Но тогда, с самого начала, против движения началась концентрированная и злобная травля, со стороны всей еврейской прессы или прессы на которую влияли евреи. Повсюду еврейство стояло во главе борьбы с национал-социализмом, будь-то пресса, политика, культурная жизнь, пытаясь вызвать презрение и отвращение к национал-социализму, или в экономической сфере. Кто бы ни был национал-социалистом, он не мог получить должность, национал-социалистический предприниматель не мог получить поставки или место для рекламы. Все это естественно, приводило к сильному оборонительному отношению со стороны партии, и с самого начало приводило к усилению борьбы, такому, которое изначально не являлась целью программы. Так программа очень чётко определяла задачу, стоявшая выше остальных о том, что Германию должны возглавлять немцы. И было желательным, чтобы руководство, особенно политически определявшее судьбу немецкого народа, находилось в руках таких немецких людей, которые снова могли поднять дух немецкого народа, при том, что люди другого рода не смогли этого сделать. Следовательно, главным пунктом было просто исключить еврейство из политики, из руководства государством. Позже, также была включена культурная сфера, из-за очень сильной борьбы которая возникла, в частности в этой сфере, между еврейством с одной стороны и национал-социализмом с другой.

Мне кажется, что если в связи с этим, нами было сказано много грубых слов против евреев и еврейства, я смогу представить журналы, книги, газеты, и речи в которых выражения и оскорбления, идущие от противоположной стороны выходили за рамки. Очевидно, что все это должно было вести к интенсификации.

Вскоре после захвата власти, были сделаны бесчисленные исключения. Евреи, принимавшие участие в мировой войне и те кто был награжде, имели особое отношение, у них оставалось право находиться на гражданской службе.

Как я уже говорил, главная задача заключалась в их исключении из политической сферы, а затем из культурной сферы.

Нюрнбергские законы[211] были задуманы для того, чтобы добиться разделения рас, и в частности, покончить с понятием людей со смешанной кровью в будущем, так как термин полуеврей или четвертьеврей приводили к постоянным

[210] Венгерская советская республика — политический режим, существовавший в Венгрии в период с 21 марта 1919 года до 6 августа того же года. Республика просуществовала всего четыре месяца (133 дня).

[211] Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта («основные законы») — «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести», провозглашённые по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге.

разногласиям и путанице, в вопросе об их положении. Здесь я хочу подчеркнуть, что у меня были частые дискуссии с фюрером относительно людей со смешанной кровью, и я указывал фюреру на то, что как только немецкие евреи были чётко отделены, то было невозможно создавать непонятную группу немецкого народа, которая не стояла на таком же уровне, как и другие немцы. Я предложил ему, чтобы в качестве великодушного поступка, он отказался от концепции людей смешанной крови и поставил таких людей на одно место с остальными немцами. Фюрер отнесся к данной идее с интересом, приняв мою точку зрения, фактически, он отдал предварительные распоряжения. Затем настали трудные времена, что касалось внешней политики: судетский кризис, Чехословакия, оккупация Рейнланда и потом польский кризис, и вопрос людей со смешанной кровью отошел на второй план, но в начале войны фюрер говорил мне, что он готов решить данный вопрос, в позитивном, великодушном ключе, но только после войны.

Нюрнбергские законы, должны были исключить на будущее, концепцию людей смешанной крови путём чёткого разделения рас. Соответственно в Нюрнбергских законах предусматривались уголовные нормы, по которым никогда не наказывали женщин, а наказывали мужчин, независимо от того был он немцем или евреем. Немецкая женщина или еврейка никогда не наказывалась. Пока было спокойное время, у фюрера всегда было мнение, что в настоящее время евреи должны оставаться в экономике, не имея при этом ведущих и заметных позиций, до тех пор, пока контролируемой эмиграцией, которая постепенно вводилась, а затем усилилась, проблема не была бы решена. Несмотря на продолжавшиеся волнения и трудности в экономической сфере, в целом евреи остались нетронутыми на своих экономических позициях.

Чрезвычайное усиление имело место позднее, в действительности не начинаясь до событий 1938, и затем в ещё большей степени в годы войны. Но и здесь, тоже существовала более радикальная группа, для которой еврейский вопрос был более существенным, чем для других групп движения, также как, я хочу особо отметить, идею национал-социализма в качестве философии понимали по-разному, некоторые более философски, другие мистически, третьи в практическом и политическом смысле. Тоже самое было правдой о разных пунктах программы. Пункты важные для одних были менее важными для других. Один человек всматривался в пункт программы, который был направлен на борьбу против Версаля, на свободную и сильную Германию; другой человек, вероятно, считал главным еврейский вопрос.

Председатель: Не будет ли удобным прерваться? Доктор Штамер, могли бы вы сказать трибуналу, сколько продлится допрос подсудимого Геринга?

Штамер: Я думаю, что мы закончим в ходе завтрашнего утра.

Председатель: Это очень долго.

Штамер: Сделаю все, что возможно, чтобы сократить его.

[*Объявлен перерыв*]

Штамер: В какой степени вы участвовали в принятии Нюрнбергских законов 1935?
Геринг: В своём качестве как президент Рейхстага я одновременно объявил эти законы и закон о новом флаге Рейха здесь в Нюрнберге, когда проходило заседание Рейхстага.
Штамер: В обвинительном заключении утверждается, что уничтожение еврейской расы было частью планирования агрессивных войн.
Геринг: Это не имело никакого отношения к планированию агрессивных войн, также уничтожение еврейской расы не планировалось заранее.
Штамер: Какое участие вы принимали в событиях против евреев в ночь 9-10 ноября 1938?
Геринг: Я хочу это кратко обсудить. Вчера, из перекрестного допроса свидетеля Кёрнера я понял, что возникло некоторое недопонимание относительно этого. 9 ноября проходил марш на Фельдхернхалле. Этот марш повторялся каждый год и по такому случаю на него собирались видные лидеры движения. Кёрнер ссылался на это, когда говорил, что каждый приезжал в Мюнхен. Было заведено, после завершения марша, чтобы практически все собирались в мюнхенской городской управе на ужин в присутствии фюрера.

Я никогда не присутствовал на этом ужине ни в один год, так как, я использовал пребывание в Мюнхене после полудня того дня, для решения других вопросов вечером этого же дня. Ни я, ни Кёрнер не принимали участия в том ужине. Мы вернулись на моём специальном поезде вечером в Берлин. Как я слышал позже, когда было проведено расследование, Геббельс, после того как фюрер уехал, на том ужине объявил о том, что серьезно раненый советник посольства в Париже, скончался от ран. Возникло определенное возбуждение, и тогда Геббельс стал говорить слова об отмщении и со своей стороны, наверное, он был сильнейшим представителем антисемитизма, привёл к такому развитию событий, но все это произошло после ухода фюрера.

Фактически, лично я, услышал о событиях по прибытию в Берлин. Прежде всего, водитель моей машины сказал мне, что видел пожары в Галле. Полтора часа спустя я вызвал своего адъютанта, который сообщил мне о том, что ночью произошли бунты, о том, что еврейские магазины были разбиты, и о том, что подожжены синагоги. Больше он ничего об этом не знал.

Я прошёл к себе в комнату и сразу же позвонил в Гестапо. Я потребовал доклад о ночных событиях. Так появился отчет, упомянутый здесь, и подготовленный для меня начальником Гестапо Гейдрихом по поводу событий, насколько о них было ему известно, мне кажется, это было вечером следующего дня. Фюрер тоже прибыл в Берлин утром. Между тем услышав, что Геббельс по

крайней мере сыграл важную роль как зачинщик, я сказал фюреру, что невозможно, чтобы такие события происходили именно сейчас. Я прилагал все свои усилия в связи с четырехлетним планом[212], для того, чтобы как можно сильнее сконцентрировать экономическую сферу. В обращениях к нации, я взывал к сбору с целью утилизации каждого старого тюбика зубной пасты, каждого ржавого гвоздя, металлолома. Было недопустимо, что человек, который не являлся ответственным за эти вещи, подрывал мои экономические задачи, уничтожая материальные ценности с одной стороны и вызывая столько беспорядка в экономической жизни с другой стороны.

Фюрер нашел оправдания для Геббельса, но в целом согласился со мной, в том, что такие события в дальнейшем не должны иметь места и не должны допускаться. Я также напомнил ему, что такие события сразу после подписания Мюнхенского соглашения, неблагоприятно отразятся на внешней политике.

В полдень у меня был ещё один разговор с фюрером. Тогда Геббельс уже повстречался с ним. Последнему я сказал по телефону в однозначных терминах и резких выражениях о своём взгляде на вещи. Я сказал ему, что не собираюсь страдать из-за его безответственных высказываний, поскольку занят вопросами экономики.

В это время фюрер, находясь под влиянием Геббельса, немного изменил свое мнение. То, что ему говорил Геббельс, и в какой мере он ссылался на возмущение толпы требовавшей расплаты, мне неизвестно. В любом случае, взгляды фюрера уже не были такими как были в момент моей первой жалобы.

Пока мы разговаривали, Геббельс, который находился в доме, присоединился к нам и завел свой обычный разговор, о том, что такие вещи недопустимы, что это уже второе или третье убийство национал-социалиста за рубежом совершенное евреем. По этому поводу, он впервые сделал предложение, о том, что за это их нужно оштрафовать. На самом деле, он хотел, чтобы каждое гау собрало этот штраф, и назвал почти невероятную сумму.

Я возразил ему и сказал фюреру, что если должен быть штраф, тогда только Рейх должен собирать его, так как, я сказал, у господина Геббельса большинство евреев жили в Берлине и, таким образом, он был неподходящим человеком для этого, поскольку являлся наиболее заинтересованной стороной. Помимо этого, если такие меры должны были проводиться, они могли быть проведены только суверенным государством.

После короткой дискуссии, насчет размера, так и эдак, о сумме, мы сошлись на 1 000 000 000. Я заметил фюреру, что в данных обстоятельствах следует учесть последствия этих мер при возврате налогов. Фюрер затем пожелал и приказал провести экономическое решение. Для того, чтобы не было никакого

[212] Четырёхлетний план – совокупность экономико–административных мероприятий, предусмотренных для повышения экономической силы, автаркии и перевода нацистской Германии на военные рельсы.

дальнейшего повода для подобных событий, явные предприятия евреев и известные как еврейские, прежде всего должны были быть ариазированы, в частности магазины промышленных товаров. Часто это являлось причиной трений, так как чиновники и служащие министерств, которые могли зайти в магазин только между 6 и 7 часами вечера, часто заходили в эти магазины и имели сложности. Он в общих чертах приказал о том, что нужно сделать.

Впоследствии, я созвал встречу 12 ноября, с теми ведомствами, которые имели компетенцию в данных вопросах. К сожалению, фюрер потребовал, чтобы Геббельс был представлен в этой комиссии, действительно, комиссия была назначена. Он, фактически, присутствовал, хотя я утвержд, что он не имел никакого отношения к экономическим вопросам. Дискуссия была очень оживленной. Мы были раздражёнными на протяжении всего совещания. Затем я разработал экономические законы и позднее опубликовал их.

Я отверг другие предложения, лежащие вне экономической сферы, такие как ограничение передвижения, ограничение проживания, ограничение на курорты, и. т. д, так как я не был компетентен в таких вопросах и не получил никакого специального приказа. Такие меры позднее принимались полицейскими властями, но не мной, но благодаря мне были внесены различные послабления и поправки.

Я хочу отметить, что хотя я получил устные и письменные приказы и команды от фюрера об издании и исполнении этих законов, я принимаю полную и абсолютную ответственность за эти законы с моей подписью, так как я издал их и соответственно являюсь ответственным, я не собираюсь прятаться за приказом фюрера.

Штамер: Другая тема. В чём заключались причины отказа от участия в Конференции по разоружению и выхода из Лиги Наций[213]?

Геринг: Основные причины этого заключались в том, что, прежде всего, остальные государства, которые после полного разоружения Германии, должны были также разоружиться, не сделали этого. Второй момент заключался в отсутствии желания пойти на обоснованные предложения Германии по пересмотру; в-третьих, другими государствами, Польшей, Литвой, и т. д. периодически нарушались положения Версальского договора, устава Лиги Наций, которые сначала осуждались Лигой Наций, но никогда не доводились до конца, а только удостаивались констатации факта; в-четвертых, все жалобы Германии относительно вопросов меньшинств, на самом деле обсуждались и давались многозначительные советы государствам нарушителям, но ничего не делалось, чтобы улучшить ситуацию.

По этим причинам, мы вышли из Лиги Наций, и покинули Конференцию

[213] Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. В период с 28 сентября 1934 по 23 февраля 1935 в Лигу Наций входило 58 государств-участников. Цели Лиги Наций включали в себя: разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. Прекратила своё существование в 1946 году.

по разоружению.

Штамер: Почему Гитлер решил перевооружаться и ввёл обязательную воинскую службу?

Геринг: Когда Германия вышла из Лиги Наций и Конференции по разоружению, она одновременно объявила ведущим державам о своём чётком решении в направлении всеобщего разоружения. Фюрер тогда вносил разные предложения, которые, это можно признать, исторически известны: ограничение действующих вооруженных сил до определенного количества человек; ограничение на использование вооружений; отказ от определённых вооружений, как например, бомбардировщиков; и другие положения. Каждое из этих предложений было отвергнуто и не дошло ни до общей реализации, но даже не обсуждалось.

Когда мы и фюрер ясно осознали, что остальные стороны и не думали о разоружении, напротив, в частности на востоке от нас могучая держава, в частности, Россия, осуществляла такую программу вооружений, как никогда ранее для нас стало необходимым, с целью обеспечения жизненных интересов немецкого народа, его жизни и безопасности, освободить себя от оков и перевооружить себя в такой степени, какая была необходимой для интересов и безопасности Рейха. Это являлось первой причиной для восстановления обязательной службы.

Штамер: В какой мере Люфтваффе участвовали в этом перевооружении?

Геринг: В 1933, когда я основал министерство авиации, мы еще не работали над вопросом перевооружения. Несмотря на это, я стал подготовлять определенные базовые условия. Я немедленно расширил производство и увеличил воздушные перевозки выше уровня необходимого для движения, для того, чтобы можно было подготовить большое количество пилотов. Тогда я принял ряд молодых людей, лейтенантов, кадетов которые тогда должны были покинуть Вермахт, для поддержки коммерческих полётов и обучению летному делу.

Я с самого начала был осведомлён, что воздушная оборона была необходимой в качестве одного из самых существенных условий безопасности моего народа. Изначально, я был уверен в том, что оборонительных воздушных сил, то есть истребительных сил может быть достаточно, но задумываясь, я осознал, и я хочу подчеркнуть слова сказанные свидетелем фельдмаршалом Кессельрингом по этому поводу, что проиграет тот, кто просто будет иметь истребители, в качестве средства обороны, и что даже оборонительные силы должны включать бомбардировщики, для того, чтобы использовать их против вражеской авиации на чужой территории.

Таким образом, я развивал бомбардировочную авиацию из коммерческих самолётов. Поначалу перевооружение шло медленно. Нужно было с нуля создавать все необходимое для перевооружения, поскольку не существовало ничего для воздушного вооружения.

В 1935 я сказал фюреру, что я считаю правильным, раз уж мы постоянно

получали отказы на все наши предложения, открыто заявить миру о том, что мы создаем воздушные силы и уже создали для них определённую основу. Это произошло в виде интервью, которое я дал британскому журналисту.

Теперь я мог приступить к перевооружению в большем масштабе, но, несмотря на то, что поначалу мы ограничились так называемыми «воздушными силами риска», то есть, риска постольку поскольку, противник собравшийся напасть на Германию, должен знать, что его встретят воздушные силы. Однако они не были настолько сильными, чтобы иметь реальное значение.

В 1936 последовал известный доклад, который представили свидетелю Боденшацу[214], в котором я говорил, что мы должны с данного момента работать исходя из мобилизации, о том, что деньги не имеют значения, короче, я взял ответственность за перерасход бюджета.

Поскольку ранее ничего не существовало, я смог бы быстро успеть, только если производство самолетов с одной стороны велось в столько смен и настолько быстро насколько возможно, то есть с максимальной отдачей на мобилизационной основе, и, если бы с другой стороны расширение сухопутных сил и подобные вопросы сразу же велись на максимально возможной скорости.

Обстановка в 1936 была определена мною в этом докладе для моих сотрудников как серьёзная. Другие государства, конечно же, не разоружались, но там и здесь страны, пренебрегавшие своими воздушными силами пытались наверстать упущенное. Ожесточённые дебаты шли в Англии относительно модернизации и строительства воздушных сил, по достоверным сведениям яростная активность развернулась в России, я обращусь к вопросу перевооружения России позднее.

Когда в Испании разразилась гражданская война[215], Франко[216] обратился за помощью к Германии, в частности в воздухе. Нельзя забывать, что Франко со своими войсками дислоцировался в Африке, и он не мог перебросить войска, так как флот находился в руках коммунистов, или, как они себя называли, полномочного революционного правительства Испании. Решающий фактор, прежде всего, заключался в переброске его войск в Испанию.

Фюрер обдумывал этот вопрос. Я призывал его предоставить поддержку при любых обстоятельствах, в первую очередь, чтобы предотвратить распространение коммунизма на этом театре, и во-вторых, с целью испытать мои молодые Люфтваффе, с той или иной технической точки зрения.

С разрешения фюрера, я направил большую часть моего транспортного

---

214 Карл-Генрих Боденшац (1890 — 1979) — немецкий офицер, генерал авиации во Вторую мировую войну, адъютант Германа Геринга.

215 Гражданская война в Испании (июль 1936 — апрель 1939) — конфликт между Второй Испанской Республикой в лице правительства испанского Народного фронта (республиканцы, лоялисты) и оппозиционной ей испанской военно-националистической диктатурой под предводительством генерала Франсиско Франко (мятежники),

216 Франсиско Франко (1892 — 1975) — испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939—1975 годах. Генералиссимус.

флота и ряд экспериментальных подразделений истребителей, бомбардировщики и противовоздушные орудия, и таким образом я имел возможность удостовериться в боевых условиях, в том, отвечает ли материальная часть задаче. Для того, чтобы личный состав тоже мог получить определенный опыт, я предусмотрел, чтобы шёл постоянный поток, то есть посылались новые люди, а на их место приходили другие.

Перевооружение воздушных сил, требовало, в качестве основного условия, создания большого числа новых производств. Отсутствие бензина никак не помогало строить мощные воздушные силы. Поэтому, здесь тоже пришлось быстро развивать переработку. Существовали вспомогательные отрасли, прежде всего, алюминиевая. Поскольку я считал Люфтваффе важнейшей частью Вермахта, что касалось безопасности Рейха, и, в виду модернизации технической науки, моим долгом, как главнокомандующего, было сделать все, для достижения ими высоких показателей, а также, так как не с чем было начинать, требовалась величайшие усилия и максимум работы, для достижения данной цели. Так я и делал.

Здесь, в ходе перекрестного допроса многое было сказано про четырехмоторные бомбардировщики, двухмоторные бомбардировщики, и т.д. Свидетели, конечно, рассказали, все что знали и могли сказать, но они были знакомы только с узкими отраслями, и они высказали свое мнение исходя из этой точки зрения. Я один был ответственным и являюсь ответственным, так как я был главнокомандующим Люфтваффе и министром авиации. Я был ответственным за перевооружение, подготовку и моральный дух Люфтваффе.

Если в начале я не строил никакие четырехмоторные бомбардировщики, это было не потому, что у меня был угрызения совести, в том, что их будут использовать, как средство агрессии. Этот вопрос не волновал меня ни одной минуты. Моей единственной причиной было отсутствие необходимых технических и производственных условий. Такой тип бомбардировщика просто пока не был разработан моей промышленностью, во всяком случае, чтобы я смог им воспользоваться. Во-вторых, у меня не хватало алюминия и любой наполовину эксперт знает сколько алюминия требует четырёхмоторный бомбардировщик, и сколько истребителей, или двухмоторных бомбардировщиков можно было построить за такую же сумму.

Сначала я должен был определиться с тем, кто будет вероятным противником Германии в войне. Готовы ли технические условия Германии для отражения нападения такого противника? Из всех вероятных противников я считал главным Россию, но конечно Англию, Францию и Италию, тоже надо было учитывать. Моим долгом было учитывать все возможности.

Что касалось европейского театра военных действий, в настоящее время я мог удовлетвориться бомбардировщиками которые могли действовать против важных центров вражеской военной промышленности. Таким образом, в настоящее

время, я не нуждался более чем в тех самолётах которые позволяли мне сделать это, однако важным было иметь больше таких самолётов.

Но в речи к авиационным промышленникам, я дал ясно понять, что хотел бы срочно иметь бомбардировщик, способный нести необходимые бомбы к Америке и обратно. Я просил их старательно работать над этим, для того, чтобы если Америка вступит в войну против Германии, я бы мог достать американскую военную промышленность. Следовательно, не стояло вопроса о том, что их не хотели. Насколько помню, я даже учредил награду за бомбардировщик, способный летать на больших высотах, на большой скорости, на дальние расстояния. Ещё до начала войны, мы стали разрабатывать безпропеллерные самолеты.

Подводя итог, я хочу сказать, что я делал все возможное в тех технических и производственных условиях для перестройки и перевооружения мощных воздушных сил. Технические знания того времени, убеждали нас в том, что через 5 лет войны, появятся новые технические и практические улучшения. Этот принцип базировался на опыте. Я хотел быть готов иметь воздушные силы, которые, как бы ни развивалась политическая ситуация, были бы достаточно сильными для защиты нации и нанесения ударов противнику Германии. Господин судья Джексон[217] совершенно прав, спрашивая о том, произошел ли быстрый разгром Польши и Франции, благодаря тому, что руководствуясь современными методами германские воздушные силы, сделали так много. Они были решающим фактором. С другой стороны, хотя это меня не касается, использование американских воздушных сил также было решающим фактором победы союзников.

Штамер: Тот факт, что вам передали контроль за сырьем уже в апреле 1936, имеет какое-нибудь отношение к воссозданию воздушных сил?

Геринг: Я не хотел бы разбирать сказанное вчера или позавчера свидетелем Кёрнером, относительно моего постепенного роста в экономическом руководстве. Начальной точкой был сельскохозяйственный кризис 1935 года. Летом 1936, тогдашний военный министр фон Бломберг, министр экономики и президент Рейхсбанка Шахт, министр Керрл[218] пришли ко мне и спросили меня, готов ли я поддержать их предложение, с которым они хотели обратиться к фюреру, а именно предложение назначить меня уполномоченным по сырью и валюте. Мы сошлись на том, что я не должен буду выступать в качестве экономического эксперта, каковым я не являлся, но был бы тем, кто готов был заниматься проблемами нехватки валюты, которые постоянно возникали из-за наших больших запросов, и в то же время предоставлять и накапливать сырье, быть тем, кто способен предпринимать меры, которые вероятно не могут быть поняты многими, но потребуют наличия авторитета. Во-вторых, было решено, что в этой сфере, не являясь экспертом, я

---

[217] Роберт Хьюаут Джексон (1892 — 1954) — Генеральный прокурор (1940—1941) и судья Верховного суда США (1941—1954), главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе.

[218] Ганс Керрл (1887- 1941) — министр без портфеля в первом кабинете Гитлера. Министр по делам церкви в 1935-1941. В 1935-1941 руководитель управления пространственного планирования.

должен быть движущей силой и использовать свою энергию.

Министр Шахт, будучи экспертом, имел проблемы с партией. Он не являлся членом партии. Тогда он был в прекрасных отношениях с фюрером и мною, но не в очень хороших с членами партии. Возникла опасность того, что дальнейшие шаги могут быть поняты ими неправильно, и в этой связи я был бы правильным человеком, чтобы донести эти вещи до народа и членов партии.

Вот так это происходило. Но поскольку, я, как министр авиации, как я объяснял, был заинтересован в сырье, я играл всё возраставшую роль. Тогда различия между сельским хозяйством и экономикой в вопросе валюты, становились все острее, поэтому я должен был принимать решения, которые становились более решительными. Таким образом, я вошел в сферу экономического руководства. Я посвящал огромное время и работу этой задаче, в частности получению сырья необходимого для экономики и перевооружения. Из этого возник четырехлетний план, дававший мне широкие полномочия.

Штамер: В чём заключалась цель четырехлетнего плана?

Геринг: Четырехлетний план имел две цели: первая, насколько возможно обезопасить немецкую экономику и особенно сельское хозяйство от любого кризиса; во-вторых, в случае войны, Германия должна была выдержать блокаду высокой степени. Следовательно, было необходимо, во-первых, увеличить производство сельскохозяйственной продукции, контролировать его и управлять им, контролировать потребление и накапливать запасы посредством переговоров с зарубежными государствами; во-вторых, определить какое сырье, которое мы до того времени импортировали, мы могли бы находить, производить и получать в самой Германии, и какое сырье которое было сложно импортировать, можно было заменить другим, добываемым проще. Вкратце, что касалось сельскохозяйственной сферы: использование любого доступного пространства; регулирование выращивания необходимых культур; контроль за разведением животных; создание запасов на случай неурожая или нужд; что касалось промышленности, создание производств снабжавших сырьём; первое - уголь, хотя угля было достаточно, можно было значительно увеличить его производство, поскольку уголь это основное сырьё, от которого зависят многие вещи; железо – наша горнодобывающая промышленность была настолько зависимой от зарубежных стран, что в случае кризиса могла возникнуть катастрофическая ситуация. Я полностью понимал, что с чисто финансовой и деловой точки зрения это было правильным, тем не менее, мы должны были добывать и поставлять немецкие железные руды, которые находились в нашем распоряжении, при том, что они хуже шведских руд, мы должны были заставить нашу промышленность делать сплавы и распоряжаться немецкими рудами.

Я опрометчиво дал промышленности год. Так как промышленность так и

не приступила к использованию таких руд, я основал рейхспредприятие[219], которому дали мое имя. Они в основном предназначались для открытия запасов железной руды в немецких породах и её использования в горнодобывающей промышленности. Необходимо было создавать нефтеперерабатывающие заводы, производства алюминия и другие производства и затем поощрять развитие, так называемой промышленности синтетических материалов, с целью заместить необходимое сырье, которое можно было получить только из-за границы и с большим трудом. В сфере текстиля это включало конверсию текстильной промышленности и I. G. Farben[220].

Такой, в целом, являлась задача четырехлетнего плана.

Естественно в связи с этим был важным третий вопрос: вопрос рабочей силы. В этом вопросе нужна была координация. Наиболее важные отрасли производства должны были иметь работников, менее важные производства должны были избавляться от них. Контроль за распределением рабочей силы, который до войны функционировал только внутри Германии, являлся еще одной задачей четырехлетнего плана и управления по распределению рабочей силы.

Четырехлетний план очень скоро, с учетом своих объемов, значительно увеличился как официальная организация. Затем, после ухода Шахта, я занял на 2 месяца министерство экономики и встроил в него четырехлетний план. Я оставил очень небольшой штат сотрудников и осуществлял его задачи, при содействии министерств, компетентных заниматься такими вопросами.

Штамер: Являлась ли целью данных планов, подготовка к агрессивной войне?

Геринг: Нет, целью планов было, как я сказал, обезопасить Германию от экономических кризисов, обезопасить её от блокады на случай войны, и конечно, с помощью четырехлетнего плана предусматривать необходимые условия для перевооружения. Это было одной из важнейших задач.

Штамер: Как происходила оккупация Рейнланда?

Геринг: Оккупация Рейнланда, не являлась, как здесь утверждали, заранее подготовленным делом. То, что обсуждалось заранее, касалось не оккупации Рейнланда, а вопроса о мобилизационных мерах в Рейнланде в случае нападения на Германию.

Оккупация Рейнланда состоялась по двум причинам. Баланс, созданный в Западной Европе Локарнским пактом был нарушен, в связи с появлением нового фактора во французской системе союзов, а именно России, уже тогда имевшей чрезвычайно большие вооруженные силы. В дополнение, существовал русско-

---

[219] В июле 1937 был создан огромный государственный концерн "Герман Геринг Верке", в ведение которого перешли многочисленные конфискованные у евреев заводы, а позже - заводы на оккупированных территориях.

[220] И. Г. Фарбен, также И. Г. Фарбениндустри (нем. Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG — объединение капиталов промышленности красильных материалов) — конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году и ранее во время Первой мировой войны. Ликвидирован в 1952.

чехословацкий пакт[221] о взаимопомощи. Таким образом, условия, на которых был основан Локарнский пакт, в нашем понимании более не существовали. А значит, теперь для Германии существовала опасность, или возможность такой угрозы, что было бы недостойным долга и чести со стороны правительства не предпринять мер по обеспечению безопасности Рейха. Поэтому, правительство как суверенное государство воспользовалось своим суверенным правом освободиться от позорной обязанности не предоставлять части Рейха свою защиту, путем строительства сильных укреплений.

Сооружение таких укреплений, таких дорогостоящих сооружений и таких обширных укреплений было оправданным, только если данная граница являлась окончательной и определённой. Если бы я намеревался расширить границу в ближайшем будущем, то было бы невозможным возлагать такую дорогую и тяжкую ношу для всей нации, как сооружение Западного вала[222]. Это было сделано, я особо подчеркиваю это, с самого начала в интересах обороны и как оборонительная мера. Он обезопасил западную границу Рейха от угрозы из-за недавнего сдвига силы и новой комбинации держав, такой как франко-русского пакта о взаимопомощи, ставшего угрозой для Германии. Фактическая оккупация, решение оккупировать Рейнланд, было принято очень быстро. Войска прошли маршем по Рейнланду в очень небольшом количестве и это исторический факт только с целью обозначить оккупацию. Люфтваффе в настоящее время не могли принять участия во вступлении на левую территорию Рейна в связи с отсутствием адекватной наземной посадочной организации. Они вошли в так называемую демилитаризованную зону справа от Рейна, Дюссельдорф и другие города. Другими словами, это не являлось внезапной оккупацией Рейнланда массой войск, но, как я уже сказал, просто несколько батальонов и батарей символически промаршировали по Рейнланду, демонстрируя, то, что Рейнланд, снова находится под суверенитетом Рейха и в будущем будет соответственно охраняться.

Штамер: В чём заключались цели Гитлера, когда он создал совет обороны Рейха и когда принял закон об обороне Рейха?

Геринг: Совет обороны Рейха, в течение последних месяцев играл здесь очень важную роль. Надеюсь, меня не должны понять неправильно, мне кажется, что в течение этих месяцев о нём говорили больше, нежели с момента его создания. В первую очередь он назывался советом обороны Рейха, а не советом нападения Рейха. Его существование само собой разумелось. В других странах, в той или иной форме имелись органы, имеющие такие же функции, но называемые по-другому.

[221] Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических республик и Республикой Чехословацкой — договор, подписанный в Праге 16 мая 1935 года полномочными представителями СССР и Чехословакии.

[222] Западный вал или Западная стена (нем. Westwall), среди противников Германии также известен как «Линия Зигфрида» (нем. Siegfriedstellung) — система немецких долговременных укреплений, возведённых в 1936—1940 годах на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше.

Прежде всего до нашего захвата власти уже существовал комитет обороны Рейха. В данном комитете находились эксперты из всех министерств, в целях обеспечения мобилизационной подготовки, или, лучше сказать, мобилизационных мероприятий, которые автоматически должны были учитываться при любого рода развитии, войне, возможности войны, войны между соседними государствами и необходимости охранять чей-нибудь нейтралитет. Это были обычные меры которые следует предпринимать, чтобы удостовериться в том, сколько лошадей можно реквизировать в случае мобилизации, на каких фабриках ввести конверсию, нужно ли вводить хлебные карточки или карточки на жиры, регулировать движение и т. д., все эти вещи должны были быть проработаны в деталях, потому что их важность очевидна.

Все подобные дискуссии проходили в комитете обороны Рейха – дискуссии официальных экспертов под председательством начальника аппарата военного рейхсминистерства Кейтеля. Совет обороны Рейха был создан на будущее время в качестве меры предосторожности, на период воссоздания вооруженных сил, однако существовал только на бумаге. Думаю, я был заместителем председателя или председателем, не знаю кем, я услышал об этом здесь. Я заверяю вас под присягой, что никогда не принимал участия в совместных совещаниях совета обороны Рейха. Дискуссии необходимые для обеспечения безопасности Рейха, проходили в связи с совершенно другими событиями, в другой форме в зависимости от нужд. Естественно, дискуссии об обороне Рейха имели место, но не в связи с деятельностью совета обороны Рейха. Он существовал на бумаге, но никогда не собирался. Но даже если бы он собирался, было бы совершенно логичным, что он рассматривал вопросы обороны, а не нападения. Закон о защите Рейха, или скорее совет министров по обороне Рейха, который вероятно вы имели в виду, был создан, только за один день до начала войны, поскольку совета обороны Рейха не существовало. Этот совет министров по обороне Рейха не может рассматриваться, в том же смысле, как так называемый военный кабинет, сформированный в Англии, когда началась война, и вероятно в других странах. Напротив, совет министров по обороне Рейха, используя сокращенные процедуры, издавал правила необходимые только в военное время, принимал законы, касавшиеся ежедневных вопросов, объяснялся с народом, и это значительно разгружало фюрера, поскольку он оставил за собой руководство военными операциями. Следовательно, совет министров, прежде всего, принимал все те законы, которые, как я хочу заметить, должна была ждать любая страна в начале войны. В ранний период, он собирался три или четыре раза, и после этого вообще не собирался. Я, также, не всегда имел время для него. Чтобы сократить процедуру, эти законы рассылались, а затем принимались. Годом, или полутора годами после, я не вспомню точное время, фюрер взял подготовку законов в свои руки. Я контрассигновал многие законы в качестве председателя совета министров. Но и это, также, впоследствии прекратилось. Я думаю, совет

министров не проводил заседаний после 1940.
Штамер: Обвинение представило документ, номер PS-2261. В данном документе упомянут закон об обороне Рейха от 21 мая 1935, который тогда бездействовал по приказу фюрера. Я бы хотел показать вам этот документ и узнать ваше мнение о нём?
Геринг: Я знаком с ним.
Штамер: Вы огласите своё мнение?
Геринг: После возникновения совета обороны Рейха, в 1935 закон об обороне Рейха предусматривался на случай мобилизации. Рейхскабинет тогда пришёл к договорённости, или лучше сказать решению и этот закон должен был применяться и вступить в силу в случае мобилизации. В действительности он был заменен, когда наступила мобилизация, законом о котором я сказал, в связи с советом министров по обороне Рейха. В этом законе, до создания четырехлетнего плана, то есть в 1935, был предусмотрен уполномоченный по экономике в первую очередь на случай мобилизации, и уполномоченный по управлению для того, чтобы в случае войны, все ведомства администрации в целом были сконцентрированы в подчинении одного министра, и все ведомства экономики и вооружения также были сконцентрированы в подчинении одного министра. Уполномоченный по администрации до момента мобилизации не функционировал. С другой стороны уполномоченный по экономике, это название было неизвестно для широкой публики, должен был немедленно приступить к решению своих задач. Это на самом деле являлось необходимым. Это наверное, самое ясное объяснение того факта, что создание четырехлетнего плана обязательно привело к стычкам между уполномоченным по экономике и делегатом от четырехлетнего плана, так как они оба более или менее выполняли одинаковые задачи. Следовательно, когда, в 1936, я ввел должность делегата для четырехлетнего плана, деятельность уполномоченного по экономике практически сошла на нет.
Штамер: Господин председатель, должен ли я остановить опрос?
Председатель: Да, я думаю, что это подходящее время.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Штамер: Есть слово, непрерывно используемое здесь: совет исследований Рейха. Что это было за учреждение?
Геринг: Мне кажется, что это было в 1943, когда я получил приказ сконцентрировать всю сферу немецких исследований, в частности постольку,

поскольку существовала срочная потребность вести войну. К сожалению, это случилось слишком поздно. Смысл заключался в том, чтобы избежать параллелизма в исследованиях и бесполезных исследований, чтобы сконцентрировать внимание на важных для войны проблемах. Я сам стал председателем совета исследований Рейха и создал директивы по исследованиям согласно указанному смыслу.

Штамер: Существовала ли связь с исследовательским отделом воздушных сил?

Геринг: Нет, исследовательский отдел воздушных сил был совершенно другим, и он не имел никакого отношения ни к исследованиям с одной стороны, и никакого отношения к воздушным силам с другой. Выражение было своего рода прикрытием, так как, когда мы пришли к власти, была существенная неразбериха в техническом контроле за важной информацией. Поэтому, я создал на некоторое время исследовательский отдел, это был отдел, который мог предоставить все технические средства по контролю за радио, телеграфными, телефонными, и всеми другими техническими коммуникациями. Поскольку я тогда был только рейхсминистром авиации, я мог делать это только внутри своего министерства и поэтому использовал такое закамуфлированное обозначение. Данный механизм прежде всего служил целям контроля за связью всех зарубежных миссий и важных лиц, у которых имелась телефонная, радио и телеграфная связь с зарубежными странами, как заведено во всех странах, и затем дешифруя информацию таким образом выявлял выявлял и передавал её в другие ведомства. Данный отдел не имел ни агентов, ни разведывательной службы, а исключительно техническое ведомство занимавшееся перехватом радиосообщений, телефонных разговоров и телеграмм, всякий раз, когда приказывали и передавал информацию в заинтересованные ведомства. В этой связи я могу сказать, что я также много читал о сообщениях подготовленных господином Мессерсмит[223], которые фигурировали здесь. Он являлся тогда главным источником такой информации.

Штамер: В чем заключался смысл и важность секретного правительственного совета, который был создан вскоре после захвата власти?

Геринг: В феврале 1938 произошла отставка военного министра, фельдмаршала фон Бломберга. Одновременно, по определенным причинам, главнокомандующий армией, генерал-полковник фон Фрич ушел в отставку, то есть, был уволен фюрером. Совпадение этих отставок или увольнений, в глазах фюрера, создавало, урон престижу Вермахта. Он хотел отвлечь внимание от этих перестановок, означавших полную перестройку. Он сказал, что прежде всего хотел произвести перестановки в министерстве иностранных дел, потому что только такая вещь могла произвести сильное впечатление за рубежом, и способствовала бы отвлечению внимания от военных дел. Я сильно возражал фюреру по этому поводу. В долгих, утомительных личных беседах я просил его отказаться от перестановок в

[223] Джордж Мессерсмит (1883–1960) — американский дипломат, с 1930 по 1934 генеральный консул США в Берлине. Посол США в Австрии с 1934 по 1937.

министерстве иностранных дел. Однако, он думал, что должен настаивать на этом.

Возник вопрос, о том, что делать после отставки или замены господина фон Нейрата. Фюрер планировал всеми средствами сохранить господина фон Нейрата в кабинете, так как имел к нему огромное личное уважение. Я также всегда выражал ему личное уважение. Для того, чтобы избежать падения престижа Нейрата за рубежом, я лично был тем кто внёс предложение фюреру. Я сказал ему, что для того, чтобы за рубежом казалось, что фон Нейрат не совсем отстранён от внешней политики, я предлагаю назначить его председателем секретного правительственного совета. На самом деле, не существовало никакого кабинета, но выражение звучало неплохо, и каждый мог представить, что это, что-то означает. Фюрер сказал, что мы не можем сделать его председателем, если самого совета не существует. Соответственно я сказал: «Тогда давайте его создадим» и набросал список из нескольких человек. Насколько малое значение я придавал наличию такого совета, показывает то обстоятельство, что себя я поставил в конце списка.

Затем, публике в целом, это было подано за совет которому поручалось быть совещательным органом по внешней политике. Когда я вернулся, я сказал своим друзьям: «Это неплохое дело, но если фюрер не советуется с министром иностранных дел, он определенно не будет просить совета по внешней политике у кабинетного совета, мы не будем иметь к этому никакого отношения!» Я заявляю под присягой, что данный совет никогда не собирался, даже на минуту, даже организационное заседание не проводилось. Некоторые члены совета даже не были проинформированы о том, что состоят в нем.

Штамер: Когда состоялось последнее заседание рейхскабинета?

Геринг: Насколько я помню, последнее заседание было в 1937, и насколько я припоминаю, я председательствовал на последнем заседании, фюрер покинул его вскоре после начала. Фюрер не особо почитал заседания кабинета, это было для него слишком большим кругом, и, наверное, там было слишком много споров относительно его планов, и он хотел это изменить.

С этого времени имели место только индивидуальные совещания, совещания с отдельными министрами или с группами министров из заинтересованных министерств. Но поскольку министры весьма правильно считали, что это создавало сложности в их работе, соответственно возникло решение которым я, от имени четырехлетнего плана, чаще собирал министров вместе, для того, чтобы обсудить с ними общие вопросы. Но никогда, ни в кабинете, ни в совете министров не принимали и не обсуждали никакие важные политические решения, как то, например, аннексию Австрии, Судетов и Чехословакии, что, в конце концов, привело к войне. Я знаю, сколько внимания придавал фюрер тому факту, чтобы следовало информировать только тех министров, которых было абсолютно необходимо ставить в известность ввиду характера их работы и только в последнюю минуту. И здесь я также готов поклясться, что большое количество министров не

были информированы о начале войны или вступлении в Чехословакию, Судеты, или Австрию до следующего утра, пока они не узнавали об этом по радио или из прессы, также как и другие немецкие граждане.

Штамер: Какое участие вы принимали в заключении Мюнхенского пакта в сентябре 1938?

Геринг: Присоединение судетских немцев, или, лучше сказать, решение проблемы судетских немцев, я всегда подчёркивал как нечто необходимое. Я также говорил фюреру после аншлюса[224] Австрии о том, что буду сожалеть, если его заявления были неправильно поняты о том, что с аншлюсом Австрии данный вопрос был разрешён.

В ноябре 1937, я заявил лорду Галифаксу[225]о том, что аншлюс Австрии, решение вопроса судетских немцев, и решение проблемы Данцига и коридора являлись неотъемлемыми частями немецкой политики. Взялся ли бы за них однажды Гитлер, или я, или кто-то ещё на следующий день, они все равно оставались политическими целями, которых нужно было добиваться. Однако мы оба соглашались в том, что любые усилия для достижения этого должны были избегать войны.

В дальнейшем, в своих беседах с господином Буллитом[226] я всегда занимал ту же самую позицию. И я говорил все остальным, публично и лично, что эти три пункта должны быть разрешены, и разрешение только одного вопроса, не означает, что другие были неважными.

Я также хочу подчеркнуть и в связи с этим, а также в связи с другими вещами, обвинение вменяет нам несоблюдение того или иного обещания которое Германия давала в прошлом, включая Германию, существовавшую до нашего захвата власти. Я хочу сослаться на многие речи, в которых и фюрер, это я уже не очень хорошо помню, и я, как я очень хорошо знаю, заявляли о том, что мы призываем зарубежные страны не строить никаких планов на будущее на основе обещаний нынешнего правительства, о том, что мы не признаем эти обещания, когда получим власть. Таким образом, в этом вопросе существовала абсолютная ясность.

Когда судетский вопрос достиг кризиса и фюрер запланировал решение, я, как солдат и главнокомандующий Люфтваффе, согласно долгу, предпринимал подготовительные меры, предназначенные для любой неожиданности. Как политик я был крайне рад попыткам которые предпринимались, чтобы найти мирное решение. Я признаю, что тогда был очень рад, когда увидел, что британский

---

[224] Аншлюс (нем. Anschluss — присоединение, союз) — включение Австрии в состав Германии, состоявшееся 12—13 марта 1938 года.

[225] Эдуард Фредерик Линдли Вуд (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. в 1934 — виконт Галифакс, в 1944 — граф Галифакс. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

[226] Уильям Буллит младший (1891 — 1967) — государственный и политический деятель США. Посол США в СССР в 1933-1936. Посол США во Франции в 1936-1940.

премьер-министр, готов приложить всевозможные усилия. Вместе с тем, ситуация за день до Мюнхенского соглашения, снова стала критической.

Было около 6:30 или 7 часов утра, когда мне позвонил итальянский посол Аттолико[227], и сказал, что он должен немедленно встретиться со мной по приказам Муссолини, и что это касается решения судетской проблемы. Я сказал ему, что он должен встретиться с министром иностранных дел. Он сказал, что имеет специальное распоряжение от Муссолини, встретиться сначала только со мной. Я встретился с ним, насколько я помню, в 9 утра, и он сообщил о том, что Муссолини готов выступить посредником, о том, что как можно быстрее должна быть созвана встреча между Германией (Адольф Гитлер), Англией (премьер-министр Чемберлен[228]), Францией (премьер Даладье[229]), и Италией (Муссолини), с целью мирного урегулирования вопроса. Он, Муссолини, видел для этого возможность, и готов был предпринять все необходимые шаги и попросил меня лично использовать все мое влияние в этом направлении. Я взял посла, а также господина фон Нейрата, хотя он уже не был министром иностранных дел в рейхсканцелярию и сообщил обо всем фюреру, пытаясь убедить его, объясняя ему преимущества такого шага и сказав о том, что это позволит в дальнейшем создать основу для смягчения напряжённости. Пока еще нельзя было сказать, будут ли успешны текущие политические и дипломатические стремления, но если ведущие политики четырех крупнейших западноевропейских держав встретятся, будет возможным многое извлечь из этого.

Господин фон Нейрат поддержал мою аргументацию, и фюрер согласился и сказал, что мы должны позвонить дуче по телефону. Аттолико, находившийся снаружи, немедленно сделал это, впоследствии Муссолини официально пригласил фюрера, вопросы были согласованы и Мюнхен был выбран в качестве места.

Поздно вечером, итальянское посольство проинформировало меня о том, что и британский премьер-министр и французский премьер-министр согласны прибыть в Мюнхен на следующий день.

Я попросил фюрера, или даже сказал ему, что при любых обстоятельствах я буду рядом. Он согласился. Тогда я предложил также взять с собой в поезд господина фон Нейрата. Он согласился и с этим.

Я принимал участие в некоторых дискуссиях и, по мере необходимости вносил в урегулирование много аргументов, и прежде всего как мог, старался создать дружескую атмосферу у всех сторон. Я лично общался с господином Даладье и господином Чемберленом и впоследствии я был искренне рад тому, что все закончилось хорошо.

---

[227] Бернардо Аттолико (1880 — 1942) — итальянский дипломат.

[228] Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

[229] Эдуард Даладье (1884 — 1970) — французский политик, государственный деятель, премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938—1940 годах.

Штамер: Перед этим состоялся аншлюс Австрии с Германией. По каким причинам Гитлер принял это решение, в какой мере вы принимали участие в этих мероприятиях?

Геринг: Вчера я рассказывал трибуналу, кратко описывая свою жизнь, что лично я чувствовал сильную привязанность к Австрии, что я провел большую часть своей молодости в австрийском замке, что мой отец, даже во времена старой империи, часто говорил о близком родстве между будущим немецкой родины Австрии и Рейха, будучи уверенным в том, что австрийская империя больше не останется единой.

В 1918, находясь в Австрии 2 дня, прибыв на самолете, я увидел революцию и крах империи Габсбургов[230]. Страны, с преимущественно немецким населением, включая судетскую Германию, собрались тогда в Вене в парламенте. Они объявили о независимости от распавшегося государства Габсбургов и объявили, включая представителей судетской Германии, что Австрия должна быть частью Германского Рейха. Это, случилось, насколько помню, при социал-демократическим канцлере Реннере[231]. Это заявление представителей австро-германского народа желавшего стать частью Германии в будущем, было изменено Сен-Жерменским мирным договором[232] и запрещено под диктатом держав победительниц. Ни для меня, ни для любого другого немца это не имело никакого значения.

Нужно было создать момент и основные условия для союза двух чистокровных немецких братских наций. Когда мы пришли к власти, как я уже говорил, это естественно стало составной частью немецкой политики.

Заверения Гитлера относительно суверенитета Австрии не были обманом, они были серьезными. Поначалу он, наверное, не видел иных возможностей. Лично я даже был более радикальным в этом вопросе и постоянно просил его по возможности не делать никаких чётких заявлений относительно австрийского вопроса. Однако, он был уверен, что для начала необходимо принять во внимание Италию.

После прихода к власти национал-социалистической партии в Германии было очевидным, что национал-социалистическая партия в Австрии стала также все больше и больше расти. Однако эта партия существовала в Австрии еще до захвата

---

[230] Габсбурги — одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени. Представители династии известны как правители Австрии (с 1282 года), трансформировавшейся позднее в многонациональные Австрийскую (1804—1867) и Австро-Венгерскую империи (1867—1918), являвшихся одними из ведущих европейских держав, а также как императоры Священной Римской империи, чей престол Габсбурги занимали с 1438 по 1806 годы (с кратким перерывом в 1742—1745 годах)

[231] Карл Реннер (1870 — 1950) — австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны.

[232] Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный 10 сентября 1919 в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии.

нами власти в Германии, также как и Национал-социалистическая рабочая партия возникнув в судетской Германии. Таким образом, партия в Австрии, не являлась пятой колонной для аншлюса, потому что австрийский народ сам изначально желал аншлюса. Если идея аншлюса сильно не выражалась и не учитывалась в австрийском правительстве того времени, это было не потому, что оно не хотело присоединиться к Германии, а потому что национал-социалистическая форма правительства была несовместима с формой правления в Австрии того времени.

Таким образом, возникла напряжённость, сначала в самой Австрии, о которой обвинение часто говорит в своих доводах. Эта напряжённость была вызвана тем, что национал-социалисты относились к идее аншлюса более серьезно, чем правительство. В результате между ними возникла политическая борьба. То, что мы находились на стороне национал-социалистов, в части наших симпатий, это очевидно, особенно в условиях суровых преследований этой партии в Австрии. Многих сажали в лагеря, такого же типа как концентрационные только под другими названиями.

В определенный момент лидером австрийской партии был человек по имени Хабихт[233] из Висбадена. Я не знал его ранее, я видел его только однажды. Он ошибочно убедил фюрера, до так называемого дела Дольфуса[234], в том, что австрийские вооруженные силы готовы самостоятельно предпринять действия с целью заставить правительство пойти на аншлюс, или же свергнуть его. Если дело обстояло так, что австрийская партия должна была поддержать любые действия вооруженных сил в данном направлении, тогда, по мысли фюрера, она должна была получить политическую поддержку со стороны нашей партии в Германии. Однако, все это в действительности было обманом, так как не австрийская армия планировала выступить против австрийского правительства, а скорее так называемый «Wehrmacht Standarte[235]», подразделение включавшее в себя бывших военнослужащих, уволенных или ушедших в отставку из австрийской армии, которые пришли в партию или присоединились к ней.

При помощи этого обманного маневра Хабихт получил поддержу этой акции[236] в Вене. Тогда я находился с фюрером в Байройте. Фюрер сразу же вызвал Хабихта и жестко его отчитал, сказав, что он ложно проинформировал и обманул его.

Он очень сильно сожалел о смерти Дольфуса так как с политической точки зрения это означало очень серьёзную ситуацию по части национал-социалистов, и особенно в отношении Италии. Италия тогда мобилизовала пять дивизий, и послала

---

[233] Теодор Хабихт (1898 – 1944) – нацистский политик. Глава нацистской партии Австрии в изгнании в 1933-1934. Убит на Восточном фронте.

[234] Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

[235] «Знамя Вермахта» (нем.)

[236] 25 июля 1934 года около полутора сотен членов СС штандарта 89, для маскировки одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. При попытке к бегству Дольфус был ранен выстрелом в горло.

их на перевал Бреннер. Фюрер хотел умиротворения быстрыми и решительными действиями. Это являлось причиной направления господина фон Папена в качестве чрезвычайного посла в Вену и работы по разрядке атмосферы, настолько быстрой, насколько возможно.

Не стоит забывать абсурдность ситуации, которая сложилась в эти годы, а именно, что такая чисто немецкая страна как Австрия, в вопросах правительства не находилась под влиянием Германского Рейха, а под влиянием итальянского правительства. Я вспоминаю заявление господина Черчилля[237], о том, что Австрия практически являлась филиалом Италии.

После акции против Дольфуса, Италия заняла очень сдержанную позицию в отношении Германии и ясно дала понять, что сделает все возможное для предотвращения аншлюса. Следовательно, кроме решения внутренних проблем с Австрией господином фон Папеном, фюрер также пытался изменить отношение Муссолини к данному вопросу. По этой причине он вскоре отправился в Венецию, или же это было ранее, в любом случае он пытался изменить отношение.

Но у меня было мнение, что, несмотря на все то общее, что имелось у нас, скажем так в философском смысле, фашизм и национал-социализм, аншлюс был для меня важнее, чем какое-либо соглашение. И если нельзя было договориться с Муссолини, следовало действовать против него.

Потом началась итало-абиссинская война[238]. В связи с санкциями против Италии, Германии давали понять, не открыто, но достаточно ясно, что для нее будет преимуществом, что касалось австрийского вопроса, принять участие в санкциях.

Фюрер должен был принять трудное решение, лично выступить против Италии и такими средствами добиваться аншлюса или связать себя обязательствами с Италией, посредством проитальянского или корректного отношения таким способом исключив противодействие Италией аншлюсу. Тогда я предложил ему, ввиду довольно расплывчатого предложения англо-французских кругов по вопросу Австрии, попытаться выяснить, кто стоял за этим предложением и готовы ли оба правительства придти к соглашению по этому вопросу и дать гарантии того, что последствия аншлюса будут рассматриваться как внутреннее дело Германии, и не являются расплывчатыми гарантиями о сотрудничестве и.т.д.

Мои подозрения подтвердились; мы не получили никаких чётких гарантий. В таких обстоятельствах, для нас было более своевременным воспрепятствовать Италии быть основным противником аншлюса путем неприсоединения к санкциям против неё.

Я придерживался мнения, что величайшее дело объединения немецких

---

[237] Уинстон Черчилль (1874-1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940-1945 и 1951-1955 годах.

[238] Вторая итало-эфиопская война (Вторая итало-абиссинская война, Итало-эфиопская война (1935—1936 гг.) — война между Итальянским королевством и Эфиопией, итогом которой стала аннексия Эфиопии и провозглашение из неё, вместе с колониями Эритрея и Итальянское Сомали, колонии Итальянская Восточная Африка.

народов, стоит выше, чем разногласия между двумя нынешними правительствами. Случись это, нельзя было ожидать того, что правительство великогерманского Рейха подало бы в отставку и Германия была аннексирована Австрией, скорее аншлюс произошел бы раньше или позже.

Затем последовало Берхтесгаденское соглашение. Я не присутствовал при этом. Я не был согласен с договорённостью, потому что я возражал против любого чёткого заявления, которое затягивало период неопределенности, для меня союз всех немцев был единственным удовлетворительным решением.

Вскоре после Берхтесгадена, по инициативе канцлера Шушнига[239] должен был пройти плебисцит. Плебисцит сам по себе являлся невозможным, так как нарушал Берхтесгаденское соглашение. Это я опущу, но способ проведения плебисцита был уникальным в истории. Можно было проголосовать только «за», любой человек мог проголосовать столько раз, сколько он хотел, пять, шесть, семь раз. Если он рвал листок бумаги это учитывалось как «за», и тому подобное. Дальнейшее не интересовало. Таким образом, с самого начала было ясно, что даже небольшое количество сторонников Шушнига используя такие возможности, могло получить нужный результат. Это был своего рода фарс.

Мы возражали против этого. Прежде всего, член австрийского правительства, который находился в тот момент в Германии, генерал фон Гляйсе-Хорстенау[240], вылетел в Вену, чтобы дать понять Шушнигу или Зейсс-Инкварту – который, после Берхтесгадена входил в правительство Шушнига, что Германия не потерпит эту провокацию. В это же время войска, находившиеся на границе с Австрией были подняты по тревоге. Мне кажется, это было в пятницу, 11-го числа. В тот день я находился в рейхсканцелярии, в кабинете вместе с фюрером. Я услышал по телефону новости о том, что Гляйсе-Хорстенау прибыл и ясно и безошибочно объявил о наших требованиях, и о том, что эти вещи обсуждаются. Затем, насколько помню, последовал ответ, что плебесцит отменяется и Шушниг согласился. В тот момент у меня появилось инстинктивное ощущение, что ситуация стала подвижной, и что теперь, наконец-то появилась возможность которую мы так долго и пламенно ждали, возможность окончательно решить данную проблему. И с этого момента я должен принять 100 процентную ответственность за все дальнейшие события, потому что не столько фюрер, сколько лично я, задавал темп, и даже заставлял фюрера преодолевать свои сомнения в достижении конечной цели.

Мои телефонные переговоры уже оглашались здесь. Я спонтанно потребовал, даже не переговорив с фюрером об этом, немедленной отставки канцлера Шушнига. Когда это удовлетворили, я выдвинул следующее требование, о том, что настало время для аншлюса. И это, как известно, случилось.

---

[239] Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

[240] Эдмунд Гляйсе-Хорстенау (1882 – 1946) – австрийский политик и военный. Министр внутренних дел Австрии в 1936 – 1938. Находясь в американском плену покончил жизнь самоубийством.

Единственная вещь, и я говорю о ней, не потому что это важно в части моей ответственности, которой я не добивался лично, поскольку я не знал лиц принимавших участие, но которую обозначило обвинение в последние несколько дней заключается в следующем: я переправил список министров, то есть, я назвал тех людей, которых считал желательными для нас при назначении в австрийское правительство. Я знал Зейсс-Инкварта, и с самого начала мне было ясно, что он должен получить канцлерство. Затем я назвал Кальтенбруннера для безопасности. Я не знал Кальтенбруннера и это был один из двух примером к которым приложил руку фюрер назвав мне несколько имен. Также, кстати, я указал имя Фишбока[241] для министерства экономики, не зная его. Единственным, кого я лично привел в кабинет, был мой сводный брат, доктор Хубер[242], в качестве министра юстиции, но не, потому что он был моим сводным братом, а потому что он уже был австрийским министром юстиции в кабинете прелата Зейпеля[243]. Тогда он не был членом партии, но он вышел из рядов Хеймвера[244], и мне было важно иметь представителя данной группы с которой мы сначала были едины, но затем разошлись в позициях, в кабинете. Я хотел быть уверен в своем влиянии на этого человека, с целью окончательной реализации полного аншлюса. Так, уже снова появились планы в которых только фюрер, как глава Германского Рейха, должен был одновременно стать главой германской Австрии, в противном случае было бы разделение. Я считал такое недопустимым. Пробил час, и мы должны были использовать его лучшим образом.

В беседе с министром иностранных дел фон Риббентропом, который находился в тот момент в Лондоне, я отметил, что ультиматум был предъявлен не нами, а Зейсс-Инквартом. Это было абсолютно верно де юре, но конечно являлось де факто моей волей. Но этот телефонный разговор должен был прослушиваться англичанами, и я вынужден был вести дипломатическую беседу, и до сих пор я никогда не слышал о том, чтобы дипломаты в таких случаях говорили о том как обстоит дело де факто, скорее они всегда пытаются подчеркнуть то как было де юре. И зачем мне надо было делать исключение в нашем случае? В этом телефонном разговоре я потребовал от господина фон Риббентропа, чтобы он попросил британское правительство назначить британских граждан, которым оно полностью доверяло. Я готов был создать все условия для поездки этих людей по Австрии для того, чтобы они сами поняли, что австрийский народ в подавляющем большинстве хотел аншлюса и приветствовал его с энтузиазмом. Здесь, в ходе дискуссии по австрийскому вопросу никак не упоминался тот факт, а этот разговор состоялся в

---

[241] Ганс Фишбок (1895–1965) — австрийский банкир. Министр финансов Австрии в 1938, Нидерландов в 1940–1945.

[242] Франц Хубер (1894 – 1981) – австрийский нотариус. Один из лидеров националистического движения «Хеймвер».

[243] Игнац Зейпель (1876–1932) — австрийский политик, федеральный канцлер Австрии в 1922–1924 и 1926–1929 годах.

[244] Хеймвер (нем. Heimwehr — отряды самообороны) — «Союз защиты родины» — националистическое, военизированное объединение, действовавшее в Австрии с 1919 по 1938 год.

пятницу, что в прошедшее воскресенье в Штирии, в одной из важнейших частей потомственных стран, практически произошёл внутренний аншлюс, и население там объявило о поддержке аншлюса и более или менее нарушило свои связи с венским правительством.

Штамер: Я вручил вам запись этой беседы. Она была представлена обвинением. Одна часть из неё не была зачитана под протокол, но вы уже приводили её содержание. Могли бы вы взглянуть на неё?

Геринг: Да, я придаю значение наличию только тех отрывков в этом документе, в которых я ссылаюсь на тот факт, что я считал важным, чтобы английское правительство как можно скорее направило в Австрию людей которым оно доверяло, для того, чтобы они сами могли увидеть действительное положение дел, и во-вторых, это отрывки, в которых я ссылаюсь на тот факт, что должен был быть проведён плебисцит согласно порядку, примененному при проведении Саарского плебисцита[245] и в таком, случае, каким бы не был результат, мы бы его признали. Я мог спокойно обещать это, так как был уверен, что подавляющее большинство проголосовало бы в пользу аншлюса.

Теперь я подхожу к решающей части, касающейся вступления войск. Это был второй момент в который вмешался фюрер, и у нас не было одинакового мнения. Фюрер хотел, чтобы причинами вступления в Австрию была просьба нового правительства Зейсс-Инкварта, то есть желаемого нами правительства о том, что они должны попросить войска для поддержания порядка в стране. Я был против этого, не против вступления в Австрию, я был за вступление в любом случае, но только против приводимых причин. В этом заключалась разница мнения. Разумеется, в одном месте могли возникнуть беспорядки, а именно в Вене и Винер-Нойштадте, потому что некоторые австромарксисты, которые уже поднимали вооруженный мятеж, были вооружены. Однако, это не имело такого решающего значения. Гораздо более важным было то, что германские войска должны были вступить в Австрию немедленно и в значительном количестве, чтобы отбить любое желание соседней страны вмешаться в ход развития событий и забрать по такому случаю даже маленькую австрийскую деревушку.

Я хочу подчеркнуть, что тогда отношение Муссолини к австрийскому вопросу еще не до конца прояснилось, при том, что я работал над этим в течение года до этих событий. Итальянцы все еще жадно смотрели на восточный Тироль. Я не забывал про те пять дивизий на перевале Бреннер. Венгры много говорили о Бургенланде. Югославы однажды упоминали, что-то про Каринтию, но я был уверен, что мы ясно дали им понять, что это абсурд. Для того, чтобы раз и навсегда предотвратить осуществление этих надежд, которые легко могли возникнуть в такой ситуации, я решительно хотел, чтобы германские войска прошли маршем по Австрии обозначив: «Аншлюс состоялся, Австрия является частью Германии и

---

[245] Имеется референдум о принадлежности земли Саар, находившейся с 1920 под международным управлением.

следовательно находится под защитой Германского Рейха и его вооруженных сил»

Фюрер не хотел такой решительной демонстрации во внешней политике, и наконец, попросил меня проинформировать Зейсс-Инкварта, чтобы тот послал телеграмму об этом. Тот факт, что мы согласились на проведение марша по Австрии, помогает объяснить телефонный разговор, в котором я сказал Зейсс–Инкварту о том, что ему не нужно направлять телеграмму, а он может сделать это по телефону, этого было достаточно. В этом заключалась причина. Согласия Муссолини не было получено до 23:30. Хорошо известно, каким оно было облегчением для фюрера.

Вечером этого же дня, после того как все стало ясно, и исход был виден заранее, я пошёл на бал в «Flieger Club[246]», куда меня пригласили несколькими неделями ранее. Я отмечаю это потому что, эти действия описываются как обманный маневр. Но как мне кажется, приглашение действительно было направлено ещё до проведения Берхтесгаденской конференции. Там я встретил почти всех дипломатов. Я сразу же отвел в сторону сэра Невилла Гендерсона. Я беседовал с ним 2 часа и привёл ему все причины и всё объяснил, а также попросил его ответить мне на такой же вопрос, который я позже задал Риббентропу, какой нации во всём мире был причинён какой-нибудь ущерб нашим союзом с Австрией? У кого мы, что-то забрали и кому навредили? Я сказал, что это абсолютная реституция, что веками обе страны являлись частями Германской империи и их разделили, только в силу политического развития, последовавшей монархии и отсоединения Австрии.

Когда следующим утром фюрер вылетел в Австрию, как известно в его отсутствие я занимался всеми делами в Рейхе. Тогда же я запретил возвращение так называемого Австрийского легиона – группы людей, которые покинули Австрию в годы начала борьбы, потому что мне не нужны были беспорядки. Однако, во-вторых, я также убедился, в том, что к северу от Дуная, то есть между чехословацкой границей и Дунаем должен был промаршировать всего один батальон, для того, чтобы Чехословакия ясно поняла, что речь идет об австро-германском деле. Этот батальон должен был промаршировать, чтобы города к северу от Дуная, также могли принять участие в праздновании.

В данной связи, в заключение я хочу подчеркнуть два момента: если господин Мессерсмит сказал в своих длинных письменных показаниях, что до аншлюса я совершал различные визиты в Югославию и Венгрию с целью убедить эти нации поддержать аншлюс, и что я обещал Югославии часть Каринтии, я могу лишь сказать в ответ на эти заявления, что они мне вообще не понятны. Мои визиты в Югославию и другие балканские страны, предназначались для улучшения наших отношений, в частности торговых отношений, которые были самыми важными для меня относительно четырехлетнего плана. Если бы в любое время Югославия

[246] «Лётный клуб» (нем.)

потребовала хотя бы одну деревню в Каринтии, я бы даже не стал отвечать на такой вариант, потому что если какая страна и является немецким ядром то это Каринтия.

Второй момент: в обвинительном заключении упоминается подготовка агрессивной войны против Австрии. Агрессивная война ведётся стрельбой, бросанием бомб, и тому подобным, но тогда бросали только одну вещь – цветы. Но может быть обвинение подразумевает, что-то ещё, то здесь я могу согласиться. Лично я, всегда заявлял, что я сделаю все возможное, чтобы гарантировать, что в ходе аншлюса не будет потревожен мир, но в отдалённой перспективе, если бы нам вечно в этом отказывали, лично я мог обратиться к войне для достижения данной цели, чтобы немцы вернулись в свое отечество, войне ради Австрии, но не против Австрии.

Мне кажется, что я кратко обрисовал картину событий происходивших в Австрии. И я заканчиваю заявлением о том, что в данном вопросе не столько фюрер, сколько лично я был ответственным за все происходившее.

Штамер: Вечером перед вступлением войск в Австрию, у вас также был разговор с доктором Мастным[247], чехословацким послом. В этой связи вы предположительно сделали заявление о вашем честном слове. Что насчёт этой беседы?

Геринг: Я особенно благодарен, что могу, наконец, прояснить вопрос об этом «честном слове», которое так часто упоминается в последние месяцы с целью инкриминировать меня.

Я отмечал, что на том вечере присутствовали практически все дипломаты. После разговора с сэром Невиллом Гендерсоном и возвращения в бальный зал, чехословацкий посол, доктор Мастный подошел ко мне, очень взволнованный и дрожавший, и спросил меня том, что происходило в ту ночь, и о том, не собираемся ли мы вступить также в Чехословакию. Я дал ему, краткое объяснение и сказал: «Нет, это лишь вопрос аншлюса Австрии, это не имеет никакого отношения к вашей стране, если вы смешиваете эти события»

Он поблагодарил меня, и пошел, видимо, к телефону. Однако через некоторое время он вернулся еще более взволнованным и у меня сложилось впечатление, что в своём состоянии он с трудом понимал меня. Тогда я сказал, в присутствии остальных: «Ваше превосходительство, слушайте внимательно. Я даю вам личное честное слово, о том, что это является вопросом аншлюса Австрии, и что ни один немецкий солдат, ниоткуда не приблизится к чехословацкой границе. Проследите за тем, чтобы со стороны Чехословакии не было мобилизации, которая может вызвать трудности». Тогда он согласился.

Я никогда не говорил ему: «Я даю вам честное слово, что мы никогда не захотим ничего делать с Чехословакией». Все что он хотел это получить объяснение конкретному событию, в конкретное время. Я представил ему конкретное объяснение, потому что я уже чётко заявлял перед этим, что решение проблемы

[247] Войцех Мастный (1874 – 1954) – чешский дипломат и преподаватель.

судетских немцев было необходимым в какое-то время и каким-нибудь образом. Я бы никогда не заявил ему о своём честном слове в отношении окончательного решения, и это было невозможным для меня, потому что я уже говорил по-другому. Объяснения хотели в тот момент в связи с австрийскими событиями. Я мог осознанно заверить его в своем честном слове, о том, что тогда Чехословакию не тронут, потому что тогда нами еще не было принято никаких решений о точном времени в отношении Чехословакии или решении судетской проблемы.

Штамер: 15 марта 1939 состоялась беседа между Гитлером и президентом Гахой[248]. Вы присутствовали при данной беседе? В чем выражалось ваше участие?

Геринг: Это было началом создания Протектората[249]в Чехословакии. После Мюнхена, то есть, Мюнхенского соглашения и решения судетско-немецкой проблемы, фюрер и некоторые его приближенные пришли к военному решению в отношении, того, что если будут новые сложности после Мюнхенского соглашения, или возникающие при занятии зон, военным властям требовалось предпринять определенные меры предосторожности, так как после занятия зон, войска которые находились в состоянии готовности для плана «Зелёный[250]»(папка Шмундта) демобилизовались. Но события запросто могли в любой момент стать крайне опасными для Германии. Нужно только вспомнить, какую интерпретацию Мюнхенскому соглашению и оккупации Судетов тогда давали русская пресса и русское радио. Вряд ли можно сказать грубее. Между Москвой и Прагой долгое время существовала связь. Прага, разочарованная Мюнхенским соглашением, теперь могла усилить свои связи с Москвой. Признаки этого стали проявляться в частности в офицерском корпусе и нас информировали об этом. И на случай подтверждения опасности для Германии, различным военным ведомствам были даны указания об организации превентивных мер, что являлось их обязанностью. Но этот приказ не имел никакого отношения к какому-либо плану оккупации остальной Чехословакии спустя некоторое время.

Лично я в конце января поехал на Ривьеру в свой первый длинный отпуск и в это время я забросил все свои дела. В начале марта, к моему большому удивлению, прибыл курьер с письмом от фюрера, в котором фюрер информировал меня о том, развитие в Чехословакии было таким, что он не мог оставить вещи безнаказанными. Они становились нарастающей угрозой Германии, и он решил разрешить данный вопрос путем ликвидации Чехословакии как источника угрозы прямо в центре Германии, и поэтому он обдумывал оккупацию.

---

[248] Эмиль Гаха (1872 — 1945) — чешский политик, юрист, третий президент Чехословакии (1938—39), с 1939 года — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. Умерь находясь под арестом чехословацких властей.

[249] Протекторат Богемии и Моравии — зависимое государственное образование, учреждённое властями Третьего рейха в преддверии 2-й мировой войны на оккупированных территориях Богемии, Моравии и Силезии (Чешская Силезия), населённых этническими чехами.

[250] План «Грюн» (нем. Fall Grün — Зеленый план) — кодовое наименование военной операции немецкого руководства по ликвидации Чехословакии до начала Второй мировой войны.

В течение этого времени я встретил в Сан-Ремо многих англичан. Я сознавал, что они считают Мюнхен лучшим из сделанного, и даже считали его удовлетворительным, но любые другие инциденты или требования к Чехословакии могли вызвать значительное беспокойство.

Я отправил письмо обратно с курьером. Может быть, оно находится в тоннах документов которые есть у обвинения. Я могу понять, если оно его не приобщает, так как это будет документ смягчающего характера в отношении меня. В этом письме я сообщал фюреру о своих взглядах и писал ему почти следующее: что если это произойдёт сейчас, это повлечет за собой серьёзную утрату престижа британского премьер-министра Чемберлена, и я не был уверен, что он сможет это пережить. Тогда вероятно придет господин Черчилль и фюреру известно об отношении Черчилля к Германии. Во-вторых, это будет непонятым, спустя такое короткое время после удовлетворительного разрешения этих вещей к всеобщему удовлетворению. В-третьих, я думал, что смогу успокоить его, сказав ему следующее: я верил, что то, что он хотел сейчас ликвидировать посредством угрозы, путём оккупации Чехословакии, можно было достичь более длительным способом, в то же время, избегая чего-нибудь, что может раздражать Чехословакию, а также другие страны. Я был убежден, что после отделения Судетов и Австрии, являвшейся частью Германии, экономическое проникновение в Чехословакию стало вопросом времени. То есть, я надеялся путём сильных экономических связей дойти до коммуникаций, таможенного и валютного союза, что послужило бы экономическим интересам обеих стран. Если бы это произошло, тогда бы суверенная Чехословакия была бы настолько политически связана с Германией и немецкими интересами, что я никогда бы не поверил, что снова может возникнуть какая-нибудь угроза. Однако, если бы Словакия выразила желание о независимости, нам не следовало препятствовать этому. Напротив, мы могли поддержать её путем экономического сотрудничества, которое стало бы еще ближе, чем раньше, если Словакия должна была отделиться, то обе страны должны были смотреть на Германию в экономических вопросах, и в таких вопросах обе страны могли быть заинтересованы в Германии и были бы еще теснее связаны с Германией.

Это письмо, я только, что привёл суть, курьер вернул обратно. После этого я несколько дней ничего не слышал.

Председатель: Не пришло ли время прерваться?

[*Объявлен перерыв*]

Штамер: Вы, продолжите?

Геринг: Затем, в срочном порядке я был вызван в Берлин. Я прибыл в Берлин утром, а вечером того же дня туда прибыл президент Гаха. Я устно представил фюреру взгляды, которые уже выразил в письме. Фюрер представил мне

определенные доказательства, которые указывали, что положение в Чехословакии развивалось серьезно. Это государство распадалось по частям ввиду отделения Словакии, но не это было решающим. Он показал мне документы разведки, которые указывали на то, что русские авиационные комиссии присутствуют на аэродромах Чехословакии, или некоторых из них проводя подготовку, и подобные вещи не соответствовали Мюнхенскому соглашению. Он сказал, что опасается, что Чехословакия, особенно если бы Словакия отсоединилась, могла быть использована как русская воздушная база против Германии.

Он сказал, что решился устранить эту угрозу. Президент Гаха попросил о беседе, как он мне сказал тогда и прибудет вечером, и он пожелал, чтобы я присутствовал в рейхсканцелярии.

Прибыл президент Гаха и сначала побеседовал с рейхсминистром иностранных дел. Ночью он прибыл к фюреру, мы встретили его холодно. Сначала он общался с фюрером наедине, затем позвали нас. Затем я беседовал с ним в присутствии посла и призывал его, как можно быстрее выполнить требование фюрера об отводе войск от границы, когда выступят немцы для того, чтобы не было кровопролития. Я сказал, что с этим уже ничего нельзя сделать, фюрер принял решение и считал его необходимым, и будет только ненужное кровопролитие, так как длительное сопротивление нам было невозможным. И в этой связи я заявил, что был бы огорчен, если бы мне пришлось бомбить прекрасную Прагу. Намерения бомбить Прагу не существовало, как и не было других приказов такого рода, так как даже в случае сопротивления это было не нужно – сопротивление всегда можно было сломить и без такой бомбардировки. Но такая постановка вопроса, могла, как я считал, подтолкнуть решение проблемы.

Затем я добился того, чтобы он связался по телефону с правительством в Праге, он отдал приказ, и оккупация, и вступление в Прагу состоялись на следующий день.

Штамер: Вы сопровождали фюрера в Праге?

Геринг: Нет, я не сопровождал его в Праге. Я был скорее раздражен. В дальнейшем я не появлялся ни в Чехословакии, ни в судетской Германии после этого инцидента, за исключением 21 апреля 1945, когда я проезжал по Чехословакии.

Штамер: Почему вы были раздражены?

Геринг: Потому что в целом проблема была решена более или менее через мою голову.

Штамер: Другие державы принимали участие в оккупации Чехословакии?

Геринг: Да. В то время Польша взяла территорию Ольши.

Штамер: Обвинение представило документ, из которого следует вывод, что убийство немецкого посла должно было произойти в связи с антинемецкими демонстрациями в Праге. Это интерпретируется так, как будто убийство немецкого посла, было бы использовано с целью найти повод для аннексии.

Геринг: Это случилось еще до решения судето-немецкой проблемы, и я слушал очень внимательно, когда об этом говорили. Я также вспомнил о подлинных фактах. Это не обсуждалось в таком виде и не должно интерпретироваться так, будто мы хотели убийства своего посла или даже рассматривали такую возможность, с целью найти повод для урегулирования этой проблемы. Но мы рассматривали возможности, которые могли привести к немедленному столкновению. В свете напряжённости существовавшей между Чехословакией и Германией относительно судетской Германии, также рассматривалась возможность того, что немецкий посол в Германии может быть убит чехами, и в таком случае Германии придется немедленно реагировать при любых обстоятельствах, совершенно независимо от других политических акций.

Такая возможность вытекала из факта, что снаружи немецкого посольства в Праге проходил ряд демонстраций, чего нельзя отрицать, по этой причине Германия направила в посольство оружие для его обороны, настолько угрожающей являлась обстановка. По этим причинам мы обсуждали такую возможность. Это здесь неправильно поняли. Мы не хотели, чтобы посла убили в качестве провокации, или возможной провокации, но мы понимали вероятность такого убийства с противоположной стороны, и тогда бы фюреру пришлось действовать немедленно.

Штамер: В какой степени проводились конфискации в Чехословакии?

Геринг: До войны в Чехословакии не проводилось никаких конфискаций, то есть, экономические ресурсы не изымались. Напротив, крупная и сильная чехословацкая экономическая емкость в полной мере слилась с экономической емкостью Германии. То есть, мы, прежде всего, придавали большое значение тому факту, что мы объявили Протекторат и таким образом закончив акцию, предприятия Шкода[251] и военные предприятия Брюнна, то есть важные военные производства, естественно включались в военный потенциал Германии. Это значит, что там, в значительной степени размещались заказы. К тому же мы даже создавали новые производства и оказывали им поддержку.

Помимо прочего предъявлено обвинение в том, что мы демонтировали новые рельсы и заменяли их старыми из Германии. Мне кажется, это должно быть, абсолютная ошибка, так как транспортная система в Чехословакии, Протекторате, была одной из важнейших для Германии. Весь юго-восточный транспорт с Балкан шёл через Протекторат, сначала в направлении Вена, Прага, Дрезден и Берлин; и во-вторых, главная линия Вена–Люнденбург–Одерберг-Бреслау. И пока канал не был закончен, все перевозки материальных ценностей не объезжали границу, а шли по кратчайшему пути. Мы бы очень разозлились, если бы эта транспортная система ослабла. У меня есть только одно объяснение, и оно заключается в том, что в ходе

[251] Škoda Holding a.s. (произносится Шкода Холдинг) — одна из крупнейших компаний Чехии, специализирующаяся на машиностроении. Основана в 1859.

расширения существовавшей транспортной системы, вероятно, также использовалось много рельсов из хранилищ Германии, проходивших в правительственных отчетах под названием «старые». Но, чтобы менять новые рельсы на старые это абсолютный нонсенс.

Кроме того, очевидно, что, так как Судеты были включены в Рейх, обвинение, о том, что государственную собственность и леса забрало германское государство не имеет никакого основания: естественно, забирая страну, государственная собственность также становится собственностью нового государства.

Похожее обвинение по части Судетов которое заключается в том, что банки там были аффилированы с немецкими банкам, очевидно не является необоснованным, так как в стране была введена немецкая валюта, и следовательно отделения банков, должны были проводить её обмен.

Что касается последовавшего Протектората, я уже отмечал, что ещё до создания Протектората мной было подготовлено сильное экономическое проникновение в Чехословакию, с одной стороны покупкой акций у других владельцев, что давало нам голоса в чешских и словацких предприятиях, и далее, мне кажется, путем реструктуризации займов выданных ранее западными державами.

В связи с этим получили развитие предприятия «Герман Геринг», так как они приобрели большое количество акций предприятий Шкода, для того, чтобы использовать последние в качестве обрабатывающей промышленности для продукции своих прокатных станов и металлургических заводов, также как они делали на других производствах в Германии.

Более того, после создания Протектората, общая экономическая емкость Протектората была, конечно, поглощена общей емкостью германской экономики.

Штамер: 15 ноября 1937 состоялась дискуссия с фюрером в рейхсканцелярии, запись о которой подготовил некий полковник Хоссбах[252], и она касалась последней воли Гитлера. Она часто упоминается на настоящих слушаниях. Могу я попросить у вас короткого пояснения, в чем заключалось значение этого совещания. Я хотел бы показать вам документ. Номер документа PS-386.

Геринг: Мне уже показывали здесь этот документ, и я хорошо знаком с его содержанием. Этот документ играет важную роль в обвинительном заключении, поскольку озаглавлен «Завещание фюрера». Хотя слово «завещание», фактически, использовано Хоссбахом только в одном месте.

---

[252] Протокол Хоссбаха — протокол заседания, состоявшегося 5 ноября 1937 года с участием Адольфа Гитлера, а также военного и внешнеполитического руководства Третьего рейха, на котором Гитлер изложил свои экспансионистские планы в Европе. Своё название протокол получил по имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера полковника графа Фридриха Хоссбаха; Кроме Гитлера и Хоссбаха, на заседании присутствовали министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Эрих Редер и главнокомандующий военно-воздушными силам Герман Геринг. Протокол датирован 10 ноября 1937 года.

Что касается технического аспекта данного протокола, я хочу сказать следующее: Хоссбах был адъютантом фюрера, главным адъютантом. Поэтому, он присутствовал на встрече и вёл запись. Как я удостоверился, пять дней спустя, он подготовил протокол на основании своих заметок. Следовательно, это протокол, который содержит все ошибки, которые запросто случаются в протоколе, который не был составлен на месте другими стенографистами, и который при определенных обстоятельствах содержит субъективные мнения записавшего или его личные интерпретации.

Он содержит ряд пунктов, как я уже говорил, которые соответствуют именно тому о чём фюрер говорил постоянно, но есть другие пункты и выражения, о которых я не могу сказать, что это выглядит как слова фюрера.

В течение последних месяцев я видел слишком много протоколов и допросов, которые отчасти не имели никакого отношения ни к этому, ни к интерпретации которую придают им, по этой причине я также хотел бы указать на источники ошибок.

Что касается слова «завещание», использование данного слова полностью противоречило взглядам фюрера. Если кто и знал, что-нибудь об этих взглядах то это я.

Решение о том, что я должен быть преемником, было принято впервые не 1 сентября 1939, а ещё осенью 1934. Я имел частые возможности обсудить с фюрером вопрос так называемого политического завещания. Он отвергал такую идею, поясняя свою причину тем, что, нельзя назначить преемника посредством политического завещания, так как развитие политических событий должно обеспечивать ему полную свободу действий в любое время. Вполне возможно, что можно изложить свои политические пожелания или взгляды, но никогда - обязывающие заявления, стесняющие волю. Такого взгляда он придерживался до тех пор, пока я имел его доверие.

Итак, какой для него была цель дискуссии? Военный министр, главнокомандующий армией, главнокомандующие флотом и Люфтваффе и тогдашний рейхсминистр иностранных дел собрались вместе. Незадолго до этого фюрер проинформировал меня, так как я пришел заранее, что он в основном собрался созвать данное совещание с целью оказать давление на генерала фон Фрича, поскольку он не был удовлетворен перевооружением армии. Он сказал, что не будет особого вреда, если господин фон Бломберг также окажет определенное давление на фон Фрича.

Я спросил, почему должен присутствовать фон Нейрат. Он сказал, что не хотел бы придавать этому совещанию слишком военный характер, так как то, что касалось главнокомандующих не являлось таким важным, но он хотел дать понять главнокомандующему Фричу, что внешнеполитическая ситуация требовала ускорения темпов перевооружения и по этой причине он попросил прийти министра

иностранных дел, который ничего не знал о подробностях.

Затем последовали заявления в таком духе, в котором фюрер обыкновенно произносил свои речи. Он давал развернутую картину событий в крупном политическом масштабе и говорил о ситуации в мире в целом с разных углов и для каждого кто знал его также хорошо как я, цели которые он преследовал были очевидными. Он совершенно ясно намеревался сказать, что у него великие планы, что политическая ситуация была такой и такой, и всё направлено на сильную программу вооружения. Я хочу сказать, что если фюрер, несколько часов спустя, беседовал с другой группой, например, дипломатами из министерства иностранных дел или партийными функционерами, тогда бы он, вероятно, использовал иные доводы для обоснования своей позиции.

Вместе с тем, некоторые из этих заявлений естественно отражают основное отношение фюрера, но при всём желании я не могу придать такую же степень значимости документу, какую ему здесь придают.

Штамер: Вы сказали, что вы рассматривались преемником фюрера. Означало ли это, что вы посвящались Гитлером во все политические проблемы?

Геринг: Сейчас я рассказываю о периоде своих хороших отношений, которые длились вплоть до войны. Конечно, он информировал меня обо всех важных политических и военных проблемах. Он знакомил меня с этими проблемами большей частью в ходе долгих дискуссий, которые могли занимать день за днем многие часы. Иногда, я, безусловно, удивлялся, затрагивая внешнеполитические вопросы, но всегда, когда возможно я лично разбирался в вещах, и по одному случаю он сказал, фактически, что у меня своё собственное мнение по внешнеполитическим вопросам и ему не всегда легко соглашаться со мной. Но я хочу подчеркнуть, что по всем важным политическим вопросам я был, конечно, всегда информирован.

Штамер: 23 мая 1939 состоялось совещание с фюрером, которое кратко обсуждалось в ходе допроса свидетеля Мильха[253].

Доклад о нём также содержится в документе номер L-79. Согласно формулировке данного доклада, вы принимали участие в этом совещании, однако свидетель Мильх заявил, что вы не присутствовали.

Геринг: Действительно я там не присутствовал. Мильха вызвали в последний момент, чтобы он представлял меня. Но, конечно, если свидетель сказал, что он не получал разрешения фюрера информировать меня, тогда вам следует понимать, что фюрер не хотел меня информировать через моего государственного секретаря, а хотел сделать это лично. Но нет, я действительно присутствовал на том совещании, я вспомнил об этом в другом ключе. Но даже если я не присутствовал, я думаю

[253] Эрхард Мильх (1892 – 1972) немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал. Заместитель Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению.

Мильх, должно быть, думал о другом совещании. Оно могло не иметь такой важности, так как не обсуждается, что фюрер проводил бы совещание с этими господами не уведомив меня заранее, или впоследствии если я сам отсутствовал. Все это, следовательно, не так важно. Совершенно очевидно, что в таких случаях меня информировали либо заранее, или, если я не мог присутствовать, то впоследствии вводил в курс дела фюрер. Но теперь мне понятно, что Мильх здесь, должно быть ошибся, и он, наверное, подумал про другое совещание, так как под самый конец я задал несколько вопросов относительно программы перевооружения, которые я очень хорошо припоминаю.

Штамер: В чем заключалось значение совещания?

Геринг: Это было совещание проводимое фюрером, на котором он изложил свои взгляды относительно ситуации и задач, требуемых от Вермахта исходя из данной ситуации. В очередной раз, главная задача заключалась в том, чтобы проинформировать вооруженные силы относительно вооружений и готовности, о том, что он рассмотрел всевозможные последствия, политические и другие, и что он лично хотел бы полной свободы решения.

Оглядываясь назад на события, которые произошли до этого момента - и мне не нужно подчеркивать, насколько легко вещи, рассматриваемые в ретроспективе, в свете их развития, видятся и представляются иначе, чем они были на самом деле, когда они произошли, но теперь я легко могу сказать, что даже в то время я хотел того или другого, поскольку я тем временем добивался этого. Я также легко могу сказать - это невольно напрашивается само собой, что то или это всегда было моим намерением, хотя каждый прекрасно знает, что изначально он сильно зависел от других факторов и что при определенных обстоятельствах его намерения в то время могли быть совершенно другой.

В целом, это еще один случай, где имело место непонимание адъютанта, но, в целом, это типичное совещание, которое фюрер проводил с определенным смыслом которого он хотел добиться, и хотел особо подчеркнуть эту цель.

Штамер: В период с 1935 по 1938 вы совершили много государственных визитов в Польшу. В чём заключался смысл этих визитов?

Геринг: После того, как германо-польские отношения прояснились в 1934, фюрер желал укрепить этот пакт[254] и создать лучшую атмосферу. Он попросил меня заняться этим вопросом, потому что верил в то, что я смогу найти общий язык с польскими господами, что на самом деле и произошло.

Меня приглашал президент польского государства. Это было в 1935, и затем в 1935, 1936 и 1937 – я проводил в Польше около 1 или 2 недель в году. У

---

[254] «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей» (называемая также Договор о ненападении между Германией и Польшей, Пакт Пилсудского — Гитлера) — совместная декларация, подписанная Германией и Польшей 26 января 1934 года. Принятие этого документа способствовало временной нормализации отношений между двумя государствами.

меня была долгая дискуссия с тогдашним маршалом Пилсудским[255], и потом всегда с министром иностранных дел и маршалом Рыдзом-Смиглым[256].

Тогда фюрер поручил мне серьезную задачу, не обманную задачу, улучшив отношения, сказать Польше, что он заинтересован в сильной Польше, потому что сильная Польша была бы превосходной преградой между Россией и Германией. Фюрер подчёркивал о решении Данцигского вопроса и вопроса коридора беседуя со мной тогда и говорил о том, что для этого настанет время, но тогда, когда, появится возможность прийти к соглашению с Польшей по данной проблеме. В этом играла свою роль литовская проблема. Но решающим фактором было то, что он не говорил: «Убаюкай Польшу. И после этого я нападу на Польшу». Такого никогда не было, чтобы с самого начала, как часто представляют здесь, мы собирались вместе и сговариваясь, раскладывали по полочкам наши планы на десятилетия. Скорее, все вытекало из игры политических сил и интересов, как всегда бывает в таких случаях во всем мире в вопросах государственной политики. У меня была такая задача, и я сознательно считал её серьёзной задачей и проводил её с честной уверенностью. Впоследствии, когда произошло столкновение с Польшей для меня это была не очень приятная ситуация.

Штамер: Каким было ваше отношение к Мемелю[257], Данцигу и вопросу польского коридора?

Геринг: Мое отношение всегда было недвусмысленным. Оно заключалось в том, что Данциг и вольный город, как чисто немецкая территория, в определённое время в будущем вернуться Германии. С другой стороны, разумеется, мы сознавали, что Польше необходим доступ к морю и порт. Соответственно, наша первая мысль заключалась в том, чтобы нам вернули вольный город и Данциг и через польский коридор проходил бы немецкий транспортный путь. Это было очень небольшим и самым скромным требованием, которое долгое время считалось абсолютно необходимым, и казалось нам вполне возможным.

Штамер: Еще одно совещание с фюрером состоялось 23 ноября 1939. Протокол совещания это документ номер PS-789, который был представлен трибуналу. Я попрошу вас взглянуть на данный документ и кратко рассказать о вашем отношении к предмету совещания.

Геринг: В этом я могу быть сравнительно кратким. Это обращение к главнокомандующим и командующим формированиями и армиями, которые должны были подготовить атаку на Западе после поражения Польши. Для меня совершенно понятно и на самом деле не требует никаких объяснений, если верховный главнокомандующий вооруженных сил, который действительно

[255] Юзеф Клеменс Пилсудский (1867 — 12 мая 1935) — польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого Польского государства, основатель польской армии; маршал Польши.
[256] Эдвард Рыдз-Смиглы (1886 — 1941) — польский военачальник и политик, маршал Польши (с 1936), верховный главнокомандующий польской армии в войне 1939 года. Предположительно был убит польскими подпольщиками.
[257] Немецкое название литовского города Клайпеда – в январе 1923 вооруженным путём был присоединен к Литве.

возглавляет эти силы, решает провести стратегические и обширные тактические операции, как в данном случае после завершения польской кампании. Фюрер при любых обстоятельствах хотел, и был совершенно прав, перемещая войска поздней осенью и готовя удар по Франции, для того, чтобы осенью и зимой 1939 можно было добиться завершения этой операции. Что ему мешало это погода, поскольку без использования воздушных сил он не мог проводить эту операцию, в частности по прорыву линии Мажино[258] у Седана. Ему требовалась хорошая летная погода хотя бы на 4 или 5 дней, на момент начала атаки. Лишь потому, что мы не могли гарантировать ему подобные погодные условия на протяжении недель и недель, события сначала откладывались на зиму и в конце концов были отложены, после рождества и нового года, вплоть до начала весны.

Но тогда он еще верил, что сможет осуществить её. Поэтому, он созвал вместе главнокомандующих и проинформировал их о приказах к нападению. Это была одна из тех речей, привычных в таких случаях. Естественно, поскольку фюрер являлся не только военным, но прежде всего политиком, всегда получалось, что в таких военных речах, в которых солдат ограничился бы военно-стратегической точкой зрения, было много ссылок на его политические взгляды и его политические тенденции или намерения. Никогда нельзя забывать, что он выступал не только как главнокомандующий или верховный главнокомандующий вооруженных сил, но также как глава германского государства и вот почему, он так часто придавал сильный политический акцент даже военным речам.

Но по этим поводам ни одного генерала не спрашивали, в чём заключалось их мнение и одобряют ли они принципиальные тенденции политики или нет. В таких речах он даже не спрашивал, поддерживают ли они его военные планы или нет, это происходило в другое время. Если с вопросом было покончено и обсуждались стратегически-тактические вопросы с отдельными командирами, то подводился итог, также явно политический, в котором фюрер представлял окончательные замыслы генералам. И если, это я отмечаю, поскольку это часто играет здесь роль, если генерал осмеливался сказать: «Мой фюрер, я считаю, ваши заявления ошибочными и не соответствующими тому, о чём мы договорились» - или «это не та политика, которую мы можем одобрить» это рушило взаимопонимание. Не потому, что этот конкретный генерал был бы расстрелян, но я бы усомнился в его психическом здоровье, потому что как можно представить, что можно руководить государством, если бы во время войны или перед её началом, о котором приняли правильное или неправильное решение политические лидеры, отдельный генерал мог голосовать о том, будет ли он сражаться или нет, останется ли его корпус дома или нет, или мог сказать: «Я должен сперва спросить свою

[258] Линия Мажино — система французских укреплений, на границе с Германией от Бельфора до Лонгийона. Была построена в 1929—1934 годах (затем совершенствовалась вплоть до 1940 года). Длина около 400 км. Названа по имени военного министра Андре Мажино.

дивизию». Наверное, кто-то пойдёт вместе с ним, а другие останутся дома! В таком случае эту привилегию нужно было давать и обычному солдату. Наверное, таким будет способ избежать войн в будущем, если спрашивать каждого солдата хочет ли он пойти домой! Возможно, но не в государстве фюрера. Этим я хочу подчеркнуть, что в каждом государстве мира военная формула ясно определена. Когда есть война, или когда государственное руководство решает о войне, военное руководство получает свои задачи. В отношении этого они могут озвучивать мнение, могут вносить предложения о том как им лучше атаковать слева или справа, или по центру. Но вопрос о том, идти ли им через нейтральное государство или нет, это не дело военного руководства. Это целиком ответственность политического руководства государства. Следовательно, не могло быть никакой возможности, чтобы проводилась общая дискуссия о правильном или неправильном, скорее генералы уже получили свои приказы. Верховный главнокомандующий решил, и поэтому солдату ничего не оставалось для обсуждения, и это относилось как к фельдмаршалу так и обычному солдату.

Штамер: Распоряжение фюрера от 7 октября 1939 содержит вашу подпись. В данном распоряжении Гиммлеру была поручена задача по германизации. Данное распоряжение представлено под номером PS-686. Пожалуйста, взгляните на него, и скажите в чем заключалось значение данного указа?

Геринг: Это распоряжение от 7 октября 1939 был принято после завершения польской кампании. Польша тогда была завоевана и польского государства более не существовало. Я обращаю ваше внимание на ноту народного комиссара иностранных дел России Молотова[259], который высказал свое мнение по данному вопросу, согласно которому несправедливость Версальского договора ощутимая в отношении Германии, когда Версальским договором немецкие провинции были отсоединены и переданы Польше, была компенсирована победой оружия. Таким образом, для нас само собой разумелось, что часть Польши до 1918 бывшая немецкой, должна была быть возвращена обратно, то есть, возвращена Германии. Но на этой территории, годами, более чем миллион немцев проживавших здесь раньше, у которых было там имущество, фермы, поместья, и т. д., изгонялся, выбрасывался и лишался собственности. Это совершенно ясно из многочисленных жалоб которые на протяжении лет после 1919 заявляли в Лигу Наций по данному поводу и исследование всех этих жалоб и обо всех события о которых сообщалось оттуда, которое должно и сейчас храниться в архивах Женевы подтверждает в какой огромной мере проводилось ополячивание этих немецких территорий. Распоряжение было направлено на то, чтобы положить этому конец, снова сделать эти территории немецкими, то есть, чтобы те фермы и поместья из которых выгнали

[259] Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) - российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

немцев, снова перешли в руки немцев. Тот факт, что эту задачу поставили Гиммлеру, не встретил моего полного согласия, но в тот момент не это имело решающее значение. Он получил данное задание, не как глава полиции, но, потому что, как известно, он всегда особенно остро интересовался вопросом нового развития немецкого народа, и поэтому, это ведомство «Folkdom[260]», как бы оно ни называлось, так или иначе Гиммлеру поручили эту задачу. Фюрер принял закон. Я естественно, был подписантом, поскольку, я был председателем совета министров, и затем его также подписал начальник канцелярии Ламмерс[261]. Эти подписи подразумевались. У меня было очень положительное отношение к этому, это полностью соответствовало моим взглядам, чтобы немцы, изгнанные с немецких территорий, вернулись туда. Но я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что это является, чтобы быть точным, вопросом бывших немецких провинций.

Штамер: Вы имеете в виду оккупированные западные польские провинции?

Геринг: Да. Губернаторство[262], например, не предназначалось для целей германизации. Если немцы заселялись там позднее, я не уверен в этом, то это происходило не из-за этого распоряжения. Мне кажется, вы спросили о моем отношении к мемельскому вопросу. Я отмечал Данциг и польский коридор. Мемель являлся сравнительно небольшим вопросом. В Мемеле, согласно Версальскому договору или Лиге Наций, должен был пройти плебисцит. Незадолго до этого, литовцы оккупировали Мемель и мемельскую территорию. Для того, чтобы предотвратить плебисцит Литва присоединила Мемель, и соответственно произвела fait accompli[263]. Жалобы германского правительства того времени естественно были такими же бесполезными, как и все остальные жалобы в Лигу Наций. О том, что было сделано литовцами, сожалели, считая это ложным и ошибочным, но речи о возврате обратно или же проведения предписанного плебисцита не шло. После того как литовцы в нарушение всех соглашений оккупировали Мемель, наше абсолютное национальное право состояло в том, чтобы исправить данное нарушение и оккупировать Мемель самим.

Штамер: 19 октября 1939 вы опубликовали распоряжение, которое приказывало о вывозе из Польши экономических ресурсов. Данное распоряжение представлено как документ номер ЕС-410. Я хочу узнать ваше мнение относительно данного распоряжения.

Геринг: Это распоряжение, которое представляло собой общие инструкции о том,

---

[260] «Пространство народа» - Генрих Гиммлер имел также должность рейхскомиссара по консолидации пространства немецкого народа.

[261] Ганс-Генрих Ламмерс (1879 – 1962) - государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря, министр без портфеля и шеф рейхсканцелярии, постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха , обергруппенфюрер СС. Американским трибуналом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

[262] Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

[263] «Свершившийся факт» (фр.)

какие экономические процедуры должны проводиться на всей оккупированной нами польской территории. Они регулировали захват и распоряжение имуществом польского государства на территориях оккупированных немецкими войсками, кредитные и денежные вопросы, порядок проведения экономических мероприятий, подготовка расчетов с иностранными кредиторами, которая стала необходимой и т.д. Конфискации проводились только главным управлением доверительного управления «Восток», и т. д. Это не столько вопрос изъятия экономических ресурсов. Дело было не в этом. Напротив, даже в Генерал-губернаторстве существовавшую там экономику, ту экономику которую, конечно же, можно было использовать для военных нужд, укрепляли и расширяли. Сокращалась такая экономика которая не являлась абсолютно необходимой, также как в остальной Германии и во всех других государствах в случае войны. Что касается того сырья, которое было доступно и было важным для ведения войны, такого как сталь или медь или олово, мой взгляд заключался, или лучше сказать моё стремление, заключалось в том, чтобы эти материалы должны были перерабатываться в готовую продукцию там где их можно было быстрее всего использовать для производства. Если местность и её транспортные возможности позволяли это, они должны были оставаться и использоваться там. Если их не возможно было обработать на месте, я бы конечно не позволил важному сырью лежать там без дела, а направил бы их куда угодно где они могли послужить военным нуждам. Вот в целом, о чем говорит распоряжение. В этом заключались моё основное отношение и моя основная инструкция. Целью было скорейшее и наиболее целесообразное использование для производства повсюду, где возможно.

Штамер: 19 ноября 1945 доктор Кайтан Мюльман[264] дал письменные показания, которые представлены обвинением в качестве документа номер PS-3042. В трех коротких предложениях там сказано следующее:

> «С октября 1939 по сентябрь 1943 я являлся специальным заместителем генерал-губернатора Польши Ганса Франка по сохранению культурных ценностей в Генерал-губернаторстве. Данная задача была поставлена мне Герингом, в качестве председателя комитета обороны Рейха. Я подтверждаю, что официальная политика генерал-губернатора Ганса Франка заключалась в сборе на хранение всех важных предметов искусства, которые относились к польским общественным учреждениям, частным коллекциям и церкви. Я подтверждаю, что указанные предметы искусства действительно были конфискованы, и я осведомлен, что в случае немецкой победы, они бы не остались в Польше, а использовались бы для пополнения немецких коллекций искусства».

[264] Кайтан Мюльман (1898 – 1958) – австрийский историк искусства и офицер СС.

Геринг: На самом деле я не имел никакого прямого отношения к сохранению сокровищ искусства в Польше, абсолютно никакого, как председатель совета министров по обороне Рейха. Однако, Мюльман, которого я знал, встречался со мной и говорил мне о том, что он предпринимает шаги по сохранению там сокровищ искусства. И, на мой взгляд, эти сокровища искусства нужно было сохранить во время войны, независимо от того, что с ними должны были сделать позднее, для того, чтобы невозможно было их уничтожение в результате пожара, бомбардировок и т. д. Я хочу подчеркнуть, я обращусь к этому вопросу снова в связи с Францией, что ничего из этих культурных ценностей не забрали в мою так называемую коллекцию. Я говорю об этом, между прочим. То, что эти сокровища искусства действительно сохраняли, является правильным, это также планировалось, отчасти по причине того, что у них там не было владельцев. Всякий раз, когда владельцы присутствовали, я вспоминаю, например, графа Потоцкого из Линкута, эти собрания искусств оставались у них. Фюрер не имел окончательного решения, о том, что делать с этими сокровищами искусства. Он отдал приказ и я довёл его письмом до Мюльмана, а также, насколько помню до Франка о том, чтобы эти культурные ценности были доставлены в Кёнигсберг. Четыре картины нужно было забрать в безопасный «бункер» или безопасную комнату Германского музея в Берлине или в музей кайзера Фридриха[265] в Берлине. Здесь также фигурировали рисунки Дюрера[266] в Лемберге. В этой связи я хочу о них сейчас сказать, поскольку обвинение уже затрагивало их. Рисунки Дюрера в Лемберге тогда не были конфискованы нами, потому что Лемберг стал русским. Ещё до выступления против России, рисунки, насколько я помню историю Мюльмана, были спасены из горящего города польским профессором, который прятался от русских до этого времени и он передал их ему. Это были рисунки, и с ними он явился ко мне. При том, что я обычно сильно интересовался подобными вещами, у меня, к сожалению, не было времени хорошенько их осмотреть, так как в тот момент я был в пути к фюреру. Я взял их с собой, как подтвердил Мюльман, немедленно доставив их туда. Куда они попали после этого, мне неизвестно. Мне кажется, что я ответил на вопрос о польских сокровищах искусства. Помимо этого есть еще алтарь Вита Ствоша[267], который был изначально изготовлен здесь в Нюрнберге, чисто немецкая работа. Фюрер хотел, чтобы этот алтарь находился в музее германцев в Нюрнберге, лично я к этому не имел отношения. Я просто знаю об этом. О том, что должно было быть с

[265] Музей Боде — художественный музей в составе ансамбля Музейного острова в Берлине, в котором размещаются экспозиции Скульптурного собрания, Музея византийского искусства и Монетного кабинета. До 1945 года музей носил имя кайзера Фридриха.

[266] Альбрехт Дюрер (1471 — 1528) — немецкий живописец и график, один из величайших мастеров западноевропейского Ренессанса. Признан крупнейшим европейским мастером ксилографии, поднявшим её на уровень настоящего искусства. Первый теоретик искусства среди североевропейских художников.

[267] Алтарь Вита Ствоша — главный алтарь церкви Успения Пресвятой Девы Марии (в просторечии — Мариацкий костёл), Краков, Польша. Алтарь назван по имени его создателя Вита Ствоша (полонизированное имя скульптора Файта Штосса) и является произведением поздней готики с элементами Ренессанса.

ними сделано, пока не говорили. Ясно, что об этом бы говорили в ходе мирных переговоров.

Штамер: Какую связь вы имели с Квислингом?

Геринг: Впервые я встретил Квислинга после оккупации Норвегии, в первый и последний раз. Он был в Берлине, посетил меня и у нас был короткий, малозначительный разговор. До этого, то есть до начала войны, один из его людей, которого я лично не знал, послал мне письмо, которое мне здесь показали, но которые я не смог вспомнить, так как подобные письма, согласно нашей практике, вряд ли, когда-нибудь мне представляли – это не важно. В этом письме он, выражаясь от имени Квислинга, говорил о том, что мы должны оказать финансовую поддержку движению Квислинга, и он описывал возрастающие политические денежные вложения, с одной стороны из России для тамошней коммунистической партии, и другие из Англии, притекавшие в заинтересованные политические ведомства. Затем, позднее кто-то обсуждал со мной можно ли поддержать Квислинга с помощью поставок угля. Моя точка зрения заключалась в том, что с учетом валютной ситуации и других факторов, мы не были настолько богатыми, и мы не могли тягаться с Россией или Англией во вложениях, что нужно было проконсультироваться с теми органами которые могли судить о том было ли своевременным оказывать движению Квислинга финансовую поддержку или нет. Если бы они ответили утвердительно, тогда бы мне было бы совершенно ясно, что Квислингу нужно послать деньги. Рассматриваемая сумма, которую мне надо было дать, была гораздо выше той суммы, которую, как мне кажется, позднее выделил фюрер через министерство иностранных дел.

Я никогда сильно не задумывался о таких небольших денежных вложениях, если кто-то собирается давать деньги, то нужно делать это правильно, чтобы на самом деле добиться цели. С прошедшей Первой мировой войны я имел достаточно опыта в связи с деньгами поступавшими в румынский парламент, но которых, к сожалению было слишком мало. Исходя из этого опыта, мой совет заключался в том, что если мы даем деньги, мы должны давать нужное количество. Кроме того, как я сказал, я познакомился с Квислингом гораздо позже и у нас был малозначительный разговор, который я не помню.

Штамер: Каким было ваше отношение к норвежскому проекту?

Геринг: Норвежский проект скорее удивил меня, поскольку, довольно странно, меня долго не информировали о нем. Фюрер зашел очень далеко в своём основном приказе, который я уже отмечал в начале и не призывал воздушные силы до самого последнего момента. Но поскольку самая важная часть предприятия падала на воздушные силы, я выразил свои взгляды в отношении него в недвусмысленной и недружественной манере. С военной точки зрения, я был определенно против мероприятия как такового, поскольку как главнокомандующий воздушных сил, совершенно независимо от политических соображений, я прежде всего должен был

думать исключительно о стратегических соображениях. Что касалось воздушных сил, то, было очевидным для любого грамотного военного эксперта, если мои эскадрильи могли наносить удары по Англии с норвежских баз это значительно улучшало моё положение. Исходя из стратегической точки зрения, я как главнокомандующий Люфтваффе, мог занимать только очень четкую позицию против такого предприятия. Мое возражение, сводилось, во-первых, к тому, что меня слишком поздно поставили в известность, и во-вторых, что планы не казались мне совсем правильными.

Штамер: Опасался ли Гитлер осложнений со Швецией из-за оккупации?

Геринг: Да, но не из-за оккупации немецкими силами как таковой, но когда мы, то есть фюрер, решили оккупировать Норвегию, мы уже имели значительную и детальную информацию относительно запланированной англичанами и французами оккупации, что позднее подтвердилось документами английского и французского генеральных штабов, которые мы захватили. В связи с этим, мы также знали, что стремление заключалось не просто в оккупации Норвегии, но прежде всего, в перерезке идущих через Нарвик шведских поставок руды в Германию, и более того, интервенции на стороне Финляндии в русско-финском конфликте[268], который продолжался. Фюрер опасался, что Швеция окончательно поддастся давлению Англии, то есть, под предлогом помощи Финляндии её войскам разрешат пройти, что соответственно полностью отрезало шведский железорудный бассейн и поставки нам руды. Я взял на себя очень большую ответственность, убеждая фюрера в том, что знаю Швецию и её народ, и её короля, настолько хорошо, что я знаю, кто-бы не оказывал давление на Швецию, независимо какая держава, Швеция при любых обстоятельствах будет защищать свой нейтралитет с оружием против любой державы, которая попытается его нарушить, независимо от причины этого нарушения. И я сказал о том, что я лично и сознательно принимаю за это ответственность, и что мы можем быть убеждены в этом. Так разрешился этот вопрос.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 15 марта 1946*]

[268] Советско-финская война 1939—1940 годов — война между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года.

День восемьдесят второй

Пятница, 15 марта 1946

Утреннее заседание

Штамер: Какие причины являлись решающими для вторжения в Бельгию и Голландию?
Геринг: Данный вопрос сначала изучался с чисто военной и стратегической точки зрения. Прежде всего, проверялось может ли быть абсолютно гарантирован нейтралитет обеих стран.
Председатель: Произошли неполадки с оборудованием. Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Штамер: Продолжайте, пожалуйста.
Геринг: Повторюсь. Сначала, нам нужно было определить будет ли в любых обстоятельствах обеспечен нейтралитет Голландии и Бельгии в случае конфликта и войны на Западе. Вначале казалось, что так и будет. Затем поступила информация о том, что состоялись переговоры не только между Бельгией и Францией, но также между Англией и Голландией. Произошел инцидент в Венло[269], где голландский офицер генерального штаба был захвачен на немецкой территории, и мне кажется, ещё одного застрелили на пограничном посту, что ясно показывало, что нейтралитет в данных условиях, не может соблюдаться при нараставшем давлении с вражеской стороны.

Теперь если нейтралитет не мог быть гарантирован при любых обстоятельствах, в бою существовала большая угроза того, что правый фланг оказывался под угрозой и был открытым. Чисто военные власти, заинтересованные только в стратегической точке зрения, когда их попросили представить мнение, только с военной точки зрения, заметили, что оккупировав обе страны, чисто военная и стратегическая ситуация конечно же отличалась от той, если бы мы этого не сделали и такую оккупацию предпринял противник.

Дополнительный элемент, который вызывал сомнения в абсолютном нейтралитете данных стран заключался в том, что почти все полеты из Великобритании в Германию, которые тогда совершались, проходили над

[269] Инцидент в Венло произошёл в начале Второй мировой войны (9 ноября 1939), когда немецкая Служба безопасности (СД) совершила захват двух агентов Секретной службы Британии (SIS) на территории нейтральных Нидерландов.

голландской или бельгийской территориями. К нам поступила надёжная информация о том, что бельгийская армия, которая вначале войны закрепилась на юго-западной границе, была перегруппирована и растянута вдоль немецкой границы в состоянии полной боеготовности.

Дальнейшая информация указывала на то, что происходил обмен мнениями между французским и бельгийским генеральными штабами, и о том, что под давлением французского генерального штаба, Бельгия обещала усилить работы на укреплённой линии Мааса против Германии.

Другие сведения указывали на то, что начальник французского генерального штаба, Гамелен[270], а также адмирал Дарлан[271] и начальник воздушных сил, Вюльмен[272] настаивали на оккупации Бельгии в любых обстоятельствах ради безопасности Франции, и о том, что состоялись расширенные переговоры по этому вопросу между французским и британским правительствами. Информация в то время была очень надёжной. Насколько она была верной и абсолютно чёткой стало очевидно позже, когда вступив во Францию обнаружились секретные документы французского генерального штаба, а также протоколы совещаний проходивших между французским и британским правительствами в так называемом верховном военном совете.

Мнение фюрера заключалось в том, что неспособность данных стран сохранить нейтралитет перед лицом нараставшего давления французов и британцев в дальнейшем создавала чрезвычайную опасность для Рурского района, который являлся для нас жизненно важным. Насколько оправданным было это мнение, также можно понять из докладов, в которых эксперты военного совета предлагали, а также подробно объясняли главе британского правительства, насколько хорошо долину Рура можно будет атаковать низколетящими британскими самолетами, которые бы приближались над Бельгией, и в последний момент, коротким полетом над Бельгией могли атаковать долину Рура и уничтожить важнейшие производства находившиеся там.

Если этого сначала не происходило, то по причине озабоченности французского премьера, так как он, со своей стороны беспокоился за французскую промышленность и желал, чтобы другая сторона первой ударила по промышленным объектам. Однако, Англия настаивала на том, что она способна атаковать долину Рура в любое время через Бельгию.

Если принимать во внимание насколько коротким является расстояние полёта от бельгийской границы до важнейших производств в долине Рура, всего

---

[270] Морис Гамелен (1872 — 1958) — французский генерал, главнокомандующий французской армией в начале Второй мировой войны.

[271] Франсуа Дарлан (1881 — 1942) — французский адмирал флота, один из лидеров вишистского режима в 1940—1942 годах. В 1939-1940 главнокомандующий французским флотом. Убит монархистом.

[272] Жозеф Вюльмен (1883- 1968) – французский генерал. В 1938 – 1940 начальник генерального штаба ВВС и командующий ВВС Франции.

несколько минут, тогда можно полностью понять опасность, которая возникала, если бы нейтралитет Бельгии не уважался нашими противниками. С другой стороны, если бы нейтралитет уважался, британским воздушным силам пришлось бы совершать сравнительно долгий перелёт от Гельголандской бухты с севера от долины Рура, и для нас было бы проще избегать и отбивать такие атаки. Однако, если бы они велись через Бельгию, это становилось почти невозможным.

В такой сложной борьбе нужно было в первую очередь, думать о наших военных интересах и нашем выживании, не оставляя противнику преимущества. В тот самый момент существования искреннего убеждения в реальности угрозы нашему народу, и прежде всего нашим вооруженным силам, эта угроза должна была быть устранена и мы должны были обеспечить для себя такие преимущества которых хотел для себя противник.

Штамер: По какой причине офицеры во Франции оставались интернированными даже после завершения боевых действий?

Геринг: Сначала я хочу уточнить использованное в данном вопросе выражение. Во Франции, война как таковая вообще не заканчивалась. Было заключено перемирие[273]. Перемирие было очень великодушным. Даже в преамбуле, перемирие демонстрировало тенденцию прийти к согласию, в отличие от перемирия подписанного на том же месте в 1918.

Когда маршал Петэн[274] запросил перемирия, наш первый ответ заключался в требовании безоговорочной капитуляции. Однако позже, мы дали ему понять, что довольно много пожеланий относительно флота, некоторых частей неоккупированной территории и в отношении колоний могут быть нами учтены. Ситуация была тогда такой, что Германия могла настаивать на абсолютно безоговорочной капитуляции, поскольку более не было организованных французских войск, или какой-нибудь помощи которая могла бы прийти из Англии, способной предотвратить военную катастрофу во Франции.

Никакая линия, никакие французские части, не смогли бы остановить прорыв немецких войск в Средиземноморье. В Англии не было доступных резервов. Все доступные силы находились в экспедиционном корпусе направленном в бельгийские и северные французские районы и наконец, в Дюнкерк.

В этом перемирии уважались такие условия, о которых были выражены пожелания. Кроме этого, фюрер намекнул на определённое великодушное решение, в особенности в отношении пленных офицеров. Когда вопреки значительному

---

[273] Компьенское перемирие 1940 года — перемирие, заключённое 22 июня 1940 года в Компьенском лесу между нацистской Германией и Францией и завершившее успешную кампанию немецких войск во Франции (май—июнь 1940 года). Результатом перемирия стало разделение Франции на оккупационную зону немецких войск и марионеточное государство, управляемое режимом Виши.

[274] Анри-Филипп Петэн (1856 —1951) — французский военный и государственный деятель; маршал Франции (21 ноября 1918); видный участник Первой мировой войны. В 1940—1944 годах возглавлял авторитарное коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши. Французским судом был приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным заключением. Освобожден досрочно.

удовлетворению на которое мы надеялись и которое ощущалось вначале, внутри Франции в результате пропаганды идущей через канал и создания нового центра сопротивления генералом де Голлем[275], с моей точки зрения было совершенно понятно, что французские офицеры предоставят свои услуги будучи патриотами. Но в то же время естественным для Германии было, сознавая такую опасность, попытаться преодолеть её, снова взяв в качестве военнопленных те элементы, которые могли быть лидерами и экспертами в таких военных движениях сопротивления, то есть всех офицеров которые пока свободно перемещались по Франции. Это являлось основополагающим условием для того, чтобы избежать войны за нашей спиной и новых вспышек во Франции. Мне кажется, что это является уникальным, чтобы в то время пока война бушевала на всех фронтах, офицерам страны с которой имелось только перемирие, разрешалось свободно перемещаться, когда война находилась на своём пике. Насколько я знаю, это был первый такой случай в истории войн.

Штамер: Чем вы можете указать нам на характерные факты, объясняющие почему, борьба во Франции, которая проходила во взаимном уважении в 1940, позднее приняла такой ожесточенный характер?

Геринг: Следует рассмотреть две стадии войны с Францией по отдельности. Первая стадия являлась крупным военным конфликтом, то есть, наступлением немецких войск против французской армии. Эта борьба протекала быстро. Нельзя сказать, что она была во всем рыцарским боем, потому что мы знали о некоторых фактах жестокости французов в отношении наших пленных, которые были записаны в «Белых книгах» и позднее доведены до Международного красного креста в Женеве. Но, в конце концов, это находилось в рамках войны как эксцессы, которые всегда происходят здесь и там в подобной борьбе.

После завершения этого, на время настало умиротворение и спокойствие. Лишь позднее, когда борьба продолжалась и расширялась, в особенности, когда добавилась борьба против России и как я уже сказал, когда с противоположной стороны был создан новый центр французского руководства оппозиции против нового французского руководства, тогда в странах Запада, которые до того являлись спокойными и в которых не случалось никаких серьезных инцидентов, стала очевидной явная интенсификация движения сопротивления. Случались нападения на немецких офицеров и солдат, гранаты и бомбы бросали в рестораны, где находились немецкие офицеры и солдаты. Бомбы бросали даже в места, где находились женщины, члены добровольной службы женщин-связистов и сестер Красного креста. Атаковались машины, перерезалась связь, взрывались поезда и всё это нарастало.

---

[275] Шарль де Голль (1890 —1970) — французский военный и государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления. Основатель и первый президент Пятой республики (1959—1969).

Война за линией фронта, в период сухопутной войны представляла собой трудность, но с появлением воздушной войны, появились совершенно новые возможности и методы. Ночь за ночью прилетало большое количество самолетов и сбрасывало большое количество взрывчатки и оружия, инструкции, и т. д. для этого движения сопротивления, для того, чтобы укреплять и расширять его. Немецкой контрразведке удавалось, посредством обмана авиации и ключей шифрования сбрасываемых вражескими самолётами получать в свои руки большое количество материалов, однако оставалось достаточное количество попадавшее в руки движения сопротивления. Жестокости в этой связи также усиливались. Что касается этого то могут быть представлены документы. Конечно…

Джексон: С позволения трибунала, я с неохотой прерываю данный допрос, но я хочу спросить, не воспользуется ли трибунал свои правом предоставленным уставом запросить у защитника объяснения, каким образом это относится к предъявленным обвинениям.

Этим поднимается достаточно большой и важный вопрос и этот вопрос заключается, как я его понимаю; этим поднимается вопрос, который потребует много времени, а время важный элемент данного процесса.

Для целей настоящего заявления, я могу признать, что на оккупированных территориях имели место действия партизан, которые являлись очень раздражающими и очень нежелательными, и очень тяжелыми для почти завоевателя. Если этим стремятся представить показания о действиях партизан против оккупационных войск, согласно теории репрессалий, тогда я покорно предлагаю, чтобы защитник пошёл по обратному пути, то есть, если защита говорит: «Да, мы совершали определенные жестокости, мы нарушали международное право», тогда это может быть мотивом, я должен возразить, что нет, это регулируется Гаагской конвенцией[276], но тогда бы, по крайней мере, был представлен вопрос.

Но, до тех пор, пока данные доказательства предъявляются исходя из теории о том, что репрессалии будут оправданными, этому не место, как я полагаю, в деле. Если это представляется на основе создающей теорию репрессалий, наш первый вопрос заключается в том, за что были эти репрессалии? Другими словами, доктрина репрессалий может быть призвана, когда вы сначала признаете что совершили определённые явные деяния в нарушение международного права. Тогда ваш вопрос заключается в том были ли вы оправданы в них. Я полагаю, что это может сократить и, безусловно, прояснить наше разбирательство, если представитель чётко заявит о том, на какие деяния совершенные немецкими оккупационными войсками он указывает в данных показаниях, как я полагаю, чтобы найти им оправдание; и, что, если не будет указана с достаточной определенностью

[276] На первой и второй мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 годах приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, включённые в комплекс норм международного гуманитарного права.

теория репрессалий, для того, чтобы мы могли идентифицировать нарушения со стороны Германии которым она ищет оправдания посредством репрессалий, такие показания не помогут в вынесении окончательного решения.

Здесь вопрос заключается не в том, сопротивлялись ли оккупированные страны. Конечно, они сопротивлялись. Вопрос заключается в том, могут ли быть оправданы деяния, которые мы продемонстрировали посредством репрессалий, то должно иметь место признание этих деяний и должна быть выдвинута доктрина репрессалий, что кажется мне, гораздо более конкретным.

Председатель: Да, доктор Штамер.

Штамер: Я не смог понять все заявление, потому что перевод не полностью передал смысл, но мне кажется, что вопрос относится к делу по следующим причинам, которые мы обсуждали:

Подсудимым вменяют тот факт, что заложников брали и расстреливали в больших количествах и утверждалось, что это не являлось оправданным, в любом случае, мотивы, которые вели к взятию заложников, до настоящего времени не обсуждались, хотя бы, в достаточной мере. Чтобы прояснить данный вопрос, который является таким важным для решения на данном процессе, по моему мнению, абсолютно необходимо выяснить, что эти распоряжения касавшиеся ареста и обращения с заложниками были вызваны движением сопротивления. Следовательно, по моему мнению, в оправдание можно говорить о том, что акции движения сопротивления, являлись причиной мер, которые немецкие военные власти вынуждены были, к большому сожалению предпринимать.

Джексон: Могу я сказать одно слово в ответ на предложение доктора Штамера, если это будет предложение.

Предположение доктора Штамера, о том, что следует судить по мотивам, может увести нас очень далеко. Если он призывает международно–правовую доктрину репрессалий, тогда он должен удовлетворить условиям этой доктрины, статья 2 Женевской конвенции от 27 июля 1929 особо предусматривает, что специальные меры репрессалий против военнопленных запрещаются. Следовательно, он, должен связать их с кем-то другим, но не с военнопленными. Согласно доктрине репрессалий, как мы её понимаем, любое деяние о котором заявляют как об оправдывающим репрессалии должно ссылаться на конкретное и длящееся нарушение международного права другой стороной. То есть, не всякое обычное и случайное нарушение международного права оправдывает всеобъемлющие репрессалии. Если бы было так, тогда у международного права, не могло быть никакого обоснования, так как нарушения одной стороны, однако незначительные, полностью избавляют другую от любых правил войны.

Во-вторых, о чём бы ни заявляли как об оправдывающим репрессалии, это должно отвечать разумному времени и должно относится к правонарушению которое следует предотвратить. То есть, вы не можете путем репрессалий

организовать полномасштабную резню с целью выявления одного убийцы. Далее следует показать, что репрессалии применяются при наличии протеста, в качестве основания для применения репрессалий. Вы не можете применять репрессалии без уведомления. О репрессалиях следует объявлять, и такое уведомление лежит на правительстве.

И следующее, наиболее важное, умышленный курс на нарушение международного права не может прикрываться как репрессалия. Конкретные деяния должны быть репрессалиями за конкретные деяния при условиях, на которые я указал. Вы не можете оправдывать режим террора согласно доктрине репрессалий, и я покорно полагаю, что предположение доктора Штамера об исследовании индивидуальных мотивов Геринга, или всех подсудимых коллективно, или Германии, не удовлетворяют ни одному правовому тесту. Это может указывать трибуналу на способ смягчения наказания после осуждения, но не является правильным соображением в вопросе виновности или невиновности в обвинениях которые мы предъявили коллегии.

Председатель: Господин судья Джексон, я понимаю, что вы согласны с тем, что такие доказательства могут выступать обстоятельствами смягчающими наказание?

Джексон: Я думаю если уважаемый суд, сочтет подсудимых виновными, тогда встанет вопрос наказания, как следует из нашей практики. Вы можете установить, почти всё, что подсудимый считает относящимся к наказанию, но я не принимаю то как доктор Штамер рассматривает вопрос предложения относящегося к данному предмету. Если же так, я должен согласиться с тем, что любое заявление о смягчающем обстоятельстве будет заслушано. Это предлагается, как я это понимаю по вопросу вины.

Председатель: Может быть и так, но трибунал может посчитать более подходящим заслушать доказательства сейчас. Устав, как я его понимаю, не предусматривает представления каких-либо доказательств после осуждения, если подсудимый осуждён. Следовательно, любое доказательство, которое может выступать в качестве смягчающего, должно быть представлено сейчас.

Джексон: Сложность с этим, как я должен думать, будет такой: подсудимый будет признан виновным по одним обвинениям, но не по другим. Потребуется время для вынесения приговора, две-трети которого могут, не относится к делу, потому что его могут не признать виновным более чем по одному пункту.

Я могу быть предвзят в пользу практики которая мне известна, или по крайней мере могу предполагать наличие некоторых сведений о ней. В нашей процедуре, прежде всего, разрешается вопрос вины. Вопрос наказания это отдельный предмет, определяемый в вердикте. Я должен считать, что это будет логичный путь. И я понимаю это так, и я думаю, доктор Штамер подтвердит мой взгляд, что это не рассмотрение вопроса приговора. Я не думаю, что он согласен с тем, что дошёл до данного пункта.

Штамер: Могу ли я кратко прокомментировать правовой вопрос? Поддерживается, или, по крайней мере, это косвенно утверждается, что во Франции в большой мере совершались нарушения международного права путём организации повстанческой войны. Борьба с данными действиями, которые не согласуются с международным правом, могла проводиться посредством репрессалий, как изложил господин судья Джексон. Верно то, что существовали определенные причины для обращения к этим репрессалиям, но, по моему мнению, спорно если такие…

Председатель: Могу ли я спросить, вы согласны с тем, что условия о которых заявил господин судья Джексон заявлено точно?

Штамер: Да, но здесь мы рассматриваем, по моему мнению, чрезвычайный факт, вызванный поведением, нарушавшим международное право, то есть развязыванием повстанческой войны. Данный факт оправдывает действия армейских командиров принимавших общие меры для того, чтобы устранить такие условия возникшие незаконно. Следовательно, в любом случае, эти факты важны для вынесения вердикта.

Председатель: Трибунал не предлагает заслушивать неограниченное число защитников, но я вижу, что здесь присутствует доктор Экснер, и он готов заслушать ещё одного представителя, если защитник, доктор Экснер желает, о данном предмете.

Экснер: С позволения трибунала. На самом деле, мы все заинтересованы в вопросе репрессалий, и я хочу сказать несколько слов.

Так, я десять лет читал международное право в университете и мне кажется, я немного в нём понимаю. Репрессалии находятся в числе одних из самых спорных понятий международного права. Можно сказать, что только в одном пункте они абсолютно точно определены, а именно, том пункте который господин судья Джексон назвал в первую очередь – «репрессалии в отношении военнопленных запрещены». Всё остальное является предметом спора и вообще не действует как международное право. Неверно, что общей практикой во всех государствах и следовательно действующим международным правом является протест в качестве предпосылки для принятия репрессалий. Неправильно и то, что необходима так называемая разумная связь. Утверждалось, что должно быть соотношение относительно времени, и прежде всего пропорциональность между возможным и фактически совершенным нарушением международного права. Существуют исследователи международного права, которые утверждают, и это на самом деле так, что такая пропорциональность была бы желательной. Но в существующем международном праве, в том смысле, что некое соглашение заключается о том или этом или это становится международным правовым обычаем, это не тот случай. Следовательно, нужно говорить, что на основании нарушений международного права другой стороной, мы ни при каких обстоятельствах не можем вести войну репрессалиями в отношении военнопленных, однако любая

другая форма репрессалий является допустимой.

Я лишь хотел заявить об этом в общих понятиях, и вероятно я могу сказать, что утверждается, что мы не можем сейчас говорить о смягчающих обстоятельствах. Я хочу напомнить трибуналу о том, что мы можем выступить только один раз, и если в данной речи, которая состоится до вынесения решения о виновности, нам не разрешат говорить о смягчающих обстоятельствах, то в дальнейшем у нас просто не будет возможности говорить об этом.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал распоряжается о том, что вопрос о репрессалиях является допустимым доказательством, и что весомость, которую необходимо придавать этим или схожим доказательствам будет рассмотрена в дальнейшем.

Штамер: Пожалуйста, вы продолжите?

Геринг: Мне кажется, что заявление, которое я собираюсь сделать, полностью удовлетворяет тем условиям о которых попросил судья Джексон, а именно, я никоим образом не отрицаю, что случались вещи, о которых можно горячо дебатировать с точки зрения международного права. Также происходили и другие вещи, которые в любых обстоятельствах следует рассматривать как эксцессы. Я лишь хотел объяснить, как это случалось, не с точки зрения международного права, относительно репрессалий, но рассматривая их только основываясь на чувствах солдата которому угрожает опасность, которому постоянно мешали при исполнении своей задачи, не регулярные войска в открытом бою, а партизаны со спины.

Из всех вещей в подробности, которых я не хотел бы вдаваться, вспыхивала эта враждебность спонтанно приводившая, или в некоторых случаях приказанная как необходимость при национальной чрезвычайной ситуации, к таким частичным эксцессам совершаемым там и здесь войсками. Просто нужно вернуться в тот период бушевавших битв. Сегодня, по истечении лет, в спокойной дискуссии о правовых основаниях, эти вещи звучат сложными и даже непонятными. Выражения, сделанные в момент озлобленности, сегодня, без понимания той ситуации, звучат совершенно по-другому. Моё единственное намерение заключалось в том, чтобы изобразить трибуналу всего на один момент ту атмосферу, в которой, и из которой подобные действия, даже если не всегда их можно оправдать, покажутся понятными, и в похожей ситуации также совершались другими. В этом состоит мой ответ на вопрос, почему условия во Франции включают две совершенно разных стадии войны: первую, когда велись обычные бои, с которой я закончил; вторую, когда борьба велась не регулярными войсками, а такими которые шли из засады, из подполья, которые всегда будут и во все времена влекли за собой жестокости и эксцессы отличавшиеся от происходивших в регулярной военной борьбе. Часто

случалось, что происходили единичные акции, будь то отдельных людей или подразделений, которые верховное командование, не всегда могло проконтролировать или держать в руках.

Штамер: Какие меры предпринимались германскими оккупационными властями во Франции для помощи французскому сельскому хозяйству во время оккупации?

Геринг: Я могу ответить очень кратко, и я ссылаюсь на показания свидетеля Кёрнера, которые я могу лишь подтвердить. Под этим я подразумеваю, что во Франции сельское хозяйство было сильно продвинуто и укрепилось за период оккупации. Большое число залежных земель или тех, которые не использовались удовлетворительно в сельском хозяйстве, превратились в приносящие урожай; другие земли, с помощью увеличения использования удобрений или других способов окультуривания, были сделаны существенно продуктивнее.

Я не могу дать конкретные пояснения о том, как это делалось, и я не владею цифрами показывающими рост сельскохозяйственной продукции в течение периода оккупации, которые могут дать только ответственные эксперты.

Штамер: Какими были причины которые привели к введению банкнот Reichskreditkasse[277] в оккупированных странах?

Геринг: Мерой, которую вероятно вводит каждая оккупационная держава с целью регулирования денежного обращения, сохранения его в приемлемых объемах и поддержания валюты страны на определенном уровне, похожие мероприятия проводятся сейчас во всех оккупационных зонах Германии.

Штамер: Документ номер PS-141 это ваше распоряжение, принятое 15 ноября 1940 в котором вы повлияли на регулирование по поводу предметов искусства доставленных в Лувр. Вы знакомы с данным распоряжением или мне нужно дать вам его?

Геринг: Я помню этот документ очень отчетливо, так как он играет здесь важную роль. Эти предметы искусства сначала забрали в Лувр и позднее в выставочный зал, как мне кажется, в «Salle du Jeu de Paume[278]». Эти предметы искусства, которые были конфискованы, являлись собственностью евреев, то есть они были бесхозными, так как их владельцы покинули страну. Этот приказ отдал не я, я не был знаком с ним, это было распоряжение фюрера. Затем, когда я находился в Париже я также услышал о том, что планировалось, чтобы большинство этих предметов искусства были, поскольку они имели музейную ценность доставлены в музей Линца, который фюрер предлагал построить. Лично, я открыто это признаю, я был заинтересован в том, чтобы не всё было перемещено в южную Германию. Я еще до этого решил и проинформировал об этом министра финансов, что после войны, или в другое подходящее время, я создам галерею искусств, составленную из

[277] Кредитные кассы Рейха (Reichskreditkassenscheine) — финансовые учреждения, организованные в структуре Рейхсбанка, на которые были возложены выпуск и снабжение билетами в оккупационных рейхсмарках единого образца всех кредитных касс, организованных на территориях оккупированных стран

[278] «Зал для игры в мяч» (фр.) - выставочный зал в Версальском дворце.

предметов искусства, которые находились в моем владении еще до начала войны, как в результате покупки, подарков или через наследование, чтобы передать их немецкому народу. На самом деле мой план заключался в том, чтобы эта галерея была составлена в совершенно иных чертах, нежели обычно характерны для музеев. Планы по строительству этой галереи, которая должна была быть возведена как пристройка к Каринхалле в большом лесу Шорфхайде, и в которой предметы искусства должны были выставляться согласно своей исторической обстановке и эпохе в настоящей атмосфере, не были реализованы из-за начала войны. Картины, скульптуры, гобелены, ручные работы, должны были выставляться согласно периоду. Затем, когда я увидел вещи в Salle du Jeu de Paume, и услышал, что большая часть из них должна была поехать в Линц, о том что эти предметы, у которых была музейная ценность должны были служить только малозначительной цели, тогда, я признаю, моя страсть коллекционера возобладала, и я сказал о том, что если эти вещи были конфискованы и должны были оставаться такими, я хотел бы получить хотя бы небольшую их часть, чтобы я мог включить их в эту северо-германскую галерею которую возводил.

Фюрер согласился с этим при одном условии, что он, по крайней мере должен лично посмотреть на фотографии тех предметов, которые я намеревался приобрести. Во многих случаях, конечно, получилось так, что он пожелал оставить конкретные предметы для себя, то есть не для себя, а для музея в Линце, и я должен был вернуть их обратно. Однако, с самого начала, я хотел бы провести чёткое разграничение, так как я подразумевал оплату за те предметы, которые хотел иметь в галерее которую собирался построить. Поэтому я нанял эксперта по искусству, не немецкого, а француза, это был некий профессор, чье имя я не помню, и с которым ни разу не разговаривал, для оценки этих вещей. Затем я решал, устраивает ли меня цена либо она слишком высокая для меня, не был ли я больше в ней заинтересован, и готов ли был заплатить цену. Одна часть, первая часть была получена таким образом, но затем эта затея остановилась, потому что некоторые объекты направлялись туда сюда, то есть, они вернулись к фюреру и не остались у меня, и пока вопрос не был решен, не мог пройти платёж. В этом распоряжении, которое я назвал «предварительное распоряжение» и которое фюрер должен был одобрить, я подчёркивал, что часть вещей должна была быть оплачена мною, а те вещи, которые не представляли музейную ценность, должны были быть проданы с аукциона французским или немецким продавцам или кому угодно кто присутствовал на торгах, доходы от этого, если вещи не были конфискованы, а оплачивались, должны были идти семьям французских жертв войны. Я периодически узнавал, куда я должен отправлять эти деньги и сказал о том, чтобы в сотрудничестве с французскими властями был открыт банковский счет. Мы всегда прибегали к открытию банковского счета. Денежная сумма всегда была доступна в моём банке до конца. Однажды, я снова запросил сведения и получил удивительный ответ. От

казначейства партии поступил ответ, чтобы деньги больше не оплачивались. Я сразу ответил и мой секретарь сможет подтвердить это под присягой, что я никак не мог понять, какое отношение казначейство партии имело к вопросу, и я хотел знать на какой французский счет я мог бы перевести эту сумму. В данном случае, партия, то есть, казначей, не имел никаких полномочий, чтобы исключать меня из оплаты или нет, потому что лично я хотел платить. Даже после повторной оккупации Франции, я снова запросил счет, на который я мог бы перевести сумму зарезервированную для этого.

Подводя итоги и делая выводы, я хочу заявить, что согласно распоряжению я считал эти вещи конфискованными в пользу Рейха. Следовательно, я считал для себя правомерным приобретать некоторые из этих предметов, в особенности, так как я никогда не делал тайны из этого факта, ни для министра финансов ни для кого-то ещё, что предметы искусства имевшие музейную ценность, также как те о которых я уже говорил как о находившихся в моем владении, собирались для галереи, которую я уже описал.

Что касается обмена, я хочу прояснить этот момент. Среди конфискованных картин было весьма много современного искусства, картины которые лично мне никогда не нравились, которые, однако, как мне говорили, были затребованы французским рынком предметов искусства. Соответственно, я сказал, что со своей стороны я был заинтересован в возможности их оценки и приобретения, для того, чтобы их можно было обменять на картины старых мастеров, которыми я интересовался. Я никогда не оказывал никакого давления в связи с этим. Меня интересовало только то, не будет ли запрошенная от меня сумма слишком высокой и если было так, я не вступал в переговоры, но в любой сделке с искусством, если предложение подходило для меня, я проверял подлинность того, что предлагали. Довольно про обмен, ни при каких обстоятельствах я не оказывал давления.

Позже, после того как я приобретал эти предметы, я естественно использовал некоторые из них также как некоторые которые находились в моей собственности, в целом для торговли с музеями. Другими словами, если некий музей был заинтересован в одной из этих картин, а я был заинтересован, для своей галереи, в картине, которая находилась в музее, мы совершали обмен. Обмен также проходил между торговцами искусством за рубежом. Это не касалось только картин и предметов искусства, приобретённых таким образом, но также того, что я покупал на открытом рынке в Германии, Италии, или других странах или ранее находившегося у меня во владении.

Исходя из этого, я хочу добавить, что независимо от этих приобретений, и я ссылаюсь на Salle du Jeu de Paume, где находились конфискованные предметы, я, конечно, приобретал предметы искусства во Франции на открытом рынке, как и в других странах до и после войны, или скорее в ходе войны. Я могу добавить, что

обычно если я приезжал в Рим или Флоренцию, Париж или Голландию, так как если люди заранее знали о том, что я приеду, то в кратчайшее время у меня оказывалась гора письменных предложений от разного рода кварталов, торговцев искусством и частных лиц. И при том, что большинство не было подлинниками, некоторые из этих предложений были хорошими и интересными и я приобретал много предметов искусства на открытом рынке. Частные лица поначалу особенно часто делали мне предложения. Я хочу подчеркнуть, что, особенно в Париже, меня скорее обманывали. Как только становилось известно, что покупатель я, цена подскакивала на 50 или 100 процентов. Вот все, что я хотел кратко сказать в заключение по данному предмету.

Штамер: Вы предпринимали меры по охране французских художественных галерей и памятников?

Геринг: Сначала я хочу сослаться на государственные сокровища искусства Франции, то есть, те которые находились во владении государственных музеев. Я не конфисковал оттуда ни одного предмета, или каким-либо путем переместил, что-нибудь из государственных музеев, за исключением двух договоров по обмену с Лувром на совершенно добровольной основе. Я обменял статую, которая в истории искусства известна как La Belle Allemande[279], резную деревянную статую, первоначально привезенную из Германии, на другую немецкую деревянную статую, находившуюся в моем владении за многие годы до войны и две картины, обменом который я использовал до войны для обменов с другими музеями, как принято у музеев. Более того я всегда инструктировал все власти, чтобы они делали все возможное для защиты предметов искусства от уничтожения в ходе бомбардировок и от другого военного ущерба. Я помню, что когда директора Лувра сказали, что большую часть предметов поместили в комнаты так называемого замка Луары, я сказал им, что готов помочь им в их просьбе защитить предметы от нарастающих бомбардировок, помочь им поместить эти предметы в безопасные места указанные ими, поскольку они жаловались на нехватку транспортных возможностей.

Теперь я хочу обратиться к памятникам искусства, к которым я отношу здания, церкви, и другие памятники, что-нибудь имевшее стационарный характер. Здесь я могу сказать, что вероятно я, когда-то отдал приказ, который шёл вразрез с моими исключительно военными обязанностями, потому что я строго указывал своим летчикам, чтобы потрясающие готические кафедральные соборы французских городов, при любых обстоятельствах, не атаковались, даже если войска концентрировались рядом с ними, и о том, что если атаки нужно было проводить, то в основном только точечно, с использованием Штук[280]. Каждый француз, который застал это время сможет подтвердить, что возникла странная ситуация, будь то Амьен, Руан, Шартр или другие города имевшие кафедральные соборы – эти

[279] «Немецкая красавица» (фр.)

[280] Юнкерс Ю-87 «Штука (нем. Stuka = Sturzkampfflugzeug — пикирующий бомбардировщик)

памятники искусства великой важности и красоты, когда мы целенаправленно их спасали, в отличие от того, что потом происходило в Германии. Конечно, иногда из-за взрывов бомб разбивались окна в соборах, но наиболее важные витражи, слава богу, были демонтированы заранее. Насколько помню, маленький кафедральный собор в Бельвю стал жертвой атаки на соседние дома, а крупный собор стоит до сих пор. Французское правительство постоянно выражало мне признательность за это. Больше мне нечего сказать об этом.

Штамер: По какой причине вы назначили полковника Фелтьенса[281] ответственным за централизацию черного рынка во Франции?

Геринг: Полковник Фелтьенс, являлся полковником в отставке. Он был летчиком в Первую мировую войну. Затем он стал предпринимателем. Следовательно, он был направлен туда не как полковник, а как экономист. Он был ответственным за черный рынок не только во Франции, но и в Голландии и Бельгии. Это произошло следующим образом: спустя некоторое время после начала оккупации, мне стали сообщать, что многие вещи, которые с точки зрения военной экономики особенно интересовали меня, можно было найти только на черном рынке. Это был первый раз, когда я узнал, что на черном рынке можно найти медь, олово и другие важные материалы, которые были доступны, но некоторые из них были закопаны в каналах Голландии, а также аккуратно спрятаны в других странах. Однако, если выплачивались необходимые деньги, эти вещи выходили из тени, при том, что согласно приказу о конфискации мы получали очень малую часть сырья необходимого для ведения войны. Тогда, как и в ходе всей войны, я руководствовался целями и идеями ведущими к осуществлению окончательной военной цели, победе в войне. Для меня было важнее получить медь и олово, просто приводя один пример, получить их любым способом, неважно с насколько высокой ценой, нежели не получить их из-за того, что цена не казалась мне обоснованной. Поэтому я сказал Фелтьенсу в общих фразах: «Вам известно в чем заинтересована немецкая военная экономика. Где и как вы достанете эти ресурсы, меня не волнует. Если вы получите их в результате конфискаций, хорошо. Если нужно будет заплатить за них много денег, мы пойдем и на это». Неприятной вещью было то, что другие ведомства без моего ведома, как правильно указало французское обвинение пытались делать то же самое, в отношении вещей, в которых были заинтересованы. Для меня было уже слишком, думать о том, что нам придется соревноваться друг с другом. Поэтому я предоставил Фелтьенсу полномочия быть единственным органом осуществлявшим контроль за гражданскими продавцами, которые настаивали на том, что могут получить эти вещи только таким другим способом, и быть единственным закупочным ведомством, с моего разрешения устранявшем другие

[281] Йозеф Фельтьенс (1894 — 1943) — германский лётчик-истребитель, один из лучших асов Первой мировой войны с 35 сбитыми самолётами противника, кавалер ордена «Pour le Mérite», участник войны в Испании и участник Второй мировой войны.

ведомства.

Сложность борьбы с черным рынком это следствие многих факторов. Впоследствии по особому запросу премьера Лаваля[282], я полностью запретил черный рынок, в том числе Фелтьенсу и его организации. Но, несмотря на это, рынок после этого не был уничтожен и заявление французского обвинения подтверждает мое мнение, о том, что черный рынок существует даже после войны. И насколько я знаю, он снова расцвел в Германии, в широчайших масштабах. Такие симптомы всегда возникают в ходе и после войны, когда с одной стороны есть огромная жадность и стремление скрыть товары, а с другой стороны желание их получить.

Штамер: Должен ли я прерваться?

Председатель: Доктор Штамер, трибунал понял вас так, что ваш свидетель, вероятно, что подсудимый завершит допрос в середине дня. Могли бы вы пояснить, как долго будет продолжаться его допрос?

Штамер: Я рассчитывал завершить этим утром, но из-за нескольких перерывов, я надеюсь завершить его в течение дня.

Председатель: У нас не было перерывов, за исключением возражений господина Джексона относительно репрессалий. Насколько помню, других перерывов не было.

Штамер: Да, были неполадки в технике.

Геринг: Да. В таком случае завтра трибунал будет заседать с 10 до 13.

[*Объявлен перерыв*]

Вечернее заседание

Штамер: В чём заключались причины которые привели к нападению на Югославию?

Геринг: Германия, на протяжении всех лет до начала войны имела прекрасные отношения с югославским народом и югославским правительством. Отчасти моя внешнеполитическая задача заключалась в развитии таких отношений. Поскольку регент, принц Павел[283] и премьер-министр Стоядинович[284] были моими личными друзьями, я часто посещал эту страну и также провёл там долгий отпуск.

Наше намерение заключалось в том, чтобы не только иметь лучшие

[282] Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнен по приговору французского суда.

[283] Павел Карагеоргиевич (1893 — 1976) — регент Югославии с 9 октября 1934 по 27 марта 1941, в период малолетства короля Петра II.

[284] Милан Стоядинович (1888 — 1961) — сербский и югославский политический деятель, известный экономист. С 1935 по 1939 год он занимал пост премьер-министра Королевства Югославии.

взаимовыгодные отношения, но также, помимо этого идти к тесному политическому взаимопониманию и дружбе. Успех этого в полной мере вышел на свой пик, когда регент, принц Павел, совершил ответный визит в Германию.

С того же времени я имел схожие дружеские отношения с болгарским королем Борисом[285], я смог использовать свое стабилизирующее влияние и здесь и со временем также на Италию. Моё вмешательство на стороне Югославии даже на время вызвало там определённое заблуждение относительно меня.

После начала войны избегали любых вещей, которые могли бы испортить дружественные отношения с Югославией. К сожалению, премьер-министр Стоядинович подал в отставку, однако его преемник проводил такую же политику.

Вступление в Пакт трех держав[286] имело целью поддержать нейтралитет Югославии любой ценой не вовлекая её в войну. Уже к моменту подписания пакта осознавалась необходимость отправки войск в Румынию в качестве меры предосторожности, а также в Грецию из-за высадки там англичан или планируемой высадки англичан. В виду этого, соглашение прямо предусматривало, что никакие войска не должны проходить через Югославию, таким образом, чтобы нейтралитет страны после её вступления в Пакт трёх держав был подтверждён всеми способами.

Когда к власти пришел премьер Цветкович[287] вскоре генерал Симович[288] совершил мятеж против правительства принца-регента и привел на трон короля, который был еще молод. Мы быстро узнали в результате наших тесных связей с Югославией о том, что стояло за мятежом генерала Симовича. Немного позже, подтвердилось то, что информация из Югославии была верной, а именно, о том, что существовало сильное русское политическое влияние, а также обширное финансовое содействие мероприятию со стороны Англии, доказательства чего мы обнаружили позднее. Было ясно, что это мероприятие было направлено против дружественной политики бывшего югославского правительства в отношении Германии. Здесь следует сказать о том, что в последующих заявлениях в прессе, русская сторона отмечала каким сильным было её влияние и с какой целью было исполнено это мероприятие.

Новое югославское правительство, совершенно очевидно и бесспорно, находилось в близких отношениях с нашими врагами в то время, то есть, с Англией, и в этой же связи с нашим будущим врагом, Россией.

История с Симовичем была окончательным и решающим фактором,

---

[285] Борис III (1894 — 1943) — царь Болгарии с 1918 по 1943 годы из Саксен-Кобург-Готской династии.

[286] Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет. Берлинский пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

[287] Драгиша Цветкович (1893 — 1969) — юрист, государственный деятель Королевства Югославия. Премьер-министр Югославии в 1939-1941.

[288] Душан Симович (1882 — 1962) — югославский военачальник, премьер-министр Югославии (27 марта 1941 — 12 января 1942; с апреля 1941 в изгнании)

который развеял последние остатки сомнений фюрера в отношении России, и заставил его предпринять превентивные меры в этом направлении в любом случае. До инцидента Симовича, вполне вероятно, при том, что хотя и велись подготовительные мероприятия, существовавшие сомнения в безусловной необходимости нападения на Советскую Россию можно было выдвигать в качестве доводов. Однако, настолько ясные отношения между Москвой и Белградом, развеяли самые последние сомнения фюрера. В то же время было очевидно, что Югославия при новом правительстве просто пыталась выиграть время для концентрации своих войск, так как в ту самую ночь мятежа были секретно подготовлены и вскоре отправлены официальные приказы по мобилизации югославской армии.

Несмотря на гарантии Симовича данные Берлину, о том, что он собирается соблюдать договоренности или что-то вроде того, можно было легко разгадать его маневры.

Ситуация теперь складывалась следующим образом: Италия, наш союзник, в тот момент атаковала Грецию[289] выдвинувшись из Албании в октябре или сентябре 1940, если мне не изменяет память. Германия не была проинформирована об этой авантюре. Фюрер, услышал об этом предприятии с одной стороны от меня, кому по случайности удалось о нём узнать, а также от министерства иностранных дел, и он немедленно изменил маршрут своего поезда следующего из Франции в Берлин, для того, чтобы обсудить ситуацию с дуче во Флоренции.

Итальянское правительство или Муссолини лично, в тот момент прекрасно поняли зачем фюреру необходима встреча с ними и насколько я помню, приказ итальянской армии выступить из Албании в Грецию был отдан за 24 или 48 часов до изначально запланированного времени. Факт заключается в том, что фюрер озабоченный предотвращением распространения конфликта на Балканы и восточное Средиземноморье, хотел призвать дуче отказаться от таких планов, в которых не было необходимости, но лишь стоял вопрос престижа.

Когда встреча состоялась в 10 часов утра, и фюрер высказал свои сомнения, Муссолини действительно заявил о том, что с 6 часов утра итальянские войска уже продвигаются в Грецию и, по его мнению, скоро будут в Афинах. Фюрер снова заметил, что в определённом случае будут поставлены под серьёзную угрозу отношения с Турцией и может возникнуть новый театр военных действий, поскольку он хорошо знал, хотя и не сказал об этом тогда, что итальянский театр военных действий рано или поздно потребует помощи Германии.

Такой в действительности была обстановка до начала нападения на Югославию. Италия была остановлена и отброшена назад, оказавшись в самой невыгодной стратегической и тактической позиции после столкновения с греческим

[289] Итало-греческая война — война между Италией и Грецией, продлившаяся с 28 октября 1940 до 23 апреля 1941 года.

противником. Даже если бы часть югославской армии выдвинулась против фланговых и тыловых позиций итальянцев на Скутари, тогда бы уничтожили не только Италию, но и значительную часть итальянских боеспособных частей. Было ясно, что положение итальянских боеспособных войск скоро станет безнадежным, поскольку в результате высадки британских вспомогательных сил в Греции, следовало ожидать, что как только они придут на помощь грекам, итальянская армия будет не только выбита из Греции, в которой она просто стояла на границе, но также из Албании, и тогда британские войска окажутся в опасной близости от Италии и Балкан, которые имели для нас решающее экономическое значение.

Посредством мятежа Симовича и мобилизации в Югославии можно было добиться уничтожения итальянских балканских армий. Только решительные действия могли предотвратить двойную опасность: во-первых катастрофу нашего итальянского союзника; и во-вторых, британский опорный пункт на Балканах, который бы ухудшил будущую точку сосредоточения в конфликте с Россией.

Немецкие войска, которые находились на марше для операции «Марита[290]», Греция, которые должны были выступить против Греции для того, чтобы сбросить в Средиземноморье те британские дивизии которые высаживались, и прикрыть тыл итальянской армии, были развернуты острием направо, и в срочном порядке, сократив подготовку к нападению, они были брошены во фланг скопления югославских войск. Воздушные силы за очень короткое время были подняты с аэродромов Германии и сконцентрированы в юго-восточном районе, что было просто и также оказали поддержку наступлению. Только, благодаря такой быстрой акции, и в ввиду того факта, что, основные условия были подготовлены в ходе операции «Марита», Германия смогла заткнуть чрезвычайную угрозу всем своим позициям на Балканах и юго-восточном районе. С политической и военной точки зрения было бы преступлением против государства, если бы фюрер не сделал то, что сделал, поскольку затрагивались вопросы выживания Германии.

Штамер: Какие цели в Югославии воздушные силы атаковали в первую очередь?

Геринг: Я уже объяснил характерную обстановку с германскими вооруженными силами в начале этой войны и проблемы которые необходимо было им решать с чрезвычайной скоростью, и чрезвычайных результатах, которых нужно было добиться для того, чтобы осуществить первоначальную задачу, которой являлся прорыв, я не помню сейчас точное название линии Метаксаса[291] в северной Греции, до того, как английские войска, уже высадившиеся рядом с Афинами, могли прийти на помощь греческим гарнизонам вдоль линии Метаксаса.

[290] Греческая операция, также известная как операция «Марита» (6 апреля—30 апреля 1941) — общее название военных действий во время вторжения нацистской Германии в Грецию в апреле 1941 года.

[291] Линия Метаксаса — система греческих оборонительных укреплений на границе с Болгарией, от гор Белес до области города Комотини. Была построена в 1936—1940 годах. Общая длина, учитывая и неукреплённые участки, где она прерывалась, около 300 км. Названа по имени премьер-министра и министра обороны генерала Иоанниса Метаксаса.

Таким образом, прежде всего, был приказ о концентрации небольшой части немецких войск для прорыва этой линии, пока другая часть, как было запланировано, должна была бросить себя на югославскую армию, и там также с недостаточными силами, в максимально кратчайшие сроки уничтожить эту армию. Это являлось необходимым условием всего дела. В противном случае не только гарантировано была бы уничтожена итальянская армия, но немецкая армия разделённая таким образом, частью сил продвигавшаяся в Югославию, болгарская поддержка пришла гораздо позднее, а другой частью прорывавшая сильную линию Метаксаса, чтобы успеть предотвратить английское развертывание на ней, могла попасть в очень сложное и критическое и возможно катастрофическое военное положение. Следовательно, воздушные силы в таком случае должны были использоваться в высочайшей степени, для того, чтобы как можно скорее предотвратить развертывание югославской армии против Германии и её союзника.

Поэтому, прежде всего, был приказ о массированной атаке по югославскому военному министерству, и, во-вторых, по железнодорожной станции, которая, в частности в Белграде, из-за небольшого количества югославских железных дорог, играла роль перекрёстка. Затем несколько других довольно важных центров, здание генерального штаба, и т. д., включили в приказ из-за того, что тогда, политические и военные штаб-квартиры находились в Белграде. Там было сконцентрировано всё и бомбардировка этого нервного центра в самом начале оказала бы чрезвычайный парализующий эффект на дальнейшее развитие сопротивления.

Уведомление Югославии не являлось необходимым по следующим причинам. Строго говоря, можно высказать возражение тому, что мы не направили объявление войны или предупреждение. Однако, в действительности никто из руководства Югославии не сомневался в том, что Германия нападет. Это было понятно, поскольку оно отчаянно проводило развертывание, а не только мобилизацию. Более того атака германской армии началась до бомбардировки Белграда. Но, даже предположив, что воздушные силы совершили первую атаку, и только потом армия, то есть без предупреждения, югославские действия и чрезвычайная опасность военного положения потребовали бы этого. Мы уже находились в разгаре жестокой борьбы. Стоял вопрос обеспечения безопасности Балкан с двух сторон. Целями, и я снова это подчеркиваю, были, как я точно помню именно такие: военное министерство, железнодорожная станция, здание генерального штаба, и два или три других министерства. Город, конечно, в силу того, что эти здания были разбросаны по городу, также подвергся бомбардировке.

Штамер: В последние дни мы периодически слышали о воздушных атаках на Варшаву, Ковентри и Роттердам. Эти атаки проводились за рамками военной необходимости?

Геринг: Свидетели, и особенно фельдмаршал Кессельринг, частично говорили об

этом. Но эти заявления ещё раз заставляют меня понять, что естественно, командующий армией или группой армий, или воздушным флотом в действительности видят ситуацию только в определённом секторе. Однако как главнокомандующий воздушных сил, я могу обозреть картину в целом, поскольку я, прежде всего, являлся лицом ответственным за отдачу приказов, и согласно моим приказам и моему мнению командующие воздушными флотами получали инструкции и директивы о том, что они должны делать.

Варшава: прежде всего, я хочу прояснить заявление о том, что при первой утренней атаке на Польшу было атаковано много польских городов, мне кажется, британский обвинитель указывал их названия. Я уже не помню их названия. В моих указаниях на первый день нападения на Польшу особо говорится, первая цель: уничтожение и разрушение вражеских воздушных сил. Как только это было выполнено, можно было без промедления атаковать другие цели. Поэтому, я отдал приказ атаковать следующие аэродромы, уверен, не имея названий на руках, 80 процентов указанных названий, были городами, рядом с которыми находились авиабазы. Второй основной целью, которую, однако, следовало слабо атаковать в первый день, или в ходе первого удара, являлись важнейшие железнодорожные узлы для сбора крупных соединений. Я отмечаю, что незадолго до последней и решающей атаки на Варшаву, воздушной атаки, о которой я сейчас расскажу, французский военный атташе в Польше послал своему правительству донесение из которого можно видеть, что даже этот противник заявлял о том, что германские воздушные силы, он вынужден был признать, атаковали в Польше исключительно военные цели, «исключительно» особо подчеркивалось.

Сначала Варшава включала только одну-две цели, задолго до, «задолго до», неправильное выражение, потому что это произошло быстро, другими словами, до окружения Варшавы. Это был аэродром Окенце, на котором были сконцентрированы основные вражеские польские воздушные силы и варшавская железнодорожная станция, одна из основных стратегических железнодорожных станций Польши. Однако, эти обсуждавшиеся атаки не являлись решающими, после окружения Варшавы ей предложили сдаться. Капитуляция была отклонена. Наоборот я помню призывы, обращенные ко всему мирному населению Польши, как и к остальным жителям Варшавы, продолжать сопротивление, не только военным, но и гражданским лицам, что как известно, противоречит международному праву. Мы сделали ещё одно предупреждение. Мы сначала сбрасывали листовки, не бомбы, в которых мы призывали население не сражаться. Во-вторых, когда командир остался на своих позициях, мы предупредили гражданское население, чтобы оно покинуло город до бомбардировки.

Когда мы получили радиосообщение от командира о намерении направить переговорщика, мы согласились, но только напрасно его ждали. Но, затем мы потребовали, по крайней мере, чтобы дипломатический корпус и все нейтралы

покинули Варшаву по дороге обозначенной нами, что фактически было сделано.

Затем, после того, как мы чётко заявили в своем последнем призыве, о том что мы начнем мощную атаку на город если не последует капитуляции, мы сначала атаковали форты, затем батареи расположенные в городе и войска. Такой была атака на Варшаву.

Роттердам: в Роттердаме ситуация была совершенно иной. Для того, чтобы завершить кампанию в Нидерландах как можно быстрее и соответственно избежать последующего кровопролития для народа, с которым мы не имели никаких существенных разногласий, но вынуждены были проводить эту кампанию по ранее указанным причинам, я предложил использовать парашютную дивизию в тылу всех голландских сил развернутых против Германии, в особенности с целью захвата наиболее важных мостов, одного рядом с Моердийком через Рейн, другого рядом с Дордрехтом, и третьего рядом с Роттердамом. Соответственно с самого начала был бы проложен путь в тыл всей развернутой группировки и в случае нашего успеха, голландская армия при всей своей доблести смогла бы продержаться несколько дней. Эта атака или высадка моей парашютной дивизии в районе трех мостов оказалась полностью успешной.

Тогда как у Моердийка и Дордрехта сопротивление было быстро сломлено, у подразделения в Роттердаме возникли сложности. Сразу же его окружили голландские войска. Все упиралось в тот факт, что железнодорожный мост и обычный, которые располагалась друг за другом, должны были в любом случае попасть в наши руки целыми, потому что тогда только один проход к крепости Голландия оставался открытым. В то время как основная часть дивизии находилась в южном секторе Роттердама, несколько отчаянных парашютистов пересекли оба моста и закрепились севернее их, в одной точке на железнодорожной станции, прямо за железнодорожными мостами к северу от реки, а вторая точка внутри квартала зданий, которые находились непосредственно с северной стороны дорожного моста, напротив станции и рядом с известной маслобойной или маргариновой фабрикой, которая позднее сыграла важную роль. Этот передовой отряд занял позицию находясь под мощными и превосходящими атаками.

Между тем, снаружи, через мосты у Моердийка и Дордрехта, германская танковая дивизия приближалась к Роттердаму, и здесь я хочу поправить недопонимание, которые возникло в перекрестном допросе фельдмаршала Кессельринга сэром Дэвидом Максвелл-Файфом относительно участвовавших лиц. Генерал-лейтенант Шмидт входил в группу, которая приближалась снаружи, и возглавлял танковые войска. Генерал Штудент возглавлял парашютную дивизию, которая находилась в Роттердаме, то есть внутри, и это объясняет тот факт, что в то время как шли переговоры о капитуляции с немецким командиром войск подходивших снаружи и ещё одни переговоры о капитуляции шли с генералом командовавшим парашютными войсками внутри города. Оба были позднее

скоординированы. Я не хочу вдаваться в детали о том достигнуты ли были чёткие договорённости, рассматривая это в хронологическом порядке, можно отследить вплоть до минуты, и можно ли было вообще понять, состоится капитуляция или нет, это конечно касалось только Роттердама. Тогда группа к северу от двух мостов находилась в очень рискованном и трудном положении. Подтянуть подкрепления через два моста было исключительно трудно, потому что они находились под мощным пулеметным огнем. По сей день я могу обрисовать точную картину положения. Там был такой артиллерийский огонь что только несколько человек, сражаясь врукопашную, смогли пробиться через него, с целью выйти с линии огня, я точно помню обстановку на том мосту.

Было приказано, чтобы батареи дислоцированные к северу от станции, а также голландские силы на дороге, ведущей на север между станцией и маслобойней, которые имели преимущество перед нашими шокированными войсками, были разбомблены. Так как в тот момент парашютные части не имели артиллерии и бомбардировка была своего рода единственной артиллерией доступной для парашютных частей, я заверил своих парашютистов перед операцией, в том, что в любом случае, они получат защиту бомбардировщиков против мощного огня. Были использованы три группы эскадрилий. Сигнал о помощи поступил по радио от десантников в Роттердаме, которое не работало так исправно, как здесь говорили, а также по четко опознанным и согласованным наземным сигналам о которых доложили самолеты-разведчики. Это были знаки, такие как стрелы, указатели и буквы, которые намекали пилотам разведывательных самолетов: «Находимся под огнем артиллерии с севера, востока, юга, и. т. д.»

Соответственно я приказал воздушному флоту использовать одну эскадрилью. Эскадрилья вылетела 3 группами, приблизительно 25-30 или 36 самолетов. Когда подошла первая группа, насколько я знаю, шли переговоры о сдаче, но четкого решения не было. Несмотря на это подавались красные огни. Первая группа не распознала значение этих сигналов, но сбросила свои бомбы, как было запланировано, именно туда, куда и было приказано. Если я правильно помню цифры, там было как самое большое 36 двухмоторных самолетов, сбросивших в основном 50 килограммовые бомбы. Вторая и третья группа, которые распознали красные сигналы, развернулись и не сбросили свои бомбы.

Радиосвязь между самолетами и Роттердамом отсутствовала. Радиосвязь шла из Роттердама через мою ставку, второй воздушный флот, к дивизии, из дивизии к наземной станции эскадрильи, и оттуда велась радиосвязь с самолетами. Это было в мае 1940, когда в целом радиосвязь между наземной станцией и самолетами, была приемлемой, но не в такой степени, как связь, разработанная в ходе войны. Но главным во всем этом, было то, что Роттердам не мог напрямую связаться с самолетами и таким образом посылал согласованные сигналы красными огнями, которые распознали группы вторая и третья, но не первая группа.

Большое число разрушений было вызвано не столько бомбами, сколько, как было сказано, огнем. Это подтверждается тем фактом, что здания, возведенные из кирпича и бетона стоят и сейчас в разрушенной части, в то время как самые старые дома были уничтожены. Распространение огня было вызвано большим количеством жира и масла. Во-вторых, я хочу отметить особо, распространение огня безусловно было предотвращено энергичными действиями пожарников Роттердама, несмотря на приближавшийся шторм.

Окончательные переговоры о капитуляции, насколько я помню, не начались раньше 6 часов вечера. Я знаю это, потому что в ходе переговоров о сдаче продолжалась стрельба и десантный генерал Штудент, выглянув в окно во время переговоров был ранен в голову, что привело к травме мозга.

Вот, что я должен сказать сказать о Роттердаме в объяснение о двух генералах и их переговорах о сдаче, одного изнутри, другого снаружи.

Ковентри: В период с 6 или 7 сентября по ноябрь, после непрерывных предупреждений английскому правительству, и после того, как фюрер оставил за собой право отдавать приказы по ответным атакам на Лондон и долго медлил с таким приказом, и после того, как немецкие города, не являвшиеся военными объектами, бомбардировались вновь и вновь, Лондон был объявлен целью атаки. С 6 и 7 сентября, первая атака была 6 сентября вечером, германские Люфтваффе постоянно били по Лондону. При том, что это казалось своевременным с точки зрения возмездия и по причинам политического давления на политическое руководство, я не считал их имевшими решающее значение.

Я не хочу быть неправильно понятым, когда скажу, что с Первой мировой войны мне было известно, о том, что народ Лондона, многое мог вынести и, что таким способом невозможно было сломить их военное сопротивление. Для меня было важным, прежде всего, предотвратить рост оборонительной мощи британских воздушных сил. Как для солдата, или, лучше сказать, как для главнокомандующего немецких Люфтваффе, ослабление и уничтожение вражеских воздушных сил имело для меня решающее значение.

Хотя фюрер хотел, теперь как и ранее, продолжать атаки на Лондон, я, действуя по собственной инициативе, провёл конкретные приготовления для цели на Ковентри, потому что согласно моим сведениям, там и вокруг Ковентри располагалась важная часть авиационной и авиакомплектующей промышленности. Бирмингем и Ковентри являлись для меня целями, имевшими решающее значение. Я решил о Ковентри, потому что большинство целей можно было уничтожить на небольшой территории.

Я лично подготовил атаку обеих воздушных флотов, которые регулярно проверяли информацию о целях, и затем, при первой благоприятной погоде, в лунную ночь, я приказал атаковать и отдал указания, чтобы они продолжались так долго и часто, насколько было необходимо для достижения решающего воздействия

на британскую авиационную промышленность. Затем переключились на следующие цели в Бирмингеме и крупную двигателестроительную фабрику к югу от Вестона, после атаковали авиационное производство, частично возле Бристоля и к югу от Лондона.

В этом заключалась атака на Ковентри. То, что город подвергся сильному воздействию также было результатом того, что промышленность там раскинулись по всему городу, за исключением двух новых заводов за пределами города, и вновь в данном случае ущерб увеличился из-за пожара. Если мы сегодня посмотрим на немецкие города, мы поймем насколько разрушительным является влияние огня. В этом состояла атака на Ковентри.

Штамер: В 1941 состоялись переговоры о сотрудничестве с Японией. Вы присутствовали на этих переговорах?

Геринг: Лично я не принимал участия в этих переговорах с Японией, потому что с военной точки зрения меня мало, что связывало с Японией, и я редко видел японцев. В ходе всей войны лишь однажды, и ненадолго, я принимал делегацию японских офицеров и атташе. Поэтому, я ничего не могу сказать о сотрудничестве с Японией. Нас инструктировали обмениваться опытом, боевым опытом с японцами, но это реализовывалось через другие учреждения. Лично я не имел никакого отношения к японцам.

Штамер: Когда вас впервые проинформировали о том, что Гитлер задумался о том, что необходима война с Россией?

Геринг: Это было только поздней осенью 1940, в Берхтесгадене, что меня проинформировали о намерениях фюрера вступить в конфликт с Россией при определенных обстоятельствах.

Штамер: Вы присутствовали при беседе, состоявшейся в Берлине в ноябре 1940 с русским министром иностранных дел Молотовым?

Геринг: Лично я не присутствовал при беседе Молотова с Гитлером. Однако господин Молотов, также нанес мне визит, и мы обсуждали общее положение. Я конечно знаю о беседе с Молотовым, потому что фюрер проинформировал меня о ней в подробностях. Именно эта беседа усилила подозрения фюрера о том, что Россия готовится напасть на Германию и это выражалось в ходе дискуссии замечаниями и требованиями, которые сделал господин Молотов.

Это были, во-первых, гарантия Болгарии и пакт о взаимопомощи с Болгарией, такой же как Россия заключила с тремя балтийскими государствами.

Во-вторых, это включало полное оставление Финляндии Германией, в такой степени, что Россия, которая недавно подписала мир с Финляндией, считала себя вправе снова напасть на Финляндию для того, чтобы не утратить результаты, полученные по предыдущему соглашению, Ханко[292], и т.д.

[292] После советско-финской войны 1939−1940 г. Финляндия сдавала Ханко в аренду Советскому Союзу в качестве военно-морской базы.

В-третьих, они касались дискуссий вокруг Босфора и Дарданелл, и четвёртым пунктом была возможность проникновения в Румынию со стороны Бессарабии.

Это были те положения, которые обсуждались с фюрером. Также был намёк министру иностранных дел об оккупации или обеспечении интересов на выходе в Балтику.

Фюрер рассматривал эти требования в ином свете. Хотя Россия была правомочна заявлять требования к Германии относительно Финляндии, он верил, что в связи с другими сообщениями о русской подготовке и развертывании войск, Россия хотела усилить свое положение в Финляндии с целью обойти Германию с севера и расположиться вблизи шведских рудных шахт, которые были жизненно важны или, по крайней мере, имели решающее значение для Германии в этой войне. Во-вторых, что касается продвижения, как того требовали, в румынские и болгарские районы, фюрер совсем не был уверен в том, что такое давление будет направлено на юг, то есть, на Дарданеллы или ближневосточное направление, а не в западном направлении, то есть, что здесь Россия также может давить на южный фланг Германии и получив контроль над румынскими нефтяными месторождениями, сделает Германию абсолютно зависимой от России в поставках нефти. В этих требованиях он видел скрытые попытки развернуть войска и обеспечить войскам позиции против Германии. Предложение об обеспечении выхода к Балтике, что касалось Германии, тогда даже не обсуждалось. Весь этот разговор заставил фюрера почувствовать, что отношения в дальнейшем будут подвержены опасности со стороны России.

Уже в своем разговоре со мной фюрер рассказал мне, почему он думал при определенных обстоятельствах об ожидании русского наскока. Информация об огромных работах по развертыванию на вновь приобретенных территориях России: Польше, Литве, Латвии, Эстонии и Бессарабии сделала его чрезвычайно подозрительным. До этого иногда мы имели только 8, позже 20 и 25 дивизий вдоль всей восточной границы. Поступали дальнейшие доклады о том, что от России можно ожидать атаки в наш тыл, как только Германия начнет войну на Западе или потому что произойдет вторжение Британии или, потому что Германия со своей стороны решит вторгнуться в Англию. Его аргументы усилились еще больше ввиду того факта, что незадолго до этого, в отличие от практики распространенной в России ранее, инженерам, и, мне кажется, также нашим офицерам, то есть, немцам, были внезапно показаны колоссальные русские военные производства авиации и танков. Эти доклады об удивительно высоких производственных возможностях военной промышленности усиливали убеждение фюрера. Он был настолько твёрдо убежден, потому что, как он сказал, и это было его политическое соображение, если Англия все еще не хочет рассматривать соглашение с нами, хотя она осталась одна против нас, она должна иметь, что-нибудь в запасе. Он имел информацию о том, что

премьер-министр Черчилль отмечал две вещи, в качестве элементов волновавших Англию.

Первое, можно было ожидать возрастающей поддержки Соединенных Штатов, прежде всего в технической сфере, то есть, относительно вооружений и затем распространения на другие сферы, и во-вторых, что он рассматривал даже более вероятным, что Черчилль уже пришёл к договоренности с Россией в этом направлении, и следовательно, он отмечал, рано или поздно будет столкновение. Его расчеты были следующими: до того, как Соединенные Штаты смогут подготовить свои вооружения и провести мобилизацию армии, он разобьет русские скопления войск и сломит, и ослабит мощными концентрированными атаками русские силы до такой степени, что они не смогут представлять угрозы в тылу, если нам придется вступить в конфликт с англо-американцами на континенте. Такими были объяснения фюрера.

Затем последовал визит Молотова, который я упоминал и который существенно усилил такую точку зрения.

Штамер: Каким было ваше отношение к атаке на Россию в то время?

Геринг: Сначала я был очень удивлен и попросил фюрера дать мне несколько часов, чтобы высказать своё мнение. Это стало для меня совершенной неожиданностью. Затем вечером, после беседы, которая состоялась после обеда, я сказал фюреру следующее:

Я чрезвычайно категорично призывал его не начинать войну против России в тот момент или даже некоторое время спустя, не потому что меня волновали соображения международного права или похожие причины, моя точка зрения определялась только политическими и военными причинами. Во-первых, за все время после захвата власти, я, наверное, из всего руководства Германии, был именно тем, кто всегда рассматривал конфликт с Россией как угрозу Германии. Я знал, и многие другие тоже, что более 10 лет в России действует мощная программа перевооружения и подготовки, такая, что даже уровень жизни во всех других областях был снижен в интересах единственной цели грандиозного перевооружения. Поставки, производимые немецкой промышленностью и анализ поставок британской, американской и других производств всегда четко показывал, что они состояли из таких машин, которые прямо или косвенно могли быть необходимы для гигантской программы перевооружения. Исходя из этого можно оценить скорость и масштаб русского перевооружения. Если бы Германия развивалась по пути коммунизма, тогда, конечно же, русское перевооружение, по моему мнению, было бы направлено против другой опасности. Но поскольку мы пришли к власти, внутриполитические и идеологические различия естественно играли, по моему мнению, угрожающую роль. Я пришёл к пониманию, что такие различия не обязательно должны были приводить к конфликтам между странами, потому что политические интересы нации и государства всегда будут сильнее и важнее, чем все

идеологические различия или соглашения. Но и здесь я также видел угрозу, потому как, что означало это грандиозное русское перевооружение в то время, когда Германия, до нашего захвата власти была бессильной? Теперь я сказал фюреру, о том, что, несмотря на это основополагающее отношение, я всегда опасался этой угрозы со стороны России и всегда осознавал эту опасность, но при этом просил его скорее оставить эту опасность в стороне, и если возможно, направить русские интересы против Англии.

Я на самом деле сказал ему следующее:

«Сейчас мы сражаемся против одной из величайших мировых держав, Британской империи. Если вы, мой фюрер, не разделяете это мнение, тогда я вынужден возразить вам, потому что убеждён в том, что рано или поздно, вторая великая мировая держава, Соединенные Штаты, выступит против нас. Это не зависит от избрания президента Рузвельта[293], другой кандидат, также не сможет предотвратить это. Тогда нам придётся воевать против двух крупнейших мировых держав. В начале войны благодаря вашему мастерству стала возможной война на одном фронте, вы всегда указывали на это в своей «Kampf». В случае столкновения с Россией, третья великая мировая держава будет вовлечена в борьбу против Германии. Мы снова останемся одни, практически против всего мира, другие нации не считаются. И снова будем иметь два фронта»

Он ответил:

«Я полностью понимаю ваши аргументы. Я учитываю русскую угрозу, как никто другой, но если мы должны добиться успеха в осуществлении наших планов по подготовке борьбы против Британской империи, если они хотя бы наполовину будут успешными, Россия не нападет. Только если мы глубоко увязнем в серьёзном конфликте на Западе, следуя вашему мнению, русская угроза резко возрастает»

У меня даже было мнение о том, что быстрое согласие русских на урегулирование польского кризиса было дано для того, того, чтобы Германия, свободная с этой стороны, скорей всего была вовлечена в этот конфликт, потому что соответственно возникал германо–франко-британский конфликт и, с точки зрения русских интересов, было бы совершенно понятно выйти из него также как и раньше. Кроме того я сказал фюреру о том, что согласно моим сведениям и доказательствам, русское перевооружение должно выйти на пик в 1942-43 или вероятно даже в 1944. Однако до этого момента, мы должны были добиться, если и не достижения мира победой с нашей стороны, но, по крайней мере, договорённости с Англией. Однако это было бы возможно при достижении решающего успеха против Англии. Тогда

[293] Франклин Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США в 1933-1945.

вся мощь германских воздушных сил была задействована для атак на Англию. Если бы теперь новый фронт открылся против России, существенная часть этих воздушных сил, больше половины, две трети, должна была быть направлена на восток. Для практических задач энергичных воздушных атак на Англию это количество соответственно сокращалось. Все жертвы, принесенные до этого оказались бы напрасными, Англии был бы дан шанс спокойно реорганизовать и отстраивать свою разрушенную авиационную промышленность.

Гораздо более решающим, чем эти соображения, был тот факт, что с развертыванием такого рода против России, мой план, который я представил фюреру, по атаке Англии в Гибралтаре и Суэце, более или менее сходил на нет. Атака на Гибралтар настолько методично отрабатывалась воздушными силами, что согласно всем человеческим ожиданиям там не могло быть неудачи. Британские воздушные силы, дислоцированные на небольшом аэродроме к северу от скалы Гибралтар не имели никакого значения. Атака моих десантников на скалу могла иметь успех. Одновременная оккупация с другой стороны Африки, и последующее выступление на Касабланку и Дакар, по крайней мере, могли обезопасить нас от американской интервенции, кампании, которая позже состоялась в Северной Африке. В какой мере, помимо этого можно было использовать по договорённости острова Кабо-Верде, было открытым вопросом. Очевидно, что это означало создание для авиации и подводных лодок северо-африканских баз и атаки всех конвоев идущих из Кейптауна и Южной Америки с таких удачных позиций. Если бы мы закрыли Средиземноморье на западе, нам бы не составило труда, наступая от Триполи реализовать Суэцкий вариант, время и успех которого можно было просчитать заранее.

Исключение Средиземноморья в качестве театра военных действий, ключевая точка Гибралтар–Северная Африка до Дакара–Суэц и возможное расширение на юг, потребовали бы небольших сил, ряд дивизий на одной стороне и ряд дивизий на другой, для устранения опасности длинной итальянской береговой линии от возможной атаки.

Я призвал его учесть в первую очередь эти решающие соображения, и только после завершения подобного мероприятия изучить дальнейшую военную и политическую ситуацию относительно России. Так, если бы эти условия были обеспечены, мы оказывались в благоприятном положении на случай интервенции Соединенных Штатов имея фланговую позицию. Я подробно объяснил ему все эти причины и снова и снова замечал ему, что здесь мы отказывались от чего-то сравнительно безопасного ради чего-то, что не безопасно, и о том, что при определенных обстоятельствах после обеспечения такой позиции возникает больше перспектив для договоренности с Англией, в то время как мы оба, вооруженные, стояли друг против друга, одна на одной, другая на другой стороне канала[294]. В этом

[294] Ла-Манш, или Английский канал — пролив между побережьем Франции и островом Великобритания.

заключались мои причины для отсрочки даты, и я также сказал ему, что возросшие успехи на этом направлении, позволят нам направить русские политические приготовления, где возможно, в другое русло против наших врагов в тот момент. Однако я отмечаю, что фюрер, связанный соображениями безопасности, сначала вёл только общие приготовления и держал их в резерве, как он мне говорил в то время, само нападение, окончательное решение он не принял до мятежа Симовича в Югославии.

Председатель: Мы сейчас прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Штамер: Обвинение представило документ номер PS-376, заметки от 29 октября 1940, параграф 5 которых гласит следующее: «Фюрер озабочен вопросом дальнейшей войны с Америкой и изучением оккупации атлантических островов»

Что вы можете сказать об этом?

Геринг: Я очень хорошо знаком с данным документом, потому что его здесь мне показывали. Он касается письма, которое представитель Люфтваффе в ОКВ, тогда подполковник фон Фалькенштейн[295] написал начальнику генерального штаба моих воздушных сил. Это исследование, оно ссылается на те пункты которые я изложил, а именно оккупация Гибралатара, Северной Африки и вероятно атлантических островов, прежде всего в качестве боевой базы против Англии, нашего врага, и во-вторых, в случае вступления Америки в войну, в целях обеспечения фланговой позиции против её конвоев. Но это была просто заметка генерального штаба. Тогда по собственной инициативе, не переговорив с фюрером заранее, я подготовил собственное военное исследование вопроса о возможности такого мероприятия. Следовательно, у неё не было никаких последствий.

Штамер: В связи с этим, у меня еще один вопрос. Здесь был представлен организационный план до 1950 года, подготовленный майором Каммхубером[296].

Геринг: На этот вопрос также можно коротко ответить. Я знаком с этим документом, так как в связи с двумя или тремя случаями он упоминался обвинением. Консультация офицера-эксперта генерального штаба любой державы сразу же подтвердит, что это второстепенный документ. Это просто исследование генерального штаба, подчиненного ему организационного отдела, для того, чтобы разработать лучшую схему организации руководства. Вопрос заключался в том, стоит ли концентрироваться на воздушных флотах или сухопутных укреплениях. Это был вопрос того следует ли использовать смешанные эскадрильи включавшие бомбардировщики и истребители или истребители, и другие вопросы всегда

[295] Сигизмунд фон Фалькенштейн (1903-1971) – немецкий офицер ВВС.

[296] Йозеф Каммхубер (1896 — 1986) — немецкий генерал авиации. Организатор системы противовоздушной обороны Третьего Рейха — «линии Каммхубера».

рассматриваемые в ведомствах генерального штаба, независимо от войны или мира. То, что такие исследования, конечно, должны быть основаны на определенных предположениях, которые относятся к сфере стратегических возможностей, должно приниматься как должное. В данном случае майор взял за основу ситуацию приблизительно или около 1950, войну на два фронта, что не было за гранью возможного, а именно, войну с одной стороны с Англией и Францией на западе, и с Россией на востоке. Основное предположение заключалось в том, что Австрия и Польша уже находились в наших руках и так далее. Я не получал это исследование. Я только сейчас ознакомился с ним. Но это не имеет никакого значения, потому что оно было подготовлено в моем министерстве и моим генеральным штабом, и следовательно, было подготовлено по моим приказам. Я давал такие задачи для общего развития организации, руководства, и целой череды маневров и примеров. Оно совершенно не относится к политической оценке и находится за рамками данного процесса.

Штамер: Несколько дней назад, делались ссылки на вашу речь, с которой, как было сказано, вы обратились к офицерам воздушных сил, в которой вы сказали, что вы предложили иметь такие воздушные силы чтобы, в назначенный час они обрушились подобно духу отмщения на противника. Противник должен был чувствовать, что он уже проиграл, даже не начав сражаться с вами. Я бы хотел, передать эту речь вам, и хочу, что вы рассказали нам о том, известна ли вам данная речь и в чём заключался её смысл?

Геринг: Эта цитата использовалась обвинением дважды. Первый раз в начале и второй раз, недавно, во время перекрестного допроса фельдмаршала Мильха. Это касается речи которая появилась в моей книге под названием «Выступления и сочинения», которая уже представлена трибуналу в качестве доказательства. Речь называлась «Товарищество, исполнение долга и самопожертвование», выступление к 1000 лейтенантов-летчиков в день принятия присяги в Берлине 20 мая 1936.

Там, в день, когда они стали офицерами я долго объяснял тысячи молодых летчиков, концепции товарищества, исполнения долга и самопожертвования. Данная цитата была полностью вырвана из контекста. Поэтому я, пользуясь случаем, прошу разрешения трибунала зачитать короткий предыдущий абзац для того, чтобы он был виден в правильном контексте, и я также прошу, чтобы мне позволили описать атмосферу. Передо мной стояли 1000 молодых лейтенантов полных надежды, которым я хотел внушить соответствующий боевой дух. Это не имело никакого отношения к наступательной войне, но важная вещь заключалась в том, чтобы мои ребята, если бы пришлось идти на войну так или иначе, должны были быть храбрыми парнями с волей к действию. Короткая цитата перед этой, гласит следующее:

> «Я не требую от вас ничего невозможного. Я не требую, чтобы вы были примерными мальчиками. Я хочу быть великодушным. Я

понимаю, что молодость должна иметь свои причуды, иначе она не будет молодостью. Вы можете совершать свои выкрутасы, и получать за это по ушам. Но не это является решающим фактором. Решающий фактор заключается в том, что вы должны оставаться уважаемыми, достойными парнями, вы должны быть мужчинами. Вы можете развлекаться, сколько желаете, но сев в самолет, вы должны быть мужчинами с решимостью разбить любое сопротивление. Вот, чего я требую от вас храбрые, отважные парни»

Затем идёт абзац, который зачитывали. «Я имею взгляды…», «владение оружием…», «будто дух мщения обрушиваться на врага». Это не имеет никакого отношения к возмездию, так как «дух мщения» это технический термин, привычный термин в Германии. Я могу точно также сказать, что противник воспользуется другим словом, чтобы выразить то же самое. Я больше не буду читать это, так как эти слова, если бы я должен был прочитать их, были бы совершенно понятными, нужно понимать с кем я говорил.

Штамер: В какой степени вы содействовали экономической и военной подготовке к плану «Барбаросса»?

Геринг: В качестве главнокомандующего воздушными силами, я естественно предпринимал все меры, которые были необходимы в чисто военной сфере для подготовки такой кампании. Соглашаясь или не соглашаясь, как я только, что объяснял…Я проводил очевидные военные приготовления, которые всегда являются необходимыми в связи с новым стратегическим развертыванием, исполнение которых входит в обязанности каждого офицера, о которых я дал указания офицерам воздушного корпуса. Мне не кажется, что трибунал интересуют подробности того как я проводил развертывание своего воздушного флота. Решающая вещь во время первых атак заключалась в том, чтобы как и раньше, сокрушить вражеские воздушные вооружения в качестве основной цели. Независимо от чисто военных приготовлений, которые вытекали из моих обязанностей, экономические приготовления казались необходимыми на основе нашего опыта предыдущей войны с Польшей и войны на Западе, и вдвойне необходимыми в случае России, так как здесь мы сталкивались с абсолютно иной формой экономической жизни, чем в других странах континента. Здесь стоял вопрос государственной экономики и государственной собственности, там не существовало частной экономики или частной собственности заслуживающей упоминания. То, что мне поручили это, вновь являлось очевидным результатом того, что я в качестве делегата четырехлетнего плана, руководил всей экономикой и должен был дать необходимые указания. Следовательно, я проинструктировал штаб военной экономики сформулировать общий экономический план вторжения, в консультациях с экономическими экспертами по России, в особенности, так как нам следовало ожидать, что при нашем продвижении, Россия, с учетом давней практики

уничтожит большие части своей экономики. Результатом этого исследования по экономической мобилизации была так называемая «Зеленая папка». По моему мнению, во всех войнах будущего с обеих сторон, всегда должна быть экономическая мобилизация помимо военной и политической мобилизации, иначе можно оказаться в очень неприятных ситуациях.

«Зеленая папка» постоянно цитировалась, и также несколько цитат было вырвано из контекста. Для того, чтобы сэкономить время я не хочу зачитывать дальнейшие отрывки из «Зеленой папки». Наверное, это можно будет сделать в качестве документальных доказательств. Но если бы я должен был прочесть «Зеленую папку» от начала до конца, от А до Я, трибунал поймет, что это очень полезная и подходящая работа для вооруженных сил, которые должны были продвигаться по территории имевшей принципиально иную экономическую структуру, суд также осознает, что она могла быть разработана только таким образом. Эта «Зеленая папка» содержит много положительного материала и здесь и там, предложение процитированное по отдельности, как и было сделано, создает ложную картину. Помимо прочего, за всё она предусматривала компенсацию. Если в государстве существует экономика, когда кто-то начинает войну с этим государством, и если кто-то овладевает этой экономикой, чей-то интерес заключается в том, чтобы экономика работала, конечно, лишь постольку, поскольку рассматриваются чьи-то военные нужды, это само собой разумеется. Но для того, чтобы сэкономить время, я воздержусь от чтения тех страниц, которые могли бы меня значительно реабилитировать так как, я заявляю, и в целом это так, что предъявление нами требований русской государственной экономике в немецких целях, после завоевания этих территорий было столь же естественным как то, что делает Россия после оккупации немецких территорий, но с той разницей, что мы не разбирали и не вывозили всю русскую экономику, вплоть до последнего болта и заклепки, как происходит сейчас. В этом заключались меры вызванные ведением войны. Я естественно несу за них ответственность.

Штамер: Документ, представленный как документ номер PS-2718, гласит следующее:

> «Меморандум, содержащий результаты сегодняшнего совещания государственных секретарей относительно «Барбароссы».
>
> 1. Война может быть продолжена, только если полностью обеспечивать вооруженные силы продовольствием из России, на третий год войны.
>
> 2. Миллионы людей будут голодать если мы будем забирать из этой страны то, что необходимо нам»

Вас проинформировали о предмете данного совещания государственных секретарей и об этом документе.

Геринг: Я ознакомился с этим документом, только, когда его представили здесь.

Это весьма недостоверный документ. Мы не можем четко сказать, кто присутствовал, где это обсуждалось и кто был ответственным за высказывания такой бессмыслицы. Само собой разумеется, в рамках всех совещаний официальных экспертов, обсуждались многие вещи, которые оказывались абсолютной бессмыслицей.

Прежде всего, германские вооруженные силы были бы накормлены, даже если бы не было войны с Россией. Поэтому не в том суть, как можно сделать из этого вывод, о том, что для того, чтобы накормить германские вооруженные силы, нам нужно было нападать на Россию. До нападения на Россию немецкая армия была накормлена, и так бы и продолжалось. Но если мы должны были вступить в Россию, само собой разумелось, что армия всегда и везде кормится с этой территории.

Обеспечение продовольствием нескольких миллионов людей, то есть двух или трех, если я посчитаю все войска развернутые в России в полном составе, не могло стать причиной голода многих, многих миллионов с другой стороны. Одному солдату с одной стороны невозможно съесть столько, чтобы с другой стороны не хватало пропитания в три раза больше. Более того, фактом является то, что население не голодало. Однако, голод стал возможным, не потому что германскую армию должна была кормить Россия, а из-за уничтожения либо вывоза русскими в тыл всех сельскохозяйственных орудий и всех запасов семян. Прежде всего, это вело к невозможности собрать урожай, который был частично уничтожен отступавшими русскими войсками, хотя бы в степени приближавшейся к той которая являлась необходимой, из-за нехватки орудий труда, и, во-вторых, весенние и осенние культуры находились под угрозой из-за нехватки орудий труда и семян.

Если и удалось справиться с кризисом, то не потому, что русские войска не уничтожили или не вывезли все, а потому что Германия вынуждена была выгребать собственные запасы. Нужно было получить трактора, сельскохозяйственные машины, косы и другие вещи, даже семена, поэтому тогда не войска кормились от страны, а продовольствие приходилось направлять из Германии, даже сено и солому. Только благодаря большим организационным и административным усилиям, и сотрудничеству местного населения, постепенно был достигнут баланс в сельскохозяйственном секторе, а также прибыль для немецких территорий.

Насколько мне известно, как здесь говорили голод случился только в Ленинграде.

Однако Ленинград являлся осажденной крепостью. До сих пор в истории войн я не находил доказательств того, что осаждающий щедро снабжает осажденного припасами с целью продолжения сопротивления; скорее мне известны доказательства из истории войн о том, что осаждающие делают все, чтобы принудить сдаться отрезав крепость от снабжения продовольствия. Ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения военного ведения войны у нас не было никаких обязательств предоставлять осажденным крепостям или городам

продовольствие.

Штамер: И какую роль играли воздушные силы в атаках на Ленинград?

Геринг: Воздушные силы под Ленинградом были очень слабыми. Большая часть северного сектора наших позиций имела самое слабое воздушное прикрытие, а значит, воздушные силы вынуждены были выполнять очень много задач одновременно. На Ленинград никогда не было концентрированной атаки воздушных сил, подобной тем которые мы совершали на другие города или же с которыми столкнулись при налетах на немецкие города в еще большей степени. Фюрер не раз, а постоянно, в присутствии других господ на совещаниях с укором говорил, о том, что германские Люфтваффе не рискуют прорываться к Ленинграду. Я отвечал:

> «Пока мои воздушные силы готовы летать в аду над Лондоном, они в равной степени будут готовы атаковать гораздо менее защищенный город Ленинград. Однако у меня отсутствуют необходимые силы и кроме того вам не следует давать мне столь много задач для моих воздушных сил на севере фронта, таких как предотвращение подвоза подкреплений идущих по Ладожскому озеру и другие задачи»

Таким образом, атаки производились только на Кронштадт и флот, который оставался на рейде Ленинграда, и другие цели, такие как тяжелые батареи.

Я с интересом услышал из показаний под присягой русского музейного профессора[297], о том, что у него сложилось впечатление, что германские воздушные силы в основном уничтожали музеи, и затем, из показаний, не под присягой, мне кажется, он назвал себя митрополитом[298], у которого сложилось впечатление, что мои воздушные силы в основном выбирали целями его соборы. Я хочу обратить внимание на такое противоречие, наверное, понятное для людей, которые не являются экспертами. Санкт-Петербург фактически находился на фронте сражения, и не нужно было атак с воздуха, так как средней и тяжёлой артиллерии было достаточно, чтобы добивать до центра города.

Штамер: Ограничивалась ли конфискация оккупирующей державы в России, государственным имуществом?

Геринг: В связи с последним вопросом я забыл кое о чём коротко сказать.

Здесь было много разговоров о больших разрушениях в России. Показывались фотографии и фильмы впечатляющие сами по себе, но не настолько впечатляющие для немца, так как они показывают лишь малую пропорцию от разрушений которые мы испытали на собственных городах. Но я хочу отметить, что большинство этих разрушений были вызвано боями, другими словами, что разрушения воздушными силами и артиллерией были не намеренными, а города, исторические города или памятники искусства очень часто разрушались в ходе боев.

---

[297] Имеется в виду допрос свидетеля И.А. Орбели который состоялся 22 февраля 1946

[298] Имеется в виду допрос Н.И. Ломакина 27 февраля 1946.

Кроме того, в Германии люди в ранге музыканта и композитора Чайковского[299], поэты Толстой[300] и Пушкин[301] слишком почитаемы, чтобы преднамеренное разрушение могил этих великих и творческих деятелей культуры было запланировано.

Теперь к вопросу о том, только ли государственная собственность конфисковалась, насколько я знаю, да. Частная собственность, как указывалось здесь в государственных документах, я легко могу представить, что в холодную зиму 1941-42 немецкие солдаты брали меховую обувь, валенки и овечий мех там и здесь у местного населения – это было возможно, но по большому счету частной собственности там не существовало, следовательно, она не могла быть конфискована. Я лично могу говорить об очень узком секторе, включающем пригороды Винницы и сам город Винница. Когда я там останавливался, на своем специальном поезде–штабе, я часто посещал крестьянские избы, деревни и город Винницу, потому что меня интересовала жизнь.

Я видел там такую ужасную нищету, что даже представить себе не могу, что можно было взять. В качестве незначительного, но показательного примера, я хочу отметить, что за пустые банки от мармелада, жестяные банки или даже пустые коробки от сигар или сигаретные пачки, люди предлагали значительное количество яиц и масла, потому что они очень желали иметь такие примитивные штуки.

В связи с этим я хочу подчеркнуть, что, ни один театр или нечто подобное сознательно не уничтожались ни с моего ведома, ни по указанию, какого-нибудь другого немца. Мне был известен только театр в Виннице, который я посещал. Я видел там актеров и актрис, и балет. Первую вещь, которую мне пришлось сделать, это добыть материалы, платья и остальные вещи для этих людей, у которых ничего не было.

В качестве второго примера, разрушение церквей. Это также мой личный опыт из Винницы. Я находился там, когда там проходила служба в крупнейшей церкви, которая на протяжении лет являлась пороховым складом, и теперь при немецких властях, снова стала церковью. Священник попросил меня присутствовать на богослужении. Там все было украшено цветами. Я отказался, потому что не принадлежал к православной церкви.

Что касается разграбления магазинов, то лично я видел в Виннице только один пустой магазин.

---

[299] Чайковский Пётр Ильич (1840 — 1893) — русский композитор, педагог, дирижёр и музыкальный критик.

[300] Толстой Лев Николаевич (1828 — 1910) — один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, один из величайших писателей-романистов мира. Участник обороны Севастополя. Просветитель, публицист, религиозный мыслитель, его авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового религиозно-нравственного течения — толстовства.

[301] Пушкин Александр Сергеевич (1799 — 1837) — русский поэт, драматург и прозаик, заложивший основы русского реалистического направления, критик и теоретик литературы, историк, публицист; один из самых авторитетных литературных деятелей первой трети XIX века.

Штамер: В чем заключалось значение для воздушных сил рабочего лагеря Дора[302], о котором говорило французское обвинение?

Геринг: Прежде чем я продолжу, я должен добавить, что обвинение в том, что мы повсюду уничтожали промышленность неверно, но скорее для собственных целей нам пришлось восстанавливать большую часть промышленности. Так, я хочу напомнить про знаменитую дамбу Днепропетровска, которая была взорвана и которая являлась важной для электроснабжения всей Украины и даже Донецкого района.

Что касается промышленности и сельского хозяйства, я говорил об этом ранее и отмечал, что проводилась политика выжженной земли, как её описывал русский приказ. Эта политика выжженной земли, уничтожение всех запасов, всего, создало очень трудную экономическую ситуацию, которую было трудно преодолеть. Следовательно, с экономической точки зрения, нам требовалось многое восстанавливать.

Что касается разрушения городов, я хочу добавить, что помимо того, что разлеталось на куски в ходе боя, во время продвижения или отступления, значительные части и важные здания городов минировалась, и в нужный момент взлетали на воздух, включая, конечно, многие немецкие жертвы. Я могу привести Одессу и Киев в качестве двух главных примеров.

Теперь я перехожу к вопросу о лагере Дора. Я также впервые услышал про лагерь Дора здесь. Конечно, я знал о подземных производствах расположенных рядом с Нордхаузеном, хотя лично там не был. Но их создали в довольно ранний период. Нордхаузен в основном производил V-1[303] и V-2[304]. С условиями лагеря Дора, как их описывали, я не знаком. Мне также кажется, что их преувеличили. Конечно, я знал, о том, что были построены подземные производства. Я также был заинтересован в создании для Люфтваффе следующих заводов. Я не могу понять, почему сооружение подземных производств должно быть чем то особенно безнравственным или разрушительным. Я приказал создать важное подземное производство по производству самолетов в Кале в Тюрингии, на котором, работали в большей степени немецкие рабочие и в остальном русские рабочие и военнопленные. Я лично приезжал туда для контроля, чтобы посмотреть на проделанную работу и в тот день я обнаружил у всех хороший настрой. По случаю своего визита я привез людям дополнительные пайки напитков, сигарет и других

---

[302] Дора-Миттельбау (известные названия: Дора, Нордхаузен) (нем. Dora Mittelbau) — нацистский концентрационный лагерь, образован 28 августа 1943 года, в 5 км от города Нордхаузена в Тюрингии, Германия, как подразделение уже существовавшего лагеря Бухенвальд.

[303] «Фау-1», V-1 (A-2, Fi-103, «Физелер-103», FZG 76) — самолёт-снаряд (крылатая ракета), состоявшая на вооружении армии Германии в середине Второй мировой войны. Это название происходит от нем. Vergeltungswaffe-1 («оружие возмездия-1»).

[304] «Фау-2» (от нем. V-2 — Vergeltungswaffe-2, оружие возмездия; другое название — нем. A-4 — Aggregat-4, агрегат) — первая в мире баллистическая ракета дальнего действия, разработанная немецким конструктором Вернером фон Брауном и принятая на вооружение вермахта в конце Второй мировой войны.

вещей, как для немцев, так и для иностранцев.

Ещё одно подземное производство, для которого я запросил интернированных концентрационного лагеря, так и не было закончено. То, что я запросил заключенных концентрационных лагерей для авиационной промышленности это верно, и, по моему мнению, тогда было совершенно естественным, так как тогда я не был знаком с подробностями о концентрационных лагерях. Я знал только о том, что многие немцы тоже находились в концентрационных лагерях, люди, которые отказывались идти в армию, кто был политически неблагонадежен, или кто был наказан за другие вещи, как это происходит и в других странах во время войны. В то время каждый в Германии должен был работать. Женщин взяли в рабочих, включая тех, кто никогда раньше не работал. В своем собственном доме я организовал производство парашютов, в котором должны были участвовать все. Я не могу понять, почему если весь народ должен принимать участие в работе, то почему заключенные тюрем, концентрационных лагерей, и чего бы то ни было, не должны были направляться на работу значимую для войны.

Более того, по моему мнению, из того, что я знаю сегодня, для них было определенно лучше работать и проживать на каком-нибудь авиационном заводе, чем в концентрационном лагере. Тот факт per se[305], что они работали, следует воспринимать как само собой разумеющийся, а также то, что они работали на военное производство. Но то, что работа означала уничтожение это новая идея. Возможно, здесь и там она была напряжённой. Со своей стороны я был заинтересован, в том, чтобы этих людей не уничтожали, но чтобы они работали и производили. Работа была такой же какую выполняли немецкие рабочие, то есть, производство самолетов и моторов, соответственно не планировалось никакое уничтожение.

Штамер: При каких обстоятельствах военнопленные использовались в операциях противовоздушной обороны?

Геринг: Военнопленные использовались в основном в операциях стационарных батарей противовоздушной обороны на родине, которые предназначались для защиты заводов и городов. И на самом деле это были добровольцы. В основном они были русскими военнопленными, но не все, насколько помню. Нельзя забывать, что в России были разные расовые группы, и не все из них одинаково думали или не все имели одинаковое отношение к своей системе. Также как существовали так называемые восточные батальоны, составленные из добровольцев, также было много добровольцев, которые после объявлений в лагерях, явились на службу в противовоздушные батареи. Мы также имели целую роту русских военнопленных, которые вызвались воевать против своей страны. Я не особо думал об этих людях, но во время войны нужно брать то, что можно получить. Другая сторона делала то

[305] В чистом виде (лат.)

же самое.

Вспомогательным добровольцам нравилось идти в противовоздушные части, потому что, работа там была существенно легче, а продовольствие лучше, так как они получали солдатские пайки, в чём бы ни заключались другие причины, я не знаю. Однако, если посмотреть на местную немецкую противовоздушную батарею в 1944 или 1945, она производила, я признаю, довольно странное впечатление. Там были немецкие юноши от 15 до 16, и пожилые люди от 55 до 60, какие-то женщины и некоторые вспомогательные добровольцы всех национальностей, я всегда называл их мои «цыганские батареи». Но они стреляли, и это имело значение.

Штамер: Какие официальные отношения были у вас с Заукелем?

Геринг: Я отмечал, что в четырехлетнем плане уже в 1936 был генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы. В 1942 году, после того, как он заболел и временно замещался кем-то другим, я опешил от прямого назначения нового генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, назначения сделанного лично фюрером, без консультаций со мной.

Но тогда фюрер уже начал вмешиваться всё сильнее и сильнее, и напрямую в такие проблемы. Если он сделал так и здесь, он сделал это, потому что, проблема рабочей силы обострялась день ото дня. Ему предложили, что он должен назначить нового заместителя, наверное гауляйтера с другим именем, того, что был из Силезии. Но фюрер решил, что это будет гауляйтер из Тюрингии, Заукель, и назначил его уполномоченным. Данный приказ был контрассигнован Ламмерсом, не мной, но это несущественно, и его формально включили в четырехлетний план, так как четырехлетний план имел неограниченные полномочия во всех вопросах экономики. По этой причине, до самого конца, даже назначение Геббельса генеральным уполномоченным по тотальной войне, который не имел ко мне никакого отношения, также было включено в неограниченные полномочия четырехлетнего плана, поскольку в противном случае вся законодательная работа четырехлетнего плана, которую я постепенно выстраивал с его неограниченными полномочиями, рухнула бы и нам пришлось бы создавать совершенно новые условия.

Если Заукель с этого времени получал приказы в основном от фюрера, это было потому, что фюрер теперь эффективнее вмешивался во все такие вопросы, но я приветствовал назначение Заукеля, так как считал его одним из самых спокойных и наиболее надёжных гауляйтеров, и также был убежден в том, что он полностью посвятит себя новой задаче. Связь с ведомствами четырехлетнего плана, конечно поддерживалась и в случае важных законодательных распоряжений, Заукель и насколько я знаю мои ведомства четырёхлетнего плана работали совместно.

Заукель лично разговаривал со мной по нескольким случаям после посещений фюрера, и посылал мне некоторые доклады, которые он направлял фюреру. Даже если и не детально, я был в целом информирован.

Штамер: В марте 1944, 75 офицеров английских воздушных сил сбежали из лагеря военнопленных шталага авиации III. Как вам наверное известно из процесса, 50 из них были схвачены и расстреляны СД. Исходил ли приказ о расстреле от вас, и знали ли вы о таких намерениях?

Геринг: Я узнал об этом по ходу событий, но, к сожалению, почти в самый последний момент. Когда эти 75 или 80 офицеров английских воздушных сил попытались сбежать в последние 10 дней марта, в тот момент я находился в отпуске, что я могу подтвердить. День или два спустя, я услышал об этом побеге. Однако, так как до этого, уже случилось несколько крупных побегов, и каждый раз несколько дней спустя сбежавших пленных доставляли в лагерь, я полагал, что так произойдет и в этот раз.

По возвращении из отпуска, начальник моего генерального штаба рассказал мне о том, что часть, он тогда не назвал точных цифр, бежавших офицеров была расстреляна. Это в определенной мере вызвало разговоры и волнение в Люфтваффе, кто-то опасался репрессалий. Я спросил его от кого он об этом узнал и, о том, что случилось в действительности. Он сказал, что знал только о том, что часть сбежавших людей пойманных охраной лагеря в окрестностях лагеря, и полицией в непосредственной близости была доставлена в лагерь. С ними ничего не случилось. С другой стороны, о судьбе тех, кто был схвачен на большом расстоянии от лагеря, он знал только то, что некоторые из них были расстреляны.

Затем я направился к Гиммлеру и спросил его. Он подтвердил это без указания на точные цифры, и сказал мне, что он получил приказ от фюрера. Я обратил его внимание на тот факт, что такие вещи совершенно невозможны, и что английские офицеры в особенности были обязаны предпринять один или два побега, и мы об этом знали. Мне кажется, он сказал, что он, по крайней мере, сначала возражал фюреру по этому поводу, но фюрер абсолютно на этом настаивал, поскольку он утверждал, что продолжение побегов в такой степени представляло серьезную угрозу безопасности.

Тогда я сказал ему, что такие меры только приведут к еще более сильному волнению в моих войсках, так как никто не поймет эту акцию, и что если он должен был отдать такие приказы, он, по крайней мере, должен был проинформировать меня, прежде чем исполнять их для того, чтобы у меня была возможность попытаться их отменить.

После дачи таких инструкций я лично поговорил с фюрером об этом вопросе, и фюрер подтвердил тот факт, что он отдал приказ и сказал мне почему, причины уже указывались. Я объяснил ему, почему такой приказ, согласно нашему мнению, был совершенно невозможен и, какие последствия это вызовет в отношении моих лётчиков задействованных против противника на Западе.

Фюрер, наши отношения были тогда чрезвычайно плохими и натянутыми, ответил достаточно жестоко, что летчики, летавшие против России должны были

учитывать возможность незамедлительного избиения до смерти в случае вынужденной посадки, и что лётчики идущие на Запад не должны требовать себе особой привилегии. Тогда я сказал ему, что эти две вещи не связаны друг с другом.

Затем я поговорил с начальником своего генерального штаба и попросил его, мне кажется, он был генерал-квартирмейстером, написать в ОКВ и сказать о том, что я прошу, что воздушные силы просят, забрать эти лагеря из под их контроля. Я больше не хотел иметь ничего общего с лагерями военнопленных, если бы такие вещи произошли снова. Это письмо было тесно связано с этими событиями спустя несколько недель после этих событий. Вот, что я знаю об этом вопросе.

Штамер: Свидетель фон Браухич дал показания о том, что в один день мая 1944 фюрер распорядился принять строжайшие меры против так называемых лётчиков-террористов. Вы, согласно этому распоряжению фюрера, издавали инструкции расстреливать вражеских лётчиков-террористов или передавать их СД?

Геринг: Понятие «лётчики-террористы» было очень запутанным. Часть населения, а также пресса, более или менее называли всех атаковавших города «лётчиками-террористами». Огромное волнение возникло у немецкого населения из-за очень тяжёлых и продолжавшихся атак на немецкие города, в ходе которых население в определенной степени видело, что в действительно важные промышленные цели попадали реже, чем дома и невоенные объекты. Некоторые немецкие города пострадали сильней всего в жилых районах, в то время как промышленные объекты в тех же городах оставались в целом нетронутыми.

Затем при дальнейших налетах вражеских сил на Германию, возникли так называемые низколетящие самолеты которые атаковали как военные, так и невоенные цели. Доклады постоянно поступали фюреру, и я также слышал из этих докладов о том, что гражданское население атаковали пулеметами и пушками, о том, что отдельные автомобили, которые легко опознавались как гражданские машины, а также машины скорой помощи, на которых был красный крест подвергались атакам. Поступил один доклад, я отчетливо его помню, потому что фюрера это особо взволновало, говоривший о том, что была расстреляна группа детей. Мужчины и женщины, стоявшие перед магазинами также расстреливались. И такие действия мы стали называть лётчиками-террористами. Фюрер был крайне взволнован.

Население в гневе пыталось поначалу линчевать, и мы, сперва пытались предпринять меры с целью предотвратить это. Затем я услышал о том, что через полицию и Бормана поступили указания не препятствовать этому. Эти доклады множились, и тогда фюрер распорядился, или сделал заявление о том, что лётчики-террористы должны расстреливаться на месте.

Убеждённость в том, что такие налеты запрещены высшими начальниками, и что в действительности они должны были атаковать цели опознанные как военные, я подтвердил заранее после допроса летчиков.

Теперь, как часто бывало в вопросах такого рода, были созваны все учреждения которые имели к этому какое-нибудь отношение и мы были осведомлены, как уже заявил Браухич, не только те из нас в воздушных силах, но также в ОКВ и других военных учреждениях, что было бы очень трудно сформулировать и исполнять приказ относительно этого вопроса. Прежде всего, надо было раз и навсегда определить понятие «лётчик-террорист». В этой связи были изложены четыре пункта и эти пункты уже зачитывали здесь.

Споры по этому поводу шли туда сюда. В целом я выражал мнение о том, что эти летчики, поскольку их действия запрещались своими начальниками, могли быть в любое время быть обвинены в военном трибунале. В любом случае после долгого препирательства мы не смогли придти ни к какому чёткому приказу, и ни одному ведомству воздушных сил никогда не давалось указаний о мерах в данном направлении.

Документ, о котором говорилось 6 июня 1944 о том, что в Клессхайме состоялось совещание между Гиммлером, Риббертропом, и мной, и который подписан Варлимонтом, заявляет, что Варлимонт сказал, о том, что Кальтенбруннер сказал ему о том, что он узнал о том, что такое совещание состоялось. Не сказано, что оно действительно состоялось. Теперь день, 6 июня 1944, очень важный, как уже объяснял Браухич, день вторжения во Францию. Я уже точно не знаю, кто именно приезжал в Клессхайм. Клессхайм это замок рядом с Берхтесгаденом и использовался зарубежными или союзными делегациями во время своих визитов.

Так как уже долгое время было установлено так, что когда проходили визиты союзников, я, как главнокомандующий воздушными силами, не представлялся каждому из этих посетителей, прежде всего хотевших по случаю таких переговоров, получить помощь от германских воздушных сил и всегда просивших немецких истребителей и машин, независимо от того, была ли это Болгария, Румыния, Венгрия, Финляндия или Италия или кто-ещё. Я взял за привычку не попадать в такие ситуации, для того, чтобы фюрер мог отвечать уклончиво и говорить: «Я должен сначала посоветоваться с главнокомандующим воздушными силами»

Таким образом, я уже покинул Берхтесгаден 4-го или 3-го, насколько я помню, и находился в своем поместье рядом с Нюрнбергом. Офицер генерального штаба, который сопровождал меня, врач и другие могут свидетельствовать об этом при необходимости. Там в утренние часы я узнал о вторжении, Браухич ошибся в одном пункте о том, что уже сообщили как о вторжении. Наоборот, в ответ на мой запрос мне было сказано, что пока неизвестно обманный ли это маневр или действительно вторжение. Впоследствии я вернулся в Берхтесгаден поздним вечером или после полудня, я помню точно. Я уехал после обеда, и все это заняло около 4 ½ часа оттуда. Я, следовательно, не принимал участия в совещании по данному вопросу с Риббентропом или Гиммлером в Клессхайме или где-либо еще, и

я хочу это особо подчеркнуть. Это совещание проходило с участием моего адъютанта, фон Браухича, то есть моего офицера генерального штаба, и он был тем, кто без повторных консультаций со мной рассказал ОКВ, о том, что моё мнение заключается в том, что правильно разбирать такие дела в суде. Однако, решающая вещь заключается в том, что никакой подобный приказ как приказ фюрера, или мой приказ не был отдан ни одному учреждению Люфтваффе или транзитному лагерю или лагерю для допросов в Оберурзеле, ни любому другому роду войск.

Документ, который был прочитан здесь касается донесения из воздушного округа XI, которое говорит про расстрелы американских летчиков. Мне кажется, они были американцами, и это упоминалось в связи с тем, что об этом говорил воздушный округ XI. Я просмотрел документ, там есть два очень подробных приложения. Говорится очень ясно и четко, что воздушный округ XI доложил о том, что экипаж выбросившийся и спасенный из озера какими-то войсками, которые не относились к воздушным силам, был застрелен полицией по пути на аэродром, приводилось конкретное название полицейского управления, о том что они следовательно не достигли аэродрома, но были расстреляны до этого полицией. Воздушный округ XI надлежащим образом доложил об этих событиях как было положено. В прилагаемом докладе названы имена каждого человека и, что с ним случилось. Кого-то забрали в госпитали, других, как я уже сказал, застрелили. И все эти доклады, и каждый отдельный лист доклада можно объяснить тем фактом, что учреждения воздушного округа, как ответственные учреждения на родине, были проинструктированы автоматически сообщать в напечатанном виде о том было ли это катастрофой или вынужденной посадкой нашего или вражеского самолета; в какое время; выбросился ли экипаж; был ли убит экипаж, или его половина погибла; были ли они отправлены в лагерь или в госпиталь. И в данном случае правильно сообщалось: «Застрелены полицией при попытке побега, похоронены в таком-то и таком месте»

Записи такого типа исчисляются сотнями, я имею в виду, записи о наших и вражеских самолетах, которые были сбиты вместе с экипажами в сложных воздушных боях. Записи направлялись из воздушного округа в компетентные учреждения. Сами воздушные силы не имели никакого отношения к этому, это очень ясно из оригинального немецкого документа, который был просто докладом.

В связи с этим были жаркие дискуссии. Все господа, которые принимали участие в ежедневных обсуждениях обстановки у фюрера, точно вспомнят, что фюрер периодически говорил мне в очень недружественной манере о том, что он определенно желает знать имена и наказывать таких офицеров которые снова и снова защищают лётчиков от населения. Я не разыскивал и не арестовывал этих людей. Я всегда замечал фюреру, что уже случалось, что даже с нашими летчиками, которые выбрасывались, плохо обращались наши же люди, которые поначалу были совершенно запутаны, и поэтому я постоянно подчеркивал от имени воздушных сил

то, что такие вещи нужно прекратить.

Был один резкий спор, снова в присутствии многих господ, на том совещании, когда я снова сослался на эти вещи, фюрер оборвал меня словами: «Я хорошо понял, что обе воздушных армии заключили соглашение о трусости». Тогда я сказал ему: «Мы не заключали соглашение о трусости, но в чём-то летчики всегда остаются товарищами, не важно, что мы сражаемся друг с другом». Все господа присутствовавшие там вспомнят это.

Штамер: Каким было ваше отношение как высшей судебной власти Люфтваффе к наказуемым деяниям совершенным солдатами подчинёнными вам на оккупированной территории?

Геринг: Как высший судебный орган я сталкивался со всеми плохими делами и проводил много времени изучая их. Вот почему я придаю особую важность заслушиванию здесь высшего юриста воздушных сил. Во многих случаях я отменял приговоры, если они были слишком мягкими, особенно если речь шла об изнасилованиях. В таких случаях я всегда утверждал смертные приговоры вынесенные судом, за исключением случаев, если пострадавшая сторона не просила помиловать осужденного в исключительных случаях. Я, таким образом, утвердил смертные приговоры ряду военнослужащих воздушных сил, которые принимали участие в убийствах жителей на оккупированных территориях Востока, так же как и Запада.

Я не хочу отнимать времени трибунала, перечисляя ряд отдельных случаев которые это доказывают. Помимо этого я был судебным органом, относительно жителей оккупированных территорий представших перед судом воздушных сил. Например, когда во Франции, Голландии или России, или другой стране, местное население помогало вражеским летчикам бежать, или было виновно в актах саботажа на самолетах, или вовлечено в шпионаж в отношении воздушных сил, то есть, по всем наказуемым деяниям, которые могли касаться воздушных сил. Военное положение требовало, конечно, чтобы предпринимались в целом строгие меры.

В этой связи я хочу сказать, что были, конечно, смертные приговоры, в установленном порядке вынесенные судом в отношении женщин. Во всех таких случаях с участием женщин, за все годы войны, я никогда не утвердил своей подписью ни одного смертного приговора женщине, даже в случае если их действия приводили к жертвам или к жертвам в Люфтваффе; даже в самых тяжких случаях я всегда применял отсрочку.

Штамер: В своих экономических и военных мерах на оккупированных территориях вы принимали во внимание, соответствуют ли они Гаагской конвенции о сухопутной войне?

Геринг: Я впервые стал изучать регулирование ведения сухопутной войны по Гаагской конвенции незадолго до начала польского конфликта. Прочитав их тогда, я

пожалел, что ранее подробнее не познакомился с ней. Если бы так, то я бы сказал фюреру, о том, что, в связи с этими нормами Гаагских конвенций сухопутной войны изложенных из параграфа в параграф, современную войну нельзя вести ни при каких обстоятельствах. Пришлось бы вступить в конфликт исходя из условий, установленных в 1906 или 1907 при технологическом развитии современной войны. Либо эти положения должны быть отменены, либо следовало бы включить современные новые точки зрения на техническое развитие. Мои доводы заключаются в следующем:

Нормы о сухопутной войне из Гаагской конвенции, в том виде, в каком они сейчас существовали, по моему мнению, я изучил совершенно верно и логично как нормы для сухопутной войны в 1907. Но с 1939 по 1945, у нас была не просто сухопутная война, но также и воздушная война, которая там не учитывалась и которая отчасти создала абсолютно новую ситуацию, и во многом сильно изменила нормы установленные Гаагской конвенцией. Но не это было настолько решающим положением; скорее, появилась современная и тотальная война, как я её понимаю, в трёх направлениях: вооружённая борьба на суше, на море и в воздухе; экономическая война, которая стала неотъемлемой частью каждой современной войны; и в-третьих, пропагандистская война, которая тоже стала существенной в этой войне.

Если воспринимать эти принципы на основе логики, тогда возникнут определённые отклонения, которые согласно букве, могут быть нарушением логики, но соответствовать духу. Если нормы Гаагской конвенции о сухопутной войне предусматривают, что оружие противника следует считать трофеем, само собой, тогда сегодня я должен сказать, что в современной войне оружие противника в определённых обстоятельствах имеет ценность только в качестве металлолома, однако экономические ресурсы, сырье, высокопрочная сталь, алюминий, медь, свинец, выглядят более ценными как военные трофеи нежели устаревшее оружие, которое я мог забрать у противника. Но помимо того, что это является не только вопросом сырья, не имеет значения в чьей собственности они находятся. Нормы Гаагской конвенции о сухопутной войне в одном пункте предусматривают, я не помню его сейчас, что необходимое имущество может быть конфисковано, конечно с компенсацией. Мне кажется, это тоже не является решающим фактором. Однако решающий факт заключается в том, что в этой современной войне и в экономической войне, которая формирует основу для любого дальнейшего ведения войны, поставки, прежде всего продовольствия, должны рассматриваться абсолютно необходимыми для войны и должны предоставляться для использования в войне, и помимо этого сырье для промышленности. Более того производства и машиностроение это тоже часть экономической войны. Если до сих пор они служили противнику, поскольку они прямо или косвенно помогают производству вооружений и ведению войны, они также должны служить тому, в чьем бы владении

не находились эти средства производства в результате военного решения, даже если только временно в ходе перемирия на оккупированных территориях. В этой связи вопрос рабочей силы естественно играет все большую роль в экономической войне нежели он играл в прошедших войнах, которые служили примерами, когда Гаагской конвенции были приняты нормы о сухопутной войне. В 1907 самыми недавними были, русско-японская[306], и вероятно англо-бурская война[307], которые, однако, состоялись в совершенно других условиях войны, которые практически шли десятилетие назад до этого времени и могли послужить в качестве примера войны. Войны между одной армией и другой в то время, в которых население более или менее не участвовало, нельзя сравнивать с современной тотальной войной, в которой каждый, даже ребенок, получает опыт войны, подвергаясь воздействию воздушного вооружения.

Согласно моему мнению, людские ресурсы и соответственно рабочие и их использование в настоящий момент, также является неотъемлемой частью экономической войны. Но это не значит, что рабочий должен эксплуатироваться, чтобы он пострадал от физического увечья, но его труд должен быть использован в полную силу.

Один из свидетелей недавно указывал, что значит быть на оккупированной территории, когда там идут бои, и где нужно оставаться годами, в то время как одна, две, три, четыре, или пять новых групп призывного возраста подходят, и если они не имеют работы в родной стране…

Председатель: Доктор Штамер, есть ли шанс, что подсудимый завершит до вечера?

Штамер: Это последний вопрос.

Председатель: Продолжайте, пожалуйста.

Геринг: Поэтому вопрос депортации рабочих также следует учитывать с точки зрения безопасности. Мы были обязаны кормить, насколько возможно, всю оккупированную территорию. Мы также вынуждены были убирать рабочую силу, и в то же время должны были рассматривать вывоз в особенности тех, кто не имел никакой работы в своей стране и представлял опасность роста подпольного сопротивления против нас.

Если эти возрастные группы призывались в Германию на работу, это происходило из основных соображений безопасности, для того, чтобы они не остались не у дел в собственной стране, и поэтому были бы доступны для работы и борьбы против нас, но должны были быть использованы на благо нашей экономической войны.

В-третьих, я хочу отметить эти вещи очень коротко, в заключение,

[306] Русско-японская война 27 января (9 февраля) 1904 — 23 августа (5 сентября) 1905) — война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией и Кореей.

[307] Вторая англо-бурская война 1899—1902 годов — превентивная война бурских республик — Южно-Африканской республики (Республики Трансвааль) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики) против Британской империи, закончившаяся победой последней.

пропагандистская война. В одном пункте обвинительного заключения также упоминается, что мы реквизировали радио, что было само собой разумеющимся. Так как в пропагандистской войне, важное значение имела вражеская пропаганда которая распространялась по радио далеко вглубь, никто не ощущал её сильнее чем Германия. Все крупные опасности подпольных движений, партизанской войны, движения сопротивления и саботажа, и все связанное с ними, и наконец, также в этой войне, озлобленность и такая атмосфера, приводили к крайним мерам во взаимной радиовойне.

Также, чтобы ни случалось в виде жесткостей и похожих деяний, которые не должны были допускаться, в окончательном анализе является, если подумать об этом спокойно, в основном вызванным пропагандистской войной.

Таким образом, нормы Гаагской конвенции о сухопутной войне, по моему мнению, не являются инструментом, который можно использовать в качестве основы для современной войны, потому что они не принимают во внимание существенные принципы этой войны; войну в воздухе, экономическую войну, и пропагандистскую войну.

На этом месте я хочу сказать те же самые слова, которые использовал один из величайших, наиболее важных и стойких противников, британский премьер-министр Уинстон Черчилль: « В борьбе не на жизнь, а на смерть наступает конец законности»

Председатель: Судебное заседание отложено.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 16 марта 1946*]

День восемьдесят третий

Суббота, 16 марта 1946

Утреннее заседание

Штамер: Господин председатель, я специально отложил единственный вопрос и пока не рассмотрел его, то есть, усилия Геринга сохранить мир в июле и августе 1939, перед началом войны. Я отложил вопрос по следующим причинам: изначально, я намеревался вызвать Геринга для дачи показаний только после допроса свидетеля Далеруса. Но, так как Далерус пока не прибыл, а я хотел бы избежать прерывания слушаний я вызвал Геринга первым.

Теперь я прошу решения о том, могу ли я снова вызвать Геринга для дачи показаний после допроса свидетеля Далеруса, который между тем прибыл, я считаю это уместным в интересах экономии времени, потому что, по моему мнению, довольно много вопросов станут лишними, или же, смогу ли я снова задать данный вопрос после перекрестного допроса. Если это невозможно, я хотел бы рассмотреть этот вопрос незамедлительно. Однако, мне кажется желательным, задать этот вопрос после допроса Далеруса.

Максвелл-Файф: Ваша честь, я могу в этом помочь. Если трибунал может рассмотреть это ходатайство без создания прецедента для других дел, у меня нет никакого возражения, потому что в случае Далеруса, мы должны понимать, что кто-то должен будет подробно остановиться на событиях, которые происходили в течение последних двух недель. Это может означать экономию времени, если такие детали будут выяснены один раз и доктору Штамеру будет достаточно сложно допрашивать свидетеля Далеруса не вдаваясь в эти подробности. В то же время я разделяю позицию трибунала, о том, что подсудимого не нужно вызывать повторно за исключением наиболее исключительных обстоятельств. Думаю, в данном случае это уместно для экономии времени.

Председатель: Вы имеете в виду, что если вызвать свидетеля Далеруса, это избавит от необходимости повторного вызова подсудимого Геринга по поводу этих событий?

Максвелл-Файф: Это может снять такую необходимость, и в любом случае будет означать, склонен думать, что подсудимый Геринг тогда ответит всего на несколько вопросов, но если это сделать сейчас, то будет сложно избежать того, что оба свидетеля будут проходить одно и тоже.

Председатель: Трибунал, руководствуясь только экономией времени и так как

трибунал проинформирован защитником подсудимого доктором Штамером, о том что это поможет сэкономить время, трибунал готов принять такой курс и позволяет свидетелю Далерусу, быть вызванным перед допросом подсудимого Геринга, но это не будет являться прецедентом для вызова других свидетелей.

Штамер: Благодарю, господа. Тогда у меня больше нет вопросов к подсудимому в настоящее время.

Нельте: Обвинение в своей презентации часто упоминало подсудимого Кейтеля в связи с приказами, директивами и тому подобным. Они всегда цитировались, как приказы Кейтеля, распоряжения Кейтеля, и исходя из этого, обвинение обосновало помимо прочего, своё обвинительное заключение в отношении подсудимого Кейтеля. Я стремлюсь выяснить с помощью вашего опроса то какое положение занимал фельдмаршал Кейтель, какие полномочия и ответственность он имел как начальник ОКВ или в других официальных функциях. Вы знакомы с распоряжением от 4 февраля 1938 согласно которому было создано высшее командование вооруженных сил, ОКВ, и фельдмаршал Кейтель был назначен начальником ОКВ?

Геринг: Конечно, я знаком с данным распоряжением, потому что участвовал в подготовке распоряжения тем, что фюрер обсуждал со мной всё перестановки 8 февраля и возникшие последствия организационных изменений всего своего штаба

Нельте: Вы можете вспомнить схему, которая была представлена обвинением по поводу организации германских вооруженных сил?

Геринг: Да, я помню, что она была здесь на доске.

Нельте: Я бы хотел её вам продемонстрировать.

Как вы думаете, место ОКВ правильно показано на схеме?

Геринг: Нет неправильно. Вверху сказано: «Главнокомандующий вооруженными силами» и затем есть линия, и ниже неё «начальник высшего командования вооруженных сил». Отсюда, указывая на подчинение, линии идут напрямую к главнокомандующим армией, флотом и воздушными силами. Это ошибка.

Высшее командование вооруженных сил, а также начальник высшего командования вооруженных сил, не могут быть размещены таким образом, а стоят в стороне, то есть, три главнокомандующих тремя родами войск вооружённых сил непосредственно подчинялись фюреру как верховному главнокомандующему вооруженных сил, и вообще никак не подчинялись высшему командованию вооруженных сил или начальнику высшего командования вооруженных сил.

Тогда, в феврале, фюрер полностью реорганизовал свой штаб, так как в качестве главы государства он имел государственную канцелярию. Он назначил Мейсснера, который являлся тогда государственным секретарем, государственным министром и создал государственную канцелярию в качестве своего административного учреждения. Таким образом, он, во взаимодействии с протокольным отделом министерства иностранных дел, был ответственным за

вопросы, касавшиеся только главы государства. В качестве рейхсканцлера и главы правительства, он распорядился о том, что его административным органом должна быть рейхсканцелярия, и государственный секретарь рейхсканцелярии в тот же день стал рейхсминистром и начальником рейхсканцелярии. Функция этого ведомства заключалась в координации работы министерств и всего правительственного механизма Рейха. Функцией этого министра, как органа фюрера, было не столько законотворчество, сколько исполнение приказов и распоряжений фюрера.

В-третьих, фюрер, как руководитель партии, имел партийную канцелярию за которую тогда был ответственным заместитель фюрера Рудольф Гесс занимавший высокую позицию внутри данной организации. После его ухода, Борман стал не заместителем фюрера, а начальником партийной канцелярии.

В-четвертых, существовала личная канцелярия фюрера с рейхсляйтером во главе.

Для военных вопросов, в качестве своего военного кабинета или военного штаба, или, как это называлось в былые годы, «Maison Militaire[308]» - было сформировано высшее командование вооруженных сил.

Реорганизация была необходимой, потому что после отставки военного министра Бломберга, нового военного министра не назначили и фюрер, поскольку в качестве главы государства он в любом случае был главнокомандующим вооруженными силами, теперь являлся не только формальным главнокомандующим вооруженными силами, но и фактически выполнял эту функцию. Соответственно, ему теперь требовалась штабная организация. Этим должно было быть высшее командование вооруженных сил, и Кейтель стал начальником высшего командования вооруженных сил.

В Германии слово «начальник» в военном смысле отличается от «главнокомандующего». Ответственность и право отдавать приказы лежит на командире или главнокомандующем. Помощник в штабной организации, в разработке, управлении и передаче приказов и подержании связи, является на самом деле начальником соответствующего штаба. Таким образом, бывший генерал-полковник Кейтель или генерал Кейтель, являлся начальником штаба в военном штабе главнокомандующего, называемом высшим командованием вооруженных сил. С одной стороны он был ответственным за весь механизм штаба главнокомандующего, что касалось военно-организационных и технических вопросов и военного руководства, то есть стратегии, в той мере в какой фюрер хотел, чтобы его стратегические приказы исходили из одного центра. Для этого было создано высшее командование, как чисто главный штаб, стратегическое управление, верховный генеральный штаб.

Нельте: Если я правильно вас понял, ОКВ расшифровывается как высшее командование вооруженных сил, но видимо это понятие использовалось в разных

---

[308] «Военное хозяйство» (фр.)

смыслах, одно время как штаб высшего командования вооруженных сил, как, к примеру, когда Кейтель был назначен начальником ОКВ, а в другое время, как управление ОКВ высшего командования вооруженных сил, другими словами, Гитлера. Это верно?

Геринг: Это отчасти верно, но не очень понятно. Высшее командование вооруженных сил являлось штабом верховного главнокомандующего вооруженных сил, таким же образом, как и я, как главнокомандующий воздушных сил имел генеральный штаб с одной стороны и мой аппарат главного адъютанта, это составляло штаб, с которым я работал. Высшее командование составляло для фюрера, в качестве верховного главнокомандующего схожую организацию. Начальник моего генерального штаба также не мог отдавать непосредственные приказы командующим воздушных флотов, генералам, командующим воздушными корпусами или дивизиями. Приказы могли отдаваться только « по приказу главнокомандующего» подписанному «I.A.», то есть «Im Auftrag[309]»

Таким образом, начальник штаба, даже начальник высшего командования вооруженных сил, не имел никакой командной функции за исключением непосредственно своего ведомства и нескольких административных организаций связанных с этим штабом. Приказ, команда или директива от высшего командования вооруженных сил, например, мне как главнокомандующему воздушных сил, был единственно возможным, начинаясь со слов: «Фюрер приказал…» - или - «по команде фюрера, настоящим информирую вас…»

Могу категорически заявить: однажды я сказал генерал-полковнику Кейтелю: «Я подчиняюсь только приказам фюрера. Только подлинные и подписанные Адольфом Гитлером приказы доставляются лично мне. Инструкции, директивы или приказы, начинавшиеся со слов: «По команде фюрера» - или - «по приказу фюрера» направляются моему начальнику штаба, который устно докладывает мне о наиболее важных положениях. Будь они, грубо говоря подписаны: «По команде фюрера: Кейтель, генерал-полковник» - или - «Мейер, штабс-ефрейтор», для меня не было разницы. Но если бы они содержали прямую команду от вас, приказ, который вы хотите мне отдать, тогда вы сэкономите свое время и бумагу, так как и то и другое не имеет для меня значения. Я главнокомандующий воздушными силами и подчиняюсь непосредственно и исключительно фюреру»

Нельте: Было ли вам известно, что Гитлер, с одной стороны, и главнокомандующие родами войск вооружённых сил, с другой, соблюдали такой же порядок, который вы описали, либо в других родах войск, он, вероятно, отличался?

Геринг: Ставили ли перед начальником высшего командования вопрос также как я двое моих коллег, я не могу сказать, но, то, что они не позволяли вмешиваться в свои права и прерогативы это очевидно.

---

[309] «По приказу» (нем.)

Нельте: Относилось ли это и к Гиммлеру как начальнику СС?

Геринг: СС никогда не подчинялись высшему командованию вооруженных сил. Внутри вооруженных сил существовали с начала войны Ваффен-СС, разделенные на дивизии и корпуса. Они были чисто боевыми подразделениями. Тактически и стратегически они подчинялись тем армейским подразделениям, в состав которых входили, в вопросах личного состава и развития они подчинялись Гиммлеру, и он не имел никакого отношения к ОКВ. Здесь также могло случаться, что начальник высшего командования вооруженных сил, в вопросах вооружений и организации Ваффен-СС, передавал приказы или распоряжения фюрера.

В связи с представившейся возможностью я должен поправить ошибку допущенную судьей Джексоном в ходе допроса фельдмаршала Кессельринга. Фельдмаршал Кессельринг говорил о Ваффен-СС, как о «Garde Truppe[310]». Затем его спросили: «Кого они охраняли?» Говоря слово «Garde», мы не имеем в виду «охрану», означающую стражей, но фельдмаршал Кессельринг имел в виду «отборные части», также как в русской военной терминологии есть слово «гвардейские части», и в старой императорской армии существовал «гвардейский корпус», и также ранее в других армиях. Ваффен-СС в первые годы войны не рассматривались как охранное подразделение, но являлись «отборными частями» в силу своего личного состава, и т. д.

Нельте: Я хочу попросить вас рассказать что-нибудь об официальных отношениях между Адольфом Гитлером и фельдмаршалом Кейтелем, то есть, какие официальные отношения задумывал Адольф Гитлер, создавая ОКВ? Я имею в виду, я хочу знать, кем должен был быть Кейтель и в чём, впоследствии, заключались его функции после 1938?

Геринг: Я думаю, что только, что объяснял это.

Нельте: Я хотел спросить вас, например, о том, являлся ли он советником Гитлера?

Геринг: Советник это спорное выражение. Я могу попросить кого-нибудь посоветовать мне о том не думает ли он о том, что через 3 часа пойдёт дождь, когда я буду ездить верхом, но я могу также иметь того кто советует мне по важным и решающим вопросам. Это зависит от темперамента и отношения человека, которому дают советы и того кто хочет посоветовать.

Динамичная личность фюрера, не приветствовала непрошеных советов, и для этого нужно было находиться с ним в очень хороших отношениях. То есть, кто-то должен был иметь большое влияние, как имел я, и я прошу правильно меня понять, как я, вне всякого сомнения многие годы, для того, чтобы входить к нему без приглашения, не только с советом, но и с предложениями и даже настойчивыми возражениями. С другой стороны, если кто-то не находился в таких отношениях с фюрером, предложения или советы отметались сходу, если у фюрера уже имелось решение, или если он не хотел, чтобы предполагаемый советчик не мог получить

[310] «Гвардейские войска» (нем.)

влияние или влиятельную позицию. Здесь, я хочу сказать, что начальник высшего командования вооруженных сил, в важных и решающих вопросах не являлся советником. В текущих, повседневных делах, он являлся советником, постольку поскольку он мог предлагать фюреру здесь и там, чтобы то или другое следовало сказать командирам, или в отношении назначения перемещения тех или иных войск. В конце концов, совет начальника генерального штаба гораздо важнее, чем совет начальника организации или государственного учреждения. Это было так: в сфере важных стратегических и тактических решений главная ответственность лежала на советнике генерального штаба, главнокомандующих, начальнике штаба и фюрере, в чистой стратегии и тактике, больше с начальником оперативного штаба вооруженных сил, организационные вопросы или текущие ежедневные мероприятия, с начальником высшего командования. Из-за того, что фюрер лично, как я уже сказал, занимал несколько высших должностей, он должен был ограничивать свои подписи. Часто занимало неделю только получить нужную подпись фюрера, особенно во время войны, когда у него был огромный объем работы, таким образом, секретари соответствующих государственных учреждений были уполномочены подписывать «по приказу». Этим объясняется, почему сложно было встретить указ или приказ отданный фюрером, выпущенный с подписью «по приказу» или «по команде фюрера», который не был подписан Кейтелем, который был очень усердным.

Нельте: Не являлось ли неблагодарной задачей для фельдмаршала Кейтеля, я имею в виду, неблагодарной, постольку поскольку он часто находился в положении примирителя между различными ведомствами, которые подчинялись верховному главнокомандующему, а именно Гитлеру, представлять ему их претензии, и, высказываться в интересах обеих сторон, помогая там и ограничивая здесь?

Геринг: И снова это очень сильно зависело от личностей. Само собой, что если происходили стычки между фюрером и мной или другими решительными главнокомандующими, начальник высшего командования вооруженных сил, был, могу сказать, проторённой дорогой для обеих сторон. Он лавировал между жерновами сильных личностей, кто-то протестовал тому, что беседуя с фюрером он не оказывал достаточного давления, фюрер, когда докладывал Кейтель не хотел слушать и говорил о том, что сам урегулирует вопрос.

Задача, разумеется, была самой неблагодарной и сложной. Я помню, что однажды фельдмаршал Кейтель обратился ко мне, и спросил меня, не могу ли я организовать для него командование на фронте, что он будет доволен, будучи фельдмаршалом, иметь хотя бы одну дивизию лишь бы убраться оттуда, потому что он получал больше кнутов, чем пряников. Независимо от того была ли такая задача неблагодарной или оценивалась по достоинству, я ответил ему: он должен исполнять свой долг там где приказал фюрер.

Нельте: Вам известно, что в связи с этим фельдмаршала Кейтеля обвиняли в

неспособности, как они говорили самоутверждаться при фюрере?

Геринг: Этот упрёк высказывали довольно многие главнокомандующие армиями или группами армий. Им было просто упрекать его, потому что они были далеко от Адольфа Гитлера, и не должны были сами вносить какие-нибудь предложения. Я знаю, что особенно после краха, достаточно генералов разделяющих мнение, что Кейтель являлся типичным «соглашателем». Я могу только сказать, что лично хотел бы посмотреть на тех, кто сегодня называет себя «не соглашателями»

Нельте: Когда-нибудь существовала, что касается Гитлера, какая-нибудь возможность для фельдмаршала Кейтеля добиться освобождения со своей должности?

Председатель: Доктор Нельте, трибунал не думает, по крайней мере, мы хотим спросить у вас, какое отношение имеют сплетни в генеральном штабе или упреки, которые ему высказывались, к предъявленным Кейтелю обвинениям? Как это связано с обвинениями против Кейтеля?

Нельте: Если кто-то хочет свершить справедливость в отношении подсудимого Кейтеля, то есть, если кто-то хочет попытаться установить какую роль он сыграл в этой ужасной трагедии, тогда, такая возможность единственно возможна если четко установить, в чем заключалась его функция, и соответственно в чём заключалась его юридическая ответственность, если принимать во внимание тактические условия…

Председатель: Мне прекрасно об этом известно, и мы потратили уже три четверти часа заслушивая описание подсудимым Герингом какими были его взаимоотношения и в чём заключалась функция Кейтеля. То о чём я вас спросил состоит в том, какое отношение к делу имеют сплетни и критика Кейтеля генеральным штабом? Я говорю, что мы потратили три четверти часа слушая рассказ подсудимого Геринга о том, в чём заключалась его функция и о его взаимоотношениях с фюрером и ни о чём больше.

Нельте: Я начал с организации ОКВ. Я хотел установить руководящую цепочку командования между ОКВ и начальником ОКВ, с одной стороны, и родами войск вооружённых сил, с другой, и затем я попытался выяснить обязанности которые, в качестве начальника ОКВ, он должен был иметь, согласно желаниям Гитлера, и о том как он их выполнял.

Господин председатель, мне кажется сплетни, являлись предметом нескольких минут во время допроса свидетеля.

Председатель: Я прервал вас, потому что вы задали подсудимому вопрос о ком-то, кто упрекал его за то или иное, из сотрудников генерального штаба, и это кажется мне совершенно не относящимся к делу.

Нельте: Последний вопрос, который я задал, был о какой-нибудь возможности фельдмаршала Кейтеля получить освобождение от должности. Могу я полагать господин председатель, что этот вопрос относится к делу?

Председатель: Разумеется, вы можете, задать вопрос о том, просил ли он

освободить его от должности. Доктор Нельте, фактически, такой вопрос уже задавали, вопрос на котором я прервал вас, и у меня этот ответ записан о том, что Кейтель просил командования хотя бы дивизией.

Нельте: Это был вопрос, который он задал рейхсмаршалу Герингу. Он пришел к нему, Герингу, и поставил вопрос перед ним. Теперь я хочу спросить существовала ли какая-нибудь возможность, чтобы Кейтель получил от Гитлера освобождение со своей должности?

Геринг: Вопрос о том, мог ли генерал попросить и получить отставку от фюрера в целом играет важную роль в настоящем разбирательстве. Действительно, следует делать различие между двумя фазами, войной и миром.

В мирное время генерал мог попросить о своей отставке. Если только он не был на видной и определенно важной должности и не был хорошо знаком фюреру, такая просьба об отставке была бы удовлетворена без вопросов. Если он находился на особенно важной должности и был очень хорошо знаком фюреру, тогда, используя всё свое убеждение, все средства, имевшиеся в своём распоряжении, фюрер постарался бы убедить его остаться на посту. Однако если бы, генерал попросил фюрера об отставке, объявив, о том, что делает это исходя из принципиально иного политического мнения, относительно внутренней или внешней политики, тогда без сомнения его бы отправили в отставку, может в тот же день. Но в то же время это бы вызвало чрезвычайное подозрение со стороны фюрера относительно этого человека.

Во время войны, вопрос стоял совершенно по-другому. Генерал, как и каждый солдат, был обязан следовать своему долгу, подчиняться приказам. Фюрер заявлял, что он не хочет слышать про прошения об отставках, ни от генералов, ни от других важных государственных деятелей. Он бы сам решал, должен ли человек уходить в отставку или нет. Он сам не мог подать в отставку, если вещи теперь стали неприятными, он считал это дезертирством.

Если, несмотря на это, генерал подавал прошение об отставке в военное время и в этом ему отказывали, он, разумеется, не мог настаивать на ней. Если, несмотря на это он уходил в отставку, он нарушал закон и с этого момента считался виновным в дезертирстве.

Фельдмаршал Кейтель мог спросить у фюрера: «Могут ли меня перевести в другое ведомство». Но фюрер крайне не любил делать перестановки в своем непосредственном окружении, и в ходе войны, я знаю это с его слов, он бы не согласился на замену, в частности фельдмаршала Кейтеля с которым он привык работать, если бы только фельдмаршал не заболел и соответственно не смог исполнять свои обязанности.

Нельте: Являлись ли такие соображения, о которых вы сейчас сказали также решающим фактором отставки фельдмаршала фон Браухича?

Геринг: Случай с отставкой фельдмаршала фон Браухича хорошо мне известен,

потому что фюрер заранее долго обсуждал её со мной, так как сначала он не решил, принимать ли командование армией ему самому или кому-то другому. Таким образом, мы обсуждали, кто должен стать преемником, и тому подобное. В тот момент фюрер был не удовлетворён главнокомандующим на Восточном фронте. Главнокомандующим был фон Браухич, начальником генерального штаба армии был Гальдер. Я предложил фюреру, чтобы он заменил начальника генерального штаба, потому что я думал, что он гораздо менее способный. Фюрер захотел сделать это. Затем на следующее утро он передумал и сказал мне, что, он, фюрер, лично примет командование и наведёт порядок на Восточном фронте, и что, следовательно, для него важнее было отправить в отставку главнокомандующего, хотя он соглашался со мной в том, что начальник штаба был слабым. Тогда я предложил отправить в отставку обоих.

Фюрер вызвал Браухича, беседовал с ним 2 часа и чётко попросил его, то есть таким способом, что нельзя было не понять, подать в отставку.

Таким образом, в данном случае фюрер принял ясное решение об отставке главнокомандующего армией для того, чтобы самостоятельно принять командование армией. С этого времени, фюрер являлся не только верховным главнокомандующим вооруженных сил, но также и де факто главнокомандующим армией.

Нельте: Обвинение заявило и представило доказательства того, что фельдмаршал Кейтель являлся членом совета обороны Рейха. Вы вчера говорили о данном вопросе. И сейчас я могу заявить, что вы сказали о том, что фельдмаршал Кейтель являлся членом совета обороны Рейха согласно закону об обороне Рейха, и также том, что этот совет обороны Рейха никогда не был сформирован. Вы должны были знать об этом, потому что, согласно этому закону, являлись председателем совета обороны Рейха. Это верно?

Геринг: Я четко заявил, что я никогда не присутствовал на совещаниях и никогда их не созывал.

Председатель: Вам известно, не так ли, что трибуналу предписано следовать скорейшему процессу и по этой причине он не собирается заслушивать кумулятивные доказательства? Подсудимый уже дал ответ на вопрос, который вы задали. Трибунал не желает снова слушать аналогичный ответ.

Нельте: Я пока не видел вчерашнюю расшифровку, и это имеет важнейшее значение для подсудимого Кейтеля…

Председатель: Вы находились в суде, и я говорю вам, что такой ответ был дан.

Нельте: Вопросы и ответы не всегда можно четко понять, в отличие от расшифровки.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы можете сказать, являлся ли, когда-нибудь фельдмаршал Кейтель министром?

Геринг: Он не был министром. Его должность приравнивалась к министру.

Нельте: Он был вправе участвовать в заседаниях кабинета?

Геринг: Не в виду своей должности, но, по вопросам затрагивающим его работу и его интересы, фюрер мог приглашать его на заседания правительства.

Нельте: Кейтель был членом совета министров обороны Рейха. Это делало его министром?

Геринг: Нет, он остался таким же. Он был только приравнен к министру. Фельдмаршал Кейтель не мог присутствовать на заседаниях рейхскабинета, потому что он стал начальником высшего командования только в 1938, а с тех пор заседаний кабинета не проводилось.

Нельте: Обвинение также утверждает, что существовал триумвират, включавший генерального уполномоченного по экономике, генерального уполномоченного по администрации и начальника ОКВ. Вы можете нам, что-нибудь об этом рассказать?

Геринг: Мне об этом ничего неизвестно.

Нельте: Обвинение вменяет фельдмаршалу Кейтелю качество политического генерала. Вам об этом, что-нибудь известно?

Геринг: В Третьем Рейхе генералы вообще не имели никакого права заниматься любой политической деятельностью. Единственным исключением был я, и это было в силу необычного характера моего положения, так как одновременно я был солдатом, генералом, а с другой стороны, в политике политиком. Остальные генералы, как фюрер всегда четко указывал, не имели никакого отношения к политике.

Генералом, который больше всего интересовался политикой был покойный фельдмаршал фон Рейхенау. В этом заключалась причина того, что фюрер, несмотря на свои личные симпатии и абсолютно положительное отношение Рейхенау к нацистской партии, отказался назначить его главнокомандующим армией после отставки Фрича, фюрер не хотел иметь никаких политических генералов.

Нельте: Но нельзя отрицать, что в так называемых распоряжениях часто доводились политические цели, и то, что такие приказы и распоряжения подписывались Кейтелем.

Геринг: Распоряжения являлись принципиальными распоряжениями фюрера, потому что они содержали общие директивы. Преамбула важного распоряжения часто имела политическое введение, объяснявшее, почему фюрер решил о той или иной военной мере. Но это не имеет никакого отношения к тому, чтобы генерал был политическим.

Нельте: Обвинение часто упоминает, что подсудимый Кейтель присутствовал на государственных приемах, в случае с Гахой и других министерских приемах, из этого оно делает вывод, что он являлся политическим генералом.

Геринг: Когда фюрер, как глава государства, принимал зарубежные делегации, глав государств или руководителей правительств, было принято, чтобы присутствовали начальники его наиболее важных ведомств, начальник государственной канцелярии,

часто рейхсканцелярии и в зависимости от того кто приехал, начальник высшего командования, поскольку на совещаниях, могли подниматься вопросы по которым фюреру могла потребоваться какая-нибудь военная информация. И затем, конечно, проводились определенные церемонии. Всякий раз, принимая важных посетителей, мой военный штаб, или представитель штаба, находился вместе со мной.

Нельте: Значит, я могу сказать, что фельдмаршал Кейтель присутствовал, но не участвовал в совещаниях?

Геринг: Если он и участвовал, это не вызывало никаких последствий.

Нельте: Обвинение заявляет, что в связи с визитом президента Гаха, подсудимый Кейтель оказывал давление на президента Гаху, угрожая бомбить Прагу.

Геринг: Вчера я уже сказал, что я сделал это заявление.

Нельте: Я просто хотел установить это.

Теперь я хочу перейти к вопросу относительно лётчиков-террористов. Вы помните, что приблизительно в середине июня 1944, когда обсуждение этого вопроса проводилось в различных ведомствах, вы ожидали Гитлера в Платтерхофе вместе фельдмаршалом Кейтелем, и обсуждали там данный вопрос?

Геринг: Я не могу сказать, было ли это в Платтерхофе. В любом случае, я много раз разговаривал с фельдмаршалом на эту тему.

Нельте: В связи с этим важно установить, обращался ли к вам подсудимый Кейтель по данному вопросу, заявляя о том, что он против самосуда, за который выступала партия.

Геринг: Он говорил об этом несколько раз. В этом мы соглашались.

Нельте: Заявлял ли тогда вам подсудимый Кейтель о том, что он выступает за официальное предупреждение или ноту союзным правительствам, касательно известного случая Дьепа[311], нежели отдельных военных трибуналов без правовых оснований.

Геринг: Я думаю, у нас были частые дискуссии на эту тему. Я выступал за это в случаях исключительно лётчиков-террористов, то есть, тех, кто нарушал приказы своих начальников, в таком случае были необходимы правовые процедуры. Кейтель говорил о том, что будет трудно провести различия и исполнять. Более практичным должно было стать направление ноты союзникам о том, что если это не прекратится то будут предприняты меры. Взгляд на то, что такая позиция должна быть принята был распространен и в других ведомствах.

Нельте: Господин председатель, при представлении своих ходатайств о доказательствах, я предложил, помимо прочих вещей, характеристику на фельдмаршала Кейтеля данную мне Герингом. На заседании 25 февраля, я достиг соглашения с обвинением, что эта характеристика, в форме письменных показаний,

[311] Битва за Дьеп, также операция «Раттер», позднее — операция «Юбилей» — морской десант вооруженных сил Великобритании и Канады на французское побережье Ла-Манша и атака на оккупированный немцами порт Дьеп на севере Франции в 1942 году.

может быть представлена в присутствии свидетеля, то есть Геринга. Я могу зачитать вам данную характеристику, подлинник которой вы уже получили или я могу сослаться на неё как на доказательство и просто приобщить её? Я задаю этот вопрос, потому что часть описания, которая имеется в письменных показаниях, была озвучена свидетелем в ходе допроса.

Председатель: Какой документ вы имеете в виду? Как он появился? Этот документ составлен подсудимым Герингом?

Нельте: Это письменные показания подписанные Герингом, озаглавленные «Характеристика фельдмаршала Вильгельма Кейтеля». Они указаны в моём ходатайстве как письменные показания. Большая часть того, что содержится в них, уже была озвучена рейхсмаршалом Герингом.

Председатель: Подсудимый Геринг дает показания под присягой. Следовательно, ничего в форме письменных показаний не приобщается. Если у вас есть вопросы о подсудимом Кейтеле, которые вы еще не задали, вы можете задать их сейчас. Недопустимо приобщать письменные доказательства, когда у вас есть подсудимый дающий показания под присягой.

Нельте: На заседании 25 февраля 1946 это было одобрено, по причине того, что это сократит разбирательство, если огласить письменные показания и свидетель скажет: «Да это верно». У меня есть расшифровка того заседания, если трибунал об этом не помнит.

Джексон: С позволения трибунала, я не могу возражать против них, с точки зрения того, что это написано, потому что я думаю, есть ситуации, когда письменные показания свидетелей будут более оперативными, чем их допрос.

Я возражаю против них исходя из того, что они нас никуда не приведут, если они будут приобщены. Они начинаются: «Кейтель производит впечатление военного человека, офицера старой школы». Такие показания нас никуда не приведут. Я признаю это заявление, он всегда производил такое впечатление. В его философии преобладают идеи и концепции милитаризма.

Пусть Кейтель сам себя опишет, если нам нужно. Я думаю, исследование этих письменных показаний покажет, что они состоят из уже пройденных тем. Я возражаю им в силу отсутствия доказательственного значения.

Председатель: Доктор Нельте, как вам известно, любое решение принятое трибуналом относительно документов принималось предварительно и с условием, что решение об относимости документа к делу, должно приниматься при предъявлении документа. Если документ предъявлен трибуналу, он должен на него взглянуть. Он не видел документа.

Кажется документ, как сказал господин судья Джексон, не является документом, который имеет какое-нибудь доказательственное значение, и поскольку подсудимый дает показания под присягой, трибунал не будет рассматривать документ.

Нельте: Господин председатель, поскольку трибунал изучил данный документ и установил, что он не относится к делу, я принимаю это решение. Но мне кажется, что трибунал…

Председатель: Мы не запрещаем вам задавать свидетелю любые вопросы, которые относятся к делу, но не желаем зачитывать ещё один документ от того же самого лица, которое дает показания.

Нельте: Я отзываю эти письменные показания.

Тома: Розенберг являлся начальником внешнеполитического управления НСДАП до 1940. Имел ли он по роду занятий, или иным образом лично, влияние на решения Гитлера в области внешней политики.

Геринг: Мне кажется, что центральное внешнеполитическое управление партии, после захвата власти, никогда не консультировало фюрера по вопросам внешней политики. Оно было создано ранее, чтобы централизованно решать внешнеполитические вопросы, возникающие перед партией. Меня не информировали подробно о работе этого учреждения. Насколько мне известно, Розенберг также никогда лично не консультировал в вопросах внешней политики после прихода к власти.

Тома: Следовательно, вам неизвестны никакие подробности, о том имелось ли у Розенберга определённое влияние на фюрера в вопросе о Норвегии?

Геринг: Я не знаю этого. Я вчера заявил о том, что мне известно относительно Квислинга и также Розенберга.

Тома: Когда вы были министром-президентом, вы замечали за Розенбергом стремление оправдать политическое и полицейское преследование церкви?

Геринг: Он не мог выступать за преследование церкви полицией, потому что не имел никакого отношения к полиции, и я бы не допустил, чтобы он каким-нибудь образом вмешивался.

Тома: Вам известно о том призывал ли вас Розенберг эвакуировать евреев в Люблин, в числе других мест?

Геринг: Розенберг не говорил со мною об этом.

Тома: Гитлер выразил свое удовлетворение тому, что Розенберг не заявил никаких возражений пакту о ненападении с Советским Союзом, заключенным тогда?

Геринг: Нельзя точно сказать, что Гитлер выразил свое удовлетворение. Если бы Розенберг заявил какое-нибудь возражение, Гитлер, вероятно, выразил бы ему свое неудовлетворение в очень безошибочной манере, но, он также заявлял, что Розенберг, правильно понял этот политический шаг.

Тома: Розенберг, как министр оккупированных восточных территорий, имел какое-либо влияние на распределение рабочей силы? Был ли он в состоянии предотвратить использование восточных народов?

Геринг: Определенное взаимодействию относительно программы использования должно было существовать между ведомствами Розенберга и Заукеля, но,

разумеется, не в том смысле, что Розенберг смог бы запретить вербовку восточных рабочих вопреки приказу фюрера.

Тома: Вам известно, что Розенберг периодически делал представления фюреру в целях улучшения культурных условий восточных народов, в особенности украинцев?

Геринг: Однажды я присутствовал, когда Розенберг говорил о разнообразных подходах к оккупированным восточным территориям, народам, живущим там, и их культурным потребностям. Насколько помню, или лучше сказать, я особенно запомнил, что беседа шла о создании или необходимости продолжения деятельности университета в Киеве. Фюрер согласился с ним в его присутствии, но когда он ушел, фюрер сказал: «У этого человека, какие-то особенные заботы. У нас и помимо университетов в Киеве и так хватает важных забот, которыми надо заниматься». Это я помню.

Председатель: Наверное, нам следует прерваться на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Заутер, минуточку. Я сначала хочу поговорить с доктором Нельте.

Доктор Нельте, в связи с вашим ходатайством о документе названном «Характеристика генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля», трибунал изучил вопрос и ссылается на страницу 4987 стенографических записей[312], о которой вы, наверное, подумали, но вы не смогли заметить, что документ «Характеристика Кейтеля» был отклонен распоряжением трибунала в параграфе 2, который содержит решение трибунала после обсуждения в суде, того, что изложено на той странице стенографической записи на которую я ссылаюсь. Таким образом, по мнению трибунала у вас нет права представлять данный документ, который уже был отклонен трибуналом.

Нельте: Господин председатель, у меня нет в полном объеме записей о заседаниях. Но мне известно, что в данных письменных показаниях отказали с объяснением о том, что если можно вызвать свидетеля, письменные показания не должны предъявляться и таким было дело в данном случае.

Впоследствии сэр Дэвид Максвелл-Файф, цитируя именно этот документальный номер из моей документальной книги, заявил следующее: «Трибунал вероятно помнит, что в случае со свидетелем Блахой[313], мой друг, господин Додд, следовал практике вопроса свидетелю…». И эти письменные показания относятся к данному документу.

[312] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VII/ Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2020.; стр.234.

[313] Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Член центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

Председатель: Доктор Нельте, мне это прекрасно известно, и я уже сослался для вас на точную страницу расшифровки с которой сверился. Но защитники должны прекрасно знать о том, что трибунал не выносил в открытом заседании решения по поводу этих ходатайств о свидетелях и документах, и трибунал ясно дал понять, что потом рассмотрит данные ходатайства. В каждом случае для защитников было издано совершенно чёткое письменное распоряжение о том какие свидетели допускаются, какие свидетели отклонены, какие анкеты допущены, какие анкеты отклонены, какие документы допущены, какие документы отклонены. В параграфе 2 распоряжения есть «Характеристика Кейтеля». Таким образом, по мнению трибунала, данный документ не должен был быть представлен. На этом всё.

Нельте: Я пытался объяснить, почему я полагал, что несмотря на отказ в письменных показаниях, материал письменных показаний мог быть использован в ходе допроса свидетеля.

Заутер: Я прошу разрешить задать следующие вопросы, в интересах подсудимого Функа.

[*Обращаясь к свидетелю*]. Подсудимый Функ вступил в партию летом 1931. В то время, насколько вам известно, он являлся главным редактором газеты «Berliner Borsenzeitung[314]». Вам известно, что в этой должности он пользовался особенным престижем в прессе и в немецких экономических кругах?

Геринг: Я знаю, что тогда Функ и его экономические статьи в «Borsenzeitung» были продуманными, и о том, что у него было много связей в экономических кругах.

Заутер: Мы услышали о том, что подсудимый Функ обвиняется в содействии приходу партии к власти, и мне интересно услышать от вас, играл ли Функ, до прихода партии к власти вообще какую-нибудь роль в партии или если точнее, о том что после ухода с должности главного редактора «Berliner Borsenzeitung», он основал так называемую службу экономико-политической информации, не для партии, но для всех экономических кругов, включая Немецкую народную партию?

Геринг: Могу я попросить вас поставить вопрос более точно, это целое повествование. Но я могу ответить кратко. До захвата власти я был знаком с деятельностью Функа только в качестве редактора «Borsenzeitung», о чём я уже сказал. И в таком качестве о нём постоянно говорили в экономических кругах. Только после захвата власти, я вообще услышал о том, что Функ состоит в партии и о его взаимоотношениях с ней. Таким образом, его партийная деятельность не могла иметь такого огромного значения, иначе он каким-то образом привлек бы мое внимание. Что касается его информационной службы, благоволил ли он демократам или Народной партии, мне ничего об этом неизвестно.

Заутер: Затем, после захвата власти, Функ стал начальником управления прессы правительства Рейха. Вам это известно?

---

[314] «Berliner Borsen-zeitung» («Газета берлинской биржи») — ежедневная немецкая экономическая газета издававшаяся с 1855 по 1944 гг. С 1921 по 1930 Вальтер Функ являлся её главным редактором.

Геринг: Да.
Заутер: Затем, впоследствии он стал государственным секретарем в министерстве пропаганды. Вам это тоже известно?
Геринг: Да.
Заутер: Теперь меня интересует узнать, в чем заключалась его работа, как начальника управления прессы правительства Рейха. Функ имел этой работой какое-нибудь влияние на решения рейхскабинета?
Геринг: Я хорошо знаком с обстоятельствами назначения Функа начальником управления прессы Рейха. После того, как рейхскабинет принял присягу, нужно было назначить нового начальника управления прессы Рейха. Мы находились в комнате отеля Кайзерхоф, и фюрер не хотел того, кто являлся бы полностью членом партии, а того у кого имелся некоторый опыт работы в прессе и того кто не был столь заметным в партии и не связан с нею. Я не знал, кто именно упоминался под именем Функ. Но я знаю, что тогда он сказал: «Хорошо!»

Вызвали Функа и мне кажется, что это было для него большой неожиданностью. У меня сложилось такое впечатление. Начальник управления прессы Рейха тогда, когда Гинденбург еще был рейхспрезидентом…

[*Была пауза в слушаниях*]

Председатель: Можете продолжать.
Заутер: Я хочу повторить вопрос, потому что он не прошёл. Мой вопрос был об этом: тогда, когда подсудимый Функ являлся начальником управления прессы правительства Рейха, то есть, после захвата власти, у него имелось какое-нибудь влияние на решения рейхскабинета?
Геринг: Начальник управления прессы не имел никакого влияния на решения рейхскабинета, так как его задача имела другой характер.
Заутер: Затем Функ стал государственным секретарем в министерстве пропаганды. Теперь меня интересует узнать от вас, являлся ли он, находясь в должности, каким-либо образом заметным в вопросах пропаганды или политики прессы, и какими являлись его задачи в министерстве, согласно вашим сведениям об условиях?
Геринг: Он стал государственным секретарем, потому что министерство пропаганды забрало себе в качестве основной функции руководство прессой и решение вопросов прессы. Чисто пропагандистские мероприятия с самого начала проводились лично Геббельсом, который в то же время являлся начальником управления пропаганды партии. Функ был назначен в основном для организации министерства как такового, и в частности для руководства экономическими вопросами прессы, то есть приобретением печатных органов, закупками, субсидиями, и т. д. Его специальные знания применялись именно в основном в этой сфере.

Заутер: Затем, когда доктор Шахт ушёл в отставку со своих должностей в ноябре 1937, Функ стал его преемником в качестве министра экономики. Назначение состоялось в ноябре 1937, но он принял министерство только в феврале 1938. Могли бы вы сказать, почему так произошло и кто руководил министерством экономики в этом промежутке.

Геринг: Обсуждая четырехлетний план, я объяснял, что после отставки Шахта, я лично возглавил министерство с ноября 1937 по февраль 1938, хотя насколько помню, с Функом уже определились. Я сделал это для того, чтобы интегрировать в министерство экономики экономические ведомства вне министерства которые участвовали в четырехлетнем плане. Освободив себя от этого бремени, я смог управлять своими директивами в министерстве.

Заутер: Похожая ситуация как кажется, имела место и с генеральным уполномоченным по экономике, доктором Шахтом, если я могу заметить, ушедшим с этой должности тогда же, когда и из министерства экономики, в ноябре 1937. Однако, Функ был назначен преемником в качестве уполномоченного по экономике только в 1938. В чём заключалась причина этого?

Геринг: Он был назначен генеральным уполномоченным только в 1938 из-за того, что только в 1938 принял министерство экономики. Согласно старому правилу, генеральный уполномоченный по экономике был идентичен рейхсминистру экономики. Но в последний период времени, Шахт, это был просто вопрос формы, как я уже объяснял, так как я объяснял что, с той минуты, когда я возглавил четырехлетний план, я лично был де факто генеральным уполномоченным по экономике.

Я предложил упразднить эту должность, но, как часто бывает, некоторые вещи сохраняются только по причинам престижа, вещи уже не имеющие никакого реального значения. Делегат четырехлетнего плана являлся единственным генеральным уполномоченным всей немецкой экономики. Поскольку двух таких людей быть не могло, один из них существовал только на бумаге.

Заутер: Следствием являлось этого было то, если я могу сделать вывод, и я прошу вас ответить на это, что доктор Функ в как генеральный уполномоченный по экономике, а также президента Рейхсбанка, подчинялся вам, как главе четырехлетнего плана. Это верно?

Геринг: Естественно, согласно предоставленным мне неограниченным полномочиям, он должен был выполнять мои экономические директивы постольку, поскольку они касались министерства экономики и Рейхсбанка. В этом заключалась причина замены, потому что я не следовал такому порядку при Шахте, но с самого начала Функ занял позицию безупречного отношения ко мне. Указания или экономическая политика, которые проводил рейхсминистр экономики и президент Рейхсбанка Функ находились в моей полной и исключительной ответственности.

Заутер: Вероятно, вы помните поздравительное письмо, которое подсудимый Функ

написал Гитлеру за неделю до польской кампании, мне кажется, 25 августа, в котором он благодарил фюрера за то или иное. В этом письме Функ заявлял о том, что он подготовил и исполняет некие меры, на случай войны, необходимые в сфере гражданской экономики и финансов. Вы вспоминаете это письмо, его уже зачитывали ранее.

Геринг: Да.

Заутер: Вы помните, когда вы предоставили Функу эти специальные обязанности? Письмо датировано, как мне кажется 25 августа 1939, если снова могу напомнить. И когда вы поставили подсудимому Функу такую задачу и приказы?

Геринг: Также как и военная мобилизация, или скорее мобилизационная подготовка должна проводиться и следовать за политической ситуацией, будь она напряженной или спокойной, или когда она изменяется также по экономическим причинам, как я указывал вчера в своих заключительных замечаниях, она должна идти нога в ногу с обстановкой.

Таким образом, я приказал о тщательной подготовке к мобилизации также и в этой сфере. В вопросах валюты и финансов это было обязанностью президента Рейхсбанка, так как рейхсминистерство экономики в экономических вопросах проводило подготовку всех мероприятий которые позволяли мне в случае войны обеспечить высшую безопасность для немецкого народа также и в экономической сфере. В какое именно время я отдал такой приказ, я не могу вспомнить, так как это была главная директива которая действовала всегда.

Заутер: Какие полномочия имел Функ в принятии норм, и т. д., для экономической администрации на оккупированных территориях?

Геринг: Я уже не помню этого в подробностях. Главные указания он получал от меня. Как далеко и для кого он, исходя из этой директивы, принимал инструкции в своей специальной сфере на оккупированной территории, я не могу сказать в деталях, но они всегда являлись результатом моей личной ответственности.

Заутер: Правильно, что четырехлетний план на оккупированных территориях имел специальных уполномоченных и ведомства за исключением Функа, выполнявшие ваши директивы?

Геринг: В некоторых районах оккупированной территории так и было. В других районах я использовал ведомства, существовавшие там, и если я считал нужным, я давал директивы министерству экономики, о том, чтобы то или иное было сделано в отношении оккупированных территорий.

Заутер: Затем во время войны, мне кажется весной 1940, было создано министерство вооружений. Правильно, что в ходе войны по нарастающей, полномочия рейхсминистерства экономики и, в конце, всей гражданской промышленности также были переданы в это министерство, и таким образом министерство экономики оставалось только в качестве министерства торговли?

Геринг: По моему предложению, моему срочному предложению, фюрер создал

министерство боеприпасов под руководством тогдашнего министра Тодта[315]. Это исключительно военное министерство стало, по мере развития событий и дальнейшего развития, министерством вооружений под руководством министра Шпеера, и ему постепенно передавали все больше и больше задач. Поскольку в центре внимания всей экономики находились вооружения, и всё остальное в экономике следовало концентрировать в этой точке, ряд задач министерства экономики был передан министерству вооружений, в особенности производство в целом. Это верно, что в самом конце от министерства экономики, в общем и целом осталась только оболочка включавшая подчиненные отделы.

Заутер: Теперь, у меня остался последний вопрос относительно подсудимого Функа. Это вопрос в связи с вопросом центральной плановой комиссии, то есть, относительно вопроса иностранных рабочих. Меня интересует узнать, знали ли вы, свидетель, что Функ был вызван на совещания этой центральной плановой комиссии первый раз в конце ноября 1943, и никогда ранее? Вам это известно?

Геринг: Я знаю о центральной плановой комиссии. Я никогда не интересовался её внутренними вопросами. Я не могу точно сказать, когда Функ был вошел в эту комиссию. Однако к вербовке иностранных рабочих, он не имел никакого отношения.

Заутер: Господин председатель, если вы позволите, я задам несколько коротких вопросов в интересах подсудимого Шираха.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вам известно получал ли, когда-либо так называемый «летучий ГЮ[316]», подразделение Гитлерюгенда, лётную подготовку?

Геринг: Летучий ГЮ занимался только спортивным планеризмом. После завершения этого обучения, эти люди принимались в национал-социалистический лётный корпус, бывшую Лигу воздушного спорта Рейха, и они продолжали свое обучение в полетах на самолетах.

Заутер: Тогда ещё один вопрос: между вами и подсудимым Ширахом проходили какие-нибудь совещания, в особенности пока он являлся рейхсюгендфюрером, которые касались бы вопроса военной подготовки или допризывной лётной подготовки молодежи? Такие совещания были или нет?

Геринг: Обсуждались ли такие вопросы между прочим, я не знаю. Не требовалось никаких официальных совещаний, потому что ситуация была абсолютно ясной. Летучий Гитлерюгенд был заинтересован в планеризме, и после прохождения предварительной подготовки они поступали в лётный корпус.

Заутер: Вы вспоминаете схему, которую показывали при описании организации рейхскабинета? В нижней части, под примечанием «другие участники заседаний

---

[315] Фриц Тодт (1891 — 1942) — государственный и политический деятель Германии, рейхсминистр вооружения и боеприпасов (1940—1942), обергруппенфюрер СА.

[316] Гитлерюгенд (сокращенно, HJ; ГЮ — Hitler-Jugend) — молодёжная организация НСДАП. Включала в себя собственно Гитлерюгенд для юношей от 14 до 18 лет, организацию подростков Гитлерюгенда от 10 до 14 лет, а также союз немецких девушек.

кабинета», схема показывала имя подсудимого Шираха рядом с Боле[317], Попицем[318], Дитрихом[319], и Гереке[320]. По этой причине я хочу задать следующий вопрос: Ширах был, когда-нибудь членом рейхскабинета или какие права или функции он имел в связи с этим?

Геринг: Рейхскабинет как таковой состоял только из рейхсминистров. Мы различали два вида заседаний, заседания кабинета и заседания совета министров.

На заседаниях кабинета обычно присутствовали министры и их государственные секретари. В некоторых случаях, когда обсуждались специальные вопросы, могли вызываться для короткого доклада министериальдиректоры или высшие чиновники заинтересованных министерств. Затем, были так называемые высшие должности Рейха. Рейхсюгендфюрер тоже был одним из них. Если, таким образом кабинетом должно было обсуждаться законодательство касавшееся рейхсюгендфюрера и Ширах узнавал об этом, он мог, в виду своей должности рейхсюгендфюрера, просить вызова на такое заседание. На этом же основании начальник рейхсканцелярии мог приказать ему явиться на такое заседание. Эти представители никогда не присутствовали на остальных обычных заседаниях кабинета. Мне кажется, я присутствовал почти на всех заседаниях и, насколько я знаю, Шираха там никогда не было.

В отличие от этого в заседаниях совета министров принимали участие только министры и никого более.

Заутер: Теперь я перехожу к периоду после падения Муссолини, когда Бадольо[321] принял правительство в Италии. Свидетель вы помните, что тогда подсудимый фон Ширах послал вам телеграмму с некими предложениями?

Геринг: Да.

Заутер: Что он предлагал и, что он хотел осуществить?

Геринг: Он предлагал, чтобы я сказал фюреру, о том, чтобы он немедленно заменил в министерстве иностранных дел Риббентропа на фон Папена.

Заутер: Тогда, последний вопрос в интересах подсудимого Шираха. Вы помните ещё одно письмо, которое подсудимый Ширах написал, насколько я знаю, весной 1943? Это было письмо вызванное письмом Бормана, так как вы узнаете о каком

---

[317] Эрнст Боле (1903 — 1960) — партийный и государственный деятель Третьего рейха, гаулейтер, руководитель Зарубежной организации НСДАП, государственный секретарь рейхсминистерства иностранных дел Германии в 1937-1941, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943 года). Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы.

[318] Эдуард Попиц (1884 – 1945) — немецкий государственный деятель, участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера. Казнен за участие в заговоре против Гитлера.

[319] Отто Дитрих (1897 — 1952), партийный и государственный деятель нацистской Германии, рейхсляйтер (2 июня 1933 года — 8 мая 1945 года), пресс-секретарь НСДАП (1 августа 1931 года — 31 марта 1945 года), руководитель прессы НСДАП (с 28 февраля 1934 года), пресс-секретарь правительства Рейха (26 ноября 1937 года — 31 марта 1945 года), государственный секретарь рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, президент палаты печати Рейха (апрель 1938 года — 31 марта 1945), обергруппенфюрер СС (20 апреля 1941 года). Американским трибуналом был приговорён к 7 годам лишения свободы.

[320] Гюнтер Гереке (1893 – 1970) – немецкий политик и юрист. Рейхскомиссар занятости в кабинете фон Шлейхера.

[321] Пьетро Бадольо (1871 — 1956) — маршал Италии (25 июня 1926) премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 г., объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

письме я веду речь, я должен кратко объяснить связь. Борман тогда разослал письма всем гауляйтерам, как формальность, согласно которым гауляйтеры должны были сообщить о том имелись ли у них связи с зарубежными странами. Ширах хорошо понимал, что это письмо предназначалось исключительно ему, так как другие гауляйтеры не имели родственников за рубежом, Ширах написал письмо, которое, насколько я знаю, вы прочитали. И впоследствии вы предположительно вмешались в дело Шираха. Пожалуйста, расскажите нам, что это было за письмо и какая опасность угрожала Шираху, и что вы и остальные сделали, чтобы избежать такой опасности?

Геринг: Я должен внести поправку, и я полностью знаком с этим инцидентом. Это письмо Бормана не приказывало гауляйтерам установить имелись ли у них личные связи за рубежом. Борман, по приказу фюрера, направил письмо всем гауляйтерам, и это не было проформой касавшейся только гауляйтера Шираха, а предназначалось для всех. Они должны были проверить подчинённое политическое руководство, чтобы установить имелись ли у них сотрудники или подчиненные руководители имевшие семейные узы или связи с зарубежьем, в особенности во вражеских странах, что могло, при определенных обстоятельствах, вызвать конфликт интересов или могло вызвать вопросы о надёжности. В этом заключалась генеральная директива фюрера, которая также применялась к офицерскому корпусу, а не только к одному Шираху. Я находился в ставке, когда поступило письмо Шираха, и Борман передал его фюреру. Ширах отвечал, что, перед тем, как он будет ставить такой вопрос относительно своих сотрудников и подчиненных, ему необходимо было прояснить данный вопрос в отношении себя. В своём письме он кратко описал, что у него по материнской линии есть семейные узы с Соединенными Штатами Америки, и также отметил в письме, что его связи с родственниками за рубежом были очень сердечными и в таких обстоятельствах спрашивал, возможно ли было для фюрера оставить его в должности гауляйтера. Тогда фюрер уже несколько месяцев не очень хорошо был расположен к фон Шираху и постоянно рассматривал его отставку. Он рассказал об этом, и вот как я получил это письмо, так как он вручил мне его: «Кажется, Ширах думает о своей будущей защите. У меня есть определенное подозрение». Затем, в присутствии Бормана, я очень четко и ясно сказал фюреру, что считаю это совершенно необоснованным, что я не могу понять его отношение к Шираху, и что Ширах сделал единственно правильную и достойную вещь, когда прежде чем увольнять кого-нибудь из своих сотрудников или подчиненных по таким причинам, он потребовал прояснить вопрос в отношении собственного положения, поскольку его связи были известны и, что у письма не имелось другой цели.

Заутер: Однако затем, в связи с этим письмом, кажется, довольно странное предложение было внесено кем-то о дальнейшей акции против Шираха?

Геринг: Я знаю о том, что Борман и Гиммлер были против Шираха. Хотели ли они

придать данному письму совершенно иную интерпретацию с целью заставить фюрера отозвать Шираха и устранить его, или насколько далеко зашло предложение Гиммлера, либо рассматривалось превентивное заключение, я не знаю. Но я услышал об этих вещах позднее из других источников.

Заутер: Ваша честь, я больше не имею вопросов.

Кранцбюлер: Рейхсмаршал, когда вы впервые познакомились с адмиралом Дёницем?

Геринг: Мне кажется, я впервые встретил адмирала Дёница как адмирала и командира подводных лодок во время войны, насколько я помню, в 1940, на совещании в моём специальном поезде, во Франции.

Кранцбюлер: Совещание было посвящено только военным или политическим вопросам?

Геринг: Чисто военным вопросам, а именно тому насколько сейчас и в будущем воздушные силы смогут проводить разведку для подводных лодок в Атлантике. Тогда адмирал Дёниц пожаловался на то, что разведка слишком слабая и срочно просил меня усилить ее, и насколько помню, хотя бы на 30 процентов.

Кранцбюлер: Вы имели дальнейшие совещания с адмиралом Дёницем до его повышения до главнокомандующего флотом в 1943?

Геринг: Нет.

Кранцбюлер: Вы, как главнокомандующий воздушных сил использовали так называемые спасательные самолеты-амфибии для спасения пилотов сбитых над каналом?

Геринг: У нас было несколько эскадрилий спасательных самолетов-амфибий предназначенных для канала и спасения сбитых пилотов, как немецких так и вражеских, как ясно следовало из приказа.

Кранцбюлер: Как выглядели эти самолеты?

Геринг: Это были самолеты, насколько помню, отмеченные красным крестом.

Кранцбюлер: Они были вооружены?

Геринг: Поначалу нет.

Кранцбюлер: И как с этими спасательными самолетами обращались британцы?

Геринг: Были некоторые случаи, когда их не трогали, но был ряд случаев в которых их сбивали при проведении спасательных акций. Поскольку эти случаи стали преобладать, я сказал, что будет более уместным больше не использовать опознавательный красный крест, вооружить эти самолеты и таким образом пытаться спасать наших товарищей из моря. У нас были огромные потери в этих морских эскадрильях.

Кранцбюлер: У вас были стационарные спасательные буи в канале для сбитых пилотов?

Геринг: Было размещено довольно много буев на якоре, к которым были привязаны веревки по которым могли забраться сбитые летчики. Спасательные буи были также

обеспечены продуктами, питьевой водой, спасательными жилетами, спасательными кругами, и другим. Кроме этих небольших спасательных буев были крупные в форме небольших плотов, на которые могли забраться лётчики. Там также имелась еда, аптечки первой помощи и похожее.

Кранцбюлер: Как с этими буями обращались британцы?

Геринг: Разными способами, некоторые остались, другие уничтожались.

Кранцбюлер: У меня больше нет вопросов.

Экснер: Вам известно, что в особенности в 1942 между фюрером и генерал-полковником Йодлем возник жесткий конфликт?

Геринг: Да.

Экснер: Вам известно, что тогда Йодля уже должны были освободить от должности?

Геринг: Конфликт возник из-за кавказского кризиса. Фюрер винил генерала Йодля, в том, что он не сконцентрировал достаточно войск для удара в направлении Туапсе, но при этом горные войска вывели из долин через горную цепь Эльбрус, что фюрер, считал бессмысленным. Тогда, насколько помню, Йодль указывал ему, что этот вопрос с ним обсуждался, и был им одобрен. Фюрер жестко критиковал командира ответственного за этот участок. Йодль защищал его по этим основаниям, что привело к крайне натянутым отношениям. Фюрер заметил мне, что хочет отправить Йодля в отставку. Напряжённость была настолько сильной в тот момент, что, насколько я помню, фюрер отказался от совместных посещений офицерского клуба оперативным штабом и высшим командованием и даже стал принимать пищу в одиночестве. Довольно долгое время, несколько месяцев, он отказывался пожимать руку этому господину. Это иллюстрирует насколько сильным была напряжённость.

В качестве преемника Йодля уже был выбран Паулюс[322], фюрер имел к нему особое доверие. Но почему-то эта перестановка не произошла, не знаю почему именно. Я полагаю, что снова, несмотря на всю напряжённость, решающим фактором для фюрера было то, что для него было сложно видеть новые лица в своём окружении. Он предпочитал работать с теми людьми из своего окружения которые ему не нравились нежели менять их.

Однако с течением лет, его доверие к тактическим способностям Йодля значительно выросло, он полностью доверял ему в сфере тактики. Личные отношения обоих господ никогда не были очень близкими.

Экснер: Вам известно, что в особенности в феврале 1945, рассматривался выхода из Женевских соглашений? Вам известно отношение Йодля к этому вопросу?

Геринг: Видимо это могло быть в феврале 1945, когда министр Геббельс внёс это предложение фюреру. Это предложение встретило сильнейшую оппозицию всех нас. Несмотря на это, фюрер возвращался к нему снова и снова, и считанные дни

---

[322] Фридрих Паулюс (1890 — 1957) — немецкий военачальник (с 1943 года — генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом. Один из авторов плана Барбаросса.

оставались до выхода из конвенции. Причина была довольно странной, в связи с тем, что на Западе было слишком много дезертиров и войска были настроены сдаваться слишком легко. Мнение фюрера заключалось в том, что если бы в войсках знали, что в плену их больше не защищает Женевская конвенция, они бы дрались яростнее и не поддавались распространению вражеской пропаганды, говорившей о том, как хорошо с ними будут обращаться, если они сдадутся. Объединенными усилиями, в которых конечно, участвовал Йодль, фюрера удалось разубедить аргументацией о том, что такая мера вызовет только сильное волнение в немецком народе и беспокойство за своих родственников в плену.

Экснер: Еще один вопрос. Перед началом норвежской кампании Йодль записал в своем дневнике, это уже упоминалось: «Фюрер ищет повода». Но это неправильно. В оригинале написано «обоснование». Итак, в какой степени фюрер тогда искал обоснование?

Геринг: Я тоже очень хорошо помню этот момент и следовательно, я могу заявить под присягой, что использование слова «обоснование» или «повод» абсолютно здесь не к месту. Дело было так:

Фюрер точно знал, и мы тоже хорошо знали, и имели достаточно обширные разведывательные и достоверные доклады подтверждавшие, что Норвегия будет оккупирована союзниками, Англией и Францией. Я недавно отмечал это. Для того, чтобы предотвратить это, фюрер захотел действовать первым. Он говорил о том факте, что для нас обоснование англо-французской атакой было ясным, но у нас не было достаточных подтверждений этому для остального мира. Гитлер объяснял, что он пытается найти этому доказательства. Было бы лучше, если бы Йодль записал, не то, что фюрер ещё искал обоснования, но согласно тому, что фюрер имел в виду, что фюрер пока искал убедительные доказательства для остального мира. Такие, какие были у нас. Это один момент. Второй момент заключался в следующем, министерство иностранных дел для таких шагов должно было провести необходимую подготовительную работу включавшую подготовку нот. Однако в случае с Норвегией, фюрер уведомил министерство иностранных дел только за 24 или 48 часа. Тогда, он вообще не хотел никого информировать, чтобы сохранить операцию в максимальной тайне. Я помню, что я как главнокомандующий воздушных сил, был проинформирован об этом плане очень поздно. Секретность являлась второй причиной, почему он лично был озадачен поиском обоснований. Существовали две таких причины. Было бы сказано более ясно, если бы он сказал о том, что фюрер искал доказательства, нежели обоснования.

Экснер: Если я правильно понял, вы имеете в виду доказательства показывающие, что британцы планировали оккупировать Норвегию?

Геринг: У нас был доклад, но окончательные письменные доказательства мы получили позже.

Экснер: У фюрера были сомнения на этот счет?

Геринг: Ни на секунду ни у кого из нас не было никаких сомнений в этом. Мы позднее получили доказательства.

Кубушок: Верно то, что Гитлер уполномочил вас вести все переговоры для цели формирования правительства под руководством Гитлера как это случилось 30 января 1933, то есть, только у вас было поручение на это?

Геринг: Верно, я недавно заявлял об этом.

Кубушок: Верно то, что вы впервые поговорили с фон Папеном о формировании правительства в январе 1933?

Геринг: Я впервые поговорил с Папеном в воскресенье, за 8 дней до формирования правительства, в доме Риббентропа.

Кубушок: Значит если бы Папен вёл переговоры по поводу формирования нового правительства между 4 января, днем встречи с Гитлером в доме барона Шрёдера[323], и 22 января то он должен был делать это через вас, и вы бы знали об этом.

Геринг: Это верно, потому что фюрер тогда находился в Мюнхене и я был уполномочен в Берлине на формирование правительства. Кроме того, еще не было столь очевидно в начале января, что в разумное время мы смогли бы сформировать правительство. Остальные переговоры, которые шли не имели к господину фон Папену никакого отношения.

Кубушок: Формирование нового правительства в середине января стало неизбежным для Гинденбурга, потому что Шлейхер не имел никакой парламентской поддержки и его попытки заручиться такой поддержкой путём переговоров с Грегором Штрассером о расколе НСДАП не удались?

Геринг: Мне кажется, что я уже в общем сказал, что Шлейхер не получил никакого парламентского большинства и его попытка расколоть партию провалилась, потому что фюрер немедленно устранил Штрассера, который в действительности не имел сторонников среди депутатов. Поскольку попытки Шлейхера получить большинство провалились, он вынужден был править без парламента, и это он мог сделать только благодаря чрезвычайным полномочиям предоставленным Гинденбургом. Поскольку раньше он сказал ему, что он получит большинство, рейхспрезидент отказал ему в передаче чрезвычайных полномочий, таких которые имел предыдущий кабинет Папена, и затем решил сделать то, о чем я уже говорил.

Кубушок: Верно, что фон Папен передал вам полномочия министра-президента Пруссии 20 апреля 1933, потому что на выборах в прусский ландтаг в марте 1933, НСДАП получила явное большинство в Пруссии, и ландтаг, следовательно, намерен был избрать вас министром-президентом?

Геринг: Это не совсем верно, так как прусский ландтаг тогда не мог избирать министра-президента. Но фактически НСДАП имела абсолютное большинство,

---

[323] Курт фон Шрёдер (1889 — 1966) — немецкий банкир, оказавший значительную финансовую поддержку Гитлеру и нацистскому движению, бригадефюрер СС. После войны немецким судом был приговорён к 3 месяцам ареста.

убедив фон Папена, в связи с моими совещаниями в Мюнхене обратиться к фюреру по собственной инициативе о том, что он согласен передать мне прусское премьерство.

Кубушок: Самый последний вопрос: вчера вы упоминали, что вы как главнокомандующий воздушными силами давали много помилований людям из Бельгии и Франции, которых приговорили за своё сопротивление. Верно то, что фон Папен по разным поводам передавал вам просьбы родственников тех, кого приговорили, и что делал он это по причине дальнейшей солидарности народов, он не хотел, чтобы в таких приговорах, даже если они были оправданы с военной точки зрения возникала обезличенность, и о том что вы выполняли пожелания фон Папена?

Геринг: Я просто помню, что по таким поводам, я помню одно дело, особенно известное имя было вовлечено, я получил просьбу господина фон Папена, о том нельзя ли дать помилование данному лицу. Это касалось человека приговорённого за свою помощь побегу вражеских летчиков. В этом случае я в значительной степени удовлетворил требование господина фон Папена. Я уже не совсем помню причины.

Баллас: Я прошу трибунал разрешить мне задать несколько вопросов свидетелю Герингу. Они касаются хорошо известного телефонного разговора от 11 марта 1938 между Берлином и Веной.

[*Обращаясь к свидетелю*] Верно, что доктор Зейсс-Инкварт, когда он был назначен австрийским государственным советником в июне 1937, посетил вас в Берлине вместе с государственным секретарем Кепплером[324]?

Геринг: Дату я не помню, но визит был, да.

Баллас: Доктор Зейсс-Инкварт тогда выражал идею, о том, что австрийская национал-социалистическая партия должна быть сделана полностью независимой от партии Рейха?

Геринг: Пожелания такого характера им обсуждались, так как он хотел иметь как можно меньше трений в своей работе в кабинете.

Баллас: Затем он в дальнейшем говорил, и я хочу, чтобы вы ответили, правильно ли это, что национал-социалистам следовало дать разрешение на активные действия в Австрии с целью создания настолько близких отношений между Австрией и Германией насколько возможно в рамках независимой Австрии.

Геринг: Что касалось партийных вопросов, я не помню, что именно обсуждалось. Схема сохранения Австрии независимой и сотрудничающей с Германией, часто защищалась Зейсс-Инквартом, и я недавно описывал это. Лично мне она не казалась достаточно широкой. Лишь потому, что я знал об этом отношении Зейсс-Инкварта,

[324] Вильгельм Кепплер (1882-1960) — немецкий государственный деятель, промышленник и дипломат. В 1936 г. стал советником Г. Геринга по вопросам четырехлетнего плана. Участвовал в подготовке и осуществлении аншлюса Австрии (1938); затем назначен на пост рейхскомиссара Вены. Американским трибуналом был приговорён к 10 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

я должен сказать откровенно, что я был немного разочарован его отношением к 11 и 12 марта, и поэтому поздно вечером состоялись эти телефонные переговоры, я послал Кепплера в Вену для того, чтобы ход аннексии шёл свои чередом. Я бы скорее послал кого-нибудь другого, потому что господин Кепплер был слишком слаб для меня, но в данном случае фюрер желал, что если, кто и будет послан, пусть это будет Кепплер.

Баллас: Верно, что Зейсс-Инкварт объяснял свое отношение, указывая на преимущество представления немецких интересов двумя государствами?

Геринг: Это совершенно верно, что он так говорил. Я отвечал, что у меня полностью противоположное мнение, что я предпочитаю, чтобы интересы немцев представляло одно государство, которое сможет действовать более энергично, чем два, так как второе может не идти в такт.

Баллас: 11 марта 1938, или в предыдущий день у вас были телефонные или иные переговоры с Зейсс-Инквартом?

Геринг: Насколько помню, но не могу сказать с уверенностью, мне кажется, в предыдущее воскресенье. То есть эти телефонные беседы были 11-го, пятница, в предыдущий понедельник или вторник я опрашивал его, или его людей, об их впечатлениях от Граца и Штирии. Я смутно помню это, но не могу сказать это под присягой.

Баллас: Документ номер PS-2949 представленный обвинением относительно беседы между Берлином и Веной в критический период марта 1938, показывает, что лишь во время беседы между доктором Дитрихом и государственным секретарем Кепплером, который находился в Вене от вашего лица, которая состоялась в 21 час 54 минуты, что только в этот день доктор Зейсс-Инкварт согласился на телеграмму, которую вы продиктовали заранее, переданную Кепплером. Был ли отдан приказ о вступлении в Австрию в тот момент.

Геринг: Я недавно это объяснял. Был отдан приказ вступить в Австрию, и он не имел к телеграмме никакого отношения. Не имело значения, согласится ли он. Ответственность за вступление оставалась на мне и фюрере.

Баллас: Значит верно, что вступление произошло бы и без телеграммы?

Геринг: Да. Конечно.

Баллас: В чём тогда заключался смысл телеграммы? Наверное, это имело какое-то отношение к внешней политике?

Геринг: Я уже подробно объяснял это.

Баллас: Свидетель, вы помните, что в ночь с 11 на 12 марта, государственный секретарь Кепплер от имени Зейсс-Инкварта обратился в Берлин с просьбой не входить в Австрию?

Геринг: Я помню это очень отчетливо, так как я был очень разозлен, что такая бессмысленная телеграмма, после всех приготовлений, должна была беспокоить покой измученного фюрера, за день перед его приездом в Австрию. Поэтому я

сильно отругал адъютанта фюрера и сказал ему, что такую телеграмму нужно было отдать мне. Из-за этого я отчетливо помню телеграмму и её бессмысленность.

Баллас: И результатом было то, что фюрер, если я правильно вас понял, дал категорический отказ на телеграмму?

Геринг: Он уже не мог дать отказ, потому что движение войск уже началось. Такое движение невозможно было остановить за час. Если войска в походе, для их остановки потребовались бы дни. В лучшем случае мы смогли бы остановить войска в какой-то точке пути. Это вообще не было в наших интересах, как я сказал. С этого момента, не Зейсс-Инкварт, а фюрер и я держали судьбу Австрии в наших руках.

Баллас: У меня осталось еще два вопроса относительно Нидерландов. Верно, что в дополнение к приказу фюрера принятому 18 мая 1940 назначавшему доктора Зейсс-Инкварта рейхскомиссаром Нидерландов, существовал неопубликованный приказ, которым Зейсс-Инкварт непосредственно подчинялся вам.

Геринг: По поводу секретного приказа мне ничего не известно.

Председатель: Задавайте вопросы медленнее. Вы видите, что мигает лампочка.

Баллас: Имел ли четырехлетний план своё независимое ведомство в Нидерландах?

Геринг: Я еще не ответил на ваш первый вопрос. Я понял, что вы должны были задать этот вопрос снова, но он не прошёл.

Баллас: Я, так понял, что суд подразумевал…

Геринг: Сейчас я вам на него отвечу. Об этом секретном приказе, я ничего не знаю. Это было бы бессмысленным, так как рейхскомиссар на оккупированных территориях не смог бы подчиняться отдельно мне. Но если это вопрос подчинения в экономическом вопросе, ясно, что рейхскомиссар находился, конечно же в подчинении моим приказам и директивам как и остальные важные ведомства Рейха.

На ваш второй вопрос, я могу сказать, что сегодня я не знаю в подробностях, имелись ли на оккупированных территориях, то есть, также в Нидерландах, были ли там и здесь непосредственные представители четырехлетнего плана, либо я использовал военного командира или экономическое управление рейхскомиссара на данной территории. Насколько я помню, не обращаясь к документам, в Нидерландах обстановка заключалась в том, что экономический советник или представитель рейхскомиссара, тогда Фишбок, что было логичным, исполнял экономические распоряжения четырехлетнего плана. Рейхскомиссар никогда бы не смог не исполнять приказы отданные мною. Он мог бы протестовать против них только мне или в крайних случаях фюреру, но это само по себе ни привело бы ни к какой задержке.

Баллас: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Трибунал откладывается.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 18 марта 1946*]

День восемьдесят четвёртый

Понедельник, 18 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Кубушок закончил перекрестный допрос?
Кубушок: Да, господин председатель.
Председатель: Хорошо. Желают ли защитники других подсудимых провести перекрестный допрос?
Краус: Профессор Краус за доктора Людингхаузена по поручению подсудимого фон Нейрата. Я прошу вашего разрешения задать несколько вопросов свидетелю

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, на Мюнхенской конференции Гитлер, предположительно, задал следующий вопрос: «Что случится если чехи не согласятся с оккупацией Судетов?» После чего Даладье ответил: «Тогда мы их заставим». Это верно?
Геринг: Этот вопрос затрагивался фюрером в ходе дискуссии. Премьер Даладье сказал, по сути, такими же словами или нет, нечто соответствующее смыслу данного заявления. Постольку поскольку я могу хорошо помнить, он подчёркнул, что теперь решение об этом достигнуто великими державами с целью поддержания мира, и этому миру не может угрожать новый отказ Чехословакии, в противном случае ни Англия ни Франция никак не будут чувствовать себя обязанными помогать Чехословакии, если Чехословакия не последует такому совету.
Краус: Свидетель, как долго вам известен господин фон Нейрат?
Геринг: Насколько припоминаю, я недолго видел господина фон Нейрата, когда он был немецким послом в Дании в 1919. Позднее я встретил его снова, прямо перед захватом власти, и мне кажется, коротко с ним поговорил, мои близкие отношения и знакомство появились после захвата власти.
Краус: У вас есть какие-нибудь личные сведения о его деятельности в качестве посла в Лондоне?
Геринг: Это верно. Я не знал о его работе ранее, потому что даже в былые времена, то есть с 1931 и 1932, до того как господин фон Нейрат стал министром иностранных дел, в обсуждениях о возможном формировании кабинета, мы также рассматривали имя господина фон Нейрата в качестве кандидата, даже при том, что он не принадлежал к партии. В качестве основного соображения в связи с этим играла роль его должность посла в Англии, поскольку мы, то есть и Гитлер и я, имели мнение, что отношения господина фон Нейрата с английским правительством были очень хорошими и, что господин фон Нейрат мог быть важным фактором в

этой сфере хороших отношений с Англией, что в первую очередь принималось во внимание фюрером.

Краус: Значит можно полагать, что господин фон Нейрат проводил политику мира и взаимопонимания с Лондоном?

Геринг: Да, вы можете точно полагать это.

Краус: Да, и вы можете мне сказать, прилагал ли, помимо этого, господин фон Нейрат усилия качестве министра иностранных дел для продолжения этой политики мира и взаимопонимания?

Геринг: Когда рейхспрезидент фон Гинденбург поставил условие, которое я уже упоминал, о том, что господин фон Нейрат должен стать министром иностранных дел, фюрер полностью с этим согласился, потому что он понимал, что задача создания хороших отношений с Англией и Западом находилась в хороших руках. Господин фон Нейрат всегда прилагал усилия для этого.

Краус: Я хочу рассмотреть ещё одну серию вопросов.

Вы присутствовали на заседании рейхскабинета 30 января 1937, в ходе которого Гитлер вручил золотой партийный значок тем членам правительства, которые не были членами партии, в том числе господину фон Нейрату?

Геринг: Да, присутствовал.

Краус: И вам известно, что по этому случаю Гитлер заявил о том, что это было чисто признание заслуг подобное пожалованию ордена, и что эти господа соответственно не стали членами партии и не имели никаких обязательств перед партией?

Геринг: Я бы так не сказал. Фюрер выступал спонтанно, поскольку это была годовщина захвата власти, и он сказал, что его намерением было продемонстрировать своё доверие к тем членам рейхскабинета которые не принадлежали к партии. Мне кажется, он использовал слова: «Я хочу попросить их принять этот партийный знак». Тогда он сказал, что по его мнению, это была награда, и он намеревался, как он и сделал позднее, установить степени данной награды. Первая степень награды была золотым значком партии. Затем, ввиду спешки момента он подходил к разным министрам, и вручал им эти значки. Делая это, он никак не отмечал, что этим они должны считать себя членами партии, как и не подчёркивал, что они не были членами партии.

Когда он подошел к господину фон Эльц-Рюбенаху, этот господин спросил, должен ли он теперь отчасти отстаивать антирелигиозную линию неких партийных кругов, или что-то подобное. Фюрер замешкался на минуту и сказал: «Значит, вы не желаете принять его?» - на это господин фон Эльц ответил: «Я не хочу этого сказать. Я просто хотел оставить для себя некоторую свободу». Фюрер опешил, немедленно развернулся и вышел из кабинета.

В этой связи неправильно, как утверждается, что господин фон Эльц добровольно подал в отставку из-за этого. Я сразу пошел за фюрером и чувствовал,

как и все другие господа, что этим инцидентом фюрер был оскорблен, поскольку членство в партии даже не упоминалось. В дополнение, и это очень важно, фюрер уже рассматривал план разделить министерство транспорта и воссоздать старое министерство почты и назначить железнодорожного эксперта Дорпмюллера[325] в министерство транспорта. Фюрер ранее говорил мне об этом, так как он оставил на меня сказать об этом фон Эльцу, в дипломатичной манере, я воспользовался этой возможностью и пошел к господину фон Эльцу и сказал: «Ваше поведение было недопустимым и я думаю, что единственный выход для вас немедленно подать в отставку». Он сказал: «Я не имел этого в виду», и не собирался подавать в отставку прямо сейчас. Тогда я резко попросил его, сделать это до вечера. Я также послал к нему государственного секретаря Мейснера, чтобы тот объяснил, что для него было бы предпочтительнее вручить свою отставку немедленно, особенно в виду этого, и я поручил ссылаться на разделение министерства.

Вот, что произошло на том заседании относительно золотых партийных значков.

Краус: Свидетель, вы присутствовали, когда Гитлер, вечером 11 марта 1938 рассказывал господину фон Нейрату в рейхсканцелярии о вступлении войск в Австрию, и проинформировал его о причинах такого шага, а также попросил его проинформировать об этом министерство иностранных дел, поскольку он должен был уезжать.

Геринг: Я уже отмечал в замечаниях об Австрии, что министр иностранных дел фон Риббентроп отсутствовал. Поскольку фюрер делегировал мне представлять Рейх, я попросил его сказать господину фон Нейрату, чтобы он тогда помог своими знаниями во внешнеполитических вопросах в это время. Соответственно, мне кажется, после этого господина фон Нейрата попросили прибыть в рейхсканцелярию этим же вечером, и фюрер сказал ему в общих чертах то, что вы только, что сказали. Дело заключалось в том, что если бы мне, он должен был консультировать меня по внешнеполитическим вопросам, поскольку отсутствовал министр иностранных дел, а у меня не было опыта отвечать на дипломатические ноты, и поскольку ожидались внешнеполитические действия в духе протестов и нот, по крайней мере, в отсутствие фюрера.

Краус: Значит можно сделать вывод о том, что господин фон Нейрат не являлся заместителем министра иностранных дел, но только в его отсутствие был своего рода вашим советником?

Геринг: Он не являлся заместителем министра иностранных дел, это никак не соответствовало ни его должности, ни рангу. Заместителем министра иностранных дел был действующий государственный секретарь.

---

[325] Юлиус Дорпмюллер (1869 — 1945) — государственный деятель Германии. Министр путей сообщения Германии в 1937-1945.

Краус: Фон Вайцзеккер[326]?

Геринг: Мне кажется, тогда это был господин фон Макензен[327], он также пописывал текущую корреспонденцию в отсутствие министра иностранных дел. Господин фон Нейрат был только моим советником по таким вопросам внешней политики, которые могли возникнуть в связи с австрийским вопросом.

Краус: Вам известно о протесте британского посла от 11 марта 1938, который был адресован, достаточно странно, господину фон Нейрату и в котором британский посол протестовал вступлению войск?

Геринг: Это вообще не странно, так как в вечер выступления войск, я лично, как я уже объяснял, 2 часа беседовал с английским послом и сказал ему, о том, что фюрер завтра отправляется в Австрию, что я управляю Рейхом и для этих целей попросил господина фон Нейрата в качестве своего внешнеполитического советника, так как сэр Невил Гендерсон уже намекнул мне, что это не останется без протеста. Таким образом, британский посол уже получил информацию об этом за сутки до начала. Этим объясняется тот факт, что он обратился к господину фон Нейрату, потому что я сказал ему: «Если вы будете обращаться ко мне со своими старыми нотами протеста, я особо много с ними не сделаю»

Краус: Господин фон Нейрат, после того как министр иностранных дел сформулировал ответ на протест, уведомил вас по телефону об этом ответе, и спросил, подпишите ли вы его, как заместитель Гитлера?

Геринг: Да, конечно, я был заместителем главы государства. Он проинформировал меня об ответе и само собой, я должен был сказать ему: «Подпишите вы», так как в качестве заместителя главы государства я мог не подписывать никакие дипломатические ноты.

Краус: Спасибо.

Серватиус: Свидетель, насколько подробно политическое руководство заранее информировалось о внешнеполитических намерениях фюрера?

Геринг: «Политическое руководство» это очень сложное понятие. Это включает в себя всех, начиная от рейхсляйтера до блокляйтера или целленляйтера. Инструктирование всей структуры политического руководства относительно вопросов внешней политики, вполне естественно и понятно никогда не проводилось, и не могло проводиться до тех пор, пока фюрер публично не высказывался о своих главных внешнеполитических намерениях для всей нации, в Рейхстаге или по радио. Высшие чиновники политического руководства, например, рейхсляйтеры и гауляйтеры также никогда не созывались группой для информирования о политических намерениях фюрера, которые не должны были

---

[326] Эрнст фон Вайцзеккер (1882 — 1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. Государственный секретарь министерства иностранных дел Германии в 1938-1943. Американским трибуналом был приговорен к 7 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

[327] Ганс Георг фон Макензен (1883 — 1947) — немецкий государственный деятель. Группенфюрер СС (1942). Государственный секретарь МИД Германии в 1937- феврале 1938.

подлежать огласке.

Он мог лично указывать на свои намерения тем или другим политическим руководителям, которые одновременно занимали другую государственную должность, или тем, кто по каким-то причинам пользовался его особым доверием, я должен еще подумать могло ли так обстоять дело. Разумеется, он не делал этого с каким-нибудь подразделением или подчинённым отделом. В своих речах к гауляйтерам после происходивших событий, он просто ссылался на события в ретроспективе и объяснял и излагал свои политические намерения, которые, однако, уже по факту были реализованы.

Серватиус: У меня больше нет вопросов.

Хорн[328]: Свидетель, вам известно в какой мере фон Риббентропа информировали о военных планах и намерениях как министра иностранных дел?

Геринг: Я не знаю точных деталей. В целом схожие принципы применялись и здесь, чтобы были информированы только те компетентные чиновники, постольку поскольку их касались эти намерения, особенно в случае военных намерений. Но о том насколько много фюрер, время от времени говорил фон Риббентропу о своих военных планах, мне не известно.

Хорн: Верно то, что Гитлер устанавливал руководящие принципы во всей политике, включая внешнюю политику?

Геринг: Само собой. Внешняя политика, прежде всего, являлась собственным представлением фюрера. Под этим я подразумеваю, что с одной стороны внешняя политика и руководство вооруженными силами с другой, привлекали наибольший интерес фюрера, и являлись предметом его основной деятельности.

Хорн: Из этого следует вывод, что он также очень сильно интересовался деталями внешней политики?

Геринг: Он занимался исключительно такими деталями, как я только, что сказал, и с особенно большим интересом в обеих этих сферах.

Хорн: Гитлер прямо проинструктировал вас держать в тайне меморандум о Польше от 30 августа 1939?

Геринг: Прямо он меня не инструктировал. Я не знаю, знал ли он о том, что он находился у меня в кармане. Но в целом он дал такие инструкции поскольку он, проинструктировал того, кто мог бы его вручить, а именно фон Риббентропа, не вручать его, таким образом на самом деле, я вручил этот меморандум вопреки прямому приказу фюрера, что означало риск, который вероятно только я, не поймите меня неправильно, в одиночку мог позволить.

Хорн: Несколько дней назад, вы упоминали различия во влияниях различных личностей на Гитлера. Вам известны, какие-либо факты, из которых можно сделать вывод о том, что Риббентроп не имел достаточного влияния на фюрера с целью изменить решения ранее принятые им?

[328] Мартин Хорн (1911-1960) – защитник подсудимого Й. фон Риббентропа в Международном военном трибунале.

Геринг: Что касается влияния на Гитлера, на фюрера, это проблематичный вопрос. Сначала я хочу ограничиться вопросом о влиянии господина фон Риббентропа. Господин фон Риббентроп определенно не имел влияния в том смысле, что он мог изменить позицию Гитлера в каком-нибудь направлении. В какой мере аргументация объективного характера могла явно повлиять на те или иные действия фюрера в области внешней политики, или отказаться от чего-то, или изменить это, полностью зависело от силы аргументов и фактов. В какой мере это иногда играло роль, я не могу сказать, я не присутствовал на 99 процентах совещаний фюрера с господином фон Риббентропом. Но господин фон Риббентроп никогда не имел такого влияния, чтобы сказать: «Делайте так» - или - «не делайте этого, я считаю это ошибкой», когда фюрер был убежден в своей правоте.

Хорн: Вам известны факты или наблюдения, которые могли бы указать на наличие заговора в высших кругах правительства?

Геринг: Заговор можно интерпретировать по-разному. Заговоры естественно не имели места в том смысле, что люди тайно собирались вместе и обсуждали обширные планы в темноте и уединении. Что касается заговора в том смысле, что фюрер проводил крупные совещания и как результат этих совещаний решалось о совместных мероприятиях, можно говорить о заговоре только в такой мере, и я снова прошу не понять меня неправильно, это имело местом между фюрером и мной, скажем, до 1941. Никого близко не было, кто мог бы настолько тесно работать с фюрером, кто был настолько знаком с его мыслями и кто имел такое же влияние как я. Следовательно, только я и фюрер могли составлять заговор. Определенно в отношении других такой вопрос не стоял.

Хорн: Американская военная пропаганда постоянно говорила о немецких агрессивных намерениях в западном полушарии, Что вам об этом известно?

Геринг: Западное полушарие? Вы имеете в виду Америку?

Хорн: Да.

Геринг: Даже если бы Германия полностью доминировала над народами Европы, между Германией и американским континентом существует, насколько позволяют мои географические познания, мне кажется приблизительно 6000 километров воды. В виду малочисленности германского флота и достойному сожаления отсутствию бомбардировщиков способных пролететь такое расстояние, о чём я уже говорил, вопрос угрозы Америке не стоял, наоборот мы всегда боялись опасности, и мы были бы рады если бы нам не пришлось с ней столкнуться.

Что касается Южной Америки, я знаю о том, что нас всегда обвиняла, по крайней мере пропаганда, в экономическом проникновении и попытках доминировать там. Если учитывать финансовые и коммерческие возможности Германии, которые были у нее до и во время войны, по сравнению с такими же возможностями Великобритании или Америки, можно понять всю несостоятельность такого заявления. Имея столь мало валюты и огромные

экспортные проблемы, мы никогда не могли составлять реальную опасность или конкурировать. Если бы так обстояло дело, отношение южноамериканских стран предположительно было бы другим. Там правила не марка, а доллар.

Хорн: Спасибо.

Симерс: Обвинение представило дневник генерала Йодля под номером документа PS-1809. В этом дневнике есть две записи первой половины 1940 о которых я хочу вашего мнения. Обе записи касаются России, в то время, когда Германия и Россия находились в дружественных отношениях.

Я хочу сказать заранее, что суть намерений, которых касаются эти записи, звучит достаточно фантастической, и вот почему я интересуюсь вашим мнением, как главнокомандующего воздушными силами.

Я цитирую первую запись, датированную 13 февраля 1940:

> «Узнал от адмирала Канариса о том, что эскадрилья Ревеля должна быть использована в полную силу в направлении из Болгарии на Кавказ. Воздушные силы должны объяснить от кого исходит эта ложная идея»
>
> Вторая запись в мае 1940 говорит о следующем, я цитирую дословно:
>
> «Фюрер отверг запрос воздушных сил о размещении поста прослушивания на Кавказе»

Я хочу, чтобы вы сказали мне, чем вы руководствовались в этих планах как главнокомандующий воздушными силами, и какие факты легли в основу этих соображений.

Геринг: Если эти записи были сделаны на основании доклада адмирала Канариса, который являлся начальником внешней разведки, и если они были записаны Йодлем в связи со специальной эскадрильей дальней разведки Ревеля, то из-за предыдущей связи с этой эскадрильей, которой он лично ставил задачи разведки и шпионажа, то, что он слышал о моем намерении использовать её, было тем, что я особенно хотел сохранить в тайне. Видимо он проинформировал об этом высшее командование вооруженных сил, где эту акцию, или планируемую акцию, совершенно не так поняли и не смогли понять.

Моё намерение в связи с этим, и я лично приказал об этом, было совершенно ясным. Заявление о том, что она должна была проводить разведывательную работу на или в направлении Кавказа не совсем верное. Было бы гораздо правильнее сказать в направлении Кавказа, Сирии и Турции. Но эта ошибка могла появиться в отчёте переданном Канарисом.

Я получал все больше и больше докладов разведки о том, что из Малой Азии должны быть предприняты действия против русских нефтяных месторождений Кавказа–Баку, и похожие действия с целью сильно подорвать поставки нефти из Румынии в Германию.

Как главнокомандующий воздушными силами я больше всего был заинтересован в получении румынской нефти, также как и кавказской, более чистом керосине и бензине согласно торговому соглашению с Россией, потому что тогда перерабатывающие заводы еще не были закончены и не работали в полном объеме. Беспокойство в любом из этих регионов снабжения могло бы отрицательно повлиять на мои воздушные силы. Следовательно, я должен был очень внимательно за этим следить. Я ожидал нарушения работы нефтяных районов Кавказа.

У меня были донесения агентов проверенные самыми надёжными людьми которые выяснили, что в Сирии действительно формировалась армия в подчинении генерала Вейгана[329], которая называлась «восточная армия». Однако я был более заинтересован в концентрации эскадрилий самолетов в сирийском районе, не только французских, но также и английских эскадрилий. Насколько я помню, я получил эти донесения о планах франко-британских воздушных эскадрилий от агентов в Турции, то есть от турок, потому что были переговоры с Турцией относительно разрешения на пролет над её территорией для того, чтобы осуществить план англо-французских воздушных эскадрилий внезапно бомбить район Баку и соответственно сильно повредить русским нефтяным месторождениям и прервать поставки в Германию.

Таким образом, я вынужден или даже был обязан постоянно выяснять, с помощью полетов дальних разведчиков, степень в которой аэродромы в Сирии стали более активными, чем раньше. Другой причины для концентрации самолетов быть не могло, поскольку в тот момент там не существовало театра военных действий или угрозы от Германии. Напротив, было бы понятно, если бы все британские и французские самолеты были необходимы непосредственно во Франции и Англии.

Таким образом, если бы мои дальние разведчики установили факт, того, что аэродромы в Сирии используются сильнее чем обычно, и далее подтвердилось, что возросли возможности аэродромов на востоке Турции это бы на самом деле являлось подтверждением предполагаемых планов. В этом случае, как только я полностью убедился в этом, я должен был доложить фюреру, о том, что Германия должна обратить внимание России на угрожавшую ей опасность.

Создание постов прослушивания, не на Кавказе, но перед Кавказом, естественно служило этой же самой цели, а именно тому, что разместив секретные радиостанции вдоль основной линии полета, Сирия-Кавказ, Сирия–Баку, восточная Турция–Баку, одну, две или три, для того, чтобы установить проводятся ли подготовительные полеты французских и английских воздушных сил, то есть, разведка нефтяных промыслов и т.д, для того, чтобы собрать таким способом больше информации.

Поскольку тогда я ещё не имел решительных и окончательных

[329] Максим Вейган (1867 — 1965) — французский военный деятель. В 1939-1940 начальник восточно-средиземноморского командования Франции.

доказательств в своих руках, я держал это при себе и рассматривал это только в ведомствах ответственных за мой участок воздушных сил, до тех пор пока я не мог получить ясную картину. Лишь позднее, после завершения французской кампании, абсолютное подтверждение этих намерений было обнаружено в секретных донесениях французского генерального штаба и из совещаний объединенного верховного военного совета Англии и Франции, которые полностью подтвердили, что моя информацию была совершенно верной и о том, что был готов план неожиданной бомбовой атаки на все русские нефтяные промыслы. Между тем подтверждение плана уничтожения румынских нефтяных промыслов, уже известное нам, было доведено до румынского правительства и эту атаку на нейтральную Румынию тогда предотвратили.

Симерс: Я понял вас правильно, не так ли, что эти планы разрабатывались как Англией, так и Францией?

Геринг: Да.

Симерс: И о том, что разведывательные данные полученные вами были о том, что атаки на нефтяные промыслы планировались непосредственно против тогда нейтральной России, а также косвенно Германии отрезав её от поставок нефти?

Геринг: Конечно.

Симерс: Спасибо.

Бём: Свидетель это, правда, как утверждает обвинение, что вы являлись рейхсфюрером СА?

Геринг: Я не являлся рейхсфюрером СА, такого звания никогда не существовало. В 1923, 9 ноября я был командиром СА, которые тогда существовали в Баварии и в небольшой степени в Вюртемберге.

Бём: Согласно этому, как долго вы являлись командиром СА?

Геринг: Я только, что сказал вам, до ноября 1923.

Бём: С 1921?

Геринг: С начала 1923.

Бём: В чём заключалось ваше влияние до и после 1923 соответственно в отношении руководства СА, индоктринации людей и отдачи приказов?

Геринг: Пожалуйста, повторите вопрос.

Бём: В чём заключалось ваше влияние до и после 1923, относительно руководства СА, индоктринации членов СА и принятия приказов?

Геринг: С начала 1923 до 9 ноября 1923 мое влияние было абсолютным и полным, то есть, я непосредственно командовал СА. После 1923 я больше не имел никакого отношения к СА.

Бём: Как это было до 1923, отношения до 1923 были такими же, как и после 1923?

Геринг: Прошу прощения?

Бём: Было ли ваше отношение к СА одинаковым до 1923, таким же и потом?

Геринг: Я объяснял очень четко. До ноября 1923 я был командиром СА с полной

властью и отдавал приказы. После 1923 я не имел к СА никакого отношения, что касалось приказов, но я был только, я не знаю с какого года, наверное, с 1936 или где-то так, связан с СА в почётном качестве, но без конкретных полномочий. Кроме этого у меня было повода.

Бём: В ходе ваших показаний на прошлой неделе, в связи с людьми из СА, вы сказали, что они всегда были готовы приносить великие жертвы. Теперь я хочу, чтобы вы сказали, в чём заключались эти жертвы.

Геринг: Жертвы мужчин СА были такими: они без вознаграждения отдавали почти все свое свободное время движению, они жили без семей или отдыха, поэтому в трудное время нашей борьбы за власть они всегда находились в распоряжении партии для избирательных кампаний, продолжительных парадов, защиты митингов, и т. д. В моих глазах это существенные жертвы, если учитывать, что большинство членов СА были рабочими и мелкими служащими, которым требовалось ещё больше времени для отдыха, но которые всегда были готовы полностью быть в распоряжении партии и работать ради своих политических идеалов согласно своим политическим убеждениям.

Бём: Этим людям обещали материальные преимущества?

Геринг: Вообще нет.

Бём: Верно, что в особенности после захвата власти множество коммунистических агитаторов записались в СА?

Геринг: Пожалуйста, повторите вопрос.

Бём: Верно, что в особенности после прихода к власти, большое число коммунистов смогло записаться в СА?

Геринг: Это был очень примечательный и жизненно важный вопрос. Так как после захвата власти против коммунистической партии были проведена силовая акция, которую они логически ожидали, ряд членов боевой организации Красного фронта вступил в СА, в особенности это было проще в крупных городах. Это было ещё проще, потому что тогдашний глава СА, Рём, без разбора признавал членами СА или принимал в СА людей, которые не обязательно должны были быть членами партии как того требовалось. Следовательно, любой мог стать членом СА не состоя в партии.

В это же самое время Немецкая национальная партия Гугенберга также создала политическую боевую организацию, которая называлась «Зеленые рубашки». Этих тоже надо было принять в СА, также как «Stahlhelm», так как сами по себе они не имели смысла.

Я лично помню, один день, когда 400-500 таких людей собрались на Вильгельмштрассе, чтобы вступить в СА. Я увидел этих людей из своего окна и определенно заметил, что в этом участуют элементы которые не относились к ним. Я немедленно вызвал полицию и провёл проверку. Девяносто восемь процентов этих людей держали в карманах членские билеты коммунистического Красного

фронта.

Председатель: Доктор Бём, трибунал считает, что все это кумулятивно тому о чём говорил подсудимый в допросе защитником. Он представил нам длинный отчёт о СА в своем допросе защитником. Он не добавляет ничего нового тем, что сейчас говорит.

Бём: Согласно обвинению, оно утверждает, что СА состояли из гангстеров-террористов. Я считаю свои долгом исправить или прояснить это заявление в этой связи спрашивая…

Председатель: Это не имеет никакого отношения к тому, что я сказал. Может быть обвинение это сказало. Наверное, так и есть. Я указал на то, что подсудимый Геринг разбирает те доказательства которые уже дал. Трибунал не намерен заслушивать одни и те же доказательства дважды.

Бём: Да, возможно это относится к моим первым трем вопросам.

[*Обращаясь к свидетелю*] Далее я хочу спросить, каким образом вы влияли на СА в связи с Версальским договором? Вы рассказывали людям о том, что Версальский договор должен быть аннулирован дипломатическими средствами или войной?

Геринг: На этот вопрос крайне сложно ответить. Если я произносил речь перед членами СА в 1923, я немного мог говорить о дипломатии. Они бы этого не поняли. Скорее стоял вопрос о том, как избавиться от Версаля. Обычного человека в СА вообще не касались вопросы «как» или «что». Это задача руководства. Я не говорил: «Я обещаю, что у вас никогда не будет войны», или о том, что мы будем исключительно пацифистской организацией, и что мы должны избавиться от Версаля только путем протестов. Как и не говорил им: «В следующие несколько лет мы выступим и начнём войну». В реальности я ничего им не говорил. Я говорил о том, что они, должны быть преданы и доверять руководству, и оставить эти заботы руководству, что было правильным и основополагающим отношением, каждый член СА знал об этом из наших речей и из партийной программы. У всех людей было желание, я надеюсь, у каждого достойного немца избавится от Версаля.

Бём: Согласно вашим сведениям, и отчасти из периода 1923, с 1921 по 1945, являлись СА или орган СА, то есть, руководство СА также как и обычные члены, информированными о том, что НСДАП намерено после захвата власти доминировать над другими государствами и с этой целью начать войну, пренебрегая если потребуется правилами войны и законами гуманизма?

Геринг: Я не совсем знаю, что представляют под руководством СА и всеми СА. Совершенно возможно, что любой должен был встать и сказать: «Слушайте, мы хотим: (1) победить и покорить, и доминировать над всеми остальными государствами; (2) непрерывно вести войну; (3) уничтожать всё и действовать настолько негуманно насколько возможно; и (4) соответственно не обращать никакого внимания на законы войны.

Я не могу представить, чтобы кто-то за исключением сумасшедшего человека, делал такие заявления перед СА или перед любым другим. СА никогда никак политически не инструктировались. Говорили: «Вы выступаете завтра, и затем после раздачи листовок, потом…», как я это уже объяснял.

Бём: В период захвата власти происходили различные эксцессы со стороны СА. Это являлось вопросом действий отдельных лиц, или это происходило в соответствии с указаниями руководства СА?

Геринг: Мне кажется, ни в одном случае, согласно инструкциям от средних или даже высших руководящих ведомств СА. В организации с миллионом молодых членов всегда будет определённый процент скандалистов, особенно в крупных городах. Как я уже говорил, в организации имелось значительное количество провокаторов, что соответственно приводило к отдельным эксцессам со стороны отдельных лиц или групп единомышленников, что было совершенно неизбежно.

Бём: Руководство СА, когда-нибудь санкционировало отдельные действия своих членов?

Геринг: Я уже заявил, что я лично имел мало общих дел с руководством СА, но я так не думаю.

Бём: Верно, что полиции было запрещено предпринимать меры против таких эксцессов отдельных членов СА?

Геринг: В начале такого вообще не было. Под этим я имею в виду, что наоборот, полиция имела приказы предпринимать самые решительные меры в таких случаях, и конкретно полицейский комиссар Берлина, который не состоял в партии, адмирал фон Леветзоф, отставник, действовал здесь очень энергично. Возможно, в этом заключалась причина того, как мне кажется, что его уволил фюрер, 2 года спустя, в связи с жалобами на него гауляйтера Берлина Геббельса.

Бём: Как было потом? Если я правильно вас понял, вы сказали, что в начале так дело не обстояло, позже полиции запретили вмешиваться в случае эксцессов членов СА?

Геринг: Нет, таким образом это нельзя понимать. Насколько я помню, все время полиция вмешивалась в эксцессы отдельных членов СА. Ряд членов СА даже осудили.

Бём: В прусской полицейской системе, и в полиции других государств, использовались только члены СА или скорее было так, что все немцы, которые добровольно поступали на службу в полицию, опрашивались и согласно опросу принималось решение использовать их или не использовать?

Геринг: Производилась чистка полиции согласно нашим идеям, то есть, проводилось расследование, чтобы понять какие элементы были настолько сильно связаны с партией оппонентов, то есть с враждебными партиями, что их использование более не представлялось возможным. Этих людей мы устраняли. Но это был очень малый процент в сравнении с общим числом полицейских. Их

заменили и муниципальная полиция в частности, которая носила форму, увеличилась. Добровольные ходатайства об этом шли со всех сторон. Конечно, членам наших собственных организаций благоприятствовали, но взяли также ряд людей, которые не были в таких органзациях, и те, кто также приходил из организаций должны были проходить проверку на способность нести полицейскую службу. Многие из них не прошли испытание и не были приняты. Так было если рассматривать мое руководство полицией. О том, что происходило потом, я не могу вам точно сказать.

Бём: Верно, что после 1934, СА, кроме спортивной подготовки, в основном использовались для гражданской обороны, оцеплений по случаю маршей, уборки снега, расчистки завалов от бомб, и тому подобном?

Геринг: После 1934 значимость СА сильно снизилась. Это понятно, так как их главной цели после захвата власти больше не существовало. В полной мере они использовались в упомянутых вами целях. Затем во время войны они имели допризывные обязанности и после войны они должны были сформировать центр для бывших военных клубов. В этом заключалось намерение с целью создать для СА дальнейшую сферу деятельности.

Бём: Вам известно, что «Stahlhelm», по соглашению между фюрером и Зельдте, был принят в состав резерва СА?

Геринг: Да.

Бём: Верно, что после 1933, как и «Стальной шлем», верховые клубы того времени забрали в СА, в силу так называемых мер по унификации?

Геринг: Мне кажется это верно.

Бём: Руководство СА и его члены до или после 1933 в какое-либо время информировались о результатах совещаний кабинета, или принятых кабинетом решениях?

Геринг: Я уже сказал в своих общих замечаниях о том как следует относиться к руководству СА. Конечно, нет.

Бём: Обвинительное заключение говорит в связи с презентацией по обвинению в агрессивной войне и соучастии СА в такой войне о том, что СА принимали в этом участие тем, что до войны ежегодно обучали около 25 000 офицеров в специальных училищах. Вы точно должны, что-нибудь об этом знать?

Геринг: Подготовка офицеров вооруженных сил велась исключительно в собственных военных училищах вооруженных сил, и я не могу понять, как СА могли быть в состоянии с чисто технической точки зрения, и в связи с организацией, готовить офицеров вооруженных сил. В дополнение, мне кажется, что подготовка 25 000 офицеров в год значительно превышала количество офицеров необходимых для вооруженных сил. Было бы неплохо, если бы у нас было столько, но такое количество, в свете событий нескольких лет настолько же не правильное как и заявление о том, что СА должны были готовить офицеров. Подготовка офицеров

полностью и исключительно проводилась вооруженными силами.

Бём: Но, кажется людей готовили? Вам известно, где готовили людей и с какой целью? Вам, что-нибудь известно о фюрер-школах?

Геринг: Да, фюрер-школы были при каждой организации. Каждая организация имела свои школы, в которых обучали и готовили тех, кто в своих собственных рядах должны были занимать некого рода руководящие должности. Я могу лишь представить, что обвинение, наверное, перепутало или вероятно хотело сказать, что некоторые руководители СА получали некую начальную военную подготовку, обучаясь разбираться в картах или что-то в таком роде. Однако это не входит в мои сведения.

Бём: Могу я попросить вас объяснить отношение к СА или вооруженным силам Feldherrnhalle[330]? Существовало ли подразделение или полк под названием Feldherrnhalle? Чем он конкретно являлся?

Геринг: После того как фюрер разрешил СС иметь несколько рот в качестве боевых подразделений, и они действительно представляли собой военные подразделения, как например лейбштандарт[331], «Великая Германия[332]» и другие, руководство СА попросило разрешить иметь хотя бы одно подразделение которое можно было вооружить винтовками и легким оружием, как парадное подразделение, я могу сказать это подразделение называлось Feldherrnhalle. Лютце[333], тогдашний руководитель СА, предложил фюреру, чтобы я стал главой этого подразделения. Это почётная должность быть главой полка или части. Когда я впервые увидел это подразделение, мне кажется во время партийного съезда в Нюрнберге, оно меня обрадовало, потому что состояло из выдающихся, специально подобранных молодых людей.

На самом деле я довольно плохо отблагодарил СА за такую почесть, так как, увидев это превосходное подразделение, я распустил его спустя несколько недель его, и принял его в состав воздушных сил и сделал из него первый десантный полк. Таким образом, после недолгого существования, это подразделение просто стало подразделением воздушных сил, полком в воздушных силах. Из-за такой процедуры, неприятной для СА, мне кажется, спустя некоторое руководитель СА Лютце решил сформировать похожее подразделение под названием Feldherrnhalle и он собрал подразделение гораздо меньше, оно несло охрану верховного руководства СА и на этот раз он не сделал меня главой во второй раз.

Бём: Согласно моим сведениям, также как сведениям полученным мною лично от группенфюреров и обергруппенфюреров СА и другой информации которую я нашёл

---

[330] Штандарт СА «Фельдхернхалле» - караульное подразделение СА. В 1937 частично вошло в состав 7-й дивизии Люфтваффе. Несколько батальнов полка впоследствии вошли в состав подразделений сухопутных войск.

[331] 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» — элитное формирование войск СС, созданное на базе личной охраны Адольфа Гитлера.

[332] «Великая Германия» — элитное формирование Вермахта. Созданное на базе караульного батальона, за период своего существования было развёрнуто в танковый корпус.

[333] Виктор Лютце (1890 — 1943) — начальник штаба СА после убийства Эрнста Рёма в 1935-1943.

сам, Feldherrnhalle не был вооружен до включения в состав воздушных сил. Это верно?

Геринг: Нет не верно. Я думаю, но не могу сказать с уверенностью под присягой, что они незадолго до этого получили винтовки, но только винтовки. Но как я уже сказал, точно не знаю.

В этой связи, так как обвинение ссылалось на данный пункт, я хочу подчеркнуть, что этот полк уже предусматривался как десантный полк в плане «Зелёный». После мирного урегулирования плана «Зелёный», то есть, после мирного урегулирования судетского вопроса и в дальнейшем после оккупации Судетов, я собрал этот полк и высадил там как и планировалось заранее для проведения практических занятий и маневров. Это высадка во Фродентале которую называло обвинение. В момент высадки они уже носили голубую форму и являлись полком воздушных сил. Просто ради формальности, я пригласил руководителя СА Лютце посмотреть на демонстрацию.

Бём: В этой войне СА когда-нибудь играли стратегическую или тактическую роль в связи с развертыванием войск?

Геринг: Нет, СА как таковые никогда не использовались в бою внутри вооруженных сил, как СА или как подразделение СА, ни тактически, ни по-другому. Может быть ближе к концу определенные подразделения СА были в фольксштурме[334].

Бём: Верно, что СА, как части взаимодействующие с вооруженными силами, проводили оккупацию Австрии, Судетов и чешского государства?

Геринг: В случае Австрии, австрийские СА, которые были на месте не принимали участия в оккупации, так как они были призваны в немногих местах в качестве вспомогательной полиции. Действительно, так называемый Австрийский легион который находился в Рейхе, по моей прямой команде и прямому пожеланию Зейсс-Инкварта, удерживался у нас и не отправлялся домой, до момента полной стабилизации в Австрии. Он изначально прибыл из Австрии. Насколько далеко подразделения СА вошли в Судеты после передачи зоны Германии, мне неизвестно. Я слышал, что в этом участвовали судетские немцы, которым ранее пришлось бежать, и которые теперь возвращались. В связи с оккупацией остальной Чехословакии, я не могу представить, чтобы подразделения СА играли какую-нибудь роль во вступлении наших войск.

Бём: Члены СА могли знать о том, что согласно намерениям руководства СА их могли использовать для совершения преступлений?

Геринг: Я не совсем понял смысл вопроса?

Бём: Члены СА могли знать, что согласно намерениям руководства СА их могут использовать для совершения преступлений?

---

[334] Фольксштурм — отряды народного ополчения Третьего Рейха, созданные в последние месяцы Второй мировой войны для отражения натиска союзников на его территорию.

Геринг: Преступлений, никогда.

Бём: Итак, у меня последний вопрос, но мне кажется, что в определенном смысле вы уже отвечали на него. Члены СА знали или могли знать или им могли быть известны в какое-либо время, задачи и цели СА, чтобы они могли распознать намерение руководства СА или руководства штаба совершать преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности как сказано в обвинительном заключении?

Геринг: Я уже отвечал на это.

Председатель: Трибунал прервется на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Бём: Господин председатель, я хочу попросить разрешить мне задать еще один основной вопрос, а именно касающийся почетного руководства.

[*Обращаясь к свидетелю*] Существовало почётное руководство СА, например, обергруппенфюрер, группенфюрер, бригадефюрер, штандартенфюрер и штурмфюрер. Свидетель, я хочу попросить вас пояснить мне, в чём заключалось значение почетного руководителя в организации СА, что касалось обучения в СА и отдачи приказов СА, какого рода влияние он мог иметь?

Геринг: Почетные руководители СА назначались по любого рода поводам и мотивам. Они имели исключительно представительские функции, то есть, они принимали участие в церемониях в форме СА. Они никоим образом не являлись активными членами СА и не ставились в известность о внутренней деятельности СА, или об их операциях и других задачах. Их функция была чисто декоративной.

Меркель: Свидетель, можно говорить, что Гестапо в 1933 году, когда оно было создано вами, являлось национал-социалистическим боевым подразделением, или же скорее государственной организацией, такой, как, например, уголовная полиция или другие власти Рейха?

Геринг: Я уже отмечал, что это была чисто государственная организация, построенная на основе существовавших политических полицейских сил, которые просто были реорганизованы согласно новым государственным принципам. В то время оно не имело ни малейшей связи с партией. Партия не имела никакого влияния, никаких полномочий отдавать приказы или директивы любого толка, это было исключительно государственное учреждение, члены и сотрудники которого, являлись чиновниками со всеми правами и обязанностями.

Меркель: По вашим сведениям, положение как-либо изменилось со времени передачи государственной полиции Гиммлеру, до 1945?

Геринг: До 1934 она была именно такой, как я её описывал. Затем в ходе дальнейшего расширения, элемент СС, разумеется, становился сильнее и вероятно многие люди оттуда пришли в неё, но даже они, в то время все они должны были

проходить проверку, становились и оставались чиновниками. Позднее я слышал о том, что ничего не изменилось, что касалось такого официального характера, но постепенно с течением лет все чиновники, хотели они того или нет, как мне кажется, получили некие звания СС, таким образом сотрудник Гестапо, который вероятно до 1939 или 1940 не имел никакого отношения к СС и чья работа длилась со старых времён, то есть был сотрудником полиции Веймарской республики, автоматически получил звание СС. Но он оставался чиновником, то есть Гестапо было аппаратом для чиновников немецкой полиции.

Меркель: Вам известно о том, правда ли, что после захвата власти, Гиммлер, в его качестве полицейского комиссара Мюнхена, одновременно был главой политической и уголовной полиции Баварии?

Геринг: Насколько мне известно, и я уже объяснял это, Гиммлер прежде всего был полицейским комиссаром Мюнхена. Очень быстро, вероятно в течение одной или двух недель, он назвал себя командиром полиции Баварии. Затем в течение одного, полутора месяцев, всё это происходило очень быстро, он стал, как он себя точно называл я не знаю, фактически верховным полицейским начальником всех немецких провинций и вольных городов, за исключением Пруссии.

Меркель: Вы уже сказали о том, что сотрудников Гестапо брали в СС. Это происходило добровольно, или под неким принуждением со стороны полномочных руководителей сделать этих сотрудников частью СС?

Геринг: Мне кажется, я слышал это от отдельных сотрудников, которых знал ранее, что они должны были так делать. Их не брали в СС, но они получали официальное звание в СС. Это вероятно было идеей Гиммлера, чтобы СС и полицию, находившиеся под его руководством следовало объединить. Как он это организовал и как это осуществлялось в деталях я не могу сказать. Таким образом, я мог, вероятно, высказать здесь неверные вещи, но я сделал это как смог.

Меркель: Перед этим вы сказали, что сотрудников существовавшей тогда политической полиции работавших с 1933 года взяли в государственную полицию. Это происходило на основе добровольного заявления или им приказывали и переводили в отдельных случаях без их согласия?

Геринг: Вы не правы, когда говорите, что сотрудников бывшей политической полиции просто включили Гестапо, напротив, в данном секторе просеивание было очень резким, потому что это была политическая полицейская сила, и до этой поры в ней находились представители тех партий, которые были враждебны и оппозиционны нам. Их следовало удалить. Соответственно пришли новые люди, в особенности, так как её сила значительно возросла. Этих новых сотрудников брали из других полицейских подразделений из уголовной полиции или еще откуда-то, и, как я уже заявил, в некоторых случаях набирались сотрудники извне как новые рекруты и наших людей естественно принимали во внимание. В какой мере проводились обычные переводы, был ли господин Мюллер переведен из уголовной

полиции в секретную государственную полицию, и спрашивали ли его об этом, я на самом деле не знаю. Мне кажется, что нет. Я тогда уже оставил должность главы секретной государственной полиции. После того, как я дал основные директивы, меня не могли беспокоить проблемы отдельных сотрудников в уголовной полиции.

Меркель: Вам известен обергруппенфюрер Мюллер, начальника управления IV в главном управлении безопасности Рейха?

Геринг: Я знал его.

Меркель: Вам известно, что он и его непосредственные сотрудники пришли из баварской политической полиции, которая существовала до 1933?

Геринг: Я не знал этого, я знал только о том, что он пришёл из Баварии.

Меркель: Вам известно, что секретная государственная полиция не принимала участия в беспорядках 9 ноября 1938?

Геринг: Моё убеждение всегда заключилось в том, что она в них не участвовала. Я видел здесь документ, которым её инструктировали не вмешиваться. Мне не кажется, что она принимала участие.

Меркель: Если я правильно вас понимаю, вы недавно сказали, что 9 ноября, после вашего возвращения в Берлин, вы сразу вызвали начальника Гестапо. Вы вызвали его, только для того чтобы получить более точные сведения, или потому что вы думали, что Гестапо принимало более активное участие в этих беспорядках, организовывало их и осуществляло?

Геринг: Если бы я был убежден в том, что Гестапо инициировало беспорядки, я бы точно не просил у него информации. Я отдал приказ своим сотрудникам через полицию, и в данном случае через Гестапо, потому что они имели нужные связи, или уголовную полицию, для меня это было одно и то же. Я мог лично обратиться только к начальнику полиции которым был Гейдрих и сказал, что мне быстро требуется доклад о случившемся, доклад который просто расскажет о фактах.

Меркель: Верно, что когда вы передали должность начальника полиции Гиммлеру вы заявили о том, что жесткое обращение с заключенными недостойно немецкого чиновника, и что вы не замедлите жестко наказывать любых чиновников кто будет виновен в таких деяниях?

Геринг: Речь, которую я произнес по этому случаю известна, и она содержит данные места.

Меркель: Вам известно, что существовал приказ главного управления безопасности Рейха, то есть, изданный после вашей отставки, который запрещал любому сотруднику или служащему государственной полиции, под угрозой жесткого наказания бить заключенных или плохо с ними обращаться?

Геринг: Это возможно. После моей отставки я уже не знал о приказах.

Меркель: Задам вопрос от противного, вам известно о том, что никогда не существовало приказа грубо обращаться с заключенными или пытать их, как в то время, когда вы являлись начальником секретной государственной полиции так и

позднее?
Геринг: Я могу сказать с абсолютной уверенностью, что я не отдавал и не допускал никакого подобного приказа. Я уже не знаю, был или не был принят такой приказ позднее в других провинциях кроме Пруссии.
Меркель: Вам, известно, что-нибудь, что противоречило этим приказам, такие деяния регулярно имели место в Гестапо или даже, если такие деяния имели место, это имело отношение только к отдельным случаям или индивидуальным эксцессам?
Геринг: Тогда, когда я непосредственно был связан с Гестапо такие эксцессы, как я открыто заявил, имели место. Для того, чтобы наказывать за них, естественно нужно был узнавать о них. Назначались наказания. Сотрудники знали, что если они будут совершать такое, их ждет риск наказания. Я не могу сказать о том, существовала ли такая практика позднее
Меркель: У меня больше нет вопросов.
Бабель: Свидетель, одинаковые условия применялись к почётным фюрерам в СС, также как и в СА?
Геринг: Да, мне кажется так.
Бабель: Вы знакомы с директивами или другими нормами относительно назначения почетных фюреров?
Геринг: Нет.
Бабель: Возможно было отказаться от назначения?
Геринг: Мне кажется, да.
Бабель: Вам известно, в чём заключались причины разрастания Ваффен-СС в крупную постоянную организацию после 1939?
Геринг: Первые дивизии Ваффен-СС, которые состояли из тщательно отобранного человеческого материала, сражались в бою с выдающейся храбростью. Соответственно фюрер охотно согласился с предложением Гиммлера об увеличении числа дивизий. Армия, а также воздушные силы выразили своего рода протест, и совершенно правильно, потому что такое снятие сливок с лучшего добровольного материала означало, что мужчины такого типа, которые могли бы быть отличными офицерами, были потеряны как для армии, так и для воздушных сил, и поэтому они возражали этому расширению. Также, сначала фюрер не сильно склонялся к наличию вооруженных формирований ощутимого размера вне рядов вооружённых сил, но он уступал всё больше и больше. Когда проблемы пополнения стали ещё острее, поскольку война продолжалась, Гиммлер более или менее обманул фюрера заявлением о том, что он может создать большое количество дивизий СС, что это создаст большое притяжение для вербовки, и так далее. Это, конечно были хорошие новости для фюрера поскольку ему сильно нужны были новые войска. Но с точки зрения факта, уже тогда Гиммлер использовал совершенно разные методы, которые имели не сильно много общего с добровольной вербовкой, и он, прежде всего, создал на бумаге ряд новых дивизий СС. Тогда у него не было дли них людей. Тогда

он сказал фюреру: «Я перевёл своих лучших унтерфюреров из других дивизий СС в новые». По этой и по иным причинам, пополнение в людях не шло в армию и воздушные силы, в особенности воздушные силы, были теми кто ощутил этот удар. Теперь я должен был помогать пополнять эти дивизии СС людьми из наземных штабов и из противовоздушных батарей. Все это создавало разочарование у военнослужащих воздушных сил, потому что никто из них не хотел добровольно вступать в эти подразделения. Но в конце фюрер приказал, чтобы людей брали из резервных подразделений армии и, насколько я помню также из морских резервов. Я могу говорить только о том контингенте, который принудительно или по команде забрали из воздушных сил. Мне следует оценивать, не обращаясь к официальным докладам, что было, по крайней мере, 50 000 военнослужащих и офицеров. Затем, из-за того, что это вызвало такие сильные чувства, я организовал, чтобы все военнослужащие из воздушных сил, которых должны были использовать в сухопутных боях не передавали в СС, а в новые парашютные дивизии. Фюрер согласился, потому что на последней стадии войны парашютные дивизии оказались самыми надёжными и самыми выдающимися во всех вооруженных силах и превосходили СС в боевом духе и силе сопротивления. С этого момента, никакие следующие контингенты воздушных сил не включались в СС, и насколько знаю, больше дивизии СС не создавались.

Бабель: У меня больше нет вопросов.

Латернзер: Свидетель, в чём заключалось отношение генерального штаба армии к возможности быть вовлеченными в войну с другими державами?

Геринг: Их отношение, если я могу так сказать было чисто профессиональным, то есть, генеральный штаб должен был теоретически и практически изучать все возможности и непредвиденные обстоятельства войны. Его отношение к своим собственным задачам и концепциям было, я должен сказать открыто, очень сдержанным и робким для генерального штаба. Это вероятно следует приписывать тому факту, что многие офицеры генерального штаба пришли из Рейхсвера. Общий настрой в этом маленьком Рейхсвере в течение десятилетия с половиной был таким, что они с трудом представляли, что может быть военное столкновение и соответственно было гораздо более пацифистское отношение, чем обычно должно быть в случае солдат находящихся среди генерального штаба армии.

Латернзер: Вам известны имена генералов или адмиралов, которые бы призывали или разжигали войну?

Геринг: Нет.

Латернзер: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Желают ли главные обвинители провести перекрестный допрос?

Джексон: Возможно, вы осознаёте то, что вы единственный оставшийся в живых человек, который может полностью рассказать нам о действительных целях нацистской партии и о работе руководства внутри партии?

Геринг: Да, я это ясно сознаю.

Джексон: Вы с самого начала вместе с теми, которые сотрудничали с вами, намеревались свергнуть и затем действительно свергли Веймарскую республику?

Геринг: Что касается лично меня, то это было моим твердым решением.

Джексон: А придя к власти, вы немедленно уничтожили парламентарное правительство в Германии?

Геринг: Оно больше не было нам нужно. Кроме того, я хочу подчеркнуть тот факт, что мы более того являлись сильнейшей парламентской партией и имели большинство. Но вы правы, говоря о том, что парламентские процедуры не соблюдались, потому что различные партии были запрещены и распущены.

Джексон: Вы создали фюрер-принцип, который вы описали как систему, в которой власть существовала только наверху и спускалась вниз в отношении людей внизу, это верно?

Геринг: Для того, чтобы избежать недопонимания, я хочу ещё раз кратко объяснить эту идею, насколько я её понимаю. В немецкой парламентской процедуре прошлого, ответственность возлагалась на высших чиновников, которые были ответственными за исполнение анонимных желаний большинства, и это был тот кто правил. В фюрер-принципе нам следовало сменить направление, то есть, власть существовала наверху спускаясь вниз, в то время как ответственность начиналась внизу и шла вверх.

Джексон: Другими словами, вы не верили и не разрешали правительство, как мы его называем, с согласия управляемых, при котором, граждане через своих представителей выступают источником власти и полномочий?

Геринг: Это не совсем верно. Мы периодически призывали народ ясно и однозначно выражать мнение о том, что они думали о нашей системе, только это отличалось от того способа которому мы следовали раньше и от системы действующей в остальных странах. Мы выбрали путь так называемого плебисцита. Мы имели точку зрения, что даже правительство, основанное на фюрер-принципе может существовать только если оно некоторым образом основано на доверии народа. Если бы такого доверия больше не было, то оставалось бы править с помощью штыков, и фюрер всегда считал, что в дальней перспективе невозможно править вопреки воле народа.

Джексон: Но вы не разрешали выбирать людей, которые должны были действовать по полномочию народа, но их постоянно назначали сверху вниз, не так ли?

Геринг: Совершенно верно. Люди просто признавали авторитет фюрера, или скажем так, провозглашали согласие с фюрером. Если они доверились фюреру, тогда их заботой было осуществлять остальные функции. Таким образом, отдельные люди не должны были выбираться согласно воле народа, но исключительно руководством.

Джексон: Итак, фюрер-принцип поддерживался и был принят вами в Германии,

потому что вы верили в то, что не существует людей способных к самоуправлению, или потому что вы считали, что другие к нему способны, но не немцы, или же для вас не имело значения, что если даже кто-то обладает такими способностями, то это все равно недопустимо в Германии.

Геринг: Прошу прощения, я не совсем понял вопрос, но наверное, я попытаюсь дать ответ:

Я считаю фюрер-принцип необходимым, потому что система которая существовала раньше и которую мы называли парламентарной или демократической ввергла Германию в руины. В этой связи я, наверное, могу напомнить вам, что ваш президент Рузвельт, насколько я могу вспомнить, я не хочу цитировать это дословно, заявил: «Некоторые народы в Европе отвергли демократию не, потому что они не хотели демократии как таковой, но потому что демократия привела людей, которые оказались слишком слабыми, чтобы дать своему народу работу и хлеб и удовлетворить его. По этой причине народы отвергли данную систему и лиц ответственных за неё». В данном заявлении много правды. Такая система принесла разруху в результате неправильного управления и согласно моему мнению, только организация сильной, чётко определённой иерархии руководства могла восстановить порядок. Чтобы было понятно, не вопреки воли народа, но только, когда народ с течением времени и в результате череды выборов, сильнее и сильнее выражал своё желание доверить свою судьбу национал-социалистическому руководству.

Джексон: Принципы авторитаризма, которые вы провозгласили, насколько я вас понимаю, означали недопустимость существования оппозиционных партий, которые могли победить или мешать политике нацистской партии?

Геринг: Вы понимаете это совершенно правильно. К этому времени мы уже достаточно долго жили с оппозицией и нам хватило этого. Из-за оппозиции мы оказались полностью разрушены. Настало время покончить с ней и начинать строительство.

Джексон: После того как вы пришли к власти, вы, для того чтобы удержать власть, подавили все оппозиционные партии?

Геринг: Мы считали необходимым не допускать в дальнейшем существования оппозиций, да.

Джексон: Вы также проповедовали теорию о том, что вам следует подавлять всех лиц, оппозиционно настроенных по отношению к нацистской партии, чтобы они не могли создать оппозиционной партии?

Геринг: Поскольку оппозиция в какой-либо форме серьезно препятствовала нашей работе, само собой разумеется, оппозиционность этих лиц не могла быть терпима. Если же дело касалось безобидных разговоров, этому не придавалось значения.

Джексон: И теперь, с целью убедиться, что вы подавили партии, и отдельных лиц, вам понадобилась секретная политическая полиция с целью выявления оппозиции?

Геринг: Я уже заявлял о том, что я считал это необходимым, также как и раньше существовала политическая полиция, но на более твердой основе и в большем количестве.

Джексон: И после прихода к власти, вы также рассматривали необходимым немедленно создать концентрационные лагери, чтобы поместить туда неисправимых противников?

Геринг: Я уже заявил о том, что причина концентрационных лагерей не была такой, что можно сказать: «Есть ряд людей противостоящих нам, и их следует поместить в превентивное заключение». Скорее они были созданы, как неотложная мера против функционеров коммунистической партии, которые тысячами атаковали нас, и которых, помещая в превентивное заключение, мы при этом не сажали в тюрьму. Но это было необходимостью, как я сказал, создать для них лагеря: один, два или три лагеря.

Джексон: Все таки вы даете объяснения, как высшее должностное лицо, человеку, который не очень хорошо разбирается в таких вещах, и я хочу знать, в чем заключалась необходимость создавать систему такого типа, которую вы создали в Германии. Концентрационные лагери являлись одной из вещей, которую вы сочли срочно необходимой после прихода к власти, не так ли? И вы создали их как предмет необходимости, так вы это понимали?

Геринг: Это плохо перевели, прошло очень быстро. Но мне кажется, я смог понять смысл ваших замечаний. Вы спросили меня, о том, считал ли я целью немедленного создания концентрационных лагерей устранение оппозиции. Верно?

Джексон: Ваш ответ «да», я правильно понял?

Геринг: Да.

Джексон: С целью организации этой системы, являлось ли необходимым, чтобы вы не допускали лиц к открытым и независимым судам? И вы немедленно издали приказ, о том, что действия вашей политической полиции, не могут являться предметом пересмотра в суде или судебного разбирательства, не так ли?

Геринг: Вам следует различать две категории: те, кто совершил тяжкое преступление против нового государства или те в отношении, которых могло быть доказано совершение такого деяния естественно предавались суду. Однако, остальные, от которых можно было ожидать таких действий, но которые их пока не совершили, помещались в превентивное заключение, и этих людей забирали в концентрационные лагери. Я сейчас говорю, о том, как это происходило в начале. В дальнейшем все значительно поменялось. Аналогично, если по политическим причинам, отвечая на ваш вопрос, кое-кого забирали в превентивное заключение, то есть, чисто по причинам государственной необходимост, это не могло быть пересмотрено или остановлено никаким судом. Позднее, когда какого-то человека забирали в превентивное заключение по неполитическим причинам, людей, которые противостояли системе другим образом, я сразу, как прусский министр-президент и

рейхсминистр внутренних дел, я помню…

Джексон: Давайте опустим это. Я не спрашивал об этом. Если вы просто ответите на мой вопрос, мы сэкономим много времени. Ваш представитель сможет дать любые пояснения, какие вы захотите.

Вы запретили любой судебный пересмотр и считали необходимым запретить судебный пересмотр в отношении случаев, когда людей забирали в то, что вы называли превентивным заключением?

Геринг: Я дал очень четкий ответ, но я хочу дать пояснение в связи со своим ответом.

Джексон: Ваш представитель позаботиться об этом. Итак, концентрационные лагери и превентивное заключение…

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал думает, что свидетель вправе дать то пояснение, какое он считает правильным в ответ на данный вопрос.

Джексон: Трибунал думает, что вам нужно разрешить пояснить ваш ответ, и он заслушает ваш ответ.

Председатель: Я не имел в виду, что это в целом относится к его ответам. Я имел в виду, что это относится к этому конкретному ответу.

Геринг: В связи с вашим вопросом о том, что такие дела не могли быть пересмотрены судом, я хочу сказать, что совместно мной и Фриком были приняты распоряжения о том, чтобы тех, кого передавали в концентрационные лагеря в течение 24 часов информировали о причинах передачи, и что спустя 48 часов, или более короткий период времени, они должны были иметь право на адвоката. Но это никоим образом не означало отмену моего приказа о том, что пересмотр судами не разрешается в случае политически необходимых мер превентивного заключения. Этим людям просто предоставляли возможность заявить протест.

Джексон: Превентивное заключение означало, что вы забирали под арест тех людей, кто не совершил никаких преступлений, но в отношении, которых вы думали, что они могут совершить преступление?

Геринг: Да. Арестовывали и забирали в превентивное заключение людей если они еще не совершили преступлений, но от кого можно было ожидать, что оставаясь на свободе, они их совершат, такие же широкие меры превентивных задержаний происходят сейчас в Германии в огромном масштабе.

Джексон: Итак, необходимым в государстве такого типа как ваше, было иметь организацию, доводившую до людей пропаганду и затем сообщавщую руководству о реакции на неё, не так ли?

Геринг: Последнюю часть вопроса неразборчиво перевели.

Джексон: Что же, в государстве такого типа, вы должны были иметь организации выполнявшие приказы и проводящие вашу пропаганду, не так ли?

Геринг: Конечно, мы распространяли пропаганду и для этого у нас имелась пропагандистская организация.

Джексон: И вы распространяли её посредством руководящего состава нацисткой партии, не так ли?

Геринг: Руководящий состав, конечно, отчасти распространял наши идеи в народе. Во–вторых его назначением было возглавлять и организовывать людей которые составляли партию.

Джексон: В вашей системе гауляйтеров и крейсляйтеров до блокляйтеров, распоряжения и информация спускались вниз от начальника, а информация о реакции народа затем возвращалась обратно к руководству, не так ли?

Геринг: Верно. Приказы и распоряжения, которые мы давали пропагандой или другими способами, спускалась на столько уровней вниз насколько это было необходимо. С другой стороны, само собой, что реакции широких народных масс снова передавались наверх, через различные ведомства, для того, чтобы держать нас в курсе настроения народа.

Джексон: И вы также имели определенные организации для выполнения приказов исполнительные организации, организации при необходимости, сражавшиеся за вас, не так ли?

Геринг: Да, административные организации былт конечно необходимы. Я не совсем понял, организации сражавшиеся за что?

Джексон: Что же, если вы хотели, чтобы некие люди были убиты, у вас имелась какая-то организация чтобы убивать их, не так ли? Разве Рём и остальные не были убиты вашими руками или руками Гитлера?

Геринг: Рём, я уже четко объяснил дело Рёма, это был вопрос государственной необходимости…

Джексон: Я не спрашивал вас…

Геринг: … и это было сделано полицией.

Джексон: Но, когда существовала государственная необходимость убить кого-нибудь, у вас же имелся кто-нибудь для таких целей, не так ли?

Геринг: Да, также как и в других странах, называется ли это секретная служба или нечто ещё, я не знаю.

Джексон: И СА, СС, СД, организации такого рода, являлись организациями исполнявшими приказы и занимавшимися людьми на физическом уровне, не так ли?

Геринг: СА никогда не получали приказа убивать кого–нибудь, ни СС, не в мое время. Так или иначе, я не мог влиять на это. Я знал, что отдавались приказы о казнях, а именно по путчу Рёма, и эти приказы исполнялись полицией, то есть, государственным органом.

Джексон: Какой полицией?

Геринг: Насколько я помню, с помощью Гестапо. Во всяком случае, она была организацией получившей приказ. Поймите, это была борьба с врагами государства.

Джексон: И СС предназначались для такой же цели, не так ли?

Геринг: Не в северной Германии в то время, в какой мере это происходило в южной

Германии, где Гестапо и СС всё ещё были разделены, и которые проводили акцию в южной Германии, мне неизвестно.

Джексон: Что же, СС проводили аресты и осуществляли перевозку людей в концентрационные лагери, не так ли? Вас арестовали СС, не так ли?

Геринг: Да, я говорил, да, но позднее.

Джексон: С какого времени СС выполняло функцию палача для нацистской партии?

Геринг: После захвата власти, когда полиция все больше и больше оказывалась в руках Гиммлера. Мне как постороннему сложно объяснить, где действовали СС и где действовало Гестапо. Я уже говорил, что они работали очень плотно. Известно, что СС охраняли лагери и позднее несли полицейские функции.

Джексон: И осуществляла иные функции в лагерях, не так ли?

Геринг: Какие функции вы имеете в виду?

Джексон: Они осуществляли все функции в лагерях, не так ли?

Геринг: Если подразделение СС охраняло лагерь и фюрер СС становился командиром лагеря, тогда это подразделение осуществляло все функции.

Джексон: Итак, данная система не являлась секретной системой. Вся система была общепризнанной, её достоинства публично восхвалялись вами и остальными, и каждое лицо, вступавшее в нацистскую партию могло сознавать какого типа систему правительства вы создавали, не так ли?

Геринг: Каждый вступавший в партию знал, что мы охвачены фюрер-принципом и знал об основных мероприятиях которые мы хотели провести, настолько насколько о них говорилось в программе. Но не всякий вступавший в партию знал до самых последних подробностей о том, что будет происходить.

Джексон: Но такая система была открытой и хорошо известной, не так ли, во всех своих деталях? Как об организации, каждый знал о том, что такое Гестапо, не так ли?

Геринг: Да, каждый знал, что такое Гестапо.

Джексон: И в чём заключалась её программа в целом, не в подробностях?

Геринг: Я четко объяснил программу. С самого начала я описывал её публично, и я также публично говорил о задачах Гестапо, я даже писал об этом для зарубежных стран.

Джексон: И не существовало ничего секретного в создании Гестапо в качестве политической полиции, в том факте, что людей забирали в превентивное заключение, в том факте, что существовали концентрационные лагеря? В этом не было ничего секретного, не так ли?

Геринг: Сначала в этом не было ничего секретного.

Джексон: Фактически, отчасти из-за эффективности секретной полиции и отчасти из-за эффективности наказаний в концентрационных лагерях люди знают о том, что есть такие ведомства, не так ли?

Геринг: Правда заключается в том, что каждый знал, что если он совершит действия

против государства, он закончит концентрационным лагерем или будет обвинен в тяжком преступлении перед судом, согласно тяжести преступления. Но изначальной целью концентрационных лагерей было содержание таких людей, которых мы обоснованно считали врагами государства.

Джексон: Итак, то есть тип правительства, правительства, которое мы только, что описали, только такой тип правительства, по вашему мнению, был необходим для управления Германией?

Геринг: Я не хочу сказать, что наиболее существенной характеристикой этого правительства и наиболее важной чертой были немедленное создание Гестапо и концентрационных лагерей с целью позаботиться о наших противниках, но помимо прочего и более того, в качестве программы нашего правительства было изложено гораздо больше важных вещей и эти прочие вещи не являлись основными принципами нашего правительства.

Джексон: Но все эти вещи являлись необходимыми вещами, насколько я вас понял, в целях защиты?

Геринг: Да, эти вещи были необходимы, потому что существовали наши противники.

Джексон: И я полагаю, что только такой тип правительства по вашей мысли мог функционировать в Германии в настоящих условиях?

Геринг: В условиях, существовавших тогда, по моему мнению, это являлось, единственно возможной формой, и оно продемонстрировало, что Германия может за короткое время вырваться из бездны нищеты, бедности, безработицы, к относительному благополучию.

Джексон: Итак, вся эта государственная власть была сконцентрирована, наверное, я затрагиваю другой предмет. Планируется объявить перерыв?

Председатель: Трибунал объявляет перерыв.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Штамер: Свидетель Далерус уже несколько дней находится в Нюрнберге и ожидает дачи показаний. Он сообщил мне, что он должен совершенно точно быть в Стокгольме к четвергу. По этой причине, он просит и я прошу разрешения высокого трибунала, чтобы его вызвали в качестве свидетеля завтра утром, даже если перекрестный допрос еще не будет закончен. Обвинение полностью согласно с моим предложением.

Председатель: Вы говорите, обвинение согласно с вашим предложением?

Штамер: Да, ваша честь. Я связался с четырьмя господами и они согласились с

этим.

Председатель: Как долго вы собираетесь допрашивать свидетеля? Вы же не можете отвечать за перекрестный допрос.

Штамер: Мне кажется, что мне понадобится половина дня, то есть, до завтрашнего полудня. Не могу сказать точно, но вполне вероятно, что это продлится именно столько.

Председатель: Его показания относятся только к нескольким дням перед 1 сентября1939?

Штамер: Есть еще два дополнительных вопроса, но на них можно ответить очень коротко. Кажется, он предпринял ещё две попытки после сентября, но это очень короткие вопросы.

Председатель: Трибуналу кажется, что половина дня совершенно избыточное время для свидетеля, который в допросе защитником собирается говорить о событиях нескольких дней перед началом войны.

Штамер: Господин председатель, я бы так не сказал. Это не просто несколько дней. Эти переговоры начались уже в конце июня или начале июля. Я хочу добавить, что в дальнейшем я естественно ограничу себя только теми вопросами которые необходимы для процесса, но эти вопросы должны быть заданы.

Председатель: Трибунал согласен, если обвинение готово, чтобы эти показания прервали его. Трибунал доверяет вам в том, что вы сможете провести ваш допрос в более короткие сроки, чем вы указали.

Джексон: Свидетель, вы сказали нам о том, что как вы, так и другие сотрудничали для того, чтобы сосредоточить всю власть в германском государстве в руках фюрера, не так ли?

Геринг: Я говорил только о своей работе в таком направлении.

Джексон: Имеется ли здесь на скамье подсудимых кто-нибудь, кто бы не сотрудничал с вами для достижения этой цели, по мере возможности?

Геринг: Ясно, что никто из сидящих здесь подсудимых вначале не мог находиться в оппозиции к фюреру. Но я хотел бы сказать, что всегда нужно различать определенные периоды. Те вопросы, которые мне ставят, имеют весьма общий характер и касаются целого периода, который охватывает 24—25 лет.

Джексон: Я хочу обратить внимание на плоды этой системы. Насколько я вас понял, в 1940 году вы были информированы о том, что германская армия готовится напасть на Советскую Россию?

Геринг: Я объяснял то, насколько я был информирован об этих вопросах.

Джексон: Вы считали, что в таком нападении не только нет необходимости, но что оно будет неразумным с точки зрения Германии?

Геринг: В тот момент я считал необходимым отложить его с тем, чтобы выполнить задачи более важные, с моей точки зрения.

Джексон: Вы не видели какой-либо военной необходимости, для нападения в то

время, даже с точки зрения Германии?

Геринг: Естественно, я прекрасно знал о планах России по развертыванию своих сил, но я надеялся, сначала провести иные стратегические мероприятия, описанные мной, с целью усилить позиции Германии. Я думал, что они позволят оттянуть критический момент. Я, конечно, хорошо знал, что такой критический момент для Германии может наступить в любой момент после этого.

Джексон: Я хочу повторить свой вопрос, на который, я подчеркиваю, вы не ответили.

Вы осознавали военную необходимость нападения Германии на Советскую Россию?

Геринг: Лично я считал, что в тот момент опасность еще не достигла пика, и, следовательно, атака еще не являлась необходимой. Это являлось моим личным мнением.

Джексон: И все это время вы являлись человеком номер два в Германии?

Геринг: Мое второе место не имело значения. Существовало два противоположных взгляда относительно стратегии. Фюрер, человек номер один, видел опасность в одном, а я, человек номер два, как вы выразились, хотел осуществить другие стратегические меры. Если бы я мог навязывать свою волю все время, я бы вероятно стал первым номером. Но поскольку первый номер придерживался иного мнения, а я был только вторым, его мнение естественно было главнее.

Джексон: Я бы хотел понять из ваших показаний, и я думаю, вы можете ответить на это «да» или «нет», и я буду очень благодарен если вы ответите, как я понял из ваших показаний, что вы были против, и говорили фюреру в то время, что вы против нападения на Россию. Я прав или нет?

Геринг: Это верно.

Джексон: Итак, вы выступали против, потому что думали, что это было опасным шагом для Германии, это верно?

Геринг: Да, у меня было в тот момент мнение что, и я снова повторюсь, не пришло время для этого, и что должны были быть предприняты более срочные меры для Германии.

Джексон: И в силу существования системы фюрерства, как я вас понял, вы не могли предупредить немецкий народ, вы не могли оказать никакого давления, чтобы предотвратить этот шаг, и вы даже не могли подать в отставку, чтобы сохранить свое место в истории.

Геринг: Здесь несколько вопросов в одном. Я хочу ответить на самый первый.

Джексон: Разделите их, если хотите.

Геринг: Мне кажется, первым вопросом был, воспользовался ли я возможностью рассказать немецкому народу об этой опасности. Мне не представилось такого случая. Шла война, и такие разногласия во мнениях, что касается стратегии, нельзя было выносить на публику во время войны. Мне кажется, такого никогда не

случалось в мировой истории.

Во–вторых, что касается моей отставки, я даже не хочу обсуждать это, во время войны я был офицером, солдатом, и меня не касалось, разделяю ли я мнение или нет. Я должен был, как солдат служить своей стране.

В–третьих, я не такой человек, чтобы бросать того, кому я давал клятву верности, каждый раз если он думает по другому. Если так обстояло дело то мне бы не было нужды связывать себя с ним в начале. Мне никогда не приходило нам ум оставить фюрера.

Джексон: Насколько известно, немецкий народ был втянут в войну против Советской России, будучи уверенным, что и вы её поддерживаете?

Геринг: Немецкий народ узнал об объявлении войны с Россией только тогда, когда война началась. Немецкий народ не имеет ничего общего со всем этим делом. Его не спрашивали ни о чем. Он только узнал о фактическом положении вещей и о той необходимости, которая привела к этому.

Джексон: Когда вы поняли, что война, с точки зрения той цели, которую вы преследовали, была проиграна?

Геринг: На это чрезвычайно трудно ответить. Во всяком случае, по моему убеждению, относительно поздно, то есть я имею в виду, ближе к концу я стал убеждён в том, что война проиграна. До этого я все еще думал и надеялся, что война кончится вничью.

Джексон: Что же, в ноябре 1941 наступление в России провалилось?

Геринг: Это вообще не правильно. Нам пришлось отступить в силу погодных условий, или скорее, цель которую мы поставили не была достигнута. Наступление 1942 подтвердило, что вопрос военного краха не стоит. Некоторые корпуса, которые вырвались вперед, просто отбрасывались назад, а некоторые отступали. Совершенно неожиданный ранний мороз стал причиной этого.

Джексон: Вы сказали «относительно поздно». Выражение, которое вы использовали, мне ничего не говорит, потому что я не знаю о каком относительно позднем моменте идет речь. Могли бы вы уточнить когда, или в какой временной промежуток, появилось убеждение, что война проиграна?

Геринг: Когда, после 12 января 1945, русское наступление продвинулось к Одеру, и в то же время наступление в Арденнах не стало прорывом, это заставило меня осознать, что мы медленно идем к поражению. До того времени я всегда надеялся на то, что с одной стороны восточные позиции на Висле и с другой стороны на Западном валу, можно удерживать до тех пор пока поток новой техники не ослабит англо-американскую воздушную войну.

Джексон: Итак, определитесь с датой, скажите нам, когда происходили эти события.

Геринг: Я уже сказал январь 1945, середина или конец января 1945. После этого надежды не осталось.

Джексон: Вы хотите, чтобы это поняли так, что как военный человек, вы до января

1945 не осознавали, что Германия не сможет добиться успеха в войне?

Геринг: Как я уже сказал, следует четко разделять две вероятности: первая, успешное завершение войны, и вторая, война в которой не будет победителя. Что касается успешного исхода, момент, когда я осознал, что такой вариант невозможен, наступил гораздо раньше, в то время как осознание того факта, что наступает поражение не возникало до указанного мной времени.

Джексон: За некоторое время до этого, вы знали, что успешное завершение войны возможно, в случае если бы вы пришли к какому–нибудь соглашению с противником, не так ли?

Геринг: Конечно, успешное завершение войны можно было считать успешным в случае покорения противника или путем переговоров с противником, которые бы гарантировали мне успех. Вот, что я называю успешным завершением. Я называю это ничьей, когда я договариваюсь с противником. Это не дает мне успеха, который могла бы принести победа, но с другой стороны, это исключает поражение. Это итог без победителей или побежденных.

Джексон: Но вы знали о том, что политикой Гитлера был отказ от переговоров, и вы знали, что до тех пор пока он был главой правительства, враг не будет вести переговоры с Германией, не так ли.

Геринг: Я знал о том, что вражеская пропаганда подчёркивала, что ни при каких обстоятельствах переговоров с Гитлером не будет. О том, что Гитлер при каких-то обстоятельствах не хотел переговоров, я тоже знал, но не в связи с этим. Гитлер хотел вести переговоры, которые бы гарантировали результат, но он был абсолютно против безнадежных и безуспешных переговоров. Из-за декларации противника на Западе после высадки в Африке, насколько я помню, о том, чтобы ни при каких обстоятельствах не вести переговоры с Германией, а заставить её принять безоговорочную капитуляцию, соответственно сопротивление Германии только усилилось и предпринимались соответствующие меры. Если у меня нет шанса завершить войну путем переговоров, я должен напрячь нервы до максимума, чтобы добиться изменения с помощью оружия.

Джексон: Ко времени января 1945 вы также знали, о том, что вы неспособны защищать немецкие города от воздушных атак союзников, не так ли?

Геринг: Рассматривая оборону немецких городов от воздушных атак союзников, я хочу описать возможность делать это следующим образом: сама по себе….

Джексон: Вы можете ответить на мой вопрос? Время для вас не играет такой важной роли как для нас. Можете вы ответить «да» или «нет»? Вы знали тогда, в то же самое время, когда вы узнали, что война проиграна, что немецкие города нельзя успешно защищать от воздушных атак врага? Не могли бы вы сказать нам «да» или «нет»?

Геринг: Я могу сказать, что тогда я знал, в то время, что это было невозможно.

Джексон: И после этого времени вам было хорошо известно, что продолжение

воздушных атак на Англию не может переломить войну, и что их цель только затянуть войну о которой вы знали, что это безнадёжный конфликт?

Геринг: Мне кажется, вы ошибаетесь. После января 1945 больше не было атак на Англию, за исключением единичных самолетов, потому что в то время весь мой бензин нужен был для истребителей обороны. Если бы я имел в своем распоряжении бомбардировщики и нефть, конечно, я бы продолжал такие атаки до последней минуты в качестве возмездия за атаки проводимые на немецкие города, независимо от того какими были наши шансы.

Джексон: А что насчет атак роботов? Ведь были атаки роботов после января 1945?

Геринг: Слава богу, у нас оставалось оружие, которое мы могли использовать. Я только что сказал, до тех пор пока шла борьба, мы должны были бить в ответ, как солдат я могу только сожалеть, что у нас было недостаточно этих бомб V-1 и V-2, так как ослабить вражеские атаки на немецкие города можно было только причинив аналогичный урон противнику.

Джексон: И не оставалось никакого способа предотвратить продолжение войны, до тех пор пока Гитлер оставался главой германского правительства, не так ли?

Геринг: До тех пор пока Гитлер был фюрером немецкого народа, он в одиночку решал, должна ли продолжаться война. До тех пор пока враг угрожал мне и требовал безоговорочной капитуляции, я боролся до последнего вздоха, потому что для меня не оставалось ничего иного за исключением шанса, что судьба может измениться, при том, что это казалось безнадёжным.

Джексон: Что же, народ Германии, который считал, что настало время прекратить эту бойню, не имел никаких средств, чтобы остановить это, кроме революции или убийства Гитлера, не так ли?

Геринг: Революция всегда меняет ситуацию если она успешная. Это предрешённый вывод. Убийство Гитлера тогда, скажем в январе 1945, означало бы начало моих полномочий как преемника. Если бы противник повторил свой ответ, то есть, безоговорочную капитуляцию, и заявил бы о таких же ужасных требованиях на которые намекали, я продолжил бы борьбу при любых обстоятельствах.

Джексон: На жизнь Гитлера произошло нападение 20 июля 1944?

Геринг: К сожалению да.

Джексон: И в 1945 пришло время, когда Гитлер в Берлине выразил волю о передаче рейхспрезидентства подсудимому, адмиралу Дёницу. Вам известно об этом?

Геринг: Это верно. Я прочитал это завещание здесь.

Джексон: И в заявлении о своём желании передать правительство Германии адмиралу Дёницу, я обращаю ваше внимание на это заявление:

> «Геринг и Гиммлер, совершенно независимо от их предательства по отношению ко мне лично, нанесли неизмеримый ущерб стране и всей нации, ведя тайные переговоры с врагом, которые они проводили без моего ведома и против моих желаний, и незаконно пытались

присвоить себе власть в государстве»

И согласно этому завещанию он исключил вас и Гиммлера из партии, и снял со всех постов в государстве.

Геринг: Я могу отвечать только за себя. Что делал Гиммлер мне неизвестно.

Я никогда не предавал фюрера, как и не вел никаких переговоров ни с одним иностранным солдатом. Эта воля или это последнее деяние фюрера, основывалась на крайне досадной ошибке, которая меня глубоко печалит, что фюрер был уверен, в свои последние часы, что я, когда-то был неверен ему. Все это произошло из-за ошибки в радиопередаче, и вероятно из-за того, что Борман ввел фюрера в заблуждение. Я лично никогда ни на минуту не думал получать власть незаконно или как-нибудь действовать против фюрера.

Джексон: Как бы то ни было, вы были арестованы и ожидали расстрела?

Геринг: Верно.

Джексон: Далее, описывая приход партии к власти, вы опустили некоторые вещи, в частности пожар Рейхстага 27 февраля 1933. После этого пожара, не так ли, была большая чистка, во время которой многие были арестованы и многие убиты.

Геринг: Мне не известно ни одного случая, чтобы хоть один человек был убит из-за пожара Рейхстага, кроме осужденного судом действительного поджигателя ван дер Люббе[335]. Двое других подсудимых были оправданы. Не был обвинён, как вы ошибочно поверили господин Тельман, это был депутат от коммунистов Торглер[336]. Его оправдали, так же как и болгарина Димитрова[337]. В связи с пожаром Рейхстага арестов было произведено относительно мало. Аресты, которые вы относите за счет пожара Рейхстага, в действительности были направлены против коммунистических деятелей. Я часто об этом говорил и подчеркиваю еще раз, что аресты производились совершенно независимо от этого пожара. Пожар просто ускорил их арест и расстроил хорошо продуманную акцию, благодаря чему ряду функционеров удалось вовремя скрыться.

Джексон: Другими словами, до пожара Рейхстага у вас уже были готовы списки коммунистов и людей которых должны были арестовать, не так ли?

Геринг: Мы всегда имели заготовленный заранее почти полный список коммунистических функционеров которых нужно было арестовать. Это не имело никакого отношения к пожару германского Рейхстага.

Джексон: Их незамедлительно осуществили, я имею в виду аресты, после пожара Рейхстага?

Геринг: Вопреки моему намерению отложить данные действия на несколько дней и действовать согласно плану, соответственно отлаживая сам механизм, фюрер

[335] Маринус ван дер Люббе (1909 — 1934) — голландский коммунист, обвинённый в поджоге Рейхстага 27 февраля 1933 г. Казнен по приговору немецкого суда. В 2007 посмертно помилован.

[336] Эрнст Торглер (1893 — 1963) — немецкий политик-коммунист, позднее сотрудничавший с нацистами.

[337] Георгий Михайлович Димитров (1882 —1949) — деятель болгарского и международного коммунистического движения.

распорядился провести аресты немедленно той же ночью. И это явилось недостатком в наших приготовлениях.
Джексон: Вы и фюрер встретились на пожаре, не так ли?
Геринг: Верно.
Джексон: И здесь же на месте вы решили арестовать всех коммунистов, которые значились в составленных списках?
Геринг: Я еще раз подчеркиваю, что решение об этих арестах было принято задолго до этого. Однако решение о немедленном выполнении арестов последовало в эту ночь. Мне было бы выгодней подождать несколько дней, как было предусмотрено, и тогда от меня не ускользнули бы несколько важных партийных руководителей.
Джексон: На следующее утро президенту фон Гинденбургу был представлен проект указа приостанавливающего нормы конституции которые мы здесь обсуждали, не так ли?
Геринг: Мне кажется так, да.
Джексон: Кем был Карл Эрнст?
Геринг: Я не знаю, было ли его имя Карл, но знаю, что Эрнст являлся руководителем СА в Берлине.
Джексон: Кто такой Хелльдорф[338]?
Геринг: Граф Хелльдорф был впоследствии руководителем СА в Берлине.
Джексон: А кто такой Хайнес?
Геринг: Хайнес был в это время руководителем СА в Силезии.
Джексон: Вам известно — не так ли? — что Эрнст сделал заявление, сознаваясь, в том, что эти трое подожгли Рейхстаг и что вы и Геббельс планировали этот поджог и предоставили им воспламеняющиеся составы — жидкий фосфор и керосин, — которые положили для них в подземный ход, ведший из вашего дома в здание Рейхстага. Вам известно о таком заявлении, не так ли?
Геринг: Я не знаю ни о каком заявлении руководителя СА Эрнста, но я знаю некую сказку шофера господина Рёма, вышедшую вскоре после этого и опубликованную в зарубежной прессе после 1934 года.
Джексон: Но из вашего дома в Рейхстаг вел специальный ход. Не правда ли?
Геринг: С одной стороны улицы стоит здание Рейхстага, напротив — дворец президента Рейхстага. Между обоими зданиями имеется ход, по которому доставлялся кокс для центрального отопления.
Джексон: В любом случае, вскоре после этого, Эрнст был убит без суда и шанса рассказать историю, не так ли?
Геринг: Это не верно. Пожар Рейхстага произошел в феврале 1933. Эрнста расстреляли 30 июня 1934, потому что совместно с Рёмом он планировал свергнуть

---

[338] Вольф-Генрих фон Хелльдорф (1896 - 1944) — немецкий политический и государственный деятель, активист НСДАП, обергруппенфюрер СА (1933), обергруппенфюрер СС, генерал полиции (1938), начальник полиции Потсдама и Берлина. Казнен за участие в заговоре против Гитлера.

правительство и у него был заговор против фюрера. Следовательно он, имел год и четверть, чтобы сделать заявления по поводу пожара в Рейхстаге, если бы захотел.

Джексон: Что же, он начал делать такие заявления, не так ли, и в целом обвинял вас в поджоге здания Рейхстага? Вы знали об этом, не так ли? Это было…

Геринг: Обвинение о том, что я подготовил пожар в Рейхстаге появилось в зарубежной прессе. Меня это не волновало, так как не опиралось на факты. У меня не было причины или мотива поджигать Рейхстаг. С художественной точки зрения я не сделал все возможное, чтобы сжечь зал собраний, я надеялся построить другой получше. Но я очень сожалел, что вынужден искать новое место для Рейхстага, и не найдя такого, выбрал театр Кроль-опера[339], то есть, второй государственный оперный театр для этой цели; опера была для меня важнее чем Рейхстаг.

Джексон: Вы когда-нибудь хвалились тем, что подожгли здание Рейхстага, хотя бы в шутку?

Геринг: Нет. Я употребил только одну шутку, если вы подразумеваете именно это. Я сказал, что я конкурирую с Нероном[340] и, что вероятно скоро скажут, что я одетый в красную тогу с флейтой в руке, смотрел на огонь и играл, пока Рейхстаг горел. Это была шутка. Но фактически я чуть не сгорел в том пламени, что было бы не очень удачно для немецкого народа, но очень удачно для его врагов.

Джексон: Значит, вы никогда не заявляли, что подожгли здание Рейхстага?

Геринг: Нет. Я знаю, что господин Раушнинг[341] в своей книге, которая здесь неоднократно цитировалась, писал о том, будто бы я беседовал с ним об этом. Я господина Раушнига видел в своей жизни два раза, и то мимоходом. Если бы я поджег Рейхстаг, я бы признался в этом только в очень узком кругу лиц, — если бы я вообще собирался кому-нибудь говорить об этом. Однако человеку, которого я совершенно не знал и даже не могу сказать, как он выглядит, — я не мог бы этого сказать. Это абсолютное искажение истины.

Джексон: Вы помните завтрак в день рождения Гитлера в 1942 году? Это было в ставке фюрера в Восточной Пруссии, в офицерском клубе. Это был офицерский завтрак?

Геринг: Нет.

Джексон: Вы не помните этого? Я попрошу, чтобы вам показали письменное показание генерала Франца Гальдера. Я обращаю ваше внимание на его заявление, которое может освежить вашу память. Я читаю:

> «За общим завтраком в день рождения фюрера в 1942 году люди кругом разговаривали относительно здания Рейхстага и его

---

[339] «Кролль-опера» — несохранившееся здание оперного театра в Берлине, на западной стороне бывшей Кёнигсплац (ныне площадь Республики).

[340] Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37 — 68, имя при рождении — Луций Домиций Агенобарб, с 50 по 54 год — Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик, наиболее известен под именем Нерон, — римский император с 13 октября 54 года, последний из династии Юлиев-Клавдиев. Ему приписывается поджог Рима.

[341] Герман Раушнинг (1887 — 1982) — немецкий политический деятель, музыкальный критик и писатель-политолог.

> художественной ценности. Я слышал собственными ушами, как Геринг вмешался в разговор и крикнул: «Единственный человек, который действительно знает Рейхстаг, — это я, потому что я поджег его!». Сказав это, он похлопал себя по ляжке».

Геринг: Этого разговора вообще не было. И я попрошу очной ставки с Гальдером. Прежде всего, я хотел бы отметить, что написанное здесь, полная чепуха. Там сказано: «единственный человек, который действительно знает Рейхстаг, — это я». Рейхстаг был известен каждому депутату Рейхстага. Огонь возник в главном зале заседаний, и сотни или тысячи людей также хорошо, как и я знали это помещение. Заявления подобного рода полная чепуха. Как господин Гальдер мог сказать такое, я не знаю. Судя по всему по причине плохой памяти, которая изменяла ему и в военных вопросах, только такое объяснение подходит.

Джексон: Вы знаете, кто такой Гальдер?

Геринг: Да, достаточно хорошо.

Джексон: Можете вы нам сказать, какой пост он занимал в германской армии?

Геринг: Он был начальником генерального штаба сухопутных войск. Когда началась война, я беспрестанно указывал фюреру, что он должен взять себе такого начальника штаба, который что-нибудь понимает в таких делах.

Джексон: Итак, вы оставили небольшую неопределенность, описывая чистку Рёма. За что был расстрелян Рём? Какие поступки он совершил?

Геринг: Рём планировал свергнуть правительство, и также намеревался убить фюрера. Он хотел, воспользовавшись революционной ситуацией, в первую очередь выступить против армии, офицерского корпуса – тех групп, которые он считал реакционными.

Джексон: У вас были доказательства этого?

Геринг: У нас было много существенных подтверждений этого.

Джексон: Но разве он предстал перед судом и имел возможность рассказать свою историю, как делаете сейчас вы?

Геринг: Верно. Он хотел совершить путч и, поэтому фюрер считал своим правом пресечь его в зародыше – не путем судебных процедур, но раздавив восстание.

Джексон: Были ли опубликованы имена тех, кто был убит в ходе чистки, последовавшей после ареста Рёма?

Геринг: Мне кажется, несколько имен да, но не все.

Джексон: Кто в действительности убил Рёма? Вам это известно?

Геринг: Мне это неизвестно, потому что расстрел Рёма был санкционирован фюрером, а не мной, я был полномочен в северной Германии.

Джексон: А кто задерживал тех, кого ожидали концентрационные лагери, и как много таких было?

Геринг: Полиция произвела аресты тех, кто в первую очередь допрашивался, тех в отношении кого не было серьезных обвинений, и тех в отношении кого было

неизвестно, подозреваются они или нет. Многих из этих людей вскоре выпустили, остальных позже. Как много было арестовано в связи с этим я не могу сказать. Аресты проводились полицией.

Джексон: Вы имеете в виду Гестапо?

Геринг: Я так полагаю.

Джексон: Мильх свидетельствовал о том, что в 1935 он видел в Дахау 700 или 800, это значит, что арестованных было очень много если вы говорите, что многих отпустили. Вы знаете, скольких арестовали?

Геринг: Я снова заявляю, я не знаю, сколько именно было арестовано по необходимости, или арестовано лиц принимавших участие в этом, через меня это не осуществлялось. Мои действия завершились, так сказать, в тот день когда бунт был подавлен. Я немного по другому понял показания Мильха и послал записку своему защитнику с целью выяснить вопрос, имел ли Мильх в виду 700 человек задержанных в связи с путчем Рёма или же, он видел иных 700 человек. Я так это понимаю. Но с целью прояснить этот вопрос следует снова спросить Мильха, мне кажется, что число 500, 600, или 700, слишком велико для общего числа людей задержанных в связи с путчем Рёма.

Джексон: Среди тех, кто был убит были фон Шлейхер и его жена. Он был вашим политическим противником, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: А также Эрих Клаузнер[342], который был главой католической акции в Германии?

Геринг: Клаузнер также находился в числе расстрелянных. Действительно, случай с Клаузнером заставил меня, как я недавно заявлял, попросить фюрера отдать немедленные приказы с целью предотвратить подобные действия, поскольку, по моему мнению, Клаузнер был расстрелян ошибочно.

Джексон: И Штрассер, который был бывшим человеком номер 2, с которым Гитлер поссорился в декабре 1932 – Штрассер был убит, не так ли?

Геринг: Про Штрассера нельзя было сказать, что он человек номер 2 после Гитлера. Он играл чрезвычайно важную роль в партии до захвата власти, но его исключили из партии еще до захвата власти, Штрассер участвовал в бунте и также был расстрелян.

Джексон: И только, когда оставалось двое выживших из списков вы вмешались и попросили остановить это, верно?

Геринг: Нет, не совсем верно. Я уже достаточно четко заявлял и снова кратко повторюсь, что я вмешался не просто, когда в живых оставалось двое человек; я вмешался, когда увидел, что расстреляны многие не имеющие отношения к этому делу. И, когда я это сделал, оставалось два человека, принимавших очень активное

---

[342] Эрих Клаузнер (1885 – 1934) – немецкий католический политик. Руководитель организации «Католическое действие».

участие в этом, и фюрер лично приказал расстрелять их. Фюрер в особенности негодовал в отношении одного из них, главного инициатора. Я бы хотел заявить, что я сказал фюреру: «Лучше отказаться от идеи казнить этих преступников, и уже положить конец всему этому». Вот, что я имел в виду.
Джексон: Какое было число. Вы уточните время?
Геринг: Да, я могу сказать точное время. Насколько помню, решающим днем была суббота; субботним вечером между 6 и 7 часами фюрер на самолете прибыл в Мюнхен. Моя просьба остановить действия была в воскресенье, между 2 и 3 часами после полудня.
Джексон: И что произошло с теми двумя людьми, остававшимися в списке – они предстали перед судом?
Геринг: Нет. Одного, насколько помню, поместили в концентрационный лагерь, а другого поместили под своего рода домашний арест, если не ошибаюсь.
Джексон: Итак, вернемся в то время, когда вы встретили Гитлера; вы сказали, что он был человеком, у которого была серьезная и определенная цель, что он не смирился с поражением Германии и Версальским договором; можете вспомнить?
Геринг: Я извиняюсь, перевод прошел с ошибками и я не разобрал его. Повторите, пожалуйста.
Джексон: Когда вы встретили Гитлера, как я понял из ваших показаний, вы нашли человека, у которого была серьезная и определенная цель, как вы сказали, и что он не смирился с поражением Германии в предыдущей войне и не смирился с Версальским договором.
Геринг: Я думаю, вы не совсем правильно меня поняли, так как я не ставил вопрос таким образом. Я заявил, что меня впечатлило, что Гитлер имеет очень определённые взгляды на бессилие протестов; во–вторых, что у него было мнение о необходимости освободить Германию от диктата Версаля. Оно было не только у Адольфа Гитлера; каждый немец, каждый патриот чувствовал тоже самое; я, являясь пламенным патриотом, с горечью ощущал позор от диктата Версаля, и я стал союзником человека, который прекрасно понимал последствия такого диктата, и что вероятно он был тем, кто может найти путь как избавиться от него. Все остальные разговоры в партии о Версале были, извините за выражение, просто болтовней.
Джексон: Насколько я вас понял, с самого начала, публично и громко, позицией нацисткой партии являлось устранение Версальского договора и то, что протесты бессильны в этом?
Геринг: С самого начала целью Адольфа Гитлера и его движения было освободить Германию от гнетущих оков Версаля, то есть, не от всего Версальского договора, но от тех условий, которые удушали будущее Германии.
Джексон: И если необходимо пойти по пути войны?
Геринг: Мы это тогда вообще не обсуждали. Мы обсуждали только главное условие, что Германия должна иметь другую политическую структуру, которая бы

позволила сделать возможными возражения этому диктату, одностороннему диктату – который все называли миром, в то время как немцы всегда называли это диктатом – и не просто возражения, но такие возражения, которые заслуживали внимания.

Джексон: И это подразумевало – подразумевало реорганизацию германского государства, но вашей целью было избавиться от того, что вы называли диктатом Версаля.

Геринг: Освобождение от этих условий диктата Версаля, которые в дальнейшем могли сделать невозможной жизнь для немцев, было целью и намерением. Но мы не заходили настолько далеко, чтобы говорить: «Мы хотим вести войну с нашими врагами и победить». Скорее, целью было подобрать методы подходящие для политических событий. Такими был основные соображения.

Джексон: И для этой цели вы и все другие люди которые становились членами нацистской партии дали Гитлеру полную власть принимать за них решения, и согласились, в своей присяге быть верными ему?

Геринг: Снова несколько вопросов. Вопрос первый: борьба против диктата Версаля стала для меня определяющим фактором вступления в партию. Для других, вероятно, другие положения программы или идеологии, выглядели более важными, более решающими. Передача фюреру абсолютной власти не являлась основным условием избавления от Версаля, но реализацией на практике нашей концепции фюрер-принципа. Давать ему свою присягу, до того как он стал главой государства, в тех условиях, было само собой очевидным для тех кто считал себя членами его избранного руководящего состава. Я не знаю и не могу сказать точно, как присяга давалась до захвата власти, я могу говорить только за себя. После некоторого времени, когда я уже хорошо узнал личность фюрера, я дал ему свою руку и сказал: «Я объединяю свою судьбу с вашей в горе и в радости: я посвящаю себя вам в плохие и хорошие времена, до самой смерти». Я действительно имел это в виду – и до сих пор имею.

Джексон: Если бы вы ответили на три или четыре моих вопроса «да» или «нет», то я бы дал вам возможность озвучить полную версию этой присяги. В первую очередь, вы хотели сильного германского государства, чтобы преодолеть условия Версаля.

Геринг: Независимо от Версаля, мы хотели сильного германского государства, но для того, чтобы избавиться от Версаля, государство в первую очередь должно было быть сильным, так как слабое государство никогда не заставит услышать себя, это мы знали по опыту.

Джексон: И фюрер-принцип был введен вами, потому что вы думали, что он послужит цели сильного государства?

Геринг: Верно.

Джексон: И эта цель, которая являлась одной из целей нацистской партии, изменение условий Версаля, была публичной и громкой целью призванной привлекать людей в партию, это являлось одним из ваших лучших средств для

привлечения к вам людей, не так ли?

Геринг: Диктат Версаля был таким, что каждый немец, по моему мнению, не мог помочь в его изменении, и не было никакого сомнения в том, что это было очень сильным побуждением для присоединения к движению.

Джексон: Итак, некоторых людей принимавших участие в движении здесь нет и для протокола, вы не сомневаетесь, что Адольф Гитлер мертв?

Геринг: Мне кажется, в этом нет сомнений.

Джексон: И это же касается Геббельса?

Геринг: Геббельс, у меня нет сомнений в этом, так как от тех, кому я полностью доверяю, я слышал, что они видели Геббельса мертвым.

Джексон: И вы не сомневаетесь в смерти Гиммлера не так ли?

Геринг: Я не уверен в этом, но я думаю, вы должны быть уверены, поскольку вам известно об этом больше меня, так как он умер, будучи вашим пленным. Меня там не было.

Джексон: Вы не сомневаетесь в смерти Гейдриха, не так ли?

Геринг: Я абсолютно в этом уверен.

Джексон: И вероятно с Бормана?

Геринг: Я не абсолютно уверен в этом. У меня нет подтверждений. Я не знаю, но я полагаю, что так.

Джексон: И они были главными персонами в ваших показаниях, кто был ответственным, Гитлер за все, Геббельс за возбуждение беспорядков против евреев, Гиммлер, который обманывал Гитлера, Борман, кто ввел его в заблуждение относительно его завещания?

Геринг: Влияние, которое оказывали на фюрера изменялось в разное время. Основное влияние на фюрера, по крайней мере, до конца 1941 или начала 1942, если вообще говорить о влиянии, оказывалось мной. С тех пор до 1943 мое влияние постепенно снижалось, после чего потеряло значение. В общем, мне не кажется, что кто-нибудь имел такое же влияние на фюрера, какое имел я. Следом за мной, или помимо меня, если вообще говорить о влиянии, Геббельс, с которым фюрер проводил много времени, с самого начала оказывал влияние в определенных сферах. Это влияние колебалось со временем и было очень слабым, а затем сильно возросло в последние годы войны, так как легко было получить влияние с помощью….

До захвата власти и непосредственно после захвата власти, Гесс имел определенное влияние, но только в своей специальной сфере. Затем, с течением лет, возросло влияние Гиммлера. С конца 1944 его влияние быстро снизилось. Наиболее решающее влияние на фюрера в ходе войны, и особенно с 1942 после ухода Гесса в 1941, и с течением лет оказывалось господином Борманом. Последний имел в самом конце разрушительно сильное влияние. Это стало возможным, только потому, что после 20 июля фюрер был полон обоснованного недоверия, и потому что Борман постоянно находился с ним и докладывал, и описывал ему все вопросы. В целом

такие лица имели влияние в то или иное время.

Джексон: В 1933 вы приняли специальную разведывательную организацию, которая предназначалась для отслеживания телефонных переговоров публичных чиновников и остальных внутри и вне Германии, не так ли?

Геринг: Я объяснял, что я создал технический аппарат, который как вы сказали, отслеживал беседы важных иностранцев с иностранными государствами – телеграммы и радиосообщения, которые передавались не только из Германии за рубеж, но и наоборот, перехватывались. Он также отслеживал телефонные переговоры в Германии: 1) всех важных иностранцев; 2) временами, важных фирм; 3) лиц за которыми по каким-нибудь причинам политического или полицейского характера, нужно было присматривать.

Для того, чтобы предотвращать злоупотребления со стороны полиции, этот отдел, должен был получать моё личное разрешение, когда он должен был слушать телефонные переговоры. Несмотря на это, конечно, могло быть неконтролируемое подключение к линиям, также как это везде технически возможно.

Джексон: Вы сохраняли результаты таких докладов для себя, не так ли?

Геринг: Нет, был порядок: те доклады, в которых было заинтересовано министерство иностранных дел выдавались министерству иностранных дел. Те доклады которые являлись важными для фюрера шли к фюреру. Те которые были важными для военных властей шли военному министру или в министерство авиации или министру экономики. Я или мой заместитель решали, важен ли доклад для того или иного ведомства. Существовал человек в чью работу и обязанности входило следить за тем, чтобы эти секретные доклады представляли только начальнику, я конечно мог в любое время приказать, чтобы тот или иной доклад был доведен исключительно до моего сведения и не передавался. Такое было всегда возможно.

Джексон: У вас были большие сложности с другими полицейскими властями, которые хотели получить контроль над данной организацией, не так ли?

Геринг: Верно. Полиция стремилась получить этот инструмент в свои руки. Но от меня они ничего не получили, и вероятно, им приходилось следить здесь и там. Но решающий контроль о котором пришлось распорядиться оставался за министерством почты, которое технически подчинялось только мне.

Джексон: Вы выслушали доказательства обвинения в отношении всех подсудимых, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: Существует ли какой-нибудь акт любого из ваших со-подсудимых, который вы назовёте необоснованным разумно для осуществления планов нацистской партии?

Геринг: Сейчас есть только утверждения обвинения, пока нет фактов которые доказаны. В этих утверждениях есть ряд действий, которые не являлись необходимыми.

Джексон: Вы обозначите какие действия, каких подсудимых, вы называете выходившими за рамки планов партии?

Геринг: Это очень сложный вопрос, на который я не могу ответить прямо сейчас без данных.

Штамер: Я возражаю этому вопросу. Мне не кажется, что это вопрос о факте, но скорее суждение, и что невозможно дать ответ на такой общий вопрос.

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал думает, что вопрос поставлен весьма широко.

Джексон: Вы сказали, что программа нацистской партии была призвана исправить отдельные несправедливости, которые вы видели в Версальском договоре, и я спрашиваю вас, не является фактом, что ваша программа значительно выходила за рамки любого вопроса связанного с договором?

Геринг: Конечно, программа содержала ряд других пунктов, которые не касались Версальского договора.

Джексон: Я хочу обратить ваше внимание на следующее заявление из «Mein Kampf»:

> «Границы 1914 ничего не значат для будущего немецкой нации. Они не представляли защиту в прошлом и не представляют силу в будущем. Они не дадут немецкому народу ни внутренней безопасности, ни сытости, ни являются благоприятными или удовлетворительными с военной точки зрения».
>
> Все это правда или нет?

Геринг: Я хочу перечитать подлинное место в «Mein Kampf» для того, чтобы определить, точно ли оно, такое как вы прочитали. Я полагаю, что оно верное. Если так, то я могу ответить, что это текст публичной книги, а не партийная программа.

Джексон: Первой страной подлежащей поглощению Германией была Австрия, и она не являлась частью Германии ни до Первой мировой войны, и не была отобрана у неё Версальским договором, это правильно?

Геринг: Именно по этой причине в программе данный пункт был четко отделен от Версаля. Австрия прямо связана с Версалем лишь постольку поскольку право на самоопределение провозглашённое там, было самым грубым образом нарушено, так как Австрии и чисто немецкому населению было отказано в аншлюсе, который они хотели закончить ещё в 1918 после революции.

Джексон: Второй территорией взятой Германией была Богемия, затем Моравия и затем Словакия. Их не забрали у Германии по Версальскому договору, и они не являлись частью Германии до Первой мировой войны.

Геринг: Тоже самое, что касается Судетов применимо и к Австрии. Немецкие представители германских Судетов также заседали в австрийском парламенте и под руководством лидера, Лоттмана[343] провели такое же голосование. Это отличалось в

[343] Рудольф Лодгман (1877 – 1962) – немецко-чешский политик. В 1919 непродолжительное время был губернатором

случае последнего акта, то есть, провозглашения Протектората. Эти части чешской территории, особенно Богемия и Моравия, не составляли части небольшого Германского Рейха до Версальского договора, но ранее столетиями были союзными с Германским Рейхом. Это исторический факт.

Джексон: Вы так и не ответили на мой вопрос, хотя ответили на, что-то другое. Их не забрали у вас по Версальскому договору, не так ли?

Геринг: Конечно, Австрию, а также Судеты забрали по Версальскому договору, так как обе территории, не будь Версальского договора и Сен-Жерменского договора[344], стали бы немецкими территориями в силу права народа на самоопределение. В такой мере они имели к этому отношение.

Джексон: На допросе вы дали показания, не так ли, о том, что по информации Гитлера Соединенные Штаты никогда не вступят в войну даже если на них нападут, и что он рассчитывал на то, что изоляционисты не позволят стране вступить в войну?

Геринг: Этот допрос должно быть совершенно неправильно записан. По этой самой причине я отказался давать присягу на этих допросах до того как мог внимательно посмотреть на немецкую расшифровку и определить правильно ли она понята и переведена. Лишь однажды, и это было со стороны русской делегации, мне представили полностью правильную расшифровку. Я подписал её страницу за страницей и соответственно удостоверил её. Теперь, что касается данного заявления, я хочу, чтобы его правильно поняли. Я сказал, о том, что во–первых, фюрер не верил в то, что Америка вмешается в войну, и он подтверждал эту уверенность отношением изоляционистской прессы, в то время так я, напротив, к сожалению, опасался, того, что Америка в любом случае вмешается в войну. Такую бессмыслицу, я надеюсь, вы меня простите, как говорить, что Америка не вступит в войну даже если на неё нападут, поймите, я никогда бы не мог сказать, потому что понимал, что если на страну нападают, она себя защищает.

Джексон: Вам знаком Аксель Веннер-Грен[345]?

Геринг: Это швед которого я видел два или три раза.

Джексон: Вы разговаривали с ним на эту тему, не так ли?

Геринг: О том, что Америка вступит в войну, я весьма мог говорить с ним, вероятно, да.

Джексон: Вы говорили ему о том, что демократия не сможет мобилизоваться и не будет сражаться, не так ли?

Геринг: Я не говорил ему такой бессмыслицы, так как у нас была одна демократия,

---

Германской Богемии на территории Чехословакии. В дальнейшем был членом парламента Чехословакии.

[344] Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный 10 сентября 1919 в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии.

[345] Аксель Веннер-Грен (1881 – 1961) – шведский предприниматель. Богатейший человек мира в 1930-х годах. Друг Г. Геринга.

в качестве нашего главного противника, а именно Англия, и о том как эта демократия может бороться мы знали по последней мировой войне, и мы испытали это снова в ходе этой войны. Когда я говорил с Веннер-Греном, война с Англией уже бушевала.

Джексон: На допросе вы дали показания, если я правильно вас понимаю, что в голове Гитлера постоянно было две мысли либо искать союза с Россией, и искать жизненное пространство путем приобретения колоний, или заключить союз с Британией и искать приобретения территорий на Востоке. Но в силу своей ориентации, он гораздо сильнее хотел союза с Великобританией, это правда?

Геринг: Это верно. Мне лишь нужно сослаться на книгу «Mein Kampf», где все эти вещи изложены Гитлером в деталях.

Джексон: Итак, уже в 1933 вы начали реальные мероприятия по перевооружению, несмотря на какие-либо договорные ограничения, не так ли?

Геринг: Это не верно.

Джексон: Хорошо, расскажите нам, когда вы начали.

Геринг: После того, как во всех наших предложениях по перевооружению было отказано, то есть, вскоре после нашего выхода из Конференции по разоружению[346], он сделал несколько предложений по ограничению, но поскольку их не воспринимали серьезно и не обсуждали, он приказал о полном перевооружении. В конце 1933 мной лично уже начались незначительные приготовления относительно авиации, а также определенной милитаризации военизированной полиции. Но это делалось только мной лично, я несу ответственность.

Джексон: Что же, тогда милитаризация вспомогательной полиции не являлась государственным вопросом. Это было вашим личным делом. Что вы этим имеете в виду?

Геринг: Не вспомогательной полиции, но муниципальной полиции, то есть, существовала одна военизированная полиция, которая имела простые полицейские обязанности на улицах, и вторая, которая объединялась в соединения и находилась в нашем распоряжении для крупных операций, не созданная нами, поймите это, но существовавшая во время захвата власти. Эту муниципальную полицию, которая объединялась в подразделения, носила форму, была вооружена и размещалась в бараках, я очень скоро преобразовал в сильный военный инструмент, забрав этих людей с полицейской службы и больше обучая их в военном направлении, передав им пулеметы и похожие вещи, в дополнение к их легкому оружию. Я делал это под свою ответственность. Эти подразделения забрали в вооруженные силы как регулярные армейские подразделения, когда был принят закон о вооруженных силах.

Джексон: Я хочу задать несколько вопросов из вашего допроса 17 октября 1945.

[346] Конференция по снижению и ограничению вооружений Лиги Наций проходившая с 1932 по 1934 в Женеве. В октябре 1933 Германия покинула конференцию.

Сначала я прочту вам вопросы и ответы как они есть в допросе и затем спрошу вас давали ли вы такие ответы и затем вы сможете сделать, как я полагаю, пояснения если захотите. Допрос гласит:

> «Сегодня я хотел спросить вас об экономической истории периода. Когда обсуждалась впервые программа вооружения, то есть программа перевооружения? В каком году?
>
> Ответ: Незамедлительно, в 1933.
>
> Вопрос: Другими словами, уже тогда Шахт принял обязательство изыскать средства на программу перевооружения?
>
> Ответ: Да, но конечно, во взаимодействии с министром финансов.
>
> Вопрос: В течение 1933–1935, до введения всеобщей воинской повинности, естественно, перевооружение являлось секретным перевооружением, не так ли?
>
> Ответ: Да.
>
> Вопрос: Таким образом деньги которые использовались за рамками бюджета, нужно было изыскивать путём неких тайных средств о которых не должны были знать иностранные нации?
>
> Ответ: Да, до тех пор пока их нельзя было изыскать из обычных фондов армии.
>
> Вопрос: То есть, у вас был маленький открытый бюджет для армии в 100 000 человек и остальное перевооружение должно было идти из секретных источников?
>
> Ответ: Да».
>
> Вам задавали такие вопросы, и вы давали по существу такие ответы?

Геринг: Более или менее, в целом это верно. Мне нужно сделать такие замечания: во-первых, меня спрашивали, когда обсуждалось перевооружение, а не о том, когда оно началось. Конечно, его обсуждали уже с 1933 году, потому что было ясно, что наше правительство должно, что-нибудь с этим делать, то есть, требовать, чтобы другие разоружались, и если они не разоружаются, нам следовало перевооружаться. Эти вещи требовали обсуждения. Вывод из дискуссии выразился в четко сформулированном приказе, последовавшем после провала наших попыток добиться разоружения других стран. Как только мы или скорее фюрер поняли, что его предложения не будут приняты ни при каких обстоятельствах, конечно началось постепенное перевооружение. Вообще не было никакой причины, чтобы мы информировали мир о том, что мы делаем на пути перевооружения. У нас не было ни таких обязательств, и это не было целесообразным.

Господин Шахт в самом начале 1933 года, никак не мог изыскивать фонды, потому что сначала он еще не занимал никакой должности. Он мог делать это только позже. И здесь было понятно, что фонды нужно было изыскивать через министра финансов и президента Рейхсбанка согласно желаниям и приказам

фюрера, в особенности, так как у нас не осталось никаких сомнений, в том, что если другая сторона не разоружается, мы вооружаемся. Это уже было совершенно открыто изложено в программе партии еще с 1921.

Джексон: Это не факт, что 21 мая 1935 Шахт секретным распоряжением был назначен уполномоченным по военной экономике?

Геринг: Дату я могу вам точно сказать если вы будете любезны, показать мне распоряжение. Я не держу в голове даты распоряжений и законов, особенно если они не имели отношения лично ко мне, но это можно узнать из распоряжения.

Джексон: В любом случае, вскоре после его назначения, он предложил вас в качестве уполномоченного по сырью и валюте, не так ли?

Геринг: Если господин Шахт сделал это предложение вскоре после своего назначения, то такое назначение не могло бы произойти до 1936, потому что до лета 1936 господин Шахт, совместно с военным министром фон Бломбергом, не делал предложения о том, чтобы я стал уполномоченным по сырью и валюте.

Джексон: Спрашивали ли вас и давали ли вы такой ответ американскому следователю 10 октября 1945 года относительно Шахта:

> «Он предложил мне стать уполномоченным по вопросам валюты и сырья. Он полагал, что на таком посту я смогу оказать ценную поддержку министру экономики и президенту Рейхсбанка».
>
> Давали ли вы ответ и правильна ли эта информация?

Геринг: Повторите, пожалуйста.

Джексон: В протоколе говорится, что относительно Шахта вы сказали:

> «Он предложил мне стать уполномоченным по вопросам валюты и сырья. Он полагал, что на таком посту я смогу оказать ценную поддержку министру экономики и президенту Рейхсбанка».

Геринг: Это абсолютно верно, за исключением слова «Reichstagsprasident[347]», вместо которого должно быть президент Рейхсбанка.

Джексон: У меня так и написано.

Геринг: В наушниках оно прозвучало как «Reichstagsprasident».

Джексон:

> «Больше того, он был очень откровенным по поводу предложения, сделанного им и Бломбергом, о том, чтобы я был назначен уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана. Однако Шахт считал, что я недостаточно сведущ в области экономики и что он сможет с легкостью прятаться за моей спиной».

Геринг: Об этом я недавно совершенно четко высказался.

Джексон: С того времени и впредь вы и Шахт сотрудничали в течение некоторого периода, подготовляя программу перевооружения? Разве не так?

Геринг: Я работал с этого времени в области экономики вместе с Шахтом над

---

[347] «Президент Рейхстага» (нем.)

проблемой структуры всей германской экономики и, в частности, над вопросами программы перевооружения, которая, само собой была sine qua non[348] уверенности в германском военном суверенитете.

Джексон: И он и вы имели некоторые разногласия о компетенции и соблюдали соглашение, разграничивающее сферы власти, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: И это было 7 июля 1937, верно?

Геринг: В тот день было сделано определенное предложение об урегулировании, но это не означало окончательного решения вопроса. Это происходило из-за характера наших постов и личностей. Мы оба, я, как делегат четырехлетнего плана[349], и господин Шахт, как министр экономики и президент Рейхсбанка, оказывали сильное влияние на немецкую экономику. Так как господин Шахт был очень сильной личностью и соответственно относился к своей должности, и я также не склонен был прятаться в тени, независимо от того были ли мы друзьями или нет, мы не могли не мешать друг другу из-за этого вопроса полномочий и одному из нас пришлось передать их другому.

Джексон: И пришло время, когда он покинул министерство и Рейхсбанк?

Геринг: Сначала он ушел с поста министра экономики в ноябре 1937, и насколько помню, он ушел с поста президента Рейхсбанка в конце 1938, но я не уверен в этой дате.

Джексон: Между ним и вами не было несогласия в том, что должна была проводиться программа перевооружения. Вы не соглашались только в методах её проведения?

Геринг: Я полагаю, что также господин Шахт, как хороший немец, конечно был готов предоставить всю свою силу в распоряжение перевооружения Германии, для того, чтобы Германия была сильной, поэтому разногласия могли быть только в отношении методов, но ни я, ни господин Шахт не вооружались для агрессивной войны.

Джексон: И после того как он оставил работу над перевооружением, он остался в качестве министра без портфеля и в течение некоторого времени заседал в Рейхстаге, не так ли?

Геринг: Это правильно. Фюрер хотел этого, потому что, как мне кажется, таким образом он хотел выразить свою признательность господину Шахту.

Джексон: И вы вспоминаете время, когда вы рассматривали призыв пятнадцатилетних, призыв на военную службу пятнадцатилетних.

Геринг: Вы имеете в виду во время войны?

Джексон: Да.

---

[348] «Непременным условием» (лат.)

[349] Четырёхлетний план – совокупность экономико–административных мероприятий, предусмотренных для повышения экономической силы, автаркии и перевода нацистской Германии на военные рельсы.

Геринг: Это был вопрос вспомогательных служб воздушных сил, то есть верно. Они были пятнадцати или шестнадцатилетними, я не помню какими именно и призывались во вспомогательные части воздушных сил.
Джексон: Я хочу, чтобы вам показали документ № PS-3700. Я спрашиваю вас, получали вы от Шахта письмо, копией которого, написанной через копировальную бумагу, является этот документ?

[*Документ PS-3700 передан свидетелю*]

Геринг: Да, это письмо я получал. К сожалению, здесь, в копии, не указан год этого письма.
Джексон: Могли бы уточнить, приблизительно, дату его получения?
Геринг: Здесь написано 3-е ноября, но из–за инцидентов описанных здесь я уверен, что это должен быть 1943. Странно, но на копии год не указан, но мне кажется это был 1943, когда я получал это письмо.
Джексон: Вы отвечали на документ PS-3700? Вы ответили на это письмо?
Геринг: Я не могу сейчас точно сказать, возможно.
Джексон: Итак, назначением четырехлетнего плана было привидение всей экономики к готовности к войне, не так ли?
Геринг: Я объяснял, что он выполнял две задачи: 1) обеспечить немецкую экономику на случай кризисов, то есть, стать устойчивой при колебаниях экспорта, и в отношении продовольствия, насколько возможно от колебаний урожайности 2) сделать её устойчивой к блокаде, то есть, в свете опыта Первой мировой войны, создать такую основу, чтобы в случае второй мировой войны не иметь таких разрушительных последствий. То, что четырехлетний план в связи с этим являлся основной предпосылкой для общего развития и расширения промышленности вооружений само собой разумеется. Без него промышленность вооружений не смогла бы быть налажена.
Джексон: Дайте, пожалуйста, если возможно, более точный ответ. Не говорили ли вы в письме к Шахту от 18 декабря 1936 , что вы считаете своей задачей, по вашим собственным словам, в течение четырех лет привести всю экономику в состояние готовности к войне? Сказали вы это или нет?
Геринг: Само собой разумеется, что я это говорил.
Джексон: Итак. Вспоминаете вы отчет Бломберга в 1937 году, в котором (если вы хотите, вы можете посмотреть соответствующий документ, С-175) который начинает доклад со слов:

> «Общее политическое положение обосновывает предположение, что Германии не следует ожидать нападения ни с какой стороны...»

Геринг: Для того момента это было вполне вероятным. Я сделаю обзор немецкой ситуации в 1937. После Олимпийских игр и в то время в целом, обстановка была

чрезвычайно спокойной. Но это не имело никакого отношения к тому факту, что я был обязан быть готов к переходу от слабых колебаний к более напряженной атмосфере, обеспечивая готовность немецкой экономики к войне, устойчивой кризисам или блокаде, так как именно спустя 1 года инциденты такого характера и случились.

Джексон: А теперь, Бломберг продолжает:

> «Это основывается, в дополнение к нехватке желания почти всех наций, особенно западных держав, недостаточной готовностью к войне ряда государств, в том числе России»?
>
> Такой была ситуация в 1937, или нет?

Геринг: Это было то, как господин фон Бломберг видел ситуацию. Касаясь готовности России к войне, господин фон Бломберг, также как и все те представители с менталитетом Рейхсвера всегда ошибался, вопреки мнению других ведомств относительно русского перевооружения. Это было просто мнение господина фон Бломберга – не фюрера, не моё, и не мнение остальных ведущих людей.

Джексон: Однако, было докладом главнокомандующего вооруженных сил от 24 июня 1937, не так ли?

Геринг: Верно.

Джексон: Через месяц после этого вы создали концерн «Герман Геринг»?

Геринг: Правильно.

Джексон: Ваши заводы занимались тем, что приводили Германию в состояние готовности к войне? Не правда ли?

Геринг: Это неправильно. Предприятия «Герман Геринг» занимались исключительно вопросами разработки германских железных руд в районе Зальцгиттер в Верхнем Пфальце и после аннексии — разработкой железных руд в Австрии. Предприятия «Герман Геринг» первоначально занимались созданием различных сооружений и предприятий по добыче руды и подготовкой горных предприятий по обработке железной руды. Только значительно позднее появились сталелитейные и вальцовочные заводы, то есть промышленность.

Джексон: Предприятия «Герман Геринг» входили как составная часть в четырехлетний план? Разве не так?

Геринг: Правильно.

Джексон: Вы уже сказали, что четырехлетний план имел своей целью подготовить экономику Германии к войне, а заводы «Герман Геринг» были организованы для того, чтобы разрабатывать рудные запасы и запасы железа и доводить этот процесс разработки до подготовки готовых орудий и танков? Не так ли?

Геринг: Нет, это неправильно. Концерн «Герман Геринг» вначале не имел своих предприятий вооружения, он занимался производством, как я уже подчеркивал, основной продукции, стали, металлопроката.

Джексон: В любом случае, вы вносили свой вклад, и 8 ноября 1943, вы произнесли речь, в Доме фюрера[350] в Мюнхене, доводившую до гауляйтеров эти мероприятия, правильно?

Геринг: Я не знаю точную дату, но тогда я произнес короткую речь гауляйтерам, одну из серии речей, насколько помню о воздушной обстановке, а также, наверное, о ситуации с вооружениями. Я не помню слов той речи, поскольку меня спрашивают о ней только сейчас, но факты верны.

Джексон: Что же, позвольте мне, если вы так говорите, освежить ваши воспоминания:

> «В начале войны Германия была единственной страной в мире, располагавшей оперативными военно-воздушными силами. Остальные страны разделили свои воздушные флота на сухопутные и морские, и рассматривали воздушное оружие в основном в качестве необходимого и важного вспомогательного средства остальных родов войск. Впоследствии, у них не оказалось инструмента способного в одиночку наносить концентрированные и эффективные удары, такого, как оперативные воздушные силы. В Германии мы с самого начала вышли за такие рамки, и основная масса воздушных сил распределялась таким образом, чтобы она могла совершать глубокие прорывы на вражескую территорию со стратегическим эффектом, в то время как меньшая часть воздушных сил, состоящая из Штук и конечно истребителей, действует на линии фронта. Вам всем известно какие блестящие результаты были достигнуты благодаря такой тактике и какое превосходства в самом начале войны мы получили с такими современными воздушными силами».

Геринг: Это совершенно верно, разумеется, я так говорил, и более того, я действовал соответственно. Но для того, чтобы было понятно и правильно интерпретировано, я должен кратко пояснить:

В этих заявлениях я рассматривал два разных мнения о воздушной стратегии, которые продолжают обсуждаться и сегодня и пока решение не найдено. То есть: должны ли воздушные силы формировать вспомогательное вооружение для сухопутных войск или флота, и делиться, формируя часть армии и флота, или должны являться отдельным родом вооруженных сил? Я пояснял, что для наций с очень крупным флотом вероятно понятно, что такое разделение должно быть сделано. Слава богу, мы с самого начала приняли правильное, твёрдое решение строить сильные, я подчёркиваю слово «сильные» и независимые воздушные силы вместе с армией и флотом, и я описывал, как мы перешли от неуверенных воздушных сил к оперативным воздушным силам.

В качестве эксперта я и сегодня разделяю мнение, что только оперативные

[350] «Фюрербау» — здание в Мюнхене, возведено в 1933—1937 годах по проекту архитектора Пауля Людвига Трооста.

воздушные силы имеют решающее значение, я также объяснял относительно двух- и четырехмоторных бомбардировщиков, что я был вполне удовлетворен двухмоторными бомбардировщиками, потому что во-первых, я не имел четырехмоторных бомбардировщиков; и во–вторых, оперативный радиус двухмоторных бомбардировщиков был достаточным для противников с которыми мы тогда имели дело. Далее я отметил, что основной причиной стремительного окончания кампании в Польше и на Западе были действия воздушных сил.

Таким образом это совершенно верно.

Джексон: Я напомню вам показания свидетеля Мильха давшего присягу в ваших интересах, в отношении предмета о котором не слышал вашего высказывания. Он сказал:

> «У меня сложилось впечатление, что уже во время оккупации Рейнланда, он, Геринг, беспокоился о том, что политика Гитлера приведет к войне».

Вы помните это?

Геринг: Да.

Джексон: И это было правдой или неправдой? Правдой или может быть заблуждением.

Геринг: Нет, я не хотел войны и я считал, что лучший способ избежать войны иметь сильные вооружения согласно знаменитой поговорке «У кого меч у того и мир»

Джексон: Вы все еще придерживаетесь такого мнения?

Геринг: Сегодня у меня такое же мнение, сейчас я понимаю, что положение труднее чем, когда-либо.

Джексон: И это было правдой, как сказал Мильх, что вас беспокоило то, что политика Гитлера во время оккупации Рейнланда приведет к войне?

Геринг: Прошу прощения, я понял, что вы спросили меня о том, является ли сегодня моим мнением то, что только хорошо вооруженная нация может поддерживать мир. Я это имел в виду своим последним заявлением.

Если вы связываете этот вопрос с заявлением Мильха, о том, что меня беспокоило то, что политика фюрера может привести к войне, я хочу сказать, что меня беспокоило то, что начнётся война, и если возможно я хотел избежать её, но не в смысле того, что политика фюрера привела бы к ней, потому что фюрер также желал реализовать свою программу путем соглашений и дипломатических действий.

Относительно оккупации Рейнланда я мало беспокоился по поводу реакций, по тем же причинам.

Джексон: А когда ничего не случилось, следующим шагом стала Австрия?

Геринг: Одно не связано с другим. Я никогда не думал о том, что Австрия приведет в войне, как было в случае с оккупацией Рейнланда, так как в случае Рейнланда я хорошо мог представить, что могут быть последствия. Но какими могли быть последствия из заграницы союзу двух братских народов чисто немецкой крови мне

было не ясно, в особенности поскольку Италия, которая всегда претендовала на жизненно важный интерес в отдельной Австрии немного изменила свои мысли. Это не могло иметь значения, по крайней мере, для Англии и Франции, как не имевшим ни малейшего интереса к этому союзу. Следовательно, я не видел опасности, в том, что это приведет к войне.

Джексон: Я задам вам еще несколько вопросов об Австрии. Вы сказали, что и вы и Гитлер глубоко сожалели о смерти Дольфуса, и я спрашиваю вас, разве не является фактом, что Гитлер разместил в Вене плакат в честь убийц Дольфуса, и возлагал венки на их могилы, когда бывал там. Это факт? Ответьте на данный вопрос «да» или «нет»

Геринг: Нет, я не могу ответить ни «да» ни «нет», если я должен говорить правду под присягой. Я не могу сказать: «Да он делал это», потому что я не знаю, я не могу сказать: «Нет, он не делал этого», потому что я не знал и этого. Я хочу сказать, что слышу об этом событии впервые.

Джексон: Итак, в июне 1937, Зейсс-Инкварт прибыл к вам и государственному секретарю Кепплеру, и у вас были некие переговоры.

Геринг: Да.

Джексон: И желание Зейсс–Инкварта заключалось в независимой Австрии, не так ли?

Геринг: Насколько помню, да.

Джексон: И Кепплер был тем человеком, который был направлен Гитлером в Вену во время аншлюса, и который телеграфировал Гитлеру не вступать, вы вспоминаете?

Геринг: Да.

Джексон: Эту телеграмму от человека, который находился на месте, и который ранее вел переговоры с Зейсс–Инквартом, вы охарактеризовали наглой и бессмысленной, вспоминаете?

Геринг: Я не характеризовал телеграмму словом которое мне перевели на немецком как «наглую». Я сказал, что эта телеграмма уже не могла оказать никакого влияния и являлась излишней, потому что войска уже двигались и имели свой приказ, события уже свершились.

Джексон: Вы потребовали, чтобы Зейсс-Инкварт был назначен канцлером? Верно?

Геринг: Я лично не хотел этого, но это вытекало из того обстоятельства, что тогда только он мог принять канцлерство, потому что уже входил в правительство.

Джексон: Итак, Зейсс–Инкварт стал канцлером Австрии понимая, что его страна сдается Германии, или его заставили верить в то, что он будет независимым, иметь независимую страну?

Геринг: Недавно я объяснял, что, даже улетая на самолете следующим утром, фюрер еще не решил, следует ли добиться союза с Австрией средствами единого главы государства. Я также сказал, что лично я не считал такое решение достаточно

исчерпывающим и о том, что я был за абсолютный, непосредственный и полный аншлюс.

Тогда я точно не знал, в чём заключалось отношение Зейсс–Инкварта. Вместе с тем я опасался, что это отношение было скорее в направлении продолжения сотрудничества по-отдельности, и не заходило настолько далеко как моё отношение в направлении полного аншлюса. Поэтому, я был очень удовлетворен, когда полный аншлюс проявился в течение дня.

Джексон: Я покорно заявляю, что ответы не содержательные, и я повторяю вопрос.

Становясь канцлером Австрии, Зейсс–Инкварт понимал, что он призовет германские войска и сдаст Австрию Германии, или вы заставили его верить в то, что он продолжит независимую Австрию?

Геринг: Извините, но это ряд вопросов, на которые я не могу ответить просто «да» или «нет».

Если вы спрашиваете меня: «Стал ли Зейсс–Инкварт канцлером согласно воли вашей и Гитлера?» - да

Если затем вы спрашиваете меня: «Стал ли он канцлером понимая, что он должен послать телеграмму с просьбой ввести войска?» - я говорю: «Нет», - потому что во время канцлерства ему не ставился вопрос о посылке телеграммы

Если в третьих вы спрашиваете меня: «Стал ли он, канцлером понимая, что он будет способен поддерживать независимость Австрии?» - тогда я снова вынужден сказать, что окончательное развитие событий не было известно фюреру в тот вечер.

Вот, что я пытался объяснить.

Джексон: Это не правда, что вы подозревали, что он мог хотеть быть независимым насколько возможно, и что в этом заключалась одна из причин введения войск?

Геринг: Нет. Простите, но здесь два вопроса: я серьезно подозревал, что Зейсс-Инкварт хочет быть насколько возможно независимым. Направление войск не имело к этому подозрению никакого отношения, для этого не требовалось ни единого солдата. Я уже приводил свои причины ввода войск.

Джексон: Но Зейсс–Инкварту никогда не намекали, что Австрия не останется независимой с того момента, как вы сказали, фюрер и вы взяли под контроль судьбу Австрии? Это факт?

Геринг: Разумеется, фюрер заранее ему этого не сказал. Что касается меня, являлось общеизвестным, что я хотел этого, и я полагаю, он знал о моем отношении.

Джексон: Итак, вы заявили, что тогда, в беседе с фон Риббентропом в Лондоне, подчеркнули, что Зейсс–Инкварту не ставили ультиматума, и вы сказали, что все было фактически законно.

Геринг: Я не сказал: «Законно»,- я сказал: «Дипломатично»

Председатель: Не подошло ли время прерваться?

Джексон: Да, ваша честь.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 19 марта 1946*]

День восемьдесят пятый

Вторник, 19 марта 1946

Утреннее заседание

Штамер: С разрешения трибунала, я вызываю в качестве свидетеля гражданского инженера, Биргера Далеруса из Стокгольма.

[*Свидетель Далерус занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё имя?
Далерус: Биргер Далерус.
Председатель: Повторите за мной присягу: «Я клянусь богом – всемогущим и всевидящим, что показания которые я дам будут правдой, полной правдой и ничем кроме правды, да поможет мне бог».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть если желаете.
Штамер: Расскажите суду, как получилось, что вы, будучи частным лицом и шведским гражданином, старались добиться взаимопонимания между Англией и Германией?
Далерус: Я очень хорошо знал Англию, так как я жил там в течение 12 лет. Я также очень хорошо знал и Германию. Во время Первой мировой войны, живя как в Германии, так и в Англии, я наблюдал отношение к этой войне как одной, так и другой страны.

Во время посещения Англии в конце июня 1939 года я побывал в ряде городов: Бирмингеме, Ковентри, Манчестере и Лондоне и повсюду видел непоколебимую веру в то, что народ Великобритании не потерпит более агрессии со стороны Германии.

2 июля я встретился с некоторыми друзьями в «Constitutional Club[351]», мы обсудили сложившееся положение, и они ясно резюмировали общее мнение

[351] «Конституционный клуб» - один из так называемых «джентельменских» клубов Лондона. Место собраний сторонников Консервативной партии. Существовал в 1886-1979.

английской общественности.

Так как эта сводка об общественном мнении в Великобритании впоследствии была основой для моей дискуссии с Герингом, я думаю, что должен процитировать её.

> «Описание выводов сложившихся в результате наблюдений условий в Великобритании в беседах с людьми:
>
> А. Согласие в том, что Берхтесгаден и Чехословакия поколебали доверие, и что сразу же после Берхтесгадена, до Чехословакии, можно было в результате взаимодействия осуществить вещи о которых уже приняла решение Германия.
>
> Б. Общественное мнение в Великобритании сейчас крайне ожесточённое. Решимость: до сих пор и никуда дальше.
>
> В. Великобритания с настоящего момента имеет обязательства не существовавшие во время встречи в Берхтесгадене. Польша и Данциг: нападение на Данциг означает войну с Польшей и Британией. Великобритания будет автоматически вовлечена вследствие своих обязательств. Отсюда, автоматически, война с Великобританией.
>
> Г. Великобритания не показывает свою силу, это неизвестно даже британской общественности.
>
> Затем следует заявление номер 2, о речи лорда Галифакса: «Мои личные наблюдения указывают на то, что Англия твёрдо стоит на своих декларациях…»

Председатель: Минуточку. Боюсь, русский снова идёт через французский. Боюсь, трибунал должен прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Перед тем как свидетель продолжит со своими доказательствами, трибунал хочет, чтобы я сказал о том, что система по которой наушники соединяются с переводчиками была проверена после завершения заседания вчера вечером, проверена снова в 9:30 утра, и снова в 9:55 утра. Но каждый, кто входит в суд, должен понимать, что невозможно скрыть эти провода для того, чтобы они были в порядке. Поэтому, очень важно, чтобы каждый, кто входит в суд старался избегать по возможности наступать на эти провода, которые могут быть повреждены из-за ударов и порваны, и из-за этого происходят неполадки в системе.

Делается всё для того, чтобы система работала как можно эффективнее. Таким образом, те кто пользуется судом, должны следить за тем, что они делают всё возможное, чтобы система работала эффективно.

Штамер: Господин Далерус, пожалуйста, продолжайте.

Далерус: Пункт номер 2: Речь лорда Галифакса:

«Личные наблюдения указывают на то, что Англия твёрдо придерживается своей декларации. Лорд Галифакс недооценивает английское положение, что привычно для британцев, то есть, он говорит о состоянии силы Великобритании слабее чем есть на самом деле. Вероятно, в Германии это не полностью осознают.

Пункт номер 3: Англия хочет мира, но не мира любой ценой. Немецкий народ вполне приемлим для британцев и кажется не должно быть никакой сильной причины для вооружённого конфликта. Как и раньше, Германия разумеется снова проиграет, и получит гораздо меньше от войны нежели от мирных переговоров. Англии и её друзьям также придётся сильно пострадать, возможно это будет означать конец цивилизации».

После того как я заметил, что в Третьем Рейхе имелась склонность игнорировать нежелательные сообщения, я счел своим долгом сообщить это мнение английской общественности высшим кругам Германии и думал, что это сообщение будет очень ценным.

Штамер: Господин Далерус, могу я прервать вас вопросом? Когда вы говорите о своих друзьях, вы имеете в виду членов британского парламента?

Далерус: Нет, это были люди из делового мира. Если трибунал желает, я могу зачитать список фамилий.

Штамер: Кто были эти люди? Назовите их фамилии.

Далерус: Можно ли для сокращения времени передать этот список трибуналу?

Председатель: По-моему, их фамилии не имеют большого значения, если они являлись представителями деловых кругов, не правда ли?

Далерус: Согласившись со своими друзьями в вопросе о целесообразности посещения Германии, я отправился туда и добился приема у Геринга 6 июля, в 4 часа дня, в его поместье Каринхале.

Я рассказал ему о своих наблюдениях в Англии и особенно указал на необходимость предпринять все меры для предотвращения возможности войны. Геринг выразил сомнение по поводу того, не следует ли все происходящее в Великобритании рассматривать как попытку обмана. Он также высказал мнение относительно того, что Великобритания стремится контролировать ход событий на континенте.

Я сказал ему, что я не хочу, чтобы он принимал мои заявления как заявления гражданина нейтрального государства, и предложил устроить встречу членов германского правительства с англичанами, знавшими обстановку. Я предложил, чтобы совещание состоялось в Швеции, возможно, по приглашению короля Швеции или шведского правительства.

8 июля я получил от Геринга ответ, где он сообщал, что Гитлер согласен с этим планом, и я отправился в Швецию с тем, чтобы устроить эту встречу в

Швеции.

Шведское правительство, по некоторым соображениям, сочло нежелательным, чтобы шведский король или шведское правительство послали такое приглашение, но оно не имело ничего против того, чтобы частные лица подготовили соответствующие условия для проведения этого совещания.

Граф Трола Вахмеестер с готовностью предложил нам свой замок Трола Билда для совещания. 19 июля я уехал в Лондон для того, чтобы начать подготовку к этому совещанию.

Председатель: Доктор Штамер, в интересах экономии времени не можете ли вы попросить свидетеля дать показания о самих переговорах? Все эти предварительные шаги не имеют, по моему мнению, большого значения. Не могли бы вы рассмотреть сами переговоры?

Штамер: Хорошо, он сейчас перейдет к этим переговорам, к тому предварительному совещанию, которое состоялось 7 августа в Сенке Ниссен Коог. Вы хотели сказать, что 19 июля вылетели в Лондон и встретились там с лордом Галифаксом 20 июля?

Далерус: Да.

Штамер: Расскажите трибуналу, о содержании вашей беседы с лордом Галифаксом 20 июля?

Далерус: Я встретился с лордом Галифаксом 20 июля. Он подчеркнул, что он не желает, чтобы кто-либо из членов английского правительства или членов парламента участвовал в этой встрече. Однако правительство Его Величества с интересом будет следить за ходом и результатами этой встречи. Встреча состоялась в Сенке Ниссен Коог в Шлезвиг-Гольштейне, вблизи датской границы, в поместье, принадлежавшем моей жене. На встрече присутствовали 7 англичан, Геринг, Боденшац и доктор Шеттл.

Штамер: Какого числа это было?

Далерус: Это было 7 августа. Совещание началось в 10 часов. В самом начале Геринг предложил англичанам задать ему любые вопросы. После этого состоялась длительная беседа о политических событиях, особенно в связи с взаимоотношениями между Великобританией и Германией. В конце концов, перешли к вопросу о Мюнхене и о событиях, последовавших после Мюнхена. Английские представители подчеркнули необходимость прекратить политические агрессии в Европе; также обсуждался вопрос о польском коридоре и о Данциге.

Англичане дали ясно понять, что в случае, если Германия попытается насильно оккупировать какую-либо новую территорию, то Британская империя, в соответствии со своими обязательствами, окажет помощь Польше.

Геринг дал честное слово государственного деятеля и солдата, что, хотя ему как руководителю самого могущественного воздушного флота в мире, возможно, и придется ввести в бой свои воздушные силы, но он сделает все

возможное для того, чтобы попытаться предотвратить возникновение войны.

В результате совещания все присутствовавшие пришли к заключению, что будет очень полезным как можно быстрее организовать встречу представителей Великобритании и Германии. Совещание окончилось поздно ночью. На следующее утро английские представители предложили, чтобы в этой конференции приняли участие четыре страны: Великобритания, Франция, Италия и Германия. Я поехал в Зильт, где находился Геринг, и он от имени Германии согласился с этим видоизмененным предложением.

Штамер: Участвовали ли в этом совещании английские члены парламента?

Далерус: Нет, только английские предприниматели.

Штамер: Было ли сообщено об этом посещении лорду Галифаксу?

Далерус: Английские представители покинули Германию рано утром 9 августа и, вернувшись в Англию, немедленно представили доклад в министерство иностранных дел Великобритании.

Штамер: Состоялась ли намеченная конференция, и как развернулись события дальше?

Далерус: Я лично от Геринга получил подтверждение того, что Гитлер согласен созвать такую конференцию. Этот вопрос обсуждался в Лондоне, и 19 августа мне сообщили о том, что я должен поехать в Париж, очевидно, для получения ответа от англичан. Перед отъездом, 21-го я узнал, что между Россией и Германией заключено торговое соглашение, которое на следующий день было распространено и на другие политические вопросы. 23 августа в 10 ч. 30 м. утра Геринг разговаривал со мной по телефону и просил по возможности немедленно приехать к нему в Берлин.

Штамер: Он, в ходе беседы отмечал серьёзность ситуации?

Далерус: Да. Геринг заявил, что ситуация между тем стала более серьезной.

Штамер: Когда вы встретились с Герингом?

Далерус: Я прибыл в Берлин 24 числа и в 2 часа уже встретился с Герингом.

Штамер: Каково было содержание вашей беседы?

Далерус: Он сказал мне, что положение стало очень серьезным из-за того, что между Польшей и Германией не было достигнуто никакой договоренности. Он просил меня поехать в Лондон и объяснить положение англичанам.

Штамер: Вы там должны были особенно указать на то, что Германия готова на соглашение с Англией?

Далерус: Да, Геринг заявил, что Германия очень желает добиться взаимопонимания с Великобританией.

Штамер: Когда вы уехали затем в Лондон?

Далерус: 25-го, в пятницу, на следующее утро.

Штамер: Эта поездка была согласована с Гитлером?

Далерус: Этого я сказать не могу.

Штамер: С кем вы совещались там, в Лондоне, 25-го вечером?

Далерус: Важная встреча состоялась поздно вечером в 18:30 с лордом Галифаксом.
Штамер: Что рассказал вам при этом Галифакс?
Далерус: Он сообщил мне, что в тот же день Гендерсон беседовал с Гитлером и что Гендерсона ожидали в Лондоне в субботу 26-го. Он выразил надежду, что теперь имеются официальные пути для переговоров и поэтому можно будет прийти к соглашению. Он поблагодарил меня за то, что я сделал, и сказал, что мои услуги, по-видимому, более не потребуются.
Штамер: Вы в тот же вечер по телефону разговаривали с Герингом?
Далерус: Да.
Штамер: Каково было содержание этого разговора?
Далерус: Я пытался звонить ему в 8 часов вечера, и лишь после содействия со стороны министерства иностранных дел мне удалось установить связь. Геринг затем сказал мне, что положение было чрезвычайно напряженное, и просил меня сделать все возможное для того, чтобы добиться созыва конференции представителей Великобритании и Германии.
Штамер: Вы сообщили лорду Галифаксу об этом разговоре?
Далерус: Да, господин Робертс[352] — сотрудник министерства иностранных дел — немедленно получил точный текст нашей беседы, и еще до полуночи текст был передан лорду Галифаксу.
Штамер: Состоялось ли еще на следующее утро, то есть в субботу 26 августа, совещание с Галифаксом? Каково было содержание этого совещания?
Далерус: Я встретился с лордом Галифаксом в субботу 26-го в 11 часов и сказал ему, что, насколько мне известно, германское правительство пытается добиться быстрого решения, и подчеркнул, что было бы очень важно дать ясно понять германскому правительству, что при таком серьезном положении необходимо действовать с большой осторожностью и чувством ответственности. Я попросил его, чтобы он особенно указал германскому правительству на желание английского правительства добиться взаимопонимания.
Штамер: Кто-нибудь говорил вам, что Геринг был единственным человеком с немецкой стороны способным предотвратить войну?
Далерус: Что же, лично у меня сложилось впечатление о том, что Геринг был членом германского правительства который наиболее вероятно работал ради мира. У меня сложилось такое впечатление из тех бесед, что у нас были.
Штамер: Какое предложение вы сделали тогда лорду Галифаксу?
Далерус: Я предложил лорду Галифаксу написать письмо Герингу, которое я немедленно мог бы отвезти в Берлин и передать ему лично.
Штамер: Ваше предложение приняли?
Далерус: Да, Галифакс переговорил с Чемберленом и после этого написал прекрасное письмо, в котором он очень ясно указал на желание правительства Его

[352] Фрэнк Робертс (1907-1998) – британский дипломат. Сотрудник МИД Великобритании в 1930-1969.

Величества достичь мирного соглашения.

Штамер: И вы с этим письмом прилетели обратно в Берлин?

Далерус: Да. Я прибыл в Берлин вечером и встретился с Герингом приблизительно в 10 часов вечера.

Штамер: Расскажите трибуналу о содержании этой беседы с Герингом, которую вы имели в связи с посещением лорда Галифакса.

Далерус: Я встретился с Герингом в его поезде, который должен был следовать в ставку. Я рассказал ему о положении вещей в Лондоне и подчеркнул, что, если германское правительство предпримет какие-либо шаги против Данцига, то, без сомнения, это вызовет немедленно войну с Великобританией. Но я сказал, что британское правительство будет делать все возможное, чтобы избежать кризиса. Объяснив положение вещей, я передал ему письмо. Он разорвал конверт и после того, как прочел письмо, попросил меня тщательно перевести его, так как очень важно, чтобы содержание было правильно понято. Он вызвал своего адъютанта и приказал остановить поезд на следующей станции, заявив, что, по его мнению, необходимо немедленно сообщить Гитлеру о содержании письма. Я поехал с ним на автомашине в Берлин, и ровно в полночь мы остановились у рейхсканцелярии. Геринг пошел к Гитлеру, а я поехал в гостиницу.

Штамер: Итак, это было 27 августа ночью, — не правда ли?

Далерус: Так точно.

Штамер: Имели ли вы тогда беседу еще и с Гитлером?

Далерус: Приблизительно в 0 ч. 15 м. ночи ко мне приехали два офицера и попросили меня поехать к Гитлеру. По приезде к Гитлеру я немедленно был принят им. При беседе присутствовал только Геринг.

Штамер: Расскажите несколько более подробно об этой беседе.

Далерус: Гитлер в своих обычных тонах начал с пространного объяснения германской политики. Это длилось приблизительно 20 минут, и я решил, что ничего полезного из этого посещения не получится. Воспользовавшись подходящим моментом, когда он ругал англичан и Англию, я прервал его и сказал, что я работал в Великобритании, в качестве рабочего, в качестве инженера и в качестве и руководителя промышленного предприятия, что я очень хорошо знаю английский народ и поэтому я не могу согласиться с его заявлением. После этого произошла длительная беседа, во время которой он задал много вопросов об Англии. Затем он начал объяснять мне, как прекрасно вооружена германская армия. Он очень волновался, ходил взад и вперед по комнате и, в конце концов, находясь в состоянии сильного возбуждения, сказал мне, что если дело дойдет до войны, — он будет строить подводные лодки, очень много подводных лодок. Он говорил так, как будто он не осознавал, что в комнате находились другие лица, помимо него. После этого он начал кричать, что он будет строить самолеты и самолеты и что он выиграет войну. Через некоторое время он успокоился и начал говорить об Англии. Он

сказал: «Господин Далерус, скажите мне, пожалуйста, почему мне никогда не удалось достичь соглашения с английским правительством? Вы как будто бы хорошо знаете Англию, возможно, вы в состоянии объяснить мне это?» Я несколько колебался, но потом сказал ему, что, зная слишком хорошо английский народ, я считаю, что причиной является недоверие англичан к нему и его правительству.

Беседа продолжалась. Он пространно изложил мне содержание его беседы с Гендерсоном и в конце попросил меня немедленно отправиться в Лондон и объяснить там его точку зрения. Естественно, я отказался, сказав ему, что я не могу поехать в качестве уполномоченного германского правительства, но если английское правительство выскажет желание, чтобы я совершил такую поездку, то я это сделаю. В качестве условия было решено следующее: я должен точно знать, какие у него имеются предложения. Мы провели вместе полтора часа, в течение которых он полностью изложил различные вопросы, причем более подробно, чем он их объяснял Гендерсону.

Штамер: Какие предложения вы, в общем, должны были передать?

Далерус: В сжатой форме эти предложения сводятся к следующему:

1. Германия желает заключить пакт или союз с Великобританией.
2. Англия должна помочь Германии получить Данциг и польский коридор.
3. Германия обязуется обеспечить гарантию границ Польши.
4. Должно быть достигнуто соглашение относительно колоний Германии.
5. Должны быть обеспечены гарантии в отношении обращения с немецкими меньшинствами в Польше.
6. Германия обязуется защищать Британскую империю германскими вооруженными силами в случае, если на последнюю будет совершено нападение.

Штамер: Господин Далерус, по поводу второго пункта, Польше не гарантировалась свободная гавань Данцига? Вы можете, что-нибудь добавить к тому какую гарантию должна была получить Польша. Таким был второй дом?

Далерус: Да. Конечно, это был только очерк. Эти предложения естественно были гораздо шире.

Штамер: Верно, что Польша должна была получить свободную гавань в Данциге, что она должна была получить коридор к Гдыни, согласно предложениям?

Далерус: Это было сказано Гитлером.

Штамер: Спасибо. Каков был дальнейший ход переговоров?

Далерус: На следующее утро я вылетел на специальном самолете, договорившись предварительно с Лондоном. Я встретился с господином Чемберленом, лордом Галифаксом, сэром Горасом Вильсоном[353] и сэром Александром Кадоганом[354].

Штамер: Это было 27 августа, — не правда ли?

---

[353] Горас Вильсон (1882 – 1972) – британский государственный деятель. В 1939-1942 начальник управления внутренней гражданской службы.

[354] Александр Кадоган (1884 — 1968) — британский дипломат. В 1938-1946 заместитель министра иностранных дел Великобритании.

Далерус: Да, 27 августа.
Штамер: Где?
Далерус: На Даунингстрит, № 10.
Штамер: Каково было содержание этого совещания с господином Чемберленом и лордом Галифаксом?
Далерус: Мы очень подробно обсудили выдвинутые предложения. По некоторым пунктам, как видно из английской «Голубой книги[355]», эти предложения отличались от тех, которые были сделаны Гендерсону. Поэтому я предложил правительству Великобритании, что если оно полностью доверяет мне как посреднику, то оно должно сказать мне, в какой мере оно может принять эти предложения, после чего я готов буду вернуться в Берлин в тот же день и изложить точку зрения англичан Гитлеру и Герингу. Они должны задержать Гендерсона в Берлине до понедельника с тем, чтобы дать ответ, предварительно узнав мнение Гитлера о точке зрения англичан.
Штамер: В этот день вы совещались еще с сэром Александром Кадоганом?
Далерус: После встречи с членами правительства, фамилии которых я упомянул выше, я имел длительную беседу с Кадоганом.
Штамер: Вы получили от него определенные предложения?
Далерус: Да.
Штамер: Каково было их содержание?
Далерус: Я должен сказать, что англичане приложили величайшие усилия для того, чтобы честным и мирным образом рассмотреть различные пункты. Естественно, что пункт 6 — предложение о защите Британской империи — был отклонен. Также они отказались обсуждать вопрос о колониях до тех пор, пока Германия не проведет демобилизацию. Что касается границ Польши, то они желали, чтобы эти границы были гарантированы пятью великими державами: Россией, Германией, Англией, Францией и Италией.

Что касается коридора, то они рекомендовали начать немедленные переговоры с Польшей.

Что касается пункта первого, то Англия в принципе готова была прийти к соглашению с Германией.
Штамер: Вы возвратились в Германию с этими предложениями?
Далерус: Да, англичане обещали послать Гендерсона обратно в тот же день. Но я связался по телефону с Берлином, откуда мне дали согласие на то, чтобы Гендерсон вернулся лишь в понедельник. В тот же вечер я вылетел из Англии и около полуночи прибыл в Берлин.
Штамер: Вы совещались с Герингом после этого?
Далерус: Я встретился с Герингом приблизительно в 11 ч. 30 м. в воскресенье

[355] «Голубая книга Правительства» - сборник документов правительства Великобритании о британо-польских отношениях и начале боевых действий с Германией. Издана в 1939.

вечером и сообщил ему о результатах своей поездки.

Штамер: Можете ли вы несколько подробнее рассказать нам об этой беседе?

Далерус: Он рассматривал этот ответ не очень благоприятным. Но я объяснил ему, что, учитывая ход событий в последние годы, вряд ли можно было ожидать, чтобы Великобритания согласилась с тем, чтобы одна Германия давала гарантию в отношении границ Польши. Что касается вопроса о колониях, то я объяснил ему, что любое английское правительство, которое попытается провести этот вопрос в парламенте в тот период, когда германские войска мобилизованы, несомненно, потерпит неудачу.

Что касается шестого пункта, я попытался дать ему ясно понять, что Англия или Британская империя, предпочтет защищать сама свои собственные интересы. В конце он сказал, что будет лучше, если он один встретится с Гитлером. Он отправился в рейхсканцелярию, а я вернулся в гостиницу. Приблизительно в час утра в понедельник, 26-го числа, мне позвонили и сообщили, что Гитлер согласен с точкой зрения англичан при условии, если ожидаемый от Гендерсона ответ будет таким же, каким его передал я.

Штамер: Вы в ту же ночь пошли в английское посольство?

Далерус: Я немедленно отправился в британское посольство и сообщил сэру Огилви-Форбсу[356] о результатах беседы с Герингом, а он послал телеграмму в Лондон.

Штамер: Вы сообщили Герингу содержание этой беседы с Форбсом?

Далерус: Конечно, я действовал совершенно открыто. Я сказал Герингу, что я намереваюсь делать. И германскому правительству была прекрасно известна моя беседа с Форбсом.

Штамер: Когда вы опять затем встретились с Герингом?

Далерус: Я встретился с Герингом в понедельник 28-го утром, в его ставке.

Штамер: Я думаю, что это было уже во вторник утром?

Далерус: Нет, в понедельник утром, 28 августа.

Штамер: Каково было содержание этой беседы с Герингом?

Далерус: В общем и целом мы говорили о положении вещей, и он как будто бы был удовлетворен тем фактом, что Форбс послал телеграмму в Лондон.

Штамер: Вы опять потом посетили Форбса?

Далерус: Да, я впоследствии видел Форбса, но эта встреча не имела особого значения.

Штамер: И вы потом опять встретились с Герингом во вторник, — не правда ли, — во вторник утром?

Далерус: Что же, самое важное произошло во вторник утром или, вернее, в 1.15 вскоре после полуночи 29-го числа, когда мне, по просьбе Геринга, позвонил

---

[356] Джордж Огилви-Форбс (1891 – 1954) – британский дипломат. В 1937-1939 советник посольства Великобритании в Германии.

подполковник Конрад из рейхсканцелярии. Он сообщил мне, что Гендерсон вручил свой ответ в письменной форме, который был весьма удовлетворительным, и имеется надежда на то, что угроза войны миновала.

Затем я снова встретился с Герингом, и он сказал мне о том, что он был весьма доволен тому, что дело идёт настолько хорошо.

Штамер: Он сделал заявление такого рода как: «У нас будет мир, мир гарантирован»?

Далерус: Да. Он сказал нечто подобное.

Штамер: 29 августа вам еще раз позвонил Геринг, — не так ли? По какому поводу он вам позвонил?

Далерус: Поздно вечером, приблизительно в 10.30 вечера, когда я был в своем номере в гостинице, мне позвонил Форбс, который заявил, что он должен немедленно встретиться со мной; он приехал в гостиницу и объяснил, что встреча Гитлера с Гендерсоном во вторник вечером была чрезвычайно неудачной. Между ними произошел спор, после чего они разошлись. Он спросил меня, что я могу посоветовать при данном положении вещей?

Во время нашей беседы мне позвонил Геринг и попросил меня приехать к нему домой в Берлин. Он сказал мне то же самое и казался очень расстроенным по поводу того, что произошло. Он показал мне ответ Германии на английскую ноту и тщательно ее просмотрел, пытаясь объяснить причину, почему нота была сформулирована таким образом. В конце он попросил меня вновь немедленно отправиться в Лондон и попытаться дать объяснения по поводу этого злополучного инцидента английскому правительству, а также передать, что Гитлер подготавливает предложения Польше, которые, очевидно, будут готовы на следующий день.

Затем, договорившись с сэром Кингсли Вудом[357], министром авиации, о моем новом посещении Англии, я вылетел в среду в 5 часов утра. Немедленно после прибытия в Лондон я встретился с теми же членами британского правительства.

Штамер: С кем вы встретились там? Кто это был?

Далерус: С теми же людьми — господином Чемберленом, лордом Галифаксом, сэром Горасом Вильсоном и сэром Александром Кадоганом.

Штамер: Каково было содержание этого совещания?

Далерус: Было очевидно, что в то время британское правительство с большим недоверием относилось к Германии. Оно было склонно думать, что какие бы меры ни предпринимались с их стороны, ничто не сможет удержать Гитлера от объявления войны Польше. Правительство Великобритании сделало все возможное. Оно послало своему послу в Варшаве просьбу для передачи польскому правительству, чтобы оно делало все возможное для того, чтобы избежать

[357] Говард Кингсли Вуд (1881-1943) – английский консервативный политик. Государственный секретарь по авиации в 1938-1940.

инцидентов на границе. Члены английского правительства сказали мне, что вряд ли можно ожидать от польского правительства, чтобы оно послало своих представителей в Берлин для ведения переговоров после того, что произошло с другими странами в последние годы, когда они также посылали подобные миссии в Берлин.

Я позвонил в Берлин и хотел установить связь с Герингом с целью попытаться убедить его организовать встречу представителей вне Германии. Он ответил, что это невозможно, что Гитлер в Берлине и что эта встреча должна состояться только в Берлине; что касается предложений Польше, то члены английского правительства с большим недоверием относятся к ним. Днем польское правительство созовет совещание и результаты передаст в Берлин. Тем временем я сам вернулся в Берлин.

Штамер: Когда вы встретили там Геринга?

Далерус: Я встретился с Герингом…

Председатель: Доктор Штамер, нельзя это немного сократить?

Далерус: Мне кажется показания довольно краткие, учитывая, что они касаются значимых обстоятельств которые привели к войне. Однако, я думаю, что мы не займем слишком много времени трибунала.

Председатель: Господин Далерус, трибунал желает, чтобы вы как можно скорее перешли к существенному вопросу.

Далерус: Я встретился с Герингом вскоре после полуночи в среду. Во-первых, он сообщил мне о предложениях, сделанных Польше, и показал мне ноту. Я позвонил Форбсу и передал ему это сообщение. Затем он сообщил мне, что Риббентроп отказался передать английскому послу эту ноту после того, как он быстро прочитал ее. Я немедленно передал Герингу, что невозможно так обращаться с послом Британской империи, и предложил, чтобы он разрешил мне позвонить Форбсу и передать ему содержание этой ноты по телефону. Я сделал это приблизительно в час утра в четверг.

Штамер: Геринг отмечал, что он взял на себя большую ответственность дав вам такое разрешение?

Далерус: Да, Геринг подчеркнул, что он делает это под свою ответственность.

Штамер: На следующее утро вы пошли в английское посольство для того, чтобы убедиться, правильно ли понята ваша телефонная передача?

Далерус: Да. Я встретился с Гендерсоном в четверг, 31 числа, в 10 час. утра и обсудил вопрос относительно ноты. Затем он попросил меня немедленно поехать к Липски[358] — польскому послу в Берлине и передать ему копию этой ноты.

Штамер: И это произошло?

Далерус: К Липски вместе со мной он послал Форбса. Я зачитал Липскому эту ноту,

[358] Юзеф Липски (1894 — 1958) — польский дипломат. В 1934—1939 годах занимал должность посла в Германии, в этом качестве играл ключевую роль во внешней политике Польши перед Второй мировой войной.

но казалось, что он не понял ее содержания, поэтому я ушел из комнаты, продиктовал ноту секретарю и вручил текст Липски. Тем временем Липски заявил Форбсу, что он не намерен обсуждать эту ноту с германским правительством.

Штамер: Не могли бы вы как можно точнее передать его слова? Мне кажется, — это особенно важный момент.

Далерус: Он сказал, что у него нет никакой причины вести переговоры с германским правительством. Если возникнет война между Польшей и Германией, он знал, поскольку он прожил 5 ½ лет в Германии, что в Германии начнётся революция, и они промаршируют к Берлину.

Штамер: Вы передали содержание этой беседы в Лондон по телефону?

Далерус: Я немедленно позвонил из английского посольства и сообщил сэру Горасу Вильсону об этом совещании.

Штамер: Не состоялась ли еще одна беседа после обеда у Геринга?

Далерус: Я встретился с Герингом в час дня. Он получил копию телеграммы, посланной польским правительством Липски, в которой говорилось о том, что Липски не должен без особых указаний из Варшавы вести переговоры с германским правительством. Было очевидно, что поляки при существовавших обстоятельствах боялись предпринимать какие-либо действия, однако германское правительство было очень взволновано этой телеграммой.

Штамер: Затем вы еще раз встретились у Геринга с британским послом в тот же день после обеда?

Далерус: Положение казалось безвыходным. Гитлер вызвал сэра Гендерсона. У них произошла ссора. Риббентроп также поссорился с ним, и мне казалось, что единственный выход был в том, чтобы между Герингом и Гендерсоном было достигнуто соглашение. Я предложил, чтобы между ними состоялась встреча. Эта встреча состоялась в 4 ч. 50 м. дня в доме Геринга. Кроме них присутствовали Форбс и я.

Штамер: Каково было содержание этой беседы?

Далерус: Еще до встречи Гендерсон высказал свои подозрения по поводу того, что германское правительство попытается пойти на уступки Англии и внести раскол во взаимоотношения между Польшей и Англией. Поэтому Гендерсон вел себя очень осторожно в течение всей двухчасовой беседы, и в результате обе стороны согласились с тем, что необходимо созвать совещание представителей двух стран, и рассматривали это как единственный путь избежать войны.

Штамер: И вы предложили, чтобы Геринг немедленно встретился с британскими представителями?

Далерус: Я предложил, чтобы эта встреча немедленно состоялась в Голландии и чтобы Геринг представлял Германию.

Штамер: Каково было мнение Гендерсона по поводу этого предложения?

Далерус: Гендерсон обещал передать это предложение своему правительству, но у

меня создалось впечатление, что он уже знал о том, что германские вооруженные силы готовы к выступлению и казалось, что он не особенно верил в какие-либо возможности.

Штамер: Известно ли вам высказывание Геринга следующего содержания: «Если поляки не уступят, то Германия раздавит их, как вшей, но будет очень жаль, если Британия решится объявить войну. Это было бы очень неумно с ее стороны»?

Далерус: Я не могу припомнить эти слова, но вполне возможно, что во время двухчасовой беседы эти слова были произнесены им.

Штамер: Как закончилось это совещание?

Далерус: В 7 часов вечера мы расстались. Обе стороны согласились принять меры к тому, чтобы в Голландии состоялась встреча.

Штамер: Затем вы 1 сентября встретились еще раз с Герингом?

Далерус: Я встретился с Герингом 1 сентября в 8 часов вечера в его ставке. После некоторого колебания он сказал мне, что война началась потому, что поляки напали на радиостанцию в Гляйвице и взорвали мост близ Диршау. Позднее он изложил другие детали, из которых я заключил, что все силы германской армии направлены на Польшу.

Штамер: Затем, 3 сентября, вы встретились еще раз с Герингом и при этом вы предложили, чтобы Геринг сейчас же полетел в Лондон для непосредственных переговоров?

Далерус: Прежде чем я перейду к тому, что произошло позже, мне кажется, следует сказать, что я встретился с Гитлером в рейхсканцелярии 1 сентября как раз после того, как он произнес свою речь в Рейхстаге в здании Кроль-опера. Он страшно нервничал и был очень взволнован. Он сказал мне, что он всегда подозревал англичан в том, что они хотят войны. Затем он заявил, что он разобьет Польшу и захватит всю страну. Затем Гитлер окончательно вышел из себя и стал кричать, что, если нужно, они будут воевать год, два и даже десять лет.

Затем в воскресенье, 3 сентября, рано утром я получил сообщение от Форбса о том, что в 9 часов будет послан ультиматум. Условия этого ультиматума будут заключаться в немедленном прекращении военных действий и отводе германских войск к немецкой границе. Я немедленно отправился в ставку Геринга близ Потсдама. Он был там, а не у Гитлера. Я попросил его по крайней мере попытаться добиться того, чтобы на этот ультиматум был послан какой-нибудь разумный ответ. У меня создалось впечатление, что некоторые члены германского правительства стояли за войну, и я боялся, что если будет послан ответ в письменной форме, то он не будет составлен таким образом, чтобы избежать войны с Англией. Поэтому я предложил Герингу, чтобы он отправился в Англию до 11 часов, для переговоров.

Штамер: Каково было отношение Геринга к этому предложению?

Далерус: Он принял это предложение и позвонил Гитлеру. Гитлер согласился.

Штамер: Вы затем позвонили в Лондон?
Далерус: Да, я позвонил в Лондон, установил связь с министерством иностранных дел, которое ответило, что оно не может рассматривать это предложение до тех пор, пока не будет получен ответ в письменной форме на ультиматум.
Штамер: Это сообщение вы передали Герингу?
Далерус: Да, я сказал об этом Герингу.
Штамер: Какое впечатление это сообщение произвело на Геринга?
Далерус: Геринг сожалел о том, что предложение не приняли.
Штамер: 4 сентября вы еще раз говорили с Герингом?
Далерус: Да, 4 сентября я имел краткую беседу с Герингом, но эта беседа не имеет большого значения.
Штамер: Не заявлял ли вам Геринг при этом, что он, чтобы ни случилось, будет стремиться вести войну по возможности гуманнее и что Германия ни при каких условиях первая не предпримет военных действий против Англии, но, если Англия нападёт, последует ответ?
Далерус: Да, это правильно.
Штамер: Вы издали книгу под названием «Последняя попытка»?
Далерус: Да.
Штамер: Отчёт привидённый в этой книге соответствует правде?
Далерус: Да, она была написана с большим вниманием. Содержание абсолютно точное и правильное.
Штамер: Отчёт основан на заметках которые вы вели об этих событиях?
Далерус: Да.
Штамер: Когда вы написали эти заметки?
Далерус: Я записал их незамедлительно после моего возвращения в Швецию 5 сентября 1939.
Штамер: Господин председатель, у меня ещё три коротких вопроса, мне остановиться, они относятся к последующему периоду.
Председатель: Думаю, вы можете их задать.
Штамер: [*Обращаясь к свидетелю*] Вы 24 сентября 1939 г. в Стокгольме говорили с Форбсом?
Далерус: Нет, я встретился с Форбсом 24 сентября в Осло после оккупации Польши. Это была попытка установить, имелась ли возможность предотвратить мировую войну. Он передал мне в письменной форме точку зрения английского правительства, состоявшую из следующих пунктов: «Британское и французское правительства…
Председатель: Одну минуту. Какое это имеет отношение к подсудимому Герингу.
Штамер: Это доказательство того, что даже позже он прилагал усилия добиться мира.

У меня остался единственный вопрос непосредственно о Геринге.

Председатель: Тот факт, что он встретился с сэром Джорджем Огилви Форбсом в Осло 24 сентября, кажется, не имеет никакого отношения к Герингу.

Штамер: Кажется важным то, что по этому поводу господин Далерус снова связался с Берлином и Герингом для того, чтобы ещё раз, на данном этапе событий добиться мира.

Председатель: Что же, продолжайте со своим следующим вопросом.

Штамер: Условиями было: «чтобы спасти Европу от постоянно повторяющейся угрозы германской агрессии и дать возможность народам Европы...».

Председатель: Минуточку. Как письмо написанное сэром Джорджем Огилви Форбсом имеет отношение к Герингу?

Штамер: Содержание этого письма Далерус 26 сентября обсуждал с Герингом и попытался на этой базе добиться какого-либо соглашения.

Джексон: Ваша честь, могу я выступить с возражением?

Это не имеет никакого отношения к обвинительному заключению. Мы не обвиняем в том, что война против Англии является агрессивной войной. Обвинение состоит в том, что война против Польши является агрессивной войной. Все эти переговоры с целью удержать Англию от войны в то время пока они захватывали Польшу совершенно не относятся к обвинительному заключению. Я покорно полагаю, так как это не имеет никакого отношения к обвинительному заключению, это следует отклонить.

Председатель: Доктор Штамер, если свидетель потом имел беседу с Герингом, переходите к ней, а не к предварительным совещаниям с сэром Джоджем Огилви Форбсом.

Штамер: Но это будет непонятно, он действительно должен сказать о том, что ему говорил Форбс. Он видел Форбса, Форбс внёс определённые предложения и с этими предложениями господин Далерус поехал в Берлин и конечно же проинформировал Геринга о том, что ему сказал Форбс. Поэтому, в противном случае вообще не возможно…

Председатель: Пусть свидетель расскажет о своей беседе с Герингом.

Штамер: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Господин Далерус, вы 26 сентября посетили Геринга в Берлине, — не так ли?

Далерус: Я встретился там с Герингом и Гитлером 26 сентября.

Штамер: Вы уведомили Геринга о тех предложениях, которые вам сделал Форбс?

Далерус: Я обсудил с Гитлером вопрос о том, на каких условиях он готов был возместить тот ущерб, который он причинил Польше, и восстановить мир. И, к моему великому сожалению, он решительно заявил, что он не собирался вообще обсуждать вопрос о Польше. Польша оккупирована, и этот вопрос более не касается Великобритании. После этого я понял, что его цель заключалась в том, чтобы внести раскол между Польшей и Англией и, с согласия Великобритании, иметь

возможность оккупировать Польшу без риска войны с Великобританией и Францией.

Штамер: В июле 1940 года вы еще раз встретились с Герингом?

Далерус: Да, Геринг предложил в июле 1940 года, чтобы Его Величество король Швеции попытался предложить различным державам переговоры о мире.

Штамер: У меня нет больше вопросов.

Председатель: Трибунал объявляет перерыв до 14:10 вечера.

[*Объявлен перерыв до 14 часов 10 минут*]

Вечернее заседание

Председатель: Защитники хотят задать какие-нибудь вопросы?

Хорн: Свидетель, вы можете рассказать нам о причине, почему совещание 29 августа между Гитлером и Гендерсоном приняло неблагоприятный оборот?

Далерус: Нет, я слышал только сообщение о том, что они не согласились и начался спор.

Хорн: Вам известно, по каким шести пунктам начался спор?

Далерус: Насколько я помню, это была формулировка немецкого ответа говорившего о том, что они ожидали представителей Польши в течение следующих 24 часов.

Хорн: Гитлер тогда вам не объяснил в присутствии Геринга, почему он заявил это требование и о том, что это было из-за того, что две армии, польская и немецкая, уже стояли лицом к лицу в состоянии готовности и в любой момент следовало ожидать серьёзного конфликта. Поэтому Гитлер не хотел представлять ультиматум для направления переговорщику из Польши и соответственно хотел исключительно избежать начала конфликта?

Далерус: Да, такие объяснения приводились.

Хорн: Свидетель, это верно, как говорите вы в своей книге, что в польском посольстве польский посол Липски сказал вам о том, что в случае войны польская армия с триумфом промарширует в Берлин?

Далерус: Нет, он сказал это не мне, а заметил это Форбсу.

Хорн: И Форбс сообщил об этих замечаниях вам.

Далерус: Да.

Хорн: Как состоялась ваша встреча с господином Форбсом в Осло 24 сентября?

Далерус: Я взял на себя инициативу и поехал в Осло на встречу с ним.

Хорн: Вы можете нам кратко рассказать о содержании письма от Форбса?

Далерус: Я его уже читал.

Председатель: Трибунал уже сказал о том, что он не хочет это слушать. И я не

понимаю какое это имеет отношение к фон Риббентропу.
Хорн: Бывший министр иностранных дел, фон Риббентроп, обвиняется в руководстве всей немецкой внешней политикой, поэтому я считаю важным, чтобы это письмо, которое предоставит решающую информацию о дальнейшем курсе внешней политики, как её понимал Риббентроп, например, о его последующей попытке в напралении мира было зачитано трибуналу.
Далерус: Чтобы избавить Европу от постоянно возникающего страха германской агрессии…
Председатель: Это письмо, когда-нибудь показывали фон Риббентропу.
Далерус: Нет.
Председатель: Трибунал уже распорядился о том, что это письмо не нужно оглашать.
Хорн: Затем у вас была дискуссия с Гитлером 26 сентября 1939. Правильно, что Гитлер тогда сказал вам о том, что он не может вести с Англией переговоры по поводу Польши, потому что большая часть Польши была оккупирована Россией, и Россия по его сведениям, разумеется, не отдаст своё.
Далерус: Он заявил о том, что не готов обсуждать вопрос Польши, и затем добавил о том, что кроме его решения, он не думает о том, что Россия готова обсуждать территорию оккупированную Россией.
Хорн: Вы были политическим независимым, когда вели переговоры?
Далерус: Абсолютно.
Хорн: Спасибо, у меня больше нет вопросов.
Латернзер: У меня всего один вопрос свидетелю.
[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, высшее военное руководство когда-нибудь принимало активное участие в многочисленных переговорах которые вы вели с немецкими властями в то время?
Далерус: Никогда.
Латернзер: Спасибо.
Председатель: Остальные защитники желают задать какие-либо вопросы?
Максвелл-Файф: Господин Далерус, скажите, правильно ли я понял ваш последний ответ? Сказали ли вы: «Я тогда понял, это было 26 сентября, что его» - то есть Геринга – «цель заключалась в том, чтобы внести раскол в отношения между Польшей и Великобританией и оккупировать Польшу с согласия Великобритании»? Это правильно?
Далерус: Да, это правильно, но я хотел сказать, что это было германское правительство, включая Геринга.
Максвелл-Файф: Подождите…германское правительство. Спасибо. Итак, я хочу, чтобы вы довольно кратко рассказали трибуналу, почему вы не осознали эту цель раньше.
Штамер: Насколько я понял ответ свидетеля, он сказал в ответ на мой вопрос о том,

что это было мнение Гитлера. Свидетель вообще не говорил о Геринге.
Председатель: Вы сможете его повторно допросить.
Максвелл-Файф: Сейчас я хочу, чтобы вы объяснили трибуналу, и послушайте вопрос который я вам задаю, почему вы в то время не поняли сущности этой цели? Ваша первоначальная цель встречи с Герингом в начале июля заключалась в том, чтобы сообщить ему, что английское общественное мнение ожесточилось и не потерпит нового акта агрессии. Это правильно, не так ли?
Далерус: Да.
Максвелл-Файф: Цель вашей встречи с Герингом изложена на странице восьмой вашей книги, если у вас есть английская версия?
Далерус: Да.
Максвелл-Файф: И, господин Далерус, я хочу, чтобы вы были абсолютно уверены в том, что, когда я цитирую вашу книгу, я ничего не упускаю. На странице восьмой вы говорите следующее:

> «Национал-социализм в сути своей был воинственным и агрессивным и полностью лишенным всяких моральных колебаний в отношениях с другими странами. Гитлер и его протеже Риббентроп жаждали завоеваний. Говорилось, что Геринг энергично стремился к мирному разрешению мюнхенского кризиса и это уменьшило его популярность в германском правительстве».

По этой причине вы направились к Герингу?
Далерус: Да.
Максвелл-Файф: И когда вы высказали свою точку зрения Герингу, его первая реакция выразилась в том, что британское правительство блефует в вопросе о Данциге и Польше?
Далерус: Да.
Максвелл-Файф: А вы хотели этой встречи и добились ее для того, чтобы убедить Геринга в том, что, судя по британскому общественному мнению, их правительство не блефует, это правильно?
Далерус: Да, это правильно.
Максвелл-Файф: Теперь я хочу, чтобы вы обратились к странице 29 своей книги, где описывается конец вашей беседы с подсудимым Герингом в поезде перед совещанием в начале августа. Вы помните?
Далерус: Да.
Максвелл-Файф: Геринг объяснял, какова была его цель. «Это было взаимное соглашение относительно созыва англо-германской конференции...». Обратите внимание на следующие слова: «с полномочными представителями от обоих правительств». «Один вопрос, который Геринг всегда ясно ставил,— это то, что он будет требовать возвращения Данцига и некоторых прав в отношении польского коридора», — это правильно?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: С самого начала он хотел, чтобы состоялась конференция полномочных представителей, которая вынесла бы решение, если это понадобится, о том, чтобы эта территория была передана Германии, — не так ли?

Далерус: Очевидно.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу, чтобы вы непосредственно перешли к 24 августа, когда вы встретили Геринга и он попросил вас поехать в Лондон. Один из пунктов который он хотел подчеркнуть заключался в том, что он и германское правительство думали, что теперь сильно улучшилась их военная ситуация из-за германо-советского договора.

Далерус: Верно.

Максвелл-Файф: И ещё, если вы перейдете вниз страницы 35 своей книги и затем посмотрите на страницу 36: «Причина заключалась в его неверии в то, что германское министерство иностранных дел сможет и готово установить достаточно тесный контакт с британским министерством иностранных дел».

Далерус: Правильно.

Максвелл-Файф: Вы помните тот день, когда вы беседовали с ним и когда он позднее позвонил вам в 11.30 перед встречей?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Я хотел бы, чтобы вы рассказали трибуналу об одной-двух вещах, о которых он вам не сказал в тот день. Он вам не сказал, — не так ли, — что за два дня до этого, 22 августа, в Оберзальцберге Гитлер сказал ему и другим германским руководителям, что он, то есть Гитлер, весной решил, что неминуемо должен возникнуть конфликт с Польшей. Он это вам не сказал, — не так ли?

Далерус: Мне никогда ничего не сообщалось о политических намерениях ни 11 апреля, ни 23 мая, ни 22 августа.

Максвелл-Файф: Вы никогда не слышали о…то есть, документе номер PS-798, том, что от 22 августа, вы сказали нам, что вы никогда не слышали о «Белом плане», который был разработан в апреле, но я хочу чётко понять в отношении ещё одного, документа номер L-75 от 23 мая. Он никогда вам не говорил, что в этот день Гитлер сказал ему, что вопрос о Данциге не является предметом спора и что, по словам Гитлера, речь идет «о расширении нашего жизненного пространства на Востоке». И я думаю, что он вам также не сказал о том, что в тот день Гитлер заявил: «Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу; успех этой изоляции будет иметь решающее значение». Он никогда не говорил вам об изоляции Польши?

Далерус: Никогда ничего подобного он не упоминал.

Максвелл-Файф: Но, я думаю, он сказал вам во время предыдущей беседы, что он собирается встретиться с господином Липски, польским послом?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Он не сказал вам, насколько я понял, что он собирался

информировать господина Липски о том, что основным препятствием, мешающим ослаблению напряженных отношений между двумя странами, был союз Польши с Великобританией. Он не сказал вам об этом, — не так ли?

Далерус: Нет.

Максвелл-Файф: Это экземпляр номер GB-39, документ номер ТС-72, страница 119. Таким образом, в то время, когда он просил вас отправиться в Англию для переговоров по поводу одной стороны этого вопроса, он также вел переговоры и с господином Липски относительно другой его стороны. Я хочу представить себе ясно обстановку, создавшуюся 24-го числа. Сказал ли он вам, что было принято решение напасть на Польшу утром 26-го числа?

Далерус: Нет, он совершенно ничего не говорил об этом.

Максвелл-Файф: Итак, вас просили поехать в этих общих целях, о которых я только что говорил. Теперь вы знаете, господин Далерус, что на следующий день, 26-го числа, Гитлер вручил сэру Гендерсону вербальную ноту?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: В этой ноте, в противоположность тому, что вам было сказано позже, в общих чертах говорилось о том, что польский вопрос должен быть разрешен. Таким образом, вечером 24-го, когда Геринг вам позвонил, план был таков, что вы утром должны были выехать для того, чтобы выразить общее желание достичь мирного решения вопроса. Вербальная нота должна быть вручена сэру Невилу Гендерсону днем 25-го числа, в то время, когда уже был составлен план нападения на Польшу утром 26-го, то есть когда вы передадите ваше сообщение и сэр Невил отправит вербальную ноту. Таково было положение?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Говорил ли когда-либо вам Геринг, почему осуществление плана нападения было перенесено с 26-го на 31-ое число?

Далерус: Нет, он никогда ничего не упоминал ни о плане нападения, ни о том, что он был изменен.

Максвелл-Файф: Он Вам не говорил о том, что, это документ номер ТС-90, экземпляр номер GB-64 — я цитирую собственные слова Геринга:

> «В тот день, когда Англия дала официальные гарантии Польше, — это было 25-го числа, — фюрер позвонил мне по телефону и сказал, что он приостановил запланированное вторжение в Польшу. Я спросил его: «Это временно или навсегда?» — Он ответил: «Нет, я должен буду посмотреть, сможем ли мы устранить британское вмешательство». — Тогда я его спросил: «Не думаете ли вы, что произойдут какие-либо изменения в течение 4—5 дней?»

Геринг не говорил вам, когда вас посылали в Лондон, что желательно было лишь устранить британское вмешательство?

Далерус: Вовсе нет.

Максвелл-Файф: Теперь я бы хотел снова констатировать очень коротко: итак, вы отправились, а затем вернулись с письмом лорда Галифакса. Я хочу совершенно ясно изложить следующее: письмо лорда Галифакса подтвердило, что Великобритания намеревалась выполнять свои обязательства по отношению к Польше. Не так ли?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: И потом, 27 августа (в ночь с 26-го на 27-ое) в 12.30, в полночь, у вас состоялась беседа с Гитлером. Итак, Гитлер впервые дал вам ясно понять господин Далерус, что его условия сводились к тому, что Великобритания должна была помочь Германии получить Данциг и коридор?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Не «права в коридоре», а «коридор». Помните ли вы, что, когда вы сказали об этом господину Чемберлену, он был поражен разницей между вашим изложением и тем, что было сказано сэру Невилу Гендерсону?

Далерус: Это правильно.

Максвелл-Файф: Итак, я не собираюсь всё это заново проходить, но я лишь хочу, чтобы вы помогли мне с вашей собственной книгой, о которой вы сказали, что она была внимательно и объективно написана, по части хода мыслей правителей Германии того времени. Итак, посмотрите сначала, по поводу Гитлера, на страницу 47? Это отрывок о котором вы уже рассказали трибуналу, где он закричал: «Dann werde ich U-Boote bauen[359]»

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Итак, позвольте мне представить вам очень кратко, то как вы описали это, и вы скажите мне правильно ли это. «Если будет война» - сказал он, «Dann werde ich U-Boote bauen, U-Boote, U-Boote![360]» - и с каждым разом он повышал голос?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф:

> «Голос становился всё неразборчивее и наконец вообще ничего нельзя было понять. Затем он взял себя в руки, повысил голос как если бы обращался к большой аудитории и завижал – завижал: «Ich werde Flugzeuge bauen, Flugzeuge bauen, Flugzeuge, Flugzeuge, und ich werde meine Feinde vernichten[361]».
>
> И вы продолжаете:
>
> «Теперь он больше походил на призрака из рассказа, чем на живого человека. Я уставился на него в изумлении и обернулся посмотреть на реакцию Геринга, но у него не пошевилился и волос».

---

[359] «Тогда я построю подводные лодки» (нем.)

[360] «Тогда я построю подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки!» (нем.)

[361] «Я буду строить самолеты, строить самолеты, самолеты, самолеты и уничтожать своих врагов» (нем.)

Итак, вы мысленно перейдете к странице 53? Нет, лишь одно предложение перед фрагментом на странице 47, я хочу это выяснить. Вы говорите: «Его слова стали расплывчатыми и его поведение было будто как у ненормального».

Итак, вы перейдете к странице 53. Я хочу, чтобы вы рассказали трибуналу о своём впечатлении, о том как он обращался с подсудимым Герингом. Трибунал много услышал об отношениях между ними. Внизу страницы вы говорите:

> «С самого начала нашей беседы я был возмущен его поведением в отношении Геринга, его самого близкого друга и товарища в годы борьбы. Его желание доминировать было объяснимым, но требовать такого подобострастного унижения, как то, которое выражал Геринг, от своего ближайшего соратника казалось мне отталкивающим и невыносимым».
>
> Вы перевернете на страницу 54, пятую строчку с конца?
>
> «Я понял, что имею дело с человеком которого нельзя считать нормальным».
>
> В этом заключался ваш взгляд, не так ли, господин Далерус?

Далерус: Такое мнение я сформировал от первой встречи с ним.

Максвелл-Файф: Это был канцлер Германии. Теперь я хочу, чтобы вы на секунду, рассмотрели министра иностранных дел Германии, согласно впечатлениям которые у вас сформировались. Думаю, у вас сложилось впечатление о том, что фон Риббентроп делал всё, что мог, чтобы помешать и прекратить ваши действия?

Далерус: Верно.

Максвелл-Файф: Но согласно Герингу, он зашёл ещё дальше, чем это. Вы посмотрите на страницу 76? Это, вы помните, когда вы прощались с Герингом, думаю это был ваш последний визит в Лондон, после того как он нарисовал карту, к которой я сейчас перейду. Вы говорили это:

> «Перед тем как мы расстались, он снова прошёлся по немецкой позиции, окончательно сказав о том, что если мы никогда не встретимся снова, он бы хотел воспользоваться возможностью поблагодарить меня за то, что я сделал во имя мира и за мою безустанную энергию. Я был немного удивлён таким прощанием и не мог не помочь ответив, что по всей вероятности мы должны будем встретится снова. Его лицо изменилось, и он торжественно сказал: «Наверное, но некоторые люди делают то, что могут, чтобы помешать тебе выбраться живым».
>
> Это было сказано серьёзно и торжественно, господин Далерус?

Далерус: Именно так.

Максвелл-Файф: И вы продолжаете:

> «На встрече в октябре того же года, Геринг сказал мне о том, что Риббентроп пытался организовать крушение моего самолёта. Отсюда

торжественная мина Геринга, когда он прощался со мной».

Далерус: Что же, он назвал имя Риббентропа минутой раньше, и когда он говорил о крушении самолёта, он использовал слово «он». Я полагал, что он имел в виду Риббентропа.

Максвелл-Файф: Это был согласно Герингу министр иностранных дел.

Теперь я хотел бы, чтобы вы обратились к странице 100, поскольку я хочу увязать все вместе. Это описание событий 1 сентября, к вечеру того дня, когда совершилось нападение на Польшу и когда вы встретились с подсудимым Герингом, мне кажется, в министерстве авиации или в одном из его учреждений. Вы видите это, — это предшествует второму абзацу:

> «Для него, то есть для Геринга, все было предусмотрено планом, который ничто не могло нарушить. Наконец, он вызвал государственных секретарей Кернера и Грицбаха, беседовал с ними долго и преподнес каждому почетный меч, который, как он надеялся, они должны были со славой пронести через войну. Казалось, что все эти люди находились в каком-то безумном состоянии опьянения».

Это ваши слова?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Таково было ваше впечатление? Конечно, вы имели в виду, что они были духовно опьянены идеей войны.

Далерус: Очень скоро их настроение изменилось.

Максвелл-Файф: Таким образом, из трех главных руководителей Германии — канцлер был ненормальный, рейхсмаршал, или фельдмаршал, каковым Геринг был тогда, находился в состоянии безумного опьянения и, согласно показаниям подсудимого Геринга, министр иностранных дел был убийцей, который хотел устроить вам авиакатастрофу?

[*Свидетель утвердительно кивает*]

Максвелл-Файф: Давайте продолжим, очень коротко, с тем, что происходило потом.

На субботу и воскресенье, то есть на 26 и 27 августа, вы отправились в Англию. Вы сказали мне, что вы не знали о том, что нападение на Польшу, которое должно было иметь место утром 26-го числа, было отменено, и вы не знали, что намерения Гитлера заключались в том, чтобы устранить британское вмешательство. Таким образом, вы вернулись из Англии 27-го числа с этими более полными условиями, и английский ответ заключался в том, что в то время как Англия будет соблюдать свои обязательства, она надеется и рекомендует, чтобы германское и польское правительства начали переговоры между собой по этому вопросу?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Такой ответ вы привезли с собой.

Теперь я хотел бы, чтобы вы припомнили беседу с Герингом во время завтрака, которая происходила, как мне кажется, в поезде или его ставке 28 августа. Вы найдете это на странице 65 книги, если хотите освежить свою память. В то время Геринг разве не пытался убедить вас в том, что возвращение Данцига и коридора не меняет военного положения Польши?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Потому что, иллюстрируя это на своей военной карте, он думал о том, что Германия способна победить поляков как угодно, имей они коридор или нет?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: И его воздушные силы и войска могли это выполнить?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Теперь я хотел бы, чтобы вы перешли к заседанию, на котором сэру Невилу Гендерсону были вручены условия. Оно началось в 7 ч. 15 м. вечера 29 августа и продолжалось довольно долго. Вы помните это заседание?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: А затем, как вы ответили одному из представителей, возникла трудность в связи с требованием о присылке полномочного представителя в течение 24 часов?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Далее, я полагаю, сэр Джордж Огилви Форбс сказал вам, что это заседание закончилось очень плохо, и в 11.30 Вы видели Геринга, который сказал почти то же самое, что и сэр Огилви Форбс в отношении этого совещания?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: И он сказал, что канцлера очень расстроило, что сэр Невил Гендерсон сказал, что это требование о присылке полномочного представителя в течение 24 часов было равносильно ультиматуму?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Вы помните, что тогда Геринг подчеркивал некие условия?

Вы перейдете к предисловию вашей книги…

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Вы видите факсимиле. У вас есть копия?

Далерус: У меня есть подлинник.

Максвелл-Файф: Что же, если вы взглянете на него. Итак, это немецкий язык. Если вы понимаете немецкий, я хочу зачитать фрагменты которые подчеркнул Геринг, и я прочту это на английском, и вы сможете понять, что я читаю правильный фрагмент:

> «В остальном, внося эти предложения германское правительство никогда не имело никакого намерения затрагивать польские жизненные интересы или оспаривать существование польского

государства. Германское правительство, соответственно, в таких обстоятельствах, согласно принять предложение надёжных ведомств британского правительства по обеспечению доставки в Берлин польского уполномоченного. Прибытие уполномоченного ожидается в среду, 30 августа 1939. Германское правительство незамедлительно разработает предложения для приемлимого решения и по возможности, передаст их британскому правительству до прибытия польского представителя».

Это тот фрагмент, который подчеркнул подсудимый Геринг, прямо перед отрывком о направлении уполномоченного.

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Таким образом, не было никакого сомнения в том, что подсудимый Геринг ассоциировал себя со значимостью этого момента.

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Итак, вы помните, что тогда, во время беседы, то есть, ночью 29-го, подсудимый Геринг произнёс сильную тираду против поляков.

Далерус: Это правильно.

Максвелл-Файф: Я не собираюсь вдаваться в это, но затем он сказал вам, что фюрер готовил то, что я думаю по-английски звучит «великодушнейшее предложение».

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: И для того, чтобы продемонстрировать вам характер «великодушнейшего» предложения, он огородил части Польши. Это также есть в предисловии к вашей книги.

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Итак, есть два пункта о том, что он огородил. Фактически, это было гораздо больше, чем забрали у Германии Версальским договором.

Во-вторых, это полностью отличалось от того, что было телеграфировано подсудимым фон Риббентропом сэру Невилу Гендерсону следующей ночью.

Далерус: Правильно.

Максвелл-Файф: И, господин Далерус, я не думаю, что могу сказать это лучше чем вашими же словами, если вы перевернете на страницу 75. Вот так это записано в вашей книге, второй отрывок:

«Эта карта, репродукция которой воспроизводится в книге, крайне интересна, потому что она иллюстрирует скорость и безрассудство с которыми принимались решения. Карта находилась со мной, когда я вылетел в Лондон несколько часов спустя, но получилось так, что границы нарисованные на ней весьма сильно отличались от тех которые приводились в хорошо известном «проекте Риббентропа» с невероятной скоростью представленном Гендерсону в ночь между 30

и 31 августа».

Это меньше чем 24 часа спустя.

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: И затем вы продолжаете описывать то, что она показывала. Что же, она очень четко показывала, что за 24 часа до того как телеграфировать сэру Невилу Гендерсону, германское правительство никогда не воспринимало всерьез на какую часть коридора оно собирается претендовать, а на какую часть не претендовать. Это так? Геринг высказал вам предыдущей ночью совершенно другую вещь, не так ли?

Далерус: Первое предложение я доставил с собой в воскресное утро 27-го. Да, там был небольшой коридор, и они расширили требования согласно этому последнему плану.

Максвелл-Файф: Они увеличили требование, для того, чтобы произвести эффект от того, что вручили вам, от того о чём вас попросили объявить, этого «великодушнейшего предложения», на самом деле увеличивая требования, и равным образом, совершенно отличаясь от того, что следующей ночью предложил подсудимый Риббентроп.

Далерус: Правильно.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу спросить у вас об одной фразе в беседе, которая состоялась 31 августа. Вы найдете это на странице 87. Это беседа, на которой сэр Джордж Огилви Форбс рассказал вам о том, что сказал господин Липски. Я хочу, чтобы вы сказали мне, вы встречались с господом Липски, не так ли?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: И, конечно же, очевидно, тоже самое можно сказать о каждом, я уверен также и о вас, господин Липски страдал от значительного напряжения в самый критический момент?

Далерус: Да, он очень нервничал.

Максвелл-Файф: Очень нервничал. И сэр Джордж Форбс сказал вам о том, что господин Липски совершенно чётко выразил мнение о том, что немецкое предложение является нарушением польского суверенитета, и о том, что на его взгляд, Польша и Франция и Англия должны занимать твёрдую позицию и демонстрировать единый фронт, и о том, что Польша оставшись одна, будет сражаться и умрет одна? Таким было настроение господина Липски, не так ли в то время?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: И в связи с другим вопросом, я не собираюсь вдаваться в подробности, но существует значительная и явная разница в польской версии телеграммы с инструкциями господину Липски и версией которую показал вам подсудимый Геринг.

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Итак, утром 1 сентября вы, кажется, встретились с Герингом в 8 часов. Правильно ли будет описать его поведение, когда он сообщил вам о нападении на Польшу, если сказать, что он был весьма медлителен и прибегал к отступлениям, сообщая вам новость о том, что нападение уже имело место?

Далерус: Да, настолько, что я немедленно позвонил в Лондон, связался с министерством иностранных дел и сообщил одному лицу, что, согласно полученным мной сведениям, на Польшу напали, и, естественно, они поинтересовались тем, что теперь произойдет со мной, когда я передавал это сообщение.

Максвелл-Файф: Да, но он, в конце концов, признал, что они напали на Польшу. Затем вы имели еще одну беседу с Гитлером. Теперь я хотел бы, чтобы вы прояснили еще один вопрос. Я не думаю, что вы рассказывали трибуналу о том времени, когда он сказал вам о том, что будет воевать 10 лет. Посмотрите на страницу 98.

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: После того, как Гитлер сказал: «Will ich zehn Jahre kampfen[362]», — он начал размахивать кулаком и согнулся настолько, что кулак почти коснулся пола?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Значит, он был в таком же состоянии, как и во время вашей предыдущей беседы?

Далерус: Он, возможно, был в еще более нервном состоянии.

Максвелл-Файф: Итак, остался последний вопрос, если вы посмотрите на страницу 102, и тогда мы закончим с книгой.

Вы помните, что встретились с подсудимым Герингом утром в субботу, 2 сентября?

Далерус: Да.

Максвелл-Файф: Итак, вы говорите:

> «К своему удивлению он был более склонен выслушать точки зрения, которых придерживался я, так, как только мы сели в его личный вагон, он сказал мне о том, что были переговоры о посредничестве при участии Муссолини. Было сказано, что Муссолини решительно пытается остановить войну и в особенности предотвратить её распространение».
>
> Следующее предложение:
>
> «Геринг сказал о том, что он хотел нового Мюнхена».

Я не хочу быть нечестным, и поэтому спрашиваю вас, господин Далерус, «он» относится к Герингу или к Муссолини?

Далерус: Думаю, это относится к Муссолини.

---

[362] «Я хочу бороться в течении десяти лет» (нем.)

Максвелл-Файф: Вы думаете, что это относится к Муссолини. Так я и подозревал и поэтому я дальше не затрудняю вас этим, за исключением следующего:

Я прошу сказать, основываясь на фактах, которые я вам назвал и с которыми вы согласились, составили ли вы свое мнение о том, что цель германского правительства, включая Геринга, заключалась в том, чтобы расколоть Польшу и Великобританию и оккупировать Польшу с согласия Великобритании?

Далерус: Если бы я знал факты, о которых я услышал позднее...

Штамер: Я считаю, что этот вопрос заходит слишком далеко. Поэтому я возражаю против этого вопроса. Он относится ко всему правительству в целом и к определенному числу лиц. Кроме того, это высказывание — оценочное суждение, а не факт, о котором должен рассказывать свидетель.

Максвелл-Файф: Вопрос заключался в том, являются ли эти факты основой вашего мнения?

Председатель: Трибунал считает, что этот вопрос вполне допустим и вытекает непосредственно из допроса, проведенного защитником.

Максвелл-Файф: Господин Далерус, вы отвечали. Я спросил вас о том…

Заутер: Господин председатель, я вынужден спросить, это следует прояснить, что понимается под термином «германское правительство» о котором постоянно говорит обвинитель. Германское правительство состоит из многих министров, и если здесь постоянно говорить о германском правительстве, не говоря о ком именно, складывается впечатление о том, что каждый и всякий из этих министров является ответственным и принимал участие в этих переговорах, при том, что фактически, он ничего о них не знал. Я представляю одного из министров который ничего не знал об этих переговорах и, следовательно, меня интересует, будет ли обвинитель достаточно любезен пояснить, кто на самом деле подразумевается под термином «германское правительство». То есть, включается ли сюда, например министр экономики Функ или же это относится к двум или трём другим господам.

Максвелл-Файф: Милорд, я не полагаю…

Председатель: Мы совершенно не согласны с тем, что сказал доктор Заутер. Мы уже довольно долго слушали подсудимого Геринга по вопросу о том из кого состояло правительство, и это относится к защитнику, когда придёт время аргументации, аргументировать, что правительство не включало членов, которые его представляли.

Кажется, защитники не понимают, что, то, что они называют разъяснением, является предметом, который можно сделать в повторном допросе. У доктора Штамера будет возможность допросить повторно и тогда он сможет задать любые вопросы, которые вытекают из перекрёстного допроса.

Максвелл-Файф: Господин Далерус, я сформулирую мой вопрос следующим образом: являются ли те факты, о которых вы слышали и которые вы подтвердили сегодня, являются ли они основой для формирования вашей точки зрения, которую

вы изложили в ответе доктору Штамеру сегодня утром?

Далерус: Да. В то время я думал, что я могу сделать что-нибудь для того, чтобы предотвратить новую войну, я мог определенно доказать, что правительство Великобритании сделало все возможное для того, чтобы предотвратить эту войну. Но если бы я знал то, что я знаю сегодня, то я понял бы, что мои усилия никак не могли оказаться успешными.

Максвелл-Файф: Милорд, я хочу выяснить еще один вопрос. Я прошу извинения вашей светлости. Доктор Штамер просил, чтобы были названы фамилии английских промышленников. Я как представитель английского правительства очень заинтересован в том, чтобы в этом вопросе не осталось никаких тайн, и поэтому я почтительно прошу, чтобы вы, милорд, разрешили мне попросить господина Далеруса назвать эти фамилии.

Председатель: Конечно, если вы этого желаете.

Максвелл-Файф: Господин Далерус, не назовете ли вы нам имена тех господ, которых вы встретили в поместье вашей жены в Шлезвиг-Гольштейне?

Далерус: Должен ли я зачитать эти фамилии или передать вам их список?

Максвелл-Файф: Зачитайте, пожалуйста.

Далерус: Достопочтенный Чарльз Макларн[363], С. В. Россен, А. Холден, сэр Роберт Рениг, Брайан С. Маунтин, К. Ф. Спенсер, Т. Менсефорд.

Максвелл-Файф: Благодарю вас.

Председатель: Другие члены обвинения желают провести перекрёстный допрос? Доктор Штамер, не желаете ли вы допросить повторно?

Хорн: Господин председатель, я хочу задать вопрос. Могу я спросить, не будучи неправильно не понятым, почему этим утром нельзя было прочитать имена, когда об этом попросил доктор Штамер?

Председатель: Почему вы задаете этот вопрос? Какое это имеет отношение к делу фон Риббентропа?

Хорн: Свидетель Далерус также был одобрен для подсудимого фон Риббентропа, и я согласовал определённые вопросы с доктором Штамером. Я тоже был заинтересован в этих вопросах, а также в вопросе о людях которые там были.

Председатель: Причина, почему эти имена не привели утром, заключается в том, что мы пожелали продолжать процесс, мы подумали, что имена этих господ не относятся к делу. Но так как сэр Дэвид Максвелл-Файф попросил о том, что их можно представить для того, чтобы не было никакого предположения о сокрытии, трибунал разрешил их привести.

Хорн: Спасибо.

Штамер: Господин Далерус, утром вы сказали, что 23 августа Геринг позвонил вам в Стокгольм, и сказал вам о том, что обстановка становилась серьёзной и поэтому

---

[363] Чарльз Макларен (1913 – 2003) – британский промышленник. В 1939 являлся директором судостроительной компании «John Brown & Company».

он считаль своей обязанностью поговорить с вами. Он сказал вам по каким причинам считал обстановку в тот момент серьёзной?

Далерус: Нет.

Штамер: И вы его об этом не спросили?

Далерус: Нет.

Штамер: Затем, 24-го вы прибыли в Берлин и переговорили с Герингом. Геринг рассказал вам по этому поводу, что сделало обстановку более серьёзной?

Далерус: Не ясно.

Штамер: Что он сказал об угрозе? В чём состояла серьезность обстановки?

Далерус: Он отметил тот факт, что польский вопрос пока не решён, и что нет никаких признаков, что он будет решен, делал обстановку серьёзной. Он также сказал о том, что выход из положения полностью зависит от британского отношения и инициативы.

Штамер: Из этого ответа вы узнали о том, что Польша была угрожающей точкой?

Далерус: Да.

Штамер: Вы передали предложения от 27 августа, которые в качестве основного предмета имели решение польского вопроса?

Далерус: Да.

Штамер: В ответ на мой вопрос в связи с событиями 26 сентября, вы этим утром сказали, согласно моим записям, что у вас сложилось мнение о том, что тогда планы Гитлера были не совсем ясными. Затем этим вечером вы говорили с Герингом. Что вы считаете по поводу разницы в своём ответе.

Далерус: Тогда я должен был полагать, что ведущие члены германского правительства работали в тесном взаимодействии.

Штамер: Значит, вы сделали такой вывод из этого факта? Вы уже сказали о том, что если бы знали то, что знаете сегодня, вы бы не вмешивались. Что заставило вас изменить своё мнение?

Далерус: Раскрытые факты, как они опубликованы в основном во время разбирательства на данном процессе.

Штамер: В чём заключаются эти факты?

Далерус: Инциденты, которые я процитировал, декларация от 11 апреля, 23 мая и 22 августа.

Штамер: У вас есть другие факты, не так ли?

Далерус: Да, но это является основными пунктами.

Штамер: В чём заключаются незначительные пункты? В чём заключаются ваши оставшиеся сомнения?

Далерус: Опыт от 26 сентября 1939, речь Гитлера от 6 октября 1939 и ряд заявлений сделанных с тех пор.

Штамер: Ранее вы упоминали крушение самолёта, если я правильно вас понимаю, к которому должен был привести Риббентроп. Вы на самом деле серьёзны в этом?

Далерус: Что же, я поправил своё заявление сказав о том, что я полагал, что это был Риббентроп, потому что его имя прозвучало минутой раньше.
Штамер: У меня есть ещё один вопрос к свидетелю. Что насчёт карты Польши которую только, что показывали и которую предположительно начертил Геринг?
Далерус: У меня есть подлинник карты.
Штамер: И какое объяснение вам дали?
Далерус: Что это была территория, которую больше занимали немцы, а не поляки.
Штамер: Как вы тогда объясните, разницу между последующим предложением и этой картой?
Далерус: Я могу только полагать, о том, что вопрос тщательно не обсуждался и вносились различные предложения до того как было представлено чёткое предложение.
Председатель: Свидетель может удалиться, и трибунал объявляет перерыв.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Господин судья Джексон, вы продолжите свой перекрёстный допрос, не так ли?
Джексон: Ваша честь, я полагал, что поскольку показания Геринга были прерваны для того, чтобы заслушать Далеруса на том основании, что они могут в чём-то изменить допрос, чтобы доктор Штамер завершил любой допрос свидетеля Далеруса который можно провести по данному предмету до того как я закончу свой перекрёстный допрос.
Председатель: Прошу прощения, да. Доктор Штамер вы зададите любые вопросы подсудимому Герингу которые вы желаете задать, вытекающие из показаний свидетеля Далеруса.
Штамер: Я могу задать ему эти вопросы только после того как поговорю с ним. Поэтому я считаю правильным, чтобы господин Джексон продолжил свой перекрёстный допрос и после перекрёстного допроса я также смогу рассмотреть и эти вопросы.
Председатель: Доктор Штамер, трибунал считает, что вы должны быть готовы сделать это сейчас. Это вы попросили о перерыве показаниями Далеруса, и Далерус это ваш свидетель, а не свидетель обвинения, и поэтому предположительно вы знали о том, что Далерус собирается говорить.
Штамер: Тогда я прошу возможности обсудить этот вопрос с подсудимым.
Председатель: Суд только, что прерывался на 10 минут.
Штамер: Я не смог закончить дело за такое короткое время.
Председатель: Трибунал считает, что вы должны задать эти вопросы сейчас и продолжить допрос. Если вы хотите допросить подсудимого Геринга об этих вопросах вы должны сделать это сейчас.

Штамер: Очень хорошо.

[*Подсудимый Геринг вернулся на место свидетеля*]

Штамер: *(Обращаясь к подсудимому)* Ранее упоминалась карта, которая предположительно была нарисована вами, и которая имеется в книге господина Далеруса, аутентичность которой он подтвердил этим утром в ответе на мой вопрос. Я показываю вам эту карту, которая находится на странице 53 его книги, и прошу вас дать о ней пояснения.
Геринг: Во время дискуссии состоявшейся в ночь с 29 на 30 августа между Далерусом и мной, мне кажется у фюрера, я в запале вырвал карту из атласа и начертил красным карандашом, и мне кажется, синим или зеленым карандашом, те регионы – не регионы которые мы потребовали, как заявляет здесь обвинение, а те регионы Польши в которых жили немцы. То, что у свидетеля Далеруса такое же мнение можно ясно видеть из того факта, что он повторил эти отметки на ещё одной карте и подписал следующее рядом с отмеченным участком: «Немецкое население согласно Герингу» и рядом с заштрихованной областью: «Польские жители согласно Герингу»

Затем он продолжил писать и рисовать границы: «Первое предложение Геринга по границам» которое совпадало по отметкам с регионами немецкого и польского населения. Это не являлось предложением о границах, а по разделению населения. И затем он написал: «Предложение Гитлера», то есть окончательное, правильное и единственное предложение переданное польскому, а также британскому правительству. Если сравнить мою карту можно понять, что там проведены спонтанно и в большой спешке, двухцветными карандашами, довольно поверхностные отметки приблизительных зон населения, то есть, той в которой большинством являются немцы и той в которой есть исключительно поляки. С самого начала господину Далерусу приводились только общие черты предложения о границе которые уточнили позднее. Это и есть единственное предложение, тоже самое которое опубликовали, которое зачитали послу Гендерсону и которое, так как Гендерсон его не понял, я озвучил по телефону Далерусу ночью и проверил на следующий день.
Штамер: Пожалуйста, вы повторите последнее предложение? Мне кажется, оно не прошло.
Геринг: Я сказал, границы коридора очерченные здесь как предложение Гитлера, являлись официальным предложением которое выработал фюрер, в качестве единственного лица уполномоченного вносить окончательные предложения. Это тоже самое предложение которое зачитали послу Гендерсону, и так как он его не понял, я набросал записку, которую следовало прочесть Гендерсону, и продиктовал её через Далеруса, чтобы быть уверенным в том, что эта информация дошла до

английского посла в полном объеме.

Сделав так, как я уже говорил, я шел на огромный риск, поскольку фюрер запретил, чтобы в тот момент эту информацию доводили до публики, и, как я уже сказал, только я мог пойти на такой риск. Но в остальном, что касается моих пометок, они ясно показывают на карте: «Немецкое население согласно Герингу, польское население согласно Герингу». Но это было приблизительно и делалось в большой спешке, ночью, просто для его сведения и на карте вырванной из атласа.

Штамер: Господин Далерус сказал, что вы вызвали его 23 августа, и попросили его немедленно прибыть в Берлин, потому что обстановка стала серьезной. Что заставило вас считать обстановку серьёзной?

Геринг: Из заявлений фюрера в Оберзальцберге 22 августа мне было ясно, что напряжение достигло пика. Фюрер заявил о том, что он бы добивался решения данной проблемы, если было невозможно добиться её дипломатически. По этому поводу, поскольку это было просто обращение, без обсуждения, к высшим офицерам войсковых подразделений, которых бы задействовали в случае войны, я, как старший из присутствующих офицеров, посчитал свои долгом в конце сказать фюреру: «Вермахт исполнит свой долг». Конечно, он должен был исполнить свой долг, если бы его призвали. Однако, в то же время, я хотел приложить все усилия для того, чтобы как можно скорее, теперь это было вопросом дней; точная дата, 25 или 26, как было решено сначала, пока не была установлена на этот день, предпринять ещё одну попытку переговоров. Я хотел иметь возможность сказать фюреру, если провести такие переговоры успешно, то возникнет перспектива на шанс дипломатического решения.

Отсюда совпадение событий полудня 22-го: речь фюрера и моя немедленная реакция в виде отправки за Далерусом в Стокгольм. Я, конечно, не сказал ему, и не мог сказать, как немец иностранцу, и в особенности как офицер, о том, что моя причина возникла из-за факторов которые я пояснил. Вещи теперь представляются так, будто бы в Германии никогда не существовало идеи «секретных военных вопросов», или «секретного», или «совершенно секретного» в немецкой политике и в военной жизни, как будто мы были обязаны заранее предавать огласке для зарубежной прессы каждый свой политический или военный шаг. Поэтому я, отмечаю, что мы следовали, конечно, таким же процедурам, которые приняты во всех странах мира.

Штамер: Как оказалось, что вы лично руководили переговорами, и что переговорами не руководило министерство иностранных дел?

Геринг: Я склонялся к тому, чтобы этот вопрос разрешился как можно более мирно. Работа министерства иностранных дел является официальной. Так или иначе мы работали над этим согласно руководящим принципам изложенным фюрером. Я мог заставить ощутить своё влияние только таким способом, который являлся как можно более непосредственным, но не таким официальным, потому, что для

официальной акции я не занимал должности министра иностранных дел в отношении зарубежных стран. И тогда мне было ясно, что это не было вопросом формальностей, а скорее вопросом наиболее практического и скорейшего завершения чего-нибудь. Если бы я хотел повлиять на фюрера, это было бы возможно, если бы я имел, что-нибудь на руках, то есть, если я мог сказать ему: «Под свою ответственность, но с вашего ведома не вовлекая вас и политику Рейха, я веду переговоры для того, чтобы если позволят обстоятельства, создать атмосферу которая облегчит официальные переговоры в направлении мирного решения»

Кроме того, так было быстрее.

Штамер: Этот ясный факт, что это был личный шаг с вашей стороны который предпринят вами параллельно дипломатическим переговорам, это было ясно британскому правительству?

Геринг: Должно было быть ясно, что вся эта акция была неофициальными переговорами, которая только в одном, двух моментах затрагивала официальные переговоры или пересекала их. Например, этап, когда посол Гендерсон, вместо немедленного возвращения в Берлин, оставался 1 или 2 дня в Лондоне для того, чтобы, прежде всего, через неофициального переговорщика, Далеруса, объяснить британскому правительству суть этих намерений или переговоров, или объяснить записку, как я её назвал, и соответственно, когда это было сделано, подготовка этих совещаний соответственно упростилась. И не только у меня одного в тот день было убеждение в том, что сделан значительный шаг в направлении мирного решения, мне кажется это было 28–го, это демонстрируется тем фактом, что такой же взгляд разделяли тогда в британском посольстве, как очень ясно сказал советник посольства, сэр Огилви-Форбс. Ситуация не ухудшилась до 29-го.

Что касалось меня, во время всех этих переговоров не стоял вопрос изоляции Польши и невмешательства Англии, но скорее стоял вопрос, поскольку возникла проблема коридора и Данцига, насколько возможно мирно решить в духе Мюнхенских решений. В этом заключалось моё стремление до самого конца. Если бы только стоял вопрос устранения Англии, тогда бы, прежде всего, английская дипломатия это очень быстро поняла, разумеется у неё для этого достаточно подготовки. Однако, она вступила в эти переговоры. И, во-вторых, я бы наверное использовал совершенно другую тактику.

И это не просто восстановление событий в ретроспективе, я говорю о том, что на самом деле происходило в те дни, о чем я думал и чего хотел. Описания, данные сегодня свидетелем Далерусом и в его книге относительно его разговора с фюрером никоим образом не отражают того какими они были на самом деле. Его описания довольно субъективные, так как фюрер долго бы не принимал участия в таких разговорах.

В книге есть и другие субъективные интерпретации, которые несущественны, но которые выдвинуты на первый план обвинителем, сэром

Дэвидом Максвелл–Файфом, о том, что я в театральной манере вручил своим сотрудникам два меча, для того, чтобы они могли совершить ими бесстыдные деяния. Одним из тех, кому я предположительно вручил меч, был мой гражданский государственный секретарь Кёрнер, не солдат. Самое большее, что я мог ему вручить это ручка, так как он готовил указы для четырехлетнего плана. Вторым человеком был начальник штаба моего ведомства, министериальдиректор, который тоже не был солдатом и не претендовал ни на какие военные лавры, чья задача во время войны заключалась исключительно в том, чтобы поддерживать порядок в моём гражданском, а не военном штабе обеспечивая функционирование и прогресс этой работы. Для решения обеих этих вопросов этим господам не нужны были ни мечи ни воодушевление вести себя по-военному.

Штамер: Верно то, что сначала планировалось предпринять агрессивную акцию против Польши 26 августа, и позднее эта дата была отложена?

Геринг: Предусматривалось, что если бы тогда, официальные переговоры прошли раньше, что не следует забывать – если бы эти переговоры не привели к разрешению проблемы, как следствие всеобщей мобилизации в Польше и развертывания войск, и как следствие очень серьезных пограничных инцидентов, я напоминаю вам кровавое воскресенье в Бромберге, о более чем 70 000 бежавших немцев, и резне немцев, другими словами, атмосфера тогда была такой, что фюрер готов был принять военное решение. Затем это было отложено, именно потому, что верилось в то, что может быть достигнуто дипломатическое решение, и таким образом, я воспринимал само собой разумеющимся, что я должен в высшей мере активизировать неофициальный курс, которому я следовал раньше и понять, что может получиться. Этим объясняются частые совещания Далеруса в Лондоне и Берлине, частые перемены этих совещаний, и частые перелеты туда и обратно.

Когда 3 сентября мной была предложена последняя попытка, ситуация была следующей, и её также не совсем правильно описали. Британское правительство сначала не направило никакого ультиматума после 1 сентября, а направило ноту с требованием отвести…

Председатель: Переводчик будет любезен сказать трибуналу, о чем был последний вопрос заданный защитником? Наверное, переводчик не знает. Знает ли стенографист, каким был последний вопрос? Мне не кажется, что был дан какой-нибудь ответ, это относится к 26 августа.

[*Переводчик повторил вопрос*]

Штамер: Да.

Председатель: Да вопрос был таким, и насколько я слышал, ответа на него не было.

Штамер: Господин председатель, я вас не понимаю.

Председатель: Вопрос, который вы задали о том, являлось ли 26 августа датой,

когда планировалось организовать акцию против Польши, и подсудимый Геринг говорил значительное время, и насколько я слышал не ответил на вопрос.

Геринг: Вопрос – мой ответ на данный вопрос заключается в том, что действительно вторжение было первоначально запланировано на 26 августа, поскольку он считал эту дату необходимой, в виду обстановки, которую я описал. Однако, получилось убедить его отложить дату, для того, чтобы провести дальнейшие переговоры.

Штамер: Чем можно объяснить, что предложение Гитлера потерпело неудачу?

Геринг: Какое предложение?

Штамер: Последнее предложение от 27 августа, которое Далерус доставил в Лондон.

Геринг: Данное предложение, конечно же, было неофициальным и за ним последовало официальное предложение, которое было зачитано британскому послу в форме ноты, то есть британское правительство было проинформировано о том какие требования Германия предъявила к Польше. Это предложение не было полностью понято, и тогда неофициально, де факто, его сделали известным не только британскому правительству, но также четко и ясно польскому послу, неофициальным путем который описал Далерус. Из этого ничего не вышло, потому что польское правительство не согласилось обсуждать это предложение. Сначала было затягивание назначения уполномоченного, мне кажется до 30-го или 31-го, но, тем не менее, мы ждали уполномоченного даже дольше. Намекая на то, что польский посол может быть таким уполномоченным, обстоятельства позволяли, мы ждали с ним совещания, когда же он заявил, что не уполномочен принимать никакие условия, фюрер решил вторгнуться на следующий день. Эту телеграмму я также послал британскому послу через Далеруса, телеграмму польского правительства своему послу, в которой оно запрещало ему, постскриптумом, проводить какие–либо переговоры относительно предложений или принимать какие–нибудь предложения и любые ноты по данному предмету.

Я немедленно вручил Далерусу расшифрованную телеграмму, которую я получил из исследовательского отдела о котором говорили позавчера, для того, чтобы он мог вручить её Гендерсону и сказал ему о том, что в дополнение, несмотря на любые сомнения, которые могли у меня быть, поскольку это являлось вопросом чрезвычайной важности, чтобы британское правительство как можно скорее поняло насколько непримиримой была позиция поляков, и оказало на них влияние, обстоятельства позволяли, с целью проведения конференции. Таким образом, я отдал ключ, то есть, я показал, что мы имели польский дипломатический шифр и таким образом раскрыли Германии реальный и важный источник информации. Это был уникальный шаг, который я могу оправдать только моим абсолютным желанием и решимостью в последний момент предотвратить конфликт. Поэтому, я должен, зачитать отрывок из официального сообщения, он небольшой и начинается:

«От польского правительства польскому послу Липски в Берлине» Я пропускаю первую часть и читаю только следующее:

> «В качестве особо секретной инструкции для посла, он в дополнение информируется о том, что он должен воздерживаться от проведения официальных переговоров при любых обстоятельствах. В случае поступления устных или письменных предложений от правительства Рейха, пожалуйста, заявите, что вы не уполномочены отвечать либо обсуждать их, и что вы правомочны только направить это сообщение правительству с целью получения дальнейших инструкций»

Из этого совершенно ясно, что посол вообще не был, как нам говорили, уполномочен совершать какие–нибудь действия в другом направлении и эта телеграмма, которую прочитал и фюрер, вероятно, ясно показала ему всю бессмысленность поиска взаимопонимания с Польшей.

Штамер: Эти переговоры начались и проводились исходя из вашего серьезного намерения сохранить мир?

Геринг: Если прочесть эти записи в их контексте, это можно понять из этого документа, но я не хочу полагаться на доказательства из этой книги, а на то, что должен говорить здесь под присягой. Моя твёрдая решимость заключалась в том, чтобы сделать всё возможное для мирного урегулирования проблемы которая возникла. Я не хотел войны, и соответственно я делал все возможное, чтобы избежать её. Это не имеет никакого отношения к тем приготовлениям, которые я проводил, руководствуясь долгом высокопоставленного солдата.

Штамер: Поднимался вопрос об авиационной катастрофе которая могла настигнуть господина Далеруса. Что насчет этого замечания?

Геринг: Завершая свои показания, свидетель Далерус сказал, что он должен поправить себя, в том, что он не получил от меня настолько абсурдную информацию, а, что это был его вывод, потому что я незадолго до этого назвал имя Риббентропа в совершенно иной связи. У меня была одна озабоченность которую я отметил: Далерус тогда вылетел в Лондон на моём собственном самолёте; напряжённость в тот момент уже была очень острой и во всех странах была объявлена мобилизация и угроза войны. Официальное воздушное сообщение было прервано задолго до этого. Таким образом было возможно, что при определенных обстоятельствах немецкий самолет, летевший в Лондон с курьером, или наоборот британский самолёт летевший в Берлин мог подвергнуть себя опасности от наших противовоздушных батарей или подобного, и насколько я помню, я как мог, хотел избежать этой опасности, позвонив голландским и английским чиновникам. В этом заключалась единственная причина того, что я сказал Далерусу, что я надеюсь, что он прибудет и вернется безопасно, потому что в то время мог запросто произойти любой инцидент.

Господин фон Риббентроп вообще ничего не знал о том факте, что

направили Далеруса. В течение всего времени я никогда не обсуждал с господином фон Риббентропом вопрос Далеруса. Таким образом, он вообще не знал о том, что он летал туда и обратно между британским правительством и мною. Всё это абсолютная небылица.

Штамер: 26 сентября 1939 вы присутствовали на совещании между Далерусом и Гитлером?

Геринг: Да.

Штамер: Что сказал Гитлер о Польше?

Геринг: Это верно, что он делал заявления о том, что возрождение Польши в том, виде в котором она существовала до начала войны уже не могло рассматриваться после прошедшей битвы, но что, он, конечно сохранит старые немецкие провинции отобранные в 1918. Но даже тогда он отмечал, что Генерал-губернаторство в Варшаве его не очень интересовало и очень отчетливо дал понять Далерусу, что это вопрос который должен быть урегулирован в основном и решающим образом Германией и Россией, и что следовательно, теперь не стоит вопрос одностороннего урегулирования с Англией, потому что большая часть Польши уже оккупирована Россией. И эти соглашения он уже не может в одностороннем порядке заключать с Англией. В этом заключалась суть заявлений фюрера.

Штамер: У меня больше нет вопросов.

Джексон: Я обращаю ваше внимание, на ваши показания данные вчера и спрашиваю вас, верны ли они.

> «Я, думаю, я был заместителем председателя» - это относится к совету обороны Рейха – «я даже не знаю, я слышал об этом, но я заверяю вас под присягой, что ни в какое время и никакой день я не участвовал ни в одном заседании совета обороны Рейха созванном совместно».
>
> Это верная расшифровка ваших показаний?

Геринг: Да, я сказал, что ни на одном…

Джексон: Достаточно. Это все, что я хотел услышать.

Геринг: Да.

Джексон: Я прошу обратить внимание на документ номер PS-3575 (номер экземпляра USA–781), который является стенограммой совета обороны Рейха от 18 ноября 1938, под вашим председательством.

Я обращаю ваше внимание на заявление о том, что «совещание состояло исключительно из трёхчасовой речи фельдмаршала. Никакой дискуссии не проводилось»

Это верно?

[*Документ PS-3575 передан свидетелю*]

Геринг: Я сначала должен это прочесть, я впервые вижу этот документ.

Джексон: Когда вы вчера давали показания, вы не знали о том, что у нас есть этот документ, не так ли? Будьте любезны ответить на этот вопрос?

Геринг: Я раньше не видел этот документ. Я должен сначала на него взглянуть. Здесь сказано: «Стенограмма заседания совета обороны Рейха от 18 ноября 1938»

Совет обороны Рейха, как его здесь описывали включал немного людей. Однако здесь присутствовали все рейхсминистры и государственные секретари, также главнокомандующие армией и флотом, начальники генеральных штабов трех родов войск вооружённых сил, рейхсляйтер Борман от заместителя фюрера, генерал Далюге[364], группенфюрер СС Гейдрих, рейхсарбайтфюрер[365], уполномоченный по ценам, председатель ведомства по рабочей силе, и остальные.

Когда я давал свои показания, я думал только о совете обороны Рейха как таковом. Здесь же идет речь о совете обороны Рейха в рамках крупного собрания. Вместе с тем, я не думал об этом, это касается, помимо этого совета обороны Рейха, собрания, гораздо большего по размаху, чем предусматривалось для совета обороны Рейха.

Джексон: Я обращаю ваше внимание на тот факт, что: «Фельдмаршал заявил, что задачей совета обороны Рейха будет координация всех сил нации для ускорения строительства немецкого вооружения»

Вы нашли это?

Геринг: Теперь да.

Джексон: Второй параграф?

Геринг: Да.

Джексон: Под заголовком II: «Физическая задача: достижение роста уровня вооружений с текущего индекса 100 до 300»

Геринг: Да.

Симерс: Я не могу понять причину по которой периодически получается так, что защита не получает документы, которые обсуждаются в суде и которые предоставляются суду. Документ, который сейчас обсуждается, также нам неизвестен, по крайней мере, мне.

В течение последних нескольких дней я заметил, что несколько документов были внезапно представлены обвинением без какой–либо попытки сообщить нам об их существовании.

Джексон: Это совершенно верно, и я думаю каждый адвокат знает, что один из важнейших вопросов в данном деле заключается в достоверности, и что если мы, в перекрестном допросе предоставим заранее каждый документ на который мы можем сослаться в ходе перекрестного допроса, после заслушивания их показаний,

---

[364] Курт Далюге (1897 — 1946) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник полиции общественного порядка (1936—1943), и. о. имперского протектора Богемии и Моравии (1942—1943). Группенфюрер СА (15 марта 1932), Оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции (с 1942).

[365] Рейхсарбайтсфюрер – руководитель Трудовой службы Рейха организации отвечавшей за работу юношей после окончания школы и до призыва в армию.

возможная польза от перекрёстного допроса уничтожается.

Теперь, конечно он не знал, и у нас есть опыт представления их вниманию документа за документом, всегда встречаемых неким пояснением с их стороны, аккуратно подготовленным и зачитанном здесь из заметок. Ни одни подсудимые никогда не имели лучшей возможности подготовиться к делу, чем эти, и я полагаю, что перекрестный допрос в отношении них нельзя разрушать требованием предварительного предоставления документов.

Председатель: Вы хотите, что-то сказать?

Симерс: Да. Я хочу отметить две вещи. Первое, я полностью согласен, если господин судья Джексон хочет использовать элемент неожиданности. Я был бы просто благодарен, если защите также разрешили использовать элемент неожиданности. До сих пор нам здесь говорили о том, что мы должны за неделю показывать каждый документ, который мы хотим представить, для того, чтобы обвинение имело возможность несколько недель формировать о них свое мнение.

Во–вторых, если используется элемент неожиданности, мне кажется, что, по крайней мере, мы, как защита, не должны сталкиваться с такой неожиданностью в тот момент, когда документ предоставляется суду и свидетелю. В настоящий момент у меня нет ни сегодняшних документов, ни документов предыдущих дней.

Председатель: То, что вы только, что сказали совершенно неточно. Вас никогда не принуждали раскрывать какие–либо документы, которые вы желали представить свидетелю в ходе перекрестного допроса. Это перекрестный допрос и, поэтому для стороны обвинения полностью доступно приобщать любые документы, не раскрывая их заранее, также и защитники могли бы представить любой документ свидетелям вызванным обвинением, если они желали это сделать в целях перекрестного допроса.

Я уверен в том, что если защитники желают повторно допросить о любом документе подобном этому, его копию подготовят для них с этой целью.

Трибунал распоряжается о том, что данный документ может быть предъявлен свидетелю сейчас.

Симерс: Есть ли у защиты возможность, раз уж об этом известно суду, получить данный документ?

Председатель: Безусловно, да.

Симерс: Я буду благодарен, если получу копию сейчас.

Джексон: Я должен откровенно сказать, что я не знаю есть ли у нас соответствующее количество копий, чтобы вручить защите прямо сейчас.

Председатель: Возможно, у вас и нет, но можно ли вручить им одну или несколько копий.

Джексон: Но я не думаю, что мы должны оформлять копии до того, как закончится допрос по данному документу, то есть…

Председатель: Да, доктор Дикс.

Дикс: Я хочу заявить ещё одну просьбу, по крайней мере о технических возможностях, о том, чтобы, хотя бы, представителю тех подсудимых, которых сейчас перекрёстно допрашивают, также вручали документ который предъявлен подсудимому, для того, чтобы они были в состоянии, также как и трибунал, понимать о чем идет речь.

Если судья Джексон говорит, что, по его мнению, это будет правом защитника, в данном случае моего коллеги Штамера, получить этот документ только после допроса, в данном случае Геринга, я серьезно прошу, в интересах достоинства и престижа защиты, заявить возражение такому предложению судьи Джексона. Мне не кажется, что он подразумевает этим домысел о том, что защита сможет, имея эти документы одновременно с трибуналом и одновременно со свидетелем, как-нибудь подать знак или иным образом повлиять на подсудимого и соответственно нарушить перекрестный допрос господина судьи Джексона, или обвинителя. Господин судья Джексон, конечно, не имел этого в виду, но можно сделать такой вывод.

Поэтому я заявляю просьбу: если в перекрестном допросе, для целей перекрестного допроса, в виду полностью оправданного элемента неожиданности, свидетелю одновременно с трибуналом предъявляется документ, чтобы, по крайней мере, копию этого документа вручали одновременно защитнику, заинтересованному защитнику, либо тому, кто вызвал свидетеля либо тому, чей подсудимый допрашивается в качестве свидетеля для того, чтобы мы могли понять, что ему предъявили, так как Геринг может прочесть документ, а доктор Штамер не может. Другими словами, он не понимает, о чем идет речь в перекрестном допросе господина судьи Джексона. Так определённо не задумывалось и точно не будет справедливым, и поэтому я хочу попросить господина Джексона ответить на мое предложение, и моё ходатайство, для того, чтобы прийти к взаимопониманию и соответственно облегчить для трибунала решение по вопросу, который для меня является очевидным.

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал склонен думать, трибунал определенно думает, что вы совершенно правы в том, что нет никакой необходимости, как я уже сказал, раскрывать подсудимым документы перед их использованием в перекрестном допросе. Но в процессе их использования в перекрестном допросе, вы не возражаете вручать копию защитнику того подсудимого которого перекрёстно допрашивают?

Джексон: В некоторых случаях это физически невозможно, в силу нашего положения с этими документами. Многие их этих документов поступили нам довольно поздно. Наши фотокопировальные возможности ограничены.

Председатель: Я не предлагаю вам вручить копии всем, а только доктору Штамеру.

Джексон: Если бы у нас были копии, я бы не возражал, но если у нас нет копий на немецком языке, у нас всегда есть проблема с наличием копий на немецком языке.

Дикс: Могу я кое-что сказать. Если невозможно на немецком языке, тогда предоставьте их хотя бы на английском, так как одна английская копия, разумеется, имеется. Кроме того, если это вопрос немецкого свидетеля такого как Геринг, документ, так или иначе, покажут ему на немецком языке, он определенно будет показан свидетелю на немецком. Мне кажется это совершенно возможно.

[*Доктор Симерс подходит к трибуне*]

Председатель: Нам на самом деле не требуется заслушивать более чем одного защитника по подобного рода вопросу. Я уже распорядился по поводу вашего возражения, о том, что документ должен предоставляться заранее, но трибунал уже распорядился о том, что возражение отклонено.

Симерс: Господин председатель, прощу прощения. Мое ходатайство заключается в том, чтобы защитник получал эти документы в то же время, что и трибунал. Я не разделяю мнение доктора Дикса о том, чтобы их получал только один защитник. Если рассматривается доклад о совете обороны Рейха, данный документ важен для нескольких подсудимых. Поэтому, одной копии недостаточно, но каждый защитник должен иметь по одной. Мне кажется господин судья Джексон…

Председатель: Но не сейчас. Есть, как все мы знаем, очень большие трудности при изготовлении всех этих документов, и чрезвычайные усилия предпринимаются обвинением и отделом переводов, чтобы обеспечить подсудимых документами, и документами на немецком языке, и не нужно, чтобы каждый защитник имел эти документы во время перекрестного допроса свидетеля. Я уверен в том, что обвинение сделает все возможное, чтобы предоставить вам документы в установленном порядке, любой документ, который используется.

По мнению трибунала совершенно достаточно, если одна копия документа предоставляется защитнику свидетеля, который проходит перекрестный вопрос. Как я сказал, обвинение, несомненно, предоставит копии данных документов в установленном порядке.

Вы представляете подсудимого Рёдера и подсудимый Рёдер, при текущем темпе боюсь еще не скоро окажется на месте свидетеля.

Симерс: В результате получиться, что защитник, который сейчас не учитывается, не сможет понять, о чем идет перекрестный допрос. Что касается технического вопроса, я прошу суд учитывать, что я не могу с технической точки зрения понять судью Джексона. Документы мимеографируются[366] с помощью трафарета. При мимеографировании не имеет значения, сколько копий надо сделать 20, 40, 80, или 150. Нет никакой разницы с точки зрения времени кроме, наверное, 4- 5 минут. По этой причине я считаю, что это вряд ли относится к техническим трудностям.

---

[366] Ротатор, или мимеограф, или автокопист, или циклостиль — машина трафаретной печати, предназначенная для оперативного размножения книг малыми и средними тиражами.

Председатель: Представитель обвинения учтёт сказанное вами, но трибунал не примет распоряжения о том, чтобы каждый документ вручали каждому защитнику в ходе перекрестного вопроса.

Геринг: Я хочу снова сказать относительно документа, что это…

Джексон: Могу я покорно просить, чтобы свидетеля проинструктировали отвечать на вопрос и оставить свои объяснения для своего защитника. В противном случае, нельзя успешно вести этот перекрестный допрос, в смысле разумности по времени.

Председатель: Я уже по нескольким случаям объяснял, что обязанность подсудимых, когда они находится на месте свидетеля заключается в том, чтобы отвечать на вопросы прямо, если они могут отвечать прямо, утвердительно или отрицательно и если у них есть какие-нибудь пояснения они могут давать пояснения после прямого ответа.

Джексон: Обращаю ваше внимание на 3 часть, под заголовком II, «Финансы», написано следующее:

> «Самое критическое положение в казначействе Рейха. Помощь от миллиарда наложенного на евреев и от доходов полученных Рейхом при ариазации еврейских предприятий».
>
> Вы нашли эти записи?

Геринг: Да это тут.

Джексон: И вы видите записи подписанные Вёрманом[367], не так ли?

Геринг: Нет, неправда. Я прошу прощения? Здесь на фотокопии подписал Вёрман, но не Борман. Я хорошо знаю подпись Бормана, она совершенно другая.

Джексон: Я сказал Вёрман.

Геринг: Вёрман, да.

Джексон: Хорошо, это моё плохое произношение. Что же, не является фактом то, что вы учредили рабочий комитет в составе совета обороны Рейха, который собирался время от времени и проводил определённую работу.

Геринг: Я уже недавно объяснял, это был комитет начальников управлений.

Джексон: И я обращаю ваше внимание на документ номер ЕС–405, стенограмму заседания рабочего комитета совета обороны Рейха, заседание номер 10.

Геринг: Я понял, что председатель сказал о том, что когда я ответил на вопрос, я могу дать пояснения, которые кажутся мне необходимыми. Теперь чтобы четко ответить на ваш вопрос в отношении первого документа, я снова хочу подчеркнуть, что это не было заседание обороны Рейха в узком составе, а общее собрание всех министров, государственных секретарей и множества других лиц. И я начал мое заявление со следующего:

> «I. Организация совета обороны Рейха: совет обороны Рейха уже был

---

[367] Эрнст Вёрман (1888 — 1979) — германский дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии, младший государственный секретарь МИДа (1940 года — 1943 год), Посол Германии при прояпонском Нанкинском правительстве Китая (3 августа 1943 года — 8 мая 1945 года).

> создан решением кабинета в 1933 и 1934, но никогда не собирался. Законом об обороне Рейха от 4 сентября 1938 он был реформирован. Председателем является фюрер, который назначил генерал–фельдмаршала Геринга постоянным заместителем».

Рассматривая совет обороны Рейха, о котором мы говорили, включавшего Шахта или даже триумвират, и это засвидетельствовано здесь в письменной форме еще раз, как я правильно сказал, этот совет никогда не собирался. Я просил бы повторить вопрос о втором документе, так как уже забыл его.

Джексон: Вы дали показания о том, что вступление в Рейнланд не планировалось заранее.

Геринг: Только незадолго, я подчёркивал.

Джексон: Как долго?

Геринг: Насколько помню, самое большее 2 или 3 недели.

Джексон: Итак, я обращаю ваше внимание на стенограмму десятого заседания рабочего комитета совета обороны Рейха, документ номер ЕС–405, ближе к концу документа, дискуссия от 26 июня 1935, которая гласит следующее…

Геринг: Можно спросить какая страница? Документ очень длинный и новый для меня. Какая страница, иначе мне придется читать весь документ.

Джексон: Переходите к последнему абзацу, и мы читаем с конца.

> «Подготовка в письменном виде директив по мобилизации допустима лишь постольку, поскольку она является абсолютно необходимой для правильного осуществления мер предусмотренных для демилитаризованной зоны. Без исключения такие материалы должны храниться в сейфах».
>
> Вы нашли эту часть?

Геринг: Документ, который мне вручили, содержит противоречивые заявления различных личностей, то есть, диалог. Могу я ещё раз попросить… Последний параграф не содержит ничего о чём вы говорили, должно быть есть разница в английском и немецком текстах. Последний абзац здесь полностью неправильный. Пожалуйста, где я должен прочитать документ?

Джексон: Вы нашли третий абзац с конца? Если мой документ правильный, у вас должно быть тоже самое.

Геринг: Скажите мне, кто это говорил, так как здесь говорили разные люди.

[*Место в документе показали подсудимому*]

Геринг: Теперь, когда мне это показали. Под именем Йодля, я сначала должен прочесть это.

Джексон: Вы нашли это:

> «Демилитаризованная зона требует специального обращения. В своей

речи от 21 мая 1935 и в других заявлениях, фюрер и рейхсканцлер объявил, что положения Версальского договора и Локарнского пакта относительно демилитаризованной зоны следует соблюдать».

Вы нашли это?

Геринг: Да.

Джексон: И вы нашли следующий параграф:

«Поскольку при любых обстоятельствах требуется избегать международных затруднений, можно проводить неотложные мероприятия. Подготовку или её планирование, следует хранить в тайне в самой зоне, а также в остальном Рейхе».

Вы нашли это?

Геринг: Да.

Джексон: И вы нашли:

«Эта подготовка включает - a) и b) не важны для данного вопроса – c) подготовку к освобождению Рейна».

Геринг: О нет, вы сделали большую ошибку. Фраза в подлиннике, и только в этом заключается смысл: «c) подготовка очистки Рейна». Это чисто техническая подготовка, не имеющая ничего общего с освобождением Рейнланда. Здесь сказано, первое, мобилизационные меры для транспорта и связи, затем «c) подготовка очистки Рейна», то есть, на случай мобилизационных мероприятий Рейн не должен быть загружен сухогрузами, буксирами и т. д., но река должна быть очищена для военных мероприятий. Затем следует: d) подготовка местной обороны» и т. д. Таким образом, вы видите, здесь перечислены общие, стандартные и обычные приготовления для мобилизации. Фраза, которую использует обвинение…

Джексон: Именно мобилизация.

Геринг: Это, если вы помните, я ясно подчеркнул в своем заявлении о том, что в демилитаризованной зоне проводились общие подготовительные мероприятия для мобилизации. Я упоминал о покупке лошадей, и т. д. Я хотел только отметить ошибку по поводу «очистки Рейна», которая не имела никакого отношения к Рейнланду, а только к реке.

Джексон: Что же, эти мероприятия являлись подготовкой вооруженной оккупации Рейнланда, не так ли?

Геринг: Нет, это совершенно ошибочно. Если бы Германия была вовлечена в войну, не важно, с какой стороны, допустим с Востока, тогда бы мобилизационные меры проводились по соображениям безопасности во всем Рейхе, и в демилитаризованном Рейнланде, но не с целью оккупации, освобождения Рейнланда.

Джексон: Вы имеете в виду мероприятия, не являвшиеся военными?

Геринг: Это были общие приготовления для мобилизации, также как это происходит в других странах, а не с целью оккупации Рейнланда.

Джексон: Но имели характер, который нужно было хранить в тайне от зарубежных держав?
Геринг: Я не думаю, что могу вспомнить, чтобы заранее публиковались мобилизационные мероприятия Соединенных Штатов.
Джексон: Что же, я покорно заявляю трибуналу о том, что данный свидетель не отвечает на вопросы, и не отвечал на них в своём допросе, и что…

[*Подсудмый вставляет несколько слов которые не были записаны*]

Джексон: Совершенно бесполезно тратить наше время, если мы не получаем ответов на наши вопросы.

[*Подсудмый вставляет несколько слов которые не были записаны*]

Мы можем исключить данные вещи из протокола. Я не хочу тратить на это время, но свидетель, как мне кажется, занимает и занимал на месте свидетеля и на скамье подсудимых высокомерное и презрительное отношению к трибуналу, который предоставил ему возможность предстать перед судом, в котором он отказывал и живым и мертвым.

Я покорно полагаю, чтобы свидетеля проинструктировали делать записи, если он желает, со своими объяснениями, но, чтобы от него требовалось отвечать на мои вопросы и оставлять свои объяснения для своего защитника.
Председатель: Я уже изложил общее правило, которое распространяется как на этого подсудимого, так и на остальных свидетелей.

Вероятно, нам следует прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 20 марта 1946*]

День восемьдесят шестой

Среда, 20 марта 1946

Утреннее заседание

Джексон: С позволения трибунала, последний вопрос, который я задал прошлым вечером относительно мобилизационной подготовки в Рейнланде, как следует из официальной расшифровки, был таким: «Но имели характер, который нужно было хранить в тайне от зарубежных держав?» - ответ был таким: «Я не думаю, что могу вспомнить, чтобы ранее публиковались мобилизационные мероприятия Соединенных Штатов»

Итак, представляя Соединенные Штаты Америки, я столкнулся со следующими вариантами – проигнорировать это замечание и оставить его для тех кто не понимает нашу систему, или разбирать его ложность за счёт значительного времени; или отвечать в опровержение. Сложность, вытекающая из этого заключается в том, ваша честь, что если свидетелю разрешено делать произвольные заявления в ходе перекрестного допроса то отсутствует возможность заявить возражения до тех пор, пока они не внесены в протокол. Конечно, если такой ответ был бы обозначен в вопросе адвоката, я покорно полагаю это была бы правильная процедура, которой не будет никакого возражения, трибунал тогда мог бы воспользоваться своей обязанностью предусмотренной уставом, а я бы смог сократить рассмотрение дела без этого замечания.

Статья 18 устава предусматривает, что трибунал должен отклонять все не относящиеся к делу вопросы и заявления любого рода. Мы непосредственно столкнулись с таким вопросом: мы не можем соблюдать такие обязанности, если подсудимый делает произвольные заявления в отсутствие вопросов к нему. Я покорно полагаю, что если преобладает распоряжение трибунала о допустимости произвольных высказываний, то в таком случае контроль за ходом слушаний оказывается в руках подсудимого и Соединенным Штатам значительно ограничивают право на перекрестный допрос согласно уставу, потому что перекрестный допрос не может быть эффективным при такой процедуре. Поскольку мы не можем предвидеть, мы не можем отвечать…

Председатель: Я совершенно согласен с вами в том, что упоминание секретности в в сфере мобилизации Соединенных Штатах совершенно не относится к делу, и что такой ответ не следовало давать, но единственное правило, которое трибунал изложил, как общее правило, уже изложено; о том, что свидетель должен отвечать

по возможности «да» или «нет», и что он может давать необходимые пояснения после прямого ответа на вопрос, и что такие пояснения должны быть краткими, но не быть речами. Что касается конкретного ответа, я считаю его полностью не относящимся к делу.

Джексон: Я должен, конечно, подчиняться распоряжению трибунала, но это по поводу второй части, я довольно хорошо помню замечание трибунала о том, что ответы должны даваться в виде «да» или «нет». Этот свидетель, конечно, не обращает на это ни малейшего внимания, и я должен сказать, что не могу его винить, он преследует свои интересы. Но у нас нет никакого способа предвидеть, и здесь мы сталкиваемся с этим заявлением в протоколе, потому что когда эти заявления высказываются они попадают в протокол до того как трибунал может распорядиться о них, и у меня нет никакой возможности заявлять возражения, и трибунал не имеет возможности решать. И это приводит к тому, как я уже сказал, что контроль за слушаниями оказывается в руках подсудимого, если он сначала предъявляет обвинения и затем заставляет нас игнорировать их или отвечать на них ему в опровержение долгим перекрёстным допросом, и я думаю, что данный свидетель выдвинул намеренное обвинение в отношении Соединенных Штатов Америки.

Ваша честь теперь уведомляет Соединенные Штаты о том, что это неподобающий ответ, но при этом он в протоколе и нам приходиться разбираться с ним. Я покорно полагаю, что до тех пор, пока мы имеем…

Председатель: В чём именно заключается ваше ходатайство? Вы просите трибунал исключить ответ из протокола?

Джексон: Что же, нет, на процессе такого рода, где пропаганда является одной из целей подсудимого, исключение ответа не даст хорошего результата и Геринг знает об этом не хуже меня. Соединенным Штатам предъявлено обвинение и оно внесено в протокол. Сейчас меня волнует, чтобы свидетеля проинструктировали о том, что он может отвечать на мои вопросы «да» или «нет» если позволяет ответ, и что объяснения должны быть даны его защитником, что позволит нам заявлять возражения, если они не будут относиться к делу, и получать решения трибунала таким образом, чтобы трибунал мог выполнять свои обязанности относительно вопросов не относящихся к делу и всякого рода заявлениям. Мы не должны позволить процессу выродиться в свару между представителем и свидетелем. Соединённые Штаты не ожидают, что я буду участвовать в таком. Я покорно предлагаю, что если он сделает какой-нибудь вызов…

Председатель: Вы предлагаете трибуналу, чтобы свидетель должен был отвечать на каждый вопрос «да» или «нет» и затем ждать пока его будут повторно допрашивать с целью получить объяснения?

Джексон: Я думаю, что в этом заключается порядок перекрестного допроса в обычных обстоятельствах. Свидетель, если вопрос это допускает, может ответить, и

если у него имеются пояснения относящиеся к делу их следует оставить на потом.

Теперь позвольте мне вернуться к особенной проблеме которая возникла этим утром. Есть ответ, который трибунал признал не относящемся к делу. Но у нас не было никакой возможности заявить на него возражение. У трибунала не было возможности разрешить его. Свидетель спросил: «Вы когда–нибудь слышали, чтобы Соединенные Штаты публиковали свой мобилизационный план?», конечно мы бы возразили. Сложность заключается в том, что трибунал теряет контроль за ходом разбирательства, если подсудимому, в деле такого рода в котором как нам всем известно то, что одной из задач подсудимого является пропаганда, разрешать высказывать свою пропаганду и потом отвечать на неё. Я действительно чувствую, что Соединенные Штаты лишены возможности проведения перекрестного допроса при такой процедуре.

Председатель: Конечно это слишком, придавать такое значение тому, что свидетель сказал, о том делают ли Соединенные Штаты приказы о мобилизации публичными или нет. Конечно, это не имеет большого значения. Каждая страна хранит определённые тайны. Разумеется, будет гораздо мудрее игнорировать заявления такого рода. Но, что касается общего правила, трибунал рассмотрит вопрос. Я уже изложил, то, что мне показалось распоряжением, и я думаю с согласия трибунала, но я выясню…

Джексон: Позвольте мне сказать, что я согласен с вами, ваша честь поскольку, что касается Соединенных Штатов, нам все равно, что свидетель думает о нас, мы ожидали много такого. Вопрос заключается в том, чтобы отвечать на такие вещи, или оставлять их без контроля со стороны процесса. И мне кажется, что это начало выхода процесса из под контроля, если можно так сказать, если у нас нет контроля за ситуацией. Я доверяю трибуналу и прошу прощения за такую серьезность. Я думаю это жизненно важный вопрос.

Председатель: Я никогда не слышал, чтобы он предлагал стороне обвинения отвечать на каждый не относящийся к делу ответ в ходе перекрестного допроса.

Джексон: Это было бы правдой для частного судопроизводства, но я думаю, что трибунал в курсе того, что за пределами зала суда стоит огромный социальный вопрос возрождения нацизма и в этом заключается одна из целей подсудимого Геринга, я думаю, он будет первым кто это признает, возродить его и продолжать его пропагандировать в ходе настоящего процесса.

Председатель: Да, доктор Штамер?

Штамер: Я лишь хотел пояснить следующее: здесь предъявлены обвинения в нашем намерении осуществлять здесь пропаганду нацизма, или в каком-то другом направлении. Я не думаю, что такое обвинение оправдано. И мне не кажется, что подсудимый намеревался выдвинуть обвинения против Соединенных Штатов. Я думаю нам нужно учитывать вопрос который ему задали. То есть, обвинение заметило ему, что документ предъявленный ему имеет гриф «секретно». Тогда он

заявил о том, что он никогда не слышал о том, чтобы документы такого рода предавались огласке в Соединенных Штатах. Если бы вместо США он назвал любую другую нацию, тогда бы замечание осталось безобидным.

По моему мнению, ответ был совершенно оправданным. Свидетелю следует давать возможность отвечать не только «да» или «нет», но и приводить причины своего ответа поясняя свой ответ, как установлено судом.

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал считает, что то правило, которое установлено, является единственно возможным правилом и что свидетелю можно строго указать отвечать на вопрос прямо, когда вопрос требует прямого ответа, и что он не должен начинать давать пояснения до того, как дал прямой ответ, но после прямого ответа он может сделать короткое пояснение, и что он не ограничен просто ответом «да» или «нет», и оставлением своих пояснений для повторного допроса защитником.

Что касается конкретного замечания подсудимого, подсудимый не должен был ссылаться на Соединенные Штаты, но эту вещь я думаю можно было проигнорировать.

Джексон: Я, конечно, подчиняюсь решению трибунала.

Я хочу сделать заявление для трибунала относительно одного из документов. В завершении вчерашнего заседания мы рассматривали документ номер ЕС– 405. Подсудимый Геринг оспорил использование слова которое как он сказал, следует переводить как «очистка» нежели «освобождение». Мы провели проверку перевода и обнаружили, что подсудимый прав. Документ был представлен под номером GB–160, 9 января, на странице 2396 стенограммы[368] трибунала, и поскольку он уже представлен в качестве доказательства, мы думаем, что является бременем обвинения внести исправления в протокол.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вчера вы заявили, что стенограммы совета обороны Рейха, которые вам представили, не являлись стенограммами заседания совета обороны Рейха как такового?

Геринг: Да я так сказал.

Джексон: И ваши показания, несмотря на документ, заключаются в том, как я понимаю, что совет обороны Рейха никогда не собирался?

Геринг: Да, я это тоже говорил.

Джексон: Сейчас я прошу показать вам документ, который только, что оказался в нашем распоряжении, стенограмму второго заседания совета обороны Рейха. Я должен сказать, что он только, что отправлен на перевод. Мы не перевели его, мы только, что обнаружили его в нашем большом собрании документов.

Председатель: Может ли доктор Штамер получить копию на английском языке?

Джексон: У нас еще не было возможности даже перевести его на английский. Я

[368] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV/ Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 33.

даже не знаю, что именно в нем сказано. У нас есть фотокопия.

[*Обращаясь к свидетелю*] Это не является стенограммой второго заседания совета обороны Рейха состоявшегося 23 июня 1939?

Геринг: Сначала я должен его прочитать.

Джексон: Я обращаю ваше внимание на тот факт, что председатель это министр президент, генерал–фельдмаршал Геринг. Вы найдете это на первой странице.

Геринг: Я никогда не оспаривал этого. Это было установлено законом. Это касается второго совета обороны Рейха, а не первого. Кроме того, я не присутствовал на этой встрече, и я отмечаю, что слева перечислен список чиновников принимавших участие во встрече и в отношении меня сказано: «Министр-президент, фельдмаршал Геринг», и справа в качестве его представителя, «государственный секретарь Кёрнер и государственный секретарь Нойман[369]» Но я должен сначала просмотреть весь документ, в первую очередь, чтобы выяснить принимал ли я личное участие.

Джексон: Разве на странице 1, прямо под местом проведения встречи не написано: «Председатель: Министр-президент Геринг»?

Геринг: Да я с самого начала это прочел.

Джексон: Вы не отрицаете подлинность этой стенограммы?

Геринг: Я еще не просмотрел его целиком.

Он похож на абсолютно подлинную копию стенограммы, я признаю это. Но здесь снова мы касаемся не заседания, как я говорил, отвечая на вопрос защитника о совете обороны Рейха, но более крупного собрания, в котором участвовали многие другие ведомства и это вопрос второго совета обороны Рейха, который был создан после 1938, а не секретного совета как было дело в 1933-38.

Джексон: Другими словами, интерпретируя ваши показания, мы должны понять, что когда вы говорите, что заседаний совета обороны Рейха не было, вы имеете в виду только такие заседания, на которых не присутствовали остальные люди?

Геринг: Нет, это неправильно. Существовало два закона обороны Рейха касавшихся совета обороны Рейха, о чем я пытался объяснить в своем заявлении: секретный совет с 1933 по 1938, который не был публичным и совет обороны Рейха, который был создан в 1938 и превращен в совет министров в 1939, последний проводил заседания не только в том составе, в котором он создавался.

Джексон: Значит, вы говорите, что это не был засекреченный совет обороны?

Геринг: Обвинение хочет, чтобы я отвечал сначала «да» или «нет». На этот вопрос трудно ответить «да» или «нет». Я утверждаю, что секретный совет обороны, который никогда не являлся публичным и который возник после встречи министров в 1933, никогда не собирался. После 1938 новым законом об обороне Рейха был создан новый совет. В то время уже было четко объявлено о восстановлении военного суверенитета. Этот первый совет, который обвинение называет секретным,

---

[369] Эрих Нойман (1892 — 1951) — государственный деятель эпохи Третьего Рейха, государственный секретарь управления по четырёхлетнему плану (1938—1945), оберфюрер СС (30.01.1939).

никогда не собирался и документ, представленный вчера это подтверждает.

Джексон: Могли бы вы посмотреть на страницу 19 этого документа. Пожалуйста, скажите мне, не являлось ли одной из вещей, которые там рассматривались снятие секретности в отношении закона об обороне Рейха?

Геринг: Нет, здесь так не написано. Если я могу перевести его, последний пункт повестки: «Последствия, вызванные снятием секретности с закона об обороне Рейха и меры по ускорению процедур уже рассматривались согласно письму комитета обороны Рейха от 26 июня; «последствия, вызванные снятием секретности в целях ускорения письменного оборота»

Джексон: Вы заявляли о том, что в еврейском вопросе, некоторые члены правительства были более радикальными, чем вы. Могли бы вы назвать их?

Геринг: В целом, когда мы овладели правительством, мы лишь потребовали удаления евреев с политических и других ведущих позиций в государстве.

Джексон: Вы не ответили на мой вопрос.

Председатель: Это не является прямым ответом на вопрос. Вопрос был о том, что вы говорили о некоторых членах правительства, которые были более радикальными в отношении евреев, чем вы. Могли бы вы сказать нам, кто из членов правительства был более радикальным чем вы?

Геринг: Простите, я не понял, что имелось в виду кто был более радикальным, но каким образом они были более радикальными. Если вы спрашиваете кто, тогда я могу сказать, что это были Геббельс и Гиммлер.

Джексон: Вы также включаете в их число со-подсудимого Штрайхера, как более радикального чем вы?

Геринг: Да, но он не являлся членом правительства.

Джексон: Он был гауляйтером, не так ли, той территории где мы заседаем.

Геринг: Это верно, но у него было очень слабое влияние на решения правительства.

Джексон: Что насчет Гейдриха?

Геринг: Гейдрих подчинялся Гиммлеру. Если я говорю Гиммлер, то я, конечно, включаю Гейдриха.

Джексон: Значит Гейдрих входит в список более радикальных кого вы назвали?

Геринг: Правильно, да.

Джексон: Что насчет Бормана?

Геринг: Только в последние годы я заметил, что Борман стал более радикальным. Я ничего не знаю о его отношении в начале.

Джексон: Итак, я хочу коротко обозреть, то, что обвинение понимает под публичными действиями, предпринятыми вами в отношении еврейского вопроса. С самого начала вы рассматривали устранение евреев из экономической жизни Германии в качестве одного из этапов четырехлетнего плана под вашим руководством, не так ли?

Геринг: Устранение, да, отчасти это верно. Устранение, что касалось крупной

промышленности, потому что существовало постоянное беспокойство, из-за того, что под контролем еврейских директоров или акционеров оставалась крупная промышленность, а также военная промышленность, и это приводило к некоторому беспокойству в низовых рядах.

Джексон: Итак, я понимаю, вы хотите убедить трибунал в том, что все вы были озабочены только крупными еврейскими предприятиями? Так следует вас понимать?

Геринг: Поначалу меня не интересовали мелкие магазины. Они не входили в состав четырехлетнего плана.

Джексон: Когда вас стали беспокоить мелкие магазины?

Геринг: Когда нужно было ограничить торговлю, было указано, что в первую очередь должны быть закрыты еврейские магазины.

Джексон: Теперь, давайте пройдем по публичным актам, которые вы проводили по еврейскому вопросу. Первое, вы объявили Нюрнбергские законы?

Геринг: Да, в качестве президента Рейхстага, я уже об этом говорил.

Джексон: Какого числа?

Геринг: 1935, мне кажется, здесь в Нюрнберге, в сентябре.

Джексон: Это положило начало правовым мерам принятым против евреев, не так ли?

Геринг: Это была правовая мера.

Джексон: Это была первая правовая мера принятая вашим правительством против евреев, не так ли?

Геринг: Нет, мне кажется, что до этого было их удаление с должностей.

Джексон: Когда это было?

Геринг: Не могу назвать точную дату, но мне кажется, это произошло в 1933.

Джексон: Затем в первый день декабря 1936, вы приняли акт вводивший смертную казнь для немцев переводивших имущество за границу или оставлявших его за границей, собственность виновного конфисковалась в пользу государства и Народному суду[370] были подведомственны такие дела, не так ли?

Геринг: Верно. «Распоряжение об установлении запрета на валюту». То есть, для всех тех, кто имел счета в зарубежных государствах без разрешения правительства.

Джексон: Затем, своим третьим публичным актом, 22 апреля 1938, вы ввели наказания за попытки скрыть еврейские предприятия в Рейхе, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: Затем, 28 июля 1939, вы, Герман Геринг, опубликовали определенные предписания для судов по разрешению вопросов данного распоряжения, не так ли?

Геринг: Вы не будете любезны, прочитать мне этот закон? Я не могу его вспомнить.

Джексон: Я не буду тратить время на его чтение. Вы отрицаете тот факт, что вы опубликовали в «Reichsgesetzblatt», 1939, закон, который можно найти на странице

---

[370] Народная судебная палата — высший чрезвычайный судебный орган Третьего Рейха.

1370, относительно компетенции судов по применению наказаний к евреям? Если вы не помните, так и скажите.

Геринг: Да, я говорю, что не могу вспомнить закон. Если он есть в «Reichsgesetzblatt» и содержит мое имя, конечно это так, но я не помню содержание.

Джексон: Затем, 26 апреля 1938, вы в рамках четырехлетнего плана, опубликовали распоряжение предписывающее регистрацию еврейской собственности и предписывающее, о том, что евреи внутри и за рубежом Германии должны зарегистрировать свою собственность, не так ли?

Геринг: Полагаю так. Я уже не помню, но если было распоряжение подписанное мной, не может быть никаких сомнений.

Джексон: 26 апреля 1938, вы опубликовали распоряжение согласно четырехлетнему плану, не так ли, о том, что все акты отчуждения еврейских предприятий должны происходить с разрешения властей?

Геринг: Это я помню.

Джексон: Затем вы опубликовали 12 ноября 1938 распоряжение, согласно четырехлетнему плану, вводившее штраф в миллиард марок для всех евреев?

Геринг: Я уже объяснял, что все эти распоряжения тогда были подписаны мной, и я принимаю за них ответственность.

Джексон: Что же, я спрашиваю вас именно об этом указе? Я собираюсь задать вам несколько вопросов о нём позднее.

Геринг: Да.

Джексон: Затем 12 ноября 1938, вы также подписали распоряжение, согласно четырехлетнему плану, о том, что весь ущерб причиненный евреям в ходе беспорядков 1938 должен был быть немедленно возмещен евреями за свой счет и их страховые требования были конфискованы в пользу Рейха. Вы лично подписали этот закон?

Геринг: Я подписал похожий закон. Может быть, именно тот, о котором вы прочитали, не могу сказать.

Джексон: Вы не спорите с тем, что это было облечено в форму закона?

Геринг: Нет.

Джексон: И 12 ноября 1938, вы также лично подписали указ, согласно четырехлетнему плану, о том, что евреи не вправе владеть универмагами, или независимо заниматься ремеслом или продавать свои товары, услуги на рынках, ярмарках, или выставках или являться руководителями предприятий или членами кооперативов? Вы помните это?

Геринг: Да. Все эти указы являлись частью устранения еврейства из экономической жизни страны.

Джексон: Затем, 21 февраля 1939, вы лично подписали распоряжение, не так ли, о том, что евреи должны сдать в государственное учреждение все предметы из благородных металлов и драгоценности, в течении двух недель?

Геринг: Я не помню этого, но бесспорно это так.
Джексон: Я ссылаюсь на том 1 «Reichsgesetzblatt», 1939, страница 282. Вы ничего не припоминаете?
Геринг: У меня нет «Reichsgesetzblatt» перед глазами, но если это распоряжение есть в «Reichsgesetzblatt», или закон подписан мной, тогда я подписал закон и распорядился о нём.
Джексон: Вы не подписывали 3 марта 1939 следующее распоряжение по вопросу периода в течение, которого евреи могли сдать драгоценности – «Reichsgesetzblatt», том 1, 1939, страница 387?
Геринг: Я полагаю, что данное распоряжение определяло порядок исполнения распоряжения о сдаче, которое было принято раньше. Законам иногда требуется регулирование и подзаконные акты. Если брать их в целом, это единая мера.
Джексон: Вы также лично подписали 17 сентября 1940 согласно четырехлетнему плану, распоряжение приказывающее о конфискации еврейского имущества в Польше?
Геринг: Да, как я уже говорил в той части Польши, которая, можно сказать в качестве старых немецких провинций должна была быть возвращена Германии.
Джексон: Вы не подписывали лично, также 30 ноября 1940, распоряжение о том, что евреям не предоставляется компенсация за ущерб причиненный вражескими атаками или немецкими войсками, и разве он не подписан вами в качестве председателя совета обороны Рейха? Я ссылаюсь на «Reichsgesetzblatt», том 1, 1940, страница 1457.
Геринг: Если у вас он есть, это верно.
Джексон: Вы не припоминаете это?
Геринг: Не все отдельные законы и распоряжения. Это невозможно.
Джексон: Затем, это были вы, кто подписал 31 июля 1941, распоряжение просившее Гиммлера и начальника полиции безопасности, группенфюрера СС Гейдриха, разработать планы полного решения еврейского вопроса?
Геринг: Нет, это не так. Мне очень хорошо знакомо это распоряжение.
Джексон: Я прошу показать вам документ 710, номер USA-509.
Председатель: Это PS-710?
Джексон: Ваша честь, PS-710.

[*Обращаясь к свидетелю*] Документ подписан вами, не так ли?

Геринг: Верно.
Джексон: И он адресован начальнику полиции безопасности и службы безопасности, и группенфюреру СС Гейдриху, не так ли?
Геринг: Это тоже верно.
Джексон: Я не определился, стоит ли читать всю вещь под протокол, но я думаю нужно и, чтобы у нас не было никаких сложностей с переводом, вы поправите меня, если я ошибусь:

«Завершая задачу поставленную вам 24 января 1939…»

Геринг: Здесь уже есть ошибка. Здесь сказано: «дополняя», не «завершая» задачу поставленную вам.

Джексон: Хорошо, я приму это.

«…которая касается достижения содействию эмиграции и эвакуации, как наилучшего способа решения еврейской проблемы, настоящим я поручаю вам провести всю необходимую подготовку относительно организационных и финансовых вопросов для достижения окончательного решения еврейского вопроса в сфере немецкого влияния в Европе».

Я прав?

Геринг: Нет, это не совсем верно переведено.

Джексон: Дадите нам свой перевод?

Геринг: Могу я прочитать, как это здесь написано?

«Дополняя задачу, которая возложена на вас 24 января 1939, по решению еврейской проблемы посредством эмиграции и эвакуации как наиболее подходящего способа в настоящих условиях, настоящим поручаю вам подготовить все необходимые мероприятия относительно организационных, фактических и материальных вопросов…».

Теперь идёт решающее слово, которое неправильно переведено: «для полного решения», не «для окончательного решения»

«…для полного решения еврейского вопроса на территории германской сферы интересов в Европе. При условии наличия компетенции других правительственных ведомств, такие ведомства должны оказывать содействие.

Далее я поручаю вам как можно скорее доложить мне о плане, демонстрирующему организационные и материальные меры для достижения желаемого полного решения еврейского вопроса…Дополняя задачу поставленную вам 24 января 1939…».

Тогда, когда еще не было войны или перспективы войны.

Джексон: Вы сейчас сообщаете об инструменте или делаете пояснение?

Геринг: Я хотел добавить пояснение к цитате и просто отметить дату.

Джексон: Да. Что же, я просто не хотел бы, чтобы это было частью инструмента. Последняя часть содержит инструмент, и это:

«Кроме того я поручаю вам вскоре сообщить мне всеобъемлющий план касающийся организационных, фактических и материальных мер необходимых для выполнения желательного решения еврейского вопроса».

Это недостаточно точный перевод вашего приказа Гейдриху и Гиммлеру?

Геринг: Гейдриху и другим ведомствам правительства, которые были связаны с этим. Это следует из первой части письма, последнего предложения.
Джексон: Пусть у нас не будет недопонимания с этим переводом. Письмо направлено начальнику полиции безопасности и службы безопасности, группенфюреру СС Гейдриху. Мы правы в этом, не так ли?
Геринг: Это верно, но мне нужно дать объяснения в связи с этим.
Джексон: Хорошо.
Геринг: Причина, по которой я отправил ему это письмо, заключалась в том, что согласно распоряжению от 24 января 1939, Гейдриху, или может быть Гиммлеру, поручили задачу заниматься эмиграцией евреев. Следовательно, это было заинтересованное ведомство, и я должен был обращаться в то ведомство которому поручили задачу по поводу всех материальных и экономических вопросов вытекающих из задачи.
Джексон: Да. И вы приказали о том, чтобы остальные правительственные агентства сотрудничали с полицией безопасности и СС в окончательном решении еврейского вопроса, не так ли?
Геринг: Здесь нет ничего про СС, только о полиции безопасности - правительственном ведомстве. Тот факт, что Гейдрих являлся группефюрером СС не связывал его с ними, потому что оно было отправлено начальнику полиции безопасности – упоминая его звание как группенфюрера СС Гейдриха.
Джексон: И упоминание его звания в СС было излишним и не имело никакого отношения к делу?
Геринг: Мне нужно это пояснить. К примеру, если я пишу главнокомандующему армией, тогда я пишу: «Главнокомандующему армией, генерал-полковнику или фельдмаршалу фон Браухичу». И если я пишу начальнику полиции безопасности, тогда я должен обращаться: «Начальнику полиции безопасности, группенфюреру СС Гейдриху». Это было его звание и его титул. Однако, это не означает, что СС имело к этому отношение.
Джексон: Итак, к тому моменту, когда вы отдали этот приказ, вы получили полные доклады о беспорядках 1938 и об участии в них Гейдриха, не так ли?
Геринг: Тогда я не знал об участии Гейдриха в беспорядках – только о докладе Гейдриха о беспорядках, который я запросил.
Джексон: Хорошо. Теперь мы покажем вам документ номер PS-3058, который является доказательством под номером USA-508.

[*Документ PS-3058 вручили свидетелю*]

Джексон: Это доклад, написанный Гейдрихом о котором вы сказали, что получили его, и он датирован 11 ноября 1938, не так ли?
Геринг: Верно.

Джексон: И он докладывал вам о разграблении еврейских магазинов, аресте 174 человек за грабежи, уничтожении 815 магазинов, 171 жилища пожарами или разрушениями, и что это были только частичные сведения о причиненном ущербе; 191 синагога была подожжена и ещё 76 полностью разрушены; в дополнение 11 приходов, кладбищенских часовен, и подобных строений были подожжены и 3 полностью уничтожены; 20 000 евреев были арестованы; также 7 арийцев и 3 иностранца – позднее были арестованы в целях своей безопасности; сообщалось о 36 убитых, и также было 36 серьезно раненых. Убитых и раненых евреях. Один еврей пропал без вести. В числе убитых евреев были 1 польский гражданин, в числе раненых 2 поляка.

У вас имелся доклад о событиях 11 ноября 1938, не так ли?

Геринг: Это верно. Данный доклад уже упоминался мной и я попросил полицию его представить, потому что я хотел узнать, что случилось.

Джексон: Именно. И наверху была сделана приписка: «Генерал–фельдмаршал проинформирован, и не следует предпринимать никаких шагов». Не так ли?

Геринг: Это не совсем верно. Здесь сказано: «Генерал–фельдмаршал принял к сведению. Никаких шагов не следует предпринимать никакому другому ведомству», - потому что я сам хотел этим заняться.

Джексон: Итак, вам известно, что это неправда, не так ли, что действия должны были быть предприняты другим ведомством? Я прямо говорю это вам, говорите ли вы трибуналу правду, когда вы говорите, что никто не должен был предпринимать никаких шагов.

Геринг: Эта пометка моего штабного отдела, о том, что ничего не должно было быть сделано этим ведомством, потому что я сказал, что собираюсь разобраться с этим лично. Фактически я сам пошел к фюреру напрямую с этим докладом.

Джексон: Хорошо. Вы получили доклад от главного партийного судьи нацистской партии, из Мюнхена, 13 февраля 1939, относительно судебных разбирательств предпринятых партией по данному вопросу.

Геринг: Верно. Я получил этот доклад гораздо позже.

Джексон: И тогда вы назначили – я снимаю вопрос. Это очевидно из датировки документа. Вы подтвердили получение этого документа, не так ли, члену партии Буху[371].

Геринг: Верно.

Джексон: И единственными разбирательствами, которые были предприняты после этих беспорядков, были те, которые проводил партийный суд, не так ли?

Геринг: Не совсем; некоторые предстали перед обычными судами. Об этом тоже говорится в докладе.

---

[371] Вальтер Бух (1883 — 1949) — партийный деятель НСДАП, председатель Высшего партийного суда НСДАП (ноябрь 1927 — май 1945). Рейхсляйтер (2 июня 1933 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (9 ноября 1934), группенфюрер СА (18 декабря 1931). Американским судом был приговорён к 5 годам трудовых лагерей. Покончил жизнь самоубийством после освобождения из лагеря.

Джексон: Я прошу, чтобы ему показали доклад, документ PS-3063. Он не приобщался в качестве доказательства. Поскольку документ еще не был представлен здесь, я прошу вас вспомнить его.

Геринг: Мне он хорошо знаком.

Джексон: Я так и думал.

Геринг: Нет, потому что его уже показывали мне ранее, здесь.

Джексон: Да, его не держали в тайне от вас. Итак, в первую очередь, партийный суд сообщает о том, что было вполне понятно, я цитирую: «В присутствии всех партийных руководителей, исходя из устных указаний руководителя пропаганды Рейха, о том, что партия не должна выступать в качестве организатора демонстраций, но в реальности должна организовывать и исполнять их». Это был доклад партийного суда?

Геринг: Партийный суд в результате своего следствия установил, что руководитель пропаганды доктор Геббельс дал такие указания. Могу я спросить, мы разбираемся с докладом от марта или от апреля?

Джексон: Дата 13 февраля 1939.

Геринг: Да, это верно, это результаты расследования инцидентов.

Джексон: Правильно. Итак, в результате беспорядков, суд, партийный суд, не сообщал вам: о том, что верховный партийный суд оставил за собой право расследовать убийства, также жестокое обращение и моральные преступления и запросит фюрера прекратить производство по делу в отношении любого человека которого партийный суд не признал виновным в эксцессах?

Геринг: Верно.

Джексон: И партийный суд состоял из гауляйтеров и руководителей партийных групп?

Геринг: Партийный суд менялся. Я не могу сейчас сказать, не имея документов, кто тогда входил в партийный суд. Я вижу только то, что есть в документе.

Джексон: Я обращаю ваше внимание на страницу 4, внизу, где в докладе сказано: «Гауляйтеры, и руководители партийных групп служат в качестве присяжных на процессе и при вынесении приговора»

Геринг: Да, само собой, что присяжные в партийный суд всегда набирались из этих категорий согласно своей важности. Я только хотел сказать, что я не знаю лиц, принимавших в этом участия.

Джексон: Итак, партийный суд признал пятерых лиц виновными в правонарушениях, не так ли? Номер 1, член партии, был признан виновным в моральном преступлении и в нарушении расовых правил и был исключен. Правильно?

Геринг: И был предан уголовному суду. Об этом сказано в последнем предложении.

Джексон: Правильно. Другой член партии, дело номер 2, подозревался в нарушении расовых правил и был исключен из нацистской партии.

Геринг: Исключен за подозрение в нарушении расовых правил и воровстве, и передан обычному суду.

Джексон: Да, и номер 2, Густав, был исключен из партии и СА за воровство. Правильно?

Геринг: Вы на номере 3?

Джексон: У меня номер 2, Густав, первое указанное имя.

Геринг: Густав это имя – Гёрстнер – да, за воровство, также был передан обычному суду по подозрению в нарушении расовых правил.

Джексон: Теперь, номер 3 касался исключения двух членов партии по причинам моральных преступлений против евреек, и они находились в превентивном заключении. Правильно?

Геринг: Исключены из НСДАП и помещены в превентивное заключение, они также позднее предстали перед обычным судом. Мне об этом хорошо известно.

Джексон: Теперь, мы переходим к делам 4 и 5, первое о человеке, члене партии и СА, которому был объявлен выговор и служебное несоответствие в течение трех лет за дисциплинарное правонарушение, а именно за убийство еврейской пары Селиг вопреки приказу. Правильно?

Геринг: Верно.

Джексон: И в последнем из этих дел нарушителю был объявлен выговор и служебное несоответствие на 3 года за расстрел шестнадцатилетнего еврея, после завершения мероприятий вопреки приказу. Правильно?

Геринг: Верно.

Джексон: Теперь мы переходим к делам об убийствах евреев, в которых разбирательства по делу прекращались или назначались небольшие наказания. Я не буду вдаваться в детали этих дел, но фактом является то, что верховным партийным судом применялись небольшие наказания за убийства евреев, не так ли?

Геринг: Да, это так.

Джексон: Я прошу вас перейти к странице 8.

Геринг: Секундочку, пожалуйста.

Джексон: Я обращаю ваше внимание на язык относительно дел с 3 по 16.

Геринг: Какая страница, пожалуйста?

Джексон: Мне кажется девятая. Верховный партийный суд просил фюрера отменить разбирательства в государственных уголовных судах.

Геринг: Отменить их, закрыв их, это не означает давление. Уголовное разбирательство может быть «niedergeschlagen[372]». В Германии эта вещь отличается от давления.

Джексон: В таком случае вы могли бы дать нам свою версию этого и рассказать нам, что это значит. Что значит закрыть производство? Не означает ли это его прекращение?

---

[372] «Закрыть» (нем.)

Геринг: Это значит то, что значит, но это могло быть приказано только ведомством имевшим полномочия делать это; то есть, фюрер мог в любое время «закрыть» дело путем амнистии. Кабинет в любое время мог принять резолюцию «закрыть» дело – оказывать давление было бы незаконно. В Германии «niedergeschlagen» это правовой термин означающий «прекратить».

Джексон: И ещё один вопрос. Вам также сообщали, не так ли, в этом докладе – я ссылаюсь на страницу 11:

> «Общественность вплоть до последнего человека осознаёт, что политические акции подобные акциям 9 ноября, были организованы и направлялись партией, признаётся ли это или нет. Когда все синагоги были сожжены за одну ночь, это явно было организовано таким способом и могло быть организовано только партией».

Это тоже находится в докладе верховного партийного суда, не так ли?

Геринг: Я пока не нашел. У меня это не такая же страница.

Джексон: Давайте поищем её, чтобы избежать ошибок. Страница 11. Я думаю в самом низу страницы 10, вероятно, там начало.

Геринг: Да, я нашел это.

Джексон: Я привёл довольно точный перевод?

Геринг: Верно.

Председатель: Не подошло ли время прерваться? Перед тем как мы прервемся, вы приобщите в качестве доказательств те документы, которые вы предъявили свидетелю? Те которые не приобщались в качества доказательств?

Джексон: Да, ваша честь, нужно приобщить, я сделаю это.

Председатель: Я думаю, документ PS-3575 могли приобщить вчера, но его не приобщали в качестве доказательства в строгом смысле; и сегодня документ PS-3063; и еще один документ номера которого у меня нет.

Джексон: Я благодарю за то, что вы обратили мое внимание на это.

[*Объявлен перерыв*]

Хорн: Господин председатель: я прошу вашу честь разрешить подсудимому фон Риббентропу отсутствовать на завтрашнем заседании, так как мне необходимо обсудить с ним фундаментальные вопросы в целях подготовки его контрдоказательств.

Председатель: Доктор Хорн, ваше предложение, как я понимаю, заключается в том, что подсудимый Риббентроп должен отсутствовать на завтрашнем заседании, для того, чтобы вы могли обсудить с ним защиту. Правильно?

Хорн: Да.

Председатель: Трибунал не имеет возражения при условии, если вы согласуете с каким-нибудь другим защитником представление интересов подсудимого

Риббентропа. Трибунал не желает, чтобы вы в дальнейшем пришли и сказали, что вы и подсудимый Риббентроп отсутствовали в суде и, возражаете тому, что могло произойти в ваше отсутствие. Вы понимаете, что я имею в виду?

Хорн: Да, господин председатель, и я могу заверить вас в том, что я не буду пользоваться возражениями подобного характера, и попрошу одного из коллег исполнять мои обязанности.

Председатель: Трибунал не возражает против ваших действий, но конечно вы должны осознавать, что суд не будет отложен в случае факта вашего отсутствия.

Хорн: Господин председатель, именно по этой причине я обратился с просьбой для того, чтобы это помогло мне избежать будущих отложений.

Председатель: Да, я полностью это понимаю. Я говорю только о том, что разрешая вам это сделать, что совершенно разумно, трибунал просто обращает внимание на то, что он не допустит никаких дальнейших задержек. Процесс должен продолжаться.

Хорн: Я понимаю это и благодарю вас.

Джексон: [*Обращаясь к свидетелю*] Итак, «Volkischer Beobachter[373]» от 12 марта 1933 цитировал вашу речь, произнесенную в Эссене 11 марта 1933, включая следующее – я освежаю ваши воспоминания, обращая внимание на это:

> «Мне говорили, что я должен использовать полицию. Само собой я воспользуюсь полицией, и совершенно безжалостно, где бы не страдал немецкий народ, но я отказываю в мысли о том, чтобы полиция служила охранным отрядом для еврейских магазинов. Нет, полиция защищает любого кто законно прибывает в Германию, но она не существует для охраны еврейских ростовщиков».

Вы так говорили?

Геринг: Вы скажите, когда это было?

Джексон: Вы говорили так 11 марта 1933 в своей речи в Эссене, или такое по сути?

Геринг: Это верно, но обстоятельства отличались. Прежде чем я отвечу, я хочу спросить закончили ли вы с документом из книги, которую представили мне ранее. Я не буду давать объяснений и попрошу своего защитника спросить меня позднее относительного этого документа.

Джексон: Это удовлетворительно.

После беспорядков 9 и 10 ноября, вы свидетельствовали о том, что 12 ноября созвали совещание и приказали присутствовать всем заинтересованным чиновникам и о том, что фюрер настаивал на присутствия Геббельса.

Геринг: Да, присутствовали все начальники экономических ведомств.

Джексон: Вы могли бы сказать, кто еще присутствовал кроме вас и Геббельса?

Геринг: Насколько помню, присутствовали следующие лица: начальник секретной

---

[373] «Народный обозреватель» (Volkischer Beobachter) - немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag

государственной полиции по поводу событий, министр экономики, министр финансов, министр внутренних…

Джексон: Вы могли бы назвать их имена, чтобы не было ошибки в том, кто там присутствовал?

Геринг: Я могу цитировать только по памяти. Там присутствовали для подготовки доклада: руководитель секретной государственной полиции в Берлине Гейдрих; министр внутренних дел, доктор Фрик; доктор Геббельс, которого вы уже назвали; затем министр экономики Функ; министр финансов граф Шверин фон Крозиг и Фишбок от Австрии.

Это только те имена, которые я смог вспомнить, но там могли быть и другие.

Джексон: Некоторое время также присутствовал представитель страховых компаний Хильгард, не так ли?

Геринг: Его вызвали и он ожидал. Его мнение требовалось по специальным вопросам.

Джексон: Итак, вам показывали стенографический протокол этого совещания в качестве доказательства номер USA–261, ставший документом номер PS-1816, не так ли, в вашем допросе?

Геринг: Да.

Джексон: Я попрошу, чтобы его вам показали, для того, чтобы у нас не было недопонимания в переводах.

Вы открыли совещание с заявления. Я читаю: «Господа…». Я думаю, наверное, нам следует четко понять о чем было это совещание. Это совещание состоялось 12 ноября 1938 в министерстве авиации. Это верно, не так ли?

Геринг: Да, это верно.

Джексон: Вы открыли совещание:

> «Господа, у сегодняшнего совещания решающий характер. Я получил письмо написанное по приказу фюрера от штабляйтера заместителя фюрера Бормана с просьбой о том, чтобы теперь еврейский вопрос был раз и навсегда скоординирован и решен тем или иным образом».
>
> Это верно?

Геринг: Да верно.

Джексон: Ещё ниже, я нахожу это:

> «Господа, с меня довольно этих демонстраций. Они не повредили евреям, но в конце концов навалились на меня как высшего чиновника немецкой экономики. Если сегодня уничтожается еврейский магазин, если товары выбрасывают на улицу, страховые компании оплатят еврею ущерб и таким образом, он вообще не пострадает ни от какого ущерба. Кроме того уничтожаются потребительские товары, товары принадлежащие народу. Если, в будущем, случится демонстрация, и

может быть она будет необходимой, тогда я прошу, чтобы ими руководили так, чтобы не перерезать нам горло».

Правильно?

Геринг: Да, совершенно верно.

Джексон: Пропуская два или три абзаца, я перехожу к этому…

Геринг: Было опущено дополнение.

Джексон: Что же, вы можете сделать это дополнение.

Геринг:

«…тогда я прошу, чтобы ими руководили так, чтобы не перерезать нам горло. Так как это абсурдно опустошать и поджигать еврейский магазин, когда немецкая страховая компания должна покрыть ущерб, и товары которые нужны сгорают. Я могу с тем же успехом взять и поджечь свое сырье, когда оно поступит».

Джексон: Правильно. Вы можете прочитать любую часть, пока мы продолжаем, в дополнение к тому, что буду читать я.

«Я не собираюсь допускать ситуацию в которой теми кто пострадают будут немецкие страховые компании. Для предотвращения этого, я использую свои полномочия и приму распоряжение. В этом, я конечно, прошу поддержки компетентных правительственных служб, для того, чтобы все было урегулировано надлежащим образом и страховые компании не являлись теми кто пострадает.

Но при этом возникает другая проблема: может быть так, что страховые компании имеют перестраховки в зарубежных страховых компаниях. Если есть такие перестраховки, я не хочу их отдавать, потому что они выдаются в валюте. Нужно изучить этот вопрос. По этой причине я попросил присутствовать господина Хильгарда из страховой компании, поскольку он лучше всего квалифицирован рассказать нам в какой степени страховые компании обеспечены перестраховкой против такого ущерба. Я бы ни при каких обстоятельствах не стал отказываться от этого».

Правильно?

Геринг: Абсолютно правильно.

Джексон:

«Господа, я не хочу, чтобы оставались какие-нибудь сомнения, относительно цели настоящего совещания. Мы не просто собрались снова поговорить, а принять решения, и я серьезно прошу ответственные ведомства принять быстрые меры по ариазации немецкой экономики и представить их мне насколько необходимо».

Геринг: Верно.

Джексон: Затем я пропускаю значительную часть, но не больше того, что вам

нужно, и перехожу к следующему заявлению:

«Государственный доверительный управляющий оценит стоимость предприятия и решит о сумме которую получит еврей. Естественно, эта сумма должна быть установлена как можно меньше. Государственный доверительный управляющий затем переведёт предприятие в арийскую собственность. Таким образом, достигается цель, постольку поскольку предприятие передается на праве собственности деловая репутация и баланс останутся незатронутыми.

Затем начинаются сложности. Легко понять, что в большом масштабе будут предприниматься попытки членов партии получить эти магазины и таким образом получить некую компенсацию. В прошлом я был свидетелем ужасных вещей; какие-то шоферы гауляйтера заработали на таких махинациях полмиллиона. Господа, вам об этом известно. Верно?».

И они согласились.

Геринг: Да я говорил это.

Джексон: Вы бы хотели зачитать, что–нибудь в связи с этим?

Геринг: Наверное, только следующую фразу:

«Такие вещи, конечно являются недопустимыми и я не замедлю безжалостно разбираться с такими подпольными махинациями. Если будет замешана видная личность, я пойду прямо к фюреру и доложу обо всех таких грязных делах».

Джексон: То есть, если бы отдельный человек попытался нажиться на собственности евреев, вы это имели в виду?

Геринг: В результате ариазации.

Джексон: Я процитирую еще одну часть:

«Другими словами, это должна быть обычная деловая сделка. Один продает своё дело, другой покупает. Если среди потенциальных покупателей будут члены партии, им должны быть предоставлены преимущества при соответствии таким же условиям. В первую очередь их должны получить те, кто понес ущерб. После этого, преимущество должно быть основано на членстве в партии»

Я пропущу строчку или две:

«Такому члену партии должен быть дан шанс купить дело по настолько низкой цене насколько возможно. В таком случае, государство не получит полную цену, а только ту сумму которую получил еврей».

Правильно?

Геринг: Секундочку, пожалуйста, мне кажется, вы кое–что пропустили.

Джексон: Да, пропустил. Если вы хотите добавить это, вы можете это прочитать.

Геринг: Нет, я хочу кратко высказаться, поэтому это не займёт слишком долго. Я сказал о том о чём вы уже сказали, о том, что все были равны, члену партии давалось преимущество, первыми являлись члены которые, которые пострадали от правила об отзыве лицензии из-за членства в партии. Затем следует абзац, который вы зачитали и который правильный.

Джексон: Итак, затем вы продолжительное время говорили о способе, которым должна была осуществляться ариазация еврейских предприятий, верно?

Геринг: Да.

Джексон: И затем вы занялись ариазацией еврейских фабрик.

Геринг: Да.

Джексон: Сначала вы говорили о мелких фабриках.

Геринг: Да.

Джексон: Вы нашли место, в котором говорите о фабриках?

Геринг: Да я нашел.

Джексон: Цитирую:

> «Теперь о фабриках. Относительно небольших и средних, следует выяснить две вещи: первая, какие фабрики для меня не имеют пользы и которые могут быть закрыты? Можно ли их как-нибудь использовать? Если нет, то эти фабрики нужно снести. Второе, если фабрика необходима, её следует передавать арийцам таким же способом, как и магазины».
>
> Верно ли это?

Геринг: Да.

Джексон: Вы желаете добавить, что–нибудь относительно этой темы?

Геринг: Нет, это были основные положения законов.

Джексон: Теперь, я обращаю ваше внимание на второй абзац, гласящий: «Теперь к вопросу крупных фабрик». Вы нашли это?

Геринг: Да.

Джексон: Относительно крупных фабрик, вы не сказали, что решение очень простое, что фабрика могла быть компенсирована таким же образом, как и магазин, то есть, на уровне который мы установим и доверительный управляющий заберёт еврейский процент, как и его доли, и в свою очередь продаст или передаст их государству так, как было удобнее.

Геринг: Это означает, что любой, кто имел процент в фабриках, получал компенсацию, согласно установленной нами шкале.

Джексон: И компенсации подлежали передаче государственному доверительному управляющему, не так ли?

Геринг: Да, государственному доверительному управляющему. Вопрос был прост: еврей отказывался от права собственности и получал облигации. Вопрос решался доверительным управляющим путём выдачи трёхпроцентных облигаций.

Джексон: Что же, мы пропустим место с зарубежными евреями, помните его?
Геринг: Да.
Джексон: С точки зрения представителя министерства иностранных дел требовалось участие в этом министра иностранных дел, правильно?
Геринг: Да.
Джексон: Что же, теперь мы перейдем к разговору между вами и Гейдрихом.
Геринг: Секундочку, пожалуйста. Часть записей отсутствует. Хорошо. Я нашел место, где впервые упоминается Гейдрих.
Джексон: Вы выясняли, сколько синагог действительно было сожжено, и Гейдрих ответил: «Всего 101 синагога уничтожена огнем, 76 синагог разрушены и 7500 магазинов уничтожены в Рейхе» Я правильно это процитировал?
Геринг: Да.
Джексон: Что же, затем доктор Геббельс вставил: «По моему мнению, это наш шанс закрыть синагоги». И затем у вас была дискуссия о закрытии синагог, не так ли?
Геринг: Да, с доктором Геббельсом.
Джексон: Затем доктор Геббельс поднял вопрос евреев пользовавшихся железными дорогами?
Геринг: Да.
Джексон: Дайте мне знать, правильно ли я цитирую диалог между вами и доктором Геббельсом по этой теме. Доктор Геббельс сказал:

> «Кроме того я выступаю за то, чтобы евреям запретили все общественные места в которых они могут вызывать провокации. Все еще возможна ситуация, когда еврей делит спальное место с немцем. Следовательно, рейхсминистерство транспорта должно принять распоряжение вводящее отдельные купе для евреев. Если такое купе занято, еврей не сможет заказать место. Они смогут получать отдельное купе, только после того как все немцы обеспечены местами. Они не должны смешиваться с немцами; если мест нет, им придётся стоять в коридоре».
>
> Правильно?

Геринг: Да, это так.
Джексон:

> «Геринг: Я думаю более чувствительным для них будет сделать отдельные купе.
>
> Геббельс: Но не в случае если поезд переполнен.
>
> Геринг: Секундочку. Пусть будет только один еврейский вагон. Если он будет заполнен, то остальные евреи останутся дома.
>
> Геббельс: Но предположим, что их не так много, скажем так, евреи едут на дальнем скоростном поезде в Мюнхен. Предположим, что в поезде два еврея и остальные купе переполнены, у этих двух евреев

будет купе для себя. Поэтому, распоряжение должно устанавливать, что еврей может заказывать место при условии, если все немцы обеспечены местами.

Геринг: Я бы дал евреям один вагон или одно купе, и в случае возникновения ситуации которую вы описали и переполнении поезда, поверьте мне, нам не потребуется закон. Его выкинут оттуда, и ему придется сидеть одному в туалете всю дорогу».

Правильно?

Геринг: Да. Меня раздражало то, что Геббельс выступает со своими мелкими деталями, в то время когда обсуждаются важные законы. Я отказался, что-то делать. Я не принял ни распоряжения, ни закона в связи с этим. Конечно, сегодня обвинению очень удобно предъявлять это, но я хочу заявить, что это было очень оживленное совещание, на котором Геббельс выдвигал требования весьма далекие от экономической сферы и я использовал такие выражения, чтобы дать волю своим чувствам.

Джексон: Тогда Геббельс, который очень переживал за такие вещи, сказал о том, чтобы евреи оставались в коридоре, а вы сказали, что они могли бы сидеть в туалете. Именно так вы сказали?

Геринг: Нет, не так. Я сказал о том, что у них должно быть специальное купе и когда Геббельс никак не хотел быть удовлетворен и продолжал твердить свое, я, наконец, сказал ему: «Мне не нужен закон. Он может либо сидеть в туалете либо покинуть поезд». Эти высказывания были сделаны в такой связи, однако не имеют никакого отношения к всемирному великому конфликту.

Джексон: Перейдем к моменту, где Геббельс поднял вопрос о немецких лесах.

Геринг: Секундочку. Да. Начало там, где Геббельс попросил о распоряжении запрещавшем евреям пользоваться немецкими курортами. На это я ответил: «Дадим им отдельные». И тогда он предложил, что надо бы рассмотреть, следует ли нам предоставлять им собственные курорты, или передать им в пользование некоторые немецкие места для купания, но не самые лучшие, чтобы люди говорили: «Вы позволяете евреям быть здоровыми используя наши курорты». Также нужно было рассмотреть необходимо ли запрещать евреям ходить в немецкие леса. Стада евреев сегодня бегают по Грюнвальду, то есть постоянная провокация – и так далее. Затем, когда он начал это снова, я очень резко ответил: «Будет лучше передать часть лесов для евреев», он же хотел лишить их всех лесов. Затем я сделал замечание, которое кажется довольно интересным.

Джексон: Оставьте нам это замечание. Вы сказали, правильно:

«Мы отдадим евреям определенную часть леса и жители Альп увидят, что разные животные, которые чертовски похожи на евреев, у лося тоже кривой нос, войдут в ближайшее окружение евреев и поселятся рядом с ними».

Вы так сказали?

Геринг: Да, я сказал это, но это следует связать с атмосферой совещания. Геббельс снова вернулся к этому в следующем предложении и сказал, что считает мое отношение вызывающим. Я тоже мог сказать, что был спровоцирован его настойчивостью в несущественных вещах, в то время как обсуждались далеко идущие и решающие вопросы.

Джексон: Итак, вы дошли до момента, когда вы попросили войти господина Хильгарда из страховой компании. Вы нашли это?

Геринг: Да.

Джексон: После того как вошел господин Хильгард, вы обратились к нему.

> «Положение следующее: из-за оправданного гнева народа против евреев Рейху нанесен определенный ущерб. Разбиты окна, повреждены товары, ранены люди; сожжены синагоги и так далее, я предполагаю, что многие евреи также были застрахованы от ущерба вызванного беспорядками?
>
> Хильгард: Да
>
> Геринг: Если так, возникает следующая ситуация. Народ в оправданном гневе думал навредить евреям, но теперь немецкие страховые компании вынуждены компенсировать евреям ущерб. Вещь довольна понятна. Мне всего лишь нужно издать распоряжение о том, чтобы ущерб, причиненный этими беспорядками не покрывался страховыми компаниями».
>
> Вы так сказали?

Геринг: Да, я всё это сказал.

Джексон: Затем Хильгард описал три вида страхования. Он указал на то, что касалось страхования стекол, большая часть пострадавших являлась арийцами, которые были собственниками зданий и что, как правило, евреи их только арендовали.

Правильно?

Геринг: Да, это были детали обсуждения.

Джексон: И Хильгард сказал:

> «Могу я обратить внимание на следующие факты: листовое стекло не производится на богемских стекольных предприятиях, а полностью находиться в руках бельгийской стекольной промышленности. По моей оценке ущерб насчитывает 6 миллионов, то есть, при настоящей страховой политике, мы должны будем выплатить собственникам, которые по большей части арийцы около 6 миллионов компенсации за стекло».

Председатель: Господин судья Джексон, прежде чем вы оставите эту страницу, в третьем абзаце, ради точности, имя «господин Хильгард» размещено ошибочно, не

так ли, потому что получается, будто он спросил и сам ответил.

Джексон: Что же, я думаю…

Председатель: Вероятно, подсудимый Геринг задал вопрос. Это третий абзац на моей странице.

Джексон: Я брал записи, где написано о появлении Хильгарда, Геринг обратился к нему как к «господину Хильгарду».

Председатель: Да, я вижу.

Джексон: Но это правильно, как предлагает ваша честь.

Геринг: Я хочу отметить то, что было сказано по поводу разбитых стекол. Геббельс сказал: «Евреи должны заплатить за ущерб» - и, я сказал: «Это не поможет, у нас нет сырья, все это зарубежное стекло. Потребуется валюта. Это тоже самое, что попросить Луну». Затем Хильгард присоединился к обсуждению, которое упоминалось.

Джексон: Да и Хильгард заметил, что:

> «Между тем сумма ущерба равна полугодовому производству всей бельгийской стекольной промышленности. Нам кажется, что производителям потребуется 6 месяцев, чтобы поставить стекло».
>
> Вы вспоминаете это?

Геринг: Да.

Джексон: Что же спускаясь ниже, вы дошли до момента, когда Хильгард рассказал вам о разграбленном магазине на Унтер-ден-Линден. Вы нашли это?

Геринг: Он сказал: «Крупнейший инцидент в случае с «Маркграф», Унтер-ден-Линден». Вот это?

Джексон: Правильно.

Геринг: Да.

Джексон: «Ущерб оценивается в 1 700 000, потому что магазин был полностью разграблен». Правильно?

Геринг: Да.

Джексон: «Геринг: Далюге и Гейдрих, вы должны достать мне эти драгоценности путем масштабных облав». Вы отдали такой приказ?

Геринг: Да, конечно, украденные товары следовало вернуть.

Джексон: Вернуть вам, а не евреям?

Геринг: Не мне лично, я прощу прощения, это совершенно ясно.

Джексон: Возвращены государству, вы не собирались возвращать их евреям?

Геринг: Там так не сказано. Основная вещь заключается в том, чтобы они должны были быть возвращены обратно.

Джексон: «Мы пытаемся вернуть похищенное» - так сказал Гейдрих, правильно? И вы добавили: «И драгоценности?»

Геринг: Если был разграблен крупный ювелирный магазин, следовало что–нибудь предпринять, потому что эти ценности могли вызвать проблемы. Поэтому я

приказал провести облавы с целью вернуть эти вещи также как и остальные похищенные товары. Когда предприятие было бы ариазировано, его запасы также передавались новому собственнику. Однако главный момент заключался в том, что предпринимались действия против тех, кто похищал и грабил и фактически 150 уже были арестованы.

Джексон: И Гейдрих продолжил докладом о способе проведения таких облав после того как вы напомнили ему вернуть, достать драгоценности.

> «Трудно сказать. Некоторые вещи выбросили на улицу и подобрали. То же самое произошло с мехами. Например, на Фридрихштрассе, в округе полицейского участка С. Толпа там естественно бросилась подбирать норковые и скунсовые меха, и т. д. Будет очень сложно их вернуть. Даже дети набивали свои карманы забавы ради. Предлагается, чтобы Гитлерюгенд не использовался в таких акциях без согласия партии. Такие вещи очень просто уничтожить».

Геринг: Да, так было сказано.

Джексон: И тогда Далюге предложил:

> «Партия должна отдать приказ о том, чтобы полицию немедленно уведомляли если жена соседа, каждый очень хорошо знает своего соседа, сменила своё меховое пальто или кого-нибудь увидели с новым кольцом или браслетом. В этом вопросе мы хотим содействия партии».
>
> Верно?

Геринг: Это абсолютно верно.

Джексон: Итак, Хильгард возразил вашему плану освобождения страховых компаний от выплаты возмещения, не так ли?

Геринг: Да, это тоже так.

Джексон: И он привёл причины:

> «Хильгард: если я могу пояснить причины своего возражения, дело в том, что мы ведём крупное международное дело. Наше дело имеет твердую международную основу и в интересах валютного положения Германии мы не можем допустить сомнений в надежности страховых предприятий Германии. Если мы откажемся исполнять условия установленные договорами это ляжет пятном на страховые предприятия Германии.
>
> Геринг: Но этого не произойдет, если мы примем распоряжение или закон».
>
> Я правильно цитирую?

Геринг: Да, и ответ Хильгарда, и к этому я хотел перейти, он отметил, что страховые компании не могут отказать в выплате страховых возмещений до тех пор, пока не будет принят закон предусматривающий это. Если суверенное государство

издаёт закон о том, что суммы страховок будут конфискованы государством, тогда у страховых компаний не останется никаких обязательств.

Джексон: Итак, я предлагаю вам, что, неправильно, что при этом вы предложили принять указ, освобождающий немецкие страховые компании, компании настаивавшие на исполнении своих обязательств и затем Гейдрих вставил и сказал: «Любыми средствами, пусть они заплатят по страховкам и когда пройдёт платеж, он будет конфискован. Таким образом, мы сохраним лицо».

Правильно?

Геринг: Гейдрих сказал это, но я принял закон.

Джексон: А вы не говорили:

> «Секундочку. Им придётся платить в любом случае, поскольку немцам причинен ущерб. Однако, будет закон запрещающий им делать прямые платежи евреям. Они также должны будут выплачивать платежи за ущерб причинённый евреям, не евреям, а министру финансов.
>
> Хильгард: Ага».

Геринг: Я так сказал.

Джексон: Вы приняли предложение Гейдриха, которое прямо противоречило вашему?

Геринг: Нет, я не принял предложение Гейдриха, но я принял закон о том, чтобы страховые деньги, предназначенные для евреев, выплачивались министру финансов, так как я не согласился с предложением Гейдриха о том, чтобы выплачивать деньги, а затем их исподтишка конфисковать. Я пошел по правовому пути, так как я не побоялся принять необходимый закон и взять ответственность за требования подлежащие выплате государству, то есть министру финансов.

Джексон: Что же, трибунал рассудит нас, у нас есть доказательства.

Итак, затем Хильгард, представлявший страховые компании, поднял вопрос, о том, что суммы страховых премий за стекло были очень важны, что страхование стекол являлось важнейшим активом компаний, «но сумма причиненного ущерба в два раза превышала сумму за обычный год» - и, он указал на то, что все доходы немецких компаний будут поглощены им, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: И также вопрос в количестве уничтоженных магазинов – Гейдрих сообщил о 7500, верно?

Геринг: Да.

Джексон: Теперь я, обращаю ваше внимание на следующий разговор.

Далюге…

Кем он был?

Геринг: Далюге был руководителем охранной полиции.

Джексон:

«Осталось обсудить один вопрос. Большинство товаров в магазинах не являлись имуществом владельцев магазинов, но были коносаментом[374] других фирм которые их поставили. Теперь неоплаченные счета поступили от этих фирм которые, разумеется, не все являются еврейскими, а являются арийскими в отношении этих товаров на коносаменте.

Хильгард: Нам придётся платить и за это.

Геринг: Лучше бы вы убили 200 евреев, чем уничтожили столько ценностей.

Гейдрих: Убито 35».

Я правильно прочел?

Геринг: Да, это было сказано в момент плохого настроения и волнения.

Джексон: Искренне и спонтанно, не так ли?

Геринг: Как я сказал, это не подразумевалось всерьез. Это было выражение спонтанного волнения, вызванное событиями и уничтожением ценностей, и возникшими сложностями. Конечно, если вы собираетесь предъявлять каждое слово сказанное мною на протяжении 25 лет, я сам смогу привести вам примеры даже более сильных замечаний.

Джексон: Затем Функ вступил в обсуждение пункта о валюте, не так ли? Он внёс вклад в дискуссию, не так ли? Я не стану вдаваться в подробности.

Геринг: Да, но не все отражено в протоколе, в этом смысле он не чёткий. Я сожалею о том, что протокол неполный. Это странно.

Джексон: В этом я к вам присоединяюсь.

Хильгард снова вернулся к предмету о доходе страховых компаний, не так ли?

Геринг: Да, конечно.

Джексон: И вы сделали такое заявление, не так ли?

«Еврей должен сообщить об ущербе. Он получит страховые деньги, но они будут конфискованы. Окончательным результатом будет, то, что страховые компании смогут что–нибудь приобрести, так как не весь ущерб будет возмещаться. Хильгард, вы можете считать себя чертовски удачливым.

Хильгард: У меня нет для этого никакой причины. Тот факт, что мы не будем оплачивать весь ущерб можно назвать доходом.

Геринг: Секундочку. Если у вас есть договорное обязательство выплатить 5 миллионов, и вдруг появляется ангел, в моем пусть и тучном обличии и говорит вам о том, что вы можете сохранить 1 миллион, это разве не доход? Я хочу пойти с вами 50 на 50 или как

---

[374] Коносамент — документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу. Удостоверяет право собственности на отгруженный товар.

бы вы это ни назвали. Но я и так вижу, что все ваше существо выражает удовлетворение. Вы и так получаете большую взятку».

Я верно цитирую?

Геринг: Да, конечно, я всё это говорил.

Председатель: Мы прервемся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Зейдль: Господин председатель, подсудимый Гесс выразил желание отсутствовать на вечернем заседании, потому что он хочет подготовиться к своему допросу в качестве свидетеля, что состоится через несколько дней. Я не думаю, что это приведет к затягиванию разбирательства и прошу трибунал предоставить ему такую возможность.

Председатель: Разумеется, на тех же условиях, что и ранее, а именно, вы должны обозначить того, кто будет представлять ваши интересы в ваше отсутствие.

Зейдль: Я не буду отсутствовать, только Гесс.

Председатель: Очень хорошо.

Джексон: [*Свидетелю*] Я хочу снова обратить ваше внимание, на экземпляр USA-261, документ PS-1816. Вы могли бы посмотреть на страницу 5, где вы говорили о пропавших из Марграфа драгоценностях?

Геринг: Кажется, мы уже разбирались с этим.

Джексон: Да, недолго, на странице 5. Я обращаю ваше внимание на ваше следующее заявление:

«Теперь мы переходим к ущербу причиненному евреям, исчезновение драгоценностей Марграфа, и т. д. Что же, они пропали и их нельзя возместить. Он один из тех, кто пострадал от ущерба. Любые драгоценности возвращенные полицией, принадлежат государству».

Вы нашли это?

Геринг: Да, это верно, но согласно законам ему полагалась за это компенсация.

Джексон: Итак, на совещании находился представитель Австрии, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: И я прошу обратиться к его заявлению об условиях в Австрии, через страницу или дальше.

Геринг: Да.

Джексон: Я спрашиваю вас, имел ли место следующий доклад:

«Ваше превосходительство, по данному вопросу, у нас уже готов

законченный план для Австрии. В Вене в наличии 12000 еврейских мастерских и 5000 магазинов. Ещё до национал–социалистической революции, у нас имелся чёткий план по поводу этих 17 000 магазинов и данных торговцев. Из 12 тысяч мастерских около 10 000 должны были быть закрыты…»

Геринг: Переводчик не понял…

Джексон: Вы нашли это?

Геринг: Я да, но переводчик не нашел.

Джексон:

«Относительно общего количества 17 000 магазинов, из мастерских 12 000 ремесленников около 10 000 должны были быть закрыты и 2000 должны были остаться. Четыре тысячи из 5000 магазинов должны были быть закрыты и 1000 остаться, то есть должны были быть ариазированы. Согласно данному плану 3000-3500 из общего количества 17000 магазинов останутся работать, а все остальные будут закрыты. Решение об этом принималось в каждом конкретном случае на основании местных нужд по согласованию со всеми заинтересованными ведомствами и оно готово к опубликованию как только мы получим закон, о котором просили в сентябре. Данный закон должен предоставить нам право отзывать лицензии у ремесленников независимо от еврейского вопроса. Это будет короткий закон.

Геринг: Я отдам распоряжение сегодня».

Геринг: Конечно. Это касалось закона предусматривающего свертывание крупной торговли независимо от еврейского вопроса, с целью уменьшения числа перекупщиков. Это следует из стенограммы.

Джексон: Очень хорошо, давайте продолжим. Вы хотите сообщить трибуналу, что это не относилось к еврейским магазинам, не имело никакой связи с еврейским вопросом?

Геринг: Я сказал о том, что независимо от еврейского вопроса, в виду переполненности рынка перекупки последовало бы ограничение числа торговцев, и это можно понять из следующего заявления господина Фишбока, которое вы прочли, о том, что меня попросили принять закон разрешавший нам отзывать лицензии, вне связи с еврейским вопросом. Это должен был быть короткий закон. Вследствие чего я ответил: «Я приму распоряжение сегодня».

Джексон: Итак, если вы будете…

Геринг: Естественно, прежде всего, должны были быть ликвидированы еврейские магазины, как я говорил в начале.

Джексон: Пожалуйста, посмотрите на два абзаца ниже этого доклада:

«Но мне не кажется, что будет 100 магазинов, вероятно меньше, и

таким образом к концу года, мы бы ликвидировали все выявленные еврейские предприятия.

Геринг: Это будет превосходно.

Фишбок:…»

Геринг: Да, да, это было важным для совещания.

Джексон:

«Фишбок: Из 17 000 магазинов 12 000 или 14 000 будут закрыты, а остальные ариазированы или переданы в доверительное управление принадлежащее государству.

Геринг: Я должен сказать, что это грандиозное предложение. Таким образом вопрос Вены, скажем так, одной из еврейских столиц, будет закрыт к рождеству или к концу года.

Функ: Мы можем принять такие же меры и здесь. Я подготовил закон предусматривающий это. Начиная с 1 января 1939, евреям будет запрещено управлять магазинами или оптовыми фирмами, так же как и частными мастерскими. В дальнейшем им будет запрещено держать работников или предоставлять готовую продукцию на рынок; предлагать или принимать заказы. Где бы ни работал еврейский магазин полиция его закроет.

С 1 января 1939 евреи больше не смогут быть руководителями предприятий, как предусмотрено в законе об организации национального труда от 20 января 1934. Если еврей будет фактическим владельцем предприятия не являясь его руководителем, то контракты заключенные такой организацией могут быть признаны недействительными в течение 6 недель руководителем предприятия. По истечении этого срока все претензии работника, включая жалобы по оплате труда отклоняются. Это всегда очень спорно и весьма опасно. Еврей не может быть членом корпорации. Евреи члены корпораций будут оправлены в отставку после 31 декабря 1938. Специальное разрешение не требуется. Уполномоченным рейхсминистрам разрешается издавать нормы необходимые для исполнения данного закона.

Геринг: Мне кажется, мы можем согласиться с таким законом».

Геринг: Да.

Джексон: Теперь я прошу вас пропустить длинный диалог относительно ситуации в Вене, и я обращаю ваше внимание на положение, о котором спросил вас Функ:

«Почему евреям не позволить владеть акциями?

Геринг: Потому что таким путем они получат свою долю».

Геринг: Да, в этом заключался смысл вывести его из предприятия. Если бы он держал акции, согласно своим правам держателя доли, он бы всё ещё имел процент

в предприятии и на основе владения долей его воля имела бы вес на предприятии.

Джексон: Вы отвергли предложение Функа сохранить за евреями права на акции?

Геринг: Да, я заменил акции облигациями.

Джексон: Что же, мы пропустим ещё несколько абзацев обсуждений, если нет того на что следует обратить внимание, и я перехожу к моменту где Гейдрих заявил о своей позиции. Я обращаю ваше внимание на следующий диалог:

> «Гейдрих: По крайней мере, 45 000 евреев заставили покинуть страну правовыми мерами.
>
> Геринг:…»

Геринг: Секундочку, пожалуйста. Я только нашел это.

Джексон:

> «По крайней мере, 45 000 евреев заставили покинуть страну правовыми мерами.
>
> Геринг: Как это оказалось возможным?»
>
> И затем Гейдрих сказал вам о том, что:
>
> «…благодаря еврейским обществам мы добыли определенное количество денег у богатых евреев которые хотели эмигрировать. Оплачивая эту сумму и дополнительную сумму в валюте, они сделали возможным отъезд бедных евреев. Проблема заключалась не в том, чтобы заставить уехать богатых евреев, а в том, чтобы избавиться от толпы евреев».
>
> Правильно?

Геринг: Секундочку. Я пока не нашел этого, но в целом верно, да.

Джексон: Пропустим ещё немного. Гейдрих внес свое предложение:

> «Что касается изоляции, я хочу внести несколько предложений относительно полицейских мер, которые также являются важными ввиду их психологического эффекта на общественное мнение.
>
> Например, любой кто является евреем согласно Нюрнбергским законам должен будет носить определенную нашивку. Такая возможность облегчит многие другие вещи. Я не вижу никакой угрозы эксцессов, и это упростит наши отношения с зарубежными евреями.
>
> Геринг: Форма?
>
> Гейдрих: Нашивка. Таким образом, можно положить конец нападкам на зарубежных евреев, которые не отличаются от наших.
>
> Геринг: Но, мой дорогой Гейдрих, вы не сможете избежать создания крупных гетто во всех городах. Их придется создавать».
>
> Так вы говорили?

Геринг: Я так говорил. Тогда стояла проблема собрать евреев вместе в определённых частях городов и на определённых улицах, потому что на основании правил об аренде жилья не существовало другой возможности и если ношение

нашивок становилось обязательным, каждого отдельного еврея можно было защитить.

Джексон: Теперь пройдем немного дальше в обсуждении, я обращаю ваше внимание на предупреждение Гейдриха о мерах, которые обсуждались:

> «Геринг: Как только у нас есть гетто, мы сможем определять какие магазины должны быть там и мы сможем сказать: «Вы, евреи так и так, вместе так и так, должны позаботиться о поставке товаров, тогда у немецкой оптовой фирмы будут заказывать поставку товаров в этот еврейский магазин. Магазин, который теперь не будет перекупным, а еврейским кооперативным.
>
> Гейдрих: Все эти мероприятия в конце концов приведут к созданию гетто. Я должен сказать: в настоящее время не надо создавать гетто, но эти меры, если их проводить, как здесь намечено, автоматически загонят евреев в гетто».

Гейдрих предупреждал об этом?

Геринг: Здесь так сказано, но из последующей дискуссии можно понять, что я сказал: «Теперь возникает то, о чём уже говорил Геббельс, принудительная аренда. Теперь еврейские арендаторы собираются вместе». Это был вопрос еврейских арендаторов собираемых вместе, для того, чтобы не сталкиваться со спорными результатами, возникавшими при взаимной субаренде.

Джексон: Вы опустили то, что Функ также сделал замечание на этот счет о том, что: «Евреи теперь будут вместе. Что такое 3 миллиона? Каждый будет держаться друг за друга. В одиночку он будет голодным»

Вы нашли это?

Геринг: Да. Но в другом месте этой стенограммы очень четко сказано: «Нельзя позволить евреям голодать, и поэтому следует принять необходимые меры».

Джексон: Ближе к концу совещания вы сказали следующее, не так ли?

> «Я требую, чтобы немецкое еврейство в целом, в качестве наказания за отвратительные преступления и т. д., выплатило штраф в 1 000 000 000 марок. Это сработает. Свиньи побоятся идти на ещё одно убийство с такой же легкостью. Между прочим, я снова хочу сказать, что я бы не хотел быть евреем в Германии».

Геринг: Это верно, да.

Джексон: Вы и об этом пошутили?

Геринг: Я уже сказал, что именно привело к штрафу в 1 000 000 000.

Джексон: Вы отмечали, что шоферы гауляйтера не должны обогащаться путем ариазации еврейской собственности, правильно?

Геринг: Да.

Джексон: Перейдем теперь к предметам искусства.

Я обращаю ваше внимание на документ PS-141, экземпляр USA–368.

Данное распоряжение устанавливало приоритет требований в отношении еврейских предметов искусства. Вспоминаете его?

Геринг: Его уже упоминали здесь несколько раз, и я недавно давал детальные пояснения.

Джексон: Был отдан приказ, как здесь говорилось, не так ли?

Геринг: Да, разумеется, я подчёркивал это.

Джексон: В параграфе 5 есть ссылка на предметы искусства подходящие для передачи французским музеям, и на те которые можно было продать с аукциона. Доход от этого аукциона должен был быть передан французскому государству в целях выплаты пособий вдовам и детям. Вы сказали, что это никогда не делалось?

Геринг: Я никогда не говорил, что такого не происходило. В этом заключалось моё намерение в данном распоряжении.

Джексон: Что же, я спрашиваю вас, делалось ли так, когда-нибудь.

Геринг: Что касается параграфа 5, я не могу сказать. Я могу только сослаться на платежи, указанные в параграфе 2, вещи на которые я указал, вещи которые относились ко мне после оценки, и недавно я говорил о том, что эта сумма держалась наготове и о том, что я постоянно запрашивал о том на какой счёт нужно платить. И среди всех предметов, предназначенных для направления в коллекцию, которую я составлял, оценивалась каждая вещь.

Джексон: Где был открыт счет?

Геринг: В моём банке, под названием «Фонды искусства»

Джексон: В каком банке?

Геринг: Это был, я не могу точно сказать, было несколько банков, в каком именно банке был открыт фонд исскуства, я не могу сказать. Для этого мне бы понадобились документы.

Джексон: В нескольких допросах вы так и не смогли указать, где находился этот фонд, не так ли?

Геринг: Я не могу сказать, но вам нужно было всего лишь опросить мою секретаршу, которая вела учет всех фондов, она могла бы вам точно сказать.

Джексон: Этот приказ, PS-141, исполнялся специальным штабом Розенберга[375] (айнзацштабом), не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: Вы знали, кто исполнял это, кто действительно там находился? Вы знали Тернера[376]?

Геринг: Я не понял имя.

Джексон: Вы знали Тернера?

---

[375] Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга — нацистская организация, занимавшаяся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий.

[376] Харальд Тернер (1891 – 1947) – немецкий юрист. Группенфюрер СС. В июле 1940-сентябре 1941 начальник военной администрации в Париже. В 1941-1943 начальник военной администрации в Сербии. Казнен по приговору югославского суда.

Геринг: Я знаю некого Тернера, который, однако, не имел никакого отношения к айнзацштабу, специальному штабу Розенберга и который, насколько мне известно, находился в Югославии.

Джексон: Разве государственный советник Тернер не находился в Париже в связи с коллекциями искусства.

Геринг: Я снова повторяю для того, чтобы не было ошибки, вы сказали Тернер, Т–е–р–н–е-р, или Кёрнер, К–ё–р–н–е-р?

Джексон: Тернер.

Геринг: Кёрнер?

Джексон: Т–е–р–н–е-р.

Геринг: Тернер – я не знаю, имел ли он какое-нибудь отношение к айнзацштабу Розенберга.

Джексон: Но вы его знали, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: А вы знали доктора Бунхеса[377]?

Геринг: Бунхес, Б–у–н–х–е-с, да.

Джексон: Вы его знали?

Геринг: Да.

Джексон: Он должен был заниматься захваченными или конфискованными еврейскими сокровищами искусства, не так ли?

Геринг: Мне не кажется, что доктор Бунхес имел к этому какое-либо отношение. Он был компетентен в другой сфере искусства, но айнзацштаб Розенберга и определенные отделы военной администрации, имели к этому некоторое отношение.

Джексон: Я прошу показать вам для того, чтобы вы могли следить со мной, чтобы освежить вашу память, документ PS-2523 экземпляр номер USA-783, письмо от доктора Бунхеса, и я прошу освежить вашу память на этот счет.

> «4 февраля 1941, во вторник, в 18:30 мне впервые приказали явиться к рейхсмаршалу на набережную д`Орсэ. Присутствовал полевой командир фон Бер[378] из айнзацштаба Розенберга. Конечно, сложно описать словами сердечную атмосферу, в которой проходила беседа».
>
> Вы вспоминаете эту встречу?

Геринг: Нет, она не была достаточно важной, чтобы я запомнил, но в любом случае я не отрицаю это.

Джексон: Нужно понять освежит ли это вашу память:

> «Рейхсмаршал сменил тему разговора и попросил сообщить о текущем состоянии захвата еврейских предметов искусства на оккупированных западных территориях. По этому поводу он вручил

---

[377] Герман Бунхес (1911 – 1945) – немецкий историк древностей.

[378] Курт фон Бер (1890 – 1945) – нацистский партийный деятель. В 1940-1944 сотрудник западного отдела айнзацштаба Розенберга. Покончил жизнь самоубийством.

господину фон Беру фотографии тех предметов искусства, которые фюрер желал получить в свое владение. В дополнение, он вручил господину фон Беру фотографии тех предметов искусства, которые рейхсмаршал хотел приобрести для себя».

Геринг: Я не смог понять.

Джексон: Вы имеете в виду, что не нашли эти слова или не помните о событиях?

Геринг: Нет, я не нашёл отрывок и мне нужно немного времени, чтобы понять контекст этого письма, которое написано не мной и никогда мне не направлялось.

Джексон: Позвольте мне обратить ваше внимание на следующий абзац, и тогда может быть вы вспомните:

> «5 февраля 1941 в среду, рейхсмаршал приказал мне прибыть в Jeu de Paume. В 15:00 рейхсмаршал в сопровождении генерала Ханессе[379], господина Ангерера[380] и господина Хофера[381] посетили впервые созданную здесь выставку еврейских культурных ценностей».

Геринг: Да, я уже заявил о том, что в Jeu de Paume я выбрал культурные ценности, которые там выставлялись. Правильно.

Джексон: Правильно, теперь мы перейдем сюда.

> «Затем со мной в качестве своего гида рейхсмаршал осмотрел выставленные культурные ценности и выбрал те предметы искусства, которые должны были отправиться к фюреру, и те которые следовало передать в его коллекцию.
>
> В ходе доверительной беседы я снова привлек внимание рейхсмаршала к тому факту, что получена нота протеста французского правительства против деятельности айнзацштаба Розенберга со ссылкой на Гаагские правила сухопутной войны признаваемые Германией в Компьенском перемирии, и я заметил, что интерпретация генерала фон Штюльпнагеля о способе проведения конфискации еврейских культурных ценностей видимо противоречит интерпретации рейхсмаршала. Впоследствии рейхсмаршал попросил подробное объяснение и дал следующие указания:
>
> Во-первых, вы должны следовать моим приказам. Вы будете действовать непосредственно согласно моим приказам. Предметы искусства собранные в Jeu de Paume следует немедленно погрузить в специальный поезд и вывезти в Германию по приказу рейхсмаршала. Те предметы искусства, которые должны поступить во владение

---

[379] Фридрих-Карл Ханессе (1892 – 1975) – немецкий генерал авиации. В 1940-1944 командующий авиацией во Франции.

[380] Йозеф Ангерер (1899 – 1961) – немецкий торговец коврами. Личный агент Геринга по получению предметов искусства в Европе.

[381] Вальтер Хофер (1893 – 1971) – немецкий торговец искусством. Французским судом заочно был приговорен к 10 годам лишения свободы.

фюрера, и те объекты, которые запросил рейхсмаршал для себя, будут погружены в два вагона, которые будут прикреплены к специальному поезду рейхсмаршала и по отбытии в Германию в начале следующей недели, будут отправлены в Берлин. Фельдфюрер фон Бер будет сопровождать рейхсмаршала в специальном поезде по пути в Берлин.

Когда я возразил, что у юристов, вероятно, будет иное мнение и что последуют протесты военного командира во Франции, рейхсмаршал ответил дословно следующее: «Дорогой Бунхес, я позабочусь об этом, я самый главный юрист в государстве.

Рейхсмаршал пообещал направить курьера из своей ставки к начальнику военно-административного округа Парижа в четверг 6 февраля, с письменным приказом о перемещении в Германию конфискованных еврейских культурных ценностей».

Это освежило вашу память?

Геринг: Не совсем, но это вообще не противоречит тому, что я сказал в отношении этих культурных ценностей, за исключением одного предложения. Это чистая бессмыслица, чтобы я сказал, что я являюсь высшим юристом в государстве, потому что, слава богу, такого не было. Это то, что сказал господин Бунхес, и я не могу отвечать за каждое заявление, которое любой мог сказать без моей возможности исправить это. Что касается остального, это соответствует заявлению которое я сделал недавно.

Джексон: Итак, предметы искусства были погружены в вагоны и доставлены в Берлин, не так ли?

Геринг: Часть из них, да.

Джексон: Теперь я обращаю ваше внимание, и прошу показать вам документ PS-014, экземпляр USA–784. Теперь я прошу освежить вашу память следуя за мной по данному докладу фюреру, и сказать соответствует ли он вашим показаниям:

«Я докладываю по прибытии…

Геринг: Я хочу отметить, что данный доклад поступил не от меня.

Джексон: Я понимаю. Я просто спрашиваю правильно или нет.

«Я докладываю о прибытии основной партии бесхозных еврейских культурных ценностей в пункт охраны Нойшванштайн на специальном поезде в субботу 15 числа настоящего месяца. Это было обеспечено моим айнзацштабом в Париже. Специальный поезд составленный рейхсмаршалом Германом Герингом включает 25 скоростных грузовых вагонов заполненных наиболее ценными картинами, мебелью, гобеленами, произведениями художественного мастерства и украшениями. Партию составляли наиболее важные части коллекций Ротшильда, Селигмана» - и дюжины других.

Вы нашли это и это правильно?

Геринг: Я не знаю, правильно ли это поскольку доклад не составлен мною. Единственный момент, который я могу вспомнить, это то, что айнзацштаб попросил меня проследить за тем, чтобы ему передали достаточное количество специальных вагонов, крытых вагонов для того, чтобы перевезти культурные ценности, поскольку Jeu de Paume, не был безопасен в случае воздушных атак. Нойшванштайн находится к югу от Мюнхена. Это касалось предметов предназначенных для фюрера.

Однако, я хочу обратиться к следующему предложению данного документа, который не написан мной. Там сказано:

> «Конфискационные действия моего айнзацштаба начались в Париже в октябре 1940 согласно вашему приказу, мой фюрер».

Это соответствует тому, о чём я сказал раньше.

Джексон: И не могли бы вы прочитать немного дальше?

Геринг: Вы имеете в виду там, где сказано:

> «Кроме данного специального поезда, основные предметы искусства отобранными рейхсмаршалом, в основном из коллекции Ротшильда, ранее доставили в Мюнхен два специальных вагона и содержимое передали в бомбоубежище Дома фюрера».

Это были наиболее ценные работы которые я предусмотрел для фюрера и которые должны были быть направлены по желанию фюрера в бомбоубежище. Это не имело никакого прямого отношения к моим делам, но я не оспариваю данный факт, и я уже подробно это объяснял.

Джексон: Когда вас допрашивала американская комиссия по зарубежным активам, вы оценили свои предметы искусства на тот момент, когда вы передали их правительству в 50 миллионов рейхсмарок, насколько помню. Я прав?

Геринг: Это не совсем правильно. Комиссия настаивала на оценке, и дискуссия продолжалась долгое время так и эдак. Я прямо сказал комиссии, что я не могу определить цену, потому что у меня нет предметов на руках, как и нет их списка, и я не мог процитировать их по памяти; кроме того о том, что оценка являлась предметом подверженном колебаниям, с одной стороны в зависимости от цен которые ценитель мог заплатить за них, а с другой стороны от фактической рыночной стоимости. Поскольку я не видел копии протокола, несмотря на мои просьбы и в особенности так как протоколы такого характера часто приводят к недопониманию, я могу признавать только те протоколы, которые я подписал.

Джексон: Что же, вы ставите под сомнение данный факт? «Когда я сообщил новости министру финансов, я оценил стоимость в 50 миллионов марок». Вы говорили это или нет?

Геринг: Я не мог установить ценность. Я лишь сказал министру финансов о том, что вся коллекция, включая мою личную, будет передана государству. И поскольку я знал о своей страсти к коллекционированию, я подумал о том, что было вполне

возможно, что со мной может случиться нечто непредвиденное, и так как я вложил всё своё состояние в эти предметы искусства, вся коллекция может стать государственной, то есть, общественной собственностью, и моя семья лишится всяких средств к существованию. И поэтому я попросил его предусмотреть пенсию или какую–нибудь компенсацию для своей семьи. В этом заключались переговоры с министром финансов, о чем он может свидетельствовать.

Джексон: Какую часть вашей коллекции искусств вы приобрели после 1933?

Геринг: Я не понял вопрос.

Джексон: Какую часть своей коллекции искусства вы приобрели после 1933?

Геринг: Этого я не могу сказать подробно, довольно много картин и статуй.

Джексон: Итак, вы заявили о том, что часть вашей коллекции была куплена?

Геринг: Безусловно.

Джексон: И в связи с этим проводилось некое расследование ваших финансовых операций, не так ли?

Геринг: Я не знаю о том, кто проводил такое расследование.

Джексон: Что же, вас спрашивали, не так ли, о получении вами чека на 7 276 000 рейхсмарок от сигаретной фабрики Реемтсма[382]?

Геринг: Нет, меня никогда об этом не спрашивали.

Джексон: Вас никогда об этом не спрашивали?

Геринг: Нет, ни о сумме, ни о сигаретной фабрике, ни как–нибудь ещё.

Джексон: Позвольте освежить ваши воспоминания об этом. Вы не говорили в допросах им, и не говорили полковнику Эймену о том, что эти деньги дала вам эта сигаретная фабрика, и о том что её налоговая недоимка была списана?

Геринг: Нет, я даже отрицал, что их налоговые недоимки, когда-либо списывали. Теперь я вспоминаю, что вопрос задавали мне в другой связи. Денежная сумма была выделена для так называемого фонда Адольфа Гитлера, и эту сумму фюрер предоставил в мое распоряжение для выполнения культурных задач.

Джексон: От сигаретной фабрики?

Геринг: Не от сигаретной фабрики, ряд предпринимателей были подписаны на фонд Адольфа Гитлера и господин Реемтсма [383] предоставил мне эту сумму для фонда в течение нескольких лет после согласования с фюрером. Часть ее была выделена на государственные театры, другая часть на пополнение коллекций искусства и другие культурные затраты.

Джексон: Итак, 22 декабря 1945 вас допрашивал отдел внешних активов службы Соединенных Штатов по расследованию деятельности картелей и внешним активам, не так ли?

Геринг: Могу я сразу прямо сказать о том, что меня спросили о том, готов ли я

---

[382] Общество с ограниченной ответственностью «Сигаретная фабрика Реемтсма» - крупнейший производитель табака и сигарет в Европе. Основана в 1910 в Гамбурге.

[383] Филипп Реемтсма (1893 – 1959) – немецкий предприниматель.

делать заявления об этом, и мне было сказано о том, что эти заявления не будут связаны с данным процессом. Следовательно, присутствие моего защитника не являлось необходимым. Мне об этом прямо говорило и повторяло тюремное начальство, и перед допросом мне снова подтвердили, что эти заявления не будут предъявлены на процессе. Однако, мне всё равно. Вы можете представить их в части касающейся меня. Но ввиду того какой использовался метод, я желаю, чтобы это было известно.

Штамер: Я протестую против использования заявлений по той же причине которую привёл свидетель. Некоторое время тому назад, я думаю под рождество, меня спросили, как мне кажется, сотрудники казначейства Соединенных Штатов о том, могут ли они допросить подсудимого Геринга по имущественным вопросам, прямо добавив, что мне не нужно присутствовать на допросе, потому что это не имеет никакого отношения к процессу и не будет на нём использоваться.

Джексон: Я не могу подтвердить или опровергнуть сказанное, и поэтому я не буду сейчас развивать эту тему. Я не верю в то, чтобы предусматривалось, что эти факты не должны исследоваться. Меня об этом не проинформировали и если это конечно имело место, это было бы абсурдом.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, вас спрашивали о получении некоторых предметов искусства из Монте–Кассино.

Геринг: Да.

Джексон: Я спрашиваю, не является фактом, что алтарная статуя из аббатства Кассино была вывезена и доставлена вам, и вы выразили за это большую благодарность.

Геринг: Я очень рад тому, что могу прояснить данный вопрос. После того как монастырь Монте–Кассино был полностью уничтожен обстрелом и оборонялся десантной дивизией, однажды прибыла делегация и принесла с собой статую некоего святого, совершенно бесполезную с художественной точки зрения в качестве сувенира от разрушенного монастыря. Я поблагодарил людей и показал статую куратору своей коллекции, и он также счёл статую абсолютно не имевшей ценности. Тогда она осталась в ящике и была перемещена куда-то. Другая…

Председатель: Я не думаю, что это прошло достаточно громко, чтобы стенографисты могли услышать.

Геринг: Оставшиеся культурные ценности из Монте–Кассино согласно моим сведениям, были доставлены следующим образом: большая часть, особенно предметы, которые принадлежали самому старому монастырю были отправлены в Ватикан. Я должен так считать, потому что аббат монастыря послал мне и моей дивизии письмо на латинском языке, в котором он выражал огромную благодарность за это.

Во–вторых, насколько я помню, культурные ценности из музея Неаполя которые находились в Монте–Кассино, большей частью были направлены нами в

Венецию и переданы итальянскому правительству. Некоторые картины и статуи были доставлены в Берлин, и там их передали мне. В тот же самый день я представил список фюреру и немного позже сами вещи, которые хранились в моём бомбоубежище, для того, чтобы он мог обсудить этот вопрос с Муссолини. Я не сохранил для своей коллекции ни одного предмета. Если бы мои войска не вмешались, эти бесценные культурные ценности, хранившееся в Монте–Кассино и принадлежавшие монастырю, были бы полностью уничтожены вражеской бомбардировкой, то есть британо–американскими наступавшими. Таким образом, их спасли.

Джексон: Итак, вы сказали, не имели ценности, никакой значительной ценности?

Геринг: Даже сейчас я в этом убежден и я, прежде всего, зависел от суждения своих экспертов. Я даже не достал эту статую из упаковки. Она меня не интересовала. С другой стороны, я хотел сказать несколько слов благодарности своим людям, которые мне её доставили.

Джексон: Нехватка рабочей силы в Рейхе обострилась в ноябре 1941, не так ли?

Геринг: Верно.

Джексон: И вы лично отдали директивы по использованию русских военнопленных, не так ли?

Геринг: Использованию для чего?

Джексон: Для военной промышленности – танки, артиллерийские комплектующие, авиационные запасные части.

Геринг: Верно.

Джексон: Вы отдали данный приказ на совещании 7 ноября 1941, не так ли?

Геринг: Я не могу сказать, на каком совещании это было, я отдавал директивы только общего характера.

Джексон: И директива заключалась в том, что русские военнопленные должны были отбираться в сборных лагерях за пределами Рейха, и должны были как можно скорее перевозиться и использоваться в следующем порядке: шахты, обслуживание железных дорог, военная промышленность – танки, артиллерия, артиллерийские комплектующие, авиационные запасные части, сельское хозяйство, строительство, и т. д. Вы отдавали такой приказ, не так ли?

Геринг: Если я его подписал, это мой приказ. Я не помню подробности.

Председатель: Какой у него номер, господин Джексон?

Джексон: Я прошу показать вам документ номер PS-1193.

Геринг: Я его еще не видел.

[*Документ PS-1193 передан свидетелю*]

Геринг: Документ, который вы сейчас назвали…

Джексон: Я не понял ответ.

Геринг: Извините. Я только, что получил документ об использовании русских войск. Вы говорите об этом документе?

Джексон: Правильно. Я обращаю ваше внимание на тот факт, который указан как приложение к письму, подписанному Герингом.

Геринг: Я хочу отметить, что данный документ подписан не мной, а Кёрнером, что, однако, не уменьшает мою ответственность.

Джексон: Что же, вы не оспариваете то, что 7 ноября 1941, вы отдали приказ, как сообщил о нём Кёрнер, в документе указанном как PS-1193?

Геринг: Я сказал только о том, что он был подписан не мной, а Кёрнером, а здесь он был молодым чиновником, регинрунгсратом, и я хотел только объяснить, что это была моя сфера и, что, следовательно, я признаю ответственность. Но я не прочёл его полностью. Он касается директив и указаний, которые я давал в целом и которые затем дополнялись и пересматривались заинтересованными ведомствами, и естественно не каждое слово и не каждая фраза была сказана или продиктована мною лично. Но это не отменяет того факта, что я несу за это ответственность, даже если я не знал о нем в подробностях или мог по другому его сформулировать. Однако общие директивы давались мной и на местах исполнялись нижестоящими чиновниками.

Джексон: Вы также отдали приказ, не так ли о том, чтобы забрали 100 000 человек из числа французских военнопленных которых пока не использовали в промышленности вооружений? Бреши в рабочей силе, вызванные этим, должны были быть закрыты советскими военнопленными. Перевод вышеуказанных французских военнопленных должен был быть завершен к 1 октября. Вы отдавали такой приказ, не так ли?

Геринг: Верно. В первую очередь речь шла о том, чтобы большая часть французских квалифицированных рабочих, которые были военнопленными, стала вольнонаемными рабочими при условии, что они будут работать в германской военной промышленности. Дефицит на местах их предыдущей работы нужно было восполнить русскими военнопленными, потому что я считал бессмысленным использовать квалифицированных промышленных рабочих, к примеру, в сельском хозяйстве, или в другой отрасли не связанной с их специализацией. Таким образом, это стимулировало их становиться вольнонаемными рабочими вместо того, чтобы быть военнопленными, если они соглашались на такие условия. Директива была принята мной.

Джексон: И вам было известно, что в Германии используется принудительный труд?

Геринг: Обязательный труд.

Джексон: Вы не давали показаний в ходе допроса от 3 октября 1945 о том, что:

> «Я хочу кое-что добавить к последнему вопросу допроса. Полковник спросил меня о том, являлась ли программа принудительного труда

эффективной и я сказал: «Да». У меня есть два замечания к сказанному.

Хорошо.

Я должен сказать, что по своим результатам как таковым она была эффективной. Однако, происходило большое количество актов саботажа, а также предательства и шпионажа.

Вопрос: Но в целом вы говорите, что с немецкой точки зрения это была успешная программа?

Ответ: Да. Без этой рабочей силы мы бы не смогли достичь многого».

Вы говорили это?

Геринг: Это очевидно, потому что без рабочих нельзя выполнить никакую работу.

Председатель: Я не думаю, что вы ответили на вопрос. Вопрос заключался в том, говорили ли вы о том, что принудительный труд был успешным. Что вы можете сказать об этом? Вы так говорили?

Геринг: Я сказал о том, что я ответил на вопрос о том, являлось ли успешным использование рабочей силы; да, это верно.

Джексон: Итак, вам показывали документ PS-3700, написанный вам Шахтом, и вы говорили, что получали его?

Геринг: Да, я помню.

Джексон: Итак, вы и Шахт являлись одно время, чем-то вроде соперников в экономической сфере, не так ли?

Геринг: Я уже недавно объяснял это и в какой мере.

Джексон: Вы хотели, чтобы его роль в случае войны была устранена, а он хотел устранить вас в случае войны, не так ли, ваше экономическое положение?

Геринг: Не совсем. Было два схожих чиновника одновременно имевшие схожие полномочия, две личности, что долгосрочно было невозможным. Просто нужно было решить, у кого из двоих останется власть. Это было бы особенно необходимо на случай мобилизации.

Джексон: Вы, свидетельствовали 17 октября прошлого года, что касается ваших отношений с Шахтом, сделав заявление, не так ли, относительно своих разногласий с Шахтом: «Это я должен подчеркнуть: Шахт всегда старался маневрировать ради нового поста, в то время как все остальные министры работали сообща». Вы так говорили?

Геринг: Не совсем так как здесь, но я хотел подчеркнуть, что в отличие от остальных министров, которые преданно следовали моим директивам четырехлетнего плана у меня были определенные сложности с Шахтом, о которых я уже объяснял, в силу его оригинальной и сильной личности.

Джексон: Вопрос заключался в том, делали ли по существу или такими словами это заявление?

Геринг: Не именно такими словами, но как я объяснил, по сути так.

Джексон: Итак, вы помните о письме Шахта к вам, документе номер PS-3700?
Геринг: Да, я недавно читал его.
Джексон: И в этом письме Шахт говорил вам, не так ли, ссылаясь на PS-3700? «Может быть военной необходимостью…» Вы хотите следить за мной?

[*Документ PS-3700 передан свидетелю*]

Джексон:

> «Может быть военной необходимостью призыв пятнадцатилетних, но это тяжко обременит боевой дух немецкого народа. Факты как их понимает немецкий народ, являются следующими:
> Первое, первоначальная перспектива короткой войны не реализована.
> Второе, ожидаемая быстрая победа над Англией с помощью воздушных сил не случилась.
> Третье, публичные обещания о том, что на Германию не будут совершаться воздушные налеты, не выполнены.
> Четвертое, периодические заявления о том, что русское сопротивление сломлено, оказалось неправдой.
> Пятое, союзные поставки вооружений России и резервы рабочей силы имеющиеся у России, напротив, оказались достаточными для проведения постоянных сильных контратак на Восточном фронте.
> Шестое, поначалу победоносное продвижение в Египет было остановлено после постоянных попыток.
> Седьмое, высадка союзников в Северной и Западной Африке, объявленная невозможной, вместе с тем была проведена.
> Восьмое, колоссальное количество транспортов, которое было использовано для этой высадки, продемонстрировало, что наши подводные лодки, несмотря на свои успехи, не смогли предотвратить эти перевозки. В дополнение, нехватка гражданских перевозок, ресурсов для вооружений и доступности рабочей силы очевидны для всего народа.
> Призыв пятнадцатилетних усилит сомнения относительно завершения войны».

Вы можете точнее, чем вы сделали определить дату, когда получили данное письмо?

Геринг: Я могу лишь снова сказать, что оно датировано 3 ноября, но года нет. Если бы мне дали копию, где был указан год, я бы мог дать точный ответ. Я недавно говорил о том, что согласно моим сведениям, это вопрос либо ноября 1944 или ноября 1943. Но, к сожалению, здесь этого не указано. Я вижу только 3 ноября. Года нет.

Джексон: Вам известно, когда Шахта отправили в концентрационный лагерь? Вам известна дата?

Геринг: Нет, но раз вы мне напомнили, я могу сказать, что это письмо определенно не было написано в 1944, потому что в ноябре 1944, мне кажется, господин Шахт уже находился в концентрационном лагере, соответственно, оно не могло быть раньше ноября 1943.

Джексон: И его отправили в концентрационный лагерь вскоре после получения вами письма, не так ли?

Геринг: Нет, это неправильно.

Джексон: Как долго он был на свободе?

Геринг: Письмо от 3 ноября 1943, как мы только, что выяснили. Я услышал об аресте Шахта только после покушения на жизнь фюрера и после своего возвращения несколькими днями спустя, после болезни, то есть в сентябре 1944. Нет никакой связи между письмом и арестом, потому что, когда я спросил о его аресте, мне было точно сказано, что это произошло в связи с 20 июля.

Джексон: В качестве верховного главнокомандующего воздушных сил вы заключили соглашение с рейхсфюрером СС, фюрером молодёжи Германского Рейха и рейхсминистром оккупированных восточных территорий о вербовке молодых русских, украинцев, белорусов, литовцев и татар в возрасте от 15 до 20 лет? У вас было такое соглашение с Гиммлером и Розенбергом об этом?

Геринг: Чтобы я лично заключал такое соглашение, я так не думаю. Возможно, и даже вероятно, что это сделало мое ведомство.

Джексон: И вы свидетельствовали вчера или днём ранее, я думаю в пятницу, о следующем: позвольте освежить вашу память по вопросу о конфискациях.

> «Теперь о вопросе конфискации государственного имущества и конфисковалось только такое имущество. Что касается, как я знаю частной собственности, как указывалось здесь в официальном отчёте, что касается зимы 1941 и 1942 то так могло обстоять дело в вопросе мехов или валенок, и некоторые солдаты могли забирать у местного населения всякую всячину, но в целом там не было никакой частной собственности и значит, нечего было конфисковать».

И я думаю, вы также сказали о том, что вы никогда ничего не брали, ни одной гайки или болта, когда вы оккупировали зарубежную территорию. Вы вспоминаете эти показания?

Геринг: Именно так.

Джексон: Вы все еще настаиваете на этом?

Геринг: Конечно.

Джексон: Я прошу показать вам документ ЕС-317.

Геринг: Да.

Джексон: Итак, это секретный вопрос командования, не так ли, датированный

7 сентября 1943? Верно?

Геринг: У меня письмо от 21 февраля 1944.

Джексон: У вас неправильный экземпляр – ЕС-317, страница 3.

Геринг: Да, страница 3.

Джексон: Это сопроводительное письмо нас не волнует. Ваш секретный вопрос командования датирован 7 сентября 1943, не так ли?

Геринг: Верно.

Джексон: Там написано следующее:

> «Относительно вывоза собранного урожая и уничтожения средств производства в сельском хозяйстве и продовольственной промышленности на части оккупированных восточных территорий.
>
> По указанию фюрера, я приказываю:
>
> Первое: На территориях к востоку от линии, установленной высшим военным командованием исходя из военной обстановки следует предпринимать постепенные меры. Мероприятия определяются командующими группами армий:
>
> 1. Всю сельскохозяйственную продукцию, средства производства и оборудование предприятий обслуживающих сельское хозяйство и продовольственную промышленность следует вывозить.
>
> 2. Фабрики работающие на продовольственную экономику, как в сферах производства, так и переработки следует уничтожать.
>
> 3. Основу сельскохозяйственного производства, особенно документацию и учреждения, хранилища и т. д., организаций ответственных за продовольственную экономику следует уничтожать.
>
> 4. Население занятое в сельскохозяйственной и продовольственной экономике следует перевозить на запад от установленной линии».
>
> Правильно?

Геринг: Абсолютно правильно, но я хочу сделать следующее заявление в связи с этим. Здесь мы рассматриваем чисто военные меры при отступлении, и могу я, прокомментировать эти четыре пункта: я недавно подчеркнул, что большое количество сельскохозяйственных машин было доставлено нами в Россию. Так как, русские отступая всё уничтожали, у нас было еще меньше военного повода чтобы промышленное оборудование которое мы создали и привезли, попало в их руки целым. Это касалось чрезвычайно срочного военного приказа отданного при отступлении, который исполнялся таким же образом как это делал противник. Это не касалось частной собственности.

Джексон: И он был подписан вами?

Геринг: Да, этот приказ содержит мою подпись.

Джексон: С позволения вашей чести, я перехожу к другому предмету.

Председатель: Да мы прервемся.

[*Объявлен перерыв*]

Джексон: Я попрошу показать свидетелю документ PS-3786 у которого нет дополнительных копий, потому что он поздно к нам попал. Я попрошу вас проверить его, и сказать мне вспоминаете ли вы совещание, к которому относится данный протокол?

Геринг: Видимо, здесь мы имеем дело с докладом касавшимся ежедневного совещания с фюрером. Так как совещания проводились ежедневно один или два раза, я естественно не могу, сколь-нибудь точно, сначала не прочитав доклад, вспомнить доклад от 27 января 1945, так как я присутствовал на многих из них в ходе войны.

Джексон: Я обращаю ваше внимание на следующие инциденты в нем. Согласно протоколу присутствовали фюрер, вы, Кейтель и Йодль, не так ли?

Геринг: Так указано.

Джексон: И я попрошу обратить внимание на страницу 31 и прошу вас следить за мной по записи и понять, освежит ли это ваши воспоминания. Это относится к 10 000 заключенных офицеров воздушных сил. Я цитирую то, что касается вас.

> «Геринг: Около Сагана есть 10 000 заключенных офицеров воздушных сил. Их содержание является ответственностью главнокомандующего армией резерва (B.d.E[384]). Говорится о том, что не хватает личного состава для их охраны или перевозки. Внесено предложение о том, чтобы не оставлять этих пленных советско-русским союзниками. Это даст им 10 000 летчиков.
>
> Фюрер: Почему вы не вывезли их раньше? Это несусветное головотяпство.
>
> Геринг: Это вопрос командующего B. d. E. Мы не имеем к этому никакого отношения. Я могу лишь доложить.
>
> Фюрер: Их следует вывезти, даже если им придется идти пешком. Нужно привлечь фольксштурм. Любой кто попытается бежать будет расстрелян. Нужно использовать все средства.
>
> Геринг: Это из Сагана, там 10 000 человек.
>
> Гудериан: В процессе перевода 4-й танковая дивизия полностью отведена, также 227-я дивизия; остатки 32-й дивизии выводятся. Следующая линия это штаб 3-го танкового корпуса СС который выводится сегодня ночью и следующей ночью дивизия Нидерланды, которую уже подтянули. Часть дивизии Нордланд также отведена с фронта.
>
> Фюрер: Они получат пополнение? Они уже на марше?

---

[384] Аббр. с нем. Befehlshaber des Ersatzheeres – командующий армией резерва.

Гудериан: Фегелейн[385] этим занимается. Он уже приказал, чтобы они были немедленно пополнены.

Фюрер: Совершенно ясно, что группа армий «Висла» в настоящее время не имеет ничего кроме корпуса Неринга, одной группы, и того, что она имеет на Висле. Нужно это организовать. Они прибудут отсюда и частично из Германии. Это нужно сделать.

Геринг: Сколько вагонов для скота потребуется для 10 000 человек?

Фюрер: Если мы перевозим их согласно немецким стандартам, потребуется, по крайней мере, 20 грузовых поездов для 10 000 человек. Если перевозить их согласно русским стандартам, нам нужно 5 или 3.

Геринг: Снимем с них штаны и ботинки, чтобы они не смогли идти по снегу».

Вы вспоминаете этот случай?

Геринг: Я помню этот инцидент, но смутно.

Раз уж я ответил, я хочу дать короткое пояснение о ценности данного документа.

Я понял, что данный документ поступил только сейчас, но меня уже допрашивали по поводу данного документа задолго до начала судебного разбирательства. Уже тогда, я указывал на то, что стенографическая запись этого совещания велась одновременно двумя стенографистами, поскольку совещания часто длились 4 или 5 часов, и поэтому эти стенографические записи разбирались после, из-за того, что присутствовало много человек, особенно настолько часто происходили опечатки в записях и таким образом заявления одного человека приписывались в стенограмме другому. По этой причине я уже тогда сказал, что я не только не помню это заявление, но, по моему мнению, я никогда не делал такое заявление. Мы занимались только подготовкой транспортных средств для перевозки.

Джексон: Что же, я должен сказать, что вас допрашивали в связи с этим инцидентом, но не относительно этих записей, которые не были расшифрованы.

Геринг: В отношении этой расшифровки и этого инцидента, особо подчёркивалось, что мы рассматриваем протокол совещания на стенографической машинке, я уже высказывал похожее мнение. Тогда мне его не предъявляли.

Джексон: Не стенографической машинке, а стенограмме.

О вас также сообщается на странице 35. Я обращаю ваше внимание и спрашиваю вас, это ошибочно приписывается вам?

«Геринг: 10 000 заключенных в Сагане должны быть вывезены

---

[385] Герман Фегелейн (1906 — 1945) — немецкий военный деятель, группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС (1944). Муж младшей сестры Евы Браун. Расстрелян в последние дни войны по приказу Адольфа Гитлера.

обергруппенфюрером Юттнером[386]».

Вероятно, я не произнесу это слово, как вы.

«Фюрер: Эти пленные должны быть вывезены любыми доступными средствами. Фольксштурм должен использовать самых энергичных людей. Все кто попытается бежать будут расстреляны.

Фегелейн: У нас есть для этого люди которые охраняли концентрационные лагери. Это группенфюрер Глюкс[387]. Он должен сделать работу».

Это имело место?

Геринг: Я этого не знаю. Я уже свидетельствовал о том, что В. d. Е. должен был отвечать за перевозку, потому что мы не имели к этому никакого отношения. Я совершенно не могу давать показания о том какие мнения и мысли высказывали другие господа. Вопрос стоял о том, чтобы отдать эти 10 000 либо вывезти их.

Джексон: Я задам вам один или два вопроса о бомбардировке Варшавы. Вам известно, что 3 сентября дом посла Соединенных Штатов расположенный в 17 километрах от Варшавы, был разбомблен германскими воздушными силами?

Геринг: Нет, это мне неизвестно.

Джексон: Ваши воздушные силы сделали много хороших фотографий польских деревень и Варшавы и затем использовали их для распространения в немецком народе, не так ли?

Геринг: Возможно, я не занимался этим. В любом случае Люфтваффе не распространяли фотографии в немецком народе. Возможно, что такие фотографии сделанные Люфтваффе могли попасть в немецкую прессу через министерство пропаганды. Но распространение, в смысле распространения Люфтваффе листовок не проводилось.

Джексон: Люфтваффе делало снимки с целью определить эффективность ударов, не так ли?

Геринг: Люфтваффе делало снимки до момента бомбардировки и затем снова после того как цель бомбилась, чтобы определить была ли цель действительно поражена.

Джексон: Я прошу показать вам пять фотографий и спрашиваю вас, сделаны ли они во время атаки Люфтваффе на Польшу?

[*Фотографии показаны свидетелю*]

Геринг: Для ответа на первый вопрос, были ли фотографии действительно сделаны

[386] Ганс Юттнер (1894 — 1965) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. В 1943-1945 начальник главного оперативного управления СС. Судом по денацификации был приговорён к 10 годам трудового лагеря.

[387] Рихард Глюкс (1889 — 1945), руководитель системы нацистских концентрационных лагерей (3 марта 1943 года — 8 мая 1945 года), группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС (9 ноября 1943 года). Главный инспектор концентрационных лагерей в 1943-1945. Покончил жизнь самоубийством.

германскими воздушными силами, к сожалению, я не могу дать положительный ответ, так как на них нет подтверждения, что они были сделаны германскими воздушными силами. Четыре из пяти фотографий, если вы посмотрите на них вблизи, сняты с наклонного угла, как будто они сняты с церковного шпиля, нежели чем с самолета, на которых камера может делать только вертикальные фотографии, потому что она встроенная.

Фотографию, показывающую разрушенные части Варшавы технически можно считать аэрофотосъёмкой. Дата отсутствует. Но ни одна из этих фотографий не подтверждает, что они были сделаны Люфтваффе.

Однако, предположим, что они были сделаны Люфтваффе, для того, чтобы облегчить дальнейшие вопросы.

Джексон: Вы сказали, что будет полагать, что они сделаны Люфтваффе?

Геринг: Да, хотя я и сомневаюсь.

Джексон: Я не хочу, чтобы вы в чём-то здесь уступали. Если вы думаете, что они не были сделаны Люфтваффе, я не хочу, чтобы вы это признавали.

Геринг: Я сказал о том, что не вижу никаких доказательств. Я не делал эти фотографии, я не опознаю их, они представлены мне как фотографии Люфтваффе и с чисто технической точки зрения они могли быть сделаны с самолета с частной камеры с очень наклонного угла. Это не аэрофотосъемка, то есть вертикальные фотографии, сделанные воздушными силами.

Джексон: Что же, мы пропустим их, и перейдем к чему–нибудь еще.

Давайте рассмотрим документ PS-638, экземпляр номер USA-788, о котором вас допрашивали и, который насколько помню, вы удостоверили.

[*Документ PS-638 передали свидетелю*]

Джексон: Это документ который подписал доктор Жуль, и я прошу следить за мной.

> «Из планов рейхсмаршала от 24 сентября 1942.
>
> Первое: Рейхсмаршал ищет смелых парней, которые будут использоваться на Востоке в качестве зондеркоманд и которые смогут выполнять задачи по созданию беспорядков в тылу противника. Они должны быть собраны в банды под руководством и с приданными к ним переводчиками. Для этой цели рейхсмаршал рассматривает осужденных которые в первую очередь являются правонарушителями, совершившими не особо гнусные правонарушения которые можно по-человечески понять.
>
> В первую очередь рейхсмаршал назвал людей осужденных за браконьерство. Конечно же он знает о том, что рейхсфюрер СС ловил так называемых браконьеров, и они уже находились в его руках.

Однако он попросил, чтобы вопрос изучили повторно. Единственными подходящими людьми являются те у кого есть страсть к охоте, которые занимались браконьерством ради трофеев, а не те, кто просто ставит силки и капканы. Рейхсмаршал также назвал фанатичных членов банд контрабандистов, которые участвовали в перестрелках на границе и чья страсть заключалась в том, чтобы перехитрить пограничников рискуя своей жизнью, но не тех людей, которые провозят вещи через границу на экспрессах или похожими методами.

Рейхсмаршал оставил за нами вопрос о том, какие еще категории осужденных могли бы войти в такие банды или группы преследования.

В регионах, предназначенных для таких операций, эти банды, чьей основной задачей будет уничтожение коммуникаций партизанских групп могут убивать, сжигать и насиловать; в Германии за ними должно вестись строгое наблюдение.

Подписано: Доктор Жуль, 24 сентября 1942».

Вы желаете дать трибуналу пояснения относительно данного документа?

Геринг: Да, такие же, как я уже делал однажды. Первые два абзаца четко показывают, что я хотел только таких людей, которые не совершали никаких правонарушений в связи с моральными законами, таких как браконьеры, проводя разницу между имевшими страсть к охоте и теми, кто лишь хотел красть. Я также провёл разграничение в отношении контрабандистов, между теми кто лично рисковал показывая определённую страсть к своей деятельности, и теми кто делал это недостойным способом.

Оба этих основных абзаца показывают, что я не собирался использовать каких-нибудь уголовников, и вот почему я резко отрицал сказанное в последних абзацах. Это не вопрос стенограммы, а заметки сделанные чиновником с которым я обсуждал эти вещи. Он сможет свидетельствовать, где и как он слышал это от меня. Это настолько противоречит моим идеям, и я особо подчеркиваю это и в частности, как я четко сказал, относительно изнасилования, которые я всегда наказывал смертью, даже если они совершались в отношении граждан вражеских государств, что я отвергаю такое заявление, и я снова указываю на то, что основные абзацы противоречат моим последним замечаниям, потому что если бы это было для меня безразлично, я мог бы выбрать уголовников.

В-третьих, я ясно выразился выше, что их главной задачей в тылу врага было создание затруднений, нарушение связи, уничтожение железных дорог, и так далее. Четвертое и последнее, всего это не было.

Джексон: Вы возражаете против слова «насиловать» которое было поначалу переведено как «изнасилование», то есть это единственное возражение, которое у

вас есть всему документу. Верно?

Геринг: Нет, это не правильно в таком виде. Я говорю это, потому что это наиболее характерная концепция, которая особо противоречила моему чувству справедливости, так как вскоре после захвата власти я настоял на ужесточении германских уголовных законов. И я хотел показать этим словом и этой концепцией, что последняя часть не могла быть сказана мною, и я отрицаю, что говорил это. Я абсолютно и с радостью готов брать ответственность даже за более серьезные вещи, которые я сделал, но я отрицаю это заявление, как полностью противоречащее моему мнению.

Джексон: Кто подписал документ?

Геринг: Доктор Жуль.

Джексон: Да, вы знали его?

Геринг: Я немного его знал. Я видел его на этом совещании.

Джексон: Он присутствовал на совещании?

Геринг: Я проинструктировал его о том, чтобы он пришёл и я рассказал ему о тех типах людей, которые хотел.

Джексон: Итак, вы занимались экономическими вопросами в различных оккупированных территориях посредством рейхскомиссаров?

Геринг: Я недавно свидетельствовал о том, что разного рода власти включая рейхскомиссаров должны были подчиняться моим экономическим директивам.

Джексон: И должны были докладывать вам по экономическим вопросам?

Геринг: Не обо всех из них, лишь поскольку они касались моих директив.

Джексон: И кто был вашим рейхскомиссаром в Польше?

Геринг: В Польше не было рейхскомиссара. Там был генерал–губернатор, доктор Франк.

Джексон: И кто был рейхскомиссаром в Нидерландах?

Геринг: Доктор Зейсс–Инкварт являлся рейхскомиссаром в Голландии.

Джексон: Кто был рейхскомиссаром в Норвегии?

Геринг: В Норвегии гауляйтер Тербовен[388] являлся рейхскомиссаром.

Джексон: Тербовен – он также являлся гауляйтером?

Геринг: Он был гауляйтером в Эссене.

Джексон: Вы назначили его в Норвегию или участвовали в его назначении?

Геринг: Я никогда не назначал его в Норвегию, потому что это было за пределами моих полномочий, как и не добивался его назначения. Я не возражал против этого назначения, поскольку считал его очень компетентным для должности рейхскомиссара.

Джексон: И он находился на этой должности с 1940 по 1945?

Геринг: Мне кажется это так.

---

[388] Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 – 1945. Покончил жизнь самоубийством.

Джексон: Теперь, я прошу показать вам документ R–134, сообщение Тербовена вам.

[*Документ R-132 передан свидетелю*]

Джексон: Это сообщение от 1 мая 1942, не так ли?
Геринг: Я вижу дату, да.
Джексон: И в этом докладе как из него следует, не так ли – он обращается к вам как к рейхсмаршалу «моему уважаемому рейхсмаршалу», правильно?
Геринг: Да.
Джексон: Опустим первый абзац, если вы не хотите его привести.

> «Несколько дней назад на острове западнее Бергена мы захватили норвежский диверсионный отряд подготовленный секретной службой, и обнаружили обширные хранилища диверсионных средств, некоторые из них нового рода, включая вероятно яды и бактерии. То, что показалось незнакомым, направили в главное управление безопасности Рейха для подробного изучения.
>
> Кроме остальных задач, это диверсионное подразделение должно было начать диверсионную работу используя взрывчатку на Соле и Гердле образец которой прилагается. Это следует из захваченных письменных директив. Поскольку следует полагать, что подобные действия проводятся на аэродромах остального европейского побережья, и полагая что диверсионные средства были неизвестными до сих пор, я сообщаю вам самым быстрым способом для того, чтобы предоставить вам возможность издать соответствующее предупреждение.
>
> К сожалению двух особо надежных сотрудников полиции безопасности убили в бою против диверсионного подразделения. Мы похоронили их этим утром в 10 часов на кладбище героев в Бергене.
>
> В тот же день и тот же час по моему приказу расстреляли 18 норвежцев. Они были ранее захвачены при попытке нелегально попасть в Англию.
>
> В этот же день вся деревня, в которой высадился диверсионный отряд, была сожжена и население депортировано. Всех мужчин забрали в немецкий концентрационный лагерь без уведомления своих семей. Женщин отправили в женский трудовой лагерь в Норвегии и тех детей, которые были не пригодны к работе, отправили в детский лагерь.
>
> Хайль Гитлер! Ваш преданный Тербовен».
>
> Правильно?

Геринг: Так сказано в письме, копия которого есть у меня.

Джексон: Тербовен после этого доклада оставался в должности до 1945?
Геринг: Верно.
Джексон: Итак, позднее в этом же году, 1942, вы ввели очень похожие средства о которых вам докладывал Тербовен, не так ли?
Геринг: Я не понял вопрос.
Джексон: Позднее в этом же году вы одобрили такие же меры, какие предлагал Тербовен, не так ли?
Геринг: Я? Где?
Джексон: Что же, я прошу, чтобы вам показали документ PS-1742.

[*Документ PS-1742 передан свидетелю*]

Джексон: Итак, это распоряжение Геринга от 26 октября 1942. Я прошу вас читать со мной:

> «Одновременно с усилением по приказу фюрера боевых действий против партизан, и зачистке тыловых зон, в частности в тылу группы армий «Центр», я прошу о том, чтобы следующие положения принимались во внимание, и выводы были внедрены на практике:
> 1. Одновременно с борьбой с подпольными силами и прочёсыванием районов заражённых ими, весь доступный скот должен угоняться в безопасные районы. Похожим образом запасы продовольствия следует вывозить и доставлять в безопасность, для того чтобы они не могли достаться повстанцам.
> 2. Все мужчины и женщины подходящие для любой работы должны принудительно вербоваться и распределяться генеральному уполномоченному по рабочей силе, который затем использует их в безопасных районах тыла или в Рейхе. Отдельные лагеря в тылу должны быть организованы для детей».
>
> Правильно?

Геринг: Абсолютно. Это касалось территорий занятых повстанцами, и никто не мог ожидать от меня оставлять им скот или продовольствие. Кроме того, людей, которых постоянно провоцировали к повстанческим действиям и бунтам против нас, нужно было перевезти в безопасные места и дать работу. Я хочу отметить, что это было абсолютно, жизненно необходимо для безопасности войск. Но я могу снова подчеркнуть то, что вы сказали о том, что я отдавал такие же приказы какие зачитали в письме Тербовена. Я не приказывал сжигать деревни и не приказывал расстреливать заложников. Это было совсем другим.
Джексон: Вы просто захватили всех мужчин, женщин и детей, и вывезли их. Я указывал на это.

В мае 1944 проблема потерь в летном составе истребителей стала

серьезной?
Геринг: Да.
Джексон: 19 мая 1944 вы созвали у себя совещание на тему истребителей и потерь в летном составе истребителей, не так ли?
Геринг: Да.
Джексон: И вам показывали протокол этого совещания, чью подлинность вы подтвердили на допросе?
Геринг: Это не протокол совещания. Это краткий и общий итог встречи офицеров, которая как я знаю, длилась 2 дня.
Джексон: Я прошу показать вам документ L-166. Он озаглавлен «Совершенно секретный документ», не так ли?
Геринг: Верно.
Джексон: И он также озаглавлен: «Протокол совещания по истребителям с рейхсмаршалом 15 и 16 мая 1944». Это верно, не так ли?
Геринг: Нет, там сказано: «Заметки о совещании у рейхсмаршала по истребителям 15 и 16 мая 1944».
Джексон: «Заметки», вы перевели их как «заметки»?
Геринг: Там сказано «меморандум» здесь в оригинале.
Джексон: «Заметки совещания по истребителям»
Геринг: Длившегося 2 дня.
Джексон: Да. И сначала генерал Галланд[389] подробно описал ситуацию относительно летного состава истребителей. Это имело место, не так ли, он обозревал потери?
Геринг: Да.
Джексон: И обозревал потери?
Геринг: Правильно.
Джексон: И затем он долго обозревал пункт 2: «Меры по исправлению», правильно?
Геринг: Согласно меморандуму да, но, состоялась ли она на самом деле, я не могу сказать.
Джексон: Это совещание состоялось, не так ли?
Геринг: Абсолютно, 2 дня.
Джексон: И в пункте 3 генерал Галланд внёс определенные предложения, не так ли?
Геринг: Да.
Джексон: И после существенной дискуссии, генерал Шмидт[390] внёс определенные предложения, пункты 12 и 13, правильно?
Геринг: Должно быть так. В любом случае так сказано в меморандуме.
Джексон: Вы рекомендовали как можно быстрее провести совещание с начальником

---
[389] Адольф Галланд (1912 — 1996) — немецкий пилот истребительных частей Люфтваффе Второй мировой войны, лётчик-ас, один из организаторов и руководителей люфтваффе, генерал-лейтенант авиации.
[390] Август Шмидт (1883 – 1955) – немецкий генерал войск ПВО. В 1937-1945 командующий VI воздушным округом. Британским судом был приговорён к пожизненному заключению. Освобожден досрочно.

генерального штаба и начальником артиллерии, не так ли, пункт 13?

Геринг: Да.

Джексон: И рекомендации генерала Шмидта и просьбы появляются в пунктах 14 и 15, и 16, и 17, и 18?

Геринг: Да.

Джексон: Затем вы решили.

> «Рейхсмаршал решил, что только III-групповые истребительные эскадрильи должны остаться в Рейхе, и что все истребители пригодные для операций должны быть задействованы на службе».

Геринг: Да.

Джексон: Затем:

> «Рейхсмаршал желает, чтобы, когда проводятся бреющие атаки на аэродромы приводящие к значительным потерям в личном составе и материальной части, меры предпринимаемые для обороны и отражения должны пересматриваться Luftwaffenfuhrungsstab[391]».
>
> Номер 19. Так было?

Геринг: Да.

Джексон: Пункт 20 гласит:

> «Рейхсмаршал желает предложить фюреру, чтобы американские и английские экипажи без разницы, сбитые над городами, при перемещении гражданских поездов или солдаты повисшие на парашютах расстреливались на месте».
>
> Я правильно прочел?

Геринг: Так здесь сказано. И я сразу снова возражаю, что это неправильно. Данный отрывок вообще не имеет никакой связи с контекстом этих заметок, 19 - 21. Кроме того выражение «солдаты повисшие на парашютах» полностью вводит в заблуждение и используется широко. Я долго думал над тем как это могло попасть в записи, которые я никогда не видел, и которые подготовлены за период двух дней и смог найти этому только одно объяснение, на что я указывал, как можно понять из другого доказательства, что приблизительно в это время фюрер принял директиву в связи с этим, и что в любом случае должно быть здесь ошибка, то есть, это не должно было быть предложение рейхсмаршала, и т. д., фюреру, но я мог предположить, что фюрер имел такое намерение. Но об этом автор этих заметок мог бы проконсультироваться. Ни один другой пункт во всех заметках не упоминает этого. Даже следующий пункт совершенно другой. При том, что остальные пункты согласуются, именно этот выбивается из ряда.

Джексон: Во всех заметках о двух днях, это единственная вещь, которую вы назвали ошибочной.

Теперь я прошу показать вам документ PS-731.

---

[391] Оперативным штабом воздушных сил (нем.)

[*Документ PS-731 передан свидетелю*]

Джексон: Итак, за совещанием, заметки о котором я только, что зачитал вам, в течение недели последовал приказ PS-731, не так ли, меморандум PS-731, в котором написано:

> «Фюрер пришел к следующему решению относительно мер в особых случаях против англо–американских экипажей:
> Вражеский летчик, который будет сбит, подлежит расстрелу без суда в следующих случаях…»

Председатель: Господин судья Джексон, вы упоминаете отрывок четырьмя строчками выше этого, после «Доклад рейхсмаршала»?

Джексон: Нет, но, наверное, для протокола она должна быть полной.

> «Начальник командного штаба вооруженных сил, начальник WFSt[392]. Пожалуйста, распорядитесь о подготовке проекта приказа. В (Варлимонт). К (Кейтель), заместитель начальника командного штаба вооруженных сил. Следует направить рейхсфюреру СС. Согласно докладу рейхсмаршала, генерал Кортен сделал следующее заявление: «Меморандум» - я думаю, следующей строки нет в оригинале –
> Фюрер принял распоряжение относительно мер в особых случаях против англо–американских экипажей:
> Вражеских летчиков, чьи машины были сбиты, следует расстреливать без процедуры военно-полевого суда в следующих случаях:
> 1)В случае стрельбы по немецким экипажам спускающимся на парашютах.
> 2)В случае воздушных атак на немецкие самолеты совершившие вынужденную посадку и чьи экипажи находятся в непосредственной близости.
> 3)В случае атак на поезда общественного транспорта.
> 4)В случае низколетящих атак против гражданских лиц, фермеров, рабочих, отдельных автомобилей, и так далее».

Итак, здесь записано: «В случае низколетящих воздушных атак на гражданских лиц, фермеров, рабочих, отдельных гражданских автомобилей, и так далее» не так ли?

Геринг: В моей копии: «В случае бреющих воздушных атак «на отдельных» - «отдельных» зачеркнуто и есть два слова, вписанные сверху которые я не могу прочесть. Перед выражением «отдельных автомобилей», слово гражданских и ссылаясь на пункт 2, там сказано:

> «Я считаю это сомнительным, потому что уничтожение самолета,

---

[392] Аббр. с нем. Wehrmachtfuhrurungstab – оперативный штаб Вермахта.

который совершил вынужденную посадку нельзя считать гангстерским методом, но скорее методом строгого соблюдения стандартов цивилизованной войны».

Мы здесь рассматривали целую серию вопросов обсуждавшихся в эти дни и недели, о чем фон Браухнич также недавно свидетельствовал.

Джексон: Эта пометка о вынужденных посадках подписана «Й», не так ли, что значит Йодль?

Геринг: Безусловно.

Джексон: Это все о чем я хотел спросить.

Есть ряд документов которые следует представить в данной связи и я думаю наверное будет лучше если мы сделаем таблицу и подготовим их вечером и представим их утром.

Председатель: Разумеется, господин судья Джексон, вы можете все их приобщить.

Максвелл–Файф: Сначала я хочу задать несколько вопросов об офицерах британских воздушных сил сбежавших из шталага авиации III. Вы помните, что вы сказали о том, что знали об этом инциденте полностью и поминутно? Вы помните о том, что говорили это?

Геринг: Нет – о том, что я получил точные сведения, не о том, что я имел точные сведения, а о том, что я их получил.

Максвелл–Файф: Позвольте процитировать ваши собственные слова, как они были записаны: «Я знаю об этом инциденте очень подробно, поминутно, но он привлек мое внимание, к сожалению очень поздно». Это то, что вы недавно говорили, правильно?

Геринг: Да, этим я имел в виду, что точно знаю об инциденте, но услышал о нем только 2 дня спустя.

Максвелл-Файф: Вы сказали трибуналу о том, что тогда были в отпуске, тогда в последний период марта 1944, это правильно?

Геринг: Да, насколько я помню, я был в отпуске за несколько дней до пасхи.

Максвелл-Файф: И вы сказали: «Как я могу подтвердить». Я хочу, чтобы вы назвали трибуналу даты своего отпуска.

Геринг: Я снова скажу, что это в целом относится к марту, я помню это очень хорошо, и в качестве доказательства я хочу назвать тех людей которые тогда находились со мной в этом отпуске.

Максвелл-Файф: То, что я хочу знать, заключается в том, где вы были в отпуске.

Геринг: Здесь, в окрестностях Нюрнберга.

Максвелл-Файф: Таким образом, вы легко могли находиться на связи с министерством авиации, или, на самом деле с Бреслау, если бы захотели?

Геринг: Я мог бы легко получить телефон, если бы кто–нибудь захотел связаться со мной.

Максвелл-Файф: Я прошу вас помочь мне с одной или двумя другими датами, о

которых вы говорили. Вы сказали: «Я услышал об этом побеге 1 или 2 дня спустя». Свидетель, вы понимаете, что я спрашиваю вас о побеге, не о расстреле, я хочу, чтобы вы это поняли.

Геринг: Мне это понятно.

Максвелл-Файф: Вы имеете в виду, что вы услышали о самом побеге спустя 1 или 2 дня после него?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Вы услышали о нём от вашего адъютанта или от вашего начальника операций.

Геринг: Я всегда слышал о таких вещах от адъютанта. Несколько побегов предшествовали этому.

Максвелл-Файф: Да, это верно. Произошёл ряд побегов из этого лагеря.

Геринг: Я не могу сказать точно, были ли они из этого лагеря. Ранее произошло несколько крупных побегов, о которых я всегда слышал от своего адъютанта.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы назвали трибуналу ещё одну дату: вы говорите, что по возвращении из отпуска ваш начальник штаба сделал вам сообщение. Кто был вашим начальником штаба?

Геринг: Генерал Кортен был тогда начальником штаба.

Максвелл-Файф: Вы можете назвать нам число, когда вам было сделано это сообщение?

Геринг: Нет, я не могу сказать точно. Мне кажется, я обсудил данный инцидент со своим начальником штаба позднее, сказав ему о том, что я уже услышал об этом из других источников.

Максвелл-Файф: Кто был первым сообщившим об этом? Это был начальник штаба рассказавший о расстрелах? Вы имеете в виду, что кто–то ещё рассказал вам о расстреле?

Геринг: Я не могу сейчас точно сказать, услышал ли я о расстреле от начальника штаба, либо от других источников. Но в любом случае я обсуждал это событие с начальником штаба.

Максвелл-Файф: Какого числа вы обсуждали это с начальником штаба?

Геринг: Я не могу сказать точную дату по памяти, но это было около пасхи.

Максвелл-Файф: Это будет почти конец марта, не так ли?

Геринг: Нет. Это могло быть начало апреля, первая половина апреля.

Максвелл-Файф: И затем у вас была беседа с Гиммлером, как вы нам сказали?

Геринг: Да, я говорил об этом с Гиммлером.

Максвелл-Файф: Вы можете уточнить это?

Геринг: Конечно, я не могу точно назвать число. Я увидел Гиммлера, и при первой возможности после того как услышал об этом инциденте, поговорил с ним.

Максвелл-Файф: Таким образом, вы не можете установить дату относительно того, когда вы вернулись из отпуска или беседы с начальником штаба, или любую другую

дату, или пасху?

Геринг: Как я сказал, без каких-нибудь документов для меня невозможно установить дату. Я могу только указать приблизительный промежуток времени; это все что я могу.

Максвелл-Файф: Недавно вы говорили, что вы можете доказать, что вы находились в отпуске. Должен ли я считать, что вы не удосужились узнать, какие у вас были даты отпуска?

Геринг: Я уже сказал о том, что я был в отпуске в течение марта. Вернулся ли я 26 или 28, или 29 марта, я не могу сказать. Для доказательства этого вам нужно спросить тех, кто сопровождал меня, кто, вероятно, может установить эту дату более четко. Я знаю, только то, что это было в марте.

Максвелл-Файф: Свидетель, не будет ли совершенно честным для вас, если я возьму за основу последнюю из ваших дат, 29 марта, для работы?

Геринг: Уместнее было бы, если бы вы мне сказали, когда была пасха в том году, потому что я не вспоминаю. Тогда мне будет проще установить даты, потому что я знаю, что за несколько дней до пасхи я вернулся в Берхтесгаден, для того, чтобы провести праздники со своей семьей.

Максвелл-Файф: За несколько дней до пасхи вы вернулись в Берхтесгаден?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Таким образом, вы вернулись из отпуска за несколько дней до этого. До того как вы отправились в Берхтесгаден вы вернулись из своего мартовского отпуска?

Геринг: Берхтесгаден был в то же время ставкой фюрера. Я вернулся из отпуска в Берхтесгаден, и с возвращением мой отпуск закончился, потому что я приступил к обязанностям. Возвращение в Берхтесгаден означало завершение моего отпуска.

Максвелл-Файф: Что же, я не скажу вам навскидку, когда была пасха, но я помню, что неделя после троицы была 28 мая, так что пасха была ранней, где–то 5 апреля. Таким образом, ваш отпуск заканчивался где–то в конце марта, может быть 26 или 29, правильно, не так ли?

Итак, эти расстрелы этих офицеров проходили с 25 марта по 13 апреля; вам это известно?

Геринг: Точно не знаю.

Максвелл-Файф: Можете мне поверить, потому что есть официальный доклад о расстреле, и я хочу быть совершенно честным с вами. Только 49 из этих офицеров были расстреляны 6 апреля, насколько мы можем быть уверены, и один был расстрелян либо 13 апреля или позднее. Но критическим периодом является конец марта, и мы можем понимать, что вы вернулись из отпуска приблизительно 29 марта.

Я просто хочу, чтобы вы рассказали трибуналу о вопросе большой важности, не так ли? Рассматривался предмет большой важности?

Геринг: Это был очень важный вопрос.

Максвелл-Файф: Генерал Мильх, прошу прощения, фельдмаршал Мильх сказал о том, что это был такой вопрос который требовал высших полномочий, и я думаю вам известно о том, что это было решение Гитлера расстрелять этих офицеров, не так ли?

Геринг: Вопрос не прошёл достаточно чётко.

Максвелл-Файф: Решением Гитлера было расстрелять этих офицеров?

Геринг: Верно, и позднее меня уведомили о распоряжении Гитлера.

Максвелл-Файф: Я лишь хочу, чтобы вы вспомнили ещё одну вещь, что немедленно после публикации об этом, британским секретарь по иностранным делам, господин Иден, сразу же сказал о том, что Великобритания будет требовать правосудия для исполнителей этих убийств, вы помните это?

Геринг: Я не могу вспомнить речь Идена в Палате общин[393]. Я лично не знаю о содержании данной речи до сих пор. Я просто слышал, что он говорил в парламенте об этом инциденте.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы рассказали трибуналу, какие лица в вашем министерстве были вовлечены в это. Я скажу вам, я думаю это ускорит время. Если вы не согласны поправьте меня.

Комендантом шталага авиации III был полковник фон Линдейнер[394] из вашей службы, не так ли?

Геринг: Вполне возможно. Я не знал имен всех этих комендантов. Его отдали под военный трибунал за то, что состоялся побег. Он не был связан с расстрелами.

Максвелл-Файф: Нет, но он был комендантом лагеря, и я предполагаю, что вы должны были пересматривать и утверждать разбирательства Zentralluftwaffengericht[395], который осудил его и приговорил к году заключения за ненадлежащее исполнение обязанностей. Вы знали об этом, не так ли? Вам не поступала эта информация для пересмотра?

Геринг: Нет, только если предусматривались серьезные наказания. Один год лишения свободы не привлек бы мое внимание. Но я знаю и хочу удостоверить, что судебные разбирательства проводились против него за ненадлежащее исполнение обязанностей во время побега.

Максвелл-Файф: В мае 1943 между Люфтваффе и организацией по делам военнопленных ОКВ, Kriegsgefangenenwesen возникла инспекция номер 17, вы помните об этом?

Геринг: Я не помню ни о деталях, об инспекции ни о том насколько тесно она касалась организации по делам военнопленных ОКВ, ни о том как было иначе.

Максвелл-Файф: Я хочу напомнить вам о том, кто был вашими офицерами.

---

[393] Палата общин — наименование одной из палат парламента Соединённого королевства.
[394] Фридрих фон Линдейнер-Вальдау (1880 – 1963) – Полковник Вермахта. В 1942 – 1945 комендант шталага авиации III.
[395] Главного суда Люфтваффе (нем.)

Свидетель, вы понимаете, что ваши офицеры участвовали в этих делах. Я хочу напомнить вам, кто там был. Начальником инспекции 17 был генерал–майор Грош из Люфтваффе?

Геринг: Генерал–майор Грош находился в Люфтваффе.

Максвелл-Файф: Вы недавно сказали трибуналу, я цитирую ваши слова, что вам была известна информация, вы знали об инциденте полностью и поминутно. Теперь вы говорите трибуналу о том, что вам неизвестно, был ли генерал–майор Грош начальником инспекции номер 17 в Люфтваффе.

Геринг: Это не относится к делу. Я сказал высокому трибуналу о том, что я услышал точный отчёт об инциденте с расстрелом этих летчиков, но это не имеет никакого отношения к генералу Грошу и его инспекции, поскольку он не участвовал в расстрелах.

Максвелл-Файф: Я покажу вам эту связь за одну минуту, если вы просто ответите на мои вопросы. Вторым в командовании при Гроше был полковник Вельдер, вы помните это?

Геринг: Я не знаю об особенностях организации инспекции лагерей военнопленных, ни о руководителях, ни об их должностях. По крайней мере, не наизусть, я хочу снова подчеркнуть, для того, чтобы не было недопонимания, что когда я сказал о том, что я знал об этом предмете, я имею в виду, что я знал о том, как был отдан приказ и о том, что людей расстреляли, вот всё о чём я узнал, но не о том, как это относилось к инспекциям, возможностям побега, и т. д.

Максвелл-Файф: И генерал Грош, как глава инспекции 17 докладывал генералу Фёрстеру, вашему начальнику операций в Luftwaffe Ministerium[396].

Геринг: Я не могу этого сказать, не имея таблицы подчиненных мне должностей. Генерал Фёрстер тогда был, как мне кажется, начальником люфтвера, или подобной организации в министерстве. Я лично мало касался таких вопросов, потому что они не являлись непосредственно стратегическими или вопросами вооружений. Но вполне возможно и точно, что он относился к этому ведомству.

Максвелл-Файф: Я спрошу вас довольно коротко, и если вы не знаете, пока оставим этот момент. Вам известно о том, что генерал-майор фон Гравениц являлся главой ведомства подсудимого Кейтеля, Kriegsgefangenenwesen, занимавшегося военнопленными?

Геринг: Я впервые услышал о генерале Гравенице здесь, так как это ведомство меня прямо не касалось. Я не мог знать всех военных командиров в сотнях и тысячах ведомств.

Максвелл-Файф: Как я понимаю, это значит, что вы не знаете полковника, а теперь генерала Вестхофа из ведомства под руководством фон Гравеница?

Геринг: Я вообще никогда не видел Вестхофа, и он никогда не принадлежал к Люфтваффе.

---

[396] Министерстве Люфтваффе (нем.)

Максвелл-Файф: Я не предполагал, что фон Гравениц и Вестхоф принадлежали к Люфтваффе. Я хотел дать понять, что предполагаю их принадлежность к организации генерала Кейтеля.

Геринг: Мне это тоже неизвестно, я не знал какие посты они занимали.

Максвелл-Файф: До этого времени вы всё ещё имели существенное влияние в Рейхе, не так ли?

Геринг: Тогда уже нет. Это уже не касалось 1944.

Максвелл-Файф: Но вы всё ещё являлись главой Люфтваффе и главой министерства авиации?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: И вы как глава Люфтваффе и министерства авиации, имели ответственных за шесть лагерей военнопленных в течение всей войны до этого времени, не так ли?

Геринг: Сколько было лагерей военнопленных, я не знаю. Но конечно я несу за них ответственность, как и за тех кто принадлежал к моему министерству.

Максвелл-Файф: К воздушным силам?

Геринг: Да, за тех, кто подчинялся воздушным силам.

Максвелл-Файф: Вы знали об общем плане обращения с военнопленными, который имеется у нас в доказательствах как план «Aktion Kugel[397]», не так ли?

Геринг: Нет. Я ничего не знал о такой акции. Меня о нём не ставили в известность.

Максвелл-Файф: Вас никогда не уведомляли об «Aktion Kugel»?

Геринг: Я впервые услышал об «Aktion Kugel» здесь, увидел документ и услышал выражение впервые. Более того ни один офицер Люфтваффе никогда не информировал меня о такой вещи; и мне не кажется, чтобы хотя бы одного офицера забрали из лагерей Люфтваффе. В любом случае такие доклады мне не представлялись.

Максвелл-Файф: Вам известно о том в чём заключалась «Aktion Kugel»: сбежавших офицеров и сержантов, кроме британцев и американцев, передавали полиции и забирали в Маутхаузен, где их расстреливали с помощью устройства скрывавшего пистолет в измерительном приборе, когда они думали, что получают тюремную одежду. Вам известно о том, что такое «Aktion Kugel», не так ли?

Геринг: Я услышал об этом здесь.

Максвелл-Файф: Вы говорите трибуналу о том, что вы не знали о случаях сбежавших военнопленных, которых забирала полиция, арестовывала полиция, и забирала в Маутхаузен?

Геринг: Нет, я этого не знал. Напротив, различные пленные, которые бежали из моих лагерей ловились полицией, и они все возвращались в лагеря, это был первый случай в котором этого в некоторой степени не произошло.

[397] «Приказ-пуля» - секретный приказ от 2 марта 1944 о передаче сбежавших военнопленных для дальнейшей казни СД. Применялся ко всем пленным кроме англо-американских.

Максвелл-Файф: Но разве вам неизвестно о том, что полковник Вельдер второй в командовании инспекцией вашего министерства, издал месяцем ранее письменный приказ, в феврале 1944 о том, чтобы военнопленные пойманные Люфтваффе возвращались обратно в лагерь, а военнопленные пойманные полицией передавались ей и больше не считались находившимися под защитой Люфтваффе; разве вам это неизвестно?

Геринг: Нет. Пожалуйста, вызовите этого полковника для дачи показаний, о том делал ли он мне, когда-нибудь доклад такого характера или направлял мне письмо.

Максвелл-Файф: Что же, конечно я не могу сказать насколько хорошо управлялось ваше министерство. Но он определенно издал приказ, потому что он сам так говорит.

Геринг: Тогда он должен сказать, от кого он получил такой приказ.

Максвелл-Файф: Понимаю. Что же, он говорит о том, что он отдал этот приказ, и вам известно также хорошо, как и мне, что военнопленные являются вещью, о которой вы должны заботиться, потому что имелась гарантирующая держава которая расследовала любую жалобу, и вы не денонсировали конвенцию и имели гарантирующую державу в этих вопросах на протяжении всей войны, не так ли? Это верно, не так ли?

Геринг: Это верно, но я хотел бы иметь право спросить его, кто отдал ему такой приказ, получил ли он такой приказ от меня?

Максвелл-Файф: Что же, он не получал его прямо от вас. Я не думаю, что вы, когда-нибудь видели его, не так ли? Он получил его от генерал–лейтенанта Грош, не так ли?

Геринг: Тогда Грош должен сказать получал ли он такой приказ от меня. Я никогда не отдавал такого приказа.

Максвелл-Файф: Понимаю. Таким образом, вы говорите о том, что вы никогда не слышали, это было спустя 3 ½ года после начала войны, и вы никогда не слышали, о том, чтобы бежавших военнопленных передавали полиции. Вы в этом хотите убедить трибунал?

Геринг: Мне кажется, в той мере, если военнопленные совершали какие-нибудь преступления или правонарушения, они конечно передавались полиции. Но я хочу свидетельствовать перед судом о том, что я никогда не отдавал никакого приказа о том, чтобы их передавали полиции или направляли в концентрационные лагери, просто потому что они пытались сбежать, как и не знал о том, что такие меры применяются.

Максвелл-Файф: Это мой последний вопрос: свидетель, я хочу дать понять, что я ссылаюсь на тех, кто бежал, кто убегал далеко от лагеря и был схвачен полицией. Вы не знали о том, что их передавали полиции?

Геринг: Нет. Только если они совершали преступления в ходе побега, такие как убийство и так далее. Такие вещи случались.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 21 марта 1946*]

День восемьдесят седьмой

Четверг, 21 марта 1946

Утреннее заседание

Максвелл-Файф: Свидетель, вы помните, что говорили мне прошлым вечером о том, что только лишь военнопленные совершившие преступления или правонарушения передавались полиции?
Геринг: Я не так выразился. Я сказал, если полиция задерживала военнопленных, тех, кто совершил преступление в ходе побега, насколько я знаю, полиция держала их под арестом и не возвращала в лагерь. В какой степени полиция удерживала военнопленных, не возвращая их в лагерь, я смог узнать из допросов и объяснений здесь.
Максвелл-Файф: Вы посмотрите на документ D–569? Посмотрите сначала на верхний левый угол, который демонстрирует, что документ опубликован Oberkommando der Wehrmacht[398]?
Геринг: Документ, который есть передо мной, имеет в левом верхнем углу: «рейхсфюрер СС», и подзаголовок: «инспектор концентрационных лагерей».
Максвелл-Файф: Документ датирован 22 ноября 1941. У вас он есть?
Геринг: Да, сейчас он у меня.
Максвелл-Файф: Теперь, посмотрите на левый нижний угол, рассылку. Второй человек которому его направили 22 ноября 1941, является министерством авиации и главнокомандующим воздушными силами. Это были вы.
Геринг: Верно. Я хочу сделать следующее заявление в связи с этим…
Максвелл-Файф: Секундочку. Я хочу, чтобы вы оценили документ и затем вы сделаете про него заявление. Я не буду вас прерывать. Я хочу, чтобы вы посмотрели на третье предложение в первом абзаце. Это касается советских военнопленных, вы увидите. В третьем предложении сказано:

> «Согласно данному приказу если сбежавшие советские военнопленные возвращаются в лагерь, они в любом случае должны передаваться на ближайший пост секретной государственной полиции».

И затем абзац второй касается специального условия, если они совершали преступления ввиду того факта, что:

> «…сейчас такие правонарушения со стороны советских

[398] Верховное главнокомандование Вермахта (нем.)

военнопленных особенно частые, в основном в силу условий проживания, которые в некотором роде остаются неурегулированными, следующие временные правила вступают в силу. Они могут быть изменены позднее. Если советский военнопленный совершает какое–либо наказуемое правонарушение комендант лагеря должен передать виновника начальнику полиции безопасности».

Я понимаю этот документ как говорящий о том, что человека который сбежал передавался полиции безопасности? Вы понимаете, этот документ говорит о передаче секретной полиции человека, который сбежал, человек который совершил преступление, как вы указали, передавался полиции безопасности. Не являлось ли условие возникшее в1941 действующим до той даты которую мы рассматриваем в марте 1944?

Геринг: Я хочу прочесть несколько предыдущих абзацев для того, чтобы предложения не отделялись от контекста.

Максвелл-Файф: Милорд, пока свидетель читает документ, могу я рассказать о техническом моменте подготовленных экземпляров? Когда я проводил перекрестный допрос фельдмаршала Кессельринга я представил три документа, UK–66, который становится экземпляром GB–274; D–39, который станет GB–275; EC–91, который станет GB–276; таким образом, этот документ станет GB-277.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, у вас была возможность прочесть его?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Значит я прав или нет в том, что бежавшие советские военнопленные после возвращения в лагерь должны были передаваться секретной государственной полиции. Если они совершали преступление, они передавались полиции безопасности, правильно?

Геринг: Не совсем верно. Я хочу отметить третье предложение в первом абзаце. Там сказано: «Если военнопленный пойман в окрестностях, тогда пойманный доставляется туда».

Максвелл-Файф: Но прочитайте следующее предложение: «Если советский военнопленный возвращен в лагерь» - то есть в соответствии с приказом, который вы уже прочитали – «он должен быть передан на ближайший участок секретной государственной полиции». Это ваше же предложение.

Геринг: Да, но второй абзац, который следом дает пояснения о частых преступных действиях советских военнопленных, и т. д., совершенных тогда. Вы сами это прочли; то есть также связано с абзацем номер 1. Но данный приказ был разослан для армии, воздушных сил и флота. И я хочу пояснить об этой рассылке. В этой войне были не только сотни, а тысячи текущих приказов которые принимались начальниками для подчиненных офицеров и передавались в различные ведомства.

Это не означает, что эти тысячи приказов представлялись главнокомандующему, только наиболее решающие и наиболее значимые представлялись ему. Остальные шли из отдела в отдел. Таким образом, данный приказ начальника высшего командования был подписан подчиненным управлением, но не лично начальником высшего командования.

Максвелл-Файф: Этот приказ касался вашего отдела по делам военнопленных в вашем министерстве, не так ли?

Геринг: Этот отдел, согласно установленному порядку получил приказ, но никакой другой отдел не получил.

Максвелл-Файф: Я думаю, ответом на мой вопрос должно быть «да». Он касался отдела военнопленных – вашего министерства. Так?

Геринг: Я скажу, да.

Максвелл-Файф: Так быстрее, понимаете, если вы говорите «да» в начале, вы понимаете?

Геринг: Нет, это зависит от того, читал ли я приказ лично или нет, и тогда я определяюсь со своей ответственностью.

Максвелл-Файф: А теперь, побег…

Председатель: Вас не спрашивали об ответственности, вас спросили о том, касалось ли это вашего отдела по делам военнопленных.

Максвелл-Файф: Итак, побег, о котором я спросил вас, состоялся в ночь с 24 на 25 марта. Я хочу, чтобы вы запомнили эту дату. Решение убить этих молодых офицеров, должно было быть принято очень быстро, потому что первое убийство на самом деле состоялось 26 марта. Вы согласны с этим? Это должно было быть быстрое решение?

Геринг: Я полагаю, что этот приказ, как мне сообщили позднее, был отдан немедленно, но не в связи с данным документом.

Максвелл-Файф: Нет, нет, мы уже закончили с тем документом, мы разбираем убийство этих молодых людей. «Grossfahndung» – я думаю, общая тревога, в британском переводе – также предусматривал приказ об аресте этих человек, не так ли?

Геринг: Верно. Всякий раз, когда был побег и бежало такое большое количество пленных, во всём Рейхе автоматически вводился план общей тревоги, то есть, все власти обязаны были искать сбежавших пленных.

Максвелл-Файф: Таким образом, для того, чтобы отдать приказ об убийстве этих людей и для Grossfahndung, должно было состояться совещание у Гитлера, во всяком случае с Гиммлером или Кальтенбруннером, для того, чтобы применить данный приказ, не так ли?

Геринг: Верно. Согласно тому, что я слышал, Гиммлер был первым, кто сообщил фюреру о побеге.

Максвелл-Файф: Итак, генерал Вестхоф, который находился у подсудимого

Кейтеля в Kriegsgefangenenwesen, в его учреждении по военнопленным говорит о том, что:

> «Числа, думаю 26, Кейтель сказал ему: «Этим утром Геринг упрекал меня в присутствии Гиммлера за то, что мы допустили еще один побег пленных. Это неслыханно».

Максвелл-Файф: Вы говорите, что генерал Вестхоф ошибается?

Геринг: Да. Это не соответствует фактам. Генерал Вестхоф ссылается на заявление фельдмаршала Кейтеля. Это высказывание само по себе нелогично, так как я не мог обвинять Кейтеля, потому что он не привлекал мое внимание к данному вопросу, так как охрана являлась его ответственностью, а не моей.

Максвелл-Файф: Одним из офицеров подсудимого Кейтеля занимавшихся этим вопросом был генеральный инспектор, генерал Роттич. Я не знаю, знали ли вы его.

Геринг: Нет.

Максвелл-Файф: Что же, генерал Вестхоф, как можно понять, стремится заверить каждого в том, что его начальник не имел к этому никакого отношения, и он продолжает говорить о генерале Роттиче:

> «Он был полностью исключён из этого ввиду того, что эти вопросы забрали из его рук. Видимо на том утреннем совещании с фюрером, то есть, совещании между Гиммлером, фельдмаршалом Кейтелем и Герингом которое состоялось в присутствии фюрера, фюрер лично взял в свои руки вопрос о сбежавших офицерах».
>
> Вы скажете, что это неправильно? Вас не было на таком совещании?

Геринг: Я не присутствовал на данном совещании, как и генерал Вестхоф, он приводит чисто субъективный взгляд, но не факты.

Максвелл-Файф: Таким образом, мы выясняем, что, вы думаете, о том, что Вестхоф ошибается? Понимаете, Вестхоф, я думаю тогда он был полковником, а закончил генерал–майором, и он просит о том, чтобы спросили старших офицеров, он говорит так: «Должно быть возможно установить, что Гиммлер предложил это фюреру узнав это у Геринга, который присутствовал на совещании». Снова и снова Вестхоф, который в конце концов является сравнительно младшим офицером, говорит о том, что правду об этом вопросе можно узнать у его начальников. А вы говорите, что нельзя.

Геринг: Я так не говорю. Я только хочу сказать о том, что генерал Вестхоф никогда ни минуту не присутствовал, поэтому он не может говорить: «Я знаю или видел что присутствовал рейхсмаршал Геринг». Он полагает, что это так, или может слышал об этом.

Максвелл-Файф: Он говорит о том, как вам известно, что Кейтель винил его, как я вам прочитал, что Кейтель продолжил говорить ему при генерале фон Гравенице: «Господа, побеги следует прекратить. Мы должны показать пример. Мы должны предпринять очень жесткие меры. Я только скажу вам о том, что сбежавшие люди

будут расстреляны, наверное, большая их часть уже мертва». Вы никогда ничего не слышали об этом?

Геринг: Я также не присутствовал при беседе Кейтеля – Вестхофа – Гравеница, ни при беседе фюрера – Гиммлера. Насколько мне известно, генерал Вестхоф будет давать здесь показания. Более того, фельдмаршал Кейтель также может сказать находился я там или нет.

Максвелл-Файф: Что же, тогда я обязан предъявить это вам. Я перехожу к вашему собственному министерству. Я полагаю, в целом вы принимаете ответственность за действия офицеров вашего министерства из рядов полевого офицера и выше – полковников и генерал–майоров, и генерал–лейтенантов?

Геринг: Если они действовали согласно моим директивам и моим указаниям, да, если они действовали вопреки моим директивам и указаниям, то нет.

Максвелл-Файф: А теперь, давайте посмотрим, на то что происходило в вашем министерстве. Вам известно о том, что полковник Вальде провёл в лагере личное расследование по этому поводу. Вам это известно?

Геринг: Подробности его расследования, как я пояснял вчера, мне неизвестны, я знаю, только о том, что расследование было.

Максвелл-Файф: Итак, 27 марта, это был понедельник, вы знали о том, что в Берлине было совещание по данному вопросу? Прежде чем вы подумаете, позвольте сказать вам, кто там был, для того, чтобы вы знали. Ваше министерство представлял полковник Вальде, потому что генерал–лейтенант Грош находился на другом совещании поэтому он послал заместителя, организацию подсудимого Кейтеля представлял полковник фон Реурмон[399], Гестапо представлял группенфюрер Мюллер, Крипо[400] представлял группенфюрер Нёбе[401]. Итак, все эти офицеры конечно не находились на политическом уровне, но они являлись высокопоставленными офицерами-исполнителями, которые должны были заниматься конкретными фактами, не так ли?

Геринг: Они не являлись руководящими офицерами-исполнителями, постольку поскольку не было чётко установлено, что исполнительные полномочия находятся в компетенции офицера. По первому вопросу, о том знал ли я об этой встрече, я скажу нет. Полковника Вальде я даже лично не знаю.

Максвелл-Файф: Этим вы имеете в виду, вы говорите трибуналу, что вам никогда не рассказывали об этой встрече?

Геринг: Да, я так говорю.

Максвелл-Файф: Я лишь хочу, чтобы вы взглянули, дайте ему заявление Вальде, я

---

399 Альфред фон Реурмон (1898 – 1984) – Полковник Вермахта. В 1943-1945 начальник отдела в составе общего управления ОКВ.

400 Крипо — уголовная полиция Германии, структурное подразделение, V отдел Главного управления безопасности Рейха (РСХА).

401 Артур Нёбе (1894 — 1945) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции и рейхскриминальдиректор, начальник уголовной полиции Рейха. Казнен за участие в заговоре против Гитлера.

хочу, чтобы вы взглянули на заявление одного из офицеров вашего министерства. Это заявление сделано полковником Эрнстом Вальде, и я прошу прощения, у меня нет еще одной немецкой копии, но я получу её как положено, и в моей копии свидетель, внизу второй страницы, начало абзаца на который я прошу вас взглянуть: «Захваченные пленные не должны возвращаться в свой лагерь, согласно приказу изданному несколько недель назад…» - вы нашли это?

Геринг: Где это?

Максвелл-Файф: Что же, в английской версии в середине второй страницы, и я хочу спросить вас о – середина абзаца, я не знаю, видите ли вы имя, на моей копии оно указано, майор, доктор Хюнемордер, вы видите это?

Геринг: Да, я нашёл это.

Максвелл-Файф: Что же, это фраза после имени майора, доктора Хюнемордера: «В этот понедельник» - вы нашли это?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Спасибо.

> «В этот понедельник состоялось совещание в главном управлении безопасности Рейха в Берлине, Альбрехтштрассе. Насколько я помню, это совещание созвал начальник организации по делам военнопленных ОКВ, и я присутствовал в качестве представителя инспекции Люфтваффе 17 поскольку генерал Грош не мог присутствовать лично по причинам которые я не помню; начальника организации по делам военнопленных, насколько я знаю, представлял полковник фон Реурмон, в то же время ведомство безопасности представляли группенфюрер Мюллер и группенфюрер Нёбе тогдашний начальник криминальной полиции. Мне невозможно дословно дать отчёт о беседе, или рассказать о том, что говорил каждый человек. Но я хорошо помню: что нас проинформировали о совещании, которое состоялось в предыдущий день, то есть воскресенье в ставке фюрера в связи с массовым побегом из Сагана ходе которого состоялась жаркая дискуссия между участниками. В этой связи назывались Гиммлер, Геринг и Кейтель. Называлось ли имя Риббентропа, я не помню. Фюрер не упоминался. Как было сказано, на этом совещании обсуждались или принимались, соответствующие меры для того, чтобы пресечь массовые побеги в будущем. Характер таких мер не раскрывался. Позднее, или более или менее в завершении, группенфюрер Мюллер объявил о том, что уже отданы приказы действующие с предыдущего утра. Относительно розыска сбежавших пленных, он не смог или не сделал никакого заявления, он просто объявил о том, что согласно полученным докладам, при попытке к бегству произошли расстрелы. Я думаю, он сказал, что

число было 10 или 15.

После этих замечаний группенфюрера Мюллера, которые безошибочно произвели потрясающий эффект стало ясно, что решение об этом принято высшим руководством и, что поэтому любое вмешательство подчиненных отделов невозможно и бессмысленно».

Итак, на встрече людей, которых можно назвать исполнителями объявили, о том, что расстрелы уже начались. Вы говорите трибуналу, что этот вопрос довели до этих исполнителей, включая одного из ваших офицеров, и об этом вам никогда не говорили? Вы все еще так говорите?

Геринг: Я все еще так говорю. Во–первых о том, что я никогда не слышал о таком совещании. Во–вторых о том, что этот офицер высказывает догадку, когда называет имена, он не утверждает. И, в-третьих, я хочу попросить вас заметить начало этого заявления, которое начинается следующим образом:

«По вопросу массового побега офицеров британских воздушных сил из лагеря военнопленных номер III под Саганом, 24 или 25 марта 1944, я могу сделать следующее заявление:

Я должен заметить, что в виду отсутствия каких–либо документов, я полностью вынужден восстанавливать по памяти события, которые случились 1 год и 9 месяцев назад, поэтому я прошу принять во внимание данный факт и возможность того, что я могу допустить ошибку в данном вопросе и здесь делаются допущения».

Максвелл-Файф: Это совершенно честно, и ответ на это заключается в том, что я покажу вам, то, что сообщил этот офицер своему генералу.

Передайте свидетелю заявление генерала Гроша.

[*Документ передан свидетелю*] Мы поднимаемся достаточно высоко. Этот офицер, генерал Грош, подписал это как генерал–лейтенант. Итак, вы хотите, если можете, снова мне помочь, вы очень помогли в последний раз, попытаться найти это место? Это заявление генерал–лейтенанта Гроша.

Геринг: Я прошу разрешить сначала прочитать данный документ, чтобы понять есть ли здесь похожие изменения.

Максвелл-Файф: Вы прочтете первое предложение? Я не хочу тратить время, зачитывая отчёт об общем вопросе. Там сказано: «Во время моего допроса 7 декабря 1945, мне сказали написать обо всём, что я знал про случай в Сагане». И затем он описал это. Но я хочу, чтобы вы взглянули на номер 1, первая страница. Вы видите внизу страницы отчёт о пирамиде организации вашего министерства. Вы видите это внизу на странице 17?

[*Ответа не последовало*]

Максвелл-Файф: Свидетель, вы видите внизу страницы 1 пирамиду?

Геринг: Сейчас я вижу её здесь.

Максвелл-Файф: Речь идёт примерно о чётвёртом абзаце.

Геринг: Я вижу, но я сначала хочу прочитать остальное.

Максвелл-Файф: Затем, если вы посмотрите на четыре небольших абзаца, там начинается «Несколько дней спустя после побега, я уже не могу вспомнить дату, полковник Вальде сообщил мне о том, что ОКВ созвало совещание в Берлине».

Вы видите это?

Я не думаю, что вы быстро просмотрите его, но вы можете понять, что первые две страницы это то о чём я сказал, пирамида вашего министерства.

Геринг: Да, я нашел это. Какой абзац, пожалуйста?

Максвелл-Файф: Это часть C, четвертый абзац, дело Сагана. «Несколько дней спустя после побега…». Вы нашли это?

Геринг: Да, я нашел.

Максвелл-Файф: Спасибо.

> «Несколько дней спустя после дня побега, я уже не могу вспомнить точную дату, полковник Вальде сообщил мне о том, что ОКВ созвало совещание в Берлине, мне кажется, по запросу высших властей СС и полиции, и о том, что инспекция номер 17 должна направить представителей. Я хотел бы поехать лично, но должен был присутствовать на другом совещании в Берлине, и попросил присутствовать полковника Вальде в качестве представителя. После своего возвращения полковник Вальде сообщил мне о том, что выступавший от ОКВ проинформировал их о решении фюрера о том, чтобы при захвате сбежавших британских летчиков не передавали Люфтваффе, а должны были расстреливать».

Затем пропустим абзац и возьмём следующую строчку следующего абзаца:

> «Однако несомненно то, что опасность того, что они будут застрелены, уже тогда была четко уловима. Я спросил полковника Вальде, будет ли о таком далеко идущем решении письменно уведомлено высшее командование Люфтваффе или рейхсминистерство авиации или они ничего не получат в письменном виде. Полковник Вальде дал мне понять, что выступавший от ОКВ сказал собранию о том, что они ничего не получат в письменном виде, как и не будет никакой переписки в связи с данным вопросом. Круг тех, кто знал об этом должен был быть как можно уже. Я спросил полковника Вальде, сказал ли выступавший от ОКВ, что-нибудь о том, что рейхсмаршал или высшее командование Люфтваффе проинформированы по данному вопросу. Полковник Вальде заверил меня в том, что выступавший от ОКВ сказал ему о том, что рейхсмаршал проинформирован».

Я сейчас не спрашиваю вас об этом. Я хочу, чтобы вы посмотрели на то, что сделал ваш генерал. Там сказано:

«До момента доклада полковника Вальде я нигде не получал никаких даже намеков на то, чтобы с бежавшими военнопленными обращались как-нибудь иначе чем согласно нормам Женевской конвенции.

В тот же вечер я позвонил своему начальнику, начальнику воздушной обороны, попросив время для беседы с генералом der Flieger[402] Фёрстером. Её назначили на следующее утро.

Когда я прибыл для доклада, я обнаружил генерала Фёрстера со своим начальником штаба. Я спросил у генерала Фёрстера разрешения поговорить с ним наедине и представил ему факты. В заключение, я выразил мнение о том, что если британских летчиков должны расстреливать: а) это будет нарушением Женевской конвенции, б) можно было ожидать угрозу репрессалий находящимся в плену у британцев немецким летчикам. Я попросил генерала Фёрстера донести вопрос до сведения рейхсмаршала даже если было поздно, и отметить эти два положения.

Генерал Фёрстер немедленно приготовился сделать это. Когда ему представился способ довести это до сведения рейхсмаршала, было решено доложить об этом государственному секретарю, фельдмаршалу Мильху.

В моем присутствии генерал Фёрстер позвонил в ведомство государственного секретаря и сразу же добился беседы. Генерал Фёрстер покинул комнату и при этом он посоветовал мне дождаться его возвращения в свой кабинет. Спустя некоторое время генерал Фёрстер вернулся и сказал мне о том, что он сообщил о вопросе государственному секретарю и о том, что фельдмаршал Мильх сделал необходимые записи».

Посмотрите на последний абзац:

«Я отдал полковнику Вальде приказ, несмотря на запрет ОКВ, подготовить подробное письменное заявление о совещании. Насколько я знаю, это было сделано».

Штамер: Представитель Штамер от имени подсудимого Геринга.

Здесь нам предъявили серию письменных показаний данных свидетелями, которые находятся в Нюрнберге, и которые, по моему мнению, могут быть лично доставлены в качестве свидетелей. В виду значимости вопроса не только для Геринга, но и для других подсудимых, я возражаю против данной процедуры, полагая, что одинаковые правила применяются для основного допроса и для перекрестного допроса. Под этим я подразумеваю, что нас не могут удовлетворить

[402] «Авиации» (нем.)

письменные показания и зависимость от письменных показаний, если обвинение может без труда вызвать свидетеля для дачи показаний перед трибуналом, для того, чтобы защита могла провести перекрестный допрос этих свидетелей.

Председатель: Доктор Штамер, то о чём вы говорите совершенно неточно. Правила относительно перекрестного допроса не являются такими же, как правила основного допроса, и то, что происходит в настоящий момент это то, что проводится перекрестный допрос подсудимого Геринга на его достоверность. Он сказал о том, что ничего не знал об этом предмете и его перекрёстно допрашивают, чтобы доказать, что он лжёт говоря это.

Штамер: Господин председатель, по моему мнению, процедура должна предусматривать личный вызов свидетеля. Остаётся фактом, что по нашей оценке, обращение к письменным показаниям менее желательное средство, чем личные показания свидетеля, что обеспечивает защите возможность привести доказательства.

Председатель: Доктор Штамер, как я уже указывал вам, вы полностью ошибочно думаете, что правила перекрестного допроса такие же как и правила основного. Свидетель в настоящий момент проходит перекрестный допрос на свою достоверность, то есть, чтобы доказать говорит ли он правду или нет.

Что касается вызова свидетеля, я думаю его имя Грош, вы можете ходатайствовать о его вызове если захотите. Это совершенно другой вопрос.

Штамер: Да. Я совершенно понял, господин председатель, но я должен иметь возможность вызвать людей, которые указаны в этих письменных показаниях, если я сочту это необходимым.

Председатель: Что же, вы можете ходатайствовать об этом.

Максвелл-Файф: [*Обращаясь к свидетелю*] Вы понимаете, что я предлагаю вам, что данный вопрос был известен не только ОКВ, не только известен Гестапо и Крипо, но также был известен вашему начальнику операций генералу Фёрстеру, который сказал генералу Грошу о том, что он проинформировал фельдмаршала Мильха. Я предлагаю вам, что это абсолютно невозможно и неправда, что в таких обстоятельствах вы ничего об этом не знали.

Геринг: Я сначала хочу установить совершенно другой момент. Немецкий перевод относительно первого возражения доктора Штамера, прошёл так:

Максвелл-Файф: Трибунал не хочет обсуждать с вами правовые возражения.

Председатель: Пожалуйста, ответьте на заданный вам вопрос? Вам уже говорили о том, что вы должны отвечать на вопросы прямо и затем можете делать пояснения, сокращая их.

Максвелл-Файф: Вы все еще говорите, в виду этого доказательства, в виду этих заявлений офицеров из вашего министерства, что вы ничего об этом не знали?

Геринг: Именно эти заявления подтверждают это, и я хочу сделать небольшое пояснение. Вы установили дату. Вы сказали это было 27–го. Но в данном заявлении

Гроша эта дата не установлена. Сказано: «Несколько дней спустя после побега, я не вспоминаю дату, полковник Вальде сообщил мне».

Во–вторых, здесь сказано о том, что генерал Фёрстер, который не был начальником моего оперативного отдела, а начальником другого отдела министерства, говорил об этом вопросе государственному секретарю, фельдмаршалу Мильху не ссылаясь на дату. Генерал–фельдмаршал Мильх был здесь в качестве свидетеля, но, к сожалению, его ни разу не спросили о том, передавал ли он мне этот доклад, в какое время, и напрямую ли мне.

Максвелл-Файф: О, да и генерал–фельдмаршал Мильх занимает ведет такую же самую линию, что и вы о том, что он ничего не знал, о том, что Фёрстер никогда не говорил ему об этом. Его спрашивал мой друг господин Робертс: «Говорил ли вам об этом генерал Фёрстер?»

Что я предполагаю, заключается в том, что вы оба, вы и фельдмаршал Мильх говоря о том, что ничего не знали об этом, при том, что вы знали, оставляете ответственность на плечах своих младших офицеров. Вот в чём заключается то, что я предполагаю, и я хочу, чтобы вы это понимали.

Геринг: Нет, я не желаю перекладывать ответственность на плечи своих подчиненных, и хочу прояснить, что единственная вещь важная для меня заключается в том, что фельдмаршал Мильх не сказал о том, что докладывал мне данный вопрос. И, во-вторых, что дата, когда Фёрстер рассказал об этом Мильху, не установлена. Совершенно возможно, что в то число, когда это действительно происходило, начальник генерального штаба Люфтваффе уже мог переговорить со мной об этом. Важный фактор заключается, и я на этом настаиваю, в том, что я не присутствовал в тот момент, когда фюрер дал команду. Когда я услышал об этом, я решительно возражал против этого. Но тогда, когда я услышал об этом, было слишком поздно. О том, что нескольких расстреляли позднее, тогда ещё не было известно, как и о точном времени событий. Большинство из них уже были расстреляны.

В-третьих, те, кто сбежал и был схвачен в окрестностях лагеря нашей охраной, вернулись в лагерь и не передавались. Те пленные, которых схватила полиция и Grossfahndung и вернули в лагерь до того, как фюрер отдал приказ, также не расстреляли.

Максвелл-Файф: Вам известно, что согласно Вилену, который собирается дать показания, отбор офицеров для расстрела, список офицеров подлежавших расстрелу, список был подготовлен лагерными властями по запросу пятого управления, то есть управления Крипо РСХА, в котором особо отмечались такие офицеры которые считались неудобными элементами, заговорщики и руководители побега. Имена были отобраны либо комендантом или одним из этих офицеров. В дальнейшем, расстрел офицеров указанных поименно был приказан четвёртым управлением РСХА и соответствующими инструкциями направленными

Staatspolizei[403].

Вы говорите трибуналу, что вы не знали о том, что ваши офицеры отбирали людей для расстрела на основании того, что они являлись заговорщиками и руководителями побега? Разве на любой службе в мире, попытка к побегу не является долгом офицера, не так ли, если он является военнопленным? Это не так?

Геринг: Это верно, и я подчёркивал это. На ваш первый вопрос, я хочу, чтобы в протокол занесли очень отчетливо, что мы имеем дело с высказываниями человека, который будет давать показания в качестве свидетеля. Что касается того действительно ли он просил о списке и видел список, его высказывание нелогично. Не было никакого отбора для расстрела. Те, кого схватила полиция были расстреляны без исключения, и те кого не вернули в лагерь. Никаких офицеров не отбирали как представлявших элементы беспорядка, но тех, кто вернулся в лагерь, не расстреляли. Те, кто был схвачен полицией за пределами лагеря был расстрелян по приказу фюрера без исключения. Следовательно, высказывание совершенно нелогичное, и не соответствует фактам.

Мне ничего неизвестно о том, чтобы такой список просили, как и о том, что такое пожелание выполнили. Я лично, постоянно указывал фюреру на то, что это обязанность офицера бежать и о том, что вернувшись после войны, они отчитывались бы о таких попытках, которые, насколько я помню, должны были повториться три раза согласно английским правилам.

Максвелл-Файф: Вы помните о том, что правительство Германии направило официальную ноту по данному вопросу, сказав о том, что они были застрелены при сопротивлении аресту, пытаясь бежать? Вы помните это?

Геринг: Я впервые услышал о том, что была нота, когда на неё дали ответ. Я не принимал никакого участия в подготовке ноты. Я знаю о ее содержании только из ответа, так как получилось, что я был здесь, когда пришёл ответ.

Максвелл-Файф: Я не указываю в данный момент на то, что каждый теперь признаёт, что нота являлась полной ложью. Я указываю на серьезность вопроса. Вам известно, что генерал Вестхоф сказал в своем заявлении: «Затем, когда мы прочли ноту Англии в газетах, мы были ошеломлены. Все мы схватились за голову, обезумев». Согласно господину Вилену, который будет здесь, это было обычным делом, чтобы генерал Нёбе из Крипо до самой ночи не ложился спать, а проводил ночь в своем кабинете. Вы не согласны, не так ли, свидетель, с тем, что это был серьезный и трудный вопрос? Все офицеры, которым пришлось им заниматься, считали его серьезным и трудным, не так ли?

Геринг: Не только эти офицеры считали данный вопрос серьезным и трудным, но и лично я считал это наиболее серьезным инцидентом за всю войну и выражался однозначно и четко на этот счет и позднее, когда я узнал о содержании ноты, я узнал, что нота не соответствовала правде. Я выразил свое возмущение постольку

[403] «Государственной полицией» (нем.)

поскольку я незамедлительно сказал своему генерал–квартирмейстеру направить в ОКВ письмо о том, что мы хотим отказаться от лагерей военнопленных, потому что, в таких обстоятельствах мы больше не хотели иметь к ним никакого отношения.

Максвелл-Файф: И согласно вашим показаниям по основному допросу, вы обратились к Гиммлеру, спросив его, получил ли он приказ, и затем вы сказали:

> «Я сказал ему о том какое волнение возникнет в моем ведомстве, потому что мы не сможем понять такие меры, и если он получил такие приказы, он мог бы проинформировать меня, до того как исполнил их, чтобы у меня была возможность их предотвратить, если возможно» - и затем вам сказали о том, что вы: «переговорили с фюрером и он подтвердил то, что он отдал приказ и рассказал мне почему».

Вы, согласно этому свидетельству, по вашему мнению, ещё имели достаточное влияние в Германии, чтобы даже остановить Гиммлера от принятия таких приказов, извиняюсь, я сказал «принятия», исполнения таких приказов.

Геринг: Вы придаете моему заявлению совершенно неправильный смысл. Я прямо сказал Гиммлеру о том, что его долгом было позвонить мне по телефону, перед тем как исполнять это дело для того, чтобы дать мне возможность, даже в тот период снизившегося влияния, заставить фюрера отказаться от исполнения данного распоряжения. Я не подразумеваю сказать, что я бы полностью смог этого добиться, но самой собой, что я, как начальник Люфтваффе, должен был дать понять Гиммлеру, что его долгом прежде всего было позвонить мне, потому что меня больше всего касался этот вопрос. Я очень четко говорил фюреру о том, что я чувствовал, и я понял из его ответов, что даже если бы я знал об этом заранее, я не смог бы предотвратить данное распоряжение, и не следует забывать, что речь шла о двух разных методах. Не Люфтваффе отдали приказ о том, чтобы эти люди были расстреляны подчиненными Люфтваффе, а полиции. Если бы фюрер сказал мне: «Я настаиваю на этом распоряжении которое я дал полиции», - я бы не мог приказать полиции не исполнять приказ фюрера. Только если бы это распоряжение должно было исполняться моими людьми то мне бы, наверное, было возможно обойти его, и я хочу это особо подчеркнуть.

Максвелл-Файф: Что же, может быть вашей точкой зрения было то, что у фюрера ничего добиться, но я предлагаю вам, что когда все эти офицеры, которых я назвал, знали об этом, вы знали об этом, и что вы ничего не сделали для того, чтобы предотвратить расстрел этих людей, но стали соучастником подлых убийств.

Председатель: Сэр Дэвид, вы закончили с этим?

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Вы приобщаете в качестве доказательств эти два документа?

Максвелл-Файф: Я приобщаю их. Я предъявил их свидетелю. D-731 будет GB-278, и D-730 будет GB-279.

Председатель: А вам не следует сослаться, наверное, на второй абзац в 731?

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Видимо он показывает, что в ранние часы 25 марта вопрос был доложен адъютанту рейхсмаршала, второй абзац начинается с «побега».

Максвелл-Файф: Да.

> «Побег приблизительно 30-40 пленных, точное число будет установлено при построении, по телефону доведён инспекции из лагеря Саган в ранние часы 25 марта, утро субботы и этим ведомством передан высшим властям, которые должны быть проинформированы о случаях массовых побегов. Это были: 1) адъютант рейхсмаршала 2)ОКВ, для руководителей по военнопленным 3) генеральный инспектор по делам военнопленных, и 4) директор операций министерства авиации».

Я крайне обязан. Вы должны помнить, что свидетель не признал вчерашним вечером того, что новости о побеге были направлены его адъютанту.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Я вам крайне обязан.

Геринг: Каждый раз сообщение о побеге доставлялось относительно быстро. Я хочу выразить свой взгляд на ваше заявление, сделанное ранее, это касается утверждений, сделанных вами, но я все еще утверждаю, что я не слышал об этом инциденте до того, как он случился.

Максвелл-Файф: Я уже задал свои вопросы об инциденте. Я перехожу к другому пункту. Я хочу задать вам два или три вопроса о показаниях, которые вы дали два дня назад, относительно показаний вашего свидетеля господина Далеруса, который совершил свой первый визит в Лондон 25 августа 1939, после беседы и телефонной беседы с вами 24-го. Я просто хочу уточнить дату, потому что иногда сложно вспомнить, что это за даты. Тогда, вы стремились к тому, что он должен убедить британское правительство организовать встречу уполномоченных, которые займутся вопросами Данцига и коридора. Правильно?

Геринг: Верно.

Максвелл-Файф: Вы прекрасно знали, не так ли, что касалось фюрера, Данциг и коридор не являлись настоящим предметом, которыми был занят его ум. Позвольте напомнить вам то, что он сказал 23 мая:

> «Данциг вообще не является предметом обсуждений, это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке, обеспечения безопасности наших продовольственных поставок и урегулирования балтийской проблемы».
>
> Вы знали об этом, не так ли?

Геринг: Я знал о том, что он тогда говорил такие вещи, но я уже неоднократно отмечал, что такие дискуссии следует рассматривать в совокупности со всей политической ситуацией. В момент тех переговоров с Англией, мы рассматривали

только Данциг и коридор.

Максвелл-Файф: Что же, вы говорите это, несмотря на то, что Гитлер сказал 23 мая, что Гитлер был озабочен только Данцигом и коридором? Вы это серьезно говорите?

Геринг: Я утверждаю со всей серьезностью, что в той ситуации какой она тогда была, так и обстояло дело. В противном случае было бы невозможно понять любое из действий Гитлера. Вы можете просто посмотреть на его книгу «Mein Kampf» в качестве основы для объяснения всех его действий.

Максвелл-Файф: Меня сейчас интересует последняя неделя августа. Я хочу, чтобы вы вспомнили два положения, о которых вы говорили касаясь Далеруса, утром 25–го. Вы помните, что у вас состоялся телефонный разговор с ним в 11:30 24-го? 25-го, вы являлись достаточно доверенным лицом Гитлера, чтобы знать о том, что он собирается предложить вербальную ноту сэру Невилу Гендерсону британскому послу, 25–го? Вы знали об этом?

Геринг: Да, конечно.

Максвелл-Файф: Тогда, когда вы посылали Далеруса и вербальная нота была передана британскому послу, подготовка и приказ заключались в том, что вы собираетесь напасть на Польшу утром 26-го, не так ли?

Геринг: Кажется, есть неполадки на линии.

Председатель: Я думаю, есть некоторые механические неполадки. Вероятно, нам следует прерваться на несколько минут.

[*Объявлен перерыв*]

Максвелл-Файф: Свидетель, вы сказали мне о том, что организация нападения на Польшу утром 26-го, была изменена вечером 25-го. Прежде чем я перейду к этому, я задам об этом один или два вопроса.

Геринг: Нет, я не говорил этого.

Максвелл-Файф: Минуточку. Извиняюсь, но это то, что я понял из сказанного вами.

Геринг: Нет. Я прямо сказал о том, что уже 25-го, атака на утро 26-го была отменена. Технически и по-военному невозможно отменить крупномасштабную атаку целой армии вечером перед атакой. Кратчайшее время, которое требовалось для этого от 24 до 48 часов.

Я прямо указал на то, что 25-го ситуация была ясной.

Максвелл-Файф: В это время вы попросили Далеруса поехать в Англию 24-го. Тогда как план предусматривал атаку 26-го. Не являлось вашей целью при направлении Далеруса вынудить британское правительство обсудить свой следующий ход, когда состоится нападение для того, чтобы затруднить это для британского правительства?

Геринг: Нет, и я хочу это подчеркнуть, и, наверное, у меня должны быть документы о дате, что когда я послал Далеруса, и когда сэру Невиллу вручили ноту от имени фюрера, нападение 26-го было отменено и отложено.

Максвелл-Файф: Позвольте мне напомнить о том, что вы сами сказали о 29 августа:

> «В день, когда Англия дала свою официальную гарантию Польше, это было 5:30 25 августа, фюрер позвонил мне по телефону и сказал мне о том, что он остановил планируемую атаку на Польшу. Я спросил его о том временно или навсегда. Он сказал: «Нет, я должен понять сможем ли мы устранить британское вмешательство». Я спросил его: «Вы думаете, это определится за 4 или 5 дней?».
>
> Верно ли это?

Геринг: Так я сказал, но я не говорил, что это случилось 25-го, а когда фюреру стало ясно, что гарантия будет дана. Я снова это подчёркиваю…

Максвелл-Файф: Это было так, как я вам процитировал. Когда была дана официальная гарантия, договор был подписан в 5:30 вечера 25-го августа. Я представил вам, ваши собственные слова. После этого фюрер позвонил вам и сказал, что вторжение отменяется. Вы хотите отозвать своё заявление о том, что это было после официальной гарантии данной Польше?

Геринг: Я подчёркиваю ещё раз, после того как мы узнали, что будет дана гарантия. Вам тоже должно быть понятно, что если подписание состоялось в 5:30 вечера 25-го, фюрер мог узнать об этом немного позже. Лишь тогда фюрер созвал бы совещание и в таком случае атака 26-го, могла быть отменена в ночь с 25-го на 26–е. Каждый военный эксперт должен знать, что это абсолютно невозможно. Я имел в виду в своем заявлении: «…когда фюреру было ясно, что гарантия будет дана».

Я подчеркиваю еще раз, что я не видел данного протокола и не давал присягу.

Максвелл-Файф: Я признаю, что об этом мне ничего не известно. Я не знаю, находились ли вы в доверии у Гитлера в то время. Но не являлось фактом, то, что господин Аттолико прибыл 25-го и сказал Гитлеру о том, что итальянские армия и воздушные силы не готовы к кампании? Вам так сказали?

Геринг: Да конечно, мне так сказали.

Максвелл-Файф: Вот почему приказы о нападении 26-го были отменены, не так ли?

Геринг: Нет абсолютно неправильно, потому что когда возник вопрос итальянского содействия, тот факт, что он будет представлять ценность, подвергался сомнению во многих ведомствах. В ходе напряжения предыдущих дней, стало очевидно, что требования, выдвинутые итальянцами которые не могли удовлетворить, были сформулированы для того, чтобы не втягивать Италию в войну. Фюрер был убежден в том, что Англия дала такую четкую гарантию Польше, потому что британское

правительство узнало о том, что у Италии не было намерения вступать в войну, в качестве партнера по Оси.

Максвелл-Файф: Я предъявлю вам ваш собственный отчёт о том, что сказал фюрер: «я должен понять сможем ли мы устранить британское вмешательство». Верно, что, вы с помощью господина Далеруса, любым способом пытались устранить британское вмешательство?

Геринг: Я никогда не отрицал этого. Моим абсолютным стремлением было избежать войны с Англией. Если бы было возможно избежать этой войны придя к соглашению с Польшей, тогда бы его можно было принять. Если бы войны с Англией можно было избежать, несмотря на войну с Польшей, тогда это также являлось моей задачей. Это ясно из того факта, что даже после начала польской кампании 1 сентября 1939 я все еще предпринимал попытки избежать войны с Англией и не допустить распространения войны.

Максвелл-Файф: Другими словами то, что вы пытались сделать с 25-го и после, было заставить Англию согласиться и помочь Рейху вернуть Данциг и польский коридор, не так ли?

Геринг: Это, конечно, довольно чётко выражалось.

Максвелл-Файф: Итак, вы помните беседу с господином Далерусом. В ходе этой беседы вы разрисовали фрагменты карты. Я только хочу, чтобы вы об этом подумали. Если я скажу, что в 11:30 29 августа это для вас ничего не значило. Я хочу, чтобы вы поняли это, для того, чтобы я мог задать вам один или два вопроса об этом.

Вы помните о том, что тогда, вы волновались в беседе которая состоялась, когда Гитлер вручил Гендерсону немецкий ответ и было замечание об ультиматуме. Вы помните это?

Геринг: Да, конечно я был взолнован, поскольку это совершенно внезапно нарушило мои планы.

Максвелл-Файф: И это верно? Господин Далерус на странице 72 своей книги говорит о том, что вы разразились тирадой, грубыми словами в отношении поляков. Вы помните, как он цитировал ваши слова: «Wir kennen die Polen[404]»? Вы помните это?

Геринг: Да, конечно. Вы должны учитывать ситуацию в то время. Я слышал об эксцессах и не собирался приходить и рассказывать Далерусу, нейтралу, о том, что я считал Германию полностью виновной, а поляков полностью невинными. Правильно, что я так сказал, но это вытекало из обстановки.

Максвелл-Файф: И вы все еще восхищаетесь Бисмарком?

Геринг: Я абсолютно восхищен Бисмарком, но я никогда не говорил о том, что я Бисмарк.

Максвелл-Файф: Нет, я не предлагаю этого. Я думаю, вы могли запомнить его

[404] «Мы знаем про поляков» (нем.)

замечание о поляках. Вы помните: «Haut doch die Polen, dass sie am Leben verzagen[405]»? Вы тогда думали об этом?

Геринг: Нет, у меня не было таких мыслей, потому что годами я имел прекрасные дружеские отношения с Польшей.

Максвелл-Файф: Вы были довольно честны в своём общем стремлении, и я не собираюсь тратить время, но я хочу представить один или два дополнительных пункта.

Вы помните отрывок, который я читал из книги господина Далеруса о самолете и саботаже, что он говорил о том, что вы сказали ему, назвав подсудимого Риббентропа, вы помните этот отрывок? Вы уже давали объяснения, и я просто хочу…

Геринг: Да, да, я дал это объяснение и чётко дал понять.

Максвелл-Файф: Итак, ваше объяснение заключалось в том, что господин Далерус запутался из-за вашей озабоченности о том, чтобы его самолет не сбили в ходе полёта. Так будет честно выразить ваше объяснение? Вы сказали о том, что господин Далерус запутался. Вы высказали свою озабоченность тем, что его самолёт не должны сбить? Это неправильно? Я так это понял.

Геринг: Нет, я думаю, выразил это очень четко. Вы хотите, чтобы я снова это сделал? Я повторю это.

Далерус который давал здесь показания, использовал слова: «Я должен поправить себя» когда его спросили про Риббентропа. Я цитирую Далеруса. Он сказал: «Я связал это с Риббентропом, поскольку незадолго его имя называлось в другой связи».

Потом я объяснял, что переживал, что может случиться, что-нибудь. Я объяснял это очень четко и мне не нужно повторять это.

Максвелл-Файф: Свидетель, вопрос, который я задал вам, я думаю, мы согласимся в этом, заключался в том, что ваши переживания были о его самолете, и я хочу сейчас прояснить вам, что инцидент не случился в тот день, когда Далерус готовился к своему третьему визиту, но случился, когда он был в Англии и звонил вам во время своего второго визита. Он позвонил вам вечером 27 августа, и на странице 59 своей книги он пишет:

> «Перед тем, как покинуть министерство иностранных дел, я позвонил Герингу, чтобы подтвердить, что я отбываю в Берлин на самолете в 7:00 вечера. Как казалось, он думал, что это было довольно поздно. Будет темно и он беспокоился о том, что мой самолет может быть сбит британцами или над немецкой территорией. Он попросил меня быть на связи, и минуту спустя вернулся и дал мне четкое описание маршрута над Германией, чтобы избежать огня. Он также заверил меня в том, что противовоздушные станции вдоль нашего маршрута

[405] «Будем бить поляков пока у них не пропадет желание жить» (нем.)

будут проинформированы о том, что мы идём».

То, что я вам предлагаю, заключается в том, что ваше объяснение ошибочно, что вы перепутали это с более ранним инцидентом, о котором говорит господин Далерус, и что господин Далерус совершенно точен, когда он говорит о втором инциденте, который произошел два дня спустя.

Геринг: Это вообще непротиворечиво. Относительно первого полета положение заключалось в том, что уже было темно, что означает значительное увеличение опасности, и я снова указываю на то, что в связи со вторым путешествием, готовность к войне во всех странах достигла такого градуса, что полет был опасным.

Я еще раз подчёркиваю, что мне пришлось поправить Далеруса, когда его допрашивал мой представитель в том, что я не говорил ему о том, что Риббентроп планировал на него атаку. Я подчёркиваю в последний раз, что фон Риббентроп ничего не знал о моих переговорах с Далерусом.

Максвелл-Файф: Вы действительно так говорите? Вы помните о том, что 29 августа – прежде всего 28 августа в 10:30 вечера, когда беседовали Гендерсон и Гитлер. Это было до того, как возникли трудности. Это была беседа, когда Гитлер рассматривал прямые переговоры с поляками. Он сказал: «Мы должны вызвать фельдмаршала Геринга и обсудить это с ним». Это в нашей «Синей книге», и насколько я знаю, это никогда не отрицали. Вас вызвали на беседу. Вас вызвали на беседу Гитлера и Риббентропа с сэром Невилом Гендерсоном.

Геринг: Нет, я должен вас прервать. Фюрер сказал: «Мы пошлем за ним», но я не был приглашен и об этом также не сказано в «Синей книге».

Максвелл-Файф: Но согласно господину Далерусу, он сказал:

> «Во время нашей беседы, Геринг описал как он был вызван к Гитлеру сразу же после отбытия Гендерсона, то как Гитлер, Геринг и Риббентроп обсуждали совещание состоявшееся с Гендерсоном, и как все трое были удовлетворены результатом. В связи с этим Гитлер обратился к Риббентропу и сказал ему насмешливо: «Вы все еще думаете, что Далерус британский агент»? Нечто едкое ответил Риббентроп о том, что такого не было».

Вы говорите, что это тоже неправда?

Геринг: Господин Далерус описывает события, на которых не присутствовал. Из этого описания, также становится ясно, что я прибыл после того, как Гендерсон уже ушел. Описание немного красочное. Риббентроп не имел ни малейшей мысли о том, что я веду переговоры с Далерусом об этом, и фюрер не говорил ему об этом и об этих переговорах. Он просто знал о том, что я использую Далеруса как переговорщика, и он, конечно же, противостоял ему, потому что он, как министр иностранных дел, был против использования других каналов.

Максвелл-Файф: Знаете, именно в этом заключается смысл сказанного мною приблизительно 7 минут назад о том, что Риббентроп знал о том, что вы используете

Далеруса, с чем вы не согласились. Вы теперь согласны с тем, что он знал о том, что вы использовали Далеруса, поэтому я оставляю это.

Геринг: Нет, я прошу прощения. Я всё ещё говорю, пожалуйста, не передергивайте мои слова, о том, что Риббентроп не знал о том, что я веду переговоры с Далерусом об этом, и что он даже не слышал об этом от фюрера.

Максвелл-Файф: Вы сказали «передергиваете мои слова». Я специально не говорил вам о том, что он знал о переговорах. Я сказал о том, что он знал, что вы используете Далеруса и о том, что, вы согласны, правильно. Я ограничился этим, не так ли? И это правильно?

Геринг: Он тогда не знал ни о том, что тогда я вёл переговоры с Англией через Далеруса. Как ничего не знал и о полетах.

Максвелл-Файф: А теперь, теперь я хочу, чтобы вы помогли мне в одном или двух других вопросах.

Вы помните о том, что в январе 1937 и в октябре 1937, германское правительство дало строжайшие гарантии о неприкосновенности и нейтралитете Бельгии и Голландии. Вы помните это?

Геринг: Я не помню этого в подробностях, но об этом упоминалось в суде.

Максвелл-Файф: И вы помните о том, что 25 августа 1938 воздушный штаб принял меморандум с предположением о том, что Франция и Великобритания – о нет, о том, что Франция и Великобритания, ах, нет, о том, что Франция объявит войну в ходе плана «Зелёный», и о том, что Великобритания её поддержит? Вы помните его? Это документ номер PS-375, экземпляр номер USA–84. Я хочу, чтобы вы в целом запомнили его, я собираюсь предъявить вам отрывок.

Геринг: Могу ли я спросить, здесь подпись Вольтер? В–о–л–ь–т–е-р?

Максвелл-Файф: Я дам вам знать. Да, правильно.

Геринг: В таком случае я знаю документ очень хорошо. Его мне раньше показывали.

Максвелл-Файф: Правильно. Я только хочу освежить ваши воспоминания одной фразой:

> «Бельгия и Нидерланды в немецких руках представляют чрезвычайное преимущество при ведении воздушной войны против Великобритании, а также против Франции. Поэтому, важно получить мнение армии по поводу условий, при которых может быть проведена оккупация этого участка территории, и о том сколько времени она займет».

Вы помните это? Это совершенно очевидная воздушная стратегия, но вы её помните?

Геринг: Абсолютно верно. Это была принципиальная разработка капитана пятого отдела генерального штаба, который, естественно, готовя доклад, должен был привести свои лучшие аргументы.

Максвелл-Файф: Затем после этого, 28 апреля 1939, вы помните о том, что Гитлер сказал о том, что он сделал связывающие декларации ряду государств, и это относится к Голландии и Бельгии? Я думаю, было время, когда он произнёс речь в Рейхстаге и назвал ряд небольших государств, но он сказал, что это включало Голландию и Бельгию.

Геринг: Да. Об этом периодически здесь упоминалось.

Максвелл-Файф: Да. Итак, вы помните, что 23 мая, в документе который я вам уже предъявлял, на совещании в рейхсканцелярии Гитлер сказал: «Голландские и бельгийские воздушные базы должны быть заняты вооруженной силой. Декларации о нейтралитете следует проигнорировать».

Вы помните, он говорил так?

Геринг: В документе так сказано, да.

Максвелл-Файф: И 22 августа 1939 в речи перед главнокомандующими, которая документ номер PS-798, экземпляр номер USA–29, он сказал:

> «Ещё одной возможностью является нарушение голландского, бельгийского и швейцарского нейтралитета. Я не сомневаюсь, в том, что эти государства, как и Скандинавия, будут оборонять свой нейтралитет всеми доступными средствами. Англия и Франция не будут нарушать нейтралитет этих стран».

Геринг: Вы сами можете видеть из этих слов, то, как часто фюрер менял свои идеи, таким образом, что даже план который он имел в мае, вообще не являлся окончательным.

Максвелл-Файф: Это совершенно согласуется с моей оценкой. Он сказал о том, что они должны быть оккупированы, о том, что декларации о нейтралитете следует проигнорировать, и подчеркивал, говоря о том, что Англия и Франция не будут нарушать нейтралитет, что таким образом это просто сделать Германии.

Геринг: Нет, он имел в виду сказать, что мы со своей стороны тоже не считали нужным это делать. Я просто хочу отметить, что политические ситуации всегда развиваются по-разному, и что на этих допросах и на процессе мы должны учитывать политическую подоплеку мира в целом

Максвелл-Файф: Это было 22-е. Вы согласны с тем, что это было сказано. Незамедлительно после этого, 26-го, 4 дня спустя, Гитлер дал ещё одну гарантию. Вы помните, что прямо перед войной он дал ещё одну гарантию?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: И 6 октября 1939, он дал дальнейшую гарантию и 7 октября через день после последней гарантии, был принят приказ, который является документом номер PS-2329 экземпляр GB-105.

> «Группа армий «Б» должна провести всю подготовку согласно специальным приказам о незамедлительном вторжении на голландскую и бельгийской территории, если этого потребует

политическая обстановка».

И 9 октября, есть директива от Гитлера:

«Следует провести подготовку к наступательной акции на северном фланге Западного фронта пересекающем территории Люксембурга, Бельгии и Голландии. Эта атака должны быть проведена как можно скорее и как можно решительнее».

Разве из этого не понятно, что все вы знали, как заявлял Гитлер 22 августа о том, что Англия и Франция не будут нарушать нейтралитет Малых стран, и вы готовились нарушить их в любой момент подходящий вашим стратегическим и тактическим интересам? Это весьма понятно?

Геринг: Не полностью. Только если бы политическая ситуация сделала это необходимым. И между тем, до октября уже имели место британские воздушные вторжения через нейтральные Голландию и Бельгию.

Максвелл-Файф: Вы говорите не полностью. То есть это почти согласие с тем, что вероятно планировали выступить.

Теперь я хочу достаточно коротко спросить вас про Югославию. Вы помните, что говорили нам, давая свои показания о том, что Германия перед началом войны имела наилучшие отношения с югославским народом, и что вы сами внесли в это свой вклад. Я затрону это вкратце.

Геринг: Верно.

Максвелл-Файф: И это подчеркивалось, если вы помните, первого июня 1939 в речи Гитлера на ужине с принцем Павлом.

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Теперь через 80 дней после этого, 12 августа 1939, совещались подсудимый Риббентроп, Гитлер и Чиано[406], и просто позвольте мне напомнить о том, что Гитлер сказал на той встрече графу Чиано.

«В общем говоря…»

Геринг: Я прошу прощения, какой номер у этого документа?

Максвелл-Файф: Извините, моя ошибка, документ номер TC-77, экземпляр GB-48. Это меморандум о беседе между Гитлером, Риббентропом и Чиано в Оберзальцберге 12 августа.

Геринг: Я просто хотел знать это не из дневника Чиано? Это важно для меня.

Максвелл-Файф: О нет, не из дневника Чиано, это меморандум. Это официальный доклад.

«В общем, говоря, лучше всего будет, если неопределившиеся нейтралы будут ликвидированы один за одним. Это процесс можно проводить проще, в случае если один из партнеров Оси прикроет другого, пока другой занят неопределившимся нейтралом. Италия

---

[406] Галеаццо Чиано (1903 — 1944) — итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини. Убит фашистскими элементами за предполагаемое предательство.

> могла бы заняться Югославией».

Это весьма противоречит вашему заявлению о хороших намерениях относительно Югославии и заявлении фюрера принцу Павлу, не так ли?

Геринг: Я хочу ещё раз внимательно прочитать его и понять в какой связи было сделано данное заявление. Как оно сейчас представлено, это, разумеется, не вяжется с этим.

Максвелл-Файф: Вы знаете, я не хочу останавливать вас без нужды, но этот документ, по крайней мере, дважды зачитывали на процессе и, наверное, вы учтёте и другие дальнейшие вопросы. Но вы согласитесь, если я не вырвал это из контекста, и я надеюсь, не сделал этого, что это полностью противоречит дружеским намерениям, не так ли?

Геринг: Как я сказал, это не очень подходит этому.

Максвелл-Файф: Итак, через 56 дней после этого, 6 октября, Гитлер дал гарантию Югославии и сказал:

> «Незамедлительно после завершения аншлюса я проинформировал Югославию о том, что теперь мы имеем с этой страной неизменную границу, и что наше желание заключается в том, чтобы жить с ней в мире и дружбе».

И затем снова в марте 1941, при вступлении в Тройственный пакт, германское правительство объявило о том, что оно подтверждает решимость уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии во все времена.

Теперь, после этого, конечно, как я всегда говорил, когда вы имели дело с этим, в Югославии произошел путч Симовича. Но я думаю, что вы довольно откровенно сказали в своих показаниях о том, что Гитлер и вы не утруждали и не думали утруждать себя, выяснением того будет ли придерживаться нейтралитета правительство Симовича или нет. Верно, не так ли?

Геринг: Я так не говорил. Мы были убеждены в том, что они использовали эти декларации для введения в заблуждение. Мы знали о том, что этим путчем руководили из Москвы, и, как мы позже узнали, его в значительной степени финансово поддерживала Британия. Исходя из этого, мы распознали враждебные намерения, такие как мобилизацию югославской армии, что прояснило вопрос, и мы не хотели быть обмануты декларациями Симовича.

Максвелл-Файф: Что же, я хочу сейчас сказать одно слово о мобилизации. Но 27 марта, которые было спустя 2 дня после подписания пакта на который я ссылался, в Берлине было совещание Гитлера с германским высшим командованием на котором вы присутствовали, и вы помните, что фюрер сказал:

> «Фюрер решился, не ожидая возможных заявлений о верности нового правительства сделать все необходимые приготовления для уничтожения Югославии как военной и национальной единицы. Не будут направляться ни дипломатические запросы ни предъявляться

ультиматумы. Гарантии югославского правительства которым нельзя верить в будущем, будут приняты к сведению. Нападение начнется, как только необходимые средства и войска будут готовы. Политически особенно важно безжалостно ударить по Югославии и провести безжалостную операцию, и чтобы военное уничтожение проводилось молниеносно. План строится на предположении, что мы ускорим графики всех наших приготовлений и используем такие мощные силы, что югославский крах наступит в кратчайшее время».

Это было не очень дружественное намерение относительно Югославии, не вести дипломатических переговоров, не дать им шанса гарантии или договорённости с вами, и ударить с безжалостной силой, не так ли?

Геринг: Я только, что сказал о том, что после путча Симовича обстановка была для нас совершенно ясной и декларации о нейтралитете со стороны Югославии расценивались только как прикрытие и обман с целью выиграть время. После путча, Югославия чётко сформировала часть вражеского фронта, и, следовательно, нам нужно было проводить обманные маневры и атаковать как можно быстрее, поскольку тогда наши силы являлись относительно слабыми.

Максвелл-Файф: Вы понимаете, конечно же, то что вы сказали о том, что генерал Симович подстрекался Москвой. Я не буду вступать с вами в спор об этом. Но я замечаю вам, что это было за 3 месяца до начала войны против Советского Союза. Вы понимаете это?

Геринг: Да, это правильно. Именно путч Симовича полностью развеял последние сомнения фюрера в том, что отношение России к Германии, стало враждебным. Этот путч был той самой причиной, которая заставила его принять самые быстрые меры против этой угрозы. Во–вторых…

Максвелл-Файф: Секундочку. Вам известно, что из документов очень четко следует, что нападение на Советский Союз было отложено на шесть недель из–за проблем на Балканах? Это весьма не согласуется с тем, что вы говорите сейчас, не так ли?

Геринг: Нет. Если вы снова прочтете мое заявление об этом, вы поймете, что я говорил о ряде манёвров со стороны России заставивших фюрера отдать приказы на подготовку вторжения, но он снова отложил окончательное решение по вторжению, и после путча Симовича было принято это решение. Исходя из стратегической обстановки следовало, что военное исполнение этого политического решения было отложено из-за югославской кампании.

Максвелл-Файф: Я хочу еще спросить о Югославии.

Вы помните свои показания о том, что атака на Белград произошла в силу того, что военное ведомство и ряд других важных военных организаций располагались там. Я пытаюсь подытожить это, но об этом были ваши показания, не так ли?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Итак, вы помните о том, как Гитлер отдал приказ, который я только, что прочел вам:

> «Основной задачей воздушных сил является как можно скорее начать разрушение наземной инфраструктуры югославских воздушных сил…».
>
> Итак, я прошу отметить следующее слово «и»:
>
> «…и уничтожить столицу Белград путем атак волнами. Кроме того воздушные силы должны оказывать поддержку армии».

Я сказал вам, что этот приказ ясно дает понять, что нападение на Белград было всего лишь еще одной из ваших демонстративных террористических атак, направленных на попытку подчинить себе население, которому было бы трудно им противостоять.

Геринг: Нет, это неправильно. Население Белграда само себя защищало. Белград был больше центром военной инфраструктуры нежели столицей любого другого государства, и я хочу обратить на это ваше внимание.

Максвелл-Файф: Что же, теперь я собираюсь перейти от этой темы к одному или двум моментам, по которым вы давали показания, я думаю, например, представителям организаций. Вы помните, что давали показания, отвечая доктору Бабелю о Ваффен-СС? Вы помните это, несколько дней назад?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы взглянули на документ у которого нет номера, но который является идеями фюрера о Ваффен-СС и понять, согласны ли вы. Это документ номер D-665, и он будет экземпляром номер GB-280. Это документ из высшего командования армии, генерального штаба армии, заявления фюрера относительно будущего состояния военной полиции, и в сопроводительном письме к документу сказано: «После направления предложений фюрера о Ваффен-СС, возникли сомнения о том следует ли увеличивать их распространие». Если вы перейдете к документам, наверное, вы сможете следить за моим чтением. Я не думаю, что это представляли ранее:

> «6 августа 1940, когда был отдан приказ об организации лейбштандарта Адольф Гитлер» - охраны Адольфа Гитлера – фюрер заявил о принципах относительно необходимости Ваффен-СС, как следующих:
>
> Великогерманский Рейх в своём окончательном виде не будет включать в себя только те национальные группы, которые с самого начала были хорошо расположены к Рейху. Следовательно, необходимо поддерживать за пределами самого Рейха государственную военную полицию, в любой ситуации представляющую и осуществляющую власть Рейха.

Данная задача может осуществляться только государственной полицией состоящей из мужчин лучшей немецкой крови и от всей души преданных идеологии на которой основан великогерманский Рейх. Только такое подразделение будет сопротивляться разрушительным влияниям даже в критические времена. Такое подразделение, гордое своей чистотой, никогда не будет брататься с пролетариатом и с подпольным миром, которые подрывают фундаментальную идею. В нашем будущем великогерманском Рейхе, полицейский корпус будут иметь необходимую власть над остальными членам общества, только если они будут иметь военную подготовку. Наш народ является настолько военизированным, в результате выдающихся военных достижений и подготовке проделанной национал–социалистической партией, чтобы «носковязальная» полиция, как в 1848 или бюрократическая полиция, как в 1918, никогда не имели никакой власти.

Таким образом необходимо, чтобы эта государственная полиция доказала свою ценность и жертвовала своей кровью на фронте, в тесных рядах, таким же образом как каждая часть вооружённых сил. Вернувшись домой, после закалки себя на фронте в рядах армии, подразделения Ваффен-СС будут иметь авторитет исполнять свои задачи в качестве государственной полиции.

В таком использовании Ваффен-СС для внутренних целей также заинтересован и сам Вермахт. Мы никогда снова не можем позволить призывному германскому Вермахту использоваться против своих соотечественников с оружием в руках в критических ситуациях дома. Такие действия это начало конца. Государство, которое прибегает к таким методам уже не в состоянии использовать свои вооружённые силы против внешнего врага и соответственно сдаётся.

В нашей истории, есть печальные пример. В будущем Вермахт должен использоваться исключительно против зарубежных врагов Рейха.

Для того, чтобы гарантировать то, что состав подразделений Ваффен-СС всегда высокого качества, набор в подразделения должен быть ограничен. Идея фюрера об ограничении заключается в том, чтобы подразделения Ваффен-СС в целом не превышали 5-10 процентов численности армии в мирное время».

Вы согласны с этим? Это правильное описание цели Ваффен-СС?

Геринг: Я абсолютно убежден в том, что он так говорил, но это не противоречит моему заявлению.

Максвелл-Файф: Теперь, я хочу, чтобы вы, пока мы на СС, взглянули на пометку которая является документом D-729 и будет экземпляром номер GB-281. Это беседа

между вами и дуче в паллацо Венеция 23 октября 1942. Тогда вы еще находились в хороших отношениях с фюрером и сохраняли свою власть, правильно?

Я прочту это: это страница 35, абзац 1.

«Рейхсмаршал затем описал методы Германии по борьбе с партизанами. Для начала забирали весь скот и продовольствие из таких районов для того, чтобы лишить партизан всех источников снабжения».

Геринг: Секундочку, пожалуйста. Где это?

Максвелл-Файф: Это страница 35, абзац 1, но я найду ее для вас, если вам сложно. Я думаю там отмечено, и начинается со слов «Рейхсмаршал…». Вы нашли?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Я начну сначала.

«Рейхсмаршал затем описал методы Германии по борьбе с партизанами. Для начала забирали весь скот и продовольствие из таких районов для того, чтобы лишить партизан всех источников снабжения. Мужчин и женщин забирали в трудовые лагеря, детей в детские лагеря, а деревни сжигали. Именно с помощью этих методов защищались железные дороги в обширных лесных массивах Беловицы. Всякий раз при нападении, все мужское население деревень выстраивается с одной стороны, а женское с другой. Женщинам говорят о том, что все мужчины будут расстреляны, пока они – женщины – не укажут на мужчин, не принадлежащих деревне. Для того, чтобы спасти своих мужчин, женщины всегда указывают на неместных. Германия поняла что, в целом было непросто заставить солдат выполнять такие меры. Члены партии справились с этой задачей гораздо жестче и эффективнее. По этой же причине армии подготовленные идеологически, такая как германская или русская, сражаются лучше остальных. СС, ядро старых партийных борцов, кто имеет личные узы с фюрером и которые составляют элиту, подтверждают этот принцип».

Итак, это правильное описание?

Геринг: Да, разумеется.

Максвелл-Файф: И это правильно отражает ваши взгляды на то, как должна была вестись война против партизан?

Геринг: Я передал это.

Секундочку, пожалуйста. Могу я спросить номер документа?

Максвелл-Файф: Да, я повторю: Документ номер D–729, он станет экземпляром номер GB-281.

Итак, я хочу, чтобы вы помогли мне в ещё одном вопросе про эти организации. Вы помните, что в ответ, я думаю, доктору Серватиусу, вы сделали

некоторые замечания относительно руководящего состава. Вы помните это? Я хочу, чтобы вы имели их в виду.

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Итак, посмотрите на документ, который будет представлен вам, документ номер D-728, экземпляр номер GB-282. Это документ из ведомства гау Гессен–Нассау. Извиняюсь, здесь ссылка на приказ партийной канцелярии датированный 10 февраля 1945, предмет которого «Действия партии по сохранению контроля за немецким населением до конца войны». Подписано Шпренгером[407], гауляйтером и рейхскомиссаром обороны.

Геринг: Дата 15 марта 1945, правильно?

Максвелл-Файф: Я благодарю вас. Я знал, что это было после 10 марта. У меня нет этого в моей копии, но если вы так сказали, я принимаю это.

Геринг: 1945.

Максвелл-Файф: Да.

[*Сэр Дэвид Максвелл-Файф затем читал отрывки из документа, которые были отозваны и исключены из протокола 16 августа 1946*]

Штамер: Я должен возразить использованию данного документа, поскольку я не могу признать его подлинность. Я пока не видел оригинал и сомнения в подлинности возникают в виду того факта, что использованные выражения являются самыми необычными для немецкого языка.

Геринг: Я собирался заявить такое же возражение. Это не подлинник, так как наверху сказано «копия» и нет подлинной подписи, но только внизу напечатано «Шпренгер, гауляйтер».

Штамер: Например, используется выражение «Gerichtlichkeiten[408]». Это выражение совершенно необычно и неизвестно в немецком языке, я не могу представить, чтобы официальный документ, исходящий от гауляйтера мог содержать такое слово.

Геринг: Я могу обратить ваше внимание на ещё один пункт показывающий, что это очевидно не подлинный документ. Если здесь было увеличение мясных или жировых пайков, я что-нибудь про это услышал. Ни единое слово из этих двух документов мне неизвестно. Здесь также нет печати, всё напечатано включая подписи. Поэтому, я не могу принять этот документ.

Максвелл-Файф: Эта копия по моим лучшим сведениям была захвачена в ведомстве руководителя гау. Она была направлена нам британской армией с Рейна. Я запрошу об этом, но она претендует на копию из дела, и я приобщил подлинный

---

[407] Якоб Шпренгер (1884-1945) — партийный деятель нацистской Германии, рейхсштатгальтер Гессена, обергруппенфюрер СА (1938). Покончил жизнь самоубийством.

[408] «Судебная компетенция» (нем.)

документ который у нас есть, который копия из дела, для свидетеля.

Председатель: Доктор Штамер, в моих руках подлинный документ, вместе с удостоверением британского офицера говорящим о том, что документ получен в указанном качестве при исполнении обязанностей как подлинный документ обнаруженный в немецких материалах захваченных военными силами под командованием верховного главнокомандующего. В таких обстоятельствах у него точно такое же положение, как у остальных захваченных документов. Защита, конечно, может представлять любые доказательства, которые считает правильными, критикуя подлинность документа. Документ имеет такое же основание, как и остальные захваченные документы, и может подвергаться любой критике в поддержку которой вы сможете привести доказательства.

Максвелл-Файф: Свидетель, я хочу, чтобы вы рассмотрели предложение в шестом абзаце.

Итак, данный абзац безусловно предписывал всем уровням власти до крейсляйтера, районных руководителей нацистской партии, и он признаёт, что все они знали о работе концентрационных лагерей. Вы говорите трибуналу о том, что вы, кто являлся вторым человеком в Рейхе до 1943, ничего не знали о концентрационных лагерях?

Геринг: Прежде всего, я ещё раз хочу сказать, что я не принимаю этот документ, и что в целом формулировка мне незнакома, и что этот абзац кажется мне необычным. Я ничего не знал о том, что происходило и методах применявшихся в концентрационных лагерях позднее, когда я не был ответственным.

Максвелл-Файф: Позвольте напомнить вам доказательства представленные суду о том, что только в Аушвице[409]было уничтожено 4 000 000 человек. Вы помните это?

Геринг: Это заявление я услышал здесь, но я считаю, что она никак не доказана – цифра я имею в виду.

Максвелл-Файф: Если вы не считаете, её доказанной позвольте напомнить вам письменные показания Хоттля[410], который был заместителем руководителя группы в зарубежном отделе, отделе безопасности управления IV РСХА. Он сказал о том, что приблизительно 4 000 000 евреев были убиты в концентрационных лагерях, в то время как 2 000 000 умерли другими способами. Предположим, что эти цифры, одна русская, а другая немецкая, предположим, что они даже на 50 процентов правильные, предположим было 2 000 000-1 000 000, вы скажите трибуналу, что министр с вашей властью в Рейхе мог оставаться в неведении о том, что происходило?

Геринг: Я это утверждаю, и причина этого заключается в том, что эти вещи держали от меня в тайне. Я могу добавить, что, по моему мнению, даже фюрер не

---

[409] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим.

[410] Вильгельм Хоттль (1915-1999) – штурмбанфюрер СС. Сотрудник внешнеполитической разведки СС.

знал о том, в какой степени это происходило.

Это также объясняется тем фактом, что Гиммлер держал эти вопросы в тайне. Нам никогда не направлялись цифры или другие подробности.

Максвелл-Файф: Свидетель, но разве у вас не было доступа к зарубежной прессе, отделу прессы вашего министерства, зарубежному вещанию? Поймите, есть доказательства о том, что, когда вы берёте евреев и другой народ, где-то 10 000 000 человек хладнокровно убиты, не считая тех, кто погиб в бою. Где-то 10 000 000. Вы говорите, что никогда не слышали об этом из зарубежной прессы, в передачах о том, что это происходило?

Геринг: Прежде всего, цифра в 10 000 000 никак не установлена. Во–вторых, в ходе войны я не читал зарубежную прессу, потому что считал её ничем кроме как вражеской пропаганды. В–третьих, хотя я имел право слушать зарубежные передачи, я никогда этого не делал, просто потому, что я не хотел слушать пропаганду. Как я не слушал и нашу пропаганду.

Только в последние 4 дня войны я делал это, и я могу это подтвердить, впервые слушая зарубежное вещание.

Максвелл-Файф: Вчера вы сказали господину судье Джексону о том, что были различные представители на восточных территориях, и вы посмотрели фильм о концентрационных лагерях, после начала процесса, не так ли? Вы знали о том, что были миллионы одежды, миллионы обуви, 20 952 килограмма золотых обручальных колец, 35 вагонов мехов, всё это вещи людей уничтоженных в Майданеке[411] и Аушвице. Никто никогда не говорил вам, в рамках четырехлетнего плана, или чего-нибудь ещё, о том, что они добыли все эти суммы из человеческого материала? Вы помните, мы слышали от польского еврея, который давал показания, что всё, что осталось от его семьи, от его жены и матери, и дочери, я думаю, было паспортами? Его работой было собирать одежду. Он рассказал нам о том насколько тщательными были головорезы вашего друга Гиммлера, что убийство женщины занимало на 5 минут больше, потому что требовалось отрезать их волосы для изготовления матрасов. Вам никогда ничего не говорили о таком приросте к немецкому материалу, который стал возможен благодаря убийствам людей?

Геринг: Нет, и как вы можете такое представить? Я устанавливал общее направление немецкой экономики и это, разумеется, не включало производство матрасов из женских волос или утилизацию старой обуви и одежды. Я оставляю цифру открытой. Но, я также хочу возразить вашей ссылки на меня как «друга Гиммлера».

Максвелл-Файф: Что же я скажу «вашего врага Гиммлера» или просто «Гиммлер», как хотите. Вы знаете, кого я имею в виду, не так ли?

Геринг: Да, именно так.

Максвелл-Файф: Теперь, я хочу напомнить вам о ещё одном моменте: экземпляр

---

[411] Майданек — лагерь смерти Третьего рейха на окраине польского города Люблин.

номер USA-228, документ номер PS-407 (V) «… имею честь сообщить вам, что было возможно предоставить 3 638 056 новых зарубежных рабочих для германской военной экономики между 1 апрелем прошлого года и 31 мартом настоящего года… в дополнение к иностранным гражданским рабочим, 1 622 929 военнопленных используются в немецкой экономике». Итак, послушайте это «из 5 000 000 иностранных рабочих прибывших в Германию, даже 200 000 не прибыли добровольно». Это из стенограммы центральной плановой комиссии от 1 марта. Вы говорите, что при вашем положении в государстве и в качестве великого архитектора немецкой экономики, вы не знали о том, что получили для вашей экономики 4 800 000 иностранных рабочих которых принудили приехать? Вы так говорите трибуналу?

Геринг: Я никогда не говорил этого трибуналу. Я сказал о том, что я довольно хорошо знал о том, что рабочих привозили и не всегда добровольно, но верна ли цифра в 200 000 это мне неизвестно, и мне так тоже не кажется. Число добровольцев было больше, но это не отменяет того факта, что большое количество рабочих принуждали приезжать в Рейх. Я этого никогда не отрицал, и даже признал это.

Максвелл-Файф: Вы признаёте, и я хочу сказать довольно честно, что большое количество рабочих принудили приехать в Рейх?

Геринг: Да, безусловно.

Председатель: Сэр Дэвид, вы хотите прерваться?

Максвелл-Файф: Да, сэр.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Вы помните, что говорили об отношениях между фюрером и вами? Я могу повторить ваши слова:

> «Основным влиянием на фюрера, если я вообще могу говорить о влиянии на фюрера, вплоть до конца 1941 или начала 1942 этим влиянием был я. Затем мое влияние постепенно снижалось до 1943 и с 1943 быстро снизилось. В общем, кроме себя, мне не кажется, что кто-то другой имел почти такое же влияние на фюрера которое имел я».
>
> В этом заключается ваш взгляд на вопрос?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: Я думаю, вы сказали трибуналу о том, что до самого конца ваша верность фюреру оказалась непоколебимой, правильно?

Геринг: Верно.

Максвелл-Файф: Вы все ещё стремитесь оправдать и превозносите Гитлера, даже после того как он приказал об убийстве 50 молодых офицеров в шталаге авиации номер III?

Геринг: Я здесь ни оправдываю фюрера Адольфа Гитлера и не превозношу его. Я только подчёркиваю, что я остался верен ему, так как я верю в верность присяге не только в хорошие времена, но также и в плохие времена, когда её гораздо сложнее сдержать.

Что касается вышей ссылки на 50 летчиков, я никогда не возражал фюреру настолько четко и сильно как по этому вопросу, и я выразил ему свои взгляды на это. После этого между мной и фюрером не было ни одной беседы на протяжении месяцев.

Максвелл-Файф: Фюрер в любом случае должен был знать о том, что происходило в концентрационных лагерях, обращении с евреями, обращении с рабочими, разве не должен?

Геринг: Я уже говорил о том, что, по моему мнению, фюрер не знал подробностей о концентрационных лагерях, о жестокостях описанных здесь. Насколько я его знаю, мне не кажется, что его информировали. Но постольку, поскольку он…

Максвелл-Файф: Я не спрашиваю о деталях, я спрашиваю об убийстве четырех или пяти миллионов человек. Вы предлагаете, что никто во власти Германии, за исключением Гиммлера и вероятно Кальтенбруннера, не знал об этом?

Геринг: Я все еще разделяю мнение о том, что фюрер не знал об этих цифрах.

Максвелл-Файф: Итак, вы помните, как господин Далерус описывал отношения между вами и Гитлером на странице 53 своей книги:

> «С самого начала нашего разговора, я возмущался его манерами к Герингу, своему ближайшему другу и товарищу по годам борьбы. Его желание доминировать было объяснимым, но требовать такого подобострастия от Геринга, своего ближайшего соратника, казалось мне отвратительным».

Максвелл-Файф: Вот как вы должны были вести себя с Гитлером?

Геринг: Мне не требовалось вести себя, таким образом, и я так себя не вёл. Это журналистские заявления Далеруса сделанные после войны. Если бы Германия победила в войне всё было бы совсем другим.

Максвелл-Файф: При этом господин Далерус ваш свидетель.

Геринг: У господина Далеруса не просили журналистского отчёта. Его спрашивали исключительно о вопросах, в которых он выступал курьером между мной и британским правительством.

Максвелл-Файф: Милорд, во вторник на прошлой неделе, подсудимый вызывал генерала Боденшаца, который давал общие показания о его характере и репутации. Это, таким образом, по моему покорному соображению, позволяет предъявить ему один документ о нем, который является отчётом подсудимого Рёдера о его общем

характере и репутации. В соответствии с английской практикой, я ходатайствую перед судом о разрешении приобщить его.

Штамер: Я возражаю оглашению данного документа. Было бы значительно проще опросить адмирала Рёдера, в качестве свидетеля о его заявлениях, поскольку он находится здесь с нами. Тогда мы сможем установить в перекрестном допросе, придерживается ли он этого предположительного заявления.

Максвелл-Файф: Я должен приобщить его в перекрёстном допросе, чтобы у подсудимого была возможность ответить на это. Подсудимый Рёдер сможет дать свои пояснения, когда будет давать показания.

Председатель: Трибунал хочет посмотреть на документ до его приобщения.

Максвелл-Файф: Это английский перевод. Я покажу доктору Штамеру на немецком языке.

Штамер: Господин председатель, я хочу отметить, что документ без даты, и мы не знаем, когда и где он составлен.

Максвелл-Файф: Он подписан подсудимым Рёдером.

Штамер: Когда и где он составлен? Подпись Рёдера мне неизвестна.

Максвелл-Файф: Дата вписана Рёдером, как и подпись, 27 июля, я думаю это 1945. Каждая страница документа подписана подсудимым Рёдером.

Председатель: Сэр Дэвид, вы сказали, что подсудимый представил свою характеристику через Боденщаца?

Максвелл-Файф: Ваша светлость вспомнит, что его спросил доктор Штамер: «Вы расскажите нам о социальных отношениях подсудимого?» И затем он приступил к описанию его характера и его доброты, и другим качествам в то время, и я заметил, что доктор Штамер включил в качестве дальнейшего доказательства характеристику в форме заявления от некоего Германа Винтера[412].

Председатель: Разве не было бы уместным, если бы документ который подлежал приобщению в качестве доказательства, представили Боденшацу, который давал показания?

Максвелл-Файф: Но милорд, правило заключается в том, что если подсудимый исследует свой характер, он вправе быть перекрестно допрошен о его характере и общей репутации, и конечно допустимо вызвать свидетеля для рассказа о его репутации в целом.

Штамер: Могу я сделать следующее замечание? Я не вызывал Боденшаца и не спрашивал его о характере Геринга. Я спрашивал его об определенных фактах и событиях на основании которых Боденшац делал определённые выводы. По моему, мнению, все эти вопросы следовало бы задать Боденшацу, когда он был здесь. Это потом можно использовать для того, чтобы доказать, что Боденшац говорил неправду, а не Геринг говорил неправду. Для доказательства такой документ должен был быть использован во время допроса Боденшаца. Тогда бы мы могли спросить

---

[412] Герман Винтер (1897 – 1968) – немецкий авиаконструктор.

Боденшаца и об этом тоже.

Максвелл-Файф: Может он предпочитает, чтобы Боденшаца вернули и предъявили ему это, но я думаю, я имею право предъявить её подсудимому, как доказательство о его характере и репутации.

Председатель: Трибунал прерывается.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал распоряжается о том, что на данной стадии, документ не может быть использован в перекрёстном допросе.

Максвелл-Файф: С позволения вашей чести, как я понимаю, ваша светлость оставляет вопрос открытым для дальнейшей аргументации о том может ли он быть использован в допросе подсудимого Рёдера.

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Премного обязан.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, свидетель, до перерыва, вы сказали о том, что Гитлер, по вашему мнению, в целом не знал или не ведал о вопросе концентрационных лагерей и евреев. Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ номер D-736. Это отчёт о дискуссии между между фюрером и венгерским регентом Хорти[413]от 17 апреля 1943, и если вы посмотрите на страницу 4, вы увидите отрывок после «Нюрнберг и Фюрт»

Геринг: Секундочку. Я должен быстро прочитать его, чтобы определить подлинность.

Максвелл-Файф: Разумеется.

Геринг: Страница 4.

Максвелл-Файф: Страница 4 – экземпляр номер GB-283. Вы видите, после упоминания Нюрнберга и Фюрта, Гитлер продолжает:

> «Евреи даже не обладают организаторской ценностью. Несмотря на страхи, которые он, фюрер, периодически слышит в Германии, без евреев все идет нормально. Там где евреи предоставлены сами себе, например в Польше, преобладает ужасная нищета и упадок. Они настоящие паразиты. В Польше такое положение дел фундаментально прояснилось. Если евреи не хотели работать, их расстреливали. Если они не смогут работать, им придется умереть. С ними нужно обращаться как с туберкулезной бациллой, которая может заразить здоровое тело. Это не было жестоким если вспомнить, что даже невинных существ природы, таких как зайцы и олени, приходиться убивать, чтобы они не причиняли вреда. Почему нужно сохранять зверей, которые хотели принести нам большевизм? Нации, которые не

[413] Миклош Хорти (1868 — 1957) — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920—1944 годах, вице-адмирал.

> избавили себя от евреев, погибли. Один из самых знаменитых примеров падения народа которым однажды так гордились, персы, влачащие теперь жалкое существование, как и армяне».

Вы посмотрите на экземпляр СССР-170, документ номер СССР-170, который является совещанием, которое было у вас 6 августа 1942.

Председатель: Прежде чем вы перейдете от этого документа, нет отрывка выше, который кажется важным? Ниже на 10 строчек, я думаю в середине строки…

Максвелл-Файф: Вы правы ваша честь.

> «Встречный вопрос адмирала Хорти заключается в том, что он должен делать с евреями, которые теперь оказались лишены почти всех возможностей добывать себе на жизнь, он не может их убивать, рейхсминистр иностранных дел заявил о том, что евреи должны быть уничтожены или отправлены в концентрационные лагери. Другой возможности нет».

Геринг: Я не знаю об этом документе.

Максвелл-Файф: Итак, это совещание, на котором у вас был ряд людей и на странице 143, если вы перевернёте на неё, вы поставили вопрос о масле. Если вы посмотрите, там написано: «Рейхсмаршал Геринг: «Сколько масла вы поставите?» Видите это?

Геринг: Да.

Максвелл-Файф: И затем Лозе[414], который присутствовал на совещании сказал: «Да» и вы сказали: «Вы также поставите частям Вермахта?» - и тогда Лозе сказал: «Я могу ответить и на это. Осталось в живых немного евреев. От десятков тысяч избавились, но я могу сказать вам о том, что гражданское население получает по вашему приказу, на 15 процентов меньше немцев». Я обращаю ваше внимание на заявление о том, что «осталось в живых немного евреев. От десятков тысяч избавились» Вы все еще говорите, перед лицом этих документов о том, что Гитлер ничего не знал об уничтожении евреев?

Геринг: Я прошу о том, чтобы замечания были правильно прочитаны. Они не совсем правильно воспроизведены. Могу я прочитать подлинный текст? «Лозе» - таким образом, это не мое замечание, а замечание Лозе: «Я могу ответить и на это. Евреев осталось небольшое количество. Тысячи ушли» Здесь не сказано о том, что их уничтожили. Из этого замечания вы не можете сделать вывод о том, что их убили. Это также может означать, что они ушли, их убрали. Здесь ничего…

Максвелл-Файф: По поводу предыдущего замечания, я предлагаю, чтобы вы дали понять, что имелось в виду под «осталось в живых немного евреев, в то время как от десятков тысяч избавились»

Геринг: Они «всё ещё жили там». Так это следует понимать.

---

[414] Генрих Лозе (1896 — 1964) — высокопоставленный деятель НСДАП и Третьего Рейха, один из организаторов и руководителей оккупационного режима на территории СССР, рейхскомиссар рейхскомиссариата Остланд.

Максвелл-Файф: Вы слышали то, что я прочёл вам о Гитлере о том, что он сказал Хорти и что Риббентроп сказал о том, что евреев следует уничтожать или отправлять в концентрационные лагеря. Гитлер сказал о том, что евреи должны работать или быть расстреляны. Это был апрель 1943. Вы все еще говорите, что Гитлер не знал о политике уничтожения евреев?

Геринг: Точность документа…

Максвелл-Файф: Пожалуйста, ответьте на мой вопрос. Вы все еще говорите, что Гитлер ничего не знал о политике уничтожения евреев?

Геринг: Что касается Гитлера, я сказал, что я так не думаю. Что касается меня, я сказал о том, что я не знал, даже приблизительно в какой степени происходили такие вещи.

Максвелл-Файф: Вы не знали о степени, но вы знали о политике направленной на уничтожение евреев?

Геринг: Нет, политике эмиграции, не ликвидации евреев. Я знал только об отдельных случаях таких действий.

Максвелл-Файф: Спасибо.

Руденко: Правильно ли я понял вас, подсудимый Геринг, что все основные решения в области внешнеполитической, военно-стратегической в окончательном их виде принимались Гитлером самостоятельно?

Геринг: Да, правильно. В конце концов, он и был фюрером.

Руденко: Следует ли понимать это так, что Гитлер принимал решения без заслушивания мнения специалистов, без изучения вопроса, без анализа различных материалов, которые могли представить эти специалисты?

Геринг: Это зависело от обстоятельств. В отдельных случаях он, естественно, распоряжался о предоставлении ему соответствующих материалов, но эксперты не могли точно угадывать, для чего это делается. В других случаях он высказывался по отношению к экспертам, что он намеревается совершить. В этих случаях он получал от них соответствующие материалы и заключения. Окончательные решения он принимал лично как верховный главнокомандующий.

Руденко: В таком случае, правильно ли я понимаю вас, что при решении серьезных вопросов Гитлер в той или иной степени опирался на материалы и анализы, представляемые ему его ближайшими сотрудниками, работающими и консультирующими его в соответствующей области?

Геринг: Частично это были близкие его сотрудники, частично, как в случае с сообщениями и разведкой другие сотрудники соответствующих ведомств.

Руденко: Не скажете ли тогда вы, кто являлся таким ближайшим сотрудником Гитлера в области воздушного флота?

Геринг: Само собой разумеется, я.

Руденко: В вопросах экономики?

Геринг: По вопросам экономики — это также был я.

Руденко: По политическим вопросам?

Геринг: Здесь обстояло по-разному. Это зависело от того вопроса, который решался, и насколько фюрер намеревался привлечь кого-либо к обсуждению этого вопроса или его разъяснению.

Руденко: Кого вы можете назвать из таких ближайших сотрудников персонально?

Геринг: Ближайшим сотрудником фюрера был, как я уже сказал, в первую очередь я. Затем ближайшим сотрудником, наверное, это слово не совсем правильное, был доктор Геббельс; он просто больше говорил с ним, чем с другими. Вы также должны различать то время, к которому это относилось, потому что на протяжении двадцати лет картина менялась. В конце сильнее всего к нему был приближен Борман. Затем в 1933—1934 и почти до самого конца — Гиммлер, но только по определенным вопросам. Если фюрер стоял перед разрешением каких-либо специальных вопросов, как принято в каждом правительстве, он консультировался с тем, кто лучше всего разбирался в этих вопросах, как принято и в других правительствах. От них он и требовал соответствующие материалы.

Руденко: Назовите, кто в области внешней политики являлся ближайшим сотрудником Гитлера?

Геринг: Что касается внешней политики, то о близком сотрудничестве с фюрером можно говорить только тогда, когда подразумевается техническая сторона вопроса. Самые же важные и значительные решения в области внешней политики он обычно обдумывал сам, после чего он сообщал о результатах этих размышлений своим ближайшим сотрудникам и доверенным лицам из его окружения. Только в редких случаях он разрешал обсуждать те или иные вопросы. Так, например, это имело место со мной. Но техническое выполнение его решений по вопросам внешней политики, которые находили свое выражение в нотах или в чем-либо другом, поручалось министерству иностранных дел и его министру.

Руденко: Подсудимому Риббентропу?

Геринг: Конечно, он был именно этим министром. Однако он не делал внешней политики.

Руденко: По военно-стратегическим вопросам кто консультировал Гитлера?

Геринг: Это был ряд лиц. На основании чисто ведомственного порядка к обсуждению стратегических вопросов привлекались три главнокомандующих родов вооруженных сил и их начальники штабов. Частично — также верховный генеральный штаб, который находился непосредственно у фюрера.

Руденко: Кто из подсудимых может быть вами назван в качестве таких консультантов?

Геринг: В том случае, когда фюрер запрашивал, советником по вопросам стратегического порядка был генерал Иодль, начальник штаба оперативного руководства, по военно-организационным вопросам — три главнокомандующих, в числе которых были я и адмирал Рёдер, а впоследствии адмирал Дёниц. Последние

два — по морским вопросам. Остальные представители армии не принимали участие.

Руденко: Следующий вопрос. Если мы подойдём к предмету не теоретически, а функционально, мы можем сделать вывод о том, что любые рекомендации которые могли давать ведущие сотрудники Гитлера оказывали сколько-нибудь значительное влияние на окончательные решения Гитлера?

Геринг: Если отбросить, чисто формальную точку зрения и предположить, что вы касаетесь только военной сферы, тогда положение было…

Руденко: Нет, я подразумеваю, все сферы. Вопросы всех видов, таких как экономические, внутренние, политические, внешнеполитические, военные и стратегические вопросы. Я имею в виду, если мы затрагиваем предмет, не теоретически, но функционально, имели ли их рекомендации существенное влияние на окончательные решения Гитлера? Вот, что я подразумеваю.

Геринг: В определенной степени да; их неприятие зависело от того казались ли они фюреру правильными.

Руденко: Вы сказали в определенной степени, не так ли?

Геринг: Да, конечно, если делалось разумное предложение, и если он считал его разумным, оно вероятно использовалось.

Руденко: Я утверждаю, что все эти советники близко сотрудничали с Гитлером. Следовательно, они имели определенное влияние на окончательные решения Гитлера. Они же не оставались в стороне, не так ли?

Геринг: Они не находились в стороне, но влияние они имели лишь в той степени, в какой их точка зрения совпадала с точкой зрения фюрера.

Руденко: Ясно. Перейдем к следующей группе вопросов.

Когда именно вы начали разработку плана действий германской авиации против Советского Союза в связи с вариантом «Барбаросса»?

Геринг: План развертывания воздушных сил в связи с вариантом «Барбаросса» был разработан моим генеральным штабом после первого указания фюрера относительно возможного возникновения конфликта, то есть после ноябрьского указания.

Руденко: 1940 года?

Геринг: В 1940 году. Но я хочу добавить, что уже рассматривал проведение подготовки не только в ожидании возможной угрозы от России, но и от всех тех стран, которые не находились с нами в состоянии войны, но могли быть втянуты в неё.

Руденко: Хорошо. Это был ноябрь 1940 года, когда Германия подготовила нападение на Россию? Планы нападения уже были подготовлены при вашем участии?

Геринг: Я недавно очень подробно говорил о том, что к этому времени уже был разработан план на случай возможного изменения политического положения с

учетом угрозы со стороны России.

Руденко: Я прошу ответить коротко на этот вопрос: «да» или «нет». Я думаю, на этот вопрос можно ответить коротко.

Я еще раз повторяю: в ноябре 1940 года, более чем за полгода до нападения на Советский Союз, был разработан план этого нападения при вашем участии? Вы можете коротко ответить на этот вопрос?

Геринг: Да, но не в том смысле, в каком вы это хотите представить.

Руденко: Мне кажется, я вам совершенно ясно поставил вопрос, и никакого двойного смысла в нем нет. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: О какой области вы говорите: области авиации, флота или сухопутных сил?

Руденко: Если вы осведомлены по всем областям: и авиации, и флота, и сухопутных войск, — я желал бы, чтобы вы ответили по всем областям.

Геринг: В общем и целом я могу сказать о воздушных силах, где дело шло относительно быстро.

Руденко: Пожалуйста. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: Спустя много лет, я не могу назвать точной даты, без каких-либо материалов, но отвечая на ваш вопрос если рассматривать воздушные силы это заняло сравнительно короткое время. В области сухопутных войск это заняло, очевидно, большее количество времени.

Руденко: Таким образом, вы признаете, что нападение на Советский Союз было предрешено за несколько месяцев до его осуществления и что вы как командующий германской авиацией и рейхсмаршал принимали непосредственное участие в подготовке этого нападения.

Геринг: Я позволю себе разделить то обилие вопросов, которые вы мне задали. Во-первых, не за несколько месяцев...

Руденко: Здесь нет обилия вопросов. Здесь один вопрос. Вы признали, что в ноябре вы разработали вариант «Барбаросса» по воздушным силам. Я спрашиваю вас, как главнокомандующего германской авиацией.

Геринг: Это правильно.

Руденко: На первую часть вопроса вы ответили. Теперь последняя часть вопроса. Вы признаете как командующий воздушными силами и рейхсмаршал, что вы принимали участие в подготовке нападения на Советский Союз?

Геринг: Я еще раз подчеркиваю — я провел приготовления для возможного нападения, в основном в связи с убеждением Гитлера, что Советская Россия занимает опасное отношение. Безусловно, в начале, нападение не обсуждалось, и это ясно следует из директивы ноября 1940.

Во-вторых, я хочу подчеркнуть, что мое положение как рейхсмаршала не играет в данном случае никакой роли. Это ведь лишь титул, звание.

Руденко: Вы не отрицаете, скорее вы согласны с тем, что этот план был разработан еще в ноябре 1940 года?

Геринг: Да.

Руденко: Мне представляется, что данный вопрос уже был детально рассмотрен трибуналом ранее, поэтому нам не стоит далее говорить о плане Барбаросса, который ясен. Я перехожу к другому вопросу:

Признаете ли вы, что целями войны против Советского Союза был захват советских территорий до Урала, присоединение к империи Прибалтики, Крыма, Кавказа, волжских районов, подчинение Германии Украины, Белоруссии и других областей? Признаете вы это?

Геринг: Я этого ни в коей степени не признаю.

Руденко: Не признаёте! Разве вы не помните, что на совещании у Гитлера 16 июня 1941, на котором присутствовали вы, Борман, Кейтель, Розенберг и другие, Гитлер именно так определил цели войны против СССР, как я изложил в предыдущем вопросе? Этот документ был предъявлен трибуналу, он достаточно известен, и вы, очевидно, его помните. Вы помните это совещание?

Геринг: Я точно помню этот документ и хорошо помню это совещание. Я сразу же сказал, что этот документ, составленный господином Борманом, мне кажется бесконечно преувеличенным в отношении данных требований. Во всяком случае, в начале войны и еще раньше этот вопрос не обсуждался.

Руденко: Но вы признаёте, что такая протокольная запись существует?

Геринг: Это я признаю, так как я видел ее. Этот документ был составлен Борманом.

Руденко: Вы признаете, что согласно этой протокольной записи вы также были участником этого совещания?

Геринг: Я присутствовал на этом совещании, и по этой причине я сомневался в правильности этой записи.

Руденко: Вы помните, что в протокольной записи совещания формулировались задачи, которые поставлены в связи со сложившейся обстановкой? Я напомню вам некоторые места из этого протокола. Не требуется читать его полностью.

Геринг: Можно ли мне получить копию этого протокола?

Руденко: Вам нужна копия протокола?

Геринг: Я прошу её.

Руденко: Пожалуйста. Вы хотите прочитать документ?

Геринг: Нет, только место, которое вы собираетесь процитировать.

Руденко: На второй странице этого документа, второй абзац, пункт 2 относительно Крыма: «Мы подчёркиваем» - вы нашли это место? Нашли?

Геринг: Секунду, еще не нашел. Теперь нашел.

Руденко:

> «Мы подчёркиваем» - гласит пункт второй – «что мы несём свободу Крыму. Крым должен быть освобожден от всех чужаков и населен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью империи».

Вы находите это место?

Геринг: Да.

Руденко: Там написано «провинция империи».

Геринг: Да.

Руденко: Далее я обращаю ваше внимание на конец этого протокола, последнюю его часть: «Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи».

Вы нашли «Фюрер подчеркивает»

Геринг: Вы имеете в виду последнюю часть?

Руденко: Правильно.

Геринг: «Наконец, приказано…»?

Руденко: Немного выше.

Геринг: «Фюрер подчеркивает…»?

Руденко: Правильно.

> «Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи». Затем следует - Крым с прилегающими районами должен стать областью империи, вернее, области Крыма. Этих прилегающих районов должно быть как можно больше».
>
> Далее сказано в отношении проживающих украинцев…
>
> Через один абзац сказано:
>
> «Фюрер подчеркивает, что и волжские районы должны стать областью империи, точно так же, как и Бакинская область должна стать военной колонией империи. Финны хотят получить Восточную Карелию.
>
> Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии. Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей, с тем, чтобы затем отдать его финнам».
>
> Вы нашли это место где говорится про Ленинград и Финляндию?

Геринг: Да.

Руденко: Это запись совещания, на котором вы присутствовали 16 июля 1941, через три недели после нападения Германии на Советский Союз. Вы не отрицаете, что такая запись существует?

Это документ L-221.

Геринг: Подождите, вы ошиблись в дате. Вы сказали три дня, это не так.

Руденко: Три недели, не три дня.

Геринг: О, 3 недели, понятно.

Руденко: Тремя неделями спустя после нападения Германии на Советский Союз, 22 июня, проходило совещание в ставке Гитлера 16 июля в 15 часов, я думаю.

Правильно, что такое совещание было?

Геринг: Это правильно. Я все время это говорил. Но протокол неправильный.

Руденко: А кем этот протокол был записан?

Геринг: Борманом.

Руденко: И в чём был смысл Борману неправильно записывать протокол?

Геринг: Борман преувеличил в протоколе. Например, об областях Волги вообще нигде не было речи. Что касается Крыма, то правильно, что фюрер...

Руденко: Давайте уточним. Германия хотела, чтобы Крым стал областью империи?

Геринг: Фюрер хотел Крым, да, но эта цель была еще до войны. То же самое относилось к трём балтийским государствам, которые ранее были взяты Россией. Они, также, должны были быть возвращены Германии.

Руденко: Простите. Вы сказали, что вопрос Крыма возник до войны, то есть, вопрос получения Крыма империей. За какое время до начала войны шла речь об этом?

Геринг: Нет, до войны фюрер не обсуждал с нами территориальные цели, скорее эти территории он держал в уме. Тогда, если вы прочтете протокол, я лично рассматривал вопрос несвоевременным, и я посвящал себя на этом совещании более практическим вопросам.

Руденко: Все же я хочу уточнить. Вы заявляете, что в отношении Крыма действительно шла речь о том, чтобы Крым сделать областью империи?

Геринг: Да, на этом совещании об этом говорилось.

Руденко: В отношении Прибалтики тоже речь шла об этом?

Геринг: Да

Руденко: Хорошо. Относительно Кавказа, была речь об аннексировании Кавказа?

Геринг: Никогда не говорилось о том, что Кавказ должен был стать немецким. В этой связи говорилось только о том, чтобы осуществить сильное экономическое влияние со стороны Германии.

Руденко: То есть, чтобы Кавказ стал германской концессией?

Геринг: В какой мере — это можно было бы определить только после победоносного заключения мира. Можно увидеть из протокола, что безумием является говорить о таких вещах спустя несколько дней после начала войны. О таких вещах, которые излагает здесь Борман, вообще нельзя говорить, так как ведь еще неизвестно, каков будет исход войны, каковы перспективы.

Руденко: Итак, преувеличение сводится к тому, что о волжских колониях не шла речь, — не так ли?

Геринг: Преувеличение заключается в том, что в тот момент обсуждались вещи, о

которых практически вообще нельзя было говорить. В лучшем случае, можно было говорить о тех областях, которые были заняты, а также об их управлении.

Руденко: Мы сейчас устанавливаем факт, что об этих вещах шел разговор, эти вопросы ставились на совещании, причем ставились как задача, и этого вы не отрицаете?

Геринг: Частично они обсуждались, но не так, как это здесь описано.

Руденко: Я только хочу сделать один вывод, что это совещание подтверждает, что основной план захвата территорий Советского Союза Германией был разработан несколько месяцев тому назад, правильно это?

Геринг: Это правильно. Но я должен еще раз подчеркнуть, разрешите мне это сделать, что я, как отмечено в протоколе, не разделял эти безграничные предположения. Дословно здесь сказано следующее:

> «Рейхсмаршал возразил этому, то есть, длительной дискуссии обо всех подобных вещах, подчеркнув основные моменты, которые имели для нас жизненно важное значение, такие как, обеспечение поставок продовольствия в объеме необходимом для экономики, обеспечение безопасности дорог, и т.д.»

Я хотел свести все эти речи к действительно практическим вещам.

Руденко: Так. Вы противоречите сами себе, постольку поскольку по вашему мнению, в первую очередь следует обеспечить себя продовольствием, а все остальное, могло быть потом. Так написано. Ваше противоречие не заключается в возражении по существу плана, а вопрос шел только о сроках; в первую очередь захватить продовольствие, а потом территорию.

Геринг: Нет, написано так, как я прочёл и здесь нет последовательности задач. Относительно этого никаких секретов нет.

Руденко: Прошу вас повторить, как вы зачитывали. В чем расхождения нашего перевода?

Геринг:

> «После длительной дискуссии о людях и вопросах касавшихся аннексии, и т.д., возражая этому, рейхсмаршал подчеркнул основные пункты которые могут быть для нас решающими: обеспечение поставок продовольствия в степени необходимой для экономики, обеспечение безопасности дорог и т.д. – связи».

Я тогда говорил как раз о железных дорогах и т. д.; это значит, что я хотел свести эту экстравагантную дискуссию, имевшую место в первое время опьянения победой, к чисто практическим вопросам, которые должны были быть разрешены.

Руденко: Вполне понятно, что обеспечение продовольствием играет важную роль. Однако, возражение которое вы только, что привели не означает того, что вы

возражали аннексии Крыма или аннексии других областей, это правильно?
Геринг: Если бы вы владели немецким языком, то вы поняли бы весь смысл этого выступления из предложения: «Возражая этому, рейхсмаршал подчеркнул...», — это значит, что я тогда не сказал: «Я протестую против аннексии Крыма» или – «Я возражаю против аннексии балтийских стран». Я не имел никаких оснований для этого. Если бы мы победили, то после подписания мира мы бы в любом случае решали о том насколько аннексия послужит нашей цели. Но в тот момент мы еще не кончили войны и еще не победили. Вследствие этого я лично ограничился лишь практическими вещами.
Руденко: Я понял вас. В таком случае вы рассматривали аннексию этих областей как последующий шаг. Как вы сами сказали, после войны вы бы захватили эти области и аннексировали их. В принципе вы не опровергаете этого.
Геринг: Не в принципе. Как старый охотник, я действовал согласно принципу не делить шкуру не убитого медведя.
Руденко: Я понимаю. И шкуру медведя следовало делить после, того, как территории были бы полностью захвачены, правильно?
Геринг: Но о том, что делать со шкурой можно решить только после того, как он будет убит.
Руденко: К счастью, этого не случилось.
Геринг: К счастью для вас.
Руденко: Итак, суммируя ваши ответы, которые вы дали на мои вопросы, вполне ясно, и я думаю, вы согласитесь с этим, что цели войны были агрессивными.
Геринг: Единственной и решающей военной целью было устранить опасность, которую Россия представляла для Германии.
Руденко: И захватить русские территории.
Геринг: Я постоянно пытаюсь это объянсить, а именно, что до начала войны это не обсуждалось. Ответ заключается в том, что фюрер видел в отношении России и выдвижении её войск на нашей границе, смертельную угрозу Германии, и он хотел устранить эту угрозу. Он чувствовал это своим долгом. Каким мог бы быть мир после победоносной войны, другой вопрос, который тогда никак не обсуждался. Но отвечая на ваш вопрос, я не имел в виду, что после победоносной войны на Востоке, у нас бы не было мыслей об аннексии.
Руденко: Я не желаю тратить время суда возвращаясь к вопросу так называемой превентивной войны, но вместе с тем, поскольку затронут вопрос, я должен спросить следующее:
Вы помните, показания фельдмаршала Мильха, который заявил о том, ни Геринг, ни он никогда не хотел войны с Россией. Вы помните эти показания вашего свидетеля фельдмаршала Мильха?
Геринг: Прекрасно помню.
Руденко: Вы помните. В таком случае, почему вы не хотели войны с Россией, если

видели так называемую русскую угрозу?

Геринг: Во–первых, я уже сказал, что это фюрер понимал опасность настолько большой и настолько неминуемой. Во–вторых, в связи с вопросом, заданным моим представителем, я прямо и четко заявил о причинах, почему я верил в то, что она пока не стала неминуемой, и о том, что, мы должны были предпринять другие подготовительные меры. В этом заключалось моё твёрдое убеждение.

Руденко: Но вы не отрицаете показания вашего свидетеля Мильха?

Геринг: Мильх разделял в чём-то мнение отличавшееся от моего. Он считал это серьезной опасностью для Германии, потому что это означало войну на два фронта. Он не столько считал, что Россия не представляет опасность, но он поддерживал то, что несмотря на опасность нужно было пойти на риск и не использовать нападение в качестве превентивной меры против такой угрозы. Я разделял такое же мнение, но конечно в другое время.

Руденко: На основе ваших ответов в течении нескольких заседаний, кажется, что не было ни одной страны на земле которую вы бы не считали угрозой.

Геринг: Большинство других стран не представляли угрозу для Германии, но лично я, с 1933, всегда видел в России огромную угрозу.

Руденко: Что же, конечно под «другими странами» вы имеете в виду своих союзников, не так ли?

Геринг: Нет, я думаю о большинстве других стран. Если вы снова спрашиваете меня, я скажу, что опасность для Германии, по моему мнению заключалась в стремлении России на Запад. Естественно, я также видел определенную опасность в двух западных странах, Англии и Франции, и в этой связи, в случае вовлечения Германии в войну, я также рассматривал в качестве угрозы Соединенные Штаты. Что касается других стран, я не считал их представлявшими прямую угрозу для Германии. В случае небольших государств, они представляли прямую угрозу, только при их использовании крупными странами, в качестве баз для войны против Германии.

Руденко: Естественно небольшие государства не представляли такую же опасность, потому что Германия уже оккупировала их. Это уже довольно часто устанавливали в трибунале.

Геринг: Нет, небольшая страна как таковая не представляет угрозы, но если другая крупная страна использует небольшую против меня, тогда небольшая страна тоже становится опасной.

Руденко: Я не хочу дальше обсуждать эту тему, так как это не относится к вопросу. Основной вопрос здесь заключается в намерениях Германии в отношении территории Советского Союза и на него вы ответили довольно утвердительно и решительно. Поэтому я не буду задавать вам вопросы по данному предмету. Я перехожу к другому вопросу.

Вы признаете, что в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану

вы непосредственно руководили подготовкой и разработкой планов экономической эксплуатации всех оккупированных территорий, а также реализацией этих планов?

Геринг: Я уже признал, что я принимаю ответственность за экономическую политику на оккупированных территориях и директивы, которые я давал по эксплуатации этих территорий.

Руденко: Вы не можете сказать, сколько миллионов тонн зерна и других продуктов было вывезено из Советского Союза в Германию за время войны?

Геринг: Я не могу назвать вам цифры. Откуда я могу это знать по памяти? Но я убежден, в том, что они не настолько большие как здесь говорилось

Руденко: На основе ваших собственных документов у меня есть цифры, но мы перейдем к этому вопросу позднее.

Я хочу вернуться к совещанию, о котором здесь уже говорил. Вы помните документ, представленный советским обвинением, касавшийся совещания от 6 августа 1942, экземпляр номер СССР-170, документ номер СССР-170? 6-го августа было совещание всех рейхскомиссаров оккупированных областей и представителей военного командования. Вы выступали на данном совещании, и я хочу напомнить вам некоторые вещи о которых вы говорили.

Геринг: Могу я увидеть этот протокол?

Руденко: Вы хотите посмотреть на протокол совещания? Разумеется. Это довольно длинный документ. Это довольно длинный документ. Я не собираюсь читать его целиком, а только относящиеся к делу отрывки. Прошу обратить внимание на страницу 111 стенограммы – место отмечено карандашом – особенно цитаты, которые я буду цитировать. На странице 111 говорится:

> «Господа, фюрер предоставил мне генеральные полномочия в таком размере, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане. Он также уполномочил меня...»

Геринг: Секунду. Вы не опустили «в четырехлетнем плане»?

Руденко: Очевидно, до вас не дошел перевод. Я назвал четырехлетний план.

> «Он предоставил мне дополнительные полномочия в рамках четырехлетнего плана, которые касаются любой хозяйственной области нашей структуры, безразлично, внутри ли государства, партии или вооруженных сил...»

Я спрашиваю, действительно вам были предоставлены такие исключитель ные полномочия как указано в цитате?

Геринг: После разработки четырехлетнего плана мне были предоставлены чрезвычайные полномочия. Впервые в области экономики были предоставлены неограниченные полномочия давать директивы и указания всем высшим инстанциям Рейха, всем партийным инстанциям,

вооруженным силам. Эти полномочия после начала войны были распространены также на экономическую структуру оккупированных областей.

Руденко: Значит, правильно я цитировал ваше выступление?

Геринг: Абсолютно, несмотря на то, что это неправильно перевели на немецкий язык.

Руденко: Следующее в связи с этим. Учитывая ваши особые полномочия, которыми вы были облечены, — ваши указания, инструкции и требования являлись обязательными для участников совещания 16 августа, на котором вы выступали?

Геринг: Да.

Руденко: Следовательно, если в ваших выступлениях встречаются такие выражения, как «выжать» и «вытряхнуть» из оккупированных территорий все, что только можно, то это была обязательная директива?

Геринг: Естественно, они должны были быть приведены в надлежащую форму. В данном случае речь идет о высказывании в прямой речи, в устном выступлении. Конечно, эти слова не отличаются особенной салонной изысканностью.

Руденко: Да, я понимаю.

Геринг: Вы ссылаетесь на отрывок, я позволю себе повторить, где говорится следующее: «Вы посланы сюда не за тем, чтобы работать на благо населения...»?

Руденко: Да.

Геринг: Вы имеете в виду этот отрывок?

Руденко: Да, страница 112. Здесь сказано, я прочту:

> «Вы посланы сюда не за тем, чтобы работать на благо населения, а для того, чтобы выжимать все возможное их этих территорий. Вот чего я от вас хочу».

Геринг: Вы пропустили конец предложения «…для того, чтобы немецкая нация могла жить…»

Руденко: Да, правильно.

Геринг: Минуточку – «….выжимать все для того, чтобы немецкая нация могла жить. Вот чего я от вас хочу».

> Однако, перед этим говорится и, я хочу прочитать:
>
> «На каждой из оккупированных территорий я вижу людей обеспеченных продовольствием, в то время как наш народ голодает».
>
> Затем следует фраза.

Руденко: Вы не отрицаете, что это ваши собственные слова:

> «Вы посланы сюда не за тем, чтобы работать на благо населения, а для того, чтобы выжимать все возможное…»

Геринг: Вам следует читать это в связи с предыдущей частью. Я не отрицаю того,

что это сказал.
Руденко: Вы отрицаете собственные слова сказанные здесь?
Геринг: Нет, я говорю вам, что я сказал это. То, чему я возражаю это то как вы берёте определённые вещи, при том, что нужно приводить их в контексте.
Руденко: Эти фразы в документе являются очень выразительными. Они не требуют комментариев.

Я обращаю ваше внимание на следующую цитату на странице 113, которая также подчёркнута. Здесь некоторые из ваших приказов:

«Я сделаю одну вещь, я получу от вас то, что я требую, и, если вы не сможете это сделать, я создам ведомства которые получат это от вас, нравится вам это или нет».

Вы видите фрагмент? Это правильно, что вы так говорили на совещании?
Геринг: Это место переведено переводчиком не так, как это сказано в подлиннике. Переводчик, который переводит ваши слова на немецкий язык, употребляет некоторые превосходные степени, которые здесь не наличествуют. Вытрясти…
Руденко: Пожалуйста, прочтите свой подлинник.
Геринг: Здесь сказано: «чтобы получить и достать». Между «получить и достать», и «вытрясти» большая разница в немецком языке.
Руденко: «Получить» и «вытрясти» это одно и то же. И о чем ваша фраза, «я создам органы, которые вытрясут это у вас». Что вы получали?
Геринг: «Получат от», а не «вытрясут из».
Руденко: «Получат от»? Разве у вас имелись основания не доверять рейхскомиссарам? Вы ссылаетесь на них как «специальные органы»?
Геринг: Там присутствовали рейхскомиссары не только восточных областей, но вообще всех областей. Это был вопрос поставок продовольствия которые должны были осуществлять отдельные страны, чтобы позволить нам заниматься в целом продовольственным вопросом во всех районах Европы оккупированных нами. Незадолго до совещания мне сказали о том, что ожидалось, что как всегда бывало в таких случаях, что каждый будет удерживать своё и заставлять другого давать поставки первым. Другими словами, я заявляю: я не хотел дать себя обманывать этим господам. Я знал, что они предложат мне только половину, а я требовал 100 процентов. Мы могли сойтись где-то на половине.
Руденко: Я спрашиваю вас: эти установки, которые вы дали участникам совещания, не являлись ли эти установки не чем иным, как требованием беспощадно грабить оккупированные территории?
Геринг: Нет. В первую очередь на этом совещании речь шла о том, что необходимо иметь больше продовольствия.
Руденко: Я говорю о грабеже. Грабеж может заключаться и в том, чтобы грабить продовольствие в оккупированных территориях.
Геринг: Я только что сказал, что я был ответственным за снабжение

продовольствием почти всех областей. Одна область имела слишком много продовольствия, другая — не имела его в достаточном количестве. Нужно было установить равновесие.

На этой встрече поставка подлежащая предоставлению каждым рейхскомиссаром по большей части устанавливалась на 90 процентах и я вовсе не оспариваю, что я при этих требованиях, выступая на совещании очень живо и темпераментно, был очень резок в своих выражениях. Впоследствии были установлены точные количества того, что должно быть поставлено. Это явилось результатом данного совещания.

Руденко: Я хочу обратить ваше внимание на страницу 118. Здесь сказано следующее, я цитирую ваши слова, страница 118, пожалуйста, вы нашли это место?

Геринг: Да.

Руденко: Там говорится:

> «Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле отнимать то, что завоевано. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить и именно эффективно».
>
> Вы нашли эту высказывание?

Геринг: Да, я нашел. Я точно так говорил на этом совещании, я еще раз это подчеркиваю.

Руденко: Я как раз хотел установить, что именно точно так вы говорили на этом совещании.

Геринг: Я так сказал, и теперь я хочу объяснить причину. Делая это заявление, я имел в виду, что в давние времена война кормила войну. Сегодня вы называете это по-другому, но на практике это тоже самое.

Руденко: Хорошо. Я обращаю ваше внимание на страницу 119. Обращаясь к участникам совещания и развивая мысль, высказанную ранее, вы сказали:

> «Вы должны быть как легавые собаки. Там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, — это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда».
>
> Вы нашли это место?

Геринг: Да, я нашел.

Руденко: Это вы сказали?

Геринг: Я, безусловно, признаю, что я это сказал, да.

Руденко: Вы так сказали. Предложение это абсолютно логичный вывод из ваших указаний «я намереваюсь грабить и именно эффективно»

Геринг: Нет, не так. Сразу после этого я скажу, что издал распоряжение разрешающие солдатам покупать то, что они хотят, и как хотят, столько сколько смогут унести. Просто покупать все.

Руденко: Вы назвали солдат. Я тоже хотел напомнить вам и об этом, и так как вы

процитировали это, я снова сошлюсь на это высказывание. Вы сказали: «Солдаты могут покупать столько сколько хотят, что они хотят, и сколько могут унести».

Геринг: Столько сколько могут унести, да, и это было необходимо, потому что пограничные власти издали ограничивающий приказ, о том, что солдаты могут брать только небольшое количество. Для меня это казалось неправильным, солдат, который сражается должен иметь хотя бы какую-то выгоду от победы.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что приведенные выше цитаты из выступления 6 августа 1942 принадлежат именно вам?

Геринг: Я этого не отрицаю ни в коей мере.

Руденко: Очень хорошо. Перейдем к следующему вопросу. Вы признаете, что, как уполномоченный по четырехлетнему плану, вы руководили насильственным угоном в рабство многих миллионов граждан оккупированных стран и что подсудимый Заукель был в своей деятельности непосредственно подчинен вам? Вы это признаёте?

Геринг: На бумаге он был моим подчинённым, но фактически он подчинялся непосредственно фюреру. Но я уже подчёркивал, что несу ответственность за это в такой степени, в какой я был осведомлен в этой области и конечно я знал об этих заявлениях.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на ваши другие замечания на этом же совещании. Вы найдете это на страницах 141 и 142.

Геринг: Это уже читали трибуналу.

Руденко: Я хочу спросить вас, нашли ли вы место?

Геринг: Я нашел.

Руденко: Вы нашли это. Вы сказал на совещании:

> «Я не хочу хвалить гауляйтера Заукеля — в этом он не нуждается, но то, что он сделал за этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, — это является единственным в своем роде достижением».
>
> Далее, на странице 142, вы говорите по адресу Коха[415]:
>
> «Кох, это все же не только украинцы. Ваши 500 тысяч просто смешны! Сколько он доставил? Почти два миллиона. Откуда он возьмет других?».
>
> Вы нашли это место?

Геринг: Да. Но здесь не совсем так написано.

Руденко: Это не очень ясно. Пожалуйста, уточните.

Геринг: Кох пытался утверждать, что он сам дал всех этих людей Заукелю. На это я ему возразил, что вся программа Заукеля охватывала два миллиона рабочих и что

---

[415] Эрих Кох (1896 — 1986) — деятель НСДАП и Третьего Рейха. Гауляйтер (1 октября 1928 — 8 мая 1945) и оберпрезидент (сентябрь 1933 — 8 мая 1945) Восточной Пруссии, начальник гражданского управления округа Белосток (1 августа 1941—1945), рейхскомиссар Украины (1 сентября 1941 — 10 ноября 1944). Рейхскомиссар Остланда (1944). Польским судом был приговорён к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

он, Кох, может делать такие утверждения только в отношении 500 тысяч. Другими словам, Кох хотел представить дело, таким образом, будто всех этих рабочих достал он.

Руденко: А вы считали, что 500 тысяч из Украины — это мало?

Геринг: Нет, дело не в этом. Я уже пояснил сейчас, что из этих двух миллионов, которые в целом были поставлены Заукелем в течение прошедшего времени, на долю Украины падало всего 500 тысяч, таким образом Кох, не предоставил всех этих рабочих, как он пытался утверждать. В этом смысл данной цитаты.

Руденко: Но вы не отрицаете и другого основного смысла, что речь идет о миллионах насильственно угнанных в Германию на рабский труд?

Геринг: Я не оспариваю, что здесь речь шла о двух миллионах призванных рабочих. Но я сейчас не могу сказать, были ли все они доставлены в Германию. Во всяком случае, они были использованы в интересах германской экономики.

Руденко: Вы не отрицаете, что это был принудительный труд, рабство?

Геринг: Рабство я отрицаю. Принудительный труд, само собой разумеется, частично использовался, по той причине по которой я уже сказал.

Руденко: Но их насильственно отправляли из своих стран в Германию.

Геринг: В определенной степени принудительно, и я уже объяснял почему.

Руденко: Вы слышали, подсудимый Геринг, — здесь был оглашен ряд немецких документов, из которых явствует, что граждане оккупированных территорий отправлялись в Германию насильственно. Их собирали путем облавы на улицах, в кино, их отправляли в эшелонах под военной охраной. За отказ ехать в Германию, попытку уклониться от этой мобилизации мирное население расстреливалось и подвергалось всяким истязаниям. Вы слышали эти документы, которые оглашались здесь, в суде?

Геринг: Да, могу я попросить вас снова взглянуть на эти документы. Они показывают, что распоряжений о наборе не было, что учет для принудительного труда регулировался с помощью распоряжений и иным образом. Если бы мне могли дать абсолютную гарантию, в частности, на Востоке, что все эти люди совершенно мирные и миролюбивые не будут участвовать в партизанских акциях или осуществлять саботаж, то я использовал бы большую их часть в работах на местах. Это были интересы безопасности, как на Востоке, так и на Западе, в частности на Западе, где молодые возрастные группы достигали возраста военной службы, что заставляло нас отправлять этих рабочих в Германию.

Руденко: Только в интересах безопасности они были увезены?

Геринг: Тут было две причины. Я уже подробно говорил о них. Во-первых, по причинам безопасности и, во-вторых, по причине необходимости в рабочей силе.

Руденко: И по этой причине... допустим, возьмем вторую причину по причине необходимости, насильственно угонялись люди из своих стран в Германию на рабский труд, правильно?

Геринг: Не в рабство, их направляли на работу в Германию, но я должен повторить, что не все те, кого забрали с Востока и кто сегодня пропал, были привезены на работу. Например, в случае Польши уже 1 680 000 поляков и украинцев забрал Советский Союз с территории которую русские тогда оккупировали, и перевезли на Восток – Дальний Восток.

Руденко: Я не думаю, что вам следует касаться вопроса советских территорий. Просто ответьте на вопрос, который я вам задал, по поводу депортации в Германию мирного населения с оккупированных территорий. Я спрашиваю вас еще раз: вы сказали в ответе сэру Дэвиду Максвеллу-Файфу о том, что из 5 000 000 человек доставленных в Германию, приблизительно 200 000 были добровольцами, в то время как остальных забрали в Германию принудительно. Не так ли?

Геринг: Прежде всего, я должен это поправить. Я не говорил такого сэру Дэвиду, а он спрашивал меня.

Руденко: И вы признали это.

Геринг: Секундочку. То есть, он назвал цифру в 5 000 000 из которых, как он сказал не более 200 000 были добровольцами. Он спросил меня в виду протокола центральной плановой комиссии о предположительном заявлении Заукеля. Я не согласился и ответил о том, что число добровольцев было гораздо выше, и что должно быть есть ошибка в цифрах.

Руденко: Хорошо. Вы подтверждаете, что число добровольцев было значительно больше, но вы не отрицаете тот факт, что миллионы были отправлены в Германию против их воли. Вы это не отрицаете.

Геринг: Если не привязываться к цифре, я никогда не отрицал тот факт, что рабочих принуждали к труду, и я соответственно отвечал.

Руденко: Перейдем к другому вопросу: скажите мне, как ОКВ осуществляло передачу своих приказов и директив в другие правительственные управления и службы.

Геринг: Я не понял смысл вопроса в том виде как он прошёл в переводе.

Руденко: Я хочу, чтобы вы описали процедуру, существовавшую при передаче директив ОКВ в отдельные подразделения и управления воздушных сил и других организаций. Как это функционировало?

Геринг: Если я правильно понял вопрос, процедура была следующей: если приказ поступал из ОКВ в адрес воздушных сил, он проходил через следующие каналы: если это был прямой приказ фюрера, подписанный фюрером, приказ передавался непосредственно мне, как главнокомандующему. Если это был приказ – не подписанный фюрером, но начинавшийся со слов «по приказу фюрера», или «по указанию фюрера» - такой приказ, согласно важности, отправлялся начальнику генерального штаба моих воздушных сил, который, соответственно, если он был важным, устно докладывал о нем мне. Однако, если он касался текущих вопросов управлений, приказ немедленно направлялся в нижестоящие управления минуя

высшее командование. По-другому было бы нельзя работать, имея столько приказов.

Руденко: Понятно, в связи с этим я хочу спросить следующее. В 1941 году ОКВ был разработан ряд директив и приказов о поведении войск на Востоке и об обращении с советским населением, в частности, директива о военной подсудности в районе «Барбаросса» - документ С-50, которая предоставляла немецким офицерам право без суда и следствия расстреливать любое лицо, подозреваемое в неприязненном отношении к немцам. Эта директива объявляла безнаказанность немецкого солдата за преступления, совершенные против местного населения. Такого рода директива должна была вам докладываться?

Геринг: Я бы понял это из списка рассылки. Пожалуйста, могу ли я посмотреть на документ?

Руденко: Вы хотите посмотреть на экземпляр?

Геринг: Я хочу посмотреть, направлялся ли этот документ лично мне, или только в мои управления.

Руденко: Пожалуйста, обратите внимание на дату 13 мая 1941.

Геринг: Действительно, этот документ не был непосредственно послан мне. В рассылке говорится: «Ob. d. L.[416], штаб оперативного руководства воздушных сил, старший офицер генерального штаба». Я своим войскам давал очень строгие указания в отношении поведения солдат. По этой причине я ходатайствовал о вызове в качестве свидетеля старшего судьи воздушных сил и послал ему опросный лист относительно этих вопросов.

Руденко: Вы это распоряжение знали?

Геринг: Я увидел его здесь, после чего я ходатайствовал о вызове данного лица в качестве свидетеля, так как этот приказ был направлен не непосредственно главнокомандующему, а служебным инстанциям, о которых я здесь упомянул. Если эти инстанции действовали, таким образом, то есть в соответствии с этим распоряжением, то я несу, конечно, формально ответственность за эти действия. В данном случае мы имеем дело с приказом фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами, который войска не могли обсуждать

Руденко: Но вы согласны с тем, что вы должны были знать об этом документе ввиду его значимости?

Геринг: Нет, если так, он бы поступил непосредственно ко мне, главнокомандующему, а не направлялся в оперативный штаб воздушных сил и отдел офицеров генерального штаба. Тогда это зависело от того считал ли отдел документ важным, чтобы требовать моих личных приказов и директив. Но здесь об этом не шла речь, поскольку документ касался не столько меня, сколько армии.

Руденко: Но документ был послан в ваше управление и вращался там.

Геринг: Я уже заявлял, что его послали в два учреждения.

---

[416] «Аббр. с нем. Oberbefehlshaber der Luftwaffe - главнокомандующий Люфтваффе.

Руденко: Этот документ должны были докладывать вам.
Геринг: Нет, мне не должны были доложить о нем. Я уже говорил, что если бы мне докладывали о каждом приказе и каждой директиве, которые проходили по отдельным инстанциям и не требовали моего вмешательства, то я бы потонул в этом море бумаг. Поэтому мне сообщали и докладывали только о самых важных вещах.

Я сейчас не могу сказать под присягой, был этот документ упомянут в устной форме во время доклада или нет. Это возможно. Формально я и здесь несу ответственность за действия моих служебных инстанций.

Руденко: Я хочу, чтобы вы это уточнили. Вы говорите, вам должны были докладываться самые важные вещи? Правильно?
Геринг: Это правильно.
Руденко: Я хочу обратить внимание на документ, перед вами пункты 3 и 4 этого приказа. В пункте 3 говорится:

> «Всякие иные нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал также должны подавляться войсками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения нападающих».
>
> Пункт 4: «Таким образом, нельзя терять время…»

Геринг: Секунду.
Руденко: Четвертый параграф…
Геринг: Вы дали мне три документа, и я пытаюсь понять какой это, я пытаюсь их разобрать.
Руденко: Хорошо, разберите их.
Геринг: Я повторю пункт 3, потому что он был передан довольно ошибочно на немецком языке:

> «Также в случае всех других нападений враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, их военнослужащих и обслуживающий персонал, войскам следует на месте предпринимать крайние меры для их подавления, даже включая уничтожение нападающих».

Руденко: И пункт 4?
Геринг: Затем следует параграф 4. Если я вас правильно понял, пункт где сказано: «Там, где меры такого рода не применяются или не являются практичными в настоящий момент, подозреваемые элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру, который решит о том следует ли их расстреливать». Наверное, вы это имели в виду?
Руденко: Да. Я именно это имел в виду. Как вы считаете, это важный документ с точки зрения того, что он должен был быть вам доложен вашими служебными инстанциями?
Геринг: Сам по себе это важный документ, но о нем не должны были обязательно докладывать, так как он уже достаточно ясно был сформулирован фюрером в

приказе, что подчинённый командир и даже главнокомандующий одной из служб, не мог ничего изменить в этом столь ясном и строгом приказе.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на дату в правом углу этого документа. В нем говорится: «Главная квартира фюрера, 13 мая 1941».

Геринг: Да.

Руденко: Это, стало быть, больше чем за месяц до нападения Германии на Советский Союз? Уже тогда было разработано распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса», и вы не знали об этом документе?

Геринг: Когда составляется план мобилизации, нужно предусматривать определённые непредвиденные обстоятельства. На основании опыта фюрер считал, что особая угроза возникнет тотчас же на Востоке. Поэтому здесь предписываются те меры, которые должны быть приняты, если будет оказываться сопротивление или если будет иметь место нападение с тыла. Речь идет о предварительном приказе на случай, если такие события наступят. Такие меры следовало предпринимать всегда и во все времена.

Руденко: И офицеру предоставлено право без суда и следствия расстреливать?

Геринг: Офицер мог созвать военно-полевой суд на месте. На основании этого параграфа он мог также, если он считал нужным и имел доказательства того, что противник участвовал в нападении с тыла, — расстрелять такого человека на месте. Так всегда делали.

Руденко: Вы считаете, что офицер мог создать суд на месте?

Геринг: Это изложено в статьях о войне. Каждый офицер, имеющий отдельную, самостоятельную войсковую часть, может в любое время создать особый суд.

Руденко: Но вы согласны с тем, что здесь ни о каком суде не говорится, что здесь говорится о том, что офицер единолично решает вопрос?

Геринг: Он мог действовать в одиночку или посредством военно-полевого суда на месте. Всё, что ему требовалось это вызвать ещё двух человек, и он мог вынести решение, за две-пять минуты если были предоставлены доказательства нападения.

Руденко: За пять или две минуты расстрелять?

Геринг: Если я поймаю на месте преступления человека, который стрелял из дома в спину моим войскам, то военно-полевой суд может решить вопрос в самый кратчайший срок. Но если доказательств вообще нет, вы не можете это сделать. Однако, здесь мы имели дело с внезапными нападениями и средствами, чтобы положить им конец.

Руденко: Подсудимый Геринг, оставим этот вопрос. Я отмечаю еще раз, что директива была принята высшим командованием вооруженных сил 13 мая 1941, и что этот приказ давал офицерам право расстреливать человека без суда. Я предполагаю, вы этого не отрицаете. Продолжим.

Геринг: Да, но я это категорически отрицаю. Здесь ничего не говорится о праве офицера расстреливать просто так. Поймите меня правильно. Здесь сказано – я

повторю – «Нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы» и затем сказано, «там, где такие меры не являются практичными в настоящий момент подозреваемые элементы…» - здесь имеется в виду «подозреваемые элементы» - доставляются высшему офицеру подразделения и он решает вопрос. Другими словами, здесь не сказано, о том, что офицер мог решить судьбу любого гражданского.

Руденко: Разрешение на расстрел. Ясно. Второй документ, который я хочу сейчас предъявить, и спросить вас о нем, датирован 16 сентября 1941. Он представлен суду как экземпляр номер R-98.

Геринг: Секунду. Какую дату вы назвали?

Руденко: 16 сентября 1941 г. это дата документа. Пункт «Б» документа. Я его не цитирую. Я просто напоминаю вам его. Здесь указывается в качестве общего правила, что за смерть одного немецкого солдата следует платить жизнями пятидесяти-ста коммунистов. Это означает, что данное правило должно было служить в качестве устрашения. Я не собираюсь спрашивать об основном предназначении документа. Это совершенно ясно и не требует разъяснения. Меня интересует не был ли вам известен этот документ.

Геринг: Этот документ не направлялся мне. Этот документ был направлен в какую-то служебную инстанцию. Воздушные силы вообще мало имели дела с подобного рода вещами.

Руденко: И служебная инстанция не докладывала вам о такого рода документе?

Геринг: В целом я знал об этих репрессалиях, но не в такой степени. Я только позднее узнал, я имею в виду во время войны, не здесь, о том, что в этом приказе первоначально было указано пять-десять человек, фюрер же лично сделал из этого количества пятьдесят-сто человек. Вопрос заключается в том, есть ли у вас доказательства того, что воздушные силы, когда-нибудь его исполняли. Это все, что я могу вам сказать.

Руденко: Здесь я задаю вопросы. Я вас спрашиваю: вам служебная инстанция об этом документе докладывала?

Геринг: Нет. Но я позднее слышал об этом документе.

Руденко: Что вы имеете в виду под «позднее»? Пожалуйста, уточните.

Геринг: Я сейчас не могу этого сказать. Это было где-то во время войны, что я услышал о том, что первоначально указанная цифра в пять-десять была лично изменена фюрером на пятьдесят-сто. Вот, что я слышал.

Руденко: За одного немца?

Геринг: Я только, что вам объяснил. Это то, что я слышал. Первоначально цифра была пять-десять человек и фюрер сам изменил это число путем прибавления нуля. Этот факт обсуждался, и в то время я узнал об этом вопросе.

Руденко: Вы имеете в виду, что фюрер добавил нули?

Председатель: Генерал Руденко, вы действительно считаете, что следует вдаваться

в такие подробности? Документы, в конце концов, говорят сами за себя, и они уже представлены трибуналу.

Руденко: Я закончил с этим документом господин председатель.

Известно ли вам о директивах ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными»?

Геринг: Я должен на них посмотреть.

Руденко: С разрешения господина председателя документ уже был представлен трибуналу как PS-338.

Пожалуйста, посмотрите на пункт «А», параграф 3, где указывается широкая директива о применении оружия против советских военнопленных. Применение оружия следует считать допустимым и в любых инцидентах, охранники не обязаны сообщать о вопросе.

Документ также говорит сам за себя. Я не хочу…

Геринг: Секундочку, сначала я должен прочесть, здесь есть некоторая двусмысленность.

Руденко: Я хочу освежить вашу память по другому вопросу, то есть, кратко прокомментировать. Это из распоряжения об обращении с советскими военнопленными. Здесь говорится о том, что по совершающим побег военнопленным следует стрелять без предупредительного оклика. Это излагается и в памятке об охране советских военнопленных.

Геринг: Трудность здесь заключалась в языке. Поэтому охрану проинструктировали о том, что она должна немедленно применять оружие при попытках к бегству. Вот в чем приблизительно заключается смысл. И в связи с этим понятно, что могли случаться ошибки.

Руденко: Я не говорю о предназначении документа который говорит сам за себя. Я спрашиваю: вы знали об этом документе?

Геринг: Здесь речь идет о документе, касающемся обращения с военнопленными. Он направлялся напрямую отделу который занимался военнопленными. Я не знал об этом документе, как и не знал о том, в котором было мнение управления зарубежной разведки по данному вопросу.

Руденко: Вы не знали об этом документе? Хорошо. Еще один документ, номер PS-884, который уже предъявлен, об уничтожении политруков и других политических работников. Этот документ…

Геринг: Я хотел бы подчеркнуть для разъяснения, что воздушные силы не имели никаких лагерей, в которых содержались бы советские военнопленные. Они имели только шесть лагерей, в которых содержались военнопленные других держав. Лагерей для советских военнопленных воздушные силы не имели.

Руденко: Я поставил этот вопрос и предъявил эти документы, потому что вы, по своему положению второго человека в Германии, не могли не знать таких принципиальных указаний.

Геринг: Извиняюсь, если я противоречу вам. Как раз потому, что мое положение было таким высоким, я мало занимался приказами об обращении с военнопленными, которые были приказами чисто ведомственного порядка и не имели наиважнейшего политического или военного значения. Если бы я занимал более низкую должность, тогда бы я мог знать больше о таких приказах. Я, смотрю на документ, который вы представили мне – управление внутренней обороны. Там слева написано «Тема: Обращение с захваченными политическими и военными русскими функционерами». Вот, что я вижу в документе.

Руденко: Обратите внимание на дату этого документа: «Главная ставка фюрера, 12 мая 1941»

Геринг: Да.

Руденко: Обратите внимание на параграф 3 этого документа:

> «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться, самое позднее, в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются».
>
> Вы знали об этой директиве?

Геринг: Я могу заметить, что это никоим образом не директива, а имеет заголовок «запись для доклада», подписанная Варлимонтом. В списке адресатов для рассылки документа не указывается никакая другая служебная инстанция, кроме отдела обороны страны. Таким образом, этот документ представляет собой запись для доклада.

Руденко: Значит, вы не знали об этом документе?

Геринг: Скажу ещё раз, эта запись для доклада из штаба оперативного руководства ОКВ. Это не директива и не приказ. Это — лишь запись для доклада.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вы говорите нам о том, чем она являлась, а не о том знали ли вы об этой директиве или нет?

Геринг: Нет, я не знал. Мне её раньше предъявляли как приказ, и я хотел заметить, что это не приказ.

Руденко: Дальше. Директивы об обращении с советскими военнопленными должны были выполняться в частях авиации?

Геринг: Если они исходили от фюрера, то да. Если они исходили от меня, тогда тоже да.

Руденко: Вы припоминаете свои директивы по этому вопросу по обращению с советскими военнопленными?

Геринг: Нет.

Руденко: Не помните. Скажите…

Геринг: Воздушные силы не имели никаких лагерей с советскими военнопленными.

Руденко: Скажите, большинство этих преступных приказов и директив ОКВ было издано еще до начала войны против Советского Союза, в порядке подготовки войны против Советского Союза. Не доказывает ли это, что германское правительство и

ОКВ имели заранее обдуманный план уничтожения советского населения?

Геринг: Нет, это ни в коем случае не доказывает этого. Это показывает лишь то, что мы рассматривали борьбу с Советским Союзом как чрезвычайно жестокую борьбу и том, что эта борьба велась на основании других принципов, так как не существовало никаких конвенций по этому поводу.

Руденко: Эти правила известны, о том, как вы вели эту борьбу. Скажите, вам должно быть известно об установке Гиммлера, которую он дал в 1941 году об уничтожении 30 миллионов славян? Вы об этом слышали также здесь, на суде, от свидетеля Бах-Зелевского[417]. Вы помните эти показания?

Геринг: Да. Прежде всего это был не приказ, а всего лишь речь. Во–вторых, это было утверждением Зелевски. И в–третьих, во всех речах перед подчинёнными Гиммлер настаивал на строжайшей секретности. Другими словами, это заявление свидетеля о том, что он слышал, а не приказ. Соответственно у меня нет сведений о такой бессмыслице.

Руденко: Вы не знали. Скажите, ведь в германском тоталитарном государстве имелся единый руководящий центр — Гитлер и его ближайшее окружение, и вы в том числе как заместитель? Одни и те же установки должны были быть и для Гиммлера и для Кейтеля. Мог ли Гиммлер от себя давать установки об уничтожении 30 миллионов славян, не имея по этому вопросу указаний Гитлера или ваших?

Геринг: Гиммлер не издавал никакого приказа в отношении истребления 30 миллионов славян. Свидетель сказал о том, что он произнес речь в том духе, что 30 миллионов славян должны быть истреблены. Если бы Гиммлер де факто издал приказ подобного рода, то он должен был бы, спросить фюрера, и тот наверное сразу бы ему сказал о том, что это невозможно.

Руденко: Я не сказал о приказе, я сказал об установках Гиммлера. И вы допускаете, что эти установки мог Гиммлер давать без согласования с Гитлером?

Геринг: Я подчеркиваю, что такие инструкции не могли быть даны Гиммлером. Мне ничего неизвестно о таком указании или распоряжении.

Руденко: Я еще раз повторяю вопрос: не являются ли объективно приказы и директивы ОКВ об обращении с населением и военнопленными на оккупированных советских территориях реализацией общей директивы об истреблении славян?

Геринг: Вообще нет. Никогда не существовало директивы, которая была бы дана фюрером или кем-нибудь другим в отношении истребления славян.

Руденко: Вы должны были знать о массовом уничтожении советских граждан на оккупированной советской территории с помощью эйнзацгруппен[418], полиции безопасности и СД. Не являлась ли деятельность эйнзацгруппен результатом

---

[417] Эрих фон дем Бах (1899 — 1972) — обергруппенфюрер СС, генерал полиции и генерал войск СС. В 1942-1944 начальник штаба антипартизанской борьбы. После войны был несколько раз судим, умер в тюремной больнице.

[418] Айнзацгруппы полиции безопасности и СД (нем. Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD, сокр. EGr, рус. «целевые группы», «группы развёртывания») — военизированные эскадроны смерти нацистской Германии, осуществлявшие массовые убийства гражданских лиц на оккупированных ею территориях стран Европы и СССР.

реализации заранее разработанного плана об уничтожении евреев и других мирных граждан?

Геринг: Нет, деятельность айнзацгрупп была совершенно секретной.

Руденко: У меня ещё будут вопросы, несколько. Может быть удобнее перерыв объявить.

Председатель: Сколько времени это займет, генерал Руденко?

Руденко: Я думаю не больше часа.

Председатель: Все эти документы, которые вы предъявили свидетелю, как я вам заметил, являются документами уже приобщенными в качестве доказательств и кажется, документы говорят сами за себя. Поэтому, я надеюсь, что вы быстрее завершите перекрестный допрос. Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 22 марта 1946*]

День восемьдесят восьмой

Пятница, 22 марта 1946

Утреннее заседание

Серватиус: Господин председатель, вчера я получил перевод документа D-728. Это документ в отношении которого были заявлены возражения о неправильном переводе.

Председатель: Да.

Серватиус: Я попрошу его заново перевести, поскольку перевод существенно отличается от первоначальной формулировки и, в частности, не позволяет понять ошибки, которые привели к возражению документу. На первой странице документа следует заявить приблизительно 20-30 возражений. Переводчик, поскольку он не смог осознать значимость документа, переводил его быстро, не подчёркивая важные положения. Должен быть сделан аккуратный перевод, который позволит нам понять смысл подлинного документа. Я прекрасно осознаю сложности этого.

Председатель: Разумеется, перевод следует проверить другому переводчику или если хотите, двум разным переводчикам.

Серватиус: Могу я попросить сделать новый перевод для сравнения, поскольку версия, которую мы имеем уже как доказательство содержит существенные ошибки.

Председатель: Определенно, он будет проверен и переведен заново.

Серватиус: Тогда, я далее прошу запросить мнение эксперта по немецкому языку. Это мнение подтвердит, что автор документа не полностью владел немецким языком, и он мог быть составлен иностранцем. Я не хочу вдаваться в детали, но я хочу заявить об этом письменное ходатайство.

Председатель: Я думаю, вы определенно должны сделать об этом письменное ходатайство.

Серватиус: Я представлю его в письменном виде.

Руденко: Подсудимый Геринг, в своих показаниях вы сообщали, что нападение на Польшу было осуществлено после кровавых событий в городе Быдгощь?

Геринг: Я сказал о том, что срок выступления был установлен вследствие тех кровавых событий, среди которых следует отметить также и кровавое воскресенье в Бромберге.

Руденко: Вы знаете, что эти события произошли 3 сентября 1939?

Геринг: Я, возможно, ошибся в отношении даты событий в Бромберге, я бы хотел увидеть документ об этом. Я просто процитировал это как один пример среди

многих.

Руденко: Понятно. Нападение было осуществлено 1 сентября, а события в Бромберге, о которых вы заявили трибуналу, произошли 3 сентября 1939 г. Я представляю трибуналу документ-свидетельство, исходящее из главной комиссии по расследованию немецких злодеяний в Польше, соответствующим образом удостоверенное в порядке статьи 21 устава. Из этих свидетельств четко следует, что события, о которых подсудимый Геринг показывал, произошли 3 сентября 1939, то есть на третий день после нападения Германии на Польшу.

Председатель: Вы можете предъявить документ свидетелю, если хотите.

Руденко: У меня нет немецкого текста. У меня есть английский и русский. Я только что получил этот документ. Он датирован 19 марта, и я представляю его трибуналу, как окончательное свидетельство данного факта.

Председатель: Я не думаю, что сейчас подходящее время для приобщения документа таким образом.

Очень хорошо, вы можете приобщить документ, если хотите.

Руденко: Спасибо, господин председатель.

Председатель: Конечно, его следует перевести на немецкий.

Руденко: У меня нет немецкого перевода.

Председатель: Его следует перевести на немецкий язык, чтобы защитник мог ознакомиться с ним.

Руденко: Мы обязательно это сделаем.

Штамер: Господин председатель, могу я сейчас попросить зачитать документ? Это всего лишь краткий меморандум, так мы сможем услышать о чем он.

Председатель: Очень хорошо. Генерал Руденко, вы зачитаете его под протокол?

Руденко: Да, сэр. Он очень короткий:

> «Свидетельство на основании исследования, произведенного польскими судебными властями.
>
> Главная комиссия для исследования немецких злодеяний в Польше удостоверяет, что так называемое кровавое воскресенье в городе Бромберг имело место 3 сентября 1939, то есть через три дня после того, как Польша подверглась немецкому нападению.
>
> 3 сентября 1939 г. в 10 ч. 15 м. утра немецкие диверсанты напали на отступающие от города Бромберг польские войска. Во время оборонительного боя отступающих польских отрядов погибло 238 польских солдат и 223 человека немецкой «пятой колонны». В связи с происшествием после вступления немецких войск в город Бромберг начались массовые экзекуции, аресты и ссылки в концентрационные лагери польских жителей, которые производились немецкими властями, СС и Гестапо, вследствие чего 10 500 было убито и 13000 уничтожено в лагерях.

Это удостоверение является официальным документом польского правительства, предложенным Международному военному трибуналу, согласно статье 21 устава от 8 августа 1945».

Стефан Куровский[419], член главной комиссии для исследования немецких злодеяний в Польше».

Я хочу этим документом удостоверить то обстоятельство, что события, о которых свидетельствовал здесь подсудимый Геринг, произошли после нападения Германии на Польшу.

Геринг: Я не уверен, говорим ли мы с вами сейчас об одних и тех же событиях.

Руденко: Я говорю о событиях в Бромберге. Вы тоже говорили о них.

Геринг: Может быть, в Бромберге имели место два различных события?

Руденко: Вполне возможно.

Я перехожу к следующим вопросам. Известен ли вам приказ ОКВ о клеймении советских военнопленных, и как вы его расцениваете?

Геринг: Этот приказ мне неизвестен. Как я вижу из документов, на этом совещании не присутствовало ни одного представителя от воздушных сил.

Руденко: Я только интересуюсь фактом, известно вам или неизвестно, ибо сам приказ по себе совершенно ясен.

Геринг: Нет.

Руденко: Нет. Известно ли вам, что германское командование предписывало использовать советских военнопленных и гражданских лиц на работах по разминированию, переноске невзорвавшихся снарядов и т. п.? Известно вам это?

Геринг: Мне известно то, что пленные русские саперы использовались для расчистки минных полей. В какой степени для этого использовалось гражданское население, я не знаю, но возможно, что это было и так.

Руденко: Ясно. Известен ли вам приказ об уничтожении городов Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза?

Геринг: В моем присутствии об уничтожении Ленинграда говорилось, только в том документе о котором говорили вчера, причем в том смысле, что если финны получат Ленинград, то они не будут нуждаться в таком большом городе. Об уничтожении Москвы я ничего не знаю.

Руденко: Вы помните протокол совещания? Вчера вам предъявлялся этот документ, эта протокольная запись от 16 июля 1941. Там говорится, на котором вы присутствовали, там говорится, что фюрер заявил…

Геринг: Я об этом говорил и подтвердил это.

Руденко: Вы об этом документе имели в виду. Но кроме этого заявления были официальные приказы.

Геринг: Вы будете любезны, показать их мне, тогда я смогу удостовериться

---

[419] Стефан Куровский (1897 – 1959) – польский юрист. В 1946-1948 прокурор Верховного национального трибунала Польши.

правильные ли они и известны ли они мне.
Руденко: Я не намерен предъявлять вам этих документов. Они уже предъявлены суду. Я только интересуюсь, знаете вы о таких приказах или нет?
Геринг: Я не получал приказа об уничтожении Ленинграда и Москвы, в том смысле на который вы указываете.
Руденко: Хорошо. Вам же докладывали только «важные вещи». О разрушении городов, уничтожении людей — это у вас проходило по так называемым «служебным инстанциям»?
Геринг: Если бы город должен был быть уничтожен в результате налетов бомбардировщиков, такой приказ был бы непосредственно отдан мною.
Руденко: 8 марта здесь, в судебном заседании, ваш свидетель Боденшац заявил о том, что вы сказали ему в марте 1945 года, что много евреев было убито, и что за это придеться дорого заплатить. Вы помните это свидетельство вашего свидетеля?
Геринг: В такой форме как мне было переведено, я не вспоминаю этого. Свидетель Боденшац так не говорил. Я прошу представить протокол заседания.
Руденко: А как говорил свидетель Боденшац, вы помните?
Геринг: Он говорил, что если война будет проиграна, это обойдется нам очень дорого.
Руденко: Почему? За убийства, которые вы совершили?
Геринг: Нет, вообще, и, в конце концов, мы теперь это испытали.
Руденко: Общая фраза. Я имею к вам несколько заключительных вопросов. Прежде всего, о так называемой теории «высшей» расы. В этой связи я один только ставлю перед вами вопрос, и прошу вас прямо на него ответить. Согласны вы были с этой теорией «высшей» расы и воспитанием в духе ее немецкого народа или не согласны?
Геринг: Нет, я уже показывал, что никогда не использовал это выражение ни в своих статьях, ни в своих речах. Различия между расами я, безусловно, признаю.
Руденко: Но вы с теорией этой не согласны? Я так вас понимаю?
Геринг: Я никогда не заявлял, что ставлю одну расу в качестве расы господ выше другой. Я указывал только на различия между расами.
Руденко: А вы можете ответить мне на вопрос, значит вы не согласны с этой теорией?
Геринг: Я лично не считаю ее правильной.
Руденко: Следующий вопрос. Вы заявили на суде, что расходились с Гитлером по вопросам захвата Чехословакии, по еврейскому вопросу, по вопросу по войне с Советским Союзом, в оценке теории «высшей» расы, по вопросу расстрела английских летчиков военнопленных. Чем же объяснить, что при наличии столь серьезных расхождений вы считали возможным сотрудничать с Гитлером и проводить его политику?
Геринг: Я не так формулировал свои ответы. Здесь следует различать разные периоды времени. Во время наступления на Россию речь шла не о принципиальных

расхождениях, а о расхождениях по вопросу о времени.

Руденко: Это вы уже сказали. Простите. Я не хочу, чтобы вы распространялись на эту тему. Я бы просил ответить.

Геринг: Хорошо. Я могу расходиться во мнениях с моим верховным главнокомандующим, я могу ясно высказать ему свое мнение. Но если главнокомандующий будет настаивать на своем, а я ему дал присягу, — дискуссия тем самым будет окончена, также как бывает везде. Я не думаю, что нужно развивать эту тему.

Руденко: Вы же не просто солдат, как вы говорили здесь, но вы же себя здесь представляли также и государственным деятелем.

Геринг: В этом вы правы. Я не только простой солдат и именно потому, что я не являюсь простым солдатом, а занимал такой крупный пост, — я должен был показывать пример простым солдатам с точки зрения выполнения присяги.

Руденко: Иначе говоря, вы считали при наличии этих разногласий возможным сотрудничать с Гитлером?

Геринг: Я это подчеркнул и утверждаю, что это правда. Моя клятва не давалась только для хороших времен, но и для плохих, хотя фюрер никогда не угрожал мне и никогда не говорил мне, что он беспокоится о моём здоровье.

Руденко: Если вы считали возможным для себя сотрудничать с Гитлером, считаете ли вы себя, как второго человека в Германии, ответственным за организованные, в государственных масштабах убийства миллионов ни в чем не повинных людей, даже независимо от осведомленности об этих фактах? Ответьте кратко: «да» или «нет».

Геринг: Нет, так как я ничего не знал о них и не приказывал их проводить.

Руденко: Я еще раз подчеркиваю — даже независимо от осведомленности об этих фактах?

Геринг: Если я действительно не знаю о них, я не могу за них отвечать.

Руденко: Вы обязаны были знать эти факты?

Геринг: С этим нужно разбираться.

Руденко: Я вас допрашиваю, ответьте мне на вопрос: вы обязаны были знать об этих фактах?

Геринг: В каком смысле обязан: либо я знаю факты, либо я их не знаю. Вы можете меня в лучшем случае спросить, пренебрег ли я обязанностями, так как не попытался что-нибудь узнать о них.

Руденко: Вам лучше знать о себе. Миллионы немцев знали о творившихся преступлениях, а вы не знали.

Геринг: Миллионы немцев об этом не знали. Это заявление ничем не подтверждается.

Руденко: Последних два вопроса. Вы заявили на суде, что гитлеровское правительство привело Германию к расцвету. Вы и сейчас уверены, что это так?

Геринг: Определенно до начала войны. Катастрофа наступила только после проигранной войны.

Руденко: В результате которой вы привели Германию, в результате вашей политики к военному и политическому поражению. Нет вопросов.

Председатель: Желает ли французский обвинитель задать вопросы?

Шампетье де Риба: Я прошу трибунал разрешить мне сделать весьма краткое заявление. Чтобы ответить на пожелание, которое было выражено трибуналом, и чтобы, по мере возможности, сократить настоящее судебное разбирательство, французское обвинение согласовало с американским обвинителем — господином судьей Джексоном и сэром Дэвидом вопрос о том, чтобы ими были заданы подсудимому Герингу вопросы, имеющие отношение к делу.

Эти вопросы были заданы. Мы заслушали ответы подсудимого на эти вопросы, насколько возможно было отделить его слова от пропаганды.

Я полагаю, что защита не может жаловаться на то, что ее свободы были ущемлены. Она в полной мере их использовала в продолжение двенадцати заседаний и не смогла ни в малейшей степени вызвать сомнения в бесспорных доказательствах обвинения, не убедив, в частности, никого в том, что второе лицо в Германском Рейхе не несет никакой ответственности за развязывание войны, и в том, что ему не было ничего известно о зверствах, совершенных людьми, которыми он с такой гордостью руководил.

Председатель: Вы можете не сомневаться, что у вас будет возможность позднее прокомментировать это, но сейчас я выясняю, будут ли вами заданы вопросы.

Шампетье де Риба: Господин председатель, я заканчиваю; французское обвинение полагает, что ни в малейшей степени не были поколеблены те бесспорные обвинения, которые были нами выдвинуты. Поэтому у меня не имеется новых вопросов, которые я хотел бы задать подсудимому.

Председатель: Доктор Штамер?

Штамер: Британское обвинение заявило о том, что вы отдавали прямые приказы дивизии «Герман Геринг» во время её использования в связи с борьбой против партизан в Италии. Верно ли данное утверждение?

Геринг: Нет. Дивизия «Герман Геринг» являлась сухопутной дивизией и была частью действующих подразделений армии и группы армий. Соответственно, она никогда не получала от меня приказы по тактическим действиям из Берлина, или из моей ставки, которых не было на месте. Таким образом, я не мог отдавать никаких приказов о том использовать ли её, и как именно в партизанской войне. Речь идёт только о таких приказах которые относились исключительно к вопросам личного состава и снаряжения или касались внутреннего отправления правосудия в отношении офицеров, но дивизия не представляла мне ежедневных докладов, а только…

Максвелл-Файф: Я не уловил это. Простите, милорд, я должен был сказать раньше.

Я отношу эти вопросы к дивизии «Герман Геринг». Подсудимого не допрашивали насчёт этого в ходе основного допроса и, следовательно, я не говорил об этом в перекрестном допросе, потому что вопрос не поднимался. Поэтому, мне представляется недопустимым поднимать данный вопрос в повторном допросе.

Председатель: Вы должны помнить, сэр Дэвид, что практика в зарубежных странах не такая же, как в Соединенных Штатах и в Англии; и хотя совершенно правильно, что доктор Штамер, согласно правилам Англии не может в любой момент поднимать данный вопрос при повторном допросе, мы руководствуемся уставом, который технически никак не рассматривает вопрос о доказательствах. Может быть, вы захотите потом задать какие-нибудь вопросы в перекрёстном допросе, хотя я надеюсь этого не понадобиться, с учетом показаний свидетеля Кессельринга.

Максвелл-Файф: Я рассматривал этот момент, но я хотел только дать понять, что обвинение вообще не касалось данного вопроса, потому что он ранее не поднимался.

Председатель: Нет; ни в основном допросе, ни в перекрестном допросе.

Максвелл-Файф: Или в перекрёстном допросе.

Председатель: Сэр Дэвид, я уже заметил, что вопрос не поднимался в показаниях Германа Геринга.

Штамер: Могу я, в пояснение, сказать что я получил документ только вчера и вследствие этого не мог сформировать позицию по этому вопросу, который уже рассмотрело обвинение.

Председатель: Но, если мне не изменяет память, свидетель, фельдмаршал Кессельринг сам поднял этот вопрос и поэтому вопрос был очевидным и мог быть задан в ходе основного вопроса, и в таком случае мог быть рассмотрен подсудимым Герингом. Это не относится ни к какому конкретному документу, это относится к показаниям фельдмаршала Кессельринга, который сказал, что он был исключен думаю, так перевели, что он был исключен между дивизией «Герман Геринг» и подсудимым Герингом, хотя дивизия «Герман Геринг» находилась в его подчинении. Таким образом, это не имеет отношения ни к одному документу.

Штамер: Свидетель может продолжать, господин председатель.

Председатель: Да.

Геринг: Дивизия находилась под моим командованием только в части личного состава, производства в офицеры и снаряжения, но не её использования. Я не получал ежедневных докладов, но с интервалами, относительно событий, потерь, перемещений. В целом, в этом заключалась моя связь с дивизией. Я не мог отдавать никаких приказов о её использовании, поскольку она находилась в подчинении армейских частей.

Штамер: Вы получали доклад о событиях в Чивителла[420]?

[420] 29 июня 1944 военнослужащими дивизии «Герман Геринг» было расстреляно 244 жителя поселения Чивителло в отместку за убийство партизанами двух солдат.

Геринг: Нет, я не получал этот доклад. Я впервые узнал об этом здесь из письменных показаний армейского генерала в чьем подчинении находилась дивизия, и который был ответственным за такие вопросы, и который пытается переложить ответственность на дивизию, и ввиду названия дивизии, на меня.

Штамер: Ваше отношение к Гитлеру и ваше влияние на него снова затрагивались в перекрестном допросе. Пожалуйста, кратко подытожьте факты которые необходимы относительно конкретных периодов, чтобы сформировать мнение об этих отношениях?

Геринг: Уже во время перекрестного допроса, я указывал на то, что следует рассматривать очень долгий период. В 1923, когда я был руководителем СА, мое отношение было нормальным. Затем долгое время – 1931…

Джексон: С позволения трибунала: мне кажется, что интересы времени сильно противоречат разрешению свидетелю подводить итоги. Ему предоставили преимущество отвечать на любые вопросы сколь угодно долго. Мне кажется, что когда он снова проходит предмет который не раз, и фактически вопрос был уже пройден четыре или пять раз в выступлении на почти каждый вопрос который позволял это, то по крайней мере нужно прийти к завершению этой темы. Она исчерпана.

Вопрос времени это сложный вопрос. По нашим расчетам, аккуратным расчетам, с учетом допущенных свидетелей, процесс будет идти до августа. Мы не можем позволить ему играть в эту игру обеими способами, произнося речи в ходе перекрестного допроса, а затем подводя им итог.

Председатель: Доктор Штамер, трибунал разрешил вам задать вопросы, строго говоря, недопустимые при повторном допросе и я хочу прояснить для вас, что вопросы допустимые при повторном допросе только те, которые вытекают из перекрестного допроса. Что касается конкретного вопроса, подсудимому Герингу по сути позволили произносить речи в основном допросе, вообще не прерывая его, и он прошёл всю историю нацистского режима от начала до конца войны и трибунал не считает, что он вправе проходить тоже самое в повторном допросе.

Штамер: Господин председатель, я задал вопрос лишь потому, что до сих пор он не был подробно рассмотрен, и я думаю, что необходимо, для того, чтобы сформировать мнение об отношении подсудимого в течение этого времени, чтобы иметь полный и понятный отчёт по данному вопросу, который, по моему мнению, является настолько важным для решения которое будет вынесено на данном процессе. Однако если трибунал возражает этому вопросу, я должен согласиться с этим решением и отзываю вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] У меня ещё один вопрос. Во время вашего допроса, вы заявили относительно определенных обвинений о том, что вы признаёте за них ответственность. Как это следует понимать?

Геринг: Что касается ответственности, следует разграничивать формальную и

действительную ответственность. Формально, я несу ответственность за то, что делалось в моих ведомствах и учреждениях под моим командованием. Хотя я не мог видеть или знать заранее, всё что принимается или обсуждается ими, несмотря на это, я должен принять формальную ответственность, в частности там, где мы касаемся общих директив, отданных мной. Действительную ответственность я вижу в тех случаях, когда я лично отдавал приказы или директивы, включая в частности все акты и факты, которые я подписывал лично или принимал лично, но я имею в виду только такие факты, но не общие фразы и заявления которые делались на протяжении этих 25 лет здесь и в маленьких кругах. В частности, я хочу сказать очень четко об ответственности: фюрер, Адольф Гитлер мертв. Я рассматривался как его преемник в руководстве Германским Рейхом. Соответственно я должен заявить относительно своей ответственности, что моя цель заключалась…

Председатель: Трибунал не желает, чтобы вы произносили речи. Трибунал прекрасно понимает разницу между формальной ответственностью и действительной ответственностью за приказы отданные вами.

Геринг: Я признаю свою ответственность за всё, что было сделано для подготовки захвата власти и созданию твердой власти, чтобы сделать Германию свободной и великой. Я делал все, чтобы избежать этой войны. Но после её начала моим долгом было сделать все для победы.

Председатель: Мы уже слышали, что вы говорили об этом не раз, и не желаем снова слушать это.

Геринг: По вопросу труда: во время войны, население оккупированных территорий вывозилось на работу в Германию и их страны экономически эксплуатировались.

Председатель: Доктор Штамер, вы собирались спрашивать свидетеля, итак, ответом на какой вопрос это было?

Штамер: Я спросил его об ответственности…

Председатель: Вы можете задать ему вопросы, но не можете задавать ему общие вопросы, которые предполагают речи. Если у вас есть какие-то конкретные вопросы, пришло время их задать.

Штамер: Я задаю такой вопрос. В какой степени он считает себя ответственным по вопросам перекрестного допроса относительно депортации рабочих…

Джексон: Я возражаю против данного вопроса.

Председатель: Он уже говорил нам об этом. Он не один раз отвечал на этот вопрос.

Штамер: В таком случае у меня больше нет вопросов.

Председатель: Хорошо. Тогда подсудимый может удалиться.

[*Подсудимый покинул место свидетеля*]

Председатель: Да, доктор Штамер.

Штамер: Могу я, прежде всего, дать краткий обзор данной стадии процесса для

того, чтобы трибунал мог понять, как сейчас выглядит мой список свидетелей. Я решил отказаться от доктора Лозе.

Председатель: Вы говорите доктор Лозе?

Штамер: Да, воздержусь от вызова доктора Лозе, потому что подсудимый, по моему мнению, уже сделал досточно заявлений по данной теме. Кроме того, мне разрешён в качестве свидетеля посол, доктор Пауль Шмидт[421]. Этого свидетеля, которому я хочу задать всего несколько вопросов, я хочу заслушать позже, после его допроса подсудимым Риббентропом, потому что он ответит на широкий круг вопросов во время этого допроса и мне кажется подходящим, если я попрошу его потом, что соответствует пожеланию доктора Хорна, если трибунал согласится на такой порядок, свидетель Коллер[422]…

Председатель: Разумеется.

Штамер: Свидетель Коллер, как сейчас установлено находится в Бельгии, а не в Германии. Его заслушивание предусматривалось в том случае, если он находится в Германии. Соответственно, мне пришлось направить этому свидетелю опросный лист. Это было сделано, но опросный лист пока не вернулся.

Председатель: Да.

Штамер: Кроме того, я получил разрешение представить опросные листы свидетелям Ондарза[423], барону фон Хаммерштейну[424], Штуденту и Бунхесу. Опросные листы были направлены, но пока не вернулись. Ситуация с адресами Ондарзы и Каммхубера определилась, что касается трёх других свидетелей, пока это выясняется, поэтому я пока не могу ничего направить. Затем есть опросные листы Юбиррейтера, лорда Галифакса и Форбса, от Галифакса и Форбса получены опросные листы, и я собираюсь их огласить, от Юбиррейтера также есть письменное заявление. Тогда это…

Председатель: Что вы имеете в виду под «также письменное заявление»? Вы сказали, что есть опросные листы от лорда Галифакса и сэра Джорджа Огилви-Форбса.

Штамер: Опросные листы получены от лорда Галифакса и Форбса. Есть письменные показания от Юбиррейтера и я полагаю, что они могут расцениваться как опросный лист.

Председатель: Да, я понимаю.

Штамер: Кроме того, есть Катынское дело, господин председатель. Здесь пять свидетелей. Я сделал запросы по поводу их адресов. Поэтому я не могу вызвать этих свидетелей в трибунал.

---

[421] Пауль(-Отто) Шмидт (1899 — 1970) — переводчик Министерства иностранных дел Третьего ейха (1924—1945), руководитель бюро министра, официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935), штандартенфюрер (с 1940).

[422] Карл Коллер (1898 — 1951) — немецкий генерал авиации и начальник Генерального штаба ВВС нацистской Германии во Второй мировой войне в 1944-1945.

[423] Рамон фон Ондарза (1908 – 1972) – оберштабсарцт Люфтваффе. Личный врач Г. Геринга с середины 30-х годов.

[424] Кристиан фон Хаммерштейн (1887 – 1963) – немецкий юрист. В 1940 – 1945 начальник правового управления Люфтваффе.

Председатель: Да, доктор Штамер. Это всё, что вы хотели сказать по поводу данной стадии?

Штамер: Да, по вопросу свидетелей, кроме того я должен представить то, что имею с помощью документов и тогда я завершу своё дело. Я изложу в письменном виде то, что должен сказать о документах.

Председатель: Секундочку.

Штамер: Да, сэр.

Председатель: Да, доктор Штамер, трибунал одобряет предложенный вами курс.

Джексон: Могу я, ваша честь, в интересах времени, внести предложение о том, чтобы документы которые предлагает приобщить доктор Штамер, как я понимаю, переведены на все четыре языка, таким образом, причина оглашать их в открытом заседании не находит поддержки. Я не могу говорить за своих коллег, поскольку я с ними не консультировался, но что касается Соединённых Штатов, мы не заявляем возражений относимости к делу, мы потратим время на оспаривание относимости к делу. Я предлагаю, что оглашение документальной книги в целом является тратой времени судебного процесса, поскольку документы доступны на всех четырёх языках.

Председатель: Доктор Штамер, перед тем как мы рассмотрим тот курс, который предложил господин судья Джексон, мы хотим услышать есть ли у кого-нибудь из главных обвинителей, что сказать по этому поводу.

Максвелл-Файф: Я покорно полагаю, что это является превосходным предложением и я хочу дать понять защите, что я чувствую, что это с одной стороны избавляет от аргументации об относимости к делу сравнительно небольших пунктов и с другой стороны, защита сможет более эффективно использовать любые отрывки в своих заключительных речах, наверное, с большей помощью трибуналу чем просто оглашая их на данной стадии. Я покорно поддерживаю это и считаю, что это в целом улучшает ход дела.

Председатель: Спасибо, сэр Дэвид. Мы сейчас вас послушаем, доктор Штамер, но я не хочу, чтобы вы уходили, я хочу услышать вас потом. Я хочу послушать генерала Руденко.

Руденко: Я полностью согласен с предложением господина судьи Джексона и сэра Дэвида Максвелл-Файф, и я также считаю, что трибунал принял эти документы которые переведены на четыре языка. Этим не исключается предпосылка, а именно о том, что защита не имеет право представлять документы которые не имеют никакого отношения к настоящему делу. В частности у меня есть чёткое возражение против предъявления в качестве экземпляров фрагментов из документов, так называемых «Белых книг» которые представлены доктором Штамером в документальной книге. Эти фрагменты не имеют никакого отношения к настоящему делу и их нельзя приобщать.

Председатель: Французский главный обвинитель хочет, что-нибудь добавить к

сказанному?

Шампетье де Риба: Французское обвинение представило трибуналу ноту с просьбой отклонить документ номер Геринг-26. Конкретно она касается фрагмента из ноты германского правительства французскому правительству по поводу обращения с немецкими военнопленными во Франции. Данный фрагмент ссылается на секретный приказ штаба главнокомандования 9-й французской армии. Данный фрагмент говорит о том, что главнокомандование 9-й армии опубликовало приказ, нам этот приказ не вручили. Мы рассматриваем только утверждение германского правительства, которое является подсудимым правительством. Фрагмент который нам представили, таким образом, не имеет никакого отношения к делу и мы просим трибунал отклонить его.

Председатель: Сейчас трибунал не рассматривает вопрос относимости к делу конкретных документов. Они рассматриваются только исходя из общего методического подхода о том, нужно ли оглашать все эти документы в трибунале или представлять их для рассмотрения трибунала. Если их нужно будет полностью зачитывать это займет очень значительное время и поэтому господин судья Джексон предложил о том, чтобы вместо оглашения всех этих документов, что займёт очень долгое время, так как их перевели, то причина для этого уже отсутствует, как было в отношении документов предъявленных обвинением которые не были переведены. Но это не означает, что вопрос относимости отдельных документов или конкретных отрывков в документах решается при предъявлении на рассмотрение трибунала документальной книги. Такие вопросы как этот могут в важных случаях рассматриваться после аргументации, но в качестве общего правила и с целью избежать ненужной задержки, предложение господина судьи Джексона кажется весьма рекомендуемым.

Шампетье де Риба: Вопрос, который стоит перед нами сегодня заключается в том, чтобы установить относятся ли к делу предъявленные документы, и вот почему я попросил трибунал отказать в одном из документов как не относящихся к делу. Я хочу заявить по поводу документа номер Геринг-26, что предполагается только цитата доктора Штамера, и я прошу о том, чтобы трибунал заслушал этот документ полностью.

Председатель: Мы хотим рассмотреть этот вопрос, но перед тем как это сделаем, мы хотели бы знать о том есть ли у вас какое-нибудь возражение. Вы понимаете, в чём заключается предложение господина судьи Джексона?

Штамер: Да, господин председатель, я понимаю. Это касается фундаментального вопроса защиты, и я хочу коротко обсудить этот вопрос с другими защитниками. Я хочу предложить, чтобы суд сейчас объявил короткий перерыв для того, чтобы была возможность обсудить вопрос. Тогда я выскажусь. Я хотел бы отметить, что в то время мы были готовы отказаться от оглашения обвинительного заключения, и что его оглашение не было вызвано нашими возражениями. Господа, наверное, имели

мнение о том, что его следует огласить по принципиальным соображениям. Я выясню вопрос и сразу же сообщу.

Председатель: Что вы сказали про оглашение обвинительного заключения? Вы жалуетесь на то, что оглашалось обвинительное заключение?

Штамер: Нет, нет, нет.

Председатель: Данный вопрос имеет другое основание. Устав, который является документом регламентирующим деятельность трибунала, предусматривает оглашение обвинительного заключения. Из этого не следует, что то, что предлагается сейчас не предусмотрено уставом. Единственная причина, почему мы распорядились о том, чтобы каждый документ на который желает полагаться обвинение оглашался в открытом суде заключался в том, что обвинение тогда не считало возможным перевести на четыре разных языка каждый документ который оно хотело приобщить в качестве доказательства и для удобства и честности к подсудимым и их представителям. На более ранней стадии мы распорядились, как вы помните, о том, чтобы каждую фразу в документе на которую полагается обвинение и которую мы могли рассматривать в качестве доказательства следовало зачитывать под микрофон для того, чтобы вы могли понимать это немецком языке и отражать в протоколе, в расшифровке. Этот принцип уже не применяется к документам которые приобщаются сейчас, потому что они переведены на четыре языка отделом переводов обвинения. Таким образом, в интересах времени, что должно быть одинаково важным для защиты и всех заинтересованных лиц, трибуналу кажется, что предложение которое внёс господин судья Джексон является весьма обоснованным и вы, конечно же, сможете прокомментировать его любым образом каким считаете нужным в ходе своих заключительных речей о документах на которые полагаетесь, с учётом проверки на относимость к делу которая может иметь реальное значение. Могут быть некоторые документы которым возражает обвинение, но как сказал господин судья Джексон, он не заявит никаких возражений об относимости документов, и он готов к тому, что все документы на которые вы ссылаетесь будут рассмотрены трибуналом. Также помните о том, что когда мы одобряли ваши документы, мы прямо предусмотрели любой вопрос об относимости конкретных отрывков в тех документах, которые вы хотите использовать.

Наверное, нам лучше прерваться и вы сможете обсудить вопрос со своими коллегами.

[*Объявлен перерыв*]

Дикс: Уважаемый трибунал, я, конечно же, не имел возможности провести голосование среди моих коллег по защите по предложению господина судьи Джексона только по той причине, что здесь присутствуют не все защитники. Но я

смог лично убедиться в том, что большинство защиты согласно с причинами о которых я хочу высказаться, и у меня нет никакого сомнения в том, что вся защита поддержит ходатайство которое я собираюсь заявить о том, чтобы предложение господина судьи Джексона было отклонено. Но в целях корректности и верности я чувствую себя обязанным подчеркнуть, что естественно каждый господин вправе выразить свою точку зрения на данный вопрос за себя в рамках своей темы.

Теперь о самом вопросе. Предложение господина судьи Джексона, в особенности, если ему принципиально следовать в отношении всех документов которые представляет защита направлено на представление огромных томов документов подлежащих исследованию на процессе без их устной презентации в открытом заседании для публики и таким образом всего мира, который страстно и от всего сердца заинтересован в этом процессе.

Я воздержусь от цитирования юридической терминологии, норм, как например устава созданного для данного процесса, которые можно использовать в полемике против господина судьи Джексона. Я начну с принципа безоговорочной и абсолютной важности, в чём между трибуналом и нами и, разумеется, обвинением нет никаких разногласий, принципа о том, что весь процесс должен подчиняться справедливости и честности. Именно это было мотивами, которые двигали авторами устава придавая части четвёртой устава очень звучное название. Сказано: «Честный процесс для подсудимых».

Но я не могу считать справедливым, и я не могу считать честным если обвинение вправе, месяцами не только однажды, но иногда постоянно и часто, доводить свои доказательства до сведения общественности и мира, зачитывая их по микрофону, и в связи с этим следует заметить, что когда предъявляются документы то оглашаются только такие части, которые, по мнению обвинения, инкриминируют подсудимых, в то время как опускаются такие части, которые по нашему мнению, являются смягчающими обстоятельствами для подсудимых. Следовательно, нужно считать несправедливостью, что подсудимый тоже не должен иметь возможности донести до сведения мира посредством своей защиты, те вопросы которые, по его мнению, и мнению его представителя, говорят в его пользу, когда обвинение ранее имело право и возможность применять такую процедуру с инкриминирующими документами.

Могу я обратить внимание на данный факт, и я постоянно отмечаю, что некоторые инкриминирующие пункты не только доведены до сведения мировой общественности путём оглашения документальных доказательств, но и повторялись в форме упреков, когда их допрашивали в качестве свидетелей, и соответственно их снова и снова вдалбливали в уши слушавшего мира. Я срочно и настойчиво прошу уважаемый суд в интересах справедливого разбирательства, которого как я уверен желаете вы также как и авторы устава, предоставить такую же возможность подсудимым.

В поддержку своего предложения господин судья Джексон кроме того даже формально подчеркнул точку зрения о том, что процесс можно сократить. Защита никоим образом не отрицает необходимость ограничения данного процесса необходимым временем. Но, наверное, я могу в связи с этим обратить ваше внимание на заявление сделанное председателем суда в Бельзене[425] в ответ на критику прессы о предположительно слишком длительном продолжении процесса, суть заключалась в том, что никакая продолжительность не может быть излишней если она помогает раскрыть полную правду. Я прошу вас поставить данный принцип выше экономии времени процесса.

И, наконец, могу я, не присвоив себе право критиковать меры о которых решило и осуществило обвинение согласно своим обязанностям, могу я отметить, что длительность процесса до сих пор, если кто-то считает его слишком длинным, я не думаю, что он слишком длинный, в любом случае не относится к защите. Думаю, можно сказать об этом с чистой совестью, до сих пор мы не сделали ничего, вообще ничего, и не привели ни к чему, что может служить обоснованием для упрека нас в ненужном затягивании процесса.

Если, кроме того, как заметил ваша светлость, уже не существует причины по которой трибунал распорядился о том, что только те фрагменты документов подлежат рассмотрению которые оглашаются устно, тогда я хочу заметить, что большая часть документов которые представили до настоящего времени и соответственно, также представлялись устно в части уже тогда были доступны на четырёх языках.

Кроме того, я хочу заметить, что данные документальные доказательства, если они должны быть объемными для трибунала, и если они должны послужить цели установления правды, без сомнения во многих случаях требуют пояснительных комментариев защиты. Возможность такого комментирования была бы устранена если бы нам указали на предъявление этих документов трибуналу in toto[426].

Насколько я смог убедиться, без предубеждения к кому-либо, мои коллеги никоим образом не намерены цитировать всё содержимое документальной книги. Насколько я понимаю, они в большинстве случаев скорее имеют намерение представить выдержки, которые она собираются обозначить, и относимость которых к делу можно обсуждать по соответствующим поводам. Даже такая подборка тех частей документов, которые следует действительно считать относящимися к делу будет невозможной, если трибунал последует предложению господина судьи Джексона. Также, как я уже сказал, невозможно будет отметить в документах уже

[425] Бельзенский процесс, также известен как Бельзенский суд или Бельзенский военный трибунал — один из судебных процессов, который был проведен оккупационными силами союзников против бывших чиновников и функционеров нацистской Германии после окончания Второй мировой войны. Бельзенский Процесс проходил в Люнебурге, Нижняя Саксония, Германия с 17 сентября по 17 ноября 1945 года. Ответчиками на этом суде выступали как мужчины, так и женщины отрядов СС, а также привилегированные заключённые, которые работали в различных концентрационных лагерях, в частности в Освенциме и Берген-Бельзене.
[426] «Полностью» (лат.)

зачитанных обвинением те части, которые не зачитывали, но которые оправдывают подсудимого.

Если говорится, и ваша светлость отмечал это, что защита имеет возможность цитировать такие части документов в своём выступлении, тогда, мне кажется, я соглашусь с судьями в том, что выступление, должно, по возможности быть ясным и сжатым итогом, оценивающим всю суть процесса. Если мы теперь проинструктированы ссылаться на части документов во время выступления и еще раз явно процитировать те, которым мы придаем значение в качестве доказательств, но которые мы не упоминали бы вообще или только косвенно или вкратце в связи с всеобъемлющей оценкой, тогда возникает опасность, что связность или, скажем так, чёткая линия нашего обращения пострадают из-за подробного изложения предмета.. И далее, возникает угроза того, что то время которое господин судья Джексон желает сэкономить в результате своего предложения будет снова потрачено, потому что заключительное выступление займёт слишком много времени, чего не требуется если согласно своему смыслу это должно быть итогом, общей оценкой.

Я считаю даже возможным, что позже, если, возможно, в рамках нашего обращения, могут возникнуть разногласия относительно относимости к делу отдельного документа, могут возникнуть значительные задержки и нарушения в разбирательстве, в то время как, если можно своевременно представить документ в значимых частях, вместе с заявлениями поясняющими и связующими их, то можно иметь незамедлительную возможность сразу высказать то, почему кто-то считает представленную часть относящейся к делу, для того, чтобы трибунал имел возможность принимать решение об относимости к делу сейчас.

По моему мнению, есть много пунктов, которые говорят против предложения господина судьи Джексона. Я подытоживаю: что касается меня, наиболее важная точка зрения заключается в честности и справедливости. Защита, как я установил безо всякого сомнения в результате бесед во время перерыва, должна и считает сильным и недопустимым ограничением защиты, если в отличие от процедуры которой следовало обвинение, она будет лишена возможности представлять трибуналу в свою очередь, хотя бы относящиеся к делу части наших документальных доказательств, устно и с комментариями. По моему мнению, этим просто постулируется честность судебного взаимодействия между обвинением и защитой которая заключается в том, чтобы и защите была предоставлена такая же возможность. И это не означает никакой критики, а просто заявление о том факте, которым обвинение избавляет себя в значительной и иногда кумулятивной степени.

Поэтому, могу я попросить, и я думаю моя просьба поддерживается всей защитой о том, чтобы в предложении господина судьи Джексона было отказано.

Председатель: Секундочку. Вы начали своё выступление, сказав о том, что вы не сошлётесь на устав. На какую статью устава вы полагаетесь в своей аргументации о том, чтобы все документы, которые представляют, следовало оглашать?

Дикс: Я сказал о том, что не буду ссылаться на отдельные нормы устава в качестве обоснования своего ходатайства. В качестве обоснования своего ходатайства я просто назвал заголовок части IV устава, который гласит: «Честный процесс для подсудимых» и я объяснил, и не требуется повторять, что я не считаю, что процесс будет честным если будет принято предложение господина судьи Джексона. Однако, я умышленно, хотя моё внимание обратили на конкретные нормы устава, которые прямо или косвенно могут быть использованы в качестве юридической конструкции в поддержку моего ходатайства, я специально воздержался от того, чтобы сделать так, поскольку отдельные правила, по моему мнению, не являются убедительными.

Однако принцип справедливости и честности, является, по моему мнению, достаточно сильным, и такими же являются аргументы о практичности и осуществимости, которые я взял смелость представить трибуналу. Думаю в этом не должно быть недопонимания.

Председатель: Вы не упустили из внимания то, что статья 24 прямо говорит о ходе процесса. Вы полагаетесь на какую-нибудь часть статьи 24?

Дикс: Нет, нет. Я специально не ссылался ни на какую часть статьи 24, поскольку статья предоставляет на усмотрение трибунала значительные полномочия, относительно общих правил процедуры, которые по моему мнению, не имеют никакого отношения к обсуждаемому сейчас вопросу. Это просто вопрос справедливости и честности, и если я могу добавить, это является фундаментальным правилом устного процесса. У нас идёт устный процесс, у нас открытое заседание. Это так. Я не уверен в том, предусмотрено ли уставом открытое заседание, но оно существует. Поскольку оно существует мы должны продолжать согласно этим принципам и таким образом, по моему мнению, подсудимый также имеет право представить общественности и миру то, что есть в его пользу, после того как обвинение представило общественности и миру то, что не в его пользу.

Председатель: Я хочу задать ещё один вопрос, вы предлагаете, что защите следует позволить цитировать, оглашать документы по несколько раз?

Дикс: Я вообще этого не предлагаю. Что касается меня, мои документы, конечно же, будут зачитаны в части и разумеется не дважды. Я просто сказал о том, что обвинение так сделало, то есть, оглашало документы дважды, иногда трижды, как мне сказали. Но моей задачей не является критика такого поведения обвинения, это дело обвинения. Я здесь не для того, чтобы возводить критику, это остаётся за трибуналом и обвинением. Я просто обозначил факт.

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал хочет задать доктору Диксу ещё один вопрос, прежде чем заслушает вас, и также…

Джексон: Я хочу сделать простое заявление о факте…

Председатель: Пожалуйста.

Джексон: …которое я думаю, разъяснит эту ситуацию по справедливости к

Соединённым Штатам Америки.

Что касается честности, я обращаю внимание трибунала на тот факт, что мы напечатали, мимеографировали 250 копий всей документальной книги доктора Штамера, и она находится в пресс-комнате ожидая передачи прессе, как только её получит трибунал, таким образом мы сделали всё, что могли, всё что сами смогли, чтобы довести до общественности его документы.

Во-вторых, мы дошли до того, что печатаем всё, что трибунал отклонил, нежели спорим с этим.

В-третьих, согласно уставу не является функцией трибунала, распространять пропаганду. Большая часть этого двадцатилетней давности и в каждой нормальной библиотеке, и не используется газетами и составляет трату наших денег. Мы пытались делать всё, для того, чтобы сделать данный процесс полностью честным для этих людей, и теперь я выясняю, что мы напечатали документы которые отклонил суд, я должен сказать, что я это прекращу. Я думаю, нам это навязывают, и эта документальная книга это покажет. Есть документы и документы, которые трибунал уже признал не относящимися к делу, и мы тратимся на них для того, чтобы быть больше чем честными.

Дикс: Могу я коротко на это ответить? Что касается точки зрения пропаганды, я сожалею о том, что моё предложение согласно которому общественность и мир услышат только те части из нашей документальной книги которые признаны относящимися к делу трибуналом и затем предъявлены нами, не поняли,. Если содержание документальной книги оказывает некое пропагандистское влияние, которое мне неизвестно и что полностью противоречит нашим намерениям, тогда это из-за того факта, что содержание этих документальных книг представили прессе не через юридические и обычные каналы или скажем так, не в результате надлежащей процедуры, то есть, по протоколам заседаний, вместо этого эти документальные книги защиты были предоставлены в распоряжение прессы без нашего ведома, и, следовательно, также были сообщены прессе и мировой общественности такие вещи, которые, по мнению трибунала, если позволяют обстоятельства, могут быть неуместными или, возможно предвзятыми. Пожалуйста, не поймите меня неправильно. Я не говорю о том, в чём они заключаются, я просто говорю абстрактно. Но если вы хотите избежать того, чего хочет избежать господин судья Джексон, а именно, того, чтобы политическая пропаганда воспользовалась средствами данного процесса, тогда вы должны последовать моему предложению, я лишь хочу, чтобы до сведения мира и общественности довели то, что трибунал считает относящимся к делу и принятым для презентации.

Ввиду волнения в суде, по наушникам очень трудно понять каждое слово, но если господин судья Джексон имеет в виду, что мы пытаемся добиться здесь пропагандистского эффекта, то не в этом дело. Если далее он говорит о моменте справедливости постольку, поскольку обвинение сделало всё для того, чтобы

проинформировать мировую общественность передав ей все документальные книги, тогда я не имею критики такому предложению. Также далеко от меня называть это нечестным. Но здесь в суде мы имеем определённые процедуры. Мы не ведём пропаганду в прессе, скорее пресса должна собирать информацию и сообщать миру об этом процессе из этого зала суда. Защита только благодарна, если её усилия проводить надлежащее разбирательство с полной осведомлённостью прессы поддерживаются трибуналом.

Но не это является критичным. Я никого не обвинял в нечестности. Я лишь подчеркнул, что это является требованием справедливости, позволить защите делать тоже самое, что постоянно и непрерывно делало обвинение.

Председатель: Итак, доктор Дикс, скажите мне вот что: В чём заключается ваше предложение по сокращению процесса? Вы должны вспомнить критику, которую вы заявляли в деле обвинения в связи с их документами, о том, что их дело основано почти полностью на документах. Оно вызвало, не знаю сколько, но очень мало свидетелей. Вы и другие защитники предлагаете вызвать очень много свидетелей, и я спрашиваю вас: как вы предлагаете сократить процесс для того, чтобы он не шёл до конца июля или августа?

Дикс: Если я вношу предложение, тогда, конечно же, делаю так только для себя и для дела которое я должен защищать. Ваша светлость могу я предложить, чтобы мы начали с представления документальных доказательств, и я прошу вас понять, что если я не ошибаюсь, никто из защитников не намерен оглашать трибуналу всю свою документальную книгу. Кого бы я не спросил, в любом случае большинство, разумеется не намерено делать это. Те с кем я переговорил, хотят цитировать только фрагменты и в выборе этих фрагментов и при обсуждении того относится ли к делу их презентация, можно применять меру, которая конечно, учитывает необходимость темы также как вопрос времени. Я не думаю, что презентация документов займёт очень долгое время. Мой коллега доктор Штамер, например, сказал мне о том, что хотя он имеет огромное и важное для защиты дело, он верит, что его дело закончится за 2 часа или даже меньше чем за два часа. Я не пророк, но думаю, что трибунал рассматривает вопрос как ещё более опасный чем он является на самом деле. Пожалуйста, дайте нам шанс. Вы, разумеется, можете полагать, что никто из нас не стремиться затягивать процесс. Также мы вполне готовы воспользоваться советом если суд скажет: «Мы не считаем то или это важным», или – «мы считаем, что то или иное уже демонстрировали» или «мы предполагаем то или это», и т.д. Таким образом, у нас будет быстрый прогресс. Поэтому, могу я, предложить не устанавливать никакого обязывающего абстрактного правила о процедуре которой должны следовать в работе с нами в практической манере и принять наши заверения в том, что мы хотим содействовать сокращению процесса и начать, сначала с той позиции, что мы можем представлять то, что считаем относящимся к делу. Если в свою очередь это займет слишком много времени, во что, как я сказал, я не верю,

тогда мы сможем обсудить этот вопрос ещё раз и, в конце концов, трибунал вправе принимать свои решения. Всё о чём я прошу, чтобы этого не делали сейчас, потому что я боюсь, что трибунал в силу опыта с документальными доказательствами обвинения, переоценивает время необходимое для презентации наших документальных доказательств, в связи, с чем я снова повторяю, что это не является ни упреком, ни критикой. Я знаю о том, что обвинение обосновало своё дело в основном документами, и поэтому естественно вынуждено было занять больше времени.

Председатель: Спасибо доктор Дикс. Трибунал хочет услышать, конечно, он не может выслушать всех защитников по данному вопросу, но он хочет услышать ещё одного представителя защиты.

Кубушок: Могу я снова обратить внимание трибунала на юридический аспект вопроса?

Трибунал совершенно правильно затронул вопрос: что говорит устав относительно доказательств? Сложность вызвана тем фактом, что конкретных правил об этом в уставе не содержится. Относительно порядка, мы имеем статью 24. Статья 24 ссылается на заседание – заседание, которое согласно юридическому языку, используемому во всех видах уголовных разбирательств не значит ничего кроме устного заслушивания и устных дебатов. Чего не достаёт статье 24 это параграфа который особо касается принятия документальных доказательств. Но могу я обратить ваше внимание на подпункт (e). Здесь обсуждается опровержение доказательств представленных свидетелями, опровержение которое, конечно же, касается не только представления свидетелей, но также и представления документов.

В любом случае, основываясь на немецком тексте и использовании немецкого языка, было бы вообще недопустимо, если бы эти доказательства, взятые в презентации, не были представлены сейчас во время судебных заседаний, а если бы эти доказательства на основе представленного обширного письменного материала, рассматривались в отдельных кабинетах судей.

Особо важнен принцип коллегии, подобной трибуналу, трибуналу состоящему из нескольких судей, чтобы впечатление которое оказывается на трибунал было ясным и точным. Этого можно добиться, только если материал представлен и обсуждается в устном разбирательстве.

Могу я просить вас также учитывать, что мы уже приобрели некоторый опыт в этом отношении во время процесса. Я уверен в том, что каждый кто представлял документ был крайне благодарен председателю трибунала, когда он вмешивался во время цитирования документа, ограничивая его там или расширяя его здесь, и делая так, позволял обвинению или защите, которые цитировали документ, узнать мнение трибунала о том, что относится к делу. Наш опыт заключается в том, что такое руководство трибуналом окажет впоследствии

благоприятный эффект.

Что касается юридического аспекта, могу я обратить ваше внимание на статью 21, которая содержит специальную норму, специальную норму о тех фактах которые является общеизвестными и не требуют никакой дискуссии. Эта специальная норма статьи 21 чётко раскрывает разницу между этими фактами и тем, что можно и нужно обсуждать. Все, что можно и нужно обсуждать следует представлять в суде для того, чтобы трибунал имел возможность также и здесь вмешиваться и делать пояснительные и руководящие комментарии. Вот, что я должен сказать о юридическом аспекте вопроса.

Помимо этого, мне кажется, что я понимаю предложение господина судьи Джексона немного по-другому. Прежде всего, я думаю, что предложение господина судьи Джексона немного увеличилось во время дебатов. Я думаю, его предложение заключалось в том, чтобы мы, как защита, наложили на себя определённые ограничения не представлять полностью документальный материал, а ограничить себя выбором тех частей, которые в действительности являются важными и которые требуют представления на данной стадии процесса.

Претерпевать такое ограничение, разумеется, согласуется с линией практической обязанности защиты. Нет ничего более фатального для защиты или обвинения чем вдаваться в подробности, то есть, развивать неотносящиеся к делу факты.

При особо твёрдом и строгом руководстве процедурой, каждый защитник вскоре заметит идёт ли он по верному пути, представляет ли излишний материал достигая эффекта которого он никак не хотел добиться.

Поэтому, мне кажется, что мой коллега доктор Дикс, только, что сказал о самоконтроле защиты и полной заинтересованности в своём деле и в воле своего клиента автоматически наложить на себя необходимое ограничение в презентации.

[*Доктор Зейдль подходит к трибуне*]

Председатель: От имени трибунала я сказал о том, что мы желаем заслушать двух защитников.

Зейдль: Я очень коротко добавлю несколько замечаний к тому, что уже сказали двое моих коллег, очень коротко.

Председатель: Да, но тогда может быть возможно, что каждый из 20 или более защитников которые здесь присутствуют, захотят, что-нибудь добавить.

Зейдль: Я не знаю, но я не думаю, что так.

Председатель: Я сказал два защитника, я имел в виду двух защитников.

Зейдль: Очень хорошо.

Председатель: Господин судья Джексон, трибунал хочет знать есть ли у вас, что-нибудь добавить в ответ на то, что было сказано.

Джексон: Думаю ничего. Я думал, что сэкономил время. Я начинаю в этом сомневаться.

Председатель: Господин судья Джексон, я думаю, трибунал хочет знать, насколько именно распространяется ваше предложение. Вы действительно вносите предложение помимо этого: чтобы защитники не считали необходимым читать каждый документ в своей документальной книге в ходе представления своей защиты, или вы намерены сподвигнуть трибунал на приказ о том, что им нельзя читать никакой документ в своей документальной книге на данной стадии?

Джексон: Я думал о том, что нужно распорядиться о том, чтобы их документальная книга была вручена как экземпляр на данной стадии процесса, без оглашения. Я бы не настаивал на этом если бы они имели фрагменты которым придают особое значение, но эта документальная книга состоит из речей произнесённых 15 лет назад и опубликованным в прессе в каждой полной библиотеке страны, в целом, собранные с тем, что было исключено. Мне кажется, что они должны рассматривать их, для того, чтобы они были им доступны, и о том, что если вопросам в них возражают конкретные страны, они могли поднять вопрос об исключении из протокола или могли заявить это сейчас если хотят. Что касается Соединённых Штатов, мы не имеем ни одного возражения. Я думаю некоторые из них весьма спорные по вопросу относимости к делу, но займет много времени обсуждать их и это приведёт к определённым крупным вопросам репрессалий и вещей подобного характера которые следует разрешать иными способами, нежели вопросы допустимости доказательств.

Председатель: Вы, от имени главных обвинителей, имеете какое-нибудь возражение или считаете не рекомендуемым следовать предложению которое сделал доктор Дикс, чтобы мы поняли о том насколько защитники готовы ограничить количество документов которые они оглашают на данной стадии и понять сколько это займет и нужно делать дальнейшее распоряжение для того, чтобы ускорить процесс?

Джексон: Что же, я полностью готов к такому эксперименту, но я предлагаю, чтобы нам вручили документальную книгу, содержащую документы которые пропустил суд, и как я помню, ваша честь, обращал внимание доктора Штамера на это при открытии его дела. Я не сильно в это верю, но постараюсь.

Председатель: Весьма похоже, что документы оказались в книге доктора Штамера по ошибке, ввиду того, что он, будучи первым подсудимым, были некоторые трудности при подготовке, например, и я уже обращал на это внимание. Я думаю есть книга доктора Штамера, я не вполне уверен речь господина Поль-Бонкура, которая прямо была отклонена трибуналом и это несомненно относится к таким документам о которых вы сказали. И я должен обратить внимание также на дело другого защитника, я думаю, или другого свидетеля на документ предъявленный ему в котором трибунал отказал. Но, конечно это совершенно неправильно, что в

документальную книгу включают документы, в которых отказал трибунал, но как я думаю, весьма похоже, что это ошибка.

Джексон: Я полностью готов, и я уверен в том, что и мои коллеги тоже, к эксперименту о том, как это будет выглядеть.

Это является, и я думаю я должен сказать это за всех нас, это сложная вещь в которой мы пришли из разных систем и не всегда понимаем что движет другим человеком, это сложная вещь, согласовать разные процедуры, и я полностью готов быть терпеливым и выдержанным в этом, и понять как это работает.

Штамер: Господин председатель, могу я дать личное пояснение? Включение в мою документальную книгу документов в которых отказали, произошло ввиду следующего: по просьбе отдела переводов документальная книга уже была передана в отдел переводов до того как трибунал принял отрицательное решение и это отвечает за включение. На меня сильно давили для того, чтобы её могли представить суду в переведённом виде. Вот, что случилось.

Председатель: Я подумал, что так, наверное и было, доктор Штамер.

Трибунал объявляет перерыв до 2:30.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Рассмотрев вопросы которые затронули этим утром, трибунал имеет в уме справедливый процесс и в то же время ускоренный процесс, и трибунал решил о том, что в настоящее время он будет продолжаться по правилам установленным настоящим, то есть:

Первое, документы переведённые на четыре языка можно представлять без их оглашения, но представляя их защитник может суммировать их, или иным образом обращать внимание суда на их относимость к делу, и может читать такие короткие отрывки которые строго относятся к делу и являются кажущимися важными.

Второе, когда предъявляется документ трибунал заслушивает любые возражения его приобщению, в связи с этим я хочу сослаться на правило трибунала принятое 8 марта 1946, которое гласит следующее:

> «Для того, чтобы избежать излишнего перевода, защита покажет обвинению конкретные фрагменты во всех документах которые она предлагает использовать, для того, чтобы обвинение могло иметь возможность возражать не относящимся к делу фрагментам. В случае разногласий между обвинением и защитой по вопросу относимости

любого конкретного фрагмента, трибунал будет решать о том какие фрагменты являются достаточно относятся к делу, чтобы их переводили. Необходимо переводить только цитируемые фрагменты, если обвинение не запросит перевод документа целиком».

Трибунал разрешил подсудимому Герингу который первым давал показания и который назвал себя ответственным в качестве второго руководителя нацистской Германии, давать показания вообще без какого-нибудь прерывания, и он прошёл всю историю нацистского режима от его зарождения до поражения Германии.

Трибунал не предлагает допускать кому-либо из других подсудимых проходить тоже самое в своих доказательствах за исключением того, что необходимо для их собственной защиты.

Защиту уведомляют о том, что трибунал не будет расценивать в качестве соответствующего доказательства фрагменты из книг или статей выражающие мнения конкретных авторов по вопросам этики, истории или конкретным событиям.

Итак, что касается дел на завтра, трибунал будет заседать в открытом режиме для заслушивания ходатайств о свидетелях и документах, дополнительных ходатайствах, и после заседания в открытом режиме трибунал перейдет в закрытый режим.

Итак, доктор Штамер вы хотите, чтобы мы обратились к номеру 1? Какая книга? Или вы ссылаетесь на ваш обзор?

Штамер: Господин председатель, я обращаюсь к судебному обзору, страница 5. Насколько я информирован, переводы демонстрируют такие же цифры как в немецком подлиннике: страница 5, абзац II. Поскольку эта книга переведена на три языка и документальная книга, насколько я информирован, также переведена, я могу огранчить себя краткой ссылкой на них, чтобы представить только то, что я считаю важным.

В начале своей презентации из данной книги, я заметил, что Германия отказалась от Версальского договора и Локарнского пакта, и такой отказ был оправдан. После того как состоялся отказ, Германия могла приступить к перевооружению, а также ввести всеобщий призыв.

Более того, перевооружение и возобновление военного призыва были приказаны Гитлером только после того как он перед этим постоянно, безуспешно, предлагал разоружение заинтересованным державам. Таким образом, только по этому факту нельзя сделать вывод о том, что существовало намерение готовить или планировать немецкие агрессивные войны. В связи с этим я обращаю ваше внимание на тот факт, что в зарубежных странах в значительной степени шло перевооружение с 1936, и в качестве доказательства данного факта я представляю речи и очерки которые находятся в книге Черчилля «Шаг за шагом». Я обозначил отдельные фрагменты. Я в частности ссылаюсь на следующее. На странице 5 этой

книги сказано…

Председатель: Доктор Штамер, вы должны представить эти вещи в качестве доказательства в порядке формальности.

Штамер: Да, конечно. Книга здесь у меня. Я сразу же её представляю, у меня также есть отдельные фрагменты которые включены в документальную книгу. Это документальная книга 2, страница 44, том 2.

Председатель: Вы как-то назовете номер экземпляра?

Штамер: Да.

Председатель: Вы присвоили номер 40, как я вижу, правильно?

Штамер: Да. Такой номер в этой книге. Я полностью пронумеровал эти книги.

Председатель: Да, но какой-бы вы не собирались использовать номер, вы должны говорить какой у него номер, когда он приобщается в качестве доказательства, для того, чтобы это оказалось в расшифровке.

Штамер: Да, господин председатель.

Цитата из документальной книги номер 2 и это номер 2 на странице 9:

«18 июня было подписано англо-германское морское соглашение, которое освободило Германию от версальских морских ограничений. В свою очередь это привело к терпимости при нарушении военных норм».

На странице 35:

«Воздушные силы находятся в процессе практически утроения. Это коллосальное расширение, которое наложило самые огромные требования на наш производственный потенциал. Но помимо этих неотложных нужд, существует гораздо более широкая задача организации внутренней английской промышленности, для того, чтобы она была готова направить весь свой огромный и гибкий потенциал в каналы военного производства, как только возникнет серьёзная необходимость».

Из статьи «В водах Средиземноморья» от 13 ноября 1936, я цитирую, на странице 86, буквально говорится:

«Но теперь это не так. Англия приступила к перевооружению в большом масштабе. Её благосостояние и её честь, единство её организации, её обширные ресурсы и связи, всё направлено на возрождение. Британский флот всё ещё является мощнейшим в Европе. Находятся на рассмотрении огромные ежегодные расходы на него в будущем».

Кроме того, я хочу представить доказательства того факта, что подсудимый Геринг в частности, в разное время, начиная после захвата власти, постоянно подчёркивал своё желание поддерживать мир и избегать войны. Он также постоянно, чётко заявлял о том, что меры проводимые Германией не служат целям

агрессии. В качестве доказательства этого я ссылаюсь на несколько речей произнесённых подсудимым Герингом и начинаю, цитируя речь от 4 декабря 1934, которую он произнёс на предприятии Круппа в Эссене, и которая находится в книге «Речи и сочинения Германа Геринга», страницы 174-176, и напечатана в документальной книге номер 1, страница 18.

Из этого фрагмента я желаю процитировать только следующее:

Председатель: Не думаю, что стенографист смог расслышать, какой это номер экземпляра.

Штамер: Прошу прощения. Это экземпляр номер 6. Я цитирую – и это последняя фраза в первом абзаце:

> «Сегодня мы хотим обеспечить мир, и мы хотим, чтобы мир всегда понимал: что только уважаемая Германия является единственным гарантом мира. Только свободная немецкая нация сохранит этот мир и познает, как сохранить этот мир.
>
> Поэтому мы требуем для себя таких же прав, которые имеют остальные».
>
> И на следующей странице, я цитирую последний абзац:
>
> «Мы не хотим войны, но мы хотим нашу честь. Мы не будем ни с кем в мире обсуждать эту честь, это остаётся, так как это фундамент для возрождения всей нации. Только тот, кто имеет острый меч на своей стороне неприкосновенен и имеет мир».

Сэр Невил Гендерсон подчеркивал любовь Геринга к миру в разных отрывках своей книги «Провал миссии». Отрывки снова цитируются в документальной книге номер 1, страница 63, и я приобщаю их в качестве документа номер 23, экземпляр номер Геринг-2. Я цитирую страницу 78 книги.

> «Я, то есть, Гендерсон – «был склонен верить в его искреннее» - то есть Геринга – «личное желание мира и хороших отношений с Англией».
>
> На странице 83 книги, сказано:
>
> «Я хочу выразить здесь свою уверенность в том, что фельдмаршал, если бы это зависело от него, не пошёл бы на риск войны, как сделал Гитлер в 1939. Как видно в дальнейшем, он занял решительную позицию за мир в сентябре 1938».

На странице 273, которая находится на следующей странице, есть следующее предложение, которое я цитирую:

> «Я встретил польского посла в 2 часа утра 31 августа 1939, дал ему установку, и подробный умеренный отчёт о моей беседе с Риббентропом, сказав об уступке Данцига и плебесците в коридоре в качестве двух пунктов немецких предложений, сказав о том, что пока я не смог сделать вывод о том, что они слишком необоснованные, и

предложил ему, что мы рекомендуем его правительству, чтобы оно предложило о встрече между фельдмаршалами Рыдзом-Смиглым и Герингом.

Вместе с тем, фельдмаршал казался серьёзным, когда после вызова к телефону, он вернулся к нам для того, чтобы сказать нам о том, что господин Липски был в пути на встречу с Риббентропом. Он выглядел успокоившимся и надеялся на то, что предполагаемый контакт не только можно установить, но, в конце концов, избежать войны».

В феврале 1937, подсудимый Геринг по случаю международной встречи ветеранов войны в Берлине, произнёс следующую речь, которая находится в книге «Герман Геринг – человек и его работа», на странице 265, и которая содержится в документальной книге 2, страница 42, что экземпляр номер 39, и из которой я цитирую следующие предложения:

«Нет лучше защитников мира, чем старые ветераны войны. Я убеждён в том, что они, лучше всех остальных имеют право просить о мире и формировать его. Я признаю, что те люди которые с оружием в руках прошли четыре тяжёлых года ада мировой войны, имеют перевоочередное право формировать жизнь наций, и я знаю о том, что ветераны войны больше чем кто-то другой позаботятся о сохранении благословения мира для своих стран».

Я пропускаю два предложения и затем цитирую дальше:

«Но мы знаем, что это является ужасной вещью, это окончательное состязание между нациями. Моё пламенное и чистосердечное желание заключается в том, чтобы этот конгресс мог внести свой вклад в основание подлинного мира с честью и равенством в правах для всех сторон. Вы, мои товарищи, проложите к этому путь».

Такое же желание очевидно в ответах лорда Галифакса на заданные ему вопросы. Я зачитываю следующие отрывки из этого опросного листа и приобщаю подлинник как документ номер Геринг-22. Он находится в документальной книге I, страница 59.

Думаю, я могу опустить первые два вопроса. Третий вопрос это:

«Геринг говорил вам во время этой дискуссии: «Каждое германское правительство рассматривает следующие вопросы в качестве неотъемлимой части своей политики: (а) присоединение Австрии и Судетов к Германии; (б) возвращение Данцига к Германии при разумном решении вопроса коридора?»

Ответ: Да.

Вопрос 4: Вы соответственно отвечали: «Но, надеюсь без войны?».

Ответ: Я сказал, что правительство Его Величества хотело, чтобы все вопросы влиявшие на Германию и её соседей разрешались мирными

методами. Иным образом я это не обсуждал.

Вопрос 5: Геринг затем ответил:

«Это очень сильно зависит от Англии. Англия смогла бы внести вклад в мирное решение этого вопроса. Геринг не хочет войны по той же самой причине, но эти вопросы должны быть разрешены при любых обстоятельствах.

Ответ: Да».

Председатель: Это дословный отчёт сказанного подсудимым Герингом? Он ссылается на себя в третьем лице: «Геринг не хочет войны» подразумевая – «Я не хочу войны»?

Штамер: Он тоже не хотел войны. Англия смогла бы внести вклад в мирное решение вопроса. Он не хочет войны по этим же причинам. Он, то есть Геринг тоже не хочет войны, но эти вопросы следует разрешить при любых обстоятельствах.

Это, конечно, непрямая речь. В прямой речи было бы: «Я, Геринг не хочу войны, но вопросы должны быть разрешены при любых обстоятельствах».

Следующий вопрос относится к Далерусу. Вопрос 15, который является вопросом заданным Галифаксу также имеет важность по моему мнению:

«У вас сложилось впечатление о том, что попытки Геринга избежать войны были искренними?

Ответ Галифакса это:

«Я не сомневаюсь в том, что Геринг предпочёл бы воплотить немецкие требования к Польше без войны, если бы он мог».

В конце июня или начале июля 1938, подсудимый Геринг выступил с речью к гауляйтерам в Каринхалле, которая отчётливо являлась речью о мире. Я ссылаюсь на заявление доктора Юбиррейтера от 27 февраля 1946, подлинник которого представлен как документ номер 38, экземпляр номер Геринг-4, и приводится в документальной книге номер 2 на странице 37.

Председатель: Вы приобщаете подлинники, не так ли?

Штамер: Да.

В этом заявлении доктора Юббирейтера от 27 февраля 1946, на странице 38 в документальной книге номер 2, ваша честь, говорится:

«25 мая 1938» - говорит доктор Юббирейтер – «то есть, после плебесцита о воссоединении Австрии с Германией, который состоялся 10 апреля 1938, я был назначен гауляйтером гау Штирмарк.

Несколько недель спустя, может быть в конце июня или начале июля 1938 – бывший фельдмаршал Герман Геринг вызвал всех гауляйтеров Германского Рейха в Каринхалле.

Там он выступил к гауляйтерам с довольно длинной речью описывая политическую обстановку того времени и подробно обсуждая цель и значение четырёхлетнего плана.

Фельдмаршал Геринг сначала отметил, что другие страны мало понимают политическое развитие в Германии и соответственно существует угроза окружения Германии. Таким образом, руководство германской внешней политикой является трудной задачей. Соответственно, мы должны стремиться усиливать Германию с экономической и военной точки зрения для того, чтобы снизить угрозу Германии от нападения иностранной державы. В то же время, это приведёт к тому, что Германия снова осуществит возрастающее важное влияние на европейскую политику после того как снова стала сильной.

После этого фельдмаршал Геринг обсуждал четырёхлетний план. В связи с этим он заметил:

По большому счету, Германия была отрезана от мировых источников сырья, и поэтому ей пришлось открыть источники на своей собственной территории за счет повышения эффективности. Это было сделано только для того, чтобы сделать Германию независимой от зарубежных стран и не служит цели подготовки к агрессивной войне.

Затем он категорически подчеркнул, что германская внешняя политика будет проводиться таким образом, чтобы ни при каких обстоятельствах не было войны. Нынешнее поколение всё ещё ощущает влияние проигранной мировой войны, начало ещё одной войны будет потрясением для немецкого народа. Кроме того, его мнение заключалось в том, что новая война может принять большой размах и даже начало войны только против Франции будет под вопросом.

В заключение он подытожил своё выступление сказав о том, что мы должны сделать всё в своей власти для воплощения четырёхлетнего плана, и о том, что все трудности вызванные этим нужно донести до народа и они будут оправданными, потому что его успех может предотвратить войну.

Я отмечаю, что я помню все подробности этой речи настолько точно, потому что это было впервые, когда меня информировала ведущая личность об условиях которые были настолько важными для Германии и поэтому, как результат, до самого начала войны, я не верил в то, что будет война».

В решении австрийской проблемы со стороны Германии не было видно никакой агрессивной акции. Она состоялась в ответ на пожелания большинства австрийского населения о воссоединении с Рейхом. Взгляд подсудимого на проблему можно понять из телефонной беседы с министром иностранных дел фон Риббентропом 13 марта 1938. Запись этой беседы уже представлена как документ

номер PS-2949, экземпляр номер USA-76. Я процитирую из этой беседы некоторые отрывки которые пока не оглашались. Беседа находится в документальной книге номер 1, страницы 55-56. Я собираюсь процитировать только следующие отрывки:

«Я хочу сказать одно: если говорится» - это говорит Геринг – «о том, что давили на австрийский народ и неслыханно обошлись с его независимостью, то можно сказать только об одной вещи, которая находилась под давлением, не с нашей стороны, это жалкое правительство. Австрийский народ только сейчас свободен. Я просто предложу Галифаксу или немногим действительно важным людям которым он доверяет, о том, чтобы он просто направил их сюда для того, чтобы они могли увидеть картину. Они должны проехать по стране, они смогут всё увидеть».

И несколько фраз далее:

«Какому государству во всём мире повредил наш союз? Мы, что-то забрали у какого-то государства?»

Затем он продолжает, я пропускаю две фразы:

«Все люди – немцы, все люди говорят по-немецки. С этим не связано ни одно другое государство».

Подсудимый Геринг – я ссылаюсь на страницу 11 книги, предпоследний абзац – не только хотел поддерживать мир за рубежом, он также поддерживал сохранение мира дома. Об этом он заявил в речи, которую произнёс 9 апреля 1933 в Берлин Спортпалац – это видно в книге «Речи и сочинения Германа Геринга» и воспроизведена в документальной книге номер 1, страница 35 и я приобщаю это как документ номер 13, я цитирую первое предложение:

«Однако с другой стороны, мои соотечественники, мы тоже должны быть великодушными. Мы не желаем практиковать жалкую месть. В конце концов, мы победители…Поэтому, будем великодушными, поймем, что мы тоже однажды думали по-другому».

И затем немного дальше:

«…чем сильнее и свободнее мы себя ощущаем, тем более великодушно, более свободно мы можем отбросить то, что случилось в прошлом и протянуть нашу руку с полной искренностью к примерению».

Своим отношением к церкви подсудимый…

Председатель: Доктор Штамер, не могли бы вы указать нам номер экземпляра?

Штамер: Да, я думаю, это был номер 13. Я снова посмотрю. Это был номер 14.

Своё отношение к церкви подсудимый выразил в нескольких речах. Об этом, 26 октября 1935 он сделал следующее заявление. Я цитирую из «Речей и сочинений Германа Геринга», документальная книга 1, страница 39, документ номер 15, следующие фразы:

> «Только от церкви зависит, желает ли она мира. Мы, движение, и в частности правительство и государство никогда не нападали на церковь, мы гарантируем защиту церкви и церковь знает, что она в полной мере сегодня пользуется защитой.
>
> Поэтому нет никакого повода винить нас за что-то связанное с этим».

И из ещё одной речи от 26 марта 1938, которая также цитируется в «Речах и сочинениях Германа Геринга», документальная книга номер 1, страница 41, документ номер 16, я цитирую первое и второе предложения:

> «Мы не желаем уничтожения церкви, как и уничтожения любой другой религии. Всё, чего мы хотим, это добиться такого чёткого разделения. Церковь имеет свои чёткие, очень важные и очень нужные задачи, и государство и движение имеют другие, настолько же важные и настолько же решающие задачи».

Далее я ссылаюсь на документ представленный священником Вернером Енчем[427] 30 октября 1945, адресованного в трибунал, документальная книга номер 1, страницы 44-46, экземпляр номер 17.

Я цитирую только одно предложение, цифра 7:

> «Сам Герман Геринг, через своего главного адъютанта дал следующий ответ на обращение о введении особой должности капеллана в ставке воздушных сил, о том, что пока он ничего не мог сделать по данному поводу, потому что Адольф Гитлер пока не принял окончательное решение по вопросу религии. Однако, он желал бы полной свободы религии в воздушных силах, включая христианские верования, и каждый военнослужащий воздушных сил мог выбирать для себя такого капеллана или гражданского пастора какого пожелает».

Письменные показания гауляйтера, доктора Юбиррейтера от 27 февраля 1946 касаются вопроса указанного ранее и которые находятся в документальной книге номер 1, страница 31. Здесь цифра 2 касается событий ночи с 9 на 10 ноября 1938 и осведомлённости о них:

> «Несколько недель спустя после акции против евреев в ночь с 9 на 10 ноября 1938 – ближе к концу ноября или началу декабря 1938 фельдмаршал Геринг снова вызвал гауляйтеров в Берлин. Во время этой встречи он критиковал акцию жесткими словами и заявил о том, что это не согласуется с достоинством нации. Более того, это сильно снизило наш престиж за границей. Если убийство легационного советника фон Рата[428] рассматривалось как нападение еврейства на Рейх, тогда Германский Рейх имел другие средства противодействия

---

[427] Вернер Енч (1913 – 1993) – немецкий евангелистский теолог.

[428] Эрнст фом Рат (1909 — 1938) — германский дипломат. Сотрудник посольства Германии в Париже. Убит еврейским эмигрантом.

такому нападению нежели обращение к низменным инстинктам. В нормальном государстве ни при каких обстоятельствах не допускается беспорядочная акция толпы».

И в последнем абзаце, под номером 2, говорится:

«В заключение он попросил гауляйтеров использовать всё своё влияние для того, чтобы в будущем не повторялись никакие подобные инциденты, которые были разрушительными для Германии».

Я могу пропустить страницу 16, абзац 5, в качестве пояснения к тому, что приводилось.

То, что подсудимый Геринг принял свою обязанность в качестве верховного отправителя правосудия очень серьезно видно из письменных показаний главного военного прокурора, доктора Лемана[429] от 21 февраля 1946. Я прочту из этих письменных показаний в документальной книге номер 1, страница 106, документ номер 27, экземпляр номер Геринг-6. Я цитирую из цифры II и ниже:

II. Мнение о нём заключается в следующем:

«Рейхсмаршал изначально занимал отрицательное отношение к юристам. Очевидно на него повлиял фюрер. Это отношение изменилось настолько, что он лично стал заниматься юридическими вопросами воздушных сил. В конце войны рейхсмаршал был одним из высокопоставленных командиров который хотел консультироваться с юристами. Он проявлял особый интерес к юридическому управлению воздушных сил и придавал ему огромное значение. Он передавал этому управлению сложные дела для расследования в которых имел скептическое отношение к отчётам других ведомств».

Из следующего абзаца:

«Рейхсмаршал лично, тщательно был информирован по вопросам которые я обсуждал с ним. Он посвящал необыкновенно много времени этим вопросам. Совещания, даже когда были сильные разногласия во мнениях, проходили спокойно и правильно».

Затем из абзаца III:

«III. По поводу юридического управления воздушных сил, рейхсмаршал оставлял за собой утверждение приговоров во многих случаях, в частности все смертные приговоры.

При вынесении приговора по конкретным делам он был склонен выражать снисхождение – несмотря на жестокость, которой требовал от всех судей фюрер. В случае тяжкого преступления и в особенности моральных преступлений, он выражал безжалостность. Я знаю по

---

[429] Рудольф Леман (1890 – 1955) — немецкий военный юрист, начальник правового управления Верховного главнокомандования Вермахта, генералоберштабсрихтер. Осуждён американским трибуналом к 7 годам лишения свободы.

материалам дел, что в тяжких случаях изнасилования он часто заменял приговор, потому что считал необходимой смертную казнь. Не имело значения была женщина из Германии или из оккупированных территорий, мне кажется, что я помню, по крайней мере, один случай из материалов дела, в котором он даже заменил обычный порядок казни и приказал о том, чтобы солдата повесили в русской деревне в которой он совершил изнасилование».

IV. Председательствуя на процессе рейхсмаршал был очень резким, но добродушным, также в своих рекомендациях о помиловании фюреру.

V. В собственных решениях рейхсмаршал несомненно сознательно действовал зачастую вопреки идеям и требованиям фюрера, в особенности в политических вопросах, по которым он судил более мягко, и в случаях эксцессов против мирного населения оккупированных стран он судил строже чем фюрер.

Я часто обсуждал личность рейхсмаршала с его юрисконсультом, очень опытным, спокойным и сознательным юристом, также как с главным военным прокурором, которые выделяли такие же качества и часто находились с ним. У нас было одинаковое мнение о рейхсмаршале.

В ходе данного процесса обвинение постоянно ссылалось на так называемую «Зеленую папку», которая представлена как документ номер PS-1743. Это не является, как утверждает обвинение регулированием разграбления и уничтожения населения. Её целью была скорее экономическая мобилизация и непрерывная работа промышленности, получение и регулярное использование припасов и транспортные возможности на территориях занятых военными операциями, особо учитывая тот факт, что в России нет частного предпринимательства, а только сильно регулируемая государственная экономика. В дополнение к этому, ожидались сильные разрушения в виду русского отношения. Она нигде не содержит ни приказа, ни директивы об эксплуатации отдельных групп населения помимо необходимостей вызванных войной.

Из этой «Зеленой папки» я привёл целую серию фрагментов, которые должны подтвердить мои заявления. Я не могу ссылаться на них в подробностях, я хочу обратить внимание только на самый характерный отрывок, который находится на странице 94 «Зеленой папки», второй абзац:

«Среди местного населения, то есть, в данном случае рабочих и священнослужителей нужно устанавливать наилучшие отношения».

Немного ниже, на этой же странице:

«Следует стремиться к хорошим отношениям с населением, в частности с сельскохозяйственными рабочими».

Я перехожу к следующему абзацу:

Германские вооружённые силы вступили в войну, полностью уважая международные соглашения.

Председатель: Где эта часть?

Штамер: Страница 23, господин председатель.

Председатель: Какой том?

Штамер: Судебный обзор.

Председатель: Мы видим только 22 страницы в нашем обзоре. Есть два тома?

Штамер: Мне кажется это второй судебный обзор. Разделение провели для ускорения перевода. Могу я продолжать?

Германский Вермахт вступил в войну, полностью уважая международные соглашения. Не замечалось никаких масштабных эксцессов со стороны немецких солдат. Отдельные правонарушения строго наказывались. Однако, сразу после начала боевых действий появились отчёты описывающие жестокости совершённые против немецких солдат. Эти отчёты внимательно изучались. Результат был зафиксирован в «Белых книгах» германского министерства иностранных дел, которые направлялись в Женеву. Таким образом, возникли «Белые книги» которые рассматривали преступления против законов войны и человечности совершённые русскими солдатами.

Руденко: Господа судьи, защитник Геринга доктор Штамер планирует предъявить трибуналу и огласить под протокол фрагменты из так называемой «Белой книги» опубликованной гитлеровским правительством в 1941 в связи с какими-то нарушениями предположительно произошедшими с немецкими военнопленными. Я считаю, что эти фрагменты нельзя предъявлять и оглашать под протокол, по следующим причинам:

Можно приобщать в качестве доказательств только факты, относящиеся к данному делу, трибуналу можно предъявлять документы которые относятся к преступлениям которые совершались главными немецкими военными преступниками.

«Белая книга» это серия документов с вымышлеными сведениями по поводу нарушений которые совершались не немецко-фашистскими, а другими странами. Поэтому сведения, содержащиеся в «Белой книге» не могут служить в качестве доказательства по делу. Такой вывод ещё больше оправдан тем, что «Белая книга» является публикацией которая служила цели фашистской пропаганды и которая выдумками и поддельными документами оправдывала или покрывала преступления совершённые фашистами. Поэтому я прошу трибунал отказать в оглашении под протокол или предъявлению трибуналу фрагментов из так называемой «Белой книги».

Председатель: Исходя из какой теории вы считаете обоснованным представление такого доказательства, доктор Штамер?

Штамер: Вопрос о том возможно ли и допустимо ссылаться на эти «Белые

документы» во время данного процесса в качестве средства доказательства постоянно обсуждается. В частности это являлось предметом дебатов, когда мы рассмативали вопрос о том разрешат ли мне ссылаться на «Белые книги» в качестве доказательства. Насколько мне известно, они допущены в качестве доказательства в настоящее время. Уже отмечалось, во время дебатов которые возникли вокруг данного предмета, что касается доказательств, это относится к оценке мотивов.

В своё время я уже отмечал, что преступления совершённые против немецких военнопленных являются важными для того, чтобы понимать меры принятые со стороны Германии. Нельзя оценить глубинные мотивы людей которые совершали эти правонарушения или отдавали приказы их совершать, если не получается учитывать основание которое приводило к этим поступкам, или расследовать мотивы заставившие их совершить такие деяния. И ввиду важности мотива, для того, чтобы знать об обвинениях предъявленных немцами, мне кажется, что такая ссылка на документ является абсолютно необходимой.

Председатель: Вы закончили?

Штамер: Да.

Председатель: Что же, здесь мы судим главных военных преступников, здесь мы не судим державы-подписанты. Следовательно, вы должны обосновать представление доказательства против держав-подписантов неким правовым способом.

Штамер: Презентация, если я могу повторить, подготовлена по следующим причинам:

Подсудимых здесь обвиняют в том, что под их руководством совершались правонарушения и преступления против военнослужащих зарубежных вооружённых сил, что не соответствует Женевской конвенции. С нашей стороны говорится о том, что если жестокое обращение и эксцессы случались с немецкой стороны, то они были вызваны тем фактом, что схожие нарушения совершались также с другой стороны и соответственно об этих правонарушениях нужно судить иначе, и не считать настолько тяжкими как было бы в случае если бы противоположная сторона вела себя правильно. Во всяком случае, эти факты относятся к оценке мотива.

Председатель: Вы пытаетесь обосновать представление данного доказательства на основе репрессалий?

Штамер: Не только на основе репрессалий, но и с точки зрения мотива деяния.

Председатель: Вы просите нас допустить документ, германский правительственный документ. Итак, согласно устава, мы обязаны допускать документы, правительственные документы и отчёты Объединённых наций, но нигде не сказано о том, что мы обязаны допускать или вправе допускать документы изданные германским правительством. Мы не можем сказать, содержат ли эти документы правдивые факты или нет.

Штамер: У нас есть в документальных книгах материалы дел с расследованиями.

Они должны иметь, по моему мнению, такую же доказательственную ценность, как и официальные документы. Это материалы судебных разбирательств, которые цитируются в «Белой книге».

Руденко: Господа судьи, я хочу заметить только одну вещь. Защитник Штамер пытается предъявить эти документы для того, чтобы как он говорит, привести свои причины которыми он объяснит преступления немцев. Я хочу заявить о том, что те документы, которые уже представлены обвинением, и о которых говорили вчера во время перекрёстного допроса подсудимого Геринга, совершенно ясно показывают, что документ о преступлениях готовился до начала войны.

Председатель: Доктор Штамер, какие даты у этих документов которые вы просите нас допустить?

Штамер: У меня есть отдельные. Вместе с тем я изучал материалы дел.

Джексон: Ваша честь, я предлагаю, что я полностью поддерживаю возражение генерала Руденко. Я полагал, что то с чем согласились представители обеих сторон, когда этот вопрос уже обсуждался, заключается в том, что не допускаются никакие репрессалии в отношении военнопленных. Даже мой учёный оппонент доктор Экснер согласился с тем, что это закон.

Во-вторых, разумеется, мы должны знать о том, какие преступления они должны оправдывать. Это является мотивами для этих преступлений? Представитель говорит о том, что этим раскрываются их мотивы. Их мотивом расстреливать американских и британских летчиков были какие-то нарушения со стороны русских, как они заявляют? Как мне кажется, единственный способ заключается в том, что доказательства такого характера являются допустимыми согласно доктрине репрессалий при очень строгом рассмотрении конкретных правонарушений и высказывании: «Это правонарушение мы признаём, но мы совершили его в качестве репрессалии за определённое конкретное правонарушение».

Я полагаю, что общие высказывания подобного характера и ссылка на военнопленных решительно недопустима и уводит нас в сторону от процесса по данному делу.

Штамер: Могу я отметить ещё один факт: так например, у меня есть телеграмма направленная представителем министерства иностранных дел при высшем командовании армии в министерство иностранных дел от 12 августа 1941. Другими словами, это официальный документ и до сих пор обвинение предъявляло в значительных количествах официальные документы которые использовались в качестве доказательств против подсудимых. Если сейчас здесь представляют официальные документ для реабилитации подсудимых, я думаю, что его нужно допустить в такой же мере с учётом того, что это юридически допускается. Формальная сторона вопроса заключается в том, что у нас есть телеграмма, как я сказал от представителя министерства иностранных дел при высшем командовании

армии, то есть от официального лица адресованное в министерство иностранных дел 12 августа 1941. В нем, например сказано: «В захваченном оперативном отчёте номер 11 от 13-го числа прошлого месяца, 10 часов, из штаба 26-й дивизии, в 1 километре западнее Сластены в лесу к северу от Опушки говорится: «Противник оставил на поле боя 400 убитых…»

Председатель: Вы не должны это зачитывать, так как мы обсуждаем допустимость.

Штамер: Прошу прощения. Я неправильно вас понял, господин председатель, вы спросили меня о том какой это документ…

Председатель: Дату «Белой книги».

Штамер: Дата «Белой книги», как я вижу, мы неправильно поняли друг друга, это Берлин, 1941.

Председатель: Это не дата, это год.

Штамер: Сказано: «Большевистские преступления против законов войны и человечности. Документы составленные министерством иностранных дел, том первый, Берлин 1941». Такое название у документа, даты публикации не видно в самой книге. Отдельные документы и предварительные разбирательства находятся в этой книге, за рядом материалов с конкретными датами.

Председатель: Значит, здесь нет ничего, что показывает о сообщении документа, как советскому правительству или о том, когда его сообщили – если так было – в Женеву или гарантирующей державе.

Штамер: Его переслали в Женеву. Его надлежащим образом вручили Красному кресту в Женеве.

Председатель: Когда?

Штамер: В 1941. Я предлагал получить эти книги из Женевы и получить информацию у женевского Красного креста.

Господин председатель, могу я ещё раз заметить, что это официальный документ опубликованный министерством иностранных дел. Это серия отчётов собранных в официальной публикации.

Председатель: Это не является тем положением, которое в действительности рассматривает трибунал. Вопрос заключается в том, как вы можете обосновать на процессе главных военных преступников Германии, доказательства против Великобритании или Соединённых Штатов Америки или против СССР или против Франции? Если вы собираетесь разбирать акции всех этих четырёх держав-подписантов, помимо прочих соображений, у процесса не будет конца и их поведение не имеет никакого отношения к виновности главных военных преступников Германии, до тех пор, пока это не будет обосновано ссылкой на доктрину репрессалий и это не может быть обосновано подобным образом. И поэтому трибунал считаете документ не относящимся к делу.

Штамер: Я перехожу к предмету воздушной войны, доказательство на странице 25 моего судебного обзора. Отношение к вопросу вины заключается в том начали ли

германские воздушные силы атаковать открытые города после того как британские воздушные силы осуществили большое количество налётов на невоенные объекты.

Максвелл-Файф: Милорд, я возражаю этому доказательству. Я не совсем уверен, проходил ли доктор Штамер доказательства по поводу воздушной войны, или же он иллюстрирует свою аргументацию. Я хочу дать понять, что я возражаю первой части как слишкой далекой, то есть, доказательства о различных совещаниях которые проводились в отношении правил воздушной войны.

В отношении второй части доказательства я возражаю документу который призван показать, что Великобритания атаковала невоенные объекты. Там где я смог проверить предположения, я обнаружил спорные моменты о том являлись ли цели военными или невоенными целями и поэтому я не могу принять немецкие официальные доклады в качестве доказательства имеющего с их стороны какую-либо осязаемую ценность, и я покорно полагаю, что до тех пор пока трибунал имеет полномочия согласно уставу он должен занимать такую же линию.

Я высказал эти два дополнительных пункта затронутых моими учёными коллегами генералом Руденко и господином судьей Джексоном по общему вопросу. Я не хочу занимать время аргументацией в развитие данного положения. Я буду рад помочь в любом аспекте.

Председатель: Доктор Штамер, мне кажется, что данный вопрос основан ровно на том же самом вопросе, о котором мы распорядились.

Штамер: Правильно. Мне кажется, что из этой книги о воздушной войне один документ имеет особое значение, который цитируется на странице 27. Это просто заявление французского генерала Арменжо[430] о том факте, что германские воздушные силы в Польше действовали согласно законам войны и атаковали исключительно военные цели. Мне кажется, не будет возражения оглашению хотя бы этой цитаты. Это страница 27.

Председатель: Страница 27 судебного обзора?

Штамер: Страница 27 судебного обзора. Здесь я привожу цитату генерала Арменжо, французского военного атташе в Варшаве от 14 сентября 1939.

Председатель: Да.

Штамер: Здесь сказано: после начала войны германские воздушные силы под командованием главнокомандующего Геринга не атаковали по приказу Гитлера никакие открытые города в Польше, это подтверждается Баттлером[431], британским заместителем государственного секретаря по иностранным делам от 6 сентября 1939 и французским военным атташе в Варшаве 14 сентября 1939 (документы 41 и 46 «Белой книги»). Последний генерал Арменжо буквально сказал:

«Я должен подчеркнуть, что германские воздушные силы действовали

---

[430] Поль Арменжо (1879 – 1970) – французский генерал авиации.

[431] Ричард Батлер (1902 — 1982) — британский государственный деятель, политик-консерватор. На протяжении своей жизни в разные периоды возглавлял министерства труда, финансов, иностранных дел и внутренних дел Великобритании. В 1938-1941 заместитель государственного секретаря МИД Великобритании.

согласно законам войны, они атаковали только военные цели и если гражданских лиц часто убивали или ранили, это происходило потому, что они находились рядом с военными объектами. Важно, чтобы об этом знали во Франции и Англии, для того, чтобы не предпринималось никаких репрессалий, так как нет никакого повода для репрессалий и таким образом нами не будет развязана тотальная воздушная война».

Председатель: Доктор Штамер, откуда он исходит?

Штамер: Могу я взглянуть? Это имеется в документе о бомбовой войне, номер 46 «Отчёт французского военного атташе в Варшаве, генерала Арменжо». Он датирован 14 сентября 1939 и затем следует отчет, который я уже процитировал.

Председатель: Да.

Штамер: Я его приобщил.

Председатель: Да.

Штамер: И теперь я перехожу к странице 30 судебного обзора. И в параграфе 10, я ссылаюсь на создание подсудимым Герингом тайной государственной полиции. Отрывок, цитируемый здесь из книги «Герман Геринг - человек и его работа», документальная книга 2, страницы 53 и 54. Я предъявляю его как документ номер 44 и цитирую из него следующий фрагмент:

«По большому шттетинскому и другим процессам можно понять, что Геринг предпринял беспощадные меры против людей которые действовали от своего имени и вопреки его инструкциям. Министр-президент изучил сотни отдельных дел в связи с надзором за политическими заключёнными. Он не ждал пока его попросят, он внёс предложение по собственной инициативе.

В связи с рождественской амнистией 1933 он приказал об освобождении почти 5000 заключённых из концентрационных лагерей. «Даже им нужно дать шанс». Было бы слишком понятно если бы освобождённые столкнулись с закрытыми дверями куда бы они не пошли. Однако, это не соответствует духу милосердия. Никто не должен считать себя закрытым от общества. Поэтому Геринг в чётко сформулированном указе приказал о том, чтобы не было никаких затруднений для освобождаемых, ни от властей ни от общества. Если эта акция должна была иметь смысл, следовало приложить любое усилие к тому, чтобы вернуть в общество этих людей, которые согрешили против государства как полноправных немцев».

И из последнего абзаца, я читаю второе предложение:

«В сентябре 1934 он приказал освободить ещё 2000 заключённых в ходе второй большой амнистии».

В связи с этим я прошу приобщить телеграмму которую я получил

несколько дней назад, и я прошу о том, чтобы её допустили в качестве доказательства. Это незаверенная телеграмма от некоего Германа Винтера, Берлин З 20, Эйзенахштрассе, 118. Она включена в документальную книгу которую я представляю. Мне кажется это последний документ в моей документальной книге.

Джексон: Если мы должны исследовать незаверенную переписку или телеграммы, если это должно стать доказательством, то у меня есть полная корзина для мытья белья в кабинете, если такого рода материал можно использовать в качестве доказательства по делу без какого-либо удостоверения, я смогу принести его сюда в опровержение. Мне не кажется, что мы должны знать нечто большее об этом чем то, что это просто телеграмма, поступившая от неизвестного лица которое даже может не является подписавшимся, может быть предположительное имя. Я думаю, я вправе на более весомое основание, чем это.

Председатель: Доктор Штамер у вас есть какое-нибудь другое обоснование?

Штамер: У меня нет другого обоснования, и я прошу вашего решения о допустимости телеграммы в качестве доказательства.

Председатель: Что же, я не думаю, что мы можем допустить её просто как телеграмму, полученную вами от неизвестного лица.

Штамер: Я прошу вашего решения. В ней отказано? Я перехожу к концу, страница 34.

Председатель: Судебного обзора?

Штамер: Страница 34 судебного обзора, цифра 12. В связи с вопросом о том можно ли винить подсудимых за доверие к Гитлеру и следовании за ним, важно знать об отношении Черчилля высказанном в его книге «Шаг за шагом» и я цитирую два отрывка, документальная книга 2, страница 46.

Джексон: Это 1937, до событий которые мы в основном рассматриваем. Я не думаю, что это очень важно. Речи господина Черчилля хорошо известны, но я не думаю, что мы должны тратить время, вдаваясь в мнения господина Черчилля ещё в 1937, до события, когда он, несомненно, находился в таком же положении как Далерус, свидетель, в связи со своими сведениями о том, что происходило за кулисами.

Председатель: Постольку поскольку мы уже приняли эту книгу и некоторые отрывки из неё, вы можете сказать это.

Штамер: Я могу сказать? Спасибо. На странице 187 в статье «Дружба с Германией» от 17 сентября 1937, написано:

> «Можно осуждать систему господина Гитлера и всё же восхищаться его патриотическими достижениями. Если наша страна потерпит поражение, я могу только желать того, чтобы мы смогли найти равного по упорству чемпиона который снова вернёт нам отвагу…».

Председатель: Я сказал лишь то, что вы можете прочитать это, потому что вы читали из этой книги господина Черчилля, но в то же время мне это кажется

абсолютно не относящимся к делу.

Штамер: Я не – ох, я понимаю. Могу я сослаться на цитату на странице 323, которая также является описанием личности Гитлера. Я считаю это важным, потому что я придаю большой вес суждению Черчилля. Сказано: «Наше руководство должно хотя бы…».

Председатель: Но, доктор Штамер вы не думаете, что мы слышали достаточно о личности Гитлера?

Штамер: Да, но не из этого источника. Если трибунал…

Председатель: Предположительно подсудимый Геринг знает о Гитлере больше чем господин Черчилль.

Штамер: Если трибунал не желает, чтобы это читали, я подчиняюсь этому пожеланию.

Председатель: Я думаю, это является кумулятивным.

Штамер: Что же, в таком случае я закончил. Я могу оставить в запасе доказательства, которые пока не смог предъявить, о которых я говорил этим утром. Я сказал этим утром, что у меня есть определённые доказательства, которые я не смог представить потому что пока их не получил.

Председатель: Да.

Джексон: Будет ли сейчас удобно, с позволения вашей чести, занести в протокол документы которые я должен был формально приобщить под протокол?

Председатель: Я не совсем понял? О каких документах вы говорите?

Джексон: Тех, что использовались в перекрёстном допросе…

Председатель: Да, конечно.

Джексон:…о которых со мной говорил ваша честь.

Председатель: Да.

Джексон: Я понимаю, что их вручили секретарю и их отметили.

Письменные показания Гальдера это USA-779. Они приобщены.

Документ номер PS-3700 приобщается как экземпляр USA-780, документ номер PS-3575 приобщается как экземпляр USA-781, документ номер PS-3787 приобщается как экземпляр USA-783, документ номер PS-014 приобщается как экземпляр USA-784, документ номер PS-1193 приобщается как экземпляр USA-785, документ номер EC-317 приобщается как экземпляр USA-786, документ номер PS-3786 приобщается как экземпляр USA-787, документ номер PS-638 приобщается как экземпляр USA-788, документ номер PS-1742 приобщается как экземпляр USA-789.

Шампетье де Риба: Господин председатель, доктор Штамер в своей презентации не говорил о документе номер Геринг-26. Он касается ноты германского правительства французскому правительству об обращении с немецкими военнопленными во Франции от 30 мая 1940. Причина, которая заставила нас исключить «Белую книгу» из дискуссии заставила также отказать и в этом документе. Я понимаю, что доктор Штамер понял это и поэтому он больше о нём не говорил, но я хочу заверить его в

том, что этот документ был четко исключён из обсуждения.

Штамер: Я не указывал документ. Я его отзываю.

Председатель: Я вызываю представителя подсудимого Гесса.

Зейдль: Господин председатель и уважаемый суд, перед тем как приступить к предъявлению доказательств я должен по просьбе подсудимого Гесса сделать следующие замечания:

Подсудимый Гесс оспаривает компетенцию трибунала в котором иное нежели военные преступления является предметом процесса. Однако он особо принимает полную ответственность за все законы или распоряжения, которые он подписал. Кроме того, он принимает ответственность за все приказы и директивы которые он издал как заместитель фюрера и рейхсминистр. По этим причинам он не желает защищать себя от каких-либо обвинений которые относятся к внутренним делам Германии как суверенного государства. Это относится в частности к отношениями между церковью и государством, и похожим вопросам. Таким образом, я представлю доказательства только в связи с вопросами прояснение которых другими странами может представлять обоснованный интерес. Это например относится к задачам и деятельности зарубежной организации НСДАП. Кроме этого, трибуналу будут представлены доказательства лишь постольку поскольку это необходимо для установления исторической правды. Это относится, помимо прочего к мотивам которые заставили Рудольфа Гесса полететь в Англию и целям с которыми он это сделал.

Доказательства, которые я подготовил, собраны в трёх документальных книгах. В виду ускорения процесса, которого желает трибунал, я откажусь от цитирования вообще любых документов из первой книги и прошу трибунал обратить внимание только на те части документальной книги, которые отмечены красным. Я прочту единственные письменные показания в конце документальной книги и это письменные показания бывшей секретарши подсудимого Рудольфа Гесса Хильдегард Фат, и я кроме того я прочту…

Председатель: Доктор Зейдль, если вы перешли от своих замечаний к рассмотрению документов, я думаю сейчас правильно заметить вам, что не может быть никакого оспаривания компетенции суда. Статья 3 предусматривает, что трибунал не должен оспариваться ни обвинением, ни защитой и не может заслушивать аргументацию по данному предмету. Итак, вы можете продолжать со своими документами.

Зейдль: Кроме того из второго тома будут зачитаны запись беседы между подсудимым Рудольфом Гессом и лордом Саймоном[432], которая состоялась 10 июня 1941 в Англии. Для того, чтобы не прерываться на оглашение документальных

[432] Джон Саймон (1873 — 1954) — английский государственный деятель. Саймон — один из трех политиков, которые за свою карьеру были и министрами внутренних дел, и министрами иностранных дел, и канцлерами казначейства. Саймон также занимал должность лорда-канцлера, самую высшую позицию в британской правовой системе.

доказательств, я сегодня прочту только письменные показания Хильдегард Фат, страница 164 документальной книги. Письменные показания гласят следующее:

«Будучи уведомленной о последствиях дачи ложных письменных показаний, я заявляю под присягой о следующем, что должно быть представлено Международному военному трибуналу в Нюрнберге:

Затем идут «личные сведения», и я цитирую дословно из цифры 2:

«Я работала личной секретаршей заместителя фюрера Рудольфа Гесса в Мюнхене с 17 октября 1933 до его полёта в Англию 10 мая 1941.

Начиная с лета 1940, я не могу вспомнить точное время, я, по приказу Гесса собирала секретные отчёты о погодных условиях на Британских островах и Северном море и передавала их Гессу. Я получала отчёты от капитана Буш. Отчасти я также получала их от фройлян Шперр, секретарши Гесса при его штабе связи в Берлине.

Перед своим отлётом в Англию Гесс оставил письмо, которое вручили фюреру в тот момент, когда Гесс уже приземлился в Англии. Я читала копию письма. Письмо начиналось более или менее такими словами:

Мой фюрер, когда вы получите это письмо, я буду в Англии. Я не помню точную формулировку письма. Гесс в основном рассматривал в письме предложения которые он хотел представить Англии для того, чтобы добиться мира. Я уже не помню подробностей урегулирования. Однако я точно помню, что ни слова не говорилось о Советском Союзе или же мысли о том, что мирный договор должен быть заключён с Англией для того, чтобы иметь свободный тыл на другом фронте. Если бы это обсуждалось в письме это бы точно впечаталось в память. Из содержания письма складывалось чёткое впечатление о том, что Гесс предпринял экстренный полёт для того, чтобы предотвратить кровопролитие и для того, чтобы создать благоприятные условия для заключения мира.

В качестве секретарши на протяжении долгого времени я хорошо узнала Рудольфа Гесса и его отношение к некоторым вопросам. Если сейчас мне говорят о том, что в письме рейхсминистра юстиции рейхсминистру и начальнику рейхсканцелярии доктору Ламмерсу от 17 апреля 1941 говорилось о том, что заместитель фюрера обсуждал введение телесного наказания против поляков на аннексированных польских территориях, я не могу поверить в то, что такое отношение ведомства под руководством Гесса было вызвано его личным решением. Такое предложение полностью противоречило бы поведению и отношению заместителя фюрера которое он выражал в отношении схожих вопросов по другим поводам».

Я воздержусь от оглашения письменных показаний свидетельницы

Ингеборгы Шперр, страница 166 документальной книги.

Из первых двух томов документальной книги я всё же оглашу, как я уже сказал, только такие части дискуссии между Гессом и лордом Саймоном. Однако, для того, чтобы не прерывать отчёт о дискуссии, я прошу разрешения трибунала огласить этот документ в трибунале в следующий понедельник?

Председатель: Да, конечно. Вы не хотите сейчас продолжать?

Зейдль: С разрешения трибунала я сейчас остановлюсь.

Председатель: У вас есть ещё один документ, который вы хотите представить?

Зейдль: Я прошу прощения? Да, есть кое-какие документы в томе 3 документальной книги, но, однако, я предпочту представить эти документы непосредственно трибуналу.

Председатель: Очень хорошо, доктор Зейдль, если хотите, мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 23 марта 1946*]

День восемьдесят девятый

Суббота, 23 марта 1946

Утреннее заседание

Председатель: Вы проконсультировались с защитой о том, в каком порядке она хочет рассмотреть эти дополнительные ходатайства?
Максвелл-Файф: У меня есть порядок, который имеется у трибунала, начиная со Штрайхера.
Председатель: Наверное, так будет лучше всего. Представитель Штрайхера готов? Доктор Маркс?
Максвелл-Файф: Да, доктор Маркс здесь.
Маркс: Уважаемый суд, господин председатель, от имени подсудимого Штрайхера я ходатайствовал о вызове Фрица Херверта в качестве свидетеля в трибунале. Этот свидетель является человеком который находился в непосредственной близости к подсудимому Штрайхеру долгие годы и который ввиду этого в состоянии представить информацию обо всех политических событиях, что может различными способами повлиять на решение и приговор по делу Штрайхера. В частности, я ходатайствовал об этом свидетеле, потому что он присутствовал в ночь с 9 на 10 ноября, когда у подсудимого Штрайхера состоялось совещание с руководителем СА фон Оберницем[433], на котором фон Оберниц проинформировал Штрайхера о том, что он, Оберниц, получил приказ провести демонстрации против еврейского населения в эту ночь. Штрайхер установит, что он сказал господину фон Оберницу о том, что он, Штрайхер будет держаться подальше от этого дела, о том, что он считал демонстрацию ошибкой, и не одобрял её. Оберниц потом заявил о том, что он получил приказ из Берлина и должен его выполнять. Это может…
Председатель: Сэр Дэвид, вы возражаете изменению предыдущего распоряжения?
Максвелл-Файф: Милорд, мы не видим никакого изменения в ситуации о которой решил трибунал, но мы не хотим снова выступать против устного вызова свидетеля, за исключением того, что мы должны отметить, что нет никакого изменения. Все эти вопросы рассматривались трибуналом. Если трибунал считает, что было бы лучше вызвать свидетеля устно, тогда у обвинения нет никакого возражения.
Председатель: Эти опросные листы составлены?
Маркс: Нет, пока не составили. Я прошу прощения господин председатель, этот вопрос задан в связи со свидетелем Хервертом?
Председатель: Да.

---
[433] Ганс-Гюнтер фон Оберниц (1899 – 1944) – обергруппенфюрер СА. В 1939-1944 депутат Рейхстага. Погиб в авиакатастрофе.

Маркс: Да, вопросы свидетелю составлены, вопросы которые желает подсудимый…

Председатель: Доктор Маркс, мы это рассмотрим повторно. У вас есть кое-что ещё, доктор Маркс? Вы хотите какой-то документ, вы получили документ о котором просили, не так ли или вы не просили об этом?

Маркс: Господин председатель, могу я сказать? На самом деле, я хочу попросить о том, чтобы мне предоставили оба документа. То есть, вопрос иска против Карла Хольца в 1931, и материалы дисциплинарного разбирательства в отношении Юлиуса Штрайхера, о которых я, к сожалению, не могу назвать год. Это может быть 1931.

Председатель: Но, доктор Маркс, разве мы по согласованию с обвинением не исключили отрывок из документа, который являлся критикой подсудимого Штрайхера? Разве это не делает эти доказательства совершенно несущественными?

Максвелл-Файф: Это было про свидетеля Лотара Штрайхера, сына, о беседе которая состоялась в тюрьме о чём есть некие предположения, и это исключили из протокола с согласия обвинения. Признаюсь я не знаю, являются ли дисциплинарные разбирательства по вопросу Штрайхера…

Маркс: Прошу прощения, господин председатель. Могу я сказать? Вопрос в котором фигурирует Лотар Штрайхер это из отчёта Геринга о визите или беседе Штрайхера с тремя малолетними преступниками во время, которого Штрайхер предположительно выразил уродливое и неподобающие поведение. Лотар Штрайхер был назван мной в качестве свидетеля для того, чтобы дать показания о том, что тогда этого не случилось. Это в связи с отчётом комиссии Геринга, в то время как другой вопрос это дисциплинарное наказание. Это разбирательство закончилось в 1931 в дисциплинарном суде Мюнхена.

Председатель: Разве всё это не связано с предполагаемым правонарушением Штрайхера?

Максвелл-Файф: Милорд, у меня сейчас есть подробности, если я могу их зачитать. Думаю, это станет ясным. Первое ходатайство относительно разбирательства в отношении Карла Хольца гласит:

> «Запрошенный документ будет использован для того, чтобы доказать следующие факты:
> Во время разбирательства доктор Эрих Бишоф[434], авторитет по Талмуду[435] из Лейпцига дал показания под присягой о том, что в еврейской религиозной книге Зохар[436] был закон разрешавший ритуальное убийство».

Председатель: Но сэр Дэвид, есть два разных ходатайства, не так ли? Есть

[434] Эрих Бишоф (1865 — 1936) — германский гебраист и ориенталист, антисемит.
[435] Талмуд — свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма.
[436] «Зоар» (Зогар, Зохар, или «Сефер ха-Зоар» («Сефер ха-Зогар»);, — литературный памятник еврейского народа на арамейском языке, мистико-аллегорический комментарий к Пятикнижию Моисея.

ходатайство о еврейской религиозной книге, и затем есть ещё одно ходатайство по поводу процесса Карла Хольца.

Максвелл-Файф: Милорд как я понимаю, это ходатайство озаглавлено «Материалы по делу Карла Хольца» и некоторые материалы процесса Карла Хольца согласно ходатайству доктора Маркса заключались в показаниях доктора Эриха Бишхофа о Талмуде, и ходатайство продолжает о том, что «эти факты относятся к моей защите по следующим причинам: обвиняемый желает доказать материалами судебного дела» - то есть, материалами процесса по Хольцу – «что «Der Sturmer[437]» не рассматривал вопрос о ритуальном убийстве вопреки своим сведениям». То есть, как я понимаю, «Der Sturmer» рассматривал ритуальное убийство согласно сведениям доктора Бишофа, как сказано на процессе. Это, по моему покорному соображению, быдет полностью не относится к делу.

Председатель: Какая дата у этой религиозной книги? Она была написана в Средние века, не так ли?

Максвелл-Файф: Милорд, думаю так, и её представил 30 октября и 4 ноября 1931 доктор Бишоф.

Затем, милорд, второе, чтобы было ясно, чтобы вы имели в виду ваша светлость – это материалы дисциплинарного разбирательства по делу Штрайхера в дисциплинарном суде Мюнхена.

> «Запрошенные документы будут использованы для того, чтобы доказать следующие факты:
>
> Обвиняемый желает доказать представлением этих материалов, что его уволили из профессии не из-за недостойного поведения, а по политическим причинам и с выплатой части содержания».

Лично я не вижу в этом никакой относимости, но, наверное, доктор Маркс может проинформировать трибунал.

Председатель: Ему это вменяется в обвинительном заключении?

Максвелл-Файф: Нет, не говорится ни о каком уголовном преступлении кроме антиеврейских оснований.

Председатель: В связи с этим обвинение согласилось исключить любую ссылку на этот инцидент, не так ли?

Максвелл-Файф: Я не уверен, что этот тот же самый инцидент, но обвинение согласилось исключить ссылку на это в протоколе, по моим сведениям – любую ссылку на такого рода вопрос. Это было про обращение с мальчиками в тюрьме.

Маркс: Господин председатель, могу я пояснить вопрос, сделав сейчас несколько заявлений. Защита подсудимого Штрайхера ходатайствовала о материалах дела по дисциплинарному делу по следующим причинам.

---

[437] «Штурмовик» — еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами). Издавался в Нюрнберге гауляйтером Франконии Юлиусом Штрайхером. Выходил в конце недели. В нём печатались преимущественно статьи, лозунги и карикатуры, возбуждающие ненависть к евреям; публиковались также материалы против католиков, крупных капиталистов, коммунистов и других «врагов Рейха»

Русский прокурор спросил Штрайхера о том, был ли он уволен с должности из-за морального правонарушения и поэтому необходимо иметь материал этого дисциплинарного дела. Этот материал покажет, что Штрайхера не увольняли из школы из-за недостойного поведения, а из-за его политического отношения. Это один момент. И совершенно помимо этого, это вопрос Лотара Штрайхера предположительно действующего в качестве свидетеля. Этот вопрос указан в отчёте комиссии Геринга о трёх малолетних правонарушителях которых посетил Штрайхер и в связи с чем он предположительно виновен в недостойных манипуляциях и жестах.

Теперь я перехожу к вопросу доктора Бишофа, господин председатель. Этот вопрос касается следующего: Штрайхер обвиняется, в связи с цитатами из Талмуда или цитатами связанными с ритуальным убийством либо в консультировании или неправильном переводе или недостаточном установлении фактов, своевольном и сильно пренебрежительном способе.

Председатель: Доктор Маркс, когда вы говорите, что его укоряют этим, то такого нет в обвинительном заключении. Никакое такое обвинение не сделано в ходе дела обвинения. Обвинение в отношении него заключается в том, что он провоцировал немецкий народ на эксцессы против евреев, но не в ошибочном цитировании какой-то еврейской книги, а ссылкой на еврейские книги Средних веков.

Маркс: Я воспользуюсь возможностью обратить внимание на тот факт, что наоборот, обвинитель, подполковник Гриффит-Джонс представляя дело против Штрайхера прямо ссылался на этот пункт и обвинял Штрайхера в наличии лучших сведений, нежели Талмуд. И соответственно важно сверится с делом Хольца, потому что в нём свидетелем доктором Бишофом установлено как возникли цитаты. Этот доктор Бишоф признанный учёный. Но, господин председатель можно сократить дело, если обвинение сегодня скажет о том, что весь вопрос ритуального убийства не является предметом обвинительного заключения. Тогда из процесса будет устранён элемент который затягивает дело, и который не играет важной роли в отношении подсудимого и не имеет никакого отношения к обвинительному заключению.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы было совершенно понятно. Важный момент в деле обвинения заключается в использовании предположения против евреев о том, что они совершали ритуальное убийство. Если кто-то что-то берёт, из книги Средних веков и воспроизводит это для того, чтобы обычному читателю была понятной практика евреев или причина не любить евреев, тогда обвинение говорит о том, что это злодейский способ разжигания ненависти к евреям. Может или нет, кто-нибудь найти в средневековой книге замечание о ритаульных убийствах это не имеет никакого значения. Суть обвинения заключается в использовании обвинения в ритуальном убийстве в качестве метода разжигания ненависти к евреям сегодня. В этом заключается дело, с которым должен разбираться подсудимый.

Председатель: Мы рассмотрим ходатайство.

Маркс: Я прошу прощения! Я считаю необходимым, вместе с тем, ответить хотя бы кратко на заявления предыдущего выступавшего сэра Дэвида Максвелл-Файфа. Это факт, что специальный номер спорного «Der Sturmer» делал ссылку на конкретный ритуальный процесс который состоялся в Пицеке в Моравии или Богемии и во время которого также фигурировал этот вопрос. Таким образом, не является правдой, что подсудимый Штрайхер основывался только на средневековом суеверии, напротив он рассматривал материал взятый из современной правовой истории, используя материал подлинность которого я не могу установить, но от которого я не могу отказаться как от неправильного и который трибуналу, наверное, тоже нужно исследовать. Вот почему я говорю о том, что тему вообще не нужно затрагивать. Так как здесь есть просто вопрос того действовал ли Штрайхер из добрых побуждений или нет, и если он может сказать, что процессы такого рода проводились и судьи не были единогласными, тогда нельзя фактически говорить о том, что он действовал вопреки своей осведомлённости. Вот, что является существенным. Таким образом, я лично предпочту исключить этот вопрос, если обвинение в целом не считаете эту тему частью обвинительного заключения.

Председатель: Мы рассмотрим ходатайство.

Максвелл-Файф: Следующее в списке, милорд, ходатайство подсудимого Геринга о майоре Буксе, произносится как Б-у-к-с. Я спросил доктора Штамера не будет ли он любезен сказать мне является ли этот господин тем же кого попросил в качестве свидетеля подсудимый Йодль, под названием «Б-у-х-с». Я понимаю, что трибунал одобрил его в качестве свидетеля подсудимого Йодля, и доктор Штамер будет иметь возможность задать ему вопросы.

Штамер: Я согласен.

Максвелл-Файф: Следующее, это ходатайство подсудимого фон Риббентропа. Он просит господина Хильгера[438] в качестве свидетеля. Основанием для ходатайства является то, что доктор Хорн и подсудимый Риббентроп выяснили, что свидетель Гаусс[439] о котором они попросили, не смог оказать такое содействие какое от него ожидали и они пожелали кроме того Хильгера. Взгляд обвинения заключается в том, что подсудимый может иметь либо Хильгера или Гаусса в качестве свидетеля и опросный лист для другого, и мы не имеем возражения доставке свидетеля Хильгера в Нюрнберг для консультации.

Симерс: Сейчас я представляю доктора Хорна, защитника подсудимого Риббентропа. На самом деле, я хотел попросить сэра Дэвида немного отсрочить вопрос, так как я попросил доктора Хорна прийти сюда лично. Мы, защита, не информированы о том какие ходатайства рассматриваются сегодня. Поэтому доктор

[438] Густав Хильгер (1886 — 1965) — германский дипломат. В 1923 – 1941 сотрудник посольства Германии в СССР.

[439] Фридрих Гаусс (1881 – 1955) – немецкий дипломат. Начальник правового департамента МИД Германии в 1923-1943.

Хорн сейчас отсутствует. Но я думаю, что если трибунал согласен, вопрос можно рассмотреть сейчас, насколько мне известно, но я должен сначала поговорить с доктором Хорном, в любом случае, я говорю без предубеждения.

Председатель: Я не знаю, что вы имеете в виду под отсутствием сведений об этих ходатайствах. Вчера я сделал заявление о дополнительных ходатайствах, о свидетелях и документах рассматриваемых этим утром. Я не понимаю то, что вы говорите о том, что не знали, что будут делать. Трибунал не имеет возражения рассмотрению этого, когда доктор Хорн будет здесь, если он придёт вовремя.

Симерс: Да, и могу я предложить о том, что если доктор Хорн не вернётся вовремя, я готов решить с ним вопрос, тогда я смогу это сделать.

Председатель: Очень хорошо.

Маркс: Извините, господин председатель, могу я сделать ещё одно очень короткое заявление? Штрайхер сейчас проинформировал меня о том, что я должен заявить о том, что он отказывается от свидетеля Лотара Штрайхера. Поэтому, если рассматривать вызов данного свидетеля, тогда я заявляю о том, что защита отзовёт ходатайство о нём.

Председатель: Разве это разрешали – Лотара Штрайхера?

Максвелл-Файф: Он был свидетелем, которого не допустили при условии, что обвинение ходатайствует об исключении из протокола этого отрывка и мы согласились с этим.

Председатель: Да

Максвелл-Файф: Следующее ходатайство от имени подсудимого фон Папена.

Председатель: Минуточку, сэр Дэвид. Письмо об отзыве заявления о свидетеле Лотаре Штрайхере зачитывали под протокол?

Максвелл-Файф: Я не знаю, зачитывали ли его под протокол. Его направили суду.

Председатель: Лучше предъявить его как документ.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости. Милорд, следующее ходатайство от имени подсудимого фон Папена, который просит о том, чтобы свидетеля Йостена[440] который одобрен трибуналом в качестве свидетеля, заменили на письменные показания, которые уже имеет представитель, и доктор Кубушок просит о том, чтобы Кролля[441] разрешили в качестве свидетеля. Милорд, положение относительно Кролля заключается в том, что обвинение заявило о том, что он не относится к делу, но трибунал допустил опросные листы для Кролля и поэтому обвинение принимает решение трибунала о том, что таким образом он относится к делу. В связи с этим, так как доктор Кубушок отказался от одного свидетеля, мы считаем, что не можем возражать его доставке в качестве устного свидетеля, поскольку трибунал решил о том, что его показания относятся к делу.

---

[440] Конрад Йостен (1912 – 1994) – историк науки. В 1934-1935 сотрудник Франца фон Папена.

[441] Ганс Кролль (1898 – 1967) – немецкий дипломат. В 1936-1943 сотрудник немецкого посольства в Турции

Председатель: Да, и относительно Йостена, вам представили письменные показания?

Кубушок: Да, я только, что получил их с его подписью. Свидетель Йостен явился сегодня и подписал письменные показания.

Председатель: О чём я думаю, это то, что обвинение может потом пожелать его перекрёстно допросить.

Максвелл-Файф: Мы пока не видели письменные показания, милорд, виноват. Я разберусь с этим.

Председатель: Результатом будет то, что оба свидетеля должны быть здесь.

Максвелл-Файф: Милорд я это учту.

Председатель: Я понял, что доктор Кубушок имел в виду письменные показания, а не опросный лист.

Кубушок: Да, письменные показания под присягой.

Максвелл-Файф: Милорд, наверное, трибунал отложит решение по данному пункту, пока у меня не будет шанса рассмотреть письменные показания, и тогда я сообщу доктору Кубушоку и трибуналу.

Председатель: Да, очень хорошо.

Кубушок: Могу я, господин председатель, сказать о другом деле. Мне разрешили свидетеля фон Чиршки[442], который сейчас в Англии для устного допроса. Свидетель написал трибуналу о том, что ему сейчас сложно отсутствовать из Англии и просит о том, чтобы его показания взяли в письменном виде. Я согласен с этим и разработал опросный лист, который сейчас представлен трибуналу. И снова это означает, что ещё один свидетель отпал, Чиршки, также как и Йостен, поэтому я серьёзно прошу о том, чтобы свидетель Кролль был допущен как устный свидетель, поскольку это значительно сэкономит время.

Председатель: Сэр Дэвид, вы не имеете этому возражения?

Максвелл-Файф: Нет, я не имею возражения этому. Я должен рассмотреть отдельные перекрёстный опросные листы для свидетеля, но это не касается положения свидетеля доктора Чиршки.

Следующее это ходатайство подсудимого Розенберга о документе – письме Гитлера Розенбергу от 1924. Этот документ относится к антисемитизму Розенберга. Насколько мне известно, обвинение не имеет ни одного из этих документов, но доктор Тома сможет пояснить, что он хочет. У меня нет возражения этим документам при их обнаружении.

Тома: Господин председатель, могу я сначала обратить ваше внимание на тот факт, что моё ходатайство о документе – письме Розенберга Гитлеру в котором Розенберг просит о том, чтобы не быть кандидатом в Рейхстаг, мне вручили. Это ходатайство таким образом урегулировано. Во-вторых, я…

---

[442] Фриц фон Чиршки (1900 — 1980) — немецкий дипломат и политик. Представитель консервативного сопротивления национал-социализму. В 1933-1935 референт Франца фон Папена. Эмигрант.

Председатель: Секундочку, доктор Тома. Вы отзываете это ходатайство, потому что у вас есть письмо, не так ли? Вы сказали: «С учётом этого, ходатайство разрешено». Вы имеете в виду, что вы отзываете ходатайство?

Тома: Нет, господин председатель. Трибунал уже разрешил мне представить этот документ как только я его найду. Оно уже найдено.

Кроме того, я хочу обратить внимание на тот факт, что документ, в котором Розенберг писал Гитлеру и просил об освобождении с должности главного редактора «Volkischer Beobachter» мне также одобрен. Но я его пока не получил.

В-третьих, могу я попросить о том, чтобы мне одобрили два других документа. Два документ, которые во время допроса обвинение уже показывало Розенбергу. Первый это распоряжение Гитлера Розенбергу в июне 1943 в котором Гитлер инструктирует Розенберга ограничивать себя принципиальными восточными вопросами…

Председатель: Доктор Тома вы рассматриваете ходатайства, которые не изложены в письменном виде, не так ли?

Тома: Да, я уже представил их в письменном виде.

Председатель: Пока я вижу у себя только два ходатайства.

Одно про письмо Гитлера Розенбергу от 1924, и другое в связи с тремя книгами про евреев. Это единственные ходатайства которые у меня есть.

Тома: Господин председатель, я уже заявил эти ходатайства в открытом заседании и насколько мне известно, я представил их в письменном виде ещё раньше? заявив их в открытом заседании. Фактически я получил ответ в отношении двух документов о которых ходатайствовали. Но на два ходатайства ответ отсутствует. Поэтому я прошу разрешения трибунала снова представить эти два ходатайства в письменном виде.

Председатель: Да, вы вправе это сделать, если вы их поясните. Вы просите о двух документах и первый, как я понимаю, это распоряжение от июня 1943. Правильно?

Тома: Правильно. И следующий документ это письмо от Гитлера Розенбергу в котором Гитлер информировал Розенберга о причинах, по которым он не хотел работать в Рейхстаге и не хотел участвовать в выборах. Но я напоминаю, что представил это ходатайство в письменном виде и прошу снова его представить.

Председатель: Да, ходатайство будет рассмотрено. Вы ссылаетесь на документ 1924 письмо Гитлера Розенбергу от 1924?

Тома: Да, 1923 или 1924. Тогда господа у меня есть фундаментальное ходатайство по вопросу антисемитизма. Я прошу, чтобы мне разрешили несколько исторических сочинений, они касаются вопроса о том почему еврейская проблема существовала в Германии, мне кажется с восьмого века, и почему преследования евреев постоянно происходили в Германии. Этим я хочу установить, что в связи с этим мы касаемся трагического факта который нельзя понять рационально. Представив доказательства из еврейской и христианской теологической литературы я хочу доказать, что мы не

рассматриваем здесь тот факт, что немецкий народ повели по пути уничтожения евреев, и о том, что влияние национал-социалистической партии было таким, что привело немецкий народ к такой ненависти к евреям, но о том, что скорее здесь имеются иррациональные условия и это признавали и еврейская и христианская литература. Я также хочу установить, что интеллектуальный спор между еврейством и немецкой расой существовал чисто на интеллектуальном уровне, и фактически чисто интеллектуальным способом, потому что Мориц Гольдштейн[443] сказал в 1911 – я привожу только один пример – о том, что евреи в Германии распоряжаются интеллектуальным богатством Германии. Таким образом, это является вопросом изображения проблемы в Германии, роль иуадаизма в культурной истории Германии, и почему такой резкий контраст между иуадаизмом и немецкой расой существовал здесь в Германии. Я намерен процитировать в связи с этим только литературу, но мне кажется, что мои заявления в заключительной речи не будет достаточно убедительными для суда, если я не процитирую научно-признанные, научные сочинения. Вот всё, что меня интересует.

Председатель: Доктор Тома ваше ходатайство будет рассмотрено.

Максвелл-Файф: Следующее ходатайство от имени подсудимого Шпеера, который просит о ряде документов касавшихся центральной плановой комиссии. Я не имел возможности проверить эти экземпляры, но если, как мне кажется, это то, что приобщил господин судья Джексон в перекрёстном допросе подсудимого Геринга, я думаю, все они являются экземплярами которые имеет обвинение и они относятся к подсудимому Шпееру. Если он их не имеет, тогда мы предпримем всё, что можно, чтобы вручить им копии.

Председатель: Сэр Дэвид, вы сказали, что они все предъявлялись подсудимому Герингу в перекрёстном допросе и либо экземпляры, либо документы, но если их предъявляли подсудимому Герингу они должны быть экземплярами…

Максвелл-Файф: Да, ваша честь, они должны быть экземплярами, я не имел возможности их проверить, но если их представили суду, они должны быть экземплярами.

Следующее ходатайство от имени подсудимого Зейсс-Инкварта об опросных листах для доктора Юбиррейтера. Трибунал вспомнит, что он был гауляйтером одного небольшого австрийского гау и участником национал-социалистического движения в Австрии. У меня нет возражения представлению этих опросных листов.

Председатель: Он дал ещё одни письменные показания, не так ли, день или два тому назад?

Максвелл-Файф: Да, сэр. Это были другие для подсудимого Геринга. Доктор Юбиррейтер имеет некоторые сведения о положении в Австрии. Единственный вопрос заключается в требованиях и конкретному предмету опросных листов. Я не

---

[443] Мориц Гольдштейн (1880 – 1977) – немецко-американский автор и журналист.

знаю. Я оставляю за собой выражение позиции о формулировке вопросов.

Председатель: Вы видели опросный лист?

Максвелл-Файф: Нет, милорд.

Председатель: Их нам передали.

Максвелл-Файф: Извиняюсь, милорд. Я их видел. Моя ошибка. Доктор Юбиррейтер попадался на глаза раз или два. Я видел это ходатайство. И единственное возражение обвинения заключается в несколько наводящей форме заданных вопросов, и наверное мои друзья господин Додд и полковник Болдуин, могу поговорить об этом с доктором Кубушоком или тем кто представляет Зейсс-Инкварта, до того как их отправят.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Следующее, это ходатайство в отношении Заукеля. Доктор Кубушок сказал мне о ещё одном ходатайстве от имени Зейсс-Инкварта которое не находится у меня. [*Обращаясь к доктору Кубушоку*] Наверное, вы это поясните?

Кубушок: Подсудимый Зейсс-Инкварт просит разрешения об опросном листе свидетелю Боле. В допросе этого свидетеля трибуналом отказано на том основании, что это кумулятивные доказательства. Подсудимый Зейсс-Инкварт снова просит о том, чтобы эти вопросы были выяснены на этот раз с помощью опросного листа. Свидетель важен так как в частности предмет показаний не может быть установлен посредством других прямых свидетелей. Другие свидетели, которые названы в связи с этим могут сказать только о том, что им говорил Боле. Относительно подлинных событий Боле является единственным кто может сделать заявления основываясь на собственных сведениях.

Председатель: Доктор Кубушок, если другие свидетели собираются дать то, что мы называем показаниями по слухам, о том, что они слышали от Боле, почему не попросили Боле вместо одного из этих свидетелей?

Кубушок: Я не знаю о намерении своего коллеги, который защищает Зейсс-Инкварта. Всё, что я знаю это то, что он попросил дополнить здесь косвенных свидетелей, но мне сказали о том, что Боле рассматривается в качестве непосредственного свидетеля, и потому что следует ожидать, что остальные свидетели для которых вопрос не столь важен могут не помнить некоторые моменты.

Председатель: Сэр Дэвид, вы хотите, что-нибудь сказать?

Максвелл-Файф: Трибунал вспомнит, что я проинформировал трибунал о том, что все вопросы о Боле являются такими же как о свидетеле фон дер Вензе за исключением двух, которые как я думаю, касаются реквизиции грузовиков и о которых можно мало поспорить. Таким образом, обвинению кажется, что здесь было ясное доказательство того, что этот свидетель полностью кумулятивный. Допрос такой же, слово в слово, как допрос свидетеля фон дер Вензе.

Кубушок: Разумеется, в первоначальных ходатайствах чётко не говорилось о том,

что другие свидетели знают только то, что слышали от Боле. Фактически, мы здесь касаемся доказательств об инструкциях отданных лично Боле, по которым он конечно же является лучшим свидетелем. При необходимости мы согласны с тем, чтобы предмет доказывания был устранён, что касается остальных свидетелей.

Председатель: До тех пор пока вопрос не согласован, трибунал вряд ли решит о нём не посмотрев на опросный лист для Боле, и на опросные листы для других свидетелей. Устраивает ли, если мы одобрим этот опросный лист при условия, что если впоследствии окажется, что другие опросные листы при рассмотрении окажутся кумулятивными, их можно не учитывать?

Максвелл-Файф: Разумеется, что касается меня.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Следующий это подсудимый Заукель и доктор Серватиус, и господин Робертс из моего штата рассмотрят это совместно. Доктора Серватиуса здесь нет. Наверное, господин Робертс сможет рассказать трибуналу о том чего они добились.

Робертс: Доктор Серватиус представил список приблизительно из 90 документов, внушительное количество, но большинство из них это короткие выдержки из различных распоряжений и приказов по поводу использования рабочей силы, и сложно найти какую-нибудь причину возражать им. Доктор Серватиус по моему предложению согласился изъять из списка около 10-15 как кумулятивных. Есть четыре документ относящиеся к предполагаемому плохому обращению с рабочими в руках противников Германии, чему я возражаю на той основе, что они не относятся к делу и об этих документах будет необходимо решение трибунала как о принципиальном вопросе.

Милорд, так как доктор Серватиус не смог, как я понимаю, быть здесь сегодня, наверное, мы можем обсудить вопрос с генеральным секретарём по его возвращении в начале следующей недели, для того, чтобы вопрос можно было представить удобнее и более или менее согласовать форму для трибунала.

Председатель: Да.

Значит, вы не смогли придти к соглашению о свидетелях, не так ли?

Робертс: Милорд, я думал, что положение о свидетелях заключается в следующем: сэр Дэвид несколько недель тому назад обсуждал это в трибунале и доктор Серватиус это обсуждал и сэр Дэвид уступил вызову шести свидетелей и письменным показаниям от других. Это рассмотрел доктор Серватиус, и он представил свой окончательный и сильно урезанный список из 11 свидетелей, который я вручил сотруднику трибуналу, и который, как я понимаю, находится у трибунала.

Председатель: У вас тут есть дата? Это 4 марта 1946?

Робертс: У меня есть документ на немецком…

Председатель: Вижу.

Робертс: И позиция обвинения полностью выражена сэром Дэвидом, когда уже рассматривались эти вопросы, и теперь по сути решать трибуналу об этих утверждениях – одно о 6 свидетелях и другое о 11. Каким будет его решение…

Председатель: Сэр Дэвид здесь кончается перечисление. Есть то, что мы получили позже.

Максвелл-Файф: Есть одно от подсудимого Франка который просит опросные листы для посла Мессерсмита. Это было одобрено трибуналом на организационном заседании. Это не заявлялось в объединённых ходатайствах представителей, но заслушивалось в открытом заседании. Очевидно, нет никакого возражения, что обвинение осведомлено об этом.

Затем подсудимый фон Риббентроп просит книгу «Америка в битве континентов» Свена Гедина[444]…

Председатель: Другие подсудимые подготовили опросные листы для господина Мессерсмита, не так ли?

Максвелл-Файф: Да, сэр.

Председатель: Ответы уже получили?

Максвелл-Файф: Их не получили, мне говорят.

Председатель: Сколько прошло со времени их отправки?

Максвелл-Файф: Я выясню, милорд. 21 февраля.

Председатель: Вы видели опросные листы, те что предлагает подсудимый Франк?

Максвелл-Файф: Не уверен.

Председатель: Их пять.

Максвелл-Файф: Положение такое, что мы получили их вчера, и они обсуждаются между моей делегацией и американской делегацией. До меня они пока не дошли.

Председатель: Нам лучше рассмотреть это.

Максвелл-Файф: Следующее ходатайство от подсудимого фон Риббентропа, который просит о книге «Америка в битве континентов» Свена Гедина. Это подпадает под общее использование книг, и если есть отрывки которые хочет использовать подсудимый, если он их представит мы рассмотрим их отношение к делу, когда поступять отдельные фрагменты.

Председатель: Это также будет рассмотрено.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости. Затем есть ходатайство от имени подсудимого Шахта о книге «Предупреждения и пророчества» покойного лорда Ротемира[445]. Тоже самое, я полагаю, относится к этому. Любые отрывки можно показать нам и тогда можно рассмотреть их отношение к делу, когда их попытаются использовать. Доктор Дикс кивает в согласие с этим.

Итак, я понимаю, что есть ходатайство от имени подсудимого фон

---

[444] Свен Гедин (1865 – 1952) - шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель.

[445] Гарольд Хэрмсфорт, лорд Ротемир (1868 – 1940) – крупный английский издатель. Основоположник популярной журналистики.

Нейрата. Я понимаю, что он желает копии допросов доктора Гаусса, который тот самый господин которого указал в качестве свидетеля подсудимый фон Риббентроп. Общее правило трибунала, как я его понимаю, заключается в том, что подсудимые вправе на копии допросов, которые собираются использовать против них, то есть, их собственные допросы и это будет расширением правила, которое может привести к общим трудностям, если распространится на копии допросов других свидетелей. Поэтому обвинение принципиально этому возражает.

Но как я понимаю доктор фон Людингхаузен хочет его для подготовки к делу, если он придёт ко мне и встретиться со мной или моим штатом, его ему, наверное, вручат, и если он укажет какие вопросы ему помогут, мы будем рады обсудить их с ним.

Председатель: Где находится доктор Гаусс?

Максвелл-Файф: В Нюрнберге.

Председатель: Разве доктор Людингхаузен не может с ним встретиться?

Максвелл-Файф: Я это приветствую. У меня нет никакого возражения этому. Это наверное упростит ситуацию.

Председатель: Подходят оба способа, чтобы доктор Людингхаузен встретился с вами…

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: …в связи с допросами и увидел доктора Гаусса здесь в тюрьме.

Максвелл-Файф: Я приветствую оба способа.

Председатель: Очень хорошо, на этом решено.

Максвелл-Файф: Что касается Риббентропа…

Председатель: Доктора Симерса как и доктора Хорна здесь нет, наверное вы можете рассмотреть ходатайство о Хильгере.

Симерс: Да. Я готов сделать это, но поскольку я не переговорил с доктором Хорном, я должен просить о том, чтобы доктор Хорн не был связан моими заявлениями.

Хильгер это свидетель очень большого значения поскольку он был советником посольства в Москве в тот период, когда проводились переговоры о пакте между Россией и Германией, до начала войны с Россией. Поэтому он является лицом которое участвовало во всех переговорах, хорошо знаком с отношением и поступками фон Риббентропа и поэтому лучше всего информирован и является наиболее надёжным свидетелем. Хильгер до сих пор находился позади в качестве свидетеля, так как доктор Хорн просил о после, докторе Гауссе. Но доктор Хорн отзывает или отозвал, своё ходатайство о докторе Гауссе, насколько мне известно, и хочет только, в связи с незначительными моментами, по возможности иметь письменные показания или опросный лист. Я полагаю, что сэр Дэвид согласен с этим, если я представлю это в такой форме.

Председатель: Да, доктор Симерс?

Симерс: Сэр Дэвид любезно выразил свое согласие с таким порядком.
Максвелл-Файф: Милорд, я согласен, как я предложил, что если свидетель Хильгер вызван в качестве устного свидетеля, чтобы опросный лист был подготовлен для свидетеля Гаусса.
Председатель: Очень хорошо.
На этом всё, не так ли?
Максвелл-Файф: На этом всё.
Председатель: Трибунал откладывается для рассмотрения данных вопросов.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 25 марта 1946*]

